Геннадий Фиш

СЕВЕРНЫЕ ПОВЕСТИ

P.K

Геннадий Фиш

СЕВЕРНЫЕ ПОВЕСТИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА · 1953

КЛЯТВА

ИСТОРИЯ ОДНОГО ОТРЯДА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. ПУСТЬ ОСТАНОВЯТСЯ КОЛЕСА!

Никогда не видели здесь, у конюшен ипподрома, в будний день такого оживления, как в это не по-осеннему солнечное ноябрьское утро.

Директора ипподрома не было на месте, и старший конюх, разводя руками, твердил:

— Я ничего не знаю! Я вам ключей не дам!

— Мы тебя не спрашиваем, дашь или нет, — резко отрубил высокий светловолосый человек, одетый, как и пришедшие с ним люди, в синее драповое пальто с широким поясом, к которому была прилажена слегка изогнутая казацкая сабля. — Все, что нам надо, мы берем сами. Забастовка! Понимаешь, по всей Финляндии началась всеобщая забастовка!

Пока конюх препирался с этим высоким, неизвестным ему молодым, так странно одетым парнем, который настойчиво требовал ключи, люди, пришедшие на ипподром вместе с ним, стали сбивать затворы с ворот конюшен.

Человек с саблей у пояса — товарищи называли его Ялмаром — торжественно сказал:

— Объявляю: отныне ипподром конфискован и поступает в распоряжение финляндской Красной гвардии! Имей в виду, — обратился он к конюху, — в твоих же интересах хорошо смотреть за лошадьми. Кони должны быть всегда напоены, накормлены и вычищены. Понятно?

— Они у меня всегда такие! А ты будто знаешь толк в лошадях? — недоверчиво усмехнулся конюх.

Красногвардейцы выводили из конюшен лошадей.

Да, с сегодняшнего дня, с 13 ноября 1917 года, эти люди с гордостью называли себя красногвардейцами. С начала всеобщей забастовки рабочая Гвардия порядка стала именоваться Красной гвардией. Это было боевое звание, освященное великой забастовкой пятого года, Свеаборгским восстанием и кровью русских рабочих, пролитой всего несколько дней назад на Дворцовой площади Петрограда. Да, это были красногвардейцы, хотя на тридцать человек приходилось два маузера, два браунинга и четыре винтовки. Две из них висели за плечами русских матросов, молодых веселых балтийцев.

У остальных красногвардейцев не было оружия — только яркокрасные кумачовые повязки на рукавах да бережно хранимые квадратики розового картона — удостоверения бойцов Красной гвардии.

У Ялмара, их начальника, кроме сабли, висевшей на боку, был еще браунинг. А сабля была для Ялмара не только оружием, но и реликвией... Он получил ее в Петрограде.

В ветреные, снежные февральские дни на крыльях автомобиля Ялмара, — а он был тогда шофером, — бессменно лежали вооруженные люди. Двое суток, не сомкнув ни на минуту воспаленных глаз, он гонял машину по городу, развозя вооруженных рабочих и отбившихся от своих частей солдат. Снимали с чердаков полицейские пулеметные гнезда. И раненый, примкнувший к восставшему народу казак, на прощанье протянул ему свою саблю:

— Бери, товарищ шофер! Ты ее заслужил. Честное слово, ты настоящий казак!..

То были прекрасные, вдохновенные дни! Но плодами февральской революции воспользовалась буржуазия. И только сейчас там, в Петрограде, победила настоящая, рабочая революция... И теперь она будет в Суоми!

«Рабочие, на борьбу за справедливость и хлеб! Пусть остановятся колеса!» — так начиналось воззва-

ние Революционного центрального совета, провозгласившее, что с 13 ноября во всей Финляндии объявлена всеобщая забастовка. Воззвание это было сегодня опубликовано во всех рабочих газетах страны и расклеено на стенах домов, на заборах. И до самого вечера около этих листовок толпились люди, читали их и обменивались мнениями.

Вести о том, что в России власть перешла к трудящимся, что Советское правительство во главе с Лениным, давнишним другом финского народа, вопреки предсказаниям всех «политических пророков», не только удерживает власть уже почти три недели, но с каждым днем становится все сильнее и сильнее, вести о том, что это правительство предложило всем воюющим странам мир, передало землю крестьянам, вдохновляли финских рабочих на борьбу. Вот почему прозвучавший из Хельсинки призыв Революционного центрального совета, созданного для проведения всеобщей забастовки, был восторженно встречен всей трудовой Финляндией.

Вот почему так торжественно Ялмар произносил слово «забастовка»! Оно звучало для него — революция! И так звучало оно в сердцах многих бойцов его отряда.

На дворе в нетерпении били копытами холеные жеребцы — караковые, буланые, гнедые, вороные, английские рысаки, арабские скакуны.

Эти лошади принадлежали самым богатым людям губернии и даже всей страны. Хозяева только для удобства держали их в конюшнях ипподрома, и вот теперь они переходили в распоряжение Красной гвардии.

— Ты хоть бумажку предъяви, по которой забираешь... Или нет, лучше я сам составлю акт, а ты подпишешь, — волновался старший конюх.

— Никаких бумаг я подписывать не стану, обращайся в городской забастовочный совет, — сказал Ялмар.

Он приказал, чтобы каждый красногвардеец немедля выбрал себе лошадь по душе.

Черный статный жеребец ни за что не хотел стоять на месте, он поводил ушами, рыл копытом землю.

— Как коня зовут?

— Араб.

— Ну так вот, я беру Араба себе, — сказал Ялмар.

— Не советую. Жеребец норовист. Он два раза сбрасывал самого хозяина-барона, — искоса взглянул на него конюх.

— Я лошадей не боюсь. Я не барон, а жокей, — ответил Ялмар и взял коня за холку.

— Я не дам седла для этой лошади. Мне попадет от барона, — решительно сказал конюх.

— Где у тебя седла? — Ялмар положил руку на эфес.

Конюх сделался шелковым, а через минуту недоуздок был сброшен и седло валялось на земле у ног Араба. Жеребец грыз удила, и клочья белой пены падали на черную землю. Араб не давал оседлать себя. Он еще больше капризничал, подпрыгивая на месте. Ялмар два раза ударил его по спине шашкой плашмя. Жеребец испуганно заржал и поднялся на дыбы.

Возмущенный старший конюх уронил рукавицы.

— Как?! Бить Араба! Жеребца самого барона Вреде!

Лошадь нехотя взяла железо удил.

Ялмар занес ногу и вскочил в седло. Разобрал повод, взял в шенкеля... Араб стоял как вкопанный. Ялмар снова взял в шенкеля, уже сильнее, и еще ослабил повод. Араб стоял.

Жалко, что не было шпор, — Ялмар вытащил шашку и острым концом кольнул Араба.

Тогда жеребец начал беситься. Он изгибался и подпрыгивал на месте.

Ялмар плотно, коленями, сжал бока лошади. Так крепко сжал, что заныли ноги, и все-таки трудно было удержать равновесие. Он чуть было не ухватился за переднюю луку. Но это было бы позором для кавалериста. Тогда он с силой ударил кулаком жеребца по шее...

Араб, галопируя, поскакал по кругу ипподрома. И вдруг на всем скаку остановился. Но Ялмар ждал

подвоха. Он откинулся назад всем корпусом и, сохранив равновесие, не перелетел через голову жеребца. И все же сердце у него ёкнуло. Он ударил еще раз лошадь кулаком по шее. Араб понял, что на этот раз имеет дело с настоящим кавалеристом, встал и, уже подчиняясь воле всадника, медленно пошел по кругу.

С удил клочьями слетала пена на темную, сырую землю.

— Будет послушным! — крикнул конюху Ялмар и оглянулся.

Все кони уже были оседланы.

Странная кавалькада вылетела за ворота и с гиканьем помчалась по улице. Конюх уже с уважением смотрел вслед Ялмару. Затем вздохнул и стал запирать ворота.

Араб Ялмара шел впереди. За ним во весь опор скакали тридцать всадников.

Лошади застоялись в своих станках и теперь шли очень резво.

Неумелые всадники с трудом удерживались в седлах. Им трудно было справиться со своими лошадьми. Уж на что Ялмар был отличным наездником, — и то он с трудом сдерживал игравшего под ним жеребца.

Араб вырывался вперед и уносил его от отряда.

Ялмар с радостью увидел, что переулок справа идет в гору. Он повернул своего жеребца в переулок. Цокая подковами по булыжнику, за ним поскакал весь отряд. Только при подъеме в гору удалось сдержать эту бешеную скачку.

Красногвардейцы останавливали своих взмыленных коней. Одного неумелого всадника лошадь сбросила на повороте и сейчас стояла около Араба, спокойная, словно ничего не произошло. Красногвардеец, перелетевший через голову лошади, прихрамывая и ругаясь, подымался по крутой улочке.

Отряд рысью поскакал к забастовочному комитету.

Окна многих магазинов были закрыты ставнями и заколочены досками. В переулке всадники увидели,

как молодые парнишки, совсем мальчики, с азартом забивали досками — накрест — двери мастерской.

— Объявлена забастовка, а здесь работают! — крикнул один из них.

11. ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

Навстречу кавалеристам строем шел пеший отряд Красной гвардии. Вместо винтовок на плечах красногвардейцы несли большие толстые палки. У некоторых палки были выточены наподобие ружей.

В одном из последних рядов Ялмар увидел своего отца.

Отец тоже заметил Ялмара, восседавшего на Арабе, и, подняв руку, приветствовал его. Их глаза встретились.

Самые разнообразные ощущения возникли в душе Ялмара.

До недавнего времени он не любил отца. Он помнил, как еще в раннем детстве приходилось ему отрываться от уютного сна.

Отец приходил с работы очень поздно и зачастую пьяный. Пьяный, он не жалел никого, но больше всего доставалось матери.

А мать свою, всегда хлопочущую, бледную и болезненную, Ялмар жалел и очень любил.

Каждый удар, наносимый матери, был для него гораздо больнее, чем те, которые доставались ему самому.

Мать однажды подслушала, как Ялмар убеждал своего старшего брата:

— Давай убьем папу.

Мать перепугалась и стала уговаривать:

— Папа всегда очень много работает, чтобы нас всех прокормить, ему тяжело живется. Он не злой, а дерется только потому, что пьяный.

Когда огорченная мать убежала в соседний дом на постирушку, старший, одиннадцатилетний Илмари, торжественно сказал:

— Видишь, Ялмар, убивать не надо. Маме тогда

будет еще трудиее. А мы давай поклянемся, что иикогда в жизии ие возьмем в рот ии капли спиртного.

И дети дали друг другу эту клятву.

С тех пор миогое довелось Ялмару переиести: был ои и юигой, и жокеем, и машииистом, и шофером, но как ни уговаривали его товарищи, как ни подтрунивали, как ии ругались — ни одной рюмки спиртиого он не осушил.

И вот сейчас старик отец шел рядом с товарищами в строю Красиой гвардии!

Отец приветствовал его, как старого друга, и Ялмар внезапио ощутил прилив товарищеской и сыиовией нежности к этому человеку, который раиьше был для него чужим.

Ои так и продолжал ехать дальше, привстав на стремеиах, даже тогда, когда красиогвардейский отряд уже скрылся за углом, иапевая песню фраицузской революции.

Взволноваиный Ялмар соскочил с Араба у подъезда Рабочего дома — здесь помещался забастовочиый комитет. Весь отряд спешился.

— В этом доме, — сказал одии красиогвардеец (его звали Рагиар), — все дверные ручки и все люстры моей работы.

— А я иастилал там полы, — услышал он в ответ.

В Рабочем доме было людио и суетливо.

Ялмар прошел в комнату председателя комитета, участиика Свеаборгского восстаиия, старого рабочего-жестяищика Айраксинена.

Айраксииеи громко разговаривал со своим заместителем Коски.

— Конечно, ты прав, — говорил ои, — свобода печати — великое дело. Но смотри, что они с ней делают.

Старик вытащил из кармаиа газету, распластал ее на столе и, иадев очки в серебряиой оправе, иашел место, отчеркиутое синим карандашом. С пафосом пасторской проповеди он прочел:

— «Мох ягель — замечательио питательиая и сытная еда. Недаром лаплаидские олени так красивы, сильиы и выиосливы. Но, конечно, нельзя его просто потреблять в сыром виде, как делают это олени.

Однако, если следовать рецептам, помещенным в газете, и собирать растущий повсюду ягель, нехватка хлеба будет не так ощутима. Эти рецепты особенно облегчают положение неимущих слоев населения»... Вот этой свободы печати, которая велит рабочим питаться ягелем и возражает против твердых цен на хлеб, вот этой свободы — кушать ягель вместо масла — мы не допустим. И раз всеобщая забастовка, то уж извини, а таких газеток рабочие печатать не будут.

Ялмар понял, что он пришел в самый раз и его предложение будет принято.

— Товарищи, — сказал он, — я подобрал кавалерийскую группу и предлагаю услуги своего отряда для добывания хлеба.

— Интересно, как вы это сделаете? — иронически спросил Коски и стал ерошить левой рукой шевелюру. Ялмар заметил, что правый рукав у него пуст.

— Так же, как достали лошадей, — конфискуем хлеб, спрятанный у кулаков.

— Вот видишь, что делается, — угрожающе сказал Коски Айраксинену. — Это самоуправство!

— Нет, конфисковать нельзя, а вот обнаружить эти излишки и заставить продать по твердой цене — это можно!

— И в этом случае я тоже умываю руки, — сказал Коски.

«Какие там руки, когда всего одна рука!» — с раздражением подумал Ялмар и сказал:

— Что ж, мои кавалеристы с этим справятся.

Надо было скорее выполнять дело, порученное комитетом. Хлеба в городе было меньше чем в обрез.

В дверях ожесточенно спорили трое рабочих.

— Это безобразие — говорят о рабочем классе и всеобщей забастовке, а сами ведут себя как аристократы!

— В чем дело, товарищи? — спросил Ялмар.

— «Товарищи, товарищи»! — передразнил его первый. — Гусь свинье не товарищ.

— Ну, ну, ие болтай лишиего, — сказал худеиький, с седоватой бородкой человек и объяснил: — Этот Коски говорит, что есть приказ прииимать в Красиую гвардию только члеиов социал-демократической партии. Без члеиских книжек, говорит, иикого нельзя. А если я ие члеи союза, а с буржуями драться могу? Ведь я сызмальства боевой был, и бог меия всегда поддерживал.

— Бог ие бог, — а иа коие умеешь ездить?

— Ясио.

— Ну, тогда иди ко мие в отряд — есть лишняя лошадь.

— Да спасет тебя бог! — сказал обрадоваиио рабочий.

— А ты кто?

— Я сам слесарь, зовут меня Юкка.

— Ну и хорошо. А ты что? — спросил Ялмар старика.

— По той же причиие иедоволеи. Не записывают в Красную гвардию. Я старый социал-демократ. А оии мие говорят — слишком уж старый. А члеиские взиосы платить — ие старый! А жить — не старый! Да если мие виитовку не дадут, я под иоги лахтарю[1] повалюсь — ои иа бегу споткиется и упадет, а наши тут же его и прикоичат.

— На том, отец, и порешим: будешь помогать ухаживать за лошадьми, — сказал Ялмар и скомаидовал: — На коией!

Отряд поскакал по улице и через полчаса уже был иа проселочиой дороге.

III. АЙНО СНИМАЕТ ПЕРЕДНИК

Почти все посетители кафе повскакали со стульев и, оставив иедопитый кофе, бросились к окиам.

В полуотвореиииую дверь ворвались громкие звуки веселой песии, и хотя не все слова можно было разобрать, жеищииы опускали глаза, ииые стыдливо, ииые с возмущеиием.

---

[1] Лахтарь — мясник: так рабочие называли белогвардейцев.

Это была задорная песня, и автор ее не побоялся крепких слов.

Высокая, стройная и сильная кельнерша, которую посетители запросто называли Айно, сняла передник и подошла к старшей экономке, бойкой старухе в белой кружевной наколке.

— Я должна пойти с ними, — сказала она, — это мой красногвардейский отряд.

Экономка всплеснула руками.

— Бог с тобой, Айно! Ты хорошая девушка, зачем тебе ввязываться в мужское дело?

Но Айно, бросив на стул передник, быстро пошла к выходу.

Еще с начала октября она организовала при Рабочем доме кружок санитарок.

В этом кружке девушки — члены социал-демократического союза молодежи — изучали правила первой помощи.

С восьми утра до восьми вечера Айно бессменно работала в кафе. После работы — кружок санитарок, а там — занятия спортом и политический кружок.

Она не успевала высыпаться, и по утрам кофейник дрожал в ее руке.

Старшая экономка замечала это и укоризненно покачивала головой.

— В наше время больше пели и больше танцевали. И работали тоже больше.

Быстро шагая по тротуару вдогонку за своим отрядом, Айно улыбалась, вспомнив удивленное и испуганное лицо старшей экономки, когда та взяла со стула скомканный передник и, бережно приглаживая, начала его складывать.

Красногвардейский отряд уже успел завернуть за угол, и Айно побежала за его бойкой песней.

Навстречу ей по тротуару шли два солдата и матрос; буквы на ленточке бескозырки матроса в свете неяркого ноябрьского солнца блестели серебром. Айно замедлила шаг и оглянулась.

Переулок был безлюден.

Русские воинские части были расквартированы в Финляндии, которая считалась частью Российской

империи. И сейчас финская буржуазия была особенно ожесточена против русских солдат и матросов, которые с восторгом встретили весть об Октябрьской социалистической революции в России и сочувствовали финским рабочим.

Все до одной фиiские буржуазные газеты изо дия в день твердили небылицы о русских солдатах и моряках, натравливая иа иих иаселеиие. Вот почему сердце Айно, которая читала эти газеты, ёкнуло.

Но размышлять было иекогда — русские военные были уже совсем близко.

Она остановилась, еще раз оглянулась и быстро перебежала на другую сторону улицы. Когда она перебегала мостовую, русские военные остановились и стали смотреть иа нее, а матрос даже прокричал ей вслед по-фииски:

— Как вас зовут, милая нэйти[1]?

Это была одна из двух-трех заученных им финских фраз.

Айио оглянулась. Матрос приветливо махиул ей рукой, и трое русских двинулись дальше по улице, горячо споря между собой.

— Нет, раз получен приказ о роспуске армии, я здесь больше и дня ие останусь, с первым поездом поеду в Россию, на родину! В деревне землю сейчас делят, а я здесь прозябать буду? Нет, ни за что! — говорил солдат.

И другой поддакивал ему.

— А я здесь задержусь иемного. Надо помочь финским товарищам, я думаю, что Ленин меня одобрил бы, — отвечал матрос.

Из этих слов Айио пoияла только одно: Леиии, — и ей стало стыдно своего страха.

Она снова заспешила, догоняя отряд.

IV. ХЛЕБ

Все шло даже лучше, чем предполагал Ялмар. Верховой разведчик скакал в селеиие и отыскивал там председателя социалистического клуба. Почти в ка-

[1] Нэйти — барышня.

ждом селе был такой клуб. Председатель рассказывал посланцу Ялмара о тех домах, где живут богато, где есть припрятанный хлеб. Дальше шло так: всадники стремительно мчались к намеченным хозяйствам через канавы, по полю, по лесу, со всех сторон, с гиканьем, с криком.

Ялмар предупредил — надо не въезжать в ворота, а перепрыгивать через плетень.

— Это произведет впечатление.

Он сам влетел на Арабе во двор, а за оградой уже гикали на всем скаку красногвардейцы.

Он вбежал в дом. Богатые хозяева испуганно жались к стене.

В низкой избе Ялмар казался еще выше, чем был на самом деле.

— Я командир красной кавалерии! — громко сказал он. — Нас послал штаб революционного комитета за хлебом для города. Я приказываю вам немедленно же отправить в город тонну зерна... А ну, пишите! — И он продиктовал: — «Обязательство. Я, крестьянин Саволайнен, обязуюсь немедленно привезти в город тонну зерна».

Когда расписка была получена, Ялмар сел за стол и, вытащив из походной сумки блокнот, вырвал листок, набросал копию обязательства и заверил ее.

— А хлеб мне отдавать бесплатно, что ли? — робко произнес богатей.

— Неужели ты нас принимаешь за разбойников? — изумился Ялмар. — Цена же установлена законом, решением сейма: девяносто восемь пенни за килограмм.

И сразу же в избе стало оживленнее — откуда-то появились женщины, дети, подростки, и сам хозяин повеселел. Он, видимо, рад был, что отделался так дешево.

Через полчаса крестьянин уже запрягал лошадь. Из других дворов тоже выезжали телеги. Ялмар их не проверял — нужно было спешить в соседнюю деревню, чтобы успеть засветло.

Оттуда, узнав о прибытии отряда Красной гвардии, пришло несколько парней — членов союза молодежи.

Они рассказали, у каких хозяев в их селении есть много лишнего хлеба. Это были верные сведения.

...Вблизи стояла большая усадьба — старинный баронский замок, сложенный из огромных каменных глыб.

Здесь было много хлеба; здесь же можно и заночевать, а утром двинуться дальше в путь.

Вскоре перед отрядом выросло мрачное здание замка. Владелец его был известен далеко за пределами своих поместий. Это был заносчивый аристократ-швед. Имя его прогремело во всех финских газетах лет десять назад.

Торпари [1], жившие на землях, которым они и их родители отдали труд всей своей жизни, забастовали. Отказались платить оброки, натуральные отработки, повинности и разные поборы и потребовали составления не устных, а письменных арендных договоров.

Это была знаменитая забастовка торпарей.

Надменный швед не стал разговаривать с торпарями. Он просто стал выселять их с помощью полиции, сгонять с земли, которая обрабатывалась ими многие десятилетия. Он выселял торпарей из изб и сносил их. Торпари не могли представить никаких документов, доказывающих их права на землю, и он был безжалостен к ним.

Дело было суровой зимой, а торпари всё люди многосемейные.

Описанием сцен разорения торпарей и их горя в то время были полны газеты. Социал-демократическая партия организовала по всей стране сбор в помощь бастующим торпарям; купила им немного земли — вблизи от пепелищ, — и они там поселились, а некоторые из них теперь работали батраками у помещика.

Об этом деле Ялмар много слышал в дни своей ранней юности и поэтому с любопытством разглядывал нескольких торпарей — участников забастовки, которые вместе с отрядом пришли из деревни в поместье.

За их спинами были большие, плетенные из бересты короба.

---

[1] **Торпари** — мелкие крестьяне-арендаторы.

Один из торпарей, старик, сказал Ялмару:

— Знаешь, мы решили совсем выгнать из замка помещика и разделить его землю между торпарями.

— Это, конечно, ваше дело, — согласился Ялмар.— Поступайте, как вам угодно, и знайте одно — я помещику помогать не буду. Понятно?

Торпари засмеялись.

Такой разговор был им по душе.

Им трудно было понять, почему эта политая их пòтом земля считалась помещичьей.

Ведь помещик, кроме клумбы, сам, своими руками, никакой земли не возделывал.

Ребята готовились к ночлегу. Ялмар сидел в сарае на табурете и, наблюдая за ними, думал свою думу.

Многие красногвардейцы теперь были вооружены охотничьими ружьями, выложенными серебром, пистонными ружьями, двуствольными пистолетами. На вооружение отряда пошла коллекция оружия из большой гостиной замка. Там оружие было развешано по стенам, между старыми гобеленами.

— Не хотят красногвардейцев в этом имении угостить простой кашей? Ладно, зарежьте тогда борова!

И вот сейчас красногвардейцы уже жарили на вертеле свинину, и работницы помещика, смеясь и балагуря, помогали им в их незатейливой стряпне. Другие выгружали зерно из господских закромов. Да, сейчас в этом сарае было и шумно и весело. Но, сидя у костра, в самом центре этого шумного веселья, Ялмар думал свою думу.

V. ОБИДА ПАСТУШОНКА

Эти места ему были так хорошо известны! В двадцати километрах от поместья на берегу озера стоит деревня Листо.

В этой деревне он работал у чужих людей — первый раз в жизни.

Ему было тогда девять лет, и впервые его отдали

из дома к чужим. Знакомый крестьянин отвез его на телеге из города, с рынка, в эту деревню, к богатым крестьянам. У них было двадцать три коровы.

Все лето он работал без единого праздника.

Бывало другие мальчишки-сверстники еще спят, а его уже будят: в пять часов утра нужно было выгонять коров в лес.

Он прятал за пазуху небольшой финский хлебец и уходил из деревни.

Лес был большой, неоглядный, много было болот, и все места совсем незнакомые. И мальчику бывало порой очень страшно. То казалось — идет, хрустя валежником, по лесу медведь, то чудилось, что из болота высовывается какая-то нечисть.

И тогда он прижимался к какой-нибудь корове — белянке или чернушке, и ее тепло немного успокаивало его.

Домой нужно было пригонять коров к восьми часам вечера.

Три раза в то лето терялись коровы в лесу. И тогда хозяин снимал поясной ремень и долго, сосредоточенно драл пастушонка. А хозяйка с шумом передвигала горшки и тарелки. И все-таки ни одна корова не потерялась — к утру она находила свое стадо.

Спал Ялмар в сенях, в уголке, и никто ни разу не спросил, нужно ли ему что-нибудь, вымыт ли он, сыт ли.

Он с нетерпением ждал осени и расчета. Дома были еще малые ребята, и Ялмар мечтал обрадовать мать несколькими марками летнего заработка.

Пришла осень с утренними заморозками, и по ледяной росе приходилось на рассвете босиком выгонять коров на пастбище.

Однажды утром хозяин, взглянув на Ялмара, увидел, что по его рубашке ползет вошь.

Хозяин очень рассердился, стал ругать мальчика неряхой и сказал, что такой человек может заразить весь дом. Уже пришла осень, пусть он немедля отправляется домой.

Ялмару не надо было долго собираться — даже обыкновенного маленького свертка у него не было.

Хозяин дал ему хлеба и сказал:

— Иди!

Ни одного пенни не получил он за работу.

Договора не было, а ведь он жил на хозяйских харчах целое лето.

Ялмар ничего не сказал и вышел на улицу.

В тот день, как и сегодня, ясно светило осеннее солнце.

Он шел босиком по холодной и грязной дороге и думал, что хозяин поступил с ним так несправедливо только потому, что не было дома хозяйки — она с раннего утра на бричке уехала в город, на рынок. О том, что и его могли подвезти на этой бричке в город, километров за тридцать, он в тот день и не подумал.

А хозяйка была молодая и веселая. Когда кто-нибудь из соседей или друзей заходил к ним в дом, она радушно смеялась.

Хозяйка была мастерицей печь пироги.

И хотя Ялмар сам от нее за лето не видел никакой ласки, все же ему казалось, что и на него смотрит она приветливо.

Мальчик, шагая по дороге в город, жалел, что, когда он уходил, хозяйки не было дома.

Так он шел час и два и вошел в лес.

Лес стоял неподвижный, словно завороженный в этот ясный осенний день.

Он услышал еще за поворотом, что кто-то едет навстречу.

Через минуту показалась знакомая бричка. Рыжая кобылка бойко бежала по лесной дороге. На козлах сидела хозяйка, молодая и приветливая.

Сердце Ялмара радостно забилось: вот сейчас она остановит лошадь, скажет ему ласковое словечко и даст на дорогу несколько марок — на подарки малышам.

Но хозяйка равнодушными глазами взглянула на мальчика и, слегка кивнув в ответ на его поклон, не произнесла ни слова.

Она даже не замедлила бег лошади, и через минуту бричка скрылась за частыми стволами осеннего

леса. А Ялмар остался стоять один на дороге. Его захлестнула такая обнда, что он даже не заплакал. Так и остался стоять, как стоял.

Потом он сел на придорожный пенек и долго сидел на месте н не мог двинуться дальше.

В город он прншел поздней ночью.

Когда Ялмар сказал, что не получнл от хозяев и ломаного пенни, н мать увидела его, грязного н завшивевшего, она заплакала. Тогда заплакал и мальчнк.

Через несколько минут его уже мыли в теплой воде, а затем мать уселась перешнвать для него отцовскую залатанную рубаху.

Много с тех пор прошло дней н лет, многое он увидел н перечувствовал, но этнх слез своей матери, пролитых ею в вечер его возвращення, он не мог ни забыть, нн простнть.

Теперь он снова очутился в этих местах. И лес стоит такой же, какой стоял тогда, двадцать лет назад, н дорога почти не изменнлась, и не за этнм ли ее поворотом повстречал он тогда бричку, на которой важно восседала хозяйка?

— Товарнщ Ялмар, товарнщ командир! — пригласила его принять участие в ночном пиршестве батрачка, поднеся на тарелке кусок еще дымящейся свинины. — Вот тебе отличный кусок.

А кругом лежали, уже засыпая, на постелях из душистого сена красногвардейцы кавалернйского отряда Ялмара.

Сквозь щели дощатой крыши сарая видно было мерцание ясных ноябрьских звезд.

VI. СЕРВИЗ

В следующей деревне к Ялмару явился ленсман[1]. Он был в форменной фуражке, с револьвером в кожаной кобуре, внсевшей у пояса.

— На каком основании вы занимаетесь здесь тем, чем вы заннмаетесь? — строго спросил он у Ялмара.

[1] Ленсман — деревенский полицейский чин.

— Нас послал рабочий забастовочный комитет, — торжественно ответил Ялмар, — и вы должны нам помогать в работе.

— Я не имею на это предписания.

— Вот вам оно, — и Ялмар здесь же написал на листке блокнота предписание.

— Оно не действительно, — сказал, прочитав записку, ленсман.

— Почему?

— Нет печати.

— Погодите, — сказал Рагнар. Он что-то вырезал на небольшой деревяшке. — Погодите, пусть ленсман принесет чернильную подушечку для печати.

Пока ленсман ходил за подушечкой, Рагнар успел вырезать то, что задумал, и протянул Ялмару.

Это был треугольник, на котором резкими, грубыми буквами было вырезано: «Отряд Красной гвардии Ялмара».

Ленсман принес подушечку.

Ялмар приложил печать к исписанному листку блокнота. Печать получилась грубая. «Сразу видно — дерево», — подумал Рагнар.

Но все же это была явственная печать. И ленсман сказал:

— Теперь все в порядке!

Потом он уже помогал в этой деревне красногвардейцам. Вместе с ними ходил по крестьянским дворам. И каждую расписку скреплял своей подписью.

Пожалуй, больше всех был доволен изобретением Рагнара Юкка.

— Слава богу, ходим теперь с ленсманом, и все у нас по закону, — бормотал он себе под нос. — Хвалю Рагнара, это настоящий мастер.

В этой же деревне пономарь, обозленный на агронома за то, что тот не дал ему весной огуречной рассады, рассказал Юкка:

— У этого безбожника агронома есть несколько револьверов, и он по ночам учится стрелять в мишень.

Надо было конфисковать это оружие, а именно

агронома лежало на пути к деревне Листо, в двух километрах от села.

Агронома не было дома. Ялмару еще раньше сказали, что тот был организатором местного шюцкоровского отряда, — поэтому Ялмар приказал произвести самый тщательный обыск в саду. Сам же он обыскивал внутренние покои. На столе лежала записка: «Эй вы, красные бандиты! Если думаете, что ваши руки так длинны, что могут достать меня, то вы горько ошибаетесь. Но знайте, что тот, кто тронет что-нибудь у меня, будет повешен».

— Если бы не эта записка, я увел бы отсюда отряд, — сказал Ялмар жене агронома, — но сейчас — извините!

— Я вам ручаюсь, что все, что здесь написано, правда. Вы его не найдете, а уж без повешенных дело не обойдется, — ответила жена агронома.

Ялмар вспомнил, что на рассвете отряд встретил пешехода, который странным образом был похож на человека, чьи фотографии были развешаны на стене. И сейчас же, узнав о том, что агронома нет в усадьбе, он послал по этой дороге трех верховых, приказав им не возвращаться без утреннего пешехода. Тот еще не мог далеко уйти. А пока Ялмар принялся перерывать весь дом. И Юкка с Рагнаром были при нем.

Две найденные пачки патронов для браунинга свидетельствовали, что где-нибудь здесь должен быть и браунинг. Но его не удавалось найти. Были найдены две сабли, два охотничьих ружья, австрийская винтовка и японская винтовка, а браунинга не находили.

Когда Рагнар и Юкка перешли в столовую и подошли к буфету, хозяйка явно забеспокоилась и стала еще злее, чем была раньше.

— Тише вы, дьяволы! — сказала она. — Здесь фарфоровая посуда — сервиз на двенадцать персон.

— Отдай браунинг, — сказал Юкка, — и видит бог, что нам не нужна твоя посуда.

Рагнар раскрыл дверцы буфета. На чашках, тарелках, блюдцах, чайнике, кофейнике, молочнике, по-

лоскательнице цвели тоненькие голубенькие незабудки.

— Все это хорошо, — сказал, переставляя посуду, Юкка, — но где же браунинг?

Его просто забавляло, как дрожит над каждым блюдцем и чашечкой эта женщина. Рагнару такое поведение и вовсе казалось подозрительным: значит, где-нибудь близко оружие. Он неосторожно повернулся, и блюдце с незабудками упало на пол. Оно раскололось надвое. Женщина всплеснула руками и беспомощно опустилась в кресло.

Нет, она не притворялась. Дело не в оружии! Стало быть, действительно она трясется над этой глиной.

— Что вы сделали, что вы сделали! Погубили весь сервиз — ведь он был на двенадцать персон...

— Так у тебя еще одиннадцать блюдец остается, — недоуменно сказал Юкка.

Рагнар выпрямился и с презрением смотрел на эту женщину.

Какое время! Всеобщая забастовка! Завтра революция! В России рабочие захватили власть. Во всем мире война идет, — а она дрожит, чуть ли не плачет оттого, что вместо двенадцати будет одиннадцать блюдец!

Он взял в руки мисочку и сказал:

— Сударыня, или у меня сейчас будет браунинг в руках, или ваш сервиз будет еще больше разрознен.

Этого женщина не могла уже вытерпеть. Она побежала в спальню, вынула из ящика ночного столика с двойным дном завернутый в салфетку браунинг и вынесла Рагнару. И в эту минуту распахнулась дверь веранды и вошли посланные Ялмаром верховые вместе с задержанным ими утренним пешеходом.

— Это ваши портреты? — спросил его Ялмар.

— Как видите, — спокойно сказал тот.

— Это ваша записка? — и Ялмар показал записку шюцкоровца.

— Возможно, — так же спокойно сказал тот и затем добавил: — Надеюсь, вы сообщите мне свое имя, чтобы не затруднять потом уголовное следствие.

Но Ялмар не отвечал.

«Я послан за хлебом и оружием, а не для разговоров», — подумал он и, вырвав из блокнота листок, написал записку Коски и Айраксинену о том, что он препровождает в город арестованного — опасного шюцкоровца.

Конвоиры вышли вместе с арестованным, а Ялмар продолжал обыск.

Отряд обошел еще семь селений — и отовсюду отправлялись обозы с хлебом в город, и всюду находилось оружие. Правда, разнокалиберное, разносистемное, и не так уж много. Однако, когда, наконец, отряд вошел в деревню Листо, все красногвардейцы были полностью вооружены, а в обозе шла груженная оружием и боеприпасами телега.

Это была та самая деревня, где впервые работал в людях Ялмар.

Он почему-то медлил, словно ему не хотелось видеть эти места и людей, от которых он принял обиду.

VII. ДОЧЬ ХОЗЯИНА

Дорога, которая Ялмару в детстве казалась такой большой, теперь лежала перед ним как обыкновенный проселок. И совсем не так уж были далеки друг от друга усадьбы крестьян, как это казалось лет двадцать назад. Ялмар узнал мостик через канаву — здесь он обыкновенно пересчитывал коров.

Он замедлил шаг своего коня.

Вот и знакомый дом, совсем такой же, каким был и тогда: те же темнокрасные бревна, тот же резной конек над крыльцом, так же белеют наличники окон.

«Посмотрим, узнают ли они меня», — подумал Ялмар.

Он вошел в дом и сел за стол в углу. В окно ему были видны привязанные к плетню лошади.

В комнате хозяйка со стуком ставила на стол горшки и тарелки. Так же она сердилась и двадцать лет назад, но морщины легли на ее некогда румяное и гладкое лицо и волосы у нее были седые. Только глаза блестели попрежнему.

Она не узнала в Ялмаре своего пастушонка, но, ставя перед ним на стол миску с гороховым супом, была попрежнему неприветлива и ворчлива. А хозяин совсем-совсем постарел. Ялмар искоса разглядывал его.

Была уже глубокая осень.

«Пастушонка, конечно, уже уволили», — подумал Ялмар и вышел в сени.

В темных сенях, в углу, попрежнему стоял сундук, на котором он спал тогда, как собака. Он вошел обратно. Хозяин что-то стал говорить ему, и в голосе его слышалась угодливость, смешанная со страхом.

«Признаться им или нет? — подумал Ялмар и решил не говорить, что они уже знакомы двадцать лет.— Черт с ними! Еще подумают, что я мщу».

Он даже решил не останавливаться в этом доме, — а то вдруг выдаст себя чем-нибудь.

И только одно новое лицо увидел он в комнатах. Это была молодая светловолосая девушка. Его поразили очень синие глаза, не по-обычному большие зрачки и темные брови и ресницы. Она вся была и ладно скроена и крепко сшита. Каждое ее движение, несмотря на какую-то скованность, было полно природной грации. Когда она разговаривала с людьми, она вся, казалось, изнутри светилась. И она тем больше нравилась Ялмару, что он видел, как ей неприятны угрюмые взгляды матери и льстивая речь отца.

Неужели же маленькая пискливая девчонка так выросла за это время? Да, ей было тогда два года, и он видел, как голубят ее родные, и очень не любил ее за это. Ведь она даже нескольких слов не могла связно сказать тогда. А вот теперь эта стройная и милая девушка хлопочет у плиты.

Как только ее звали? Дай бог память! Ну, как же? Но он никак не мог вспомнить ее имени.

Да, несомненно, надо переехать в другой дом. Ялмар снова сел за стол. Он думал: вот он жил в этом доме, как нелюбимая собака, а теперь его здесь боятся. Он может отплатить за старую обиду. И чувствовал, что ничего плохого он не хочет сделать этим людям.

И то, что они такие старые и злобные, а он молодой, сильный и веселый, — это уже достаточная расплата.

Красногвардейцы пришли с мороза. Ялмар стал рядом с девушкой и, грея руки у плиты, спросил:

— Скоро каша будет готова?

Девушка торопливо ответила:

— Да, да, скоро будет готова.

Нет, пожалуй, и вправду не стоит ей рассказывать, как однажды утром, когда никого не было в комнате — отец уехал на рынок, мать доила корову, — он оттаскал ее за косички и она горько плакала.

В эту минуту в комнату вошел старик с большой седой бородой и спросил:

— Кто начальник?

— В чем дело? — обратился к нему Ялмар.

Старик поднял вверх обе руки и сказал:

— Мой хозяин послал меня к тебе сказать, чтобы вы, ради бога, не приходили к нему, что он уже все сделал и отдал сироте обратно все, что полагается.

И хотя Ялмар не понимал, о чем идет речь, он, не желая обнаружить этого, сурово спросил старика, который стоял перед ним, все еще подняв руки:

— Ты говоришь правду?

— Да, да! Не приходите, бога ради, потому что у жены моего хозяина — его зовут Капули — слабое сердце и она может испугаться до смерти.

— Ну, если ты говоришь правду, то я не приду, — сказал Ялмар, и старик, так и не опуская рук, вышел из комнаты.

— Что это за Капули? — спросил Ялмар у девушки, снова подойдя к плите.

Она засмеялась и рассказала, что двадцать лет назад один торпарь арендовал землю у этого Капули и поставил там маленький дом. Недавно торпари, отец и мать, умерли и оставили дочь, двадцатилетнюю девушку Лизу. Она была совсем беззащитна, и Капули отнял домик, землю и все, что было оставлено ее родителями, и выгнал ее. Лиза пошла в батрачки к богатым крестьянам.

Когда Ялмар с товарищами ели кашу, Лиза вошла в комнату и стала благодарить начальника.

— Как только Капули узнал о том, что в село пришел твой отряд, он прибежал к моим хозяевам, вызвал меня и при всех сказал: «Я отдаю тебе дом и землю, только не жалуйся на меня красным». Но я пришла не жаловаться, а поблагодарить вас, товарищи красные!

Все ребята, услышав этот рассказ, засмеялись. И Ялмару тоже было приятно, что они помогли дочке торпаря.

— Если тебя Капули снова обидит, Лиза, немедля пиши мне лично, домой — я приеду со своими ребятами! — и Ялмар положил руку на висевший на поясе маузер.

«А девушку-то зовут Мартой!» — вдруг вспомнил он.

Марта перестала хлопотать у плиты и отирала пот со лба своим чистеньким фартуком.

VIII. НЕПОНЯТНОЕ ИЗВЕСТИЕ

На другой день утром, когда Ялмар смотрел с крыльца, как нагруженные хлебом подводы уходили в город, к нему подошел взволнованный торпарь — один из тех, с кем он разговаривал на днях в имении шведского аристократа.

— Товарищ начальник, мы к тебе! В деревне помещик объявил всем, что всеобщая забастовка окончилась и снова все идет по-старому.

— Провокация! — отрезал Ялмар. — Вы, деревенские, всему верите.

— Нет, наши звонили по телефону в город, и там тоже говорят, что забастовка кончилась.

— Не может быть, — уже не так уверенно буркнул Ялмар и, вскочив в седло, погнал лошадь к сельскому потребительскому кооперативу, где был телефон.

Молодой приказчик сказал:

— Тебе звонили из города, просили немедленно вызвать их.

Ялмар быстро соединился с городом. В трубке

слышно было дальнее гудение, и слова доносились невнятно.

— Рабочий дом? Рабочий дом? — нервничал Ялмар. — У телефона кто? Коски? Говорит Ялмар. Забастовка окончена?.. Да? Значит, наши взяли власть в Хельсинки?.. Нет? Почему же окончена?.. Ехать обратно? Повтори! Ехать обратно?.. Кончать... А это не провокация? Нет?.. Позови Айраксинена... Нет его?.. Требуют меня в город?..

Тут разговор был прерван, и как ни пытался Ялмар, больше не удалось соединиться с городом. Он не знал, почему окончена забастовка и какое теперь правительство. Неужели попрежнему буржуазное — Свинхувуда — или коалиционное, как летом, с социал-демократом Токоем во главе?

Почему не взяли целиком власть в свои руки товарищи из центрального руководства — этого он не знал и чувствовал какую-то вину перед своими красногвардейцами, как будто именно он принимал решение окончить забастовку и отвечал за него.

Приказчик сказал ему:

— Вот вы теперь уйдете, а что делать нам, деревенским социал-демократам? Я организовал группу красногвардейцев, но у нас нет оружия.

— Приходи ко мне, я тебе дам под расписку оружие на двадцать человек, — утешил его Ялмар.

Пошел крупный, холодный осенний дождь, и ясно было, что он будет итти долго и что это, наверно, последний дождь. Наступала зима.

Красногвардейцы столпились на мосту, у въезда в деревню.

Блестели мокрые спины спокойно переступавших лошадей.

— Товарищи, — сказал Ялмар своему отряду, — забастовка окончилась. Мы должны возвратиться в город.

К его удивлению, красногвардейцы были рады таким словам.

— Хвала богу! Значит, все в порядке! — сказал Юкка.

— Я тоже думаю так. А если не приняли наших требований, то теперь уже не бастовать надо, а драться, — ответил ему Рагнар.

А иные просто были довольны, что можно будет возвращаться к своим семьям, к детям и женам.

Все-таки, что ни говори, осенью гораздо приятнее жить в городе. Летом — дело другое.

Итак, отряд поскакал обратно в город.

Выезжая из деревни, Ялмар остановил своего Араба и оглядел эти унылые под дождем каменистые поля, эти косые плетни и, взглянув на красневший на холме домик, где жили его бывшие хозяева, опустил поводья. Конь его медленно пошел вслед за отрядом.

Казалось, дождю не будет конца: темные тучи обложили все небо.

Ялмар ехал на Арабе и все думал о том, что теперь будет дальше, но потом махнул рукой.

Он верил товарищам, сидевшим в Хельсинки. Они ведь дело знают. Всю жизнь руководили рабочим классом в его борьбе с русским царем и с финской буржуазией. А если он чего-нибудь не понимает, так ему разъяснят. Кто он? Простой шофер, а они — вожди рабочего класса.

В те дни он не знал еще, что в руководстве социал-демократической партии, единственной рабочей партии, которая тогда существовала в Финляндии, были резкие разногласия. Представители левого крыла партии — Куусинен и Сирола — стояли за переход власти в руки пролетариата. А правые — Таннер, Токой и секретарь Центрального комитета партии Туркиа — испугались того революционного размаха, который приняло рабочее движение. Ни о чем другом, кроме обычной буржуазной республики, они и не думали. Они вместе с центристами и взяли верх в эти ноябрьские дни, чтобы, вопреки решениям многих местных организаций, ликвидировать стачку.

Но красногвардейцы не знали о том, что происходило в Центральном комитете, и ехали молча, каждый думая о своем.

А потом целую ночь спасались от дождя в пустом сарае.

Кем-то подосланные мальчишки подбирались к сараю и кричали в щели:

— Забастовщики, голодранцы! — и сразу же убегали.

И никто даже не гнался за ними, хотя и стоило бы надрать им уши.

IX. КОНЕЦ ЗАБАСТОВКИ

У дверей Рабочего дома Ивар и Айно, сопровождавшие две нагруженные подводы, столкнулись с Ялмаром. С ним были Юкка и молчаливый Рагнар, а посредине шагал агроном-шюцкоровец.

— Это бандитизм, и ты за него поплатишься, — угрожал он Ялмару.

— Иди, иди, — подталкивал его Юкка.

— Айно? И ты здесь! — обрадовался Ялмар.

Она дружила еще с детства с его любимой сестрой. Ялмар для Айно был таким же авторитетом, как и для сестры. Еще бы! Ведь он побывал в дальних плаваниях, повидал белый свет. А теперь на поясе у него висела казачья шашка. И к тому же он был высокий и красивый, а в последние дни совсем стал героем — столько писалось в социалистических газетах про его кавалерийский отряд.

«Пусть буржуи сами едят ягель, — рабочим нужен хлеб», — так называлась последняя заметка об отряде Ялмара, которую она прочитала.

Ивара Ялмар тоже знал. Впрочем, Ивара в городе знали все мальчишки. Этот невысокий, коренастый синеглазый парень был известен как лучший в городе спортсмен-борец. И не только в городе, а и во всей стране. Он был кандидатом в чемпионы мира по французской борьбе. А розыгрыш чемпионата предстоял в январе, и заметками об этом событии пестрели спортивные отделы городских газет.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Ялмар.

Но Айно не успела ответить. В комнату вбежал, ероша левой рукой свои волосы, высокий и худой человек с пустым правым рукавом, заложенным в карман.

— Это безобразие! — обратился к нему Ялмар. — Мы, как черти, рыщем по деревням, достаем хлеб и арестовываем белогвардейских молодчиков, — а вы здесь... Что вы здесь делаете? Мы в деревне арестовали этого субъекта, — ручаюсь тебе, за дело арестовали, — и послали сюда, в штаб. А приходим обратно в город — и что же видим? — он спокойно разгуливает по базарной площади, и на руках бумажка — с твоей подписью, Коски, — о том, что он освобожден. Пришлось снова арестовать. Это что же такое?

Агроном стоял между Юкка и Рагнаром и слушал Ялмара, иронически усмехаясь.

— Я приказываю именем забастовочного комитета, — волнуясь, сказал Коски, — немедленно отпустить этого гражданина. Мы — за порядок. Мы — за закон. А ты делаешь черт знает что! — уже разозлился Коски.

— Но ведь ему-то плевать на все законы! Этот лахтарь, дай ему волю, с удовольствием выпотрошит тебя!

— Не беспокойся, он теперь безопасен, — сказал Коски и, вытащив из ящика стола пачку бумажек, стал перебирать их, отыскивая нужную. — На, читай! — он подал листок Ялмару.

И Ялмар прочитал: «Я, гражданин Финляндии, даю честное слово, что никогда не буду участвовать в борьбе против рабочего класса», — и дальше стояла подпись агронома.

— Такие расписки мы взяли у всех, кто активно выступал против нас и был арестован в эти дни красногвардейцами! — И Коски с торжественным видом спрятал в ящик пухлую пачку бумажек.

— Не верю я в эти бумажки, — раздраженно сказал Ялмар. — Чепуха!.. Да что с тобой говорить! Где Айраксинен?

— Айраксинен ушел на митинг, посвященный нашей победе.

— Какой победе? — изумился Ялмар. — Ведь забастовка окончена.

— Гражданин, вы свободны, — не отвечая Ялмару, обратился Коски к агроному.

Но тот развел руками:

— Где гарантия?

— Идите, гражданин, — сказал ему уже Ялмар, — но если я увижу у вас в руках оружие или если я прочту еще раз такую записку, какую вы нам написали, то я не посчитаюсь с приказами и законами и ручаюсь, что вам не нужна будет охранная грамота.

Ялмар подождал, пока агроном вышел.

— Ну, а теперь говори, какая победа и что мне сказать красногвардейцам.

— Сейм принял наш закон о восьмичасовом рабочем дне, — торжественно сказал Коски. — Сейм отменил военное положение и принял наш закон о всеобщем избирательном праве на выборах муниципалитетов и временно взял на себя верховную власть.

— Так ведь то сейм принял, а большинство в сейме осталось буржуазное. Чье правительство? Не наше ведь?

— Вот сейчас на митинге мы и проголосуем за списки членов правительства и предложим их сейму. У нас издавна демократическая конституция, и буржуазия у нас очень культурная.

— Ну, а если сейм не примет наших списков?

— Ну, тогда посмотрим, — ответил Коски, быстро расхаживая по комнате.

— «Посмотрим, посмотрим»! Надо было смотреть до окончания забастовки, — разозлился Ялмар.

Что-то было не так, и он пока еще не понимал, что именно.

Когда во время шторма ему приказывали карабкаться на самую высокую рею, а мачту раскачивало, как маятник, — он знал, что делать; когда на лугу он объезжал дикую лошадь и она норовила сбросить его со спины — он знал, что делать; когда в февральские дни он развозил по всему городу вооруженных рабочих и солдат с красными ленточками на винтовках и люди лежали на крыльях машины — он знал, что поступает правильно. Сейчас же он не знал, что ему делать, и это злило его больше всего.

«А может быть, это провокация? — подумал он. — Забастовка не окончена, а по телефону и телеграфу пришли лживые директивы...»

— Тебе придется отдать обратно всех конфискованных лошадей, — сказал Коски Ялмару, — а то уже поступают жалобы от хозяев.

— Красная гвардия не распускается? — спросил Ялмар.

— Нет.

— Тогда я лошадей не отдам.

— Ну, это мы посмотрим!

— Не отдам! — повторил Ялмар глухо.

— Тебе что? — спросил Коски у Айно.

— А мы с Иваром добыли несколько ящиков оружия и патронов. Ивар сторожит их у входа — там на подводе привезли.

— Оружие — в Рабочий дом! — возмущаясь, воскликнул Коски. — Оружие — в Рабочий дом! — и замахал рукой.

— А почему же в Рабочий дом нельзя доставить оружие? — резко спросил Рагнар.

— Потому, что это непорядок, потому, что мы против кровопролития! Всего можно добиться мирным, законным путем. Потому, что Рабочий дом не казарма! — горячился Коски.

— А почему белым можно, а нам нельзя браться за оружие? — спросила Айно.

Вошел Айраксинен. В руках у него был список кандидатов в правительство, принятый на митинге.

— Оружие, — сказал он, услышав слова Айно, — скорей сюда, сколько есть. Красной гвардии оружие необходимо. Понимаешь, пришло распоряжение отдать обратно русским солдатам то оружие, которое они нам дали. А что будет потом? «Забастовка окончена. Но революция продолжается». Пойду к телефону, буду звонить в Хельсинки — пусть разъяснят подробнее, как это может быть! Нельзя было прекращать забастовку!

Ялмару стало легче: в словах Айраксинена, участника Свеаборгского восстания, председателя металлистов города, он почувствовал скрытую поддержку. А если сам Айраксинен думает, что решение прекратить забастовку неправильно, то, значит, и он, Ялмар, не так уж глуп.

— Оружие — в Рабочий дом? — снова изумился Коски.

— А то как же? — сказал Айраксинен.

Но тут к нему подошли люди, обступили его с неотложными своими нуждами и требованиями.

— Лошадей я все-таки не отдам, — мрачно сказал Ялмар.

— Отдашь, — сказал Коски. — Завтра вечером окончится сессия сейма и приедет твой брат — увидишь, что он скажет.

— Он скажет по-моему.

Ялмар любил своего старшего брата и уважал его. Брат писал рассказы, стихи и статьи в рабочих газетах. Брат был депутатом сейма и шел вместе с Куусиненом. А лошадей он все-таки не отдаст!

Когда они спускались по лестнице, Рагнар, вспомнив хлопочущую над разбитым блюдцем и расстроенную жену агронома, сказал:

— А этот твой Коски — не человек, а сервиз!

— Ну, нет, он рабочий, ему правую руку пилой лесопилки отхватило, — ответил Юкко.

— А все-таки он сервиз, — упорствовал Рагнар.

И Ялмар вспомнил хозяйку, убивающуюся над разбитым блюдцем и разрозненным сервизом, в то время, когда идет революция, и подтвердил презрительные слова Рагнара:

— Ну, конечно, Коски — это сервиз...

После этого весь отряд Ялмара не знал другого имени для Коски, как «Сервиз».

Когда они выходили из дома, их снова встретила довольная и раскрасневшаяся Айно. Она тащила в руках блестящий оцинкованный ящик.

— Отдай патроны моему отряду, — сказал ей Ялмар.

А она его спросила:

— Скажи, какая разница между меньшевиками и большевиками? Ведь те и другие социал-демократы?

— Большевики — за мир, меньшевики — за войну. Большевики — за революцию, а меньшевики, вроде нашего Токоя, мечтают о том, чтобы поболтать в парламенте. Большевиков больше.

— Ну, слава богу! — удовлетворенно сказала Айно. — Стало быть, они победят.

Ялмару было немного досадно, что он не мог ответить Айно вразумительно.

X. ПОСЛАНЕЦ ЛЕНИНА

На маневрировавших паровозах еще не были сняты черные и красные флажки — знак забастовки. Однако в станционном буфете уже стучали вилками о тарелки и шла оживленная жизнь, можно было раздобыть даже запрещенные спиртные напитки.

Брат Ялмара, Илмари, приезжал домой на три дня, чтобы потом выехать обратно на сессию сейма.

Ялмар не видел брата около года. Он сразу узнал его худое лицо в окне вагона.

Братья пожали друг другу руки. Они оба были рады этой встрече.

Старший брат был тщедушный, невысокого роста и безостановочно курил. Младший был статен и розовощек, он совсем не курил и смотрел на старшего сверху вниз с нескрываемым уважением.

— Мне нужно с тобой о многом поговорить, — сказал, сильно волнуясь, младший, — но ты, наверно, устал. Может быть, отдохнешь сначала?

Ему очень не хотелось, чтобы брат пошел отдыхать.

— Ну, что ты! — отказался старший. — Только в разговоре я и отдыхаю.

Они отыскали свободный столик в вокзальном буфете. Старший брат, заказывая официанту два стакана чаю, хитро подмигнул ему.

— Я предпочитаю кофе, — сказал Ялмар. Но уже на столе перед ними стояли два стакана чаю.

Ялмар помешал чай ложечкой, хоть в стакане сахара не было.

— А ты понюхай, — улыбнулся старший.

Перед ними в чайных стаканах на столике стоял крепчайший портвейн.

— Ну, а как же наше обещание? — изумился Ялмар. — Ведь я ему не изменял.

— Какое обещание? — переспросил Илмари. — А, так ведь то были детские разговоры! — вспомнил он.

Ялмару стало немного обидно.

— Это был серьезный разговор, — сказал он сдержанно.

— Ну, один раз можно. Раз в год встретились, — снова улыбнулся старший.

— Будем здоровы!

И братья чокнулись.

Ялмар отпил несколько глотков и с непривычки сразу же повеселел. Люди, стоявшие и сидевшие около и прохаживающиеся по перрону, выглядели теперь гораздо симпатичнее.

— А ты знаешь, — сказал он брату, — что наш отец красногвардеец?

— Мама писала мне об этом.

— В сущности говоря, он совсем уж не такой плохой, — продолжал Ялмар.

— Что и говорить! — подхватил его брат. И снова пригубил стакан. — Мы не всегда были справедливы к старику.

Они на мгновение замолчали.

— Ну, а что делается в Хельсинки? — спросил, наконец, Ялмар. — Что нового? Кого видел? Что говорят?

— Кого видел? — Илмари засмеялся. — Утром в Хельсинки видел Сирола — ехали вместе в трамвае. У него в руках листочки, а на них выписаны русские слова. В трамвае, за обедом — чуть только у него выдастся свободная минута, он зубрит русские слова.

— А я немного понимаю по-русски! — с гордостью сказал Ялмар. — Чертовски трудный язык. Особенно эти роды: мужской и женский. Стол — мужчина, дверь — женщина. Интересно!

— Сирола дал Максиму Горькому обещание выучиться по-русски. И выполнит его во что бы то ни стало. Он человек дела!

Ялмар стал расспрашивать о том, что же теперь делать. Но брат отвечал так, как будто читал передовицу газеты. Его речь стала торжественнее и суше.

— Забастовка окончена, но революция продолжается, — сказал он.

— Знаю, знаю, — перебил Ялмар. — Но как? Что нам надо теперь делать?

Неужели брат, от которого он получал первые социалистические листовки, который сам писал в рабочих газетах, не сумеет объяснить, что теперь нужно делать и что говорить дружинникам?

Но брат только пожал плечами.

— Посмотрим. Там видно будет... Пока что мы выиграли: восьмичасовой рабочий день, коммунальный закон, и сейм взял на себя верховную власть.

— Кто будет проводить этот закон? Люди, которые всегда голосовали против нас? — не унимался Ялмар. — Мы сами должны были его провести. Керенскому можно было разгонять Красный сейм [1], а мы не можем разогнать этот новый, буржуазный и снова созвать Красный?

— Да, но тогда была бы гражданская война, — задумчиво сказал Илмари. — А раз война, то возможно и поражение, и тогда все союзы, кооперативы, Рабочие дома, законы — все насмарку, и начинай сначала.

— Раз война — значит возможна и победа. А потом — все равно не избежать драки. Ты то же самое думал бы, если бы побывал среди моих красногвардейцев.

— Я слышал эти же самые слова от многих рабочих в Хельсинки, — сказал старший брат. — Но это неправильно. Слишком большой риск. Нам легче победить избирательными бюллетенями.

Словно желая убедить самого себя, Илмари снова повторял доводы, которые приводили на чрезвычайном съезде партии Таннер и Туркиа, — доводы о преимуще-

---

[1] «Красный сейм» — так назывался сейм, избранный в 1916 году. Это был первый в мире парламент, в котором социал-демократы получили абсолютное большинство. Царское правительство его так и не созвало, а Временное правительство, возглавляемое Керенским, попирая все свои декларации, после того как сейм принял ряд прогрессивных законов, летом 1917 года разогнало его, при одобрении финских буржуазных политиков.

ствах парламентских форм борьбы, о том, что военное превосходство у противника, о том, что в случае рабочей революции крестьяне не дадут зерна городам, русские же помочь не смогут — у них самих сейчас не хватает хлеба, и будет голод... Но, повторяя аргументы Таннера и Туркиа, Илмари в душе соглашался с братом. Ему нравился боевой запал Ялмара, и он как бы подзадоривал брата...

За окном станционного буфета прогудел паровоз. Скорый поезд прогрохотал мимо перрона. С минуту нельзя было расслышать собеседника. У Ялмара от выпитого портвейна кружилась голова. Он был недоволен братом: Илмари не сказал тех слов, которые Ялмар хотел услышать от него.

Илмари продолжал:

— И странно — то же, что говоришь ты и что говорили многие хельсинкские рабочие, сказал на чрезвычайном съезде партии представитель русских большевиков и советской власти!

Ялмар оживился:

— Что же он говорил?

— Что нет таких преград на пути революции, которые могли бы устоять против нашего народа. Мы победим! Что трудности велики, но мы можем справиться с ними, и русские рабочие помогут нам!

— Так он сказал?! — и Ялмар от волнения встал со стула.

Илмари, усмехнувшись, потянул его за рукав.

— Сиди! Ведь мы еще не готовы. Да и как нам браться за оружие, когда нет оружия и никто из нас не умеет стрелять?

— А как он говорил? Где? Расскажи подробнее.

— Он приехал к нам по поручению Ленина, — сказал Илмари. — В высоких сапогах. Длинные усы. Черноволосый. Говорят, родом с Кавказа. Жаль, что я не знаю русского языка.

— А где это было? — не унимался Ялмар. — Как его фамилия?

— Сталин!

В большом зале старого здания сейма теперь собиралась социал-демократическая фракция. Здесь же происходил и съезд партии.

Илмари вспомнилась грузная фигура председателя, стоявшего спиною к окнам, в которые гляделся хмурый ноябрьский день.

Илмари рассказал брату, как все насторожились, когда председатель предоставил слово делегату советского правительства и партии большевиков. В своей военной шинели и кожаной фуражке он встал перед депутатами, одетыми в пиджаки. Быстрым движением он сбросил шинель и фуражку на стоявший рядом с председателем пустой стул и сказал:

— Я делегирован к вам для того, чтобы приветствовать вас от имени рабочей революции в России, в корне расшатывающей основы капиталистического строя. Я приехал к вам для того, чтобы приветствовать ваш съезд от имени рабочего и крестьянского правительства России, от имени Совета Народных Комиссаров, рожденного в огне этой революции.

Но не только для приветствия приехал я к вам. Я хотел бы, прежде всего, передать вам радостную весть о победах русской революции, о дезорганизованности её врагов и о том, что в атмосфере издыхающей империалистической войны шансы революции растут изо дня в день.

...В голосе оратора было столько убежденности и силы, что Илмари еще раз пожалел о том, что не знает русского языка; и при этом он говорил просто, не жестикулируя, ничем не напоминая парламентских ораторов, и лишь в конце своей речи шедшим от сердца быстрым и резким движением выбросил вперед руки, как бы призывая к действию и зовя вперед.

— ...Я заявляю, — говорил Сталин, — что мы изменили бы социализму, если бы не приняли всех мер для восстановления братского доверия между рабочими Финляндии и России. Но всякому известно, что без решительного признания за финским народом права на свободное самоопределение восстановить такое доверие немыслимо. И важно здесь не только сло-

весное, хотя бы и официальное, признание этого права. Важно то, что это словесное признание будет подтверждено Советом Народных Комиссаров на деле, что оно будет проведено в жизнь без колебаний. Ибо время слов прошло. Ибо настало время, когда старый лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» должен быть проведён в жизнь.

Полная свобода устроения своей жизни за финляндским, как и за другими народами России! Добровольный и честный союз финляндского народа с народом русским! Никакой опеки, никакого надзора сверху над финляндским народом! Таковы руководящие начала политики Совета Народных Комиссаров.

Ровный голос переводчика, конечно, не мог полностью передать всю убедительность этой взволнованной, смелой и отточенной речи. А опубликована она была уже на другой день после решения об окончании забастовки.

— А впрочем, вот эта речь, можешь прочесть сам.

Илмари вытащил из внутреннего кармана пиджака аккуратно сложенную газету и развернул ее. Ялмар выхватил газету из рук брата. На четвертой полосе было напечатано: «Т о в а р и щ и!»

Совсем по-обыкновенному начиналась эта речь.

Заставляя сильнее биться сердца, она внушала уверенность и была от первого до последнего слова понятна всем. Только надо действовать. И немедленно! ..

— Правильно, правильно! — кивал головою Ялмар, читая эту речь, которая призывала к немедленному действию...

Эту речь надо было расклеить на стенах всех домов, ее надо было прочитать на всех собраниях и во всех красногвардейских отрядах. И тогда никто из рабочих и не помыслил бы о том, чтобы прекратить забастовку. Вперед, на битву, к победе звала она!

Русский народ и его революционное правительство устами Сталина признавали право Финляндии на независимость! И хотя в те дни революционной страды Сталин мог лишь на краткий срок покинуть Смольный,

этот штаб революции, чтобы выступить на съезде в Хельсинки, — он знал все, о чем здесь говорили, и словно сердцем подслушал самые сокровенные думы финских трудящихся. Речь его полностью разбивала все доводы Таннера и компании.

Завершалась она такими словами:

«Товарищи! До нас дошли сведения, что ваша страна переживает приблизительно такой же кризис власти, какой Россия переживала накануне Октябрьской революции. До нас дошли сведения, что вас также пугают голодом, саботажем и пр. Позвольте вам заявить на основании опыта, вынесенного из практики революционного движения в России, что эти опасности, если они даже реальны, отнюдь не являются непреодолимыми. Эти опасности можно преодолеть, если действовать решительно и без колебаний. В атмосфере войны и разрухи, в атмосфере разгорающегося революционного движения на Западе и нарастающих побед рабочей революции в России — нет таких опасностей и затруднений, которые могли бы устоять против вашего натиска. В такой атмосфере может удержаться и победить только одна власть, власть социалистическая. В такой атмосфере пригодна лишь одна тактика, тактика Дантона: смелость, смелость, ещё раз смелость!

И, если вам понадобится наша помощь, мы дадим вам её, братски протягивая вам руку.

В этом вы можете быть уверены».

— И вы не послушались этого совета! — с горечью сказал Ялмар брату, вставая из-за столика.

— Ну, мы оратора встретили великолепно. Даже стоя аплодировали.

— И приняли свои грошовые резолюции?

Резолюции съезда были здесь уже известны. Не высказываясь ни за, ни против революции, съезд признавал неудачу всеобщей забастовки. Резолюции говорили о том, что нужно продолжать решительную борьбу за хлеб, за народовластие, и при этом провозглашали право трудящихся защищаться с оружием в руках против вооруженных врагов, но только обо-

роняясь. «Но и в таком случае насилие допустимо не в большей степени, чем это необходимо для преодоления направленного против рабочих насилия». Ялмар надолго запомнил, как торжествовал Коски, читая этот пункт резолюции, и как хмурился Айраксинен. Горечь переполняла сердце Ялмара, и он сухо сказал:

— Идем домой! Мама очень ждет тебя!

— Перевод речи Сталина появился в газете уже после того, как было принято решение, — сказал Илмари.

Ему было почему-то неловко перед братом.

— Идем. Я уже успел соскучиться по маме и сестренке.

Они шли молча, недовольные друг другом.

— Что ты на меня дуешься? — прервал молчание Илмари, бросая потухшую спичку.

Он никак не мог закурить. Ветер гасил слабое пламя спички.

— Что ты на меня дуешься? Я голосовал против этих решений, за революцию! Я голосовал вместе с Сирола и Куусиненом за революцию! Но что поделаешь, мы оказались в меньшинстве!

— Обратились бы к рабочему классу и сразу бы стали большинством!

— Значит, раскол! Таннер угрожал нам расколом! На это мы пойти не могли. В такой момент — и раскалываться?! Прежде всего — единство рабочего класса!..

Если бы Ялмар был большевиком, он ответил бы, что единство рабочего класса создается не разговорами о единстве, а общим действием, борьбой.

— А что такое меньшевики и большевики? — спросил неожиданно Ялмар. — И какая между ними разница?

Уже темнело, и на улицах зажигались фонари. Они тускло мерцали в опустившемся на город тумане.

Совсем недавно Илмари сказал бы, что это чисто русские внутренние разногласия, но теперь-то он начинал понимать, что это не так, что споры эти имеют

прямое отношение и к судьбам Суоми. И разве только одной Суоми?

— Меньшевики — это социалисты вроде тех, которые голосуют вместе с Туркиа и Таннером, а большевики...

— А большевики пошли на раскол с меньшевиками, чтобы победила революция. И она победила в России!

Да, пожалуй, Ялмар прав. Надо было не только голосовать против Туркиа и Таннера, но итти дальше: апеллировать к массам. Но тогда раскол. Значит, надо итти на раскол?! Но даже мысль об этом и сейчас казалась Илмари страшной.

Они шли дальше по улицам родного города, и уже подходя к дому, Ялмар, вслух отвечая на свои мысли, сказал:

— А лошадей я все-таки не отдам!

— Правильно! Не отдавай! — неожиданно одобрил решение брата Илмари.

XI. ЯЛМАР ОТДАЕТ ЛОШАДЕЙ

Он не мог долго сидеть дома — нужно было итти проведать коня. Все его красногвардейцы жили у себя дома. Только на учение они приезжали верхом. Верховой езде они учились по три часа в день.

Комитет профсоюзов требовал все время, чтобы лошадей возвратили хозяевам, и не давал денег на фураж.

— А все-таки я лошадей не отдам! — упрямо повторял Ялмар.

Почти все свои сбережения он пустил на покупку сена для лошадей, но все же послезавтра фураж кончался. Нужно было думать, как быть дальше.

Утром Ялмар еще протирал глаза, сидя в одном белье на кровати, когда мать принесла ему газету, издаваемую союзом лесопромышленников.

— Смотри, что про тебя пишут!

В газете было написано о том, что бандит Ялмар

не желает подчиниться властям и попрежнему не отдает лошадей владельцам.

Это было еще ничего. Но один абзац поразил Ялмара в самое сердце:

«Лошади, безнаказанно украденные безответственными людьми, находятся в самом плачевном состоянии: они частью опоены, частью покрыты паршой. Не избежал этой участи и кровный жеребец Араб, на котором ездит главарь этой банды».

— Я испортил Араба! Эти сволочи не понимают, что говорят...

Он быстро вскочил о постели. На кровати остался мирно похрапывать Илмари. Они спали вместе, как в детстве.

Ялмар торопливо оделся и положил в карман маузер.

— Сынок, — сказала ему мать, — будь добр и прощай врагам нашим зло.

— Ну, уж нет, мама, я не потерплю, чтобы так на меня клеветали! Будто я испортил Араба!

Брат спал, слегка приоткрыв рот, как в детстве, и было странно, что на щеках у него такая густая щетина.

Ялмар, не попрощавшись с матерью, выскочил на улицу. Когда он прошел квартал, ему стало неловко. Почему он не попрощался со старухой ласково? Потом он пошел в обратную сторону. Он раздумал итти объясняться в редакцию. Ему уже больше не хотелось пристрелить автора заметки, он надумал другое. Ялмар решительно зашагал к Рабочему дому.

— Ты читал, как врут они про меня, Айраксинен? — спросил он у старика, вытаскивая из кармана газетку.

— Бедняжка, взволновался! Хорошо еще, что не сообщили, будто ты изнасиловал свою бабушку. И для них ведь свобода печати. Пойди судись! — И Айраксинен печально добавил: — Весело живем!

— Так лошадей сдавать? — спросил Ялмар.

— Сдавай пока... Настанет время — снова возьмем. Пусть они пока подкормят и подлечат их, — сказал Айраксинен.

— Так и ты, значит, веришь, что Араб заболел! — Ялмар не находил слов.

Но старик слегка потрепал его по плечу.

— Все в порядке, милый!

Ялмар немного успокоился, подошел к телефону и позвонил.

— Позовите барона... Говорит Ялмар. Знаете? Я решил вернуть вам лошадь, но лишь в том случае, если вы сами приедете принимать ее.

Барон отвечал в трубку тихо и невнятно, и лишь после расспросов можно было разобрать:

— Отведите на конюшню. Там есть мой человек. Он примет лошадь.

— Нет, не выйдет. Приезжайте сами к Рабочему дому.

Барону пришлось согласиться.

Ялмар весело подмигнул Айраксинену.

Через десять минут он уже гарцевал на своем Арабе перед окнами Рабочего дома. Все находившиеся в доме люди столпились у окон и любовались конем и всадником. Он умело горячил коня. Ставил его на дыбы и сразу же успокаивал, поглаживая по шее.

Через несколько минут показалась пролетка.

Барон Вреде, грузный человек, вежливо снял шапку и поздоровался с всадником.

— Я вас знаю, — так же любезно сказал он. — Вы меня возили на машине вашего хозяина в Петрограде в прошлом году.

— Очень возможно, — сказал Ялмар. — Едемте к конюшням.

И поскакал на Арабе рядом с пролеткой. В конюшне он попросил вызвать ветеринара.

— Будьте добры, освидетельствуйте жеребца и выдайте удостоверение, — сказал он ветеринару.

Араб был здоров и бодр.

— Ну, прощай, старина! — потрепал его Ялмар по гриве. — Мы еще с тобой свидимся! — И, повернувшись, он пошел из конюшни.

— Послушайте, молодой человек! — вдогонку сказал ему барон. — Удостоверение удостоверением, но я могу вам оплатить ваши расходы на прокорм лошади.

И, кроме того, несколько марок за то, что вы привели Араба в форму.

Ялмар не ответил. Он шел к дежурному по отряду — все красногвардейцы должны были сдать под расписку ветеринара своих лошадей. Конного учения сегодня не будет.

С неба сыпался мелкий колючий снежок. Первый снег этого года. Навстречу Ялмару шел коренастый матрос Балтийского флота.

Матрос подошел к нему и протянул руку.

— Здóрово ты джигитуешь! — сказал он ему подружески. — Будем знакомы — матрос Балтийского флота Тетерь, комендор, у пушек стою... Понимаешь? Как вас зовут, милая нэйти? — скороговоркой произнес он уже по-фински.

— Меня зовут Ялмар.

— Ну вот, товарищ Ялмар, куда ты девал свое четвероногое?

У Ялмара не хватало русских слов, чтобы объяснить, что он сделал с Арабом. Но матрос, видимо, понял и эту ломаную речь и ответил:

— А мы, большевики, того, что взято с боя, не отдадим назад. Алос порварит! — Это была вторая фраза, которую запомнил по-фински Тетерь, и означала она: «Долой буржуазию!»

Это, значит, был большевик.

Они пошли вместе по улице, громко разговаривая, и было удивительно, как они понимали друг друга.

— Так ты говоришь, что они даже стрелять у тебя ни разу не учились? — удивлялся матрос и громко при этом смеялся, показывая ровный ряд зубов. На щеках и на лбу у него были рассеяны нечастые рябинки. — Думаешь, это само приходит? Вот чудак! Знаешь что, я буду учить твоих ребят стрелковой науке, баллистике, траекториям, углам вылета, но смотри, чтобы у меня не дергать курка и не заваливать мушки!

Ялмару было приятно итти и разговаривать с этим веселым, боевым русским матросом. И когда они, сговорившись о завтрашней встрече, расстались и Тетерь на прощанье прокричал по-фински: «Как вас зовут, милая нэйти?» — Ялмар даже сам повеселел. А дома он

отобрал у самой младшей сестренки тетрадь для рисования и стал чертить иа ней круги мишеней.

Сестренка стояла рядом и обмакивала тонкую кисточку в чериила.

Вечером пришел брат и сказал, что ему поручено редактировать городскую социал-демократическую газету, но все же через деиь ои выезжает снова на сессию сейма в Хельсинки.

XII. ПОСЛЕ ЗАБАСТОВКИ

Хотя сейм и пошел иа уступки рабочим, прииняв закон о восьмичасовом рабочем дне и новый избирательный закон для муниципалитетов, на самом деле вся парламентская деятельиость буржуазных партий после всеобщей забастовки сводилась к мобилизации своих сил и усмирению непокорных рабочих.

Список членов правительства, утвержденный на массовых рабочих митингах, сейм отверг и во главе власти большинством лишь десятка голосов поставил Свинхувуда.

— Устрой теперь так, чтобы сюда прибыли немцы, иначе мы ие справимся, — сказал Свиихувуд, отправляя за граиицу с секретной миссией своего друга профессора Хельсиикского университета Э. Ельта.

Свинхувуд не скрывал от друга, что теперь все надежды финляндской коитрреволюции связаны с победой вильгельмовской Германии.

— Поторопи возвращение егерского батальона! — напутствовал он Ельта и наметил точно то место иа севере Финляидии, где должиа произойти высадка егерей.

Королевский прусский 27-й егерский батальои был своеобразной воиской частью. Еще в 1914 году в Финляндии иачалась тайная вербовка добровольцев в германскую армию. Для них вблизи Гамбурга были организованы военные курсы «следопытов». Эта школа предиазначалась для создания командных кадров будущей армии Фииляндии, которую Свиихувуд и его сообщники мыслили только как вассала Германии.

Правительство Свинхувуда организовывало из шюцкоровских отрядов белую гвардию. Из Германии тайно шло вооружение белым: сто сорок тысяч винтовок, двести пятьдесят пулеметов, шестнадцать гаубиц, восемь полевых пушек.

Правительство заставляло голодать население южной, промышленной части страны и сосредоточивало на малолюдном севере огромные запасы продовольствия.

В городе Ваза, в окрестных селениях и в общине Лапуа скопилось много необычного люда, и на адреса северных станций приходили странные грузы.

Генерал Маннергейм тайно, с фальшивыми документами, под видом купца, выехал на север.

Цены на продовольствие в городах все росли и росли. Продуктов становилось меньше, очередей больше.

Предприниматели в ответ на введение восьмичасового рабочего дня сокращали производство и закрывали цехи.

Отец Ялмара стал безработным.

Айно вновь все вечера проводила в красногвардейском отряде — она с подругами шила патронташи, училась делать перевязки, подметала и мыла полы в помещении штаба. Она не высыпалась, и потом, когда разносила в кафе подносы и наливала кофе, у нее дрожали руки.

Мать Ялмара ходила на какие-то сектантские собрания.

Илмари почти не являлся домой — все время просиживал в редакции. Он писал статьи по всем вопросам, верстал номер, правил корректуры, черкал рукописи — и всегда был небрит, сумрачен, но деятелен.

Айраксинена можно было увидеть теперь не только в правлении профессиональных союзов. По воскресным дням он шагал за город, где около сосновой опушки красногвардейцы обучались строю.

Там можно было увидеть и Тетеря и Ялмара, который переводил приказания матроса на финский язык.

Ивар реже бывал среди красногвардейцев — он сейчас деятельно готовился к чемпионату французской борьбы.

Зато каждый день, каждый час жизни Ялмара теперь был поглощен работой в отряде, заботами и думами о нем. Ялмар был избран делегатом на съезд Красной гвардии, или, как иные называли ее, Гвардии порядка.

Из-за названия на съезде сразу разгорелась борьба.

В проекте устава, который предлагало центральное руководство социал-демократической партии, значилось: «Гвардия порядка». Но Тайми, делегат хельсинкских красногвардейцев, этот коренастый и всегда спокойный человек, в своем докладе от имени редакционной комиссии, председателем которой он был избран, предложил поправки к проекту устава:

— Во-первых — Красная гвардия!

Тайми, спокойный, уверенный в своей правоте, продолжал вносить другие поправки. Проект предусматривал полное подчинение гвардии комитетам социал-демократической партии. Тайми же добивался большей автономии для Красной гвардии.

— Революционная обстановка характерна тем, что она быстро изменяется, — говорил он с трибуны. — Иногда приходится действовать быстро, внезапно, и тут трудно будет согласовывать каждый шаг с постановлениями комитетов.

В перерыве между заседаниями он объяснял Ялмару свою позицию тем, что рабочие, входящие в Красную гвардию, гораздо революционнее, чем руководство социал-демократической партии.

— Это руководство может стать тормозом в развитии революции. Вот почему я добиваюсь большей автономии для Красной гвардии и ее штаба...

Секретарь Центрального комитета Туркиа немедленно вскочил со стула и взял слово вне очереди. За ним выступали и другие представители ЦК, присутствовавшие на съезде. Они думали провалить поправки. На трибуну выходили и сторонники поправок. Это были делегаты от красногвардейцев Хельсинки, Тампере, Абона, Выборга.

Взял слово и Ялмар. Когда он подходил к трибуне, ему казалось, что он скажет собравшимся нечто очень

важное: расскажет об обиде пастушонка, об обиде рабочих на руководство, которое плохо окончило так хорошо начатую всеобщую забастовку, о том, что больше нельзя терпеть, когда владельцы останавливают фабрики и выкидывают на улицу рабочих, что спекулянты так взвинтили цены на хлеб и продукты, что трудящимся стало невозможно жить. Но он не умел еще выступать перед большой аудиторией и, взойдя на кафедру, не то чтобы смутился, но вдруг потерял все свои слова и мог сказать только одно:

— Мы за поправки. Мы за революцию. Мы требуем оружия!

Прения длились целый день. После заключительного слова Тайми на трибуну вновь поднялся Туркиа и, нарушая регламент, потребовал слова.

— Почему он нарушает все правила?!

— Не надо! — раздались выкрики в зале.

Даже те, кто был полностью за проект, возмущались таким непорядком...

— Он не уважает правила и регламент, который мы установили, — крикнул Ялмар, — и мы не можем уважать такого руководителя!

Он встал с места и медленно двинулся к выходу. Вслед за ним поднялись еще делегаты, и еще...

Уже в дверях Ялмар услышал патетический выкрик Туркиа:

— Пусть уходят все, но я буду говорить — это необходимо для истории!

Тайми тоже вышел вслед за покинувшими зал. Ялмар слышал, как он, обернувшись, сказал про Туркиа: «Ну и болтун!» Ялмар согласился с ним.

В зале осталась совсем небольшая кучка красногвардейцев.

Однако, когда вечером происходило голосование, за проект, предложенный Центральным комитетом, было подано сто двадцать три голоса, а за проект редакционной комиссии — семьдесят восемь. И это произошло только потому, что от отрядов из больших городов посылалось на съезд по два делегата, а от других мест по одному...

— От четырех тысяч красногвардейцев Хельсинки здесь всего два делегата, иначе говоря — один делегат от двух тысяч, а от дачного поселка Тикуррила, где всего дюжина красногвардейцев, тоже один делегат! — говорил Тайми, опротестовывая результаты голосования.

Так окончился съезд, на котором был избран штаб всей Красной гвардии.

Назревали грозные события, а у красногвардейцев не было оружия.

Сговорившись с несколькими ребятами из городского штаба, Ялмар поехал в Петроград, чтобы закупить оружие.

До Хельсинки Ялмар ехал с делегатами, возвращавшимися к своим отрядам. Здесь же были и представители Центрального комитета. Дискуссия продолжалась и в вагоне. Заглянув в соседнее купе, Ялмар стал свидетелем того, как, размахивая рукой, словно мельница крылом, Туркиа кричал:

— Из партии выгоним!

— Я говорю то, что думают все красногвардейцы Хельсинки, — спокойно отвечал Тайми.

И действительно, через несколько дней на общем собрании всех отрядов Хельсинки проект Центрального комитета был провален более чем тысячью голосов против двух-трех десятков.

Ялмар плохо говорил по-русски. Ему неизвестно было, куда обращаться. И ему удалось купить в Петрограде только двадцать револьверов.

А из Хельсинки почти ежедневно запрашивали, требовали, просили, умоляли:

«Оружия! Оружия!»

Было известно, что белые готовят удар.

Закупив револьверы, Ялмар поехал домой.

Поезда были переполнены сверх меры и шли не по расписанию, ломая все графики.

Когда поезд часами стоял на какой-нибудь захудалой станции, окруженной тихими сосновыми лесами, Ялмару хотелось выйти из вагона, стать на лыжи и по-

бежать домой. Так, казалось ему, он добежит скорей к своим ребятам...

Но поезд все же трогался с места, и снова через замерзшие стекла окон видно было, как бегут в обратную сторону телеграфные столбы и провисают заснеженные провода.

Ялмар не мог заснуть — он все время стерег свой кожаный потертый чемодан, нагруженный драгоценным оружием.

— Муку везу детям домой, — ответил он соседу, удивленному тем, что Ялмар не выходит ни на одной станции, чтобы разогреться стаканом горячего чая. — Боюсь оставить чемодан.

Не прошло еще и полугода с тех пор, как по этой самой дороге, выполняя решение большевистского ЦК — скрыться от ищеек Керенского, — уезжал в Финляндию Владимир Ильич Ленин. Его сопровождал финн — большевик Эйно Рахья, который имел прочные связи с финскими железнодорожниками. Теперь Рахья был командиром отряда Красной гвардии Финляндской железной дороги, штаб которого находился на Выборгской стороне в Петрограде. И если Ялмар действовал на свой страх и риск, то Эйно Рахья поступил иначе: с просьбой об оружии он пришел прямо к русским товарищам.

И в один из таких полутемных зимних дней комендант Петропавловской крепости, служившей тогда арсеналом, получил предписание выдать финским красногвардейцам-железнодорожникам оружие.

На седьмом съезде Российской Коммунистической партии Ленин сказал: «...мы помогли нашим финским товарищам, — я не скажу, сколько, они это сами знают».

Читая эту речь, финские коммунисты вспоминали, как в самые тяжкие для Советской России дни, когда армии германских захватчиков рвались к Петрограду, — в ответ на просьбу Совета Народных Уполномоченных Финляндии Владимир Ильич распорядился передать еще два эшелона с оружием для финских красногвардейцев. Через несколько дней Ленин прислал в Хельсинки два санитарных поезда с медицинским персона-

лом и полным оборудованием. В тот же день они были отправлены на фронт и спасли немало жизней финских рабочих и крестьян, боровшихся за свободу своей родины.

Но, возвращаясь домой в последних числах декабря в нетопленом вагоне, не спуская глаз со своего чемодана, Ялмар еще не знал, да и не мог знать об этой неоценимой помощи русских товарищей.

Через два дня он был у себя в городе. Снова у вокзала высокие дома с розоватой гранитной облицовкой. Снова прямые, чистые улицы. Снова уже привычные и все же попрежнему волнующие разговоры.

На вокзале он услышал, как какой-то горбун, собрав около себя с десяток рабочих, горячо убеждал их:

— Нет, ничего еще не проиграно, ребята! Выходить из партии потому, что там такие типы, как Коски или другие трусы, не следует. Подумайте: может быть, лучше вышибить их из партии, а самим остаться?

— Дело говорит! — восхищенно сказал один из слушавших.

Горбун был еще совсем молод, говорил он весело, и даже глаза у него казались веселыми. Несмотря на свой горб, он был очень привлекателен.

«А он прав», — подумал Ялмар.

Дома никого не было, и Ялмар отправился поговорить с братом в редакцию.

Брата он разыскал в типографии. Весь испачканный свежей типографской краской, небритый, с небрежно повязанным на шее шарфом, Илмари правил корректуру и, кашляя, диктовал:

— Советское правительство России первым признало полную независимость Финляндии. В этом номере мы помещаем декрет Совета Народных Комиссаров и доклад Народного комиссара по делам национальностей И. В. Сталина.

— Ну, как дела? Ты прямо сюда, ко мне? В «Смольный» не заходил?

— Нет еще!

«Смольным» в городе назывался штаб Красной гвар-

дии. Так, впрочем, было и в Хельсинки и в других городах.

— На, читай! — Илмари подал гранку брату.

«Можно ругать Совет Народных Комиссаров, можно к нему критически относиться, но нет таких людей, которые могли бы утверждать, что Совет Народных Комиссаров не исполняет своих обещаний, ибо нет на свете той силы, которая заставила бы отказаться Совет Народных Комиссаров от своих обещаний, — говорил Сталин. — Это мы доказали тем фактом, что совершенно беспристрастно отнеслись к требованиям финской буржуазии о предоставлении Финляндии независимости и немедленно приступили к изданию декрета о независимости Финляндии».

Этот абзац доклада Илмари подчеркнул красным карандашом, что означало: набрать жирным шрифтом.

— На твоем месте, Илмари, — со злостью сказал Ялмар, — в нашей рабочей газете я бы жирным шрифтом напечатал вот это место из доклада, — и, взяв карандаш у брата, он отчеркнул:

«Финские рабочие и социал-демократы очутились в таком положении, что должны принимать свободу не непосредственно из рук социалистов России, а при помощи финской буржуазии. Видя в этом трагедию финского пролетариата, мы не можем не отметить, что финские социал-демократы только ввиду нерешительности и непонятной трусости не предприняли решительных шагов к тому, чтобы самим взять власть и вырвать из рук финской буржуазии свою независимость».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. МАТЬ БУДИТ СЫНОВЕЙ

Уже несколько вечеров подряд сын и отец, укладываясь вечером спать, просили мать: если ночью услышит она тревожные гудки бумажной фабрики, немедля разбудить их.

Набегавшись и наработавшись за день, они спали очень крепко, без снов, а у матери всегда, как бы она ни уставала, сон был чутким, и просыпалась она в заказанное время.

Илмари пришел поздно вечером, небритый и возбужденный. Отец еще не спал, и Ялмар словно сквозь сон слышал рассказ брата о том, что ему сегодня по телефону из Хельсинки сообщили, что в Кямяря и в Выборге уже произошли боевые схватки. И это было верно.

Прошло уже несколько дней с того часа, когда правительство Свинхувуда решило принять содержание шюцкоровцев на государственный счет, тем самым превращая эту организацию одновременно и в армию и в полицию.

Двадцать первого января шюцкоровские отряды внезапно заняли железнодорожную станцию в Выборге. Они хотели отрезать рабочие центры от Советской России.

Узнав, что из Петрограда к Выборгу приближается поезд, шюцкоровские отряды вышли навстречу на ближайшую станцию Кямяря. Их разведка уже успела донести, что это был особый поезд. В этом эшелоне железнодорожники-красногвардейцы везли оружие, получен-

ное от Ленина. Шюцкоровцы хотели неожиданным ударом разгромить красногвардейцев и перехватить оружие...

И хотя их появление было внезапным, красногвардейцы, сняв с платформы трехдюймовки, под прикрытием орудий, поддерживаемые огнем станковых пулеметов, обратили белогвардейцев в бегство.

Услышав дальнюю пулеметную и ружейную трескотню, красногвардейцы Выборга ударом с тыла заставили белых рассеяться.

Выборгские красногвардейцы были вооружены винтовками и пулеметами, которые они только вчера захватили в жаркой схватке на мебельной фабрике, где помещался шюцкоровский штаб.

Когда прорвавшийся к Выборгу эшелон подходил к вокзалу, его с восторгом встречали местные красногвардейцы, уже очистившие от врага станцию. И поезд с оружием пошел дальше.

Его встречали на станциях отряды, державшие на плечах палки вместо ружей. Просили двести винтовок — получали пятьдесят.

Красногвардейцы с радостью бросали палки тут же на снег, ружья брали на плечо и уходили на сборные пункты, а поезд (а за ним и второй) шел дальше и дальше, неся свой драгоценный груз.

Правда, не у всех красногвардейцев были только палки.

Два месяца со дня всеобщей забастовки не прошли напрасно.

В эту ночь правительство Свинхувуда, считая, что настал подходящий момент для удара, предъявило рабочим организациям ультиматум: немедленно распустить Красную гвардию, — а само бежало из Хельсинки на север, в Вазу.

В эту ночь на башне Рабочего дома в Хельсинки зажегся красным светом огромный фонарь — условный сигнал начала восстания.

В эту темную морозную ночь в конце января и в городе, где жил Ялмар, уже под утро раздались тревожные гудки бумажной фабрики.

Мать услыхала гудки; она уже с полчаса не спала и, лежа в темноте, все думала о том, что будут делать муж и сыновья, когда, наконец, раздадутся гудки: ведь они на бумажной фабрике не работали.

В последние дни они были так заняты, что ни о чем не успевали ей рассказать.

А в молодости муж ей много рассказывал интересных историй. Он был такой занятный рассказчик, что трудно было не заслушаться, и песни он певал лучше всех в городке. Может быть, эти песни и вскружили ей голову, может быть, из-за них она и полюбила этого человека, теперь такого измученного и угрюмого.

Какую же песню он чаще всего распевал?

Мать, улыбаясь, стала припоминать старую песню — таких теперь не поют, — и в эту минуту раздались тревожные гудки.

Мать прислушалась.

Кто-то шел по тротуару, и слышно было, как поскрипывает снег. Она встала и босиком подошла к окну, чтобы посмотреть, что творится на улице.

На стеклах окон мороз расписал ледяные листья, и ничего нельзя было разглядеть.

Она снова прислушалась и услышала ровное, мерное дыхание пяти самых близких людей. Она различала похрапывание мужа, сладкое посапывание младшей дочурки и спокойное дыхание самого здорового из всех — Ялмара.

Снова раздались гудки.

И тогда она вдруг со всей силой почувствовала, что эти гудки отнимут от нее сейчас — и, может быть, уже навсегда — то, чем она жила, всю радость ее жизни: любимых сыновей и дорогого (сколько было вместе прожито, сколько воспоминаний, понятных и близких только им двум!) мужа.

У нее занялось дыхание, и тогда, быстро надев залатанную юбку, осторожно ступая по холодному полу босыми ногами, она подошла к постели, на которой спали сыновья.

Ялмар проснулся от капли, упавшей на лоб. Упала вторая горячая капля.

Он быстрым движением поднялся и сел на кровати, спустив босые ноги на пол. Он шарил ногами, отыскивая ботинки, потом толкнул локтем в бок брата и радостно произнес:

— Илмари, слышал гудки? Наконец-то начинается настоящее дело!

Илмари стал одеваться. А мать подошла к мужу.

Он уже не спал и ворочался, скинув на пол одеяло.

Одни девочки спали как ни в чем не бывало, будто то необычайное, что происходило в комнате, в городе, в мире, их вовсе не касалось.

Мать постояла посреди комнаты, потом пошла в кухню, чтобы на прощанье хоть угостить их вкусным кофе. Но когда она вернулась, держа в руках горячий медный кофейник, сыновья и муж уже ушли.

«В морозную ночь, совсем натощак!» — с сокрушением подумала мать.

Она налила себе чашку кофе и уселась за стол.

Когда через час проснулись дочери, они увидели, что мать сидит за столом перед нетронутой чашкой холодного кофе.

II. ЧЕМПИОН ФРАНЦУЗСКОЙ БОРЬБЫ

Почти все красногвардейцы того отряда, где выбрали командиром Ивара, были уже на месте сбора, а Ивара все еще не было.

— Я думаю, он сегодня и не придет, а через день явится к нам уже чемпионом мира, — сказал рослый, широкоплечий красногвардеец с двустволкой за плечами.

— Чемпион-командир — это, конечно, лестно,— подтвердил собеседник, — но если сегодня тревога и боевой спор, а он на это плюет, то и мы на него плюнем.

— Борец! Силач! — недовольно сказал первый. — Что за польза от молока коровы, если она опрокидывает его наземь?

— Подождем Ивара с полчаса, а затем выберем другого.

Это утро, когда он услышал резкие и частые гудки тревоги, наступило для Ивара слишком рано.

Он все время надеялся, что пройдут без тревоги еще два-три дня — и тогда все было бы в порядке и ему не пришлось бы так мучительно раздумывать: что же делать сегодня и куда итти?!

Всю неделю в городе, несмотря на тревожное время, разыгрывался назначенный еще в начале года международный чемпионат французской борьбы.

Двойные нельсоны, все эти тур-де-бра и тур-де-теты и передние мосты больше захватывали внимание Ивара, чем международная обстановка и политические вопросы. Тем более, что всех своих противников он уже положил на обе лопатки и, пройдя полуфиналы, совсем легко дошел до самого финала. Сегодня в календаре чемпионата была решительная схватка двух борцов, оспаривавших первенство мира. Местные газеты — и не только та, которую редактировал Илмари, — решительно утверждали, что по количеству очков и качеству побед вопрос уже решен.

Газеты называли имя будущего чемпиона: Ивар.

Сегодня в полдень он должен стать чемпионом мира. Получить долгожданный диплом. И вот сегодня утром, в тот самый день, на который назначена финальная встреча, надо же было раздаться этим тревожным гудкам!

Конечно, если бы он не был избран командиром отряда, все решалось бы легче. Ну, пришел бы сегодня вечером в отряд и все объяснил командиру, тот бы все понял, — но... но теперь он сам командир.

Если Ивар сейчас не придет, все подумают, что в решительную минуту он струсил. А потом — сколько раз сам Ивар твердил о том, что активисты должны подавать пример... Нет, нельзя не итти...

С другой стороны, звание чемпиона мира тоже на улице не валяется. Сколько лет он втайне мечтал об этом, как готовился! Раздумывая, он медленно шагал по тротуару в это зимнее утро, и пар дыхания оседал изморосью на ворсе яркозеленого шарфа.

Ивар шел, не думая о том, куда идет, куда несут его ноги, и когда он в раздумье поднял глаза, то увидел, что, сам того не ведая, он уже решил.

Он стоял перед дверью пивной — местом сбора своего отряда. Да, переизбрать командира не пришлось, Ивар пришел на сборный пункт; его зеленый шарф служил как бы опознавательным флажком этой роты, которая славилась своим спортивным видом и выдержкой.

Ивар хотел сказать ребятам, чтобы они выбрали ему заместителя-помощника и что он днем на часок-другой уйдет из отряда — покончить с некоторыми личными делами.

Он распахнул дверь, спустился по двум ступенькам в чадное помещение, и его тут же обступили товарищи со своими вопросами, делами, тревогами, и даже мысли о чемпионате отошли куда-то далеко. И только весь день в глубине души оставалось ощущение чего-то несделанного. А дел было немало.

— Соседний отряд получил тридцать винтовок, а наш — восемнадцать, — сказали ему.

Надо было подумать об оружии.

Потом, стараясь скрыть свое смущение, перед Иваром встал белобрысый, веснушчатый, круглолицый парнишка. На вид ему можно было дать пятнадцать лет, и то, наверно, потому, что он напялил на голову котелок. Это он сделал для солидности.

— Меня зовут Ганнес! — радостно сказал он, как будто имя это было чем-нибудь знаменито и все его должны были знать. — Меня зовут Ганнес, и я хочу быть в твоем отряде, Ивар.

— Сколько тебе лет?

— Это не касается военного дела, — сказал парнишка и покраснел, — а я больше достоин носить оружие, чем многие красногвардейцы из твоего отряда.

— Это почему?

— Они, видишь, скулят об оружии, а я сам достал себе винтовку и двести патронов.

— Где они?

— Если примешь в отряд, принесу.

— Откуда достал?

— Обменял у демобилизованного солдата на пару сапог и часы.

— Можешь принести винтовку в отряд, — разре-

шил Ивар. Этот парнишка ему чем-то понравился, хотя смешны были и его напускная развязность и котелок, наползавший на уши.

Другого паренька, хотя за того и ходатайствовал отец-красногвардеец, в отряд он не взял.

— Молод еще!

Это был тот самый паренек, который во время забастовки забивал досками окна работавших мастерских.

— Да ведь я в одном классе с Ганнесом учился! — вырвалось у парнишки, но Ганнес, стоявший уже в дверях, оглянулся и так посмотрел на своего однокашника, что тот сразу притих.

В эту минуту на улице раздались какие-то непонятные крики, шум, цоканье. Все бросились к окнам.

В подвальные окна видны были копыта мчавшихся по улицам лошадей.

Ганнес успел уже выбежать на улицу.

С гиканьем и криками скакали на разномастных лошадях в самых разнообразных седлах и даже без седел красногвардейцы. Летели лавой, не соблюдая строя, разными аллюрами. А впереди других мчался Ялмар.

Это был кавалерийский красногвардейский отряд Ялмара.

Ганнес это знал, пожалуй, лучше, чем кто-нибудь другой из окружавших, потому что только сегодня Ялмар отказался принять его в свой отряд.

И теперь Ганнес, обрадованный решением Ивара, все же с легкой завистью смотрел вслед скачущим по мостовой красногвардейцам.

Большинство из них держалось в седлах еще неуверенно. У одного нога выскочила из стремени, и он все время на ходу пытался носком зацепить стремя и не попадал. Это было смешно.

А всадники мчались за Ялмаром к «Смольному».

Они гикали и шумели больше, чем полагалось. Всех их переполняло ощущение того, что улицы — наши, совсем наши. И это новое и радостное сознание того, что город, еще вчера бывший во многом чужим, с враждеб-

ной полицией на перекрестках, — сегодня целиком уже навсегда их, переполняло красногвардейцев. Улицы казались шире, чем всегда, дома наряднее и выше, погода лучше.

У «Смольного» Ялмар соскочил с коня, оглянулся — все всадники были здесь, ни одного на этот раз не сбросила лошадь — и побежал по ступенькам в революционный комитет.

— Айраксинен! Айраксинен!

Он торжествовал свою правоту и все же был бы рад, если бы предсказание его не исполнилось.

— Что я говорил, Айраксинен? Тех хороших ноябрьских лошадей уже нет! Своего Араба барон Вреде переправил в Вазу, на север! Осталась разная шваль. Да еще пришлось у извозчиков конфисковать лучших!

— Извозчичьих необходимо возвратить, — вставил подошедший Коски, ероша и без того взъерошенные волосы.

— Ну, уж на этот раз я никого не послушаю, — спокойно сказал Ялмар, и Коски понял: спорить напрасно.

— Получено воззвание из Хельсинки, — сказал Айраксинен: — «Революция началась во имя демократии и всеобщего блага. Центральное правление партии, чувствуя, что после ноября доверие к нему среди рабочих пошатнулось. . .»

— Что правда, то правда, — вставил какой-то красногвардеец. Но Коски посмотрел на него так гневно, что он смутился.

— «. . .создало Исполнительный комитет, куда вошли, кроме партийного руководства, профсоюзники, кооператоры и представители Красной гвардии. А комитет этот выделил Совет Народных Уполномоченных». Одним словом, наше, рабочее правительство! Вот воззвание. Я его сейчас передал Илмари. . . Сегодня будет в газете. . .

Ялмар и все собравшиеся читали вслух воззвание Исполнительного комитета финляндских рабочих.

Они волновались, читая слова, которых так долго ждали и почти все время повторяли на митингах и со-

браниях и которые все же в этот час снова казались откровением:

«Час великой революции пробил для финляндского рабочего класса!»

Во всех городах южной и центральной Финляндии революция уже победила.

Власть в Хельсинки и других крупных городах уже принадлежит рабочему классу.

На севере в отдельных городах идут вооруженные схватки.

В других местах, где у власти лахтарн, объявлена всеобщая забастовка.

«Речь идет не о назначении только новых людей вместо прежних, а о свержении всей бюрократической системы».

Воззвание было обращено ко всем трудящимся города и деревни.

«Никаких переговоров с вооруженными коварными врагами!»

И заканчивалось это воззвание так:

«Мы твердо убеждены в том, что наш трудовой народ, как нынешнее, так и грядущее поколение, будет еще много раз благословлять эту революцию, которая положит начало новому, более счастливому времени для Финляндии».

И подпись:

«Председатель: Ээро Хаапалайнен».

Этого человека знали. Старый профсоюзный работник, в 1905 году он был боевым журналистом и одним из популярных организаторов Красной гвардии. С тех пор он только и жил этой своей славой, и ничего примечательного не было ни в его выступлениях, ни в его делах.

Правда, Коски хотелось бы на этом месте видеть подписи соглашателей — Токоя, Туркиа или Таннера. Но и тот, и другой, и третий тоже входили в состав Совета Народных Уполномоченных, хотя и принадлежали к той части центрального правления партии, к которой, как говорилось в резолюции самого правления, после ноябрьской забастовки доверие рабочих пошатнулось.

Там были Сирола, Куусинен и другие всем известные люди. И Тайми не только не был исключен из партии, как грозился Туркиа, а, наоборот, по настоянию Куусинена, кооптирован в центральное руководство — и через несколько дней он вошел в Совет Народных Уполномоченных.

...Ялмар привык к тому, что слова Сирола всегда правдивы и правильны. Он любил читать его статьи и уважал этого энергичного, умного и принципиального человека, ставшего теперь уполномоченным по иностранным делам.

Ялмар прислушивался к каждому слову Куусинена, редактора центральной газеты, блестящего и остроумного оратора, журналиста большой силы.

То, что Куусинен только народный уполномоченный по просвещению, несколько обидело Айраксинена.

Поблескивая очками, он сказал:

— Вот это действительно наш человек. Хоть он и магистр философии, но сын прачки и портного, — это во-первых; а во-вторых, в Красной гвардии в 1906 году он был начальником одного отряда. Невысокий человек с огромным маузером у пояса, совсем еще молодой, он ходил перед строем и читал свои революционные стихи. Я рабочий человек, многое видал и стихам не особенно доверяю. Песня — дело иное... Но это были, поверьте мне, стихи почти как у Рунеберга. А потом, когда мы уже сидели в казематах, после Свеаборгского восстания, был партийный съезд. И когда сенат распустил нашу Красную гвардию, там, на съезде, товарищ Куусинен сказал так...

И Айраксинен громко, словно скандируя стихи, произнес:

— «Я предложил бы ответить сенату, распустившему Красную гвардию, следующим единогласным решением: «С сего времени каждый из нас красногвардеец»...

— И я могу тебе по секрету сказать, дружище, — подмигнул он Ялмару, — что эти слова здорово нас подогревали в холодных камерах.

— Он еще и заместитель председателя Совета Уполномоченных, — утешил Ялмар старика.

— Правда! Как же я это пропустил! — улыбнулся Айраксинен.

Да, таким людям можно было верить.

— Они уж революцию двинут по-настоящему, — сказал красногвардеец.

— Революция делается сама, ее нельзя ускорить или замедлить, это ненаучный взгляд на вещи, — вступил в разговор Коски.

— Тоже ученый! — рассердился красногвардеец. — Ты такой же рабочий, как и я, а науки у нас разные. По одной — можно ускорить революцию, а по другой — нельзя.

Айраксинен прервал спор, указав на окно:

— Смотрите! Смотрите! — и в его возгласе слышалось восхищение.

По улице шел грузовик.

На крыльях его лежали, устремив вперед винтовки, красногвардейцы. Над кузовом высоко развевалось красное знамя, и весь грузовик щетинился штыками, а переполнявшие его люди громко, но не в лад пели баррикадный марш.

Это было чудесно! Ялмару сразу вспомнилась его машина в Петрограде в февральские дни — она была совсем такой же.

— Да здравствует революция! — кричали с грузовика, приветствуя местный революционный комитет, кричали и стреляли в воздух.

У задней стенки кузова Ялмар заметил своего отца.

Айраксинен, сорвав с головы фуражку, с восторгом махал ею проезжавшим. Ялмар увидал, как, испугавшись звуков клаксона, его лошади встали на дыбы. Он бросился вниз...

Русский матрос Тетерь, стоявший на мостовой, уже помогал красногвардейцу успокаивать лошадей; протянув руку Ялмару, он сказал:

— В первых строках письма поздравляю товарищей с братской революцией, а во вторых прошу распорядиться, чтобы не стреляли зря в воздух. Это к лицу только бельгийскому королю, а не рабочему воину. Большие, что ли, у вас запасы?

А Ивар, сидевший в грузовике, вспомнил о том, что на финальную борьбу ему уже не пойти — поздно! Звание чемпиона откладывается для него на неопределенное время.

— Все равно мы тебя считаем чемпионом мира, — успокоил его сосед-красногвардеец.

А другой, с бородкой, подтвердил:

— Самое главное — это признание товарищей.

— Что верно, то верно.

Ивар подумал, что официально запротоколированное решение жюри тоже не повредило бы ему. Но он не ответил своим собеседникам и, размахивая шарфом, громко закричал:

— Да здравствует Красная гвардия!

III. ЖЕНСКИЙ БАТАЛЬОН СМЕРТИ

Все это произошло оттого, что в казармы были присланы облегченные кавалерийские карабины.

С карабинов нужно было снять густо облепившее металлические части сало, затем прочистить их, как полагалось, и снова сдать под расписку коменданту.

Это была уже пятая партия оружия, над которой трудились женщины.

Час в день, после тяжелой работы, они все занимались в санитарном кружке. Затем они принимались за шитье брезентовых патронташей, стирали белье для красногвардейцев, подметали казармы и мыли полы.

Изо дня в день, после восьми часов работы у рольных машин, у ткацких станков, у дефибреров бумажной фабрики, среди одуряющих испарений целлюлозных цехов, приходили они мыть, скоблить затоптанные полы холодных казарм, стирать белье, пока не потрескается кожа на покрасневших руках. Они не ждали за свою работу ни платы, ни внимания, ни даже простой благодарности в приказе. Незаметная, самоотверженная работа изо дня в день! И все же в казармы на такую работу приходило свыше сотни женщин.

Шитье патронташей было самой легкой и приятной их работой.

Правда, Айно больше всего нравилось снимать обильную смазку с новых партий винтовок, разбирать их и чистить. Она узнала, как устроены германская и русская винтовки. Но эти винтовки были тяжеловаты и, казалось ей, неуклюжи. А вот когда принесли две сотни кавалерийских карабинов, у нее вспыхнула одна мысль. В тот вечер она ни с кем не поделилась этой мыслью, осуществление которой было для нее пределом мечтаний, но не могла заснуть даже в эти четыре часа, отведенные на сон.

Утром, когда она в кафе разливала посетителям в чашки кофе, к ней подошла экономка и взяла из ее рук кофейник.

— Так ты испачкаешь все скатерти. Посмотри, как дрожат у тебя руки. У тебя случилось какое-нибудь несчастье? Или ты просто больна?

— Я поздно занималась в казармах, — сказала ей Айно на кухне. Не спорить же было при посетителях!

Когда прошли эти томительные восемь часов работы в кафе, она торопливо сбросила свой передник, сняла с головы наколку и быстро пошла в казарму. Там женщины уже чистили кавалерийские карабины.

Айно взяла карабин, легко проделала перед подругами несколько приемов фехтования, которые показывал Айраксинен на учении еще в декабре.

— Ловко у тебя получается! — восхитилась Мария, мать двух ребят, текстильщица, работавшая рядом с ней.

Сегодня был воскресный день, и поэтому работницы с фабрики пришли раньше, чем Айно. А некоторые трудились здесь даже с утра.

— Девушки, знаете что? Давайте организуем сами боевой отряд Красной гвардии, женский. С этими карабинами мы управимся легко!

— Ну, а вдруг никто не захочет? — усомнилась какая-то женщина, подметавшая комнату.

Однако, когда Айно здесь же начала пробную запись, эта женщина записалась одною из первых.

Она стояла перед Айно, опираясь на сырую швабру, и диктовала:

— Пиши: Алиса Саволайнен, бумажница, двадцати двух лет...

В отряд записалось сто двадцать семь человек.

Они решили отправить делегацию в революционный рабочий комитет и штаб Красной гвардии, просить разрешение организовать женский батальон смерти.

Никто из них еще ни разу в жизни не выстрелил боевым патроном, но «женский батальон смерти» — звучало очень красиво, и враги должны были трепетать уже только от одного этого названия.

В делегацию были избраны Айно, Алиса Саволайнен и — для солидности — Мария, мать двух детей.

В революционном комитете просьбу их встретили улыбками. Уже одни эти улыбки было нелегко сносить. Но когда встал во весь свой длинный рост однорукий Коски и сказал так громко, что можно было слышать и через три комнаты: «У вас отберут эти винтовки, оружия у нас и так не хватает!» — это было уж слишком.

А старик Айраксинен ни слова не сказал ни за, ни против предложения Айно, и только когда говорил Коски, он плотнее уселся в свое кресло и, блеснув очками, вырвал листок блокнота и стал что-то писать на нем.

Айно говорила, и голос ее дрожал от обиды: ей было стыдно, что она возвратится к товаркам не солоно хлебавши.

И в самом деле, может быть, лучше было бы не спрашивать никакого разрешения, а, как предлагала одна из женщин, взять себе самочинно карабины и завтра утром явочным порядком — уже в строю — явиться к ревкому...

Но Айно так не могла делать. Ведь она была член партии, социал-демократка.

— Нет, мы никому не отдадим полученного нами оружия, — сказала она. — А если нет к нам доверия, то пусть для проверки поручат нам хоть гарнизонную и караульную службу.

Коски шагал по кабинету, ничего не отвечая. Потом стал чиркать спичку за спичкой, стараясь зажечь папиросу. Айно хотела ему помочь, но у нее мелькнула мысль: вдруг Коски подумает, что она подлизывается к нему, чтобы он разрешил организовать женский батальон смерти, — и осталась стоять, как стояла.

Тогда Айраксинен поднялся с кресла и протянул ей бумажку.

— Возьми, это ордер на выдачу оружия и обмундирования, — сказал Айраксинен.

Айно чуть не подпрыгнула от радости. Но здесь надо было быть серьезной, а то вдруг отнимут бумажку...

Три подруги сбежали в вестибюль. Айно увидала старого своего приятеля Ялмара. Здесь не надо было сдерживаться, она подскочила к нему и, взяв за талию, закружила его в каком-то непонятном танце. Алиса и Мария стояли в дверях и смеялись. Часовой взглянул на них и, тоже довольный, улыбнулся. А Ялмар хотя был высок и строен, но в танце, да еще без музыки, выглядел неуклюжим и смешным.

— В чем дело, Айно? — спросил он, когда девушка, наконец, выпустила его.

— Организуем женский отряд!

— Завербуй тогда и мою сестренку.

— Ладно! — Айно заторопилась вслед за подругами.

И они пошли сначала прямо к складу, где хранилось обмундирование. Всюду был введен уже восьмичасовой рабочий день, но в штабе, в ревкоме и даже в кладовых штаба и ревкома работа шла круглые сутки.

Радость не оставляла Айно. Она готова была плясать тут же, на тротуаре. Есть оружие! Есть женский батальон!

Так она радовалась и торжествовала, пожалуй, только раз в жизни.

Они, двенадцать девушек, работали в позапрошлом году в пансионате. С шести утра до часу ночи. Жили на чердаке, спали на нарах. Не успевали положить голову на подушку, как их уже одолевал крепкий сон. И вот старшая экономка, злая старуха, противная карга, — а как она была предупредительна и вежлива с постоялъ-

цами! — придумала способ будить их. Брр! До сих пор Айно поеживается, когда вспоминает, как ползет за шиворот по спине струйка холодной воды. Девушки вскакивали со своих постелей, и начиналась беготня уже на весь долгий, долгий день. Но пойди пожалуйся! Пятнадцать марок жалованья на большой дороге не найдешь! Как ненавидели девушки эту экономку! Она была мелочна, придирчива и подозрительна.

Как-то она повздорила с постоянным клиентом, и хозяин рассчитал ее.

Это был большой праздник для всех служащих. Уезжала экономка! Дворник вынес и положил на пролетку два чемодана. Старуха взгромоздилась на сиденье пролетки. Тогда вышли за ворота провожающие — весь низший персонал. Они исступленно били в кастрюли, колотили ложками по пустым медным кофейникам и чайникам, барабанили скалками по тазам, стучали ножами, звенели вилками и, громко смеясь, кричали:

— До свиданья, до свиданья, дорогая!

— Дай бог больше с вами не встречаться!

— До свиданья, милая!

А та, плотно сжав губы, гордо подняв голову, стараясь не смотреть на здание пансионата, высоко восседая на пролетке, отбывала восвояси. Не разобравшись толком, в чем дело, извозчик, желая получить чаевые, льстиво сказал:

— Ну и любят же вас здесь, мадам, — таких громких проводов я что-то не упомню.

В ответ он получил короткое:

— Дурак!

Уже прошло три часа с тех пор, как ушла делегация.

Девушки с вычищенными карабинами в руках заняли самый большой зал казармы. Здесь будет расквартирован женский батальон.

Еще раз натерли полы, швабрами обтерли потолки и стены. Казармы женского батальона должны быть образцовыми. Но ни Айно, ни Мария, ни Алиса не появлялись и не было от них никаких известий... Должно быть, в штабе косо посмотрели на их предложение.

— Эти мужчины всюду одинаковы, — сказала с горьким разочарованием восемнадцатилетняя девушка.

— Как будто уж и ты знаешь мужчин! — засмеялась старшая подруга.

Неизвестно, что хотела ответить вспыхнувшая девушка, потому что в эту минуту двери зала распахнулись и, не входя в комнату, сразу все три делегатки закричали:

— Скорей идите вниз, разбирайте обмундирование!

Что тут началось!

Выгружали привезенную в санях добычу.

Девушки волочили связки гимнастерок, шаровары, обмотки, фуражки, ватные штаны и куртки. Было несколько пар валенок и сапог...

В первый раз они выстроились по росту. Разобрали винтовки. Каждая расписалась в ведомости и до конца своей жизни запомнила номер винтовки.

Но настоящее веселье началось тогда, когда девушки, сбрасывая свои платья, тут же на месте стали переодеваться в военное мужское обмундирование.

Все они плотно обмотали икры серыми обмотками, но большинству так и пришлось остаться в дамской обуви на высоких каблуках.

На этих каблуках они и протопали потом всю жестокую зимнюю кампанию.

Айно переоделась быстрее, чем подруги, и побежала к телефону. Она позвонила, так как уже было заполночь, не в кафе, а на дом к старшей экономке.

— Говорит Айно.

— Что стряслось? — было слышно и по телефону, что старушка взволновалась.

— Вы не спите?

— Нет, голубушка. Ты что, заболела?

— Да нет же... Я... то есть мы все, больше ста человек, просим вас прибыть немедленно в казарму, на третий этаж.

— Зачем?

— Неудобно говорить по телефону... Но очень важно... правда, необходимо.

— Если так, буду через пять минут.

Алиса слышала этот разговор и недоумевала, зачем могла сейчас понадобиться эта старуха.

Откуда-то в зал притащили большое трюмо.

Девушки столпились около этого трюмо, во весь рост отражавшего их в новом одеянии. Оказалось, что многим военная форма к лицу. Правда, длинные и толстые косы не укладывались под фуражкой. Но лицо становилось еще моложе и задорнее.

Айно немало пришлось потрудиться, прежде чем она их выстроила в две шеренги по росту. Почти все они были раньше в спортивных кружках и умели строиться, но сейчас они были очень увлечены переодеванием. Многие знакомы чуть ли не с детства, а сейчас просто не узнавали друг друга. И это было смешно.

Однако Айно все же удалось их построить, и она уже стояла перед строем, когда появилась одетая в черное парадное платье старая экономка — ее начальство по кафе.

Айно заговорила. Она впервые говорила перед многочисленным собранием, но ее слушали очень внимательно, в полной тишине.

Она взглянула в окно — темная зимняя ночь стояла за окном.

А экономка волновалась и все время тихо, испуганно спрашивала:

— Что вы собираетесь делать? Что вы собираетесь делать?

Она первый раз в жизни видела вооруженных винтовками женщин.

— Не дай бог выстрелит какое-нибудь ружье — беды не оберешься!

Айно говорила:

— Нам нужно избрать командира. Вот я и подумала, что вы, как старый член партии и человек, не состоящий в нашем батальоне, лучше всего сумеете провести выборы командира самым демократическим порядком.

Выпалив эту тираду единым духом, она сразу же заняла место в строю на правом фланге.

Но ей не дали договорить. Все девушки закричали:

— Пусть будет Айно! Пусть будет командиром Айно!

— Айно — командир...

— Айно!

Айно упрямо смотрела на потускневшую штукатурку казарменной стены, освещенной неярким светом маломощной электрической лампы, и ждала, пока выкликнут и другое имя.

Но никто не назвал другого кандидата.

Айно приняла свое избрание как должное.

Она вышла из шеренги. Теперь на нее ложится ответственность перед семьями и перед революцией за жизни этих девушек!

Сердце у нее билось так, как никогда, но внешне она была совсем спокойна.

Айно облизнула пересохшие губы и сказала:

— Тогда, девушки, я должна вам сказать несколько слов. Нам доверили винтовки... Нам доверили оружие... Это обязывает нас ко многому. Я была в штабе, и там кое-кто говорил: «Вы, женщины, и винтовок не удержите, их отберут у вас, и будет урон нашему вооружению. Оружия у нас и так не хватает... Очень мало». Мы должны доказать, что это не так, и, взяв оружие, должны удержать его!..

Это было ее первое выступление на собрании. Но здесь ведь были все свои!

— Товарищи! Звание красногвардейца, принятое сейчас нами, — высокое звание. И мы, удостоенные его, должны быть примерными во всех отношениях. Мы должны доказать, что принесем пользу революции. На первых порах нам поручат караульную службу в городе. Еще раз скажу — винтовку надо беречь и управлять ею как следует!

В ответ раздались возгласы:

— Не отдадим винтовок!

— Не отдадим лахтарям!

Старая экономка подошла и, крепко пожав ей руку, сказала:

— Да ты, Айно, молодец! Как хорошо говорила!

Но Айно было сейчас не до похвал. Нужно разбить отряд на взводы. Назначить взводных командиров.

Алиса, конечно, и Мария. Надо было... Черт его знает, сколько впереди было дел!

На другое утро, когда Айно шла по улице в военной форме, она сразу и не поняла, почему некоторые изящные, хорошо одетые дамы, завидев ее, быстро переходят на противоположный тротуар.

IV. ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

Айно шла в городской штаб, который помещался в бывшем здании Армии спасения. Неподалеку от штаба она догнала шагавшего вразвалку моряка Тетеря. Он сейчас шествовал по тротуару рядом с какой-то невысокой и полной девушкой.

«Нашел, наконец, себе нэйти», — улыбнулась Айно и, не обгоняя, пошла сзади.

Они разговаривали по-русски.

— Значит, тебя зовут Ольга? А меня Николай. Будем знакомы. В шестнадцатом году только по случаю не попал в крепость, а то и под расстрел, во время матросского восстания. Комендор моя квалификация. Не знаешь, что такое? По-сухопутному — артиллерист. Ты меня прости, Оля, что уж очень я разговорчив. За столько времени первый раз по душам могу вдосталь поговорить. Никто по-русски не понимает. Чистая беда! И в лавочку придешь, только и можешь спросить «майто» и «лейна». Майто — это по-ихнему молоко, лейна — хлеб...

Ольга улыбнулась:

— Я знаю! Я сама финка, только из Петрограда. Приехала вчера. Сестрой милосердия буду работать здесь, в отряде Ивара. А по вечерам на пулеметных курсах буду переводчицей.

— Ну, хоть ты и финка, но должен я тебе открыто сказать, что прямо душа болит смотреть, как вы воюете! Буржуя надо брать под жабры, не давать ему отдышаться. А вы все на собраниях голосуете, переголосовываете, согласуете! Красногвардейцы как в городе — хороши, а из города трудно выманить... Так в городах и сидят, ждут, пока белые к ним собственной персоной

заявятся. Разведки не ведут... Разреши, я тебя, сестренка, под руку захвачу... И что это все я один говорю? Нет, ты мне обязательно все интересные новости выложи. Вчера, говоришь, приехала?

— Да, вчера.

— Где вещи оставила?

— Да вот, товарищ Тетерь, стоит в подъезде штаба моя корзинка. Никто не возьмет, там люди честные... Ну вот мы и дошли! Мне сюда!

И, не доходя до штаба, Ольга нырнула в парадное дома, во дворе которого находились пулеметные курсы. Тетерь пошел дальше и, когда Айно с ним поровнялась, приветливо махнул ей рукой, как старой знакомой. Он тоже направлялся в штаб.

В штабе уже были начальники отрядов — Ивар, Ялмар и другие.

Действительно, готовилось наступление. Фронт был близок.

Это были дни побед рабочей революции.

В Хельсинки, столице молодой республики, развевалось красное знамя рабочей власти.

В Турку, этой старинной столице Финляндии, на берегах уже замерзшей Ауры, Красная гвардия преодолела сопротивление противника и передала власть рабочим организациям.

Тампере, известный и за рубежом своими текстильными фабриками, безоговорочно с первых же дней революции принадлежал рабочим.

И каждый день, каждый час приходили известия о новых победах, о новых достижениях молодой рабочей республики.

Прославленный в старых войнах Бьернборг, приморский город Котка, прекрасный порт Ханко, Выборг и Лахти и десятки городов и поселков, старинных и новых, знаменитых и малоизвестных, были теперь в руках рабочих.

Все крупнейшие города страны, вся ее промышленная часть, короче говоря — вся южная часть Финляндии теперь принадлежала им.

Если кто и не соглашался с новыми порядками, тот

таился в подполье, ждал «лучших» времён или стремился перебраться на север.

И вначале, когда после своей блестящей и быстрой победы рабочие отряды были еще слишком доверчивы и верили на честное слово, многим реакционерам удалось пробраться на север, к Маннергейму.

В это время Ленин и Сталин подписали от имени Российской Социалистической Федеративной Советской Республики первый международный договор. Это был договор дружбы с братской Финляндской рабочей республикой.

А на севере страны дела шли гораздо хуже.

Здесь была финляндская Вандея. Реакционеры избрали своей базой округ Ваза с его реакционно настроенным зажиточным крестьянством. В этом округе было и местечко, приобретшее впоследствии скандальную славу, — Лапуа.

Отсюда начало свои действия бежавшее из Хельсинки на заранее подготовленные позиции правительство Свинхувуда — Свиноголового.

Сюда были стянуты силы белых из всей Финляндии.

Первым шагом этих правителей было предательское нападение на разбросанные малочисленные отряды русских войск, уже на три четверти демобилизованные, ждущие отправки на родину. Русские матросы, находившиеся в Вазе, вели бой с белыми в течение нескольких часов. В Улеаборге финские красногвардейцы вместе с русскими солдатами в течение пяти дней оказывали упорное сопротивление превосходившим их во много раз белогвардейским силам.

Несколько дней продолжались уличные бои в городе Куопио и близлежащем промышленном местечке Варкуус.

Сопротивление отдельных разрозненных, далеко друг от друга отстоящих рабочих местечек на севере было подавлено белыми с неслыханной жестокостью, прежде чем местные красногвардейцы успели получить поддержку от рабочих отрядов юга.

Раздавив отдельные пролетарские почти безоружные отряды здесь, на севере, Маннергейм сосредоточил

все свои силы на борьбе с Красной гвардией, которая, преодолев сопротивление белых на юге, начала продвигаться на север.

В результате наступления белой армии с севера на юг и встречного наступления Красной гвардии на север образовался фронт гражданской войны от Ботнического залива до Ладожского озера, длиной около четырехсот километров.

Вся промышленная часть страны оказалась в руках рабочей армии, у белых же — большая часть территории малонаселенной, но дающей возможность широкого маневра.

После образования фронтов гражданской войны наступило некоторое затишье. Белые перешли к обороне занятых ими выгодных позиций, считая свои силы еще недостаточными для перехода в общее наступление против главных жизненных центров рабочей Финляндии. Это время они использовали для лихорадочной организационной работы. Господствуя над обширной территорией, непрерывно получая большие запасы оружия из Германии, имея тысячи офицеров, белые организовывали свои силы по немецкому образцу.

И хотя рабочее правительство, занятое законодательством, не уделяло нужного внимания фронту, финские рабочие развернули в течение нескольких недель на фронте протяжением в четыреста километров крупную, восьмидесятитысячную революционную добровольческую армию.

И это без кадров военных специалистов! И это при том, что почти никто из красногвардейцев до января восемнадцатого года не держал в руках винтовки!

Ведь всеобщая воинская повинность в Российской империи не распространялась на финнов.

Правда, красногвардейцам не хватало военной выучки, оружия, дисциплины, но это был цвет рабочего класса. Они готовы были отдать за победу все, даже самую жизнь, — и многие её отдали, — но они не знали, как это сделать так, чтобы вернее обеспечить победу.

Снимем шапки перед памятью погибших!

Военному специалисту заседание местного штаба показалось бы бестолковым, слишком многолюдным. Решались вопросы наступления, самые секретные, — но при открытой форточке громко выкликались наименования отрядов, их численность, вооружение, громко бранили главный штаб в Хельсинки, невнимательный к запросам мест...

— Что ж, наступать — так наступать! — сказал Ивар.

В городском штабе его называли «Чемпион».

— Я ставлю вопрос об организации отряда из торпарей и рыбаков, — сказал человек в кожаной зюйдвестке.

Он пришел сюда, в город, обветренный, с зимним загаром, прямо с подлёдной рыбной ловли, не заходя к себе в деревню.

— И без того все знаю, что там творится! — говорил он, уминая большим заскорузлым пальцем табак в трубке.

Айно его хорошо знала. Он время от времени приносил весь свой улов в кафе, где работала Айно. И всегда рассказывал о рыбной ловле такие интересные истории, что даже невозмутимый старший повар с завистью глядел на него.

Когда уходил рыбак, повар говорил:

— Я у огня, он у воды — каждому своя радость.

Когда же повар был угрюм, эта фраза поворачивалась так:

— Я у огня, он у воды — каждому свое горе!

Но Айно всегда казалось, что у воды радости больше.

В город рыбак теперь пришел не один, а с дюжиной других рыбаков и батраков, и они громко требовали у штаба оружие и требовали организовать отряд из батраков и торпарей.

Айно не стала дожидаться, чем на этот раз окончится обсуждение, и вместе с Иваром вышла на улицу.

V. ПРОЩАНИЕ

Перед тем, как отряду выступать из города, Ивар зашел попрощаться с Лидией.

Она была чертежницей и жила одиноко.

Ивар быстро взбежал по лестнице на второй этаж, распахнул всегда отпертую дверь квартиры и прошел по коридору к комнате Лидии.

В комнате был свет.

Лидия сидела на диване и даже не встала навстречу Ивару.

Он вошел с мороза, раскрасневшийся и довольный.

Но она была в этот вечер совсем другой, чем обычно. «Может быть, обиделась, что я почти неделю не заходил, — ведь столько дел в отряде! Или нет, наверно узнала, что отряд мой уходит из города, и ей не по себе», — подумал Ивар и поднял руку, чтобы погладить ее мягкие волосы.

— Не надо, Ивар, — тихо молвила девушка. — Я хотела тебе сказать, что ухожу от тебя.

Нет, этого он не ожидал.

Иногда он думал о том, что, возможно, когда-нибудь они и расстанутся. Но мысли эти были похожи на мысли о том, что когда-нибудь придется умереть, — все это было далеко и непредставимо.

— Мне очень тяжело расставаться с тобой, очень тяжело. Но я полюбила другого человека и стану его женой.

Ивар пытался распутать зеленый шерстяной шарф, который почему-то не хотел сегодня разматываться.

Она встала и подошла к Ивару.

— Кто он? — спросил Ивар, хотя это ему сейчас было совсем безразлично.

— Техник из Выборга...

— А может быть, это пройдет у тебя? И ты вернешься ко мне... — дальше говорить ему было трудно, не хватало воздуха.

— Нет, это серьезно... Я бросаю службу и еду туда, к нему.

Глаза ее наполнились слезами. Она снова села

на диван, и он опустился рядом и взял ее горячие руки в свои.

Девушка плакала искренне и горько, и от этих слез она казалась ему еще милее и роднее, чем всегда.

— Я ночь не спала, думала об этом. Я, наверно, нехорошая, дурная женщина. Но это сильнее меня.

— Нет, ты хорошая, — еще тише возразил Ивар и прижался губами к ее руке.

Он ощущал губами, как пульсирует жилка на ее руке. Никогда в жизни не было ему так тяжело и больно, как сейчас, и он не мог, не хотел верить своему несчастью. И то, что девушке было тоже тяжело, доставляло ему тайное удовлетворение.

— Ну, успокойся, не плачь, — сказал Ивар; этим он отгонял и свою тоску.

Услышав его слова, девушка стала всхлипывать еще чаще. Ивар спросил:

— Ты меня больше любить не будешь?

Она молчала.

С припухшими и мокрыми от слез глазами, она казалась ему дороже, чем всегда.

— Прощай, — сказал он и вышел на лестницу.

И только когда за ним захлопнулась дверь, Ивар вдруг внезапно понял, что то, что казалось ему болью, пустяк в сравнении с тем, что предстоит сейчас. Он стиснул зубы и чуть ли не побежал... Никогда ни с кем нельзя будет по-настоящему вспомнить о бывшей радости, о счастье, испытанном вместе; об этом можно было вспоминать и говорить с одной только женщиной, с ней... Но она...

— Никогда, — сказал он вслух, и ему стало страшно.

Он вспомнил ясный, солнечный день. Иссиня-темное море, врывавшееся в длинную узкую бухту. В открытом море ходили барашки, в бухте вода была спокойной и голубой. Он с Лидией сидел на вершине скалистого откоса на деревянной скамейке. На скамейке были вырезаны ножом имена. Через несколько часов, вечером, они шли к станции. Было темно и безлюдно. Они обнимались, останавливались и никак не могли расстаться.

Это было совсем недавно. Тридцатого сентября... И как это ему казалось, что такие минуты могут повторяться! Как это было давно! Как же он теперь будет жить без нее?

Отряд отправлялся через два часа, нужно было еще раз проверить, все ли в порядке.

Сверху доносилась громкая песня.

— Симха, — глухо сказал Ивар своему старому приятелю горбуну, который был страстным охотником и азартным рыболовом, — Лидия ушла от меня.

Ему казалось, что если он с кем-нибудь не поделится сейчас своим горем, сердце его разорвется на куски.

— Ну и отлично! — весело произнес товарищ, уминая большим пальцем табак в трубке. — Ну и отлично! Помнишь, я тебя еще летом предупреждал.

Летом они втроем катались по озеру на лодке, и, конечно, Симха не удержался от того, чтобы не спустить за корму «дорожку». Через двадцать минут Лидия спокойным голосом сказала:

— Там, кажется, какая-то рыба попалась?

Тогда Симха не удержался, всплеснул руками и закричал приятелю:

— Ивар, Ивар, как ты можешь жениться на девушке, которая говорит: «Там, кажется, рыба попалась?» Настоящая женщина должна радоваться, прыгать и кричать: «Тяните! Тяните! Скорей! Рыба уйдет!»

На втором этаже так топали, что, казалось, сейчас обвалится потолок.

Сквозь этот топот, шарканье и гул Ивар различал звуки гармоники и скрипки.

— Парни веселятся перед выходом из города! — улыбнулся Симха. — Пойди, тоже развлечешься.

Ивар поднялся наверх и в раскрытую дверь посмотрел, как кружатся в веселом и шумном танце красногвардейцы. Пахло табаком, потом и сапогами. У каждого была своя дама. У Ивара теперь дамы не было, с другой танцевать он не хотел. На скрипке и гармошке

играли свои же красногвардейцы. Они не сыгрались еще, но все равно им было весело.

Ивар спустился обратно к Симхе.

— Иди ты, потанцуй, а я за тебя подежурю, — сказал он.

Но Симха не пошел в зал, и друзья долго еще разговаривали под шарканье подошв и звуки веселых песен.

VI. СЛЕЗЫ ИВАРА

Шел густой мокрый снег. Он застилал все видимое ночное пространство, оседал хлопьями на одежде, таял на лице.

Хорошо тем, у кого были кеньги, пьексы, валенки и, на худой конец, калоши. Но ведь не у всех была такая обувь... Большинство шло в простых легоньких ботинках. Правда, шерстяные носки были у всех. Но подметки промокали от этого вязкого, мокрого снега. Хоть бы ударил сильнее мороз...

— Почему только один взвод идет на эту операцию? — спрашивали у Ивара его красногвардейцы.

— Другой взвод я пустил с левой стороны, к мосту, — отвечал Ивар.

Этим вторым взводом командовал его приятель — горбун Симха.

Ивар чутьем понимал, что нужно охватывать неприятеля сразу с двух сторон, что фронтальное наступление не всегда самый лучший способ боя, но всего этого он не был в состоянии объяснить своим красногвардейцам. А они предпочитали быть вместе: больше народу — безопаснее. Особенно ночью.

Для чего третий взвод был оставлен в деревне, когда предстояла опасная операция?

Приказано было захватить мост. Ноги промокали, и было холодно. Не лучше ли отложить поход до дневного света? Тогда все будет видно: кто перед глазами и куда стрелять. А ночь создана для сна.

Они шли по снегу, подбираясь к реке, к железной дороге и железнодорожному мосту.

Ивар ушел от взвода вперед метров на сто. Ему надоело слушать бабьи пересуды этих людей. Ведь неприятно слушать, как брюзжат и болтают чепуху двадцать пять взрослых мужчин.

И вдруг раздались громкие звуки. Так в кузнице бьют молоты. Но не видно, кто и где бьет железом о железо. А кругом ни одного огонька. Если бы человек был один этой ночью, ему могло бы стать жутко. Но ведь их здесь двадцать пять.

Ивар остановился. Он хотел подождать, пока подойдут остальные. Но никто не подходил. Он оглянулся и не увидел вблизи никого.

Ему стало страшно.

Куда пропали ребята? Что-нибудь случилось с ними?..

И он быстро пошел по своему же следу обратно...

— Товарищи! — сказал Ивар красногвардейцам. — Нам комитет поручил взять мост.

— Завтра днем возьмем, — ответили ему из тьмы.

Снег все еще продолжал итти.

— Я командир! — решительно сказал Ивар. — Я приказываю немедленно итти за мной вперед!

Никто его не поддержал.

Какой позор! Какой позор! Ему поручили важное дело, а он провалил его! Не сумел повести своих ребят вперед... Чего же после этого он стоит?!

«Лахтари сейчас взорвут мост, а я здесь стою, как рохля!.. Взвод Симхи, наверное, приближается к мосту... Задание сорвано... Какое несчастье!»

Ивар стоял глухой ночью в поле, под хлопьями снега, и горячие слезы катились по его щекам.

Он не мог удержать своих слез. И от этого ему становилось еще горше.

Хорошо, что темно и никто не видит этих нечаянных слез. Слез обиды и бессилия...

Потом Ивар, не вытирая рукавицей щек, повернулся и один пошел обратно к мосту.

Ивар и не заметил, что шагах в двадцати позади шел вооруженный человек и изо всех сил старался не отставать. Котелок на его голове стал тяжелым и холодным — широкие поля задерживали снег. Он

шел, стараясь ступать в глубокие следы, оставляемые Иваром.

Ивар принял такое решение: «Если я не смог выполнить боевое задание, то все же нельзя мне явиться в штаб с голыми руками. Подойду поближе к мосту. Если не заметят меня, все разузнаю и вернусь. А если увидят белые и убьют — тоже лучше погибнуть от руки неприятеля, чем жить опозоренным».

А то он теперь опозорен не только перед штабом, но и перед самим собой — этими непрошенными слезами. Это были его первые слезы с тех пор, как он стал взрослым.

Приняв решение, он совсем успокоился и шел вперед, не разбирая дороги. А вот уже и зачернел своей чугунной громадой железнодорожный мост. Ивар лег в снег и пополз по откосу вверх, к мосту, упираясь в землю локтями, уминая коленками рыхлый снег. Под мостом, не умолкая, на камнях порога кипела вода. Это было очень хорошо... Шум порога заглушал дыхание Ивара.

У самого железнодорожного полотна штабелем были сложены шпалы, покрытые сейчас снегом.

Ивар подполз к штабелю. Приподнялся. И, хоронясь за шпалами, стал наблюдать за тем, что делалось на мосту.

Стук, напугавший его взвод, продолжался.

На мосту, на самой середине, стояла ярко освещенная дрезина. Свет, идущий от лампочки дрезины, освещал только маленькое пространство.

Около дрезины — люди. Один, другой, третий... Ивар насчитал семнадцать человек.

Рядом с дрезиной два ящика.

«Наверное, динамит!»

Один из людей стоял спиною к Ивару и, нагибаясь, размеренно бил молотом по железной балке моста.

«Эх, хорошо бы пальнуть разочек, пульку в этого лахтаря всадить!» — подумал Ивар, и через несколько секунд почувствовал, что ему не справиться с охватившим его желанием.

«Пальну, а потом в темноту... Где им тут меня поймать!»

Уныния, охватившего его четверть часа назад, уже как не бывало. Хотелось жить и драться.

Грудь перекрестили матерчатые патронташи с тяжелыми обоймами. Четыре патрона в магазине, пятый дослан вперед... Ивар приложился и долго целился.

Грохнул выстрел. Отдача была сильная. От нее заболела ключица.

Человек, бивший молотом, на мгновение замер.

Под мостом шумел, не утихая, порог. Молот со звоном упал на рельсы, а молотобоец, как-то странно перегнувшись, упал вниз, на камни порога, покрытые кипящей пеной.

Огромный человек в высокой меховой шапке, стоявший рядом с тем, который теперь лежал на скользких камнях порога, повернулся и, опустив вниз голову, тяжелым, спокойным шагом пошел к тому месту, откуда раздался выстрел. Пошел прямо на Ивара.

Ивар снова прицелился и выстрелил.

Великан ступил еще шаг и рухнул навзничь. В одной его руке был маузер, в другой — граната. Ивар метил ему в грудь.

Ивар выстрелил, не целясь, в группу людей, стоявших у самой дрезины. Один, взмахнув руками, упал поперек рельсов. Ивар готовился, расстреляв обойму, бежать обратно, как вдруг случилось что-то непонятное для него. После его четвертого выстрела люди на мосту побежали, спотыкаясь о шпалы, ругаясь последними словами. Белые, оставив на месте ящики и дрезину, убегали в ночь...

Он нажал спусковой крючок, и сразу раздалось два выстрела. Один за другим. Почему шесть выстрелов? В обойме было только пять патронов. Не спятил ли он? Или обсчитался? Но думать не было времени. В эту секунду раздались совсем близко выстрелы. Оглушительные. Били залпами. Несколько залпов подряд... Потом все затихло.

«Это, наверно, отряд Симхи вступил в бой!» — подумал Ивар.

Снова стало совсем тихо. Шел хлопьями влажный снег, и только под мостом, внизу, неумолчно рокотал порог.

Никого нет.

Ивар вложил в магазин полную обойму и медленно пошел на мост.

Пуля, которую он посылал в грудь человеку в меховой шапке, попала тому в глаз. Нет, стрелок он был еще не очень меткий. Перед ним лежал убитый им человек. И странно — он не испытывал никакого неприятного чувства. Наоборот, он был очень доволен. И если бы не его ребята, повернувшие вспять, он был бы сейчас счастливейшим из смертных.

Он поглядел вниз — на камнях порога что-то чернело... Большой мост лежал у ног Ивара. Что же делать дальше?!

Ивар сел на платформу дрезины и задумался. Снег постепенно переставал, и из-за края тучи выглянула луна. Ивар сидел один на мосту, у освещенной дрезины.

«Совсем как в театре», — подумал он и вдруг очнулся...

По мосту бежал какой-то низенький человек...

Он подбежал прямо к нему и, прежде чем Ивар успел что-нибудь сообразить, приставил к его груди штык и закричал:

— Белая собака! Руки вверх!

Ивар поднял руки вверх. И так же быстро сказал:

— Какая там, к черту, белая собака! Я красный. Я Ивар!

Штык отошел от груди.

— Ивар!

— Симха!

Друзья узнали друг друга и крепко обнялись.

— Вот напугал, чертяка!

— Ну, а я решил: будь что будет, а уж я тебя с моста собью!.. Хорошо еще, что живым решил взять. Не стрелял.

Приятели снова обнялись, как после долгой разлуки.

— Почему ж ты один?

Симха рассказал. Ему стоило больших трудов заставить свой взвод итти вперед после того, как они услышали стук молота. Но когда один за другим раздались в темноте шесть выстрелов, ребята дали несколько залпов и стали окапываться в снегу.

— Шесть выстрелов! Значит, и вправду было шесть?

— Ну да, шесть! Меня взяла такая злоба, что я решил: хоть сам погибну, — продолжал Симха, — но пойду вперед. И вот вижу: кто-то сидит на мосту. Ну, я решил выбить врага...

В эту секунду на мосту появился третий человек, в котелке. Ивар и Симха взяли винтовки наперевес. Человек шел вразвалку, и походка его казалась знакомой.

— Здорово! Это ты?

— Это я, — ответил Ганнес. — Я шел за тобой по следу. Я видел, как ты с этими лахтарями расправился. И сам подсобил. Один разок...

Ивар встал со своего места. Значит, он не спятил и действительно было шесть выстрелов!

Ганнес, сняв котелок, стал очищать его поля от налипшего снега.

Он был очень серьезен и важен.

— Ну, теперь нас трое мушкетеров. Вперед шагом марш! — скомандовал парнишка.

Они перешли мост. И через двадцать минут вошли в деревню. Напуганные стрельбой на мосту, белые уже оставили ее.

В здании школы, где были расквартированы белые, валялись на полу консервные банки; на столах лежали индивидуальные санитарные пакеты.

Ганнес вызвался сбегать за остальными красногвардейцами.

Лахтари не успели взорвать мост! Они отошли на север! У стены стояло несколько пар лыж. Ганнес примерился к одной паре и через несколько минут исчез.

— Настоящий бесенок! — сказал Симха.

— Да, хорошо, что я его взял в свою роту, — согласился Ивар.

Часа через полтора пришли красногвардейцы — их вел торжествующий Ганнес. Им было неловко перед Иваром и Симхой.

В классах было темно, и пламя керосиновой лампы многих оставляло в тени.

— Ну ладно, ребята, все обошлось, а теперь — спать, — решительно сказал Ивар. — Завтра с утра

двинемся дальше. А сегодня мы свое дело сделали: отстояли мост от взрыва и заняли деревню!

Красногвардейцы встретили эти слова одобрительным гулом.

Ивар назначил наряд на охрану моста.

Остальные расположились спать на полу в больших пустынных классах.

Было еще темно, когда отчаянные призывные гудки паровоза разбудили отряд.

Все бойцы схватились за оружие.

— Я думаю, это лахтари на поезде привезли подкрепление. Будет потасовка!

Симха утвердительно кивнул головой.

Под партой сладким сном спал Гайнес.

— Не надо будить, пусть еще поспит...

Но вскоре дело разъяснилось. В комнату вошел человек.

— Я делегат рабочих города... — и он назвал городок, лежавший в тридцати километрах дальше по железной дороге. — Сегодня ночью белые удрали из города. Мы получили сведения, что наступает Красная гвардия... Так вот, товарищи, чтобы вы не топали пешком тридцать верст на морозе, мы выслали вам навстречу поезд. Подвезем!

Все с охотой погрузились в чистые классные вагоны и, не сетуя на то, что поезд шел медленно, с удовольствием поехали в город, покинутый белыми.

Их встретили на вокзале музыкой. Народ громко приветствовал их.

Итти надо было через весь городок, в единственную в городе гостиницу, предназначенную теперь для Красной гвардии.

Впереди своего отряда, который теперь шагал в ногу и держал равнение, печатая шаг, шел гордый, как черт, Ивар. Последний ряд замыкал отец Ялмара с красным флажком на штыке.

Вечером в город прибыл вагон с оружием для местной Красной гвардии и поезд с кавалеристами Ялмара.

Вечером же Ивар объявил своим красногвардейцам, что больше он не может нести ответственность за отряд и отказывается от командования.

Рота выбирала его три раза подряд. Но он твердо стоял на своем.

— Кем же ты хочешь быть теперь, Чемпион? — спросил его Симха.

И он ответил товарищу, который после прошедшей ночи стал ему еще ближе и дороже:

— Из меня получится неплохой разведчик!

VII. ДВЕ ВСТРЕЧИ

На дороге — до этой деревни — Ивар не обнаружил никаких признаков неприятеля. А в самой деревне шла обычная субботняя гулянка. Парни кружили девушек, гармонист играл старинные танцы и новые, даже сыграл аргентинское танго.

Парни в деревне увлекались спортом; они узнали Ивара и потащили его с собой в ригу, где происходило гулянье.

Нельзя было отказываться, чтобы не выдать себя как разведчика, а с другой стороны, где же лучше можно узнать положение в приходе, как не на случайной вечеринке?!

Издалека доносилась девичья песня. Он прислушался. Эта песня была ему знакома еще сызмальства, когда он мальчишкой удирал на вечеринки и подслушивал разговоры и песни взрослых девушек и парней.

Девушки пели:

Коль пришел бы мой желанный,
Мой дружочек долгожданный,
За версту пойду навстречу,
Охвачу руками шею,
Хоть бы смерть была за нею...

Потом, когда Ивар уже подходил к сараю, начались танцы под гармошку.

Узнав, что в риге среди них Ивар, парни перестали танцевать.

Сразу же образовался небольшой круг, и в этом кругу они завозились во французской борьбе. Ивар

должен был стать арбитром в старом споре о том, кто же из них самый сильный.

Все шло как по маслу, когда вдруг раздался выстрел, зазвенело разбитое стекло лампы и в риге стало темно.

Девушки завизжали, парни ухватились за финские ножи. Затем раздались один за другим несколько револьверных выстрелов. Человек, стоявший рядом с Иваром, громко вздохнул и упал на пол.

— Так красные рабочие убивают крестьян! — крикнул кто-то из стоявших у дверей.

— Ложь! Держи его! — завопил Ивар и, расталкивая в темноте соседей, выскочил на улицу.

По снегу бежал какой-то человек.

— Держи!

Желая показать свое удальство перед знаменитым борцом, деревенские парни припустились вовсю, и через пять минут в риге стоял человек в полной командирской шюцкоровской форме.

Это был тот самый агроном, которого в ноябре арестовал Ялмар и выпустил Коски.

Над головами качалась новая лампа.

Расчетливые девушки предвидели возможность пьяной драки и на всякий случай припасли вторую лампу.

— Вы все видели, — громко сказал Ивар, — что стрелял в крестьян не красногвардеец, а этот шюцкоровец. Вот револьвер его... Еще теплый...

Пойманный стоял спокойно и с независимым видом наблюдал за тем, что происходило в риге. Его со всех сторон обступили парни и девушки, и от них нельзя было уйти.

Он раскаивался только в том, зачем ушел так далеко вперед от своего десятка. Впрочем, там уже услышали выстрелы и подоспеют на выручку... А если нет... Что же, и тогда он не будет унижаться перед этой чернью!..

— Ты стрелял в мирных жителей, собравшихся на вечеринку, — продолжал Ивар, — что же, по-твоему, нужно сделать с таким извергом?

В ответ на этот угрожающий вопрос Ивара шюцкоровец ничего не сказал. Он спокойно и медленно расстегнул куртку и вытащил из внутреннего кармана серебряный портсигар с золотой монограммой. С щелканьем раскрыв портсигар, набитый папиросами, он громко сказал:

— Возьмите, мне они уже не пригодятся!

Никто не двинулся с места. Все поняли, что шюцкоровец подписал себе смертный приговор.

Над раненой девушкой хлопотали ее подружки.

— Нет, врешь! Ты опять идешь на провокацию, — вспылил Ивар. — Наша, рабочая власть отменила смертную казнь.

Парни в недоумении переглянулись. Им показалось, что борец шутит.

— Я доставлю тебя в штаб, и там поговорят с тобой как следует... А вы, ребята, — обратился он к окружающим, — составьте, пожалуйста, протокол, как все дело было.

Протокол был живо составлен, Ивар сунул его в карман и, вытащив револьвер из кобуры, повел по ночной дороге пленного в штаб.

Он был доволен: во-первых, раздобыл нужные сведения, во-вторых, достал «языка».

Он не знал, что в то время, как составлялся протокол, шюцкоровцы успели подойти к деревне.

Вскоре они увидели, как их начальник идет по дороге, а позади с револьвером в руках за ним шагает коренастый человек. Они тихо выпустили обоих из деревни и пошли следом.

Когда сзади раздался залп, пленный шюцкоровец сразу метнулся в лес.

Ивар понял, что отстреливаться, стоя на дороге, залитой лунным светом, безрассудно, и прыгнул через обочину, но в другую сторону...

Уже из-за заснеженных стволов он увидел несколько винтовочных вспышек и, проваливаясь в снег, побежал от дороги. Ветки цеплялись за одежду и царапали лицо, обдавая его пушистыми снежинками.

Он бежал. Потом остановился, притаившись, чтобы по треску ломающихся сучьев не узнали, где он.

Но шюцкоровцы, видимо, побоялись углубляться в лес.

Ивар слышал, как бьется его сердце.

Отдохнув, он пошел дальше и вскоре вышел на другую дорогу.

Уже давно можно было и не опасаться погони, а Ивар шел все так же быстро.

За каждым телеграфным столбом мог таиться враг... И вот в стороне от дороги, шагах в ста, Ивар увидел одиноко стоящий дом. Он свернул с дороги. Следов на снегу не было, и все крыльцо занесло снегом. Дверь плотно замкнута. Ни в одном окне не было света.

Хозяева бежали. Он ударом плеча высадил оконную раму, вскарабкался на подоконник и через секунду был уже в теплой комнате, которая в темноте показалась ему очень уютной.

Ивар прошел по домотканным дорожкам. Половицы скрипели, спички ломались, не зажигаясь. Ивар вернулся к окну, приладил на место оконную раму и пошел по этому пустынному дому. Наконец в соседней комнате он зажег спичку и увидел большую, уже застеленную кровать; в ногах стоял ночной столик. Совсем как в детской сказке! Ему стало даже смешно. Подойдя к постели, не раздеваясь, он свалился на нее и, утонув головой в мягкой подушке, заснул. Как будто бы пришел домой с деревенской вечеринки, на которой заливалась веселая гармошка, танцевали и никто ни в кого не стрелял.

Он проснулся. Было все так же темно, но на ночном столике, стоявшем теперь у изголовья, что-то белело. Ивар протянул руку — это был стакан молока и ломоть свежего белого хлеба, намазанный чудеснейшим маслом.

Чемпиону французской борьбы ничего не стоило одолеть легкое угощение. Все шло как в волшебной сказке.

Он даже не задумался над тем, кто бы мог ему поставить еду. Скинул сапоги, перевернулся на другой

бок и снова блаженно закрыл глаза. Но спалось уже не так сладко; вскоре он почувствовал, что кто-то смотрит на него, и снова проснулся.

В жестяном черном подсвечнике оплывала свеча. Пламя было маленькое и желтое. А держала в руках подсвечник девушка, стройная, с распущенными волосами.

Ивар протянул руку. Платье девушки было мягкое и тонкое.

— Товарищ Ивар, красный разведчик, — тихо сказала девушка, — как ты неосторожен!..

Он понял, что его обыскали во время сна, и спохватился:

— Где мои документы?

— Там же, где и были, — улыбнулась девушка. — Я их прочла и принесла еду.

— Ты красная?

— Я гувернантка, хозяева уехали, оставили меня сторожить.

Сон разморил Ивара, но и прогнал усталость, а девушка была ласковая и очень милая...

— Какие у тебя сильные руки! — сказала девушка, задыхаясь, когда он обнял ее.

— Мог стать чемпионом.

— Ну?! — В этом возгласе было не удивление, а восхищение.

В окне брезжил молочно-серый рассвет...

Она еще спала, а Ивар уже шагал по дороге, довольный тем, что сумеет сообщить штабу важное известие. Да еще в кармане лежал протокол о бандитском нападении. Он опустил руку в карман и нащупал небольшой, завернутый в газету сверток. Это были бутерброды.

«Милая девушка!» — улыбнулся Ивар...

В свете восходящего солнца сосны были совсем розовые. Мороз пощипывал за нос и скрипел снегом под ногами. И жизнь снова была бодрой, ясной и морозной, и уже ощущались горьковатые утренние дымки близкого селения...

VIII. НОЧЬ НА ФРОНТЕ

Они закричали: «Ура!» — и, сжимая в руках винтовки, побежали вперед. Сразу же за Симхой и Иваром бежал Ганнес.

Бежали, не оглядываясь, проваливаясь в снег, и ложились плашмя, как советовал Симха, потом снова подымались и снова бежали вперед. Шел мохнатый мокрый снег; густой сеткой обволакивал весь мир, приглушая шум ветра и звуки выстрелов.

Ноги и руки мерзли.

Два раза за сегодняшний день ходили в атаку и все-таки не могли продвинуться и только топтались на месте. На этом участке центрального фронта наступление выдыхалось. Обещанные резервы не подходили.

Противник упорно сопротивлялся.

Он использовал вовсю те дни, когда революционное правительство бездействовало на фронте, упуская время для вооружения и организации своей армии. Он предательски разоружил на севере русские части и расстрелял сотни русских солдат, ждавших часа отправки на родину. Он стянул сюда со всей страны шюцкоровские отряды. Он, опираясь на предусмотрительно созданные базы, произвел полную мобилизацию всего населения северных частей страны, зверски подавив выступления рабочих Варкауса, Рованиеми, Каяна и других пунктов. Он дождался высадки привезенного германцами финского егерского батальона.

Прибыла сформированная в Швеции бригада, вскоре прозванная за свои действия Черной.

Свинхувуд сам поехал в Берлин, подписал там договор, по которому Финляндия попадала в вассальную зависимость от Германии, и теперь торопил своего посла в Берлине: «Скорей, скорей десант — военную помощь! Красные нас раздавят. . .»

Правительство буржуазии сумело отлично использовать то время, когда в городах южной Финляндии рабочие торжествовали победу. Руководство рабочих занималось законодательством, и, несмотря на то,

что был создан Центральный штаб Красной гвардии, отряды в каждом городе действовали самостоятельно...

Здесь, у этой деревни, куда ходил на разведку Ивар, кончилось наступление красногвардейцев, не поддержанное достаточными резервами и проведенное наспех. Белые сосредоточили здесь свои войска и технику. И хотя основная их надежда была на иностранную помощь, на этом участке фронта, вблизи узловой станции, которую они считали важнейшим пунктом, белые отряды дрались ожесточенно.

В третьей атаке отряду, в котором были Ивар, Симха, Ганнес, отец Ялмара и двести других красногвардейцев, удалось продвинуться перебежками на сто метров.

Но спускались быстрые сумерки. Снег шел все гуще и гуще. Здесь надо было провести ночь, без огня, без костров, без теплого платья...

Когда они уходили из города, никто из них не предвидел, что дело будет такое затяжное и что воевать придется в лесу и в поле.

Красногвардейцы залегли за покрытым снегом своеобразным бруствером, сложенным из камней всевозможных размеров.

Здесь сложилась поговорка о косе, нашедшей на камень... Перед пахотой крестьяне расчищают луга и пашни от камней и наваливают их грудами у межей и у обочин дороги.

Красногвардейцы в схватках последних двух недель научились пользоваться наваленными камнями как прикрытием.

Когда спустилась тьма, противник залег в тридцати метрах от красногвардейской цепи, за таким же каменным естественным бруствером — на другой стороне поля.

— Непременно, когда кончится война, — сказал Симха, — я запатентую изобретенный нами способ продвигаться под неприятельским огнем и назову его именем нашей роты.

Это он говорил о простой перебежке, которую только позавчера красногвардейцы его роты впервые

стали применять. Сразу же уменьшилось число падающих от неприятельского огня. Красногвардейцы были довольны этим изобретением. А Симха был даже горд. Он не знал, что перебежки уже много лет назад включены в боевые уставы пехоты всех действующих армий Европы.

— Ладно, ребята, — говорил Симха, — еще одну только эту ночку потерпеть. С утра ударим. Завтра будем спать в избах, натопим за милую душу...

Ивар с любовью взглянул на Симху. Казалось, в чем только душа держится! А вот поди ж ты, и веселее всех, и другим еще жару поддает...

От снега руки у Симхи горели. Он выкрикнул:

— Эй, лахтари, что вы там, все померзли? .. Отзовитесь, сволочи!

В ответ затрещал близкий пулемет, и, отбивая осколки, несколько пуль ударилось в камни заснеженного бруствера.

— Получайте ваши хлебные карточки! — кричали белые.

И снова вспыхнуло несколько вражеских выстрелов.

— Смотрите, ребята! — Симха повысил голос, чтобы было слышно красногвардейцам: — Вот и лахтари дают кое-что рабочим! Свинец! Шли мы со сплавом, и вдруг хозяйчик упал в воду. А плавать он не умел. Сплавщики и бросились к краю плота, нагнулись к воде и кричат: «Дай руку! Дай руку!»

А он знай себе цепляется за скользкие бревна, срывается, головой окунается, уже тяжело дышит, а руки не дает... Увидел это старый лесоруб-сплавщик и говорит: «Эта хозяйская порода совсем не привыкла что-нибудь давать. Она только берет. Смотрите, как я его спасу...»

Встал он на колени, протянул руку хозяйчику и сказал: «Хозяин, возьми мою руку...» Ну, хозяин сразу же и схватил руку. Так и спасли его.

— Так вот, я до сих пор думал, что ничего они рабочему не дают. И ошибался. Свинца для нас они не жалеют...

Ганнес с уважением взглянул на Симху.

— Всегда у тебя в запасе есть история...

— Правильная история, — подтвердил старик — отец Ялмара и стал развязывать шнурки кисета. — Холодно, товарищи...

Снег подтаивал под телами лежавших людей.

— Эх, табачок — хорошее дело! — сказал красногвардеец и, отложив в сторону винтовку, потянулся к кисету.

Он привстал на колени, набил трубку, поднес к ней спичку и затянулся. Почти совсем рядом хлопнул оглушительный выстрел, и курильщик, не промолвив и слова, грохнулся плашмя на утоптанный снег...

Трубка откатилась в сторону, рассыпая по снегу искорки.

Ганнес привычным движением поправил налезающий на глаза котелок и быстро оглянулся. Он увидел: в двадцати шагах от камней по полю полз человек в белом халате.

Ганнес, не раздумывая, приложился к винтовке. Выстрелил.

Человек перестал двигаться. Он так и лежал в своем защитном белом халате до самого рассвета.

Ганнес видел, как отец Ялмара подобрал трубку убитого товарища — табак в ней краснел угольком — и затянулся. Затем старик выпустил клубы дыма и, как бы почувствовав взгляд Ганнеса, сказал:

— Не пропадать же табаку...

— Ганнес, может быть, хочешь посмотреть на лахтаря, которого ты ухлопал? — спросил Ивар.

Ганнес молчал. Он знал, что действовал правильно, как следует. И завтра будет стрелять и стараться целиться возможно точнее. Но ему было как-то не по себе, а тут еще мерзли ноги и уши.

Как раз в эту секунду рядом с ним оказался Симха. Горбун положил руку на плечо Ганнеса.

— Ты возьми в рот снегу, и тогда зубы не будут выстукивать марш, — посоветовал он мальчику.

— Холодно, товарищи, — зевнул кто-то справа и выстрелил.

— Товарищи, берегите патроны! Товарищи, нельзя курить!

Скорее бы, наконец, рассвет!

— Ребята, — протянул кто-то сзади, — а говорят, что валенки прибывают и нам завтра их раздадут...

Снег переставал. Ганнес ловил открытым ртом падающие тяжелые снежинки. Они таяли на языке, не освежая...

Скорей бы уже утро наступало!

— Тише, товарищи, не кашляйте!

Выстрел ударил на звук кашля.

— Промазал, лахтарь!

— В субботу сходим в баню в Тампере! — вызывающе крикнул кто-то из лахтарей.

— Мы вам и здесь пропишем баню!

Было темно и холодно. Симха начал читать стихи. Его грудной, сильный и мягкий голос доходил до самой души. То были стихи о герое, о бунтаре, вожаке крестьянской революции, триста лет назад поднявшем финский народ против шведского дворянства, против угнетателей.

Из-за предательства оно окончилось печально, это героическое восстание народа, но память о его вожде, крестьянине Якко Илкка, жива в сердцах трудового народа.

Святое дело Илкка
Живет в родной земле,
Он прожил истым финном
И кончил жизнь в петле...

«Наверно, и тогда тоже были бураны и метели. Наверно, у него тоже не раз мерзли ноги, когда он воевал с господами. И, может быть, так же на его ресницах таяли снежинки», — подумал Ганнес.

«Совсем как соловей — серый и малый, а голосище! ..» — восхищался Ивар.

А Симха продолжал говорить про лихое время, когда вся страна изнывала под тяжкой пятой шведов-завоевателей:

И кто тогда не плакал
Под злой и наглый смех...

Не плакал Илкка Якко
Один, один из всех...

«Все-таки он был покрепче, чем я», — Ивару стало немного совестно недавних своих слез. А стихи все звенели в морозном воздухе — стихи о восстании крестьян, о призыве Илкка:

Победа ждет детей труда.
— О, храбрые, поверьте —
Дорога к счастию всегда
Близка к дороге смерти!

Весь народ восстал. Рыцари и помещики были сметены народным гневом. Но в бою под Нокия из-за предательства войска Илкка были разбиты, он сам схвачен и в назидание народу повешен мстительными господами.

В иные дни, в ином бою
Я песню Илкка вам пою:
— Нет, лучше смерть в бою святом,
Чем жизнь влачить в ярме рабом!

— Что правда, то правда, — пробормотал отец Ялмара и, откинув в сторону докуренную трубку убитого товарища, выстрелил в темноту, в которой прятались потомки тех, кто погубил Илкка.

И оттуда вместо аплодисментов (лахтари слышали это ночное слово об Илкка) раздались выстрелы, залпами и вроссыпь...

Так несколько раз ночью Симха громко читал стихи о славе народа, о его мечтах и борьбе, о лучших его сынах — труженниках. У того, кто слушал эти стихи, руки прикипали к винтовкам, на душе становилось теплее, и ясно было, что перенести эту ночь не так уж трудно. Скоро и она пройдет, и настанут другие ночи и дни, полные боевых схваток...

Все, кто был в ту ночь в этом окопе, навсегда запомнили грудной, низкий голос, пробирающийся сквозь темноту и снег к самому сердцу каждого бойца. Запомнили Ганнеса, поправляющего котелок, Ивара, натирающего снегом щеку, молодого слесаря, изредка вторившего Симхе.

На рассвете началась атака.

Снова бежали, проваливаясь в снег. Стреляли, хоронились за каменными изгородями, вбивали обоймы в магазнnные коробки. Ложились в снег. Поднимались н снова бежалн вперед. Ложились. Ползли по снегу, подбираясь ближе к неприятелю. И снова низкий, грудной голос Симхи запевал:

— Ур-ра!

Ганнес бежал вперед вместе с Симхой. Его словно несло на крыльях.

Ивар бежал вместе с другими вслед за Симхой и думал: «Вот какой чудесный у нас запевала горбун»... И в этот момент раздался пушечный выстрел... И другой...

Наша артиллерия уничтожила пулеметное гнездо лахтарей. После третьего орудийного выстрела пулемет шюцкоровцев замолчал.

Артиллерист Тетерь хорошо знал свое дело.

Ивар и отец Ялмара первые вбежали за каменный бруствер лахтарей. На снегу остались только убитые шюцкоровцы. Валялся искалеченный пулемет.

Высота была взята.

Ялмар стоял около орудия Тетеря. Рядом с ним был коренастый, круглолицый человек с седеющими пышными усами, с мешками под глазами. Это был начальник всей Красной гвардии Ээро. Еще в юности Ялмар читал его горячие речи, запросы на сессиях сейма, читал и о том, как лидеры социалистов организовывали забастовки и смело выступали против произвола предпринимателей и русского царя. Такие люди, готовые, по их словам, пожертвовать всей своей жизнью за дело рабочего класса, казались ему всегда существами высшего порядка, не похожими на него, слишком уж любящего эту злую, несправедливую, но все же прекрасную земную жизнь.

И вот один из них — Ээро, бывший председатель рабочих профсоюзов, ныне облеченный высоким званием начальника всей Красной гвардии, стоял рядом. В разговоре с Ээро Ялмар внутренне вытягивался в

струнку. Тетерь тоже слушал весь разговор, который ему переводила сестра милосердия Ольга.

— Финны должны считать себя счастливыми, что декрет о независимости Финляндии подписан чернилами, а не кровью, — важно сказал Ээро.

— Он не прав, — сказал Тетерь, которому Ольга переводила речь Ээро, — договор этот подписан кровью балтийцев, кровью питерских рабочих на Дворцовой площади и под Гатчиной. Этого нельзя забывать!

— Под этим декретом подпись Ленина и Сталина, — сказал Ялмар.

Ольга перевела слова Тетеря, но не успел Ээро дать на них торжественный ответ, как Тетерь уже торопил ее, чтобы она передала командиру его решительный совет: необходимо сейчас же, немедленно, во всех частях организовать партийные ячейки. Ячейки были на всех судах Балтийского флота. Это обеспечит победу советской власти во всех воинских частях. Необходимо партийное руководство.

Ээро важно погладил усы и торжественно возразил:

— Нам-то этого не надо! У нас вся Красная гвардия сплошь социал-демократическая, никаких особых партийных организаций не требуется.

В то время Ялмару этот ответ казался абсолютно правильным, не требующим никакого обсуждения, и лишь через несколько лет он понял, что моряк был прав.

А сейчас, почтительно разговаривая, он повел Ээро к самой линии фронта. Он хотел привести Ээро на передовую линию, чтобы поднять боевой дух красногвардейцев.

До передовой линии оставалось еще с полкилометра, когда они услышали посвист пуль.

Ээро стал поеживаться и с опаской поглядывать по сторонам. Когда же метрах в пятидесяти от них разорвавшийся неприятельский снаряд срезал макушку молодой сосны и она с треском упала, цепляясь за ветки соседних сосен, Ээро круто повернулся.

— Ты хочешь меня убить? — резко спросил он у Ялмара. — Ты хочешь моей смерти?

— Нет, я хочу...

— Мало ли чего ты хочешь! — не дал он договорить Ялмару. — Идем обратно!

На обратном пути они молчали.

Ээро вздрагивал от малейшего шороха, и голова его все глубже уходила в меховой воротник. Ялмар шел позади и глядел на широкую спину Ээро. Так вот каков на самом деле человек, которого Ялмар раньше так уважал! Так вот каков этот бесстрашный герой, не щадивший жизни! И Ялмару было обидно и за себя, и за Ээро, и за тех товарищей, которые послали его сюда, и за тех, кто верил ему.

Когда они пришли обратно в избу, Ээро нашел свой походный саквояж и, распахнув его, вытащил бутылку.

— Коньяк... Лучший, русский, Сараджева. Хочешь рюмочку?

Ялмар отказался и пошел к своим ребятам. Они располагались в большом сарае, стены которого были сложены из больших неотесанных камней, скрепленных цементом.

Юкка возмущенно говорил товарищам:

— У горбуна, рассказывали мне, замерзли ноги. Мы-то эту ночь в сарае переночевали, и то слава богу. А они — на холоде. Несколько человек поморозились, а раненые — те совсем окоченели. А вот, поди ж ты, валенки отдали тем, кто в городе... Разве это справедливо, разве это по-божески?

— Как раз по-божески, — спокойно возразил Ялмар. — Где же ты видал, чтобы бог справедливость в дележке соблюдал? У кого много, он даст тому еще, у кого мало, он и последнее отнимет.

Всем сидящим у костров в каменном сарае стало весело от такого объяснения.

Но там, на высоте, обдуваемой снежными ветрами, даже Симха не мог утихомирить возмущения бойцов.

— Мы здесь в ботинках мерзнем, а валенки отдали тем, кто в городе спокойную жизнь ведет!..

— Это не случайно!

Раздражал еще и последний номер газеты, так уютно пахнущий на морозе типографской краской. В газете сообщалось о том, что третьего дня уже была взята нами деревня, до которой и сегодня еще оставалось шесть километров.

— Может быть, и все другие сведения такие же правильные? — сказал, укоризненно покачивая головой, старик. — И как это только Илмари просмотрел? Ай да сынок!

Потом снова шли в атаку и к вечеру продвинулись к следующей каменной изгороди.

И затем наступила ночь...

Ночь третьих бессменных суток на морозе, без горячей пищи. И большинство бойцов было в ботинках.

Вечером усиленно заработали пулеметы противника...

А к часу ночи противник, поддерживаемый артиллерией, неожиданно перешел в контратаку.

Красногвардейцы, ослепленные яркими лучами прожекторов, растерялись. И под настойчивым огнем трехдюймовок противника побежали...

Ни Симха, ни Ивар, никто другой не был в состоянии остановить отступавших. Даже глубокие снега.

Красногвардейцы шли к железной дороге, стремились назад, к родному городу.

IX. ЯЛМАР ПОДБИРАЕТ МАРТУ

Отступал и соседний отряд — отряд Ялмара.

Бойцы прошли четырехдневный путь до фронта и сразу же были пущены в дело.

Их, кавалеристов, бросили в атаку на каменный сарай помещичьей экономии. Оттуда били из пулеметов и даже из трехдюймовок. Лошади атакующих проваливались по брюхо в снег и едва передвигали ноги. У лахтарей же, наверно, были снайперы. Три раза поворачивали обратно всадники Ялмара, но Ялмару

все же удавалось бросать их в новую атаку. После четвертой атаки кавалеристы заняли каменный сарай. Были захвачены три пулемета, испорченная трехдюймовка и семеро пленных. В сараях стояли коровы. Бойцы Ялмара вдоволь напились парного молока. В часы холодных ночевок бойцы согревались, лежа рядом с теплыми, лениво жующими свою жвачку коровами.

Три дня рубежом был этот длинный, неуютный сарай, из которого опасно было выглянуть. Потом белые перешли в наступление и начали бить из орудий по сараю.

Это было очень невесело.

Лахтари стреляли разрывными немецкими пулями «дум-дум».

— Ты знаешь, Ялмар, кого они убили такой пулей? — горячился Юкка. — Лучшего лесоруба Европы... Как он работал! Товарищи втыкали в землю колышек, а он подрубал дерево так, что оно валилось прямо на этот колышек и вколачивало его своей тяжестью в грунт. И всегда точно, ни одного раза не промазал. Вот какой это был лесоруб!

Да, Ялмар знал этого лесоруба, он хотел что-то ответить Юкке, но противник начал атаковать фланг и раздались крики:

— Нас обошли!

— Измена!

Самые боевые ребята поддались панике. Ялмар скакал позади отряда. Всадники торопили коней.

Ялмар обогнал всех на пятом километре.

Он пытался остановить и снова повернуть людей.

Жеребец его теперь шел впереди в этой ночной отчаянной скачке.

Постепенно Ялмар стал замедлять бег своего жеребца и тем замедлил общую скачку. Он перешел на тихую рысь. И, наконец, минут через двадцать, пустил взмыленного коня быстрым шагом. Постепенно к нему подтянулся весь отряд.

— Стройся! — скомандовал Ялмар, и вперед на черных лошадях выехали два горниста.

Ялмар не устраивал переклички, он просто подсчитал ряды, пропустив их мимо себя. Вместо ста пятидесяти пришедших с ним неделю назад теперь было всего семьдесят человек.

Ехали молча, без песен.

И вот теперь Ялмар ехал на своей белой лошади, держа рядом в поводу другую, запасную, тоже белую, и покачиваясь в казачьем седле. «Да, Тетерь был прав, — думал он. — Несмотря на то, что существовало уже общее главное командование, на деле все же получалось, что каждый отряд сражался сам по себе. И не было еще настоящей дисциплины. Ведь если бы хельсинкский батальон не решил итти в отпуск и самочинно не оставил позиций, противник не мог бы ударить нам во фланг и не было бы всей этой ночной паники и отступления. . .»

По дороге шли красногвардейцы. Кое-где они сбивались в кучки. Мелькали огоньки папирос. Все время казалось, что во тьме обступившего дорогу леса кто-то неотступно сопровождает отряд.

Было холодно. Морды лошадей заиндевели.

Взошло позднее солнце. Оно озарило хвойные перелески, деревья, занесенные снегом, косые изгороди, домики дальних деревень на косогорах, нетронутые снега. Оно плыло расплавленным золотом по краю тучи, и озаренные верхушки дальних лесов казались вдруг выступившими из старинной детской сказки.

Ялмар ехал, опустив голову на грудь, едва держа в руках поводья. Он покачивался в такт шагу своей лошади. А солнце уже поднялось высоко. И скоро надо было дать лошадям отдых.

Ялмар увидел знакомое лицо.

Это был рыбак в своей бессменной зюйдвестке.

Вместе с другими ребятами своего отряда он валил у дороги лес. Рядом с ним около двух трехдюймовок стоял Тетерь в мохнатой ушанке на голове вместо привычной бескозырки. Видно, и его донял мороз. Ялмар остановил свою лошадь.

— Привет, Ялмар! — крикнул Тетерь, тоже узнав всадника. — Привет! А мы работаем за милую душу. Лес валим. Заграждение выйдет на славу! Нас лесной работе не приходится учить, слава богу!

Около завала останавливались один за другим красногвардейцы, пришедшие по дороге с севера, усталые, обмороженные, подавленные неудачей, но уже снова готовые драться.

— Вот у этой засеки мы и остановим врага! Смотри, какие пушки, — торжествующе пробасил Тетерь. — Это нам Рахья доставил! ..

Посоветовавшись с рыбаком и Тетерем, Ялмар согласился с ними, что кавалерии здесь делать нечего и его отряду надо итти в город.

— Подымешь там людей! Объяснишь обстановку... А мы здесь с рыбаками, лесорубами и вот этими, — Тетерь показал на подходящих и останавливающихся у завала красногвардейцев, — задержим шюцкоровцев!

По лесной дороге подходил отряд Чемпиона, который они обогнали в ночной скачке. Так попрежнему назывался отряд, хотя Ивар был в нем сейчас только разведчиком. Отойдя к обочине, Ивар отсалютовал Ялмару. За плечами у него были две винтовки. Наверно, помогал Симхе. Но нет, Симха стоял неподалеку от него, утомленный, опершись на свою винтовку.

...Уже скрылся рыбак со своим отрядом торпарей за поворотом, но долго еще сквозь бряцание уздечек и частый шаг лошадей слышал Ялмар, как раздавались в чаще точные удары топора.

Снова цоканье копыт, мерное покачивание в седле...

Из деревенских домов выходили молодухи.

У некоторых из них на руках были грудные ребята. Они долгими печальными взглядами провожали уходящих красногвардейцев.

Седая простоволосая женщина вышла из домика железнодорожного стрелочника. Она помахала рукой красногвардейцам, потом повернулась и пошла прочь.

Спина ее вздрагивала от плача. Что-то в ней напоминало Ялмару мать.

У Ялмара на сердце лежала большая тяжесть. Да и у всех его красногвардейцев. Они покидали прекрасные озера и заснеженные перелески. Правда, они верили, что, получив подкрепление, скоро вернутся. Но пока они вернутся, что могут наделать лахтари в этих чудесных местах?! «И все это еще вчера было полностью наше. А завтра?» И эти люди, тоскливыми взглядами провожающие их, — что с ними станет завтра?

Стало смеркаться. Железнодорожные пути отошли в сторону.

Лошади спотыкались. И вдруг запасная лошадь Ялмара остановилась.

Дальше она не хотела итти. Ялмар отпустил повод и дал шпоры. Но она упорствовала. Он вгляделся. Лошадь стояла перед каким-то темневшим на дороге тюком.

Ялмар соскочил с седла и, держа в руке поводья, наклонился над этим темным предметом, тронул его рукой.

На дороге лежал человек. Ялмар провел ладонью и нащупал мохнатый легкий помпон, обыкновенный помпон на женском берете. Берет упал, и под рукой Ялмара расплескались мягкие, тонкие волосы.

Это была женщина. Она дышала...

Позади остановился отряд. Лошади переминались с ноги на ногу, тихо ржали. Красногвардейцы воспользовались случайной остановкой, чтобы затеплить свои носогрейки.

Ялмар поднял женщину. Рукав ее облегала красногвардейская повязка. Она пошевелилась.

Ялмар влил ей в рот несколько капель крепкого коньяку. В своей походной фляге он возил на всякий случай коньяк и до сего дня даже не пригубил его.

Женщина пошевелилась и вздохнула. Что-то в ее облике показалось Ялмару знакомым. Женщина была одета в мужское платье. Она медленно просыпалась. Ялмар посадил ее на запасную лошадь.

— На коней! Вперед!

Теперь к его заботам прибавилась еще одна: следить за тем, чтобы подобраииая на дороге жеищина, забывшись, не сползла с седла. Они ехали совсем рядом. Нежданная спутиица дышала ровно, покачиваясь в седле в такт шагу лошади. Она, кажется, спала... Ялмар вытащил кармаииый фоиарик (ои все время экоиомил батарейку) и иавел его на ее лицо...

Нет, ои не ошибался, это была Марта...

Та самая девушка, которую ои в иоябре видел хлопочущей у горячей плиты, та самая, которую двадцать лет назад он оттаскал за жидкие косички.

«Как хорошо, — подумал Ялмар, — что у меия все время с собой запасиая лошадь!»

Ветка ели задела его лицо и осыпала снегом плечи.

X. ДЕЛА НА БУМАЖНОЙ ФАБРИКЕ

— Что ж, если вы ие в состоянии выполиять ваши же собствеииые закоиы, обществу придется остаиовить предприятие. Вам же будет хуже. Сколько народу остаиется без работы! — говорил старший иижеиер бумажиой фабрики. Ои скрывал свое волиеиие под небрежиым, слегка иагловатым тоном.

— Граждаиии инжеиер, — резко ответил Айраксинеи, — здесь ие место угрозам!

Иижеиер иаставительио сказал:

— Нужно уметь соблюдать свои собствеииые закоиы.

Когда Айраксииеи и Коски прибыли на бумажиую фабрику, митииг рабочих был уже в полиом разгаре. На дворе собираться было холодио, а самым большим залом, способным вместить большииство рабочих, был зал иовой бумажиой машины. В этом зале беспрерывио работала огромная машииа. Полужидкая масса ложилась иа медную сетку и пробегала к громадиым, безостаиовочио вращающимся цилиндрам. Сбоку у цилиидров, поправляя ход и скрепляя рвущийся иногда поток бумаги, суетились подростки. На этой работе пожилым было трудио. Машина работала быстро.

В большом зале было жарко, и хотя шум машины заглушал громкую речь, здесь происходило общее собрание рабочих фабрики.

Уже в одном том, что митинг был назначен в машинном зале, инженер видел непорядок и брезгливо морщился.

Зал был переполнен, оратору приходилось напрягать свой голос, и все же дальним трудно было услышать его слова. Парнишкам тоже хотелось бы послушать, что говорится, хоть краем уха, но машина требовала неотступного надзора. На вершине положенных друг на друга рулонов стоял оратор.

— Итак, товарищи, вопрос ясен: мы должны взять управление в свои руки...

Ему ответил одобрительный ропот, пронесшийся по залу.

В зале было слишком жарко и шумно. Коски, поддерживаемый рабочими, взобрался на груду рулонов.

— Товарищи! Народный уполномоченный точно наметил программу нашей революции, нашей борьбы за права рабочего класса. То, что вы хотите здесь сделать, противоречит решениям... Решено было установить только рабочий контроль за производством, а то, что предлагает предыдущий оратор, называется уже социализацией.

— Как бы ни называлось, а правильное предложение! — крикнул кто-то из задних рядов.

Айраксинен стоял внизу и разглядывал собравшихся в зале рабочих. Среди них было много вооруженных; красногвардейцы, работавшие раньше на этой фабрике, имели сегодня право решающего голоса. Среди них был Ивар — монтер, слесарь механического цеха Рагнар и работавший на дефибрерах Юкка.

— Всякая революция делается сама по себе. Думать, что ее приход можно отдалить или ускорить, могут только беспочвенные мечтатели, бланкисты, — говорил Коски.

Аудитория явно не хотела слушать Коски.

— Он подослан хозяевами!

Эта реплика разозлила Коски.

— К хозяевам я имею меньше отношения, чем ты... Я рабочий лесозавода, распильщик. У меня отхвачена пилой рука... А интересы рабочего класса требуют только контроля!..

Притихшая было аудитория снова зашумела.

— Где хозяева? — спросил у инженера Айраксинен.

— Не знаю, — пожал тот плечами. — Какое это имеет отношение к делу?

— Да известно, все правление фабрики на севере, у лахтарей. Перебежали! — ответил за инженера стоявший рядом мастер-сеточник.

Другой рабочий подтвердил:

— Они уж, как пить дать, у лахтарей!

— Ваше слово, — Айраксинен подтолкнул инженера.

Тот выпрямился, как на параде; он не стал взбираться на рулоны, а с места громким голосом произнес:

— Я заявляю, что если подобная неразбериха будет продолжаться еще хотя бы два дня, я от имени правления фабрики вынужден буду остановить работу предприятия.

— А где правление фабрики? — снова громко спросил Айраксинен.

— Это дела не касается!

Тут собрание вспыхнуло, как костер, в который плеснули керосину:

— К черту!

— Он нам угрожает!

— Не закроете! Не ваша власть!

Айраксинен уже взобрался на груду рулонов.

Очки его поблескивали. Он снова ощущал то же, что и в дни Свеаборгского восстания, когда разбирали железнодорожные пути, чтобы не допустить карательные части; на него нахлынули точно такие же чувства, как и в день освобождения из тюрьмы, когда старые товарищи приветствовали его на вечеринке, устроенной по этому случаю.

Товарищи были с ним, и он понимал их... Да ведь с ними можно и в огонь и в воду! Они многого хотят и еще больше сделают... Жаль, что он не так молод, как этот мальчишка в котелке, с винтовкой за плечами.

Он сказал:

— Товарищи! Может быть, революция и приходит сама, но раз она уж пришла, то гнать ее прочь не наше рабочее дело... Контроль над производством? Отлнчно! Но скажите мне: кого контролировать, еслн хозяева, как зайцы, метнулись в кусты? И хорошо бы только метнулись, а то они из этих северных кустов поливают нас пулеметным огнем. Товарнщи красногвардейцы, которые находятся в этом зале, могут подтвердить мои слова. А тут еще хозяйский приказчик грозится завтра совсем закрыть фабрику. Что же, закрывай ее завтра. У нас есть еще достаточно силы и умения, товарищи, чтобы пустить ее сегодня. Господин ннженер, для вас она уже сегодня закрыта!

Аудитория словно взорвалась. Билн в ладоши. Подбрасывали в воздух шапки. Красногвардейцы стучали прнкладами об пол.

Айраксинен хотел отереть пот с лица, но платка в кармане не оказалось.

Этот жест заметилн стоявшие рядом рабочие. Один из них оторвал от рулона большой кусок белой бумаги и протянул Айраксинену.

Старик отер пот с лнца куском белой чистой бумаги.

— Арестовать инженера! — крикнул парнишка и сейчас же метнулся обратно к неутомимо бегущему бумажному потоку.

— Итак, управление фабрикой принадлежит рабочим, — с полным сознанием правоты того, что он говорит, продолжал Айраксинен. — Прошу намечать кандидатов...

Пятерку рабочего управления выбрали очень скоро.

— Товарищи, — сказал председатель пятерки, — мы, первым делом, попросим удалиться с собрания господина инженера. А потом есть текущие дела. Нам надо увеличить выработку. Во-первых, в Советскую Россию отправляется несколько поездов за хлебом и продовольствием для наших трудящихся. В России не хватает бумаги, так вот мы и пошлем в обмен на хлеб бумагу.

— Правильно!

— Ладно!

— Одобряем!

— Одобреио единогласно... Второе: командир красиогвардейских отрядов заявил, что лучшего материала для баррикад, чем бумага, он ие может и придумать. И вот иам нужио дать бумагу для баррикад, если враг подступит к городу...

Это предложеиие было тоже приията единогласио.

— Какие молодцы! Такое единогласие — уже славнейшая победа, — сказал Айраксиием Коски, который все время угрюмо молчал.

Но сейчас Коски прорвало:

— Ты ответишь перед партией за сегодняшнее поведеиие. Это подрыв дисциплииы!

— Нет! Это — массы впереди руководителей...

Коски с силой хлопиул дверью.

— Ты иаходишься в плеиу у русских идей. Нам нужиа независимая фииляидская мысль.

Оии вышли иа холодиый воздух.

— Лахтари сейчас тоже больше всего кричат о том, что оии борются за «иезависимость», — произнес Айраксинеи и вытащил из кармаиа белогвардейскую прокламацию.

Спорящих уже окружали рабочие.

— Мы, рабочий класс Фииляидии, боролись за иезависимость Финляидии тогда, когда в России был царь и капиталисты с помещиками у власти!.. Тогда наши буржуи боялись иезависимости, чтобы ие остаться с глазу на глаз со своими рабочими! — продолжал Айраксииеи. — После забастовки пятого года оии благословляли царскую власть за то, что та спасла их от революции. Когда рабочие депутаты получили большиинство мест в сейме, создали «Красиый сейм», царь ие созвал его, и за это иаша буржуазия простила ему все грехи. А в прошлом году разве кто-нибудь из наших буржуев хоть обмолвился о иезависимости? Оии голосовали против иее в «Красиом сейме» и аплодировали Кереискому, когда тот разогиал его. А когда рабочие в России пришли к власти, иаши буржуи испугались и стали кричать о иезависимости. Русские рабочие-большевики, как и обещали

в своей программе, предоставили Финляндии независимость. Ну, а теперь все дело за нами, ребята! А русские рабочие и трудящиеся — нам братья, и когда мы действуем вместе, мы непобедимы. Помню, когда во время забастовки в 1905 году царский генерал-губернатор князь Оболенский решил скрыться из Хельсинки и спастись от финских рабочих на броненосце «Слава», то на другой день к нам в забастовочный комитет пришли представители подпольного матросского комитета и сказали: «В тот момент, когда вы захотите и скажете нам, мы арестуем князя Оболенского и выдадим его вам». Вот как трудящиеся понимают независимость... А буржуи, конечно, хотят висеть на нашей шее, каждый независимо от другого. Но это им не удастся! — и Айраксинен с гневом разорвал лахтарскую прокламацию. — Только в дружбе с русской революцией, с русским народом можем мы сделать нашу родину независимой, — перебил он желавшего что-то сказать Коски. — А лахтари сторгуются с Вильгельмом, с Ллойд-Джорджем, с чертом, с кем угодно и продадут Суоми за тридцать сребреников, лишь бы оставить за собой прибыли!

Из зала доносился лишь ровный, мерный гул работающей машины.

— Разные бывают социал-демократы: одни все это понимают, а другие — нет, — усмехнулся Айраксинен.

Он увидел в воротах инженера, пытавшегося зажечь на ветру сигару, и неожиданно для всех, с усмешкой сняв перед ним шапку, сказал:

— С пролетарским приветом!

XI. АЙНО ПОЛУЧАЕТ ФОТОГРАФИЮ

В город были доставлены тела тридцати семи погибших на фронте красногвардейцев.

Решили хоронить их в большом парке за городом.

Лопаты скребли мерзлый грунт. Надо было торопиться, чтобы успеть вырыть могилу к назначенному

часу погребальной церемонии. Сразу под толстым слоем покрытого снегом дерна шел застывший песок с мелкими камешками.

Тела бойцов, павших за революцию, лежали в морге при городской больнице.

Женскому батальону было поручено произвести тройной салют в ту минуту, когда будут опускать в могилу останки погибших.

Айно волновалась.

Во-первых, это будут первые выстрелы, которые сделает ее батальон. Во-вторых, она боялась за девушек: в первый раз они увидят убитых врагами людей, в первый раз они воочию увидят то, что может случиться с ними в бою... Не испугаются ли? Она была еще совсем молода и никак не могла представить, что и ее когда-нибудь не будет на свете.

Сегодня утром Мария подошла к Айно, бледная, губы у нее дрожали.

— Пойдем со мной вместе в морг, — попросила она, — мне одной трудно...

Среди тридцати семи был и ее муж.

И Айно пошла с товаркой в морг при городской больнице.

Красные ящики гробов стояли открытые. Многих нельзя было узнать, но на деревянных дощечках у ног были написаны чернильным карандашом имя и фамилия каждого. Только у одного не было имени, и лежал он, тихий и спокойный, в форменной гимнастерке, безымянный русский солдат.

Народ проходил, внимательно всматриваясь в лица.

Мать с двумя девочками останавливалась около каждого гроба и смотрела. Девочка тихо говорила: «Нет, это не папа», — и они шли дальше...

Мария сразу же узнала своего мужа.

Как будто кто-нибудь ей подсказал, что он пятый от входа, с такой уверенностью пошла она к этому гробу и остановилась около него, словно остолбенев.

Айно тоже остановилась.

В облике мужа Марии не было ничего особенного. Такой же, как сотни людей, которые проходили в тол-

не по вечерам с фабрики. Щетина на щеках, слегка остекленевшие серые глаза, прямые, оледенелые руки.

Мария стояла молча несколько минут, потом протянула руку к телу мужа и взяла его руку в свою.

Рука была холодная. Мария пожала ее и заторопилась к выходу.

Айно взяла Марию под руку.

Глаза у Марии были сухи, но плечи вздрагивали. Подруги шли к училищу, где теперь был расквартирован женский батальон, и Айно казалось, что ее спутница вот-вот упадет.

Но она встала в строй вместе с другими. Сегодня ей дали место уже не по росту — в первой шеренге.

Когда они строились на улице, перед гостиницей, Айно увидела скачущего Ялмара. Он тоже увидел ее и, подскакав, на полном карьере разом остановил жеребца рядом с ней. Это было проделано очень ловко.

Трудно было не залюбоваться и конем и ловким всадником. Ялмар был взволнован.

— Мне поручили распоряжаться сегодняшней церемонией, — сказал он Айно и поскакал дальше, а ее отряд двинулся вперед, к загородному сосновому парку — излюбленному месту рабочих гуляний.

На самой горе, в центре парка, откуда был виден весь город, вырыли общую могилу.

Девушки выстроились с трех сторон. Четвертая оставалась открытой. Там стояла украшенная красной материей импровизированная трибуна.

У подножья холма, на котором вырыли эту братскую могилу, выстраивались кавалеристы Ялмара. Каким-то образом рядом с Айно оказались Ольга, приехавшая из Петрограда, и матрос Тетерь.

Айно искоса взглянула на Тетеря, лицо которого раскраснелось на свежем воздухе.

«Какой славный парень!» — подумала она.

Небо было высокое и голубое.

Слышно было, как потрескивают ветки сосен; все было в снегу, и на желтевший песок, выкинутый лопатами из могил, ложились легкие звездочки снежинок.

И вдруг раздались громкие и торжественные звуки похоронного марша.

Ольга стояла рядом с моряком. Она открыла свою сумочку и, вытаскивая носовой платок, выронила на снег фотографическую открытку.

Айно нагнулась и подняла открытку.

С фотографии на нее глядел, слегка прищурившись, человек с коротко подстриженной бородкой.

— Кто это? Твой отец?

— Нет! — Ольга взглянула на нее с недоумением. — Нет, это Ленин.

Так в первый раз Айно увидела фотографию Ленина.

Величавый марш звенел совсем близко.

Медленная и торжественная процессия приближалась. Оркестр, продолжая играть траурный марш, выстроился у трибуны.

По обеим сторонам дороги стояли красногвардейцы. Они подняли вверх винтовки и скрестили их штыками, а те, которые стояли у самой могилы, соединили концы шашек, образуя коридор. И по этому длинному, необычному коридору люди с обнаженными головами несли обитые кумачом дощатые гробы.

Гробы медленно проплывали перед строем; их на полотенцах опускали в широкую яму.

Оркестр играл приглушенно. Все стояли затаив дыхание, глядя, как проплывают по коридору и устанавливаются один подле другого гробы. Солнце сверкало на медных трубах. И хотя у Айно пощипывало глаза, было совсем не страшно, а только печально и очень торжественно.

Айно стала осматриваться. На севере видно было огромное озеро Несиярви. Снега его резали своим блеском глаза. Высокие берега незаметно пропадали в неоглядных пространствах. Озеро было пустынно.

На юге лежало такое же огромное озеро Нюхеярви. Оно тоже было безлюдно.

А на востоке, внизу, был виден промышленный город со шпилями кирок, с высокими трубами и многоярусными корпусами фабрик. За ними была железнодорожная станция. И хотя паровозных гудков оттуда

не было слышно, но розоватые в солнечном свете дымки и пушистые, словно ватные столбики пара свидетельствовали, что жизнь на путях продолжается.

Айно оглянулась. Лица девушек в строю были серьезны и сосредоточенны. Они внимательно смотрели на то, что приходилось видеть им впервые. У некоторых были раскрыты рты, другие же в волнении плотно стиснули губы. И ни у одной в глазах Айно не нашла робости. Выбор ими был уже сделан.

В яму опускали тридцать седьмой гроб.

Оркестр перестал играть. И, смяв шеренги красногвардейцев, разрушив коридор из винтовок и сабель, могилу обступила огромная толпа...

И тогда с трибуны зазвенел высокий и ясный женский голос:

— Умереть за дело революции — значит жить для славы человечества!

«Да, они настоящие герои, настоящие люди, — подумал Ялмар о погибших. — Как-то будут хоронить меня?»

Ялмар с седла увидал: Ивар стоял рядом с Симхой, и оба слушали затаив дыхание... Юкка... Рагнар... Отец протирает синим платком очки...

А стоявшая на трибуне женщина заканчивала речь:

— Товарищи, те, которых мы сейчас хоронили, вернулись в город героями. Рядом с ними лежит один, фамилии которого мы даже не знаем. Сын русского народа, он пришел помочь своим финским товарищам в борьбе против капитализма и отдал за это дело свою жизнь. Он лежит безымянный, но никогда не будет забыт... Память о таких людях живет вечно!..

Айно все еще ждала, что женщина заговорит снова, и чуть не забыла подать команду.

— Он лежит безымянный, но никогда не будет забыт, — тихо повторила она и, вспомнив о своем батальоне, взмахнула рукой и скомандовала: — Огонь!

Вместо залпа началась разрозненная, беспорядочная стрельба...

Айно увидела, как некоторые из ее девушек поставили винтовку к ноге и потирали ушибленные плечи.

Бедняжки! Они стреляли первый раз в жизни и даже не подозревали до сих пор, что существует отдача.

Айно тоже не знала, что стрелять надо учиться заранее.

Тетерь схватил Ольгу за рукав.

— Вот видишь! Я тебе говорил, что самое трудное — заставить их учиться военному делу. Они думают, что это приходит само собой.

Все же через минуту нескольким девушкам удалось выстрелить одновременно.

Застучал, ударяясь о доски, песок.

Люди сняли шапки и сначала тихо, а потом громче запели похоронную песню. И, спев ее, стали расходиться.

Айно кусала губы. Ей казалось, что теперь на нее и на весь батальон смотрят с нескрываемой насмешкой. Но все присутствующие, кроме Ялмара и Тетеря, думали, что так и надо перед открытой могилой стрелять вроссыпь.

Никто и не подозревал, что женский батальон получил первый урок стрельбы...

Люди расходились из парка, возвращаясь к своим делам.

Кавалеристы ускакали, обогнав остальных.

Женский батальон выстраивался в походную колонну.

Айно подошла к Ольге.

— Подари мне карточку товарища Ленина, я покажу ее всему батальону.

— Ладно...

Ольга снова открыла свою сумочку и не без сожаления простилась с фотографией. Айно положила ее рядом с партийным билетом и красногвардейской карточкой. Она скомандовала, как ее учил Айраксинен:

— Шагом марш!

«Черт дери! Какая тишина в городе! Какая здесь мирная жизнь... Глядя на эти лавки, на дома, на этих спокойных прохожих, ни за что не подумаешь, что вблизи уже неприятель, что позавчера еще я не мог остановить бегущих! Да и была ли вообще паника?.. Если бы не свежая насыпь братской могилы, можно

было бы подумать, что вся эта неделя была только в моем воображении», — раздумывал Ялмар, подъезжая к штабу.

Оттуда вышло несколько красногвардейцев.

Они были веселы.

— Идем в отпуск! Ээро, главнокомандующий, разрешил нам!

— Черта с два! Отпуска в такое время?! — и Ялмар соскочил с седла.

У дверей, однако, его задержали...

— Товарищ командир! — произнес робкий женский голос.

А! Да это подобранная вчера девушка!

— Здравствуй, Марта.

Оттого, что командир ее узнал и назвал по имени, щеки девушки порозовели.

— Товарищ командир, у тебя нет еще в штабе ординарца?

— Нет.

— Возьми меня!

«И в самом деле!» — подумал Ялмар. Конечно, ординарец был ему необходим, а то самому надо передавать каждое мелкое распоряжение, хлопотать по пустякам, и не отрывать же на это дело какого-нибудь боевого парня! И он сказал Марте:

— Ладно, будешь моим ординарцем.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. ПОЗДРАВЛЕНИЕ НАРОДНОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО

Народный уполномоченный по иностраниым делам, неутомимый Юрьё Сирола, прибыл из Хельсинки сюда, в город, для того, чтобы прностановить отступление. Теперь уже все понимали, что хотя Ээро и был опытным профсоюзным работником, но как военачальник он никуда не годился. В Доме рабочих организаций Сирола собрал всех командиров красногвардейских частей, находящихся в городе и в пригородах.

Ялмар проспал начало заседания. Сегодия по-настоящему ои отоспался за две недели. Он торопился на заседание, не успел даже помыться, и все-таки опоздал. Народный уполномоченный уже выходил из здаиия.

Увидев Ялмара, он остановился, приподнял шляпу и протянул руку. Ялмар покраснел от удовольствия и пожал руку Сирола. Тот, мягко улыбаясь, произнес:

— Поздравляю вас, товарищ Ялмар! Сейчас вас на общем собрании командиров выбрали главным начальником обороны города. Революционное правительство подтверждает решение комаидиров. Рабочее правительство вам доверяет.

Ялмар пожал руку иародному уполиомоченному и затем по-военному приложил руку к шапке.

Сирола сиова улыбиулся и повторил:

— Ты будешь главнокомандующим. Всеми рабочими и заводскими делами будет ведать Айраксинен, по военным делам тебе в помощники избран командир батальона кожевников и грузчиков Кальюри.

— Кальюри? Тот самый? Депутат?

— Да, он. Мы скоро пришлем тебе подкрепление, а пока твоя задача — продержаться во что бы то ни стало. Выдержишь?

— Раз правительство рабочего класса мне доверило, значит надо выдержать...

Машина тронулась.

Товарищу Сирола нравился этот высокий, сильный, красивый парень. Правда, он, кажется, не слишком силен в теории и любит эффектные фразы.

Ялмар стал разыскивать своего только что избранного помощника.

Кальюри... Это имя было известно издавна. Мелкий кустарь-кожевник, он был депутатом сейма, социалистом. Демонстрируя свое пренебрежение к буржуазным вкусам, он часто являлся в зал заседаний сейма босой, с грязными ногами. Правда, для этого ему приходилось специально пачкать ноги, так как ботинки он снимал перед ошеломленным гардеробщиком в здании сейма. Такое поведение, он думал, должно было вызвать к нему любовь среди батраков, торпарей и люмпен-пролетариев... Но на деле оно вызвало только несколько скандалов на заседаниях сейма и было раздуто буржуазными газетами, как непарламентские эксцессы; карикатуристы тоже поживились на этом. Во всяком случае, Кальюри добился одного: имя его стало широко известно даже за пределами страны.

Теперь он стоял перед Ялмаром. Про него говорили, что он одет в ремни, — так много на нем было ремней, кроме портупеи... Они все были свежие и пахучие. На ногах крепкие лакированные краги. Шаровары с пришитыми на месте лампасов широчайшими красными шелковыми лентами. Высоченная белая папаха с пересекавшей ее, тоже шелковой, красной лентой.

— Настоящий генерал!

Кальюри познакомил Ялмара с двумя своими адъютантами, молодыми парнями. Парни эти тоже со всех сторон были перекрещены ремнями.

— Весь мой отряд ходит в коже, — горделиво произнес Кальюри. — Почти всем ремни приготовил я сам. Чтобы у командира-кожевника красногвардейцы ходили как ощипанные куры, — да никогда! Это был бы позор рабочему классу!

Под окнами раздалась громкая походная песня.

Ялмар и Кальюри бросились к окнам.

Мимо строем, с песней проходил хельсинкский батальон.

— Куда вы? — закричал Ялмар.

Ему не ответили.

Кальюри пожал плечами.

— Командир не должен кричать в окна, это снижает авторитет, — наставительно сказал он. — Командир должен все узнавать через адъютанта. Узнай! — приказал он адъютанту.

Через несколько минут адъютант вернулся и отрапортовал Кальюри:

— Хельсинкский батальон постановил на общем собрании итти домой в отпуск...

— Кто им разрешил? — перебил адъютанта Ялмар.

— Этого я не знаю. Должно быть, главнокомандующий Ээро.

Красногвардейцы хельсинкского батальона не были дезертирами. Они не были трусами, эти парни. И это они блестяще доказали через месяц на баррикадах.

Но в эти дни они еще не представляли, как надо воевать, и полагали, что воинская дисциплина похожа на профсоюзную демократию.

Ялмар помолчал и затем тихо произнес:

— Нам предстоит огромная работа: надо дисциплинировать и реорганизовать все наличные силы...

Кальюри небрежно кивнул головой.

— Имей только в виду, — сказал он, — что мой отряд остается так, как есть, все остальное делай, как хочешь, — ты командир.

Ялмар удивился словам своего помощника и продолжал развивать план действий:

— Надо людям, которые хотят уйти и боятся драться, предложить сдать оружие, профсоюзные билеты и немедленно покинуть город.

Кальюри снова кивнул головой:

— Это мне нравится, — среди нас не должно быть трусов!

Через день штаб так и сделал, и оказалось, людьми, желавшими уйти из города, можно было загрузить длинный товарный состав. Поезд вышел утром по расписанию, но скоро вернулся обратно. Белые его обстреляли. Пути были уже отрезаны, город окружен.

Но накануне вечером все же успел уйти из города последний состав — паровоз и два вагона. С этим составом увозили бывшего командующего всей Красной гвардии Ээро.

Все произошло так.

В штаб позвонил командир отряда, стоявшего на опушке леса за городом:

— Мы наблюдаем за передвижением лахтарских отрядов, — сказал он Ялмару, — а главнокомандующий Ээро требует, чтобы все немедленно пришли в город, в почетный караул на вокзале... Я отказался выполнить его приказание. Он поносит нас последними словами. Красногвардейцы разозлены. Что делать?

— Выполняйте то, что я приказал, а он пусть обращается ко мне. Откуда он звонил? Со станции? Из буфета?

Ялмар и Кальюри немедленно поехали на открытом автомобиле.

В буфете за столиком, где Ялмар в ноябре сидел с братом, грузно восседал Ээро...

— Что же ты делаешь? Вмешиваешься в оперативные распоряжения!

— Ну и что ж, — пробасил Ээро, — вмешиваюсь!

— Я здесь отвечаю за все...

— Ну и ответишь, — так же невозмутимо сказал Ээро.

Затем он неуклюже встал со стула и опрокинул его.

— Уйди, попугай, — мрачно сказал он и со всего размаха ударил Кальюри по лицу.

Кальюри бросился на него, схватил за плечи и начал трясти.

— Меня так легко не возьмешь, — сказал Ээро и схватил со стола стакан.

— Именем революции ты арестован! — не помня себя от злости и обиды за то, что он ранее уважал такого человека, крикнул Ялмар.

Стакан выпал из рук Ээро.

— Кто ты такой, чтобы меня арестовать?.. Сопляк! Я еще в тысяча девятьсот шестом году организовывал Красную гвардию.

— Сдавай оружие!

— Я оружие сдам только Совету Народных Уполномоченных.

— Вот мы тебя и отправим туда... под конвоем... там и поговоришь.

— Ну, это дело другое, — успокаиваясь, ответил Ээро. — Так бы ты с самого начала и говорил. А то лезешь в драку... — И вдруг он снова взглянул на Кальюри и крикнул: — Убери его прочь! — и, положив голову на руку, громко заплакал пьяными слезами.

Револьверы висели у пояса Ээро справа и слева. Кальюри взял их себе.

Ээро продолжал плакать у столика

Через два часа, обезоруженный, под охраной, как арестант, он был отправлен в Хельсинки. Сопроводительное письмо, подписанное Ялмаром и Кальюри, написал Илмари.

В ту ночь Ялмар и Кальюри спали на складных походных койках в одной комнате. Утром Ялмар проснулся оттого, что Кальюри кричал на адъютанта:

— Ты что, дурак, службы своей не знаешь? Пойди немедленно на улицу и скажи мне, какая погода, чтобы я знал, какого цвета надеть краги!

Искоса поглядывая на своего начальника штаба, Ялмар стал натягивать высокие сапоги.

Потом Марта принесла газету. Огромным шрифтом, жирной шапкой выделялось сообщение:

СОВЕТ НАРОДНЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОСТАВИЛ ВО ГЛАВЕ ВСЕЙ КРАСНОЙ ГВАРДИИ КОЛЛЕГИЮ ИЗ ТРЕХ ЛИЦ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ НАРОДНОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ВНУТРЕННИМ ДЕЛАМ ТОВАРИЩА ТАЙМИ.

II. СИГРИД ВСТУПАЕТ В КРАСНУЮ ГВАРДИЮ

В штабе было, как всегда, шумно.

Люди суетливо пробегали по комнатам, уходили, возвращались, громко спорили друг с другом. В углу, прямо на полу, без всякой подстилки, обняв свои винтовки, спало несколько красногвардейцев. Увидев Ялмара, многие бросились к нему. Требовалось тут же на месте разрешить десяток мелких вопросов, от которых разбухала голова.

— Да идите же к Айраксинену, идите к председателю комитета!

Некоторых Ялмар сначала отсылал к Коски, но затем тут же сам разрешал спорные вопросы, потому что боялся, что Коски разрешит их неправильно и снова лахтарские выродки будут подшучивать над рабочей властью.

Ялмар заметил в комнате девушку. Она была совсем не похожа на Марту, хотя такая же светловолосая, сероглазая, — она казалась бледнее и тоньше.

— Ты ко мне? — спросил он.

— К тебе, товарищ начальник! — кивнула она.

— Ну, говори, в чем дело!

— Я не могу при всех... — она смутилась.

Ялмар, ожидая от нее секретных сведений, пригласил девушку в соседнюю комнату.

Он запер за собой дверь; комната была маленькая и полутемная. Положив голову на столик, сладко спал Ивар.

— Ладно, говори, — сказал Ялмар.

— Меня Айно не принимает в женский батальон смерти, — пожаловалась девушка.

— Ну и что ж?

— Я пришла проситься в батальон... Она меня не берет. Я стала спорить. Она послала к главному командиру и сказала, что все будет так, как вы решите. Я хочу драться с лахтарями.

По голосу девушки можно было понять, что эти слова идут из глубины души.

— Почему же Айно не берет тебя? Ты, может быть, больная, слабая? — строго спросил Ялмар.

— Нет, я совсем здорова, — вспыхнув, сказала девушка. — Но она не хочет меня брать...

— Почему?

Этот разговор явно касался личных дел и не имел отношения к фронту, поэтому надо было скорей кончать его.

Девушка мяла в руках носовой платок.

— Мне придется вам рассказать все, товарищ начальник, только я обещаю вам, что буду хорошим красногвардейцем и не опозорю этого звания...

— Ты, наверно, не член партии? — догадался Ялмар. — Но ведь уже десять дней, как отдано распоряжение принимать в гвардию и беспартийных, и Айно это знает.

— Да, я не член социал-демократической партии, — робко подтвердила просительница, — но я... я нечестная девушка.

— Так вот оно в чем дело! — Ялмар теперь уже не удивлялся решению Айно. — Да, я думаю, что Айно, пожалуй, правильно рассудила: воровок мы не берем.

— Неужели и вы меня оттолкнете? — быстро заговорила девушка. — Неужели и вы такой же, как все бабы и как эти буржуи?.. Я думала, что хоть красные меня за человека считать будут! И вовсе я не воровка... Только я не замужем...

Ялмар видел, что она вот-вот расплачется. Но девушка сдерживалась изо всех сил. Только на лице ее проступили красные пятна...

— Ну кто, ну кто, — повторила она, — может еще так ненавидеть старую жизнь, как я?.. Ведь что они со мной сделали!

Она остановилась, чтобы перевести дыхание.

— Мне только двадцать четыре года... А вы тоже отталкиваете меня. Куда же итти мне?

Она заговорила с отчаянием:

— ...Я служила у них батрачкой. Он, сын хозяйки, клялся, что любит меня. Я верила ему, дура! Все его слова не стоили и ломаного пенни. Он уехал в четырнадцатом году в Германию, в егерскую школу. А перед самым отъездом женился на другой. У меня родился ребенок, такой чудесный мальчик... И меня прогнали с места. Опозорена! Все отворачивались... Я должна была оставить ребенка — сердце у меня разрывалось! И приехала сюда, в город. Поступила на место. Но как только узнали, что у меня дитя незаконное, — понимаете, незаконное, — отказали. И так с позором не один раз выгоняли. А как я подумаю, что и ему, бедняжке, ни в чем не повинному, всю жизнь с клеймом «незаконный» надо будет маяться, все из рук моих валится!

— Милая, не надо плакать, — сказал Ялмар и сразу же почувствовал, что говорит не то.

А она стояла перед ним, смущенная и расстроенная.

— Айно, наверно, думала, что это может бросить тень на весь отряд, — проговорил он уже не так решительно.

И девушка, почувствовав колебание, стала еще настойчивее.

— Ладно, — сказала она, — я думала, совсем новая жизнь начинается. Я радовалась революции, а ты меня гонишь... Ты идешь на бой с лахтарями, а сам признаешь все законы, которые они установили для нас.

— Кто тебя научил так говорить? — изумился он, а про себя подумал: «И впрямь, не похож ли я на Коски? Ведь эта девушка права».

— Сладкая жизнь меня выучила, — усмехнувшись, сказала девушка.

— Как тебя зовут?

— Сигрид. Их законы отняли у меня и у моего ребенка будущее... Я очень прошу вас...

Ялмар вырвал из блокнота листок и написал:

«Айно, прими в батальон Сигрид». Подписался и припечатал листок самодельной печатью, вырезанной еще в ноябре Рагнаром.

— Вот тебе, — протянул он листок девушке. — Я надеюсь, что ты не заставишь меня никогда жалеть об этой записке!

— О, конечно, конечно! Я вам очень благодарна, — сказала девушка.

Она протянула руку Ялмару, но, быстро спохватившись, опустила ее.

— Товарищ начальник, будьте спокойны, — уже официальным тоном произнесла она.

Сигрид торопилась уйти, зажав в руке бумажку, словно боялась, что ее могут отнять.

Ялмар улыбнулся и вышел в большую комнату. Люди теперь группировались около Айраксинена, высокого и седого. За последние дни он помолодел на много лет. Или это только казалось?!

— Тебя опять к телефону требуют, — сказала Ялмару Марта.

Ялмар взял трубку.

— Я вас слушаю... Алло!

— Это говорит Ялмар?

— Да, я...

— Будьте добры, подайте автомобиль на угол Шведской улицы и бульвара.

— Что? Что? — вскипел Ялмар.

— Только скорей, — продолжал издевательский голос, — получите крупные чаевые.

— Кто говорит? — невольно спросил Ялмар и в ответ услышал:

— Твой хозяин. — И смех...

— Что с тобой? — спросил Айраксинен.

— Дразнят меня тем, что я шофер, — ответил Ялмар.

— Пусть их, не порть себе нервы, — рассмеялся Айраксинен, и молодые глаза его заблестели. — Пред-

ставь себе, мне сегодня три раза звонили и спрашивали, в какие часы я буду прииимать посуду лудить и паять. Я в ответ: «Сию секунду»...

И ои снова рассмеялся.

— Оии иикак и никогда нам не простят, что мы простые рабочие — жестяищики, — он показал свои руки, — лесорубы, шоферы, — ои указал иа Ялмара, — находимся у власти... Да, вот и комаидуем, и лудить и паять умеем... А вы только командовать, да и то не сумели... Весело живем!

Ялмару стало даже стыдио, что он сердился иа того дурака, которому ничего ие осталось, как только срывать свою злобу в телефоином разговоре.

— Но шутки шутками, — перестав смеяться, продолжал Айраксинен, — а надо нам оргаиизовать группу по борьбе с виутреииими врагами и изъять их из обращеиия... Ты, Коски, может быть, опять скажешь, что иет инструкции от цеитрального правительства по этому вопросу?

Коски ходил взад и вперед по комнате с растрепанной шевелюрой, заложив руку в кармаи.

— Да, только эта группа должиа действовать в рамках закоиа и с ограиичеииыми правами...

— Вот, вот, — обозлился Ялмар, — еще иет группы, а уж он ее ограиичивает...

— А у меия для этой группы уже первое дело есть, — продолжал Айраксииеи. — Эй ты, иди сюда! — крикиул ои, распахнув дверь на лестницу.

В комиату вошла девушка; иа голове у нее была кружевиая наколка, какие обычио иосят горничиые.

— Ну, говори.

Девушка стала рассказывать, что сегодия, когда она чистила костюм своему хозяииу, в большом платяном шкафу под бельем оиа увидела спрятаииый костюм — форму шюцкоровца.

— Молодцом, молодцом! — поощрял ее рассказ Айраксинеи. — У иас есть и другие даииые, что твой хозяин лахтарь...

И когда гориичная окоичила свой рассказ, Айраксииеи сказал Ялмару:

— Я этого субъекта уже арестовал. Ну и тип же!

— Теперь у меня нет места, — сказала девушка.

— А ты в женский батальон хочешь пойти? — спросил ее Ялмар.

— Да, конечно, — сказала девушка, — только не сестрой милосердия, а красногвардейцем.

— Есть, — весело ответил Ялмар, вырвал из блокнота листок и написал записку Айно.

— Идем, поговорим, кого назначить в особую группу, — Айраксинен потащил за собой Коски и Ялмара в соседнюю комнату, где все еще, положив голову на столик, спал Ивар.

III. О ТЕХ, КТО НЕ ПРОДАЛ СВОЕЙ ШПАГИ

Город был со всех сторон окружен белыми. На окраинных улицах быстро вырастали баррикады. Ялмар предложил Айраксинену мобилизовать всех трудоспособных мужчин, которые ничем не помогали Красной гвардии. И бритый пастор рядом с лавочником, и адвокат укладывали тюки целлюлозы в плотные баррикады.

Они выполняли навязанную им работу нехотя и неумело. Но приставленные для наблюдения девушки батальона Айно были требовательны и внимательны, и укрепления получались неплохие.

Оставшиеся в городе красногвардейцы не унывали. Главным командованием была обещана скорая поддержка, а до подхода подкрепления, которого ожидали дней через пять, город мог выдержать осаду и штурм уже начинавшего наседать противника.

С востока и запада красногвардейские отряды были выдвинуты на три километра от города.

Юг и север были открыты. Огромное озеро, сейчас покрытое льдами, расстилалось на юге, и берегов его не было видно. Другое озеро шло далеко на север. Соединялись эти озера узким полуторакилометровым протоком, в котором неумолчно бурлил водопад.

Вода, шумя, кипела, разбивалась о камни, падала с высоты, рассыпалась брызгами и снова устремлялась вперед.

Зимою бурлящая, никогда не замерзавшая вода казалась горячей, а на прибрежных камнях были ледяные шапки. Около этого водопада и вырос город. Во всех учебниках он именовался «финляндским Манчестером», но никаких особых достопримечательностей, кроме самой старой в стране бумажной фабрики, в городе не было. Остальные — суконная, металлическая, целлюлозная, бумагопрядильная — фабрики только упоминались в путеводителях, но ничем особым не были знамениты. В городе было два парка, набережная и красивые озера, но вид на водопад был испорчен высившимися по берегам фабричными многоярусными корпусами, и поэтому праздные туристы его невзлюбили. Правда, обращал на себя внимание памятник на островке, с которого так хорошо было видно мощное падение воды. Огромный бронзовый орел простирал свои крылья над высеченными цифрами: в 1819 году здесь был Александр Первый, а в 1856 — Александр Второй.

Памятник был красив, но его не любили, как символ национального угнетения. Славилась еще недавно выстроенная из гранита церковь с росписью двух известных художников. Но до росписи ли было теперь красногвардейцам! Впрочем, и лахтарям теперь было не до религиозной живописи. Последняя их атака на восточное кладбище была без особого труда отбита красногвардейцами, залегшими за каменной оградой и могилами.

— Это безобразие! — говорил Симха. — Ты, Ганнес, ведешь себя по-мальчишески... Тетерь ведь говорил: когда в тебя стреляют, надо нагибаться и даже ложиться на землю...

— Ну, я не такой трус, чтобы кланяться каждой пуле, — горделиво ответил Ганнес.

— Ну ладно, не трус, а кто сказал, что не хотел бы остаться среди могил один ночью?

Ганнес вспыхнул, но так же упрямо произнес:

— Все равно я не буду кланяться пулям.

Около ограды стояло несколько походных кухонь. Молодые кашевары подкладывали в топки мелко на-

колотые дрова, и когда у походной кухни приоткрывалась крышка, оттуда шел теплый и вкусный пар. Было приятно вдыхать такой пар и знать, что через полчаса будет обед. Гороховая похлебка... селедка... кофе...

— Скоро, наверно сразу после обеда, мы пойдем в атаку, — сказал Ивар. — К обеду народу здесь поднаберется — больше не надо. Это ловко все-таки Ялмар придумал.

Ялмар, видя тягу бойцов в город, в центр, приказал всем кухням перейти на самые передовые линии — к фронту, к огню. И только здесь, на линии огня, могли красногвардейцы получать свой обед и горячую пищу.

А в городе и гражданскому населению было голодно.

На обед в штабе оставался только дежурный, остальные уходили к походным кухням, на фронт. Лишь начальник штаба Кальюри не захотел подчиняться такому, как он считал, унизительному для него порядку и заставил своего ординарца — племянника из деревни — на керосинке варить ему обед в помещении штаба.

Народ прибывал.

Юкка и Рагнар ели из одного медного котелка. Они сидели у могилы какого-то богача. Рагнар положил винтовку к ногам, а Юкка прислонил свою к мраморному кресту.

Каша в котелке кончалась.

Рагнар вытер бумагой ложку, завернул ее и положил во внутренний карман куртки.

— Все бы хорошо, если бы погода потеплее стояла. Лучше бы воевать.

— Что ты, что ты! — Юкка с негодованием отвергал пожелание Рагнара. — Лучше увидеть лисицу в курятнике или вора в амбаре, чем теплый март...

Рагнар молчал, прислушиваясь к звону колокола.

— Холодный март — хороший урожай, — пояснил Юкка.

— Какой там будет урожай, неизвестно, а вот сейчас начнется атака, это непременно.

— Откуда ты это знаешь? — удивился Юкка.

— Уже четвертый раз замечаю: сразу после тре-

звона с колокольни лахтари идут на штурм, — медленно отвечал Рагнар, застегивая пуговицы на куртке.

Юкка подчищал горох в котелке.

— После атаки пойдем вместе в город и пощупаем звонаря, — сказал он.

— Ладно. Надо сказать Ялмару об этом.

Действительно, как и предсказал Рагнар, через несколько минут началась атака белых.

Это была какая-то странная, неожиданная атака.

Лахтари бежали во весь рост, не пригибаясь.

На белом снегу, без защитных халатов, они были отличной мишенью даже и для неопытных стрелков.

Из-за оград красногвардейцы прямо на выбор били бегущих лахтарей.

Видно было, как медленно оседают и опускаются в снег раненые, как падают навзничь убитые.

И все же лахтари приближались; время от времени они на ходу стреляли по направлению к кладбищу. Но странное дело — не только ни один из красногвардейцев не был ранен этими выстрелами, но даже не слышно было пощелкивания пуль о кресты, памятники, деревья кладбища, о камни ограды.

— Ну, Симха, ты, я вижу, тоже не кланяешься пулям...

— Ах, Ганнес, я и так горбат, мал ростом, куда ж еще кланяться! — И Симха выстрелил через ограду.

Все-таки это было странно, что пули, которые посылал неприятель, не долетали сюда.

— Эй, мы сегодня заговорены от свинца! — весело сказал Симха и крикнул: — Вперед, навстречу!..

И красногвардейцы, перелезая через каменную ограду, устремились навстречу лахтарям.

Тетерь, стоя на крыше бумагопрядильной фабрики, наблюдая в бинокль картину дальнего боя у восточного кладбища, ругался последними словами.

Внизу, у моста через водопад, стояли его орудия.

— Дураки, сидели бы за оградой... И перестре-

ляли бы белых, как куропаток... Так нет — штыкового боя захотелось!

Но ему нравилась эта смелость.

— Еще так месяца два — и всерьез научатся воевать, по-настоящему, — сказал он Ялмару, который вышел и стал рядом с ним на крыше.

— Только что двух лахтарей, агентов, с колокольни снял, — сказал Ялмар, вытирая пот со лба. — Дай бинокль!

Глазам Ялмара представилась странная картина. Лахтари, бросая винтовки в снег, поворачивались и бежали обратно. Но в них сзади тогда стали стрелять свои же...

Ялмар отдал бинокль Тетерю и побежал вниз по лестницам.

— Эй, Марта! — крикнул он.

Шофер нажал грушу, и машина тронулась с места.

Красногвардейцы, перебравшись через ограду, побежали навстречу лахтарям. Они впервые шли на штыковой удар!

Симха увидел, как лахтарь прицелился и почти в упор выстрелил в бегущего рядом с ним Ивара. Заряд попал Ивару прямо в лоб, сбил с головы фуражку. Ивар вскрикнул и покачнулся.

«Убит!» — решил Симха и вонзил штык в выстрелившего лахтаря.

Лахтарь выпустил из рук винтовку и упал на снег.

Симха освободил свой штык и оглянулся.

Ивар попрежнему стоял во весь рост на снегу, широко расставив ноги. В одной руке он держал винтовку за штык, другой снимал со лба какие-то маленькие, мягкие беловато-серые комочки.

Подносил их к самым глазам и странным, казалось — невидящим, взглядом внимательно рассматривал их.

— Мозг! — ужаснулся Симха.

— Кажется! — тихо, не удивляясь, проговорил Ивар.

«И говорит как идиот...» — подумал Симха. Он поднял винтовку и со злобой выстрелил в убегающих белых...

Симха снова оглянулся, но Ивар попрежнему стоял на ногах. И глаза его заблестели. Он надкусил комочек, который так пристально разглядывал.

— Соленый творог! — с торжеством сказал он.

Тогда Симха опустился на снег около убитого им белого и раскрыл его патронную сумку. В сумке вместе с патронами лежал самый настоящий творог...

— Он стрелял творогом! — не понимая еще, в чем дело, развел руками Симха.

Это было действительно странно...

Ивар из внутреннего кармана куртки убитого лахтаря вытащил профсоюзный билет.

У некоторых убитых за плечами были берестяные плетеные корзинки, батрацкие торбы.

— Вот прочти, — отец Ялмара протянул Ивару листок. — Из кармана убитого!

Записка была написана карандашом.

Симха читал ее вслух, громко:

— «Товарищи! Держитесь изо всех сил. Мы — мобилизованные Маннергеймом рабочие и батраки... Держитесь! Через две недели мобилизованные Маннергеймом мужики начнут убегать на полевые работы. Привет, товарищи!»

— Что же это такое? Мы своих, выходит, били... Лахтари их вперед, на наши пули, погнали! — сморщился Ганиес.

Все замолчали в тяжелом раздумье.

— Мы похороним их в нашей братской могиле и воздадим воинские почести, как товарищам, — тихо сказал Симха.

Красногвардейцы начали подбирать на снегу тела убитых и относить их к ограде кладбища.

Но не успели они убрать тела, как раздался окрик Ялмара.

Машина его застряла не доезжая кладбища, и он сейчас бежал по полю. За ним спешила Марта — его ординарец...

— Смотрите! — крикнул Ялмар, указывая на дорогу.

От леска у дороги на Кангасала и по полю вдоль дороги от Мессикюля бежали, держа винтовки наперевес, люди в непривычной форме.

— За ограду! — скомандовал Ялмар, но его плохо слышали...

За первой волной атакующих — метрах в ста позади — катилась уже вторая.

— Огонь!

— Огонь!

Скрытые памятниками, заработали наши пулеметы.

На поле оставалось еще много красногвардейцев, и пулеметы не могли работать по-настоящему...

— Назад, за ограду! — требовал Ялмар.

Отходили медленно...

Наступавшие горланили слова какой-то шведской песни, прерывая ее неистовой руганью. И хотя в их рядах падало много скошенных пулями, они все шли вперед, и крики их становились громче и ругань неистовее...

— Они кричат, как пьяные, — сказал Симха Ялмару.

Ялмар отдал Марте найденные на убитых записки, два профсоюзных билета и исписанный листок из своего блокнота:

— Передай в типографию Илмари.

Пули тенькали, ударяясь о камни и металл памятников, но Марта шла прямо, не перебегая от памятника к памятнику, не торопясь.

Красный помпон на ее синем берете был виден издалека.

В мягком свете мартовского солнца, падавшего за городом за дальние тихие леса, уже занятые белыми, Ялмар вдруг увидел своего отца.

Старик стоял у самой ограды, которая служила ему упором для винтовки.

Он внимательно целился, потом, затаив дыхание, нажимал спусковой крючок. Винтовка немного отдавала. Выстрелив, отец вытаскивал из кармана брюк большой клетчатый синий платок, снимал с переносицы очки в потертой оправе и тщательно, спокойно, как в мастер-

ской, протирал платком круглые стекла. Потом очки водворялись обратно на переносицу, старик прикладывался к винтовке и снова начинал целиться. Ялмар смотрел на него, на эти угловатые движения, и перед ним возникали детские игры и детские обиды. И этот стоявший вблизи от него человек делался совсем родным и навсегда своим.

И как до сих пор он, Ялмар, не замечал этого и почему ни разу не сказал отцу ни одного ласкового слова?

Вот отец снова расправляет платок, протирает стекло. Приложился к винтовке и деловито выстрелил. Милый, милый старик! Подойти к нему, от души пожать его шершавую руку и сказать: «Как живешь, старина? Не холодно ли тебе, друг родимый?» — и посмотреть в глаза...

Неприятельские бойцы были уже совсем близко, а Ялмару было хорошо оттого, что он любил этого хмурого, несговорчивого и теперь родного старика.

Ялмар сделал несколько шагов, чтобы подойти к отцу. Сабля зацепилась за памятник и ударила плашмя по ногам. И вдруг проклятая пуля выбила из рук отца очки, и он упал, опрокинувшись навзничь, задев затылком простой железный крест, упал — и не вздрогнул, не пошевелился...

Поздно! Ялмар никогда не скажет отцу тех ласковых слов, которых не успел сказать.

Ялмар не заметил, как неприятельские солдаты перебрались через ограду, как отбегали, отстреливаясь под прикрытием могил, красногвардейцы. Потом красногвардейцы совсем перестали стрелять и бросились навстречу наступающим.

Ялмар остался с маузером в руках один у тела своего отца. На него навалился какой-то тяжелый, большой человек. Зарядов в маузере не было. Ялмар ухватился за дуло и опустил рукоять на голову насевшего на него человека. Тот выругался по-шведски и обмяк.

Ялмар увидел еще, как председатель рабочего управления бумажной фабрики отбросил в сторону винтовку и схватился за свой большой нож.

В нескольких шагах от него Ивар, отбросив оружие, сжал руками горло человека в серой униформе и колотил его головой о мраморный памятник.

Ялмар увидел Ганнеса.

Котелок Ганнеса был продавлен, а сам парнишка, замахиваясь прикладом, отбивался от двух наседавших на него шведов.

— Бейте лахтарей прикладами, бейте ножами! — крикнул Ялмар и стремительно побежал вперед, на помощь Ганнесу.

Через полчаса на кладбище не осталось ни одного живого шведа в серой форме с зелеными петлицами.

Да, по всем документам, найденным на убитых, видно было, что в бой вступила прибывшая из Швеции давно ожидаемая белыми бригада...

Среди павших красногвардейцев был и председатель рабочего правления бумажной фабрики.

Ялмар ехал обратно в штаб на автомобиле. Он прихватил с собой девушку из женского батальона. Она сидела на заднем сиденье одна, в полузабытьи.

На углу, около уличного фонаря, у свежей, наклеенной на стене листовки, стояла кучка людей.

Ялмар остановил машину и сошел, чтобы прочитать листовку.

Люди посторонились и дали ему место.

Из того, что было написано там, ему запомнилось:

«Мобилизованные лахтарями рабочие и батраки не стреляли в нас, а стреляли в воздух, и многие из них погибли от вражеской пули в спину.

Вы своей смертью показали свое величие, безымянные герои!

Герои и товарищи не продали своей шпаги за деньги!»

Только в ярко освещенном помещении штаба Ялмар понял, что на улице у фонаря перед ним расступились вовсе не из уважения, а просто чтобы не запачкаться.

Его куртка заскорузла от крови.

— Почему не бьют наши пушки? — гневно спрашивал, стуча о пол прикладом, красногвардеец, прибывший с кладбища. — Противник шпарит вовсю, а наши молчат. Этот матрос не иначе как саботажник!..

— Заткнись! — крикнул Ялмар. — Знай, что у нас осталось только четыреста снарядов. Понял, в чем дело?

Красногвардеец понял. Но от этого ему не стало легче.

Противник всю ночь, без перерыва, бил из трехдюймовок по кладбищу. Казалось, что этому огню не будет конца и что этих чертовых орудий у противника уйма. Он бил методически, расчетливо. Пожалуй, ни одного целого памятника и креста не осталось на этом старом огромном кладбище. Ограды тоже как не бывало.

Тела убитых убрать не удалось.

Противник действовал теперь только своей артиллерией. Наводчики, очевидно, пристрелялись хорошо, и через несколько часов красногвардейцам пришлось оставить кладбище. Они отошли на полкилометра и стали окапываться вдоль линии железной дороги. А неприятельские орудия все еще продолжали бить по оставленному кладбищу.

Это была батарея, приданная егерскому финскому батальону, только что прибывшему из Германии. Били выученики германской императорской артиллерии...

«Что ж, — думал Ялмар, — уже три дня назад должны были прибыть обещанные подкрепления — их нет, а нога вражеского солдата в город еще не вступала. И мы еще подеремся!»

Он поехал к новым окопам, выкопанным в снегу вдоль железной дороги... Там вместе с бойцами и командирами был выработан план, как встретить шведскую бригаду...

Красногвардейцы уже дали ей прозвище «Черная».

По принятому плану, сотне красногвардейцев предписывалось пробраться вперед, доползти до самого кладбища, а когда появится противник, привлечь его внимание и затем бежать к железной дороге. Ялмар не

сомневался, что шведы станут преследовать их по пятам, чтобы уничтожить. Красногвардейцы, оставшиеся в окопах, должны были пропустить своих и затем прямо в упор расстрелять наступающих шведских ландскнехтов.

Отпор должен был быть неожиданным и тем более сокрушительным.

Все поняли план Ялмара, все согласились с ним, и Ялмар поехал обратно в штаб.

Предстояло укрепить город еще и с западной стороны. Разведчики сообщили, что оттуда двигается эшелон егерей...

Железнодорожный путь проходил неподалеку от города, между двумя высокими отвесными скалами. Его разобрали, и рабочие каменоломен взрывали скалы и обрушивали обломки поперек пути, создавая непроходимые каменные завалы в этом ущелье, которое путеводители называли Фермопильским.

Шведское правительство, в которое входили и социал-демократы, объявило о своем невмешательстве во внутренние дела Финляндии, и тем не менее на территории королевства организовалась «добровольческая» бригада, прибывшая в полном боевом порядке и с оружием на территорию Суоми.

Солдатам, отбывавшим разные сроки наказания в тюрьмах за убийство, кражу и прочие уголовные или воинские преступления, объявлено было прощение, если они вступят «добровольцами» в шведскую бригаду, идущую водворять «порядок» в соседней стране. И таких «добровольцев» было около двух тысяч. Командирами стали кадровые офицеры. Офицерам, кроме всего прочего, нужна была тренировка — ведь Швеция не воевала сто лет.

В штабе обороны Ялмар никого не застал. Кальюри, скрипя своими свежими кожаными ремнями, забрав три роты, ушел защищать город с западной стороны — к Фермопильскому ущелью. Там путь был разобран и прегражден скалистыми обломками. Это было неплохо.

Но если уж тронулся с места Генерал, как все в шутку звали Кальюри, значит там действительно было неблагополучно. Если Кальюри по своей инициативе вышел на линию фронта, значит противником были уже сбиты первые заслоны. Взятые им с собой три роты представляли единственный резерв командования. Правда, еще оставался женский батальон. Но большего, чем исправное несение караульной и гарнизонной службы, Ялмар от этой воинской части не ждал.

Ударили несколько раз орудия Тетеря. Значит, началось с востока наступление шведской бригады.

— Марта, — приказал Ялмар, — вот ключи от погреба, возьми десять бутылок коньяка, отвези скорей на машине и раздай в окопах, что у вокзала.

На склад спиртных напитков позавчера набрел сторожевой патруль батальона Айно. Айно хотела разбить все бутылки там же, на месте, но Ялмар приказал коньяк и спирт оставить:

— Коньяк может понадобиться для поднятия настроения, а спирт — для лазаретов.

После того как вчера пришлось строго покарать двух красногвардейцев, посланных для раздачи коньяка на фронте, — они много выпили сами, а остаток продали за огромные деньги неизвестным покупателям, — Ялмар доверял ключ и коньяк только своему ординарцу Марте.

Она приложила руку к синему с красным помпоном берету и с деловитым видом ушла выполнять приказание командира. На лестнице Марта столкнулась с Айно, которая во что бы то ни стало желала увидеть Ялмара.

— В чем дело? — спросил ее Ялмар.

И Айно стала рассказывать.

Орудия противника на востоке перестали бить еще в ту минуту, когда Ялмар входил в штаб. Значит, сейчас, наверно, уже идет атака...

— Так вот, Айно, — сказал Ялмар, — я, конечно, верю тебе и твоим девушкам. Я понимаю, что им надоела гарнизонная и караульная служба... Но... я боюсь дать твоему батальону более опасное задание.

Я думаю, что твои женщины настоящего огня не выдержат.

Айно, плотно сжав губы, молчала. Она знала, что ее девушки хотят, наконец, встретиться с лахтарями... Она и сама хотела боевого испытания. Но, положа руку на сердце, разве могла она гарантировать нужные в бою твердость и упорство своего батальона?

Звуки перестрелки приближались.

Ялмару показалось, что вблизи затарахтела моторная лодка... Но этого не могло быть. Озеро покрыто льдом. Может быть, это мотоцикл?

Айно тоже слышала этот мерный, нарастающий шум мотора. Ялмар подошел к окну.

Довольно низко над городом пролетал моноплан, и на плоскостях его крыльев явственно выделялся черный немецкий крест. Айно замерла, задрав голову кверху. Немецкий самолет, никем не потревоженный, сделал еще круг над парком и пошел обратно на юг.

— Эх, хорошо бы и нам несколько аэропланов! — размечтался Ялмар, и в эту минуту в комнату влетела раскрасневшаяся Марта.

Волнуясь и задыхаясь, она сказала:

— На восточном участке наши бегут!

— Что?!

— Ну да, бегут вперед! Это шведы отступают... Наши ребята все молчали и молчали, пока их цепи не подошли на пристрелянные места, метров на пятьдесят — сто. Как ты велел... А шведы бежали вперед. Винтовки наперевес, и все кричали: «Ур-ра! Ур-ра!» Ой, как наши парни нервничали! А потом, подпустив шведов, начали бить из всех пулеметов и ружей... Боже ты мой! Что было! Отдельных выстрелов не было слышно, все слилось в один гул... Все поле было покрыто шведами. Самая малость их уцелела... и побежали назад... Ну, а теперь наши вылезли из прикрытий и бегут по пятам за уцелевшими солдатами к лесочку...

Все было прекрасно и шло так, как рассчитывал Ялмар, только вовсе незачем было преследовать неприятеля: в лесочке могла ждать засада...

Ялмар хотел немедленно же выехать на фронт. У выхода из штаба им пришлось задержаться.

Их остановил взволнованный Генерал. В его внешности уже не было прежнего лоска.

— Черт тебя дери! — кричал он. — Куда ты скрылся?! Они прорвались через Фермопильское ущелье с запада.

Трудно было точно разобрать, что хотел рассказать этот человек, но видно было, что он до крайности взволнован и перепуган.

— Белые, егеря... Прорвали... наши линии... Наши бегут... Я примчался за подмогой!

Ялмар обернулся к Айно:

— Твой батальон просил боевое задание. Вот оно... Иди к Фермопильскому ущелью и во что бы то ни стало задержи противника. Возьми три последних, резервных пулемета из штаба!

— Понимаю! — ответила Айно.

— Но ведь это невозможно! Если бегут мужчины, где уж женщинам устоять! — сказал Кальюри.

— Что ж, роди себе бойцов, а других у меня нет, — огрызнулся Ялмар и, оставив Генерала и Айно, приказал шоферу гнать.

Машина проскочила по мосту через проток, перемахнула через железнодорожные пути, миновала вокзал и единым духом дошла до снежных окопов.

Красногвардейцы вытаскивали из окопов два пулемета и хотели тянуть их за собой к кладбищу...

— Немедленно садитесь в автомобиль со своими пулеметами, — скомандовал Ялмар. — Свезешь их к ущелью в помощь Айно и гони скорей обратно, — приказал он шоферу.

Машина круто повернула. Ялмар побежал вперед, к леску, за красногвардейцами, проваливаясь в рыхлый снег.

Марта, отставая, бежала за ним.

Еще не добежав до кладбища, он должен был остановиться, чтобы перевести дыхание. Он попробовал было подсчитать, сколько лежит на снегу людей в серых мундирах с зелеными петлицами, но сбился со счету. Потом пошел вперед и стал убеждать красно-

гвардейцев возвратиться в окопы... Они шли обратно с неохотой.

Ялмар отлично понимал их настроение. Но, к сожалению, у него нет резервов. Город он оборонял уже дольше, чем было условлено; еще неизвестно, когда придет обещанное подкрепление...

Донесений с западного участка все еще не было.

Важно было, чтобы батальон Айно продержался до тех пор, пока не придут на помощь полусотни добровольцев — из людей, только что отразивших штурм шведов.

Ялмар торопился к Айно и поэтому не стал разбираться в документах и письмах, взятых с убитых врагов.

Все-таки карта из полевой сумки офицера — план города — приковала его внимание. С поразительной точностью отмечены были крестиками все здания, где были расквартированы красногвардейцы, «Смольный», ревком, и довольно точно намечены окопы за городом и баррикады в городе.

— Сволочные агенты! — пробормотал Ялмар, взглянув на убитого офицера, у которого была взята карта. Это был молодой, стройный и высокий человек.

Шведская бригада потеряла в тот день половину своего состава.

Погибшим шведам лахтари через год поставили монумент... А тела красногвардейцев откопали, выбросили из братской могилы и самую могилу сровняли с землей.

В наступающих сумерках Ялмар ехал на машине к Фермопильскому ущелью, и навстречу ему попадались идущие в беспорядке по тротуарам и посредине улицы красногвардейцы. Некоторые из них были ранены.

Ялмар заметил, что один шагал без оружия. Он остановил свою машину на углу.

— Товарищи! Кто из вас не ранен, идите обратно! — говорил он. — Неужели вы допустите, чтобы одни женщины дрались за всех и защищали вас от лахтарей?

— А где помощь, которую ты обещал нам? Где обе-

щанная помощь из Хельсиики? — сказал одии из красиогвардейцев. — Нас обманули и обманывают! — закричал он еще громче, обращаясь к скопившимся у автомобиля людям.

В толпе зашумели.

— Товарищи! — громко сказал Ялмар. — Расстегиите его куртку, и в кармане вы иайдете шюцкоровское удостоверение, а если он спрятал это удостоверение, то рассеките ему грудь и в груди этой увидите сердце лахтаря!

Сзади уже подходил строем отряд добровольцев. И слышался голос запевалы...

Кто же мог усомииться, что это был голос Симхи? Услышав приближающуюся песню, многие из остановившихся у машины Ялмара повернулись и пошли обратно, на запад, к фронту, к лесам, за которые уже опустилось огромное красное солнце мартовского дня.

Машина быстро пошла вперед; скоро коичились городские дома и замелькали придорожиые деревья в своих снежиых уборах; за ними таились темные дачи с заколоченными ставнями.

Шум выстрелов слышался за каждым поворотом дороги все явственнее. Но самих выстрелов становилось все меньше и меньше...

«Неужели не устояли и побежали?» — тревожась, подумал Ялмар и положил руку иа маузер.

На поясе висели две гранаты; позади на сиденье, рядом с Мартой, был прилажен пулемет. Коробки с лентами лежали в ногах. Это была последняя поддержка жеискому батальону...

Нет, не бегут. Не раздаются неприятельские выстрелы... И не слышны крики лахтарей... Стало совсем тихо.

У поворота машина остаиовилась.

На камие сидела девушка.

— Ты что, ранеиа? — спросил ее Ялмар.

Она ие отвечала и, положив голову иа руки, твердила только одно:

— Тетя Шарлотта, я не могу... Я не могу, тетя Шарлотта...

— Дальше, — сказал Ялмар.

Шофер покачал головой и нажал грушу. Камни на дороге!

Ялмар выскочил из машины и побежал вперед. Марта и шофер вытаскивали пулемет.

Перед Ялмаром стояла Айно, бледная и взволнованная; она говорила очень громко, как человек, оглушенный орудийной стрельбой. За ней уже толпились девушки с винтовками в руках.

— Товарищи, — сказал Ялмар, — через двадцать минут к вам подойдет на помощь отряд.

— Товарищ командир! — закричала Айно. — Нам не надо помощи. Мы выполнили задание и отбили лахтарей. Можешь полюбоваться.

Айно была права: женщины отбили ожесточенные атаки белых егерей.

— Где Генерал?

— Я его здесь и не видела.

— Товарищи женщины! — повысил свой голос Ялмар. — Вы отбили жестокую атаку лахтарей. Поздравляю вас с огромной победой!

И он услышал, как кто-то сзади начал всхлипывать.

Он споткнулся о тело.

— Обойди. Это Мария, — сказала тихо Айно.

— У нее осталось двое детей! — крикнул кто-то впереди, и Ялмар услышал плач.

Плакало уже несколько женщин. И голоса их звучали все громче и громче.

— Тише, товарищи! — сказала Айно, но эти слова словно были сигналом.

Всхлипывания усилились. Почти все оставшиеся в живых громко плакали, не стесняясь своих слез. И, слушая рыдания женщин, Ялмар впервые за все это время растерялся.

Через полчаса с песней пришли красногвардейцы, и еще издалека звенела «Марсельеза» в лесу, среди скал...

Ехали молча.

Ялмар оглянулся.

Марта поддерживала двух раненых девушек.

Одна из них, тревожась, спросила:

— Куда ты положила мою винтовку?

Винтовка была за спиной у Ялмара.

Эту девушку Ялмар знал: она была дочерью торпаря Капули; другая, в туфельках на высоких каблуках, была ему незнакома.

V. ВЗРЫВ В ШТАБЕ

Ялмар проснулся. В штабе было необыкновенно тихо, из всех углов слышался мерный храп спящих людей. Некоторые красногвардейцы спали на полу, без всякой подстилки, положив под голову лишь свои вещевые мешки.

Винтовки их были в беспорядке прислонены к стене, а некоторые бойцы так и спали с оружием в обнимку.

Выстрелов не слышалось, от этой тишины Ялмар и проснулся сейчас. Весь дом казался теперь заколдованным сонным царством, и даже стенные часы показывали два часа, как и тогда, когда перед сном Ялмар взглянул на них.

Они остановились.

Сколько могло быть сейчас времени?

Марта должна была разбудить его ровно в пять часов, однако сейчас гораздо больше.

К шести часам он обещал Тетерю быть уже на передовой линии, чтобы сменить его. Первый раз Марта не выполнила приказа. Ялмар потянулся, вскочил с походной складной койки и вошел в соседнюю комнату. Солнца там было еще больше, чем в его комнате, и лучи прорывались сквозь сизый прокуренный воздух.

Кальюри, одетый в им самим выдуманную форму, вместе с адъютантом возился, вскрывая ящик с гранатами.

— Осторожнее, Генерал! — предупредил его Ялмар.

— Посмотрю, чего и как. Я этой системы не знаю,— угрюмо возразил Кальюри, не только не обижаясь на данную ему кличку, но втайне даже довольный ею, — это немецкие.

— Хотите упражняться — идите на передовые, — сказал Ялмар и прошел в следующую комнату.

У самого окна, уронив голову на руки, положенные на стол, спала Марта. Шапочка ее валялась под ногами, золотистые, светлые, коротко остриженные волосы свесились на лоб и мягкими локонами падали на щеки.

Солнце озаряло ее светлую голову, и Ялмар увидел, как розовела щека. Рот девушки был полуоткрыт. Она спала таким глубоким сном и на лице ее была такая безмятежность, что Ялмар остановился.

Он нагнулся и поднял берет с полу. Положил на стол. Красный помпон на берете был прострелен в позавчерашнем бою.

Руки Марты лежали на столе, и казалось, издали можно было почувствовать теплоту ее ладоней. Ялмар почему-то не мог отойти от стола. Он прислонился к подоконнику и стал смотреть на Марту.

Что могло ей сниться сейчас?

Вдруг она плотно сомкнула губы. Брови у нее были черные. Ресницы длинные, густые и тоже черные.

Она ровно и спокойно дышала.

Нет, конечно, ничего ей сейчас не снилось — она просто спала, а Ялмар стоял, прислонившись к подоконнику, и не в силах был отвести глаз от Марты. Казалось, впервые он увидел ее такой, какой она была. Молодой, красивой, светловолосой, с легким румянцем на щеках. . .

«Какая она милая!» — подумал Ялмар и почувствовал, что сердце его наполняется необычайной нежностью к этой девушке, случайно подобранной на снежной дороге. Он мог доверить и доверял ей самые опасные поручения.

Он смотрел на нее и всем существом своим ощущал, что вот так прислониться к подоконнику и смотреть на нее и есть самое настоящее счастье, которое дано ему пережить, что вот теперь, кроме матери, есть у него еще один человек, родной на всю жизнь, до конца родной.

Он снова проделает тысячи миль юнгой, будет спать под открытым небом, снова пойдет в батраки, если это

надо будет, чтобы быть с ней, с этой девушкой, которая так тихо и счастливо спит, сидя за столом, положив голову на руки.

Впрочем, всего этого он не понимал, он только ощущал огромное, захлестнувшее его счастье, и ему хотелось не итти куда-то, а сидеть здесь с ней, взять ее за руку, сказать что-нибудь ласковое и, может быть, поцеловать.

«Когда мы разобьем лахтарей, обязательно поженимся», — подумал он, глядя на нее.

— Марта! — едва слышно прошептал он.

Девушка зашевелилась, подняла зарозовевшее лицо и открыла глаза.

Глаза были темносиние, а зрачки большие... И опять Ялмар почувствовал, что нет ему сейчас жизни без этих глаз, смотрящих на него с таким доверием.

Он быстро отпрянул от подоконника и пошел из комнаты, а девушке так хотелось спать, что голова ее снова упала на руки, и через секунду в этой, уже насквозь пронизанной солнечным светом комнате снова раздалось ровное посапывание.

Ялмар был сейчас полон веры в себя; теперь он твердо знал, что рабочая власть победит и что он много сделал для этого. Ведь они с Мартой должны быть счастливы, а какое же счастье без нашей победы, — так думалось ему; и он всем своим существом в эту минуту ощущал радость бытия и счастье любить по-настоящему женщину, и при этом он ни минуты не сомневался в том, что она будет любить его.

Ялмар вскочил в машину и опустился на сиденье рядом с шофером. Тот, готовый ко всем неожиданностям, спал, сидя у руля. Он быстро встрепенулся. Отжал диски, включил мотор, дал первую скорость и прибавил газ.

— Куда?

Ялмар в ответ лишь мотнул головой.

Надо было ехать на фронт.

Шофер, совсем еще мальчик, понимал его с полуслова. Он готов был поехать с начальником даже в ад. Ялмар любил его за лихость, он видел в этом шофере свою юность.

Шофер отличио ездил с Ялмаром и всегда без приключений; может быть, его подкупало то, что Ялмар отлично зиает мотор и по слуху легко определяет малейший изъяи.

Когда он возил других, всегда случались разные происшествия. Позавчера пули пробили покрышку. Вчера комаидир одного из отрядов попросил у Ялмара автомобиль. Ему иужио было быстро съездить к своему отряду и вериуться в штаб.

Через две минуты шофер был уже в штабе. Ялмар удивился.

— Ему уже никуда не иадо, ои никуда не поедет, — сказал шофер про своего седока и тут же пояснил: — На третьем квартале пуля пробила ему голову.

И еще один раз был убит седок. С тех пор никто уже и ие пользовался машииой Ялмара.

Всякого желающего сесть в кабину шофер предупреждал:

— Лучше не просите, если жизнь вам дорога. Разве вы ие знаете, что тот, кто едет на этой машине, погибает от пули?

— А Ялмар?

— Ну, Ялмар-то заколдован!

И в самом деле шофер был увереи, что начальиик его как бы заговореи от пули.

Не успели оии отъехать на этот раз и трех кварталов, как раздался дробный грохот и дребезжащий звои разбивающихся о камни стекол.

Грохот шел со стороиы штаба.

Артиллерия противиика второй деиь молчала. Лахтари собирали свои силы, здорово потрепанные в позавчерашнем бою.

Нет, это ие был грохот от взрыва сиаряда.

— Поворачивай в штаб! — крикнул Ялмар шоферу.

Люфт у руля был большой, и, быстро поворачивая баранку, шофер заметил, что Ялмар бледен.

Этого с иим никогда не случалось, даже под обстрелом на самой передовой позиции.

Ялмар плечом отодвииул от руля шофера и дал газ до отказа.

Из окон штаба вырывались клубы дыма. На тротуаре лежали осколки стекла и осыпавшаяся с карнизов штукатурка.

Ялмар приказал шоферу стоять с маузером в руке у выходной двери и никого не выпускать из штаба.

— Нельзя допустить панику в городе!

Единым махом он проскочил два марша лестницы и вбежал в помещение.

Холодный воздух врывался в комнату через разбитые окна. Какой-то дробный, мелкий звон стоял в комнате.

Табачный дым смешался с пылью от осыпавшейся штукатурки.

Стенка между комнатами была разбита, и куски дранки торчали из нее, как рыбьи кости. На полу лежали люди в самых неестественных позах.

Ялмар чуть не споткнулся о какую-то железку. Это был изогнутый, исковерканный штык. Адъютант Кальюри лежал лицом вниз около стенки, и красная лента оборванного лампаса Генерала, лежавшего на полу, извивалась, как струя крови.

Сам он был немного бледнее, чем полагалось бы, но дышал ровно.

Ялмар перевернул его.

— Повезло парню, просто чудо! Поцарапана рука, и двух передних зубов нет!

Кальюри открыл глаза.

— Да их и не было. Они у него вставные, — сказал красногвардеец, обвитый ремнями. — Вот от сотрясения и выскочили.

Видны были тела других людей, и не разобрать, кто из них ранен, кто убит...

Висевший на стене телефонный аппарат все время, не переставая, тревожно звонил.

Ялмар увидел в открытую дверь на полу соседней комнаты лежащую девушку.

«Она!» — подумалось ему, и тоска сжала его сердце.

Он метнулся к ней. Девушка тяжело стонала. Она была ранена. Куда?.. Нет, это была не она. И как мог он принять эту девушку за Марту? И волосы у нее

были темнее. И ростом она была выше. И не тужурка на ней, а обыкновенная блузка. Это была штабная машинистка.

Откуда-то в комнате появились живые, здоровые люди. Первой подняли и понесли к выходу стонущую девушку.

— Унесите убитых! — уже распоряжался Коски.

И тогда Ялмар поднял глаза и увидел, что Марта сидит так же, как и сидела минут десять назад, уронив свою светлую голову на стол.

Рядом лежала ее шапочка-берет с простреленным красным помпоном.

У Ялмара стало горько во рту; охваченный огромным горем, он на мгновение остановился.

«Осколком в спину — мгновенная смерть!» — подумал он, тихо подошел к столу, положил свою руку на руку Марты.

Девушка вздрогнула, подняла голову и раскрыла синие глаза, широкими зрачками удивленно взглянула на мир...

Она еще не успела проснуться, но уже легкое волнение можно было прочитать в выражении ее лица.

— Я опоздала тебя разбудить?! — с тревогой спросила она Ялмара.

Ялмар, обуреваемый радостью, что она жива, жива, только мотнул головой.

Щеки ее были розовы от сна, и от всего ее существа исходило тепло.

— Если подобный случай повторится, — строго сказал он, — то мне придется взять другого ординарца, а тебе надо будет итти в батальон к Айно!

Ялмар подошел к телефону, не перестававшему звонить, снял трубку, услышал взволнованный голос Айраксинена и сказал ему:

— Генерал неправильно обращался с гранатами и взорвал весь ящик. Да... Пострадало человек восемь... Да, ты прав, штаб надо будет перевести в другой дом... Ты организуй это дело. Да, и новый штаб тоже. А я еду на линию!

Он повесил трубку и пошел к выходу. Рядом шла освеженная сном Марта.

Вечером целая рота лахтарей, никем не задержанная, в полном боевом порядке прошла в вокзальный район, затем быстрым шагом перешла через проток по дамбе и так же быстро, минуя православную церковь, добралась до городского сада около северного озера Несиярви и, захватив стоявшее на пригорке в парке здание, открыла бешеную стрельбу по всему прилегающему району.

Роту никто не остановил, потому что шюцкоровцы надели на рукава красные повязки — отличительный знак красногвардейцев.

Когда раздались выстрелы внутри самого города, Ялмар находился в штабе. Он вспылил:

— Это, наверно, подражатели Генерала озорничают! Безобразие! Необходимо немедленно прекратить!

Но через несколько минут ему пришлось убедиться в том, что это белые...

Во время быстрого марша через город от белогвардейской роты отделились десять вооруженных человек; они с гранатами в руках немедленно направились к штабу обороны, не зная того, что штаб после позавчерашнего взрыва переехал в другое помещение.

Они подошли к пострадавшему от взрыва зданию и стали метать в него гранаты.

Подоспевшие красногвардейцы быстро покончили с ними.

Подъехавшему на автомобиле Ялмару довелось разрядить свой маузер не больше двух раз.

Но городской сад и музей находились теперь в руках белых, и выбить их оттуда было не так легко...

В это же время враг начал штурм со стороны разбитого кладбища, и прибывший курьер сообщил, что лахтари и шведы уже выбили красногвардейцев из окопов вдоль железнодорожной линии и прорвались на восточную окраину города.

Красногвардейцы засели в железнодорожной школе и во дворе фабрики и, ожесточенно обороняясь, просят подкрепления...

Откуда было взять эти подкрепления?

К городскому саду был брошеи женский батальон с прнказом окружить прорвавшихся туда лахтарей. В городе былн сняты все караулы и тоже брошеиы к городскому саду.

По распоряженню Ялмара, по передаточной ветке бронепоезд подошел к саду н, обстрелнваемый лахтарямн, начал поливать нх огнем пулеметов н бнть снарядами трехдюймовок.

Впрочем, это было одно лншь название «бронепоезд»... Железнодорожнннкн на открытые товариые платформы у бортов наложнлн мешкн с замерзшим песком. Крышн у этого бронепоезда н вовсе не было.

Через пять мннут после начала боя командир бронепоезда Коскинен был ранен, н его отнеслн в лазарет, к женщине-хирургу, которая тут же ампутнровала ему руку.

Теперь, когда парк был обложен, можно было подумать н о восточиом участке, где красногвардейцы дрались уже внутрн самого железнодорожного поселка.

«Лахтари не должны нн за что прорваться в город, не должны перейтн через проток», — решнл Ялмар.

— Марта, передай Айраксинеиу мое распоряженне: у мостов стронть баррикады, а на улнцах за мостамн вторую лннию. Во что бы то нн стало н скорей. А пока мы задержнм лахтарей!

Группа красногвардейцев, впрягшнсь, тащнла на себе от здання городского театра шестндюймовую гаубнцу. Имн командовал Тетерь. Онн дотянулн пушку до перекрестка н повернулн дулом на восток.

Ялмар проехал дальше по улице.

Он слышал удар первого выстрела гаубнцы и посмотрел вперед. Только теперь он заметнл бело-голубой флаг на пожариой каланче. С каланчи стрелялн белые. Он въехал в переулок, н цепь каменных зданнй заслонила от него каланчу. Он услышал второй удар гаубнцы, н когда выехал нз переулка и снова взглянул на то место, где полагалось быть каланче, каланчи не было...

Ялмар взглянул на шофера, тот утвердительно кивнул головой.

У моста Ялмара остановил Илмари.

Он шел посредине мостовой в своем пальто с меховым воротником, небритый и без шапки. Из кармана у него торчали рукописи.

— Ялмар, — сказал он, задыхаясь от волнения, — Ялмар... Подкрепления нам не будет! Ялмар, немцы высадили десантную армию, захватили Ханко, Ловизу, наступают на Хельсинки. Дивизии фон дер Гольца ударили в тыл нашей армии. Подкрепления, которые предназначались для нас, теперь пойдут против немцев. Мы должны рассчитывать только на себя...

И, передохнув, он спросил:

— Писать о немцах в газете?

— Пиши, — сказал Ялмар.

Это, конечно, была тяжелая новость... Но мы еще живы, черт возьми!

— Пиши, если это правда... Рабочим нужна только правда!

И они поехали через мост.

Через два квартала они попали, казалось, в самое пекло. По обеим сторонам улицы горели подожженные снарядами противника деревянные дома. Языки пламени корчились на деревянных стенах, лопались стекла, и стояла такая жара, что нельзя было пройти посредине улицы. Кожа становилась сухой и трескалась.

Надо было повернуть обратно... Люди из подожженных снарядами домов, торопясь, уходили через мост в город.

Они старались унести с собой самое ценное из имущества. Но один почему-то нес большую клетку с двумя желтыми канарейками, и следом за ним бежала, повизгивая, большая дворняга, обожженная случайно упавшей головней.

— Да ведь при таком пожаре белые не смогут пройти через этот район... Не смогут прорваться в город!.. А тем временем мы успеем построить нужные укрепления...

Ялмар повернул машину к гаражу. Вместе с шофером, еще не понимавшим, что хочет сделать начальник, они перетащили в машину несколько бидонов с бензином. Потом снова поехали к району боя.

Выстрелы здесь раздавались как будто над самым ухом.

Ялмар плеснул бензином на дверь закрытого деревянного магазина, затем поднес спичку. Пламя вспыхнуло...

Следующим был подожжен дом, который был так знаком Ялмару с детства: он прибегал сюда через проходные дворы, и здесь они играли в Илкка, в русско-шведскую войну, в пиратов. Здесь жила девочка, которая ему подарила ленточку.

И теперь этот дом пылал... Сначала от бензина огонь быстро вспыхивал, затем уже языки ползли по дереву медленнее, словно задыхаясь. Снег в пазах шипел. Ледяные сосульки под крышей, озаряясь пламенем, таяли. И не было времени предаваться воспоминаниям.

Ивар и Симха, Юкка и Рагнар и суетливый и ловкий Ганнес уже помогали Ялмару в его работе.

Они с полуслова поняли, что Ялмар хотел создать непроходимую огневую завесу.

Ни они, ни Ялмар не знали, что парижские коммунары в борьбе с версальцами делали то же самое. И тем более они не знали, что такую же огневую завесу против французских войск устроили граждане Сарагоссы больше ста лет назад...

Ялмар увидел отблески пламени на лицах товарищей и услышал, как Юкка, бросив спичку на облитую бензином стену, громко произнес стих из псалма Давида:

— «Много теснили меня от юности моей, но не одолели меня!»

Здесь дело было сделано.

У моста дозорные остановили автомобиль, чтобы проверить документы.

Молодец Айраксинен, он был энергичнее всех молодых. Он налаживал в городе порядок, а сейчас руководил постройкой баррикад у моста.

— Прорвавшиеся в городской сад лахтари ликвидированы! Вдребезги разбито здание в саду, — ответил он на вопрос Ялмара. — Наш бронепоезд тоже приказал долго жить. Из всей роты лахтарей осталось в живых семь человек... Впрочем, я думаю, что теперь уже ни одного не осталось!.. Не туда ставишь! Не туда ставишь! — вдруг закричал он человеку, катившему огромный рулон бумаги.

«Итак, в городе все в порядке», — облегченно подумал Ялмар.

— В штаб!

Надо обдумать, как быть дальше. Хорошо бы вырваться из города и ударить в тыл немцам.

Путь до нового здания штаба был сейчас очень длинным. Приходилось огибать те кварталы, по которым днем еще ехали беспрепятственно. Всюду вырастали баррикады. Надо было их объезжать по соседним улицам. И все же пришлось остановить машину за два квартала от штаба.

У дверей штаба его поджидала Марта. Она была встревожена.

— В штабе секретное заседание!

— Ладно!

Ялмар вбежал по ступенькам, пробежал коридор и распахнул дверь. В большом помещении классов бывшего технического училища было полутемно.

Электрическая станция сегодня не дала света, и десяток людей, специально позванных Генералом, о чем-то совещались в штабе при свете свечей, воткнутых в пустые бутылки.

В огромные стекла смотрела темнота, и лишь у самого верха окна еще зеленели кусочки неба. Коски стоял в углу, прислонившись спиной к изразцовой печке... Конечно, Айраксинена здесь не было — он работал.

Когда Ялмар встал на пороге распахнутой двери, все находящиеся в комнате вдруг замолчали. В этом молчании чувствовалась неловкость.

— О чем шла речь? — резко спросил Ялмар, и свой собственный голос показался ему чужим и настороженным.

— Мы ведем разговоры о том, как кончить войну с шюцкоровцами миром, — смущаясь, сказал Генерал.

— Вчера еще ты называл их лахтарями, а сегодня уже официально — шюцкоровцы. Почему ты испугался их, Генерал?

— Я прошу не называть меня так, — уже вызывающе сказал Кальюри. — И чего мне бояться? Я член сейма и пользуюсь депутатской неприкосновенностью, это во-первых. А во-вторых, я не из трусливых. — И он указал на левую руку, висящую на перевязи: — Видишь, ранен, а с поста не ушел...

«Тоже нашел чем хвастать — сам себя взорвал», — подумал Ялмар и сказал:

— Какой может быть разговор о мире, когда белые все равно ни одного из нас в живых не оставят! И к тому же мы победим, если будем драться до конца!

Коски внушительно сказал, стоя у печки:

— Борьбу можно, конечно, продолжать, но сейчас можно поговорить и о мире...

— Нам нужно прорваться отсюда, а говорить о мире — до нашей победы — преждевременно!..

И тогда снова распахнулась дверь, и в комнату вошел белый офицер — егерь.

Позади него стояли два красногвардейца — Рагнар и Юкка; за их спинами были винтовки, через грудь накрест лежали пулеметные патронные ленты.

Офицер твердым, уверенным шагом вышел на середину комнаты. Стало тихо, и все глаза устремились на вошедшего.

На нем была белая меховая шапка. Белая лахтарская повязка на рукаве.

Он, четко разделяя слова, командирским тоном заявил:

— Мы решили во что бы то ни стало прекратить братоубийственную войну с красногвардейцами этого города. Сдавайте оружие, и кончим проливать финскую кровь.

Ялмар оглянулся и увидел, что собравшиеся сейчас в штабе смотрят на офицера-егеря, как на божьего посланца. Генерал, довольный, улыбался. Коски сделал шаг от печки. Глаза его встретились с глазами Ялмара. Он почему-то кивнул головой; все это совершилось в какое-то неуловимое мгновение...

— Зря вы брались за оружие! Вы обречены. Не только Германия, но и Англия, и Америка, и Швеция против вас. Немцы заняли Петербург. Советская власть в России низложена. Вам все врут. Ваш командир Ялмар, не задумываясь, предаст вас...

— Да это не парламентер, а провокатор, — перебил лахтаря Ялмар и поднял маузер. — Я тоже за мир! — громко сказал он и выстрелил.

И сразу же напряженная тишина разрядилась криками.

Все повскакали с мест.

Генерал разразился грубой руганью.

Ялмар выпрямился во весь свой высокий рост. Тень его закачалась на потолке.

Он не спал несколько ночей, он непрерывно находился на фронте. Он видел убитых, видел, как дымится на морозе кровь, он слышал стоны раненых. И Ялмар давно решил, что ему живым отсюда не уйти, но еще тверже было его решение бороться до последнего вздоха.

Сейчас каждый нерв у него дрожал. Он не мог больше слышать угроз по своему адресу и крикнул:

— Молчать! Или я всех предателей расстреляю! Почему вы собирались разговаривать с этим провокатором без меня, без Айраксинена, без представителей от отрядов?!

Дверь была открыта, и эхо его голоса гулко прозвучало по большим классам пустой школы.

Все молча стали выходить из класса.

Даже Генерал приумолк.

Рагнар и Юкка шли по темному коридору рядом с Ялмаром. «Надо бы погасить свечи в классе», — вспомнил Юкка.

Он скоро догнал других и осветил пролет лестницы свечой, воткнутой в горлышко бутылки.

К штабу подходил Айраксинен.

Марта догадалась о желании Ялмара видеть старика на заседании и поспешила за ним к баррикадам.

Они опоздали, и Ялмар встретил их у подъезда этого высокого, облицованного в гранит здания. Позади них шагал Ганнес.

— Правда ли, — спросил он Ялмара, — что красные и белые теперь будут вместе, командиров арестуют, а красногвардейцев распустят по домам?

— Возьми пулемет, Ганнес, — все еще не успокоившись, проговорил Ялмар, — возьми пулемет и стой с ним на часах у штаба, пока я сам не сниму тебя. И если увидишь красных и белых вместе, стреляй в них немедленно!

Он подошел к городскому саду, прошел по дорожкам. Снег уже таял. Ялмар остановился у озера и посмотрел вдаль. Даль была темная, и эта темнота успокаивала его.

Он посмотрел направо и увидел зарево огромного пожара над восточной частью города. Так он стоял и раздумывал. И рядом с ним стояла Марта, его ординарец.

Проходило время, но зарево не становилось меньше.

VII. РЕШЕНИЕ

— Я не вижу другого выхода, Айраксинен! — повторил Ялмар.

Теперь уже и сам Айраксинен, как ему ни жалко было покидать родной город, не видел иного выхода.

Надо вырваться из города, так как подкреплений ждать неоткуда. Надо пробиться и присоединиться к главным силам. Но как это сделать?

— Лобовой удар — это слишком много потерь!

Но Ялмар вчера вечером, стоя у озера, принял решение.

Конечио, прямая атака слишком рисковаииа. Наши хорошо оборонякотся, ио наступать еще не научились. Потом у белых, может быть, иа второй лииии расположеиы сильные резервы. Кто его знает! Нет, Ялмар думал о другом, и своими мыслями ои поделился со стариком.

Тот снял очки, положил их перед собою на стол и спросил:

— А это можио? Лед выдержит?

— Думаю, что выдержит.

И они помолчали.

— Теперь рассчитаем наши силы. Есть и такие ребята, которые, к сожалению, предпочтут остаться в городе. Ну, здесь ничего не поделаешь.

— Да, надо спасти тех, кто может и кто хочет спастись. И потом мы сиова ударим!

Ялмар быстро писал иа листке.

— Женский батальон. Назовем его вторым. Потом укомплектуем первый батальон. Я буду им командовать. Из остальных иадежных ребят оргаиизуем третий батальон. Придется тебе, Айраксинеи, сиова стать военным. Будешь командовать третьим батальоном.

— А Геиерал?

— Ну, ои раиеи, и поэтому нельзя ему комаидовать во время перехода, — уклончиво ответил Ялмар.

Они согласились, что красногвардейцам можио рассказать только о том, что идем на прорыв, ио иельзя говорить о путях, о иаправлении удара.

Об этом можно сказать только одной Айно.

...В штабе никого ие было. Кто-то сказал, что Айраксинен в баике.

В банк было ближе пройти пешком, чем объезжать баррикады иа улицах. Шофер остался проверять мотор, а Ялмар прошел через проходные дворы и вышел к зданию банка. Здесь ои остановился и взглянул иа проспект.

На тротуарах сиега уже не было, явствеиио иасту-

пала неверная северная весна, и в опускавшихся на город сумерках была какая-то смутная грусть.

«На сколько же времени мы отдаем этот замечательный город лахтарям?» — с грустью подумал он и сам не смог себе ответить на этот вопрос.

И вдруг в здании раздался взрыв. Зазвенели, падая на тротуар, стекла...

— Смотри, раскрылась форточка! — показала Марта Ялмару.

Ялмар хотел подняться по широкой лестнице наверх, чтобы отыскать Айраксинена, но старый швейцар в обшитой золотыми галунами ливрее сказал:

— Господа красногвардейцы в подвале.

В подвале было полутемно. Коски, расположившись на ступеньках, что-то писал при свете карманного фонаря.

Айраксинен диктовал ему.

— Пиши: «Еще двадцать тысяч марок, еще семнадцать тысяч крон... семь тысяч рублей».

Ялмар увидел в подвале еще несколько красногвардейцев и двух хорошо одетых, точно прямо с бала, мужчин.

— Что тут происходит?

— А я решил, что нельзя валюту и банковское золото оставлять здесь лахтарям. Лучше возьмем с собой и сдадим правительству. Вот Коски опись-протокол составляет... А они подпишут. Это бухгалтер и комендант здания, — указал Айраксинен на незнакомцев.

— А что это за взрыв был?

— Да вот голубчики, — и снова Айраксинен показал на незнакомцев, — не хотели ключи от сейфов отдавать. Ну, я показал им, что у нас есть сильно действующие отмычки.

И действительно, дверца одного из несгораемых шкафов покоробилась, словно какой-то невероятный силач измял ее, краска с нее сошла...

— А все остальное в порядке?

— Все, как условились!

Ялмар шел по улице.

Каждый шаг гулко отдавался на гладких каменных плитах тротуара.

— Товарищ командир! — вдруг окликнули его сверху.

Он поднял глаза.

Его звали из окна второго этажа, оттуда доносился неровный гул голосов.

Это был дом Армии спасения, где теперь расположился отряд Генерала.

— Товарищ Ялмар, тебя просят зайти сюда.

Приказав Марте отправиться за машиной, Ялмар вошел в дом.

В комнате было душно. Больше сотни красногвардейцев заполняли ее. У кафедры проповедника сидел с рукой на перевязи, в своем пестром одеянии Генерал.

Ялмар вошел, и сразу стало совершенно тихо.

Ялмару показалось, что он слышит, как бьется сердце в груди соседа...

Такая тишина не предвещала ничего хорошего. И дверь позади захлопнулась. Ялмар сделал шаг назад и стал спиной вплотную к двери.

Он прислонился к двери и громко спросил:

— В чем дело?

Все молчали.

— Отвечайте, — повторил он. — У нас времени мало. Ведь пора уходить!

Тогда сбоку раздался голос:

— Собрание уже все решило!

Все загалдели, застучали о пол винтовками.

— Нам с Вильгельмом не справиться. Он всех бьет — и французов, и русских...

— Ты арестован!

— Стойте! — крикнул Генерал. — Я скажу...

Общий гул немного приутих. Перед Ялмаром было больше сотни вооруженных людей. Генерал, морщась, слегка присвистывая — двух передних зубов у него не хватало, — сказал так, что каждое слово было слышно и доходило Ялмару до самого сердца:

— Наша игра здесь проиграна. Поэтому собрание решило задержать вас и выдать белому командованию.

Вы лично должны ответить за выстрел в офицера-егеря!

Что было делать Ялмару? Он быстро сорвал гранату со своего пояса, высоко поднял ее над головой. В другой руке у него был маузер.

— Живым меня никто не возьмет! — крикнул он и сделал движение, чтобы бросить гранату.

И тогда раздались возгласы:

— Подожди, подожди, мы еще будем говорить с тобой!

Все еще держа над головой гранату, Ялмар сказал:

— О чем говорить? Я расстрелял провокатора, а вы хотите меня предать в руки белогвардейцев? Другим это можно простить, но не вам! Вспомните о ваших товарищах, которые умирали на морозе, в снегу! Что они подумали бы о вас, если бы слышали ваши речи?

Слова Ялмара звенели обидой и горечью.

— Я отвечаю за жизнь товарищей не только перед народным правительством, но и перед ними и перед самим собой. Вы, здесь собравшиеся, думаете только о себе, а мне поручено думать обо всех.

Нервы его были взвинчены. Но он не кричал, а говорил, решительно и спокойно. И те, кто слушал, покорялись силе этой решимости и верили в нее.

— Поэтому я предлагаю вам выбрать, — продолжал он: — вы или уйдете из города и будете бороться — пусть это будет сам ад, — или остаетесь здесь. . . И тогда за вашу жизнь я не отвечаю. Но если вы продолжаете настаивать на моем аресте, я сейчас же бросаю гранату — и мы погибаем вместе!

Снова из толпы раздались выкрики:

— Нам неправильно рассказали!

Сосед Ялмара стукнул винтовкой о пол и закричал:

— Мы пойдем с тобой куда угодно!

Кто-то из стоящих около Генерала крикнул:

— Я остаюсь здесь!

И тогда Ялмар произнес голосом командира:

— Кто пойдет со мной — выходи!

Он стоял у двери, держа в одной руке гранату, в другой маузер, и мимо него проходили люди с винтов-

ками и, стуча каблуками по ступеням, спускались на улицу.

И все-таки немало народу осталось в комнате, около Генерала, который молча сидел подле кафедры и злыми глазами смотрел на Ялмара.

Если бы силою взгляда можно было убить человека, Ялмара уже не было бы в живых. Когда Ялмар боком вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь, адъютант нагнулся к Кальюри и тихо, но так, чтобы все оставшиеся в комнате слышали, сказал:

— Его счастье, что у тебя рука на перевязи!

Машина уже стояла внизу.

Ялмар с подножки сказал толпившимся вокруг машины красногвардейцам:

— Выберите себе командира роты и потом идите к рыночной площади. Там группируется перед выходом третий батальон. Командир вашего батальона — Айраксинен!

Шофер нажал педаль и включил мотор. Ялмар сел позади шофера.

Обида не отступала от его сердца. Но о ней нельзя было никому говорить... Кому было легко? И только сознание, что он действовал правильно и иначе не мог, немного успокаивало его.

Жизнь двух тысяч людей теперь зависит от того, правильно ли он будет себя вести. И у каждого есть мать и отец. И любимые девушки, жены, маленькие сыновья и дочери. Перед ними тоже он в ответе. И перед революцией тоже! Он должен спасти людей и расстроить планы противника...

— Ялмар, застегни ворот, а то простудишься, — сказала Марта и тронула его руку.

VIII. ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР В ГОРОДЕ

Ялмар еще раз ощупал свой пояс — золото было на месте. Рагнар, Ивар, Юкка, Симха и еще два красногвардейца, которым доверили Ялмар и Айраксинен золото, сейчас были похожи друг на друга. Та же озабоченность и некоторая важность проступали на их

лицах и даже в движениях. А по тому, как часто хватались оин рукою за свои пояса, даже неопытиый вор легко мог определить, что там спрятаны какне-то крупные цеииости.

— Ну, все в порядке, — сказал Ялмар.

— С богом, — подхватил Юкка, н все пошли по местам.

Чтобы не было соблазиа и чтобы соблюсти маскнровку, золото решнли распределить между верными красиогвардейцамн, а не везти на возу.

Все было в порядке. Жалованье красногвардейцам за месяц выплачено.

Ялмар остался с шофером н Мартой на берегу.

Было темно, и после перестрелки озеро казалось пустыниым н тихим. На дальиих берегах угадывались в темиоте леса. Ночь стояла спокойиая и бесшумная. Облака шлн по иебу, совсем закрывая его.

Холодок, мокрый снег, темные леса по берегам озера — и все же ощущалось, что наступает весиа.

— Марта! — тихо позвал Ялмар.

— Я здесь, — быстро отозвалась девушка. Она стояла рядом.

— Противник думает, что мы постараемся прорваться по дороге на юг. А мы пойдем по озеру на север. Обойдем! — И Ялмар про себя улыбнулся.

— Машииа ие пройдет, — отозвался шофер.

— Бросим.

— И пушкн тоже!

— Бросим. Люди пройдут.

Ялмар слышал дыхание Марты у своего плеча.

Оиа молчала.

Озеро лежало перед ними, темиое, тихое н огромное.

Каждый теперь думал о своем.

— Ну, едем! — сказал Ялмар, н оии пошли к машине.

Шофер резко взял с места. Без гудков пролетели несколько кварталов. На углу выстраивался женский батальон.

— Айно, — сказал Ялмар, — твой батальои замы-

кает колонну. Все остальное расскажет тебе Айраксинен.

— Мои девушки готовы к походу, — ответила Айно.

— Только ты проследи, чтобы все сменили чулки на портянки, — сказал Ялмар, и машина двинулась дальше по пустынным улицам ночного города.

Бывший штаб горел. Сюда было свезено негодное военное имущество: японские винтовки, к которым не было патронов, пушки, которые нельзя было взять с собой.

Высокие языки пламени вырывались из окон здания и вились, как флаги, по ветру.

От света пламени высившийся на флагштоке красный флаг казался еще краснее и извивался, как будто чувствовал жар от огня.

— Сегодня еще красный флаг и завтра будет красный, а послезавтра? — вслух подумал шофер.

Из здания доносились глухие взрывы, как тогда, когда в этом доме взорвались гранаты.

Ялмар приказал шоферу ехать дальше.

— Сейчас, — сказал шофер, и Ялмар удивленно взглянул на него. Обыкновенно парень без промедления выполнял его распоряжения.

— Сейчас, — повторил парень.

И Ялмар увидел, что глаза его наполнены влагой.

— Чего это ты? — тихо спросил он.

— Машину жалко!

Они поехали дальше. А Марта сидела позади, на кожаном сиденье, и молчала.

Ялмар тоже молчал и молча указывал шоферу, куда ехать.

Отсветы пожаров шли за ними по всем улицам. Горели дома, подожженные бризантными снарядами лахтарской артиллерии и бомбами немецких аэропланов.

Они проехали по окраинной деревянной улице, и там дымились угли, и на пепелище, как старинные паровозы с длинными трубами, стояли одинокие плиты и печи, которых не мог взять огонь.

Потом опять шли улицы, выглядевшие так мирно,

словно ничего на свете не случилось и сон их обитателей был тих и безмятежен.

«Какая страшная вещь эта война», — подумал Ялмар и прислушался.

Стрельбы ие было, царил мертвый покой, и только время от времени слышался грохот взрывавшихся снарядов...

— Здесь! — остановил машину Ялмар. — Здесь...

Это был дом, где жила его мать, еще недавно жили отец, он, брат и сестры.

Старшая теперь была в отряде Айно.

Младшая, когда Ялмар вошел в дом, уже спала. Ялмар не стал ее будить. Он подошел к матери.

Оиа была вся в чериом, и даже при свете коптилки ои видел, что мать стала совсем седой.

— Мама, — сказал он, — прощай.

— Голос ласточки до неба не дойдет, — отвечая какой-то своей затаенной думе, сказала мать и подошла к сыну вплотную. — Разбудить Тюне?

— Пусть спит, — сказал Ялмар.

— Когда ты вернешься? — спокойно, точио сын уходил на вечеринку, спросила мать.

Ялмар прикииул в уме. Месяца через два, по его мнеиию, революциониые войска должиы были опять заиять город. Но это могло, на худой коиец, произойти и через три месяца, и поэтому он сказал:

— Уж давай попрощаемся, мама, как следует... — и прижал ее голову к своей груди.

Он был высок, и голова матери с собранными на затылке седыми волосами не доставала даже до подбородка сына. Старая женщина запричитала:

— Была наша семья вместе собрана, как зерна в колосе. И, как зериа из колоса, мы рассыпались теперь.

— Мама! — сказал Ялмар.

Дверь отворилась. На пороге стояли Марта и шофер.

— Мама, — тихо повторил Ялмар.

При посторонних мать не стала жаловаться на свою судьбу и, оторвавшись от Ялмара, внимательно оглядела Марту. Слышио было, как ровно дышит спящая сестреика.

Старая женщина иабожно произнесла:

— Да хранит бог твоих родителей, милая!

Лицо Марты странно нахмурилось. Оиа с грустью вздохиула. Ялмару было иеловко поцеловать ее при всех, поэтому он, пропустив вперед Марту и шофера, иа площадке лестиицы прижался губами к волосам матери и почувствовал, как оиа целует его гимнастерку.

Он быстро сбежал по лестиице и услышал еще, как шофер спросил Марту:

— Почему тебе не поиравилось, что старуха благословила твоих родителей?

— Мой отец шюцкоровец!

— А, лахтарь! — сказал шофер. — Тогда понятио! . .

Опять на улицах никого не было.

Опять полыхиули жаром горящие здания.

«Теперь их больше не будет», — подумал Ялмар. Ему стало жаль этих домов, — сколько воспомииаиий детства связаио с проходными дворами, таинствеииыми подворотиями, подвалами, казавшимися то подземельями разбойииков, то катакомбами древиих христиаи!

Машина пошла медленнее.

Или фары испортились, или ие было уже карбида, ио свет погас и машииа не гиалась за простертыми впереди двумя крыльями света. За спииою Ялмара, на кожаиом сидеиье машины, была Марта, ои ощущал иа себе ее взгляд, и ему было от этого легче.

Ему так хотелось взять мать с собой, ио разве ие ои сам отдал приказ — никого из посторонних в отряд не брать?

Слишком уж сложен и труден был путь колоии. . . И ие мог ои ие выполиить собствениого приказаиия.

На углу стоял, опершись на винтовку, одинокий человек.

Ялмар остаиовил автомобиль.

— Подойди сюда! — скомандовал он.

Человек стоял, словно ие слышал приказа.

— Я красный, — сказал Ялмар.

Человек подошел к автомобилю ближе. Марта услышала, как он тяжело дышит.

— Я думал, что пришли уже белые! — сказал он.

— Почему ты остался в городе? Разве не знаешь приказа отходить? — сурово спросил его Ялмар.

— Знаю приказ! — отвечал человек.

Теперь уже слышна была отдаленная перестрелка. Дальние ракеты изредка разрезали темное небо.

— У меня здесь жена и пятеро детей, — сказал человек с винтовкой.

Снова Марта услышала, как тяжело он дышит.

— Я хочу остаться тут, с ними, и пусть делают со мной что угодно!

Ялмар не стал спорить. Но ему было тяжело видеть пожилого человека с винтовкой, который знал, что, оставаясь, он рискует жизнью.

— Отдай винтовку, патроны и профсоюзный билет, — приказал Ялмар.

Тот охотно вручил Марте винтовку и патронташ, набитый патронами. Профсоюзная книжка была запрятана глубоко в потаенном кармане. С этим билетом расставался он неохотно.

Марта раскрыла билет и увидела, что он был выдан еще в 1909 году.

Безоружный пожилой человек все еще глядел вслед автомобилю, даже тогда, когда он скрылся за углом, потом, вздохнув, пошел в противоположную сторону.

Машина остановилась около здания театра. Часовых не было.

Ялмар вошел в большой зрительный зал.

За ним шла Марта.

Запах портянок, одежды, долго не снимавшейся, и табачного дыма ударил ему в нос.

В проходах между рядами, на стульях, в ложах спали красногвардейцы; винтовки валялись в беспорядке рядом с их спящими хозяевами.

— Белые идут! — громко закричал Ялмар, и крик его громко раздался в зрительном зале.

На окрик Ялмара никто не встрепенулся и не поднялся, чтобы посмотреть, кто пришел.

Ялмар выстрелил из маузера. Сонное царство и не всколыхнулось.

В главной директорской ложе располагался Кальюри — новый выборный командир этих спящих красногвардейцев. Это были те, которые ни за что не хотели покидать родной город. Они верили обещаниям вражеских лазутчиков; они верили тем, кто утверждал, что буржуа тоже люди, люди цивилизованные и культурные, которые пленным не мстят; они не хотели уходить от семей и пусть плохих, но насиженных гнезд, и, наконец, они были очень голодны и устали драться.

Шагая через спящих, стараясь не споткнуться, Ялмар разыскал Генерала и его адъютантов. Они сидели на полу; на мягком директорском кресле лежали карты.

Кальюри играл в «бисмарка» при трепещущем свете стеаринового огарка. Одной рукой ему было неловко сдавать.

— Вы останетесь здесь, — сухо сказал Ялмар, — и должны защищать город до завтрашнего полудня. Понятно?

Генерал перестал тасовать колоду.

— У тебя восемь пулеметов и шесть орудий, — продолжал Ялмар.

Он оглянулся. Марты не было за спиной, и ему стало как-то не по себе.

— Ты поставишь эти пулеметы и пушки... — Ялмар точно назвал места, куда следовало поставить пулеметы и пушки. — И если неприятель войдет в город раньше завтрашнего полудня, ты отвечаешь...

— Как отвечаю? — спросил Кальюри и встал.

Огарок, укрепленный на спинке мягкого театрального кресла, был единственным источником света во всем этом большом и темном зрительном зале.

Со всех сторон слышался густой и заливистый храп. Огромные тени качались на ярусах.

— Как? — переспросил Ялмар.

Губы его пересохли, ему очень хотелось ударить собеседника по лицу. Скольких он обрекает на верную гибель!.. Но Ялмар сдержался.

— Ты будешь исключен из партии, — сказал он, — и все рабочие газеты мира напечатают твое имя, как

имя предателя трудящихся; твоим именем будут пугать детей и проклинать ненавистных. Змея, ехидна и лахтарь будут казаться ласковыми словами в сравнении с твоим именем!

— Довольно! — сказал Кальюри. — Ну, а если я выдержу до полудня?

— Тогда делай, что хочешь: иди к лахтарям, сдавайся или, если хочешь, лижи зад у Маннергейма или у его лакея.

— Довольно! — повторил Кальюри. — Я ручаюсь, что до полудня продержу город. А как уходят твои колонны? Куда путь держишь?

— Подробности узнаешь из газет, — процедил Ялмар и пошел к выходу.

Адъютанты Кальюри зашевелились, пошли будить пулеметчиков и артиллеристов.

И снова Ялмар вдохнул морозный и влажный воздух апрельской ночи. Шофер и Марта накладывали в кузов пулеметные ленты и патроны, которые они притащили из вестибюля театра.

— В редакцию! — скомандовал Ялмар. Он должен был захватить с собой брата.

В редакции Илмари не было.

Он сидел в типографии за керосиновой лампочкой и быстро водил пером по большому листу бумаги.

— Подожди минутку, — сказал он брату, — я сейчас кончу.

— Мы выходим из города, тебе надо уходить с нами!

— Сейчас, сейчас, — бормотал, не слушая брата, Илмари.

Лицо его было сосредоточенно, и он улыбался, точно торжествовал победу над врагом. Перо быстро летало по бумаге. Ялмар положил руку на плечо брата.

— Вот, кончил, — сказал Илмари и встал, размахивая исписанной бумагой.

Несколько типографских рабочих окружило его.

— Сейчас я прочту, а они отпечатают. Тогда

можно и уходить, — сказал он Ялмару и начал читать хриплым голосом.

Красный шерстяной шарф обматывал шею, и бахромка его спадала на плечо. Илмари был небрит; он патетически читал листовку, словно стихи:

— «Кто он, ваш командующий?! Швед по национальности! Помещик по положению! Генерал Николая Кровавого по должности!

Он подавлял революцию в Персии. Он служил в той армии, которая раздавила нашу революцию пятого года и послала в тюрьмы и Сибирь тех, кто боролся с царем и черной сотней.

Не за это ли получил он от Николая Второго золотое оружие?

Вчера он воевал против немцев, этот заслуженный царский генерал, а сегодня вместе с немецкими офицерами, рука об руку, наступает на наши родные города! Финские егеря взяли себе в командиры того, кто сражался против них.

О, у них есть чем похвастать! Они могут похвастать количеством измен и перебежек своего маршала!

Ни один жулик-старьевщик столько раз не продал пары стоптанных, старых сапог, сколько этот негодяй продавал свою шпагу! Это самый большой иуда из всех живших на земле. Он получает плату и награду от тех, кого предал! И зовут его генерал Маннергейм!»

Печатники слушали чтение Илмари, сжав кулаки. Он читал так, словно произносил речь на огромном митинге, и Марта знала, что, попадись ей сейчас генерал Маннергейм, она его задушила бы своими руками.

И с этим подлецом шел ее отец!..

— Я успею еще, я знаю, что догоню вас, но эта листовка должна увидеть свет, даже если она будет последним моим произведением, — прервал Илмари чтение.

Ялмар положил руку на плечо Марты, и они вышли из типографии.

Последний раз в Рабочий дом — и оттуда к месту отхода!

Шофер повел машину по пустынным улицам осажденного города.

Фары не были зажжены, и машина все время пронзительно гудела.

— Перестань, — попросила Марта шофера, и Ялмару голос ее напомнил что-то родное, издавна знакомое, с детства.

Машина остановилась около горящего дома.

Опять стало жарко. Дальше ехать было нельзя — путь преграждала большая баррикада из тюков белой целлюлозы. Наверху этой баррикады стоял пулемет.

Шофер стал разворачивать автомобиль. И вдруг снаряд ударил в горящий дом и, сорвав несколько досок с чердака, сбросил их вниз, на улицу, на тротуар, и вместе с мелкой пылью штукатурки большая доска упала в открытый автомобиль. Машина вздрогнула. Ялмар обернулся.

Совсем рядом с Мартой в машине стояла стоймя огромная тяжелая доска с дранками и штукатуркой...

Марта сидела попрежнему спокойно, даже не пошевельнулась.

Ялмар вздрогнул и подумал: «Да ведь эта девушка без нервов!»

— Пробило дно, — спокойно сказала Марта и немного отодвинулась в сторону от доски.

«Да, она и в самом деле без нервов», — снова сказал себе Ялмар и удивился, как это он мог посылать ее так спокойно в самые опасные места, куда отказывались итти мужчины. Вот и позавчера вражеская пуля разбила бутылку, торчавшую у нее из кармана, и куртка еще пахла крепким коньяком. Как он не подумал до этого вечера, что девушку можно было бы и не подвергать опасности так часто! Но ведь ее приход на линию огня всегда вызывал радость у бойцов. Нет, он поступал правильно.

— Не будем вытаскивать доску, — с деланым ухарством сказал шофер, — все равно ведь машине погибать!

У подъезда штаба стоял пулемет. Возле пулемета сидел Ганнес. Он поеживался от холода.

— Что ты здесь делаешь? — изумился Ялмар.

— Да ты же сам меня здесь поставил вчера и велел не уходить, — негромко ответил Ганнес.

В самом деле, как Ялмар мог забыть об этом мальчике?!

— Так ты не сходил с места, не ел и не спал?

— А то как же? — беспечным голосом ответил Ганнес. Но видно было, что он очень утомлен.

— Ну, тогда садись в машину вместе со своим пулеметом.

Марта вытащила из сумки ломоть черного хлеба, посыпанного крупной солью, и подала его Ганнесу.

— Есть, товарищ командир, с пулеметом в машину! — и Ганнес приподнял свой котелок.

Через три минуты Ялмар с Мартой уже подымались по темной лестнице Рабочего дома во второй этаж.

Дом был пуст.

Зазвенела отброшенная ногою пустая жестянка из-под консервов. Груда книг лежала на полу посредине комнаты...

— Наверно, из библиотеки, — и Ялмар тихо выругался.

Так они прошли по безлюдным комнатам, прощаясь с ними...

Оставалась еще самая дальняя комната, где отдыхали раньше и где репетировал свои постановки драматический кружок.

Когда-то и Ялмар был участником драматического кружка, но на его долю почему-то выпадали такие роли: шаги за сценой, свист ветра, дробь барабана, топот проходящих войск или обход ночного сторожа, когда он бьет в колотушку. А как интересно бывало на репетициях и как волновался он тогда, когда наступала его очередь действовать...

Он обернулся и ощутил на своем лице теплое дыхание девушки. Он протянул вперед руку, и она встретилась с рукой Марты. Ее рука была горячая и дружеская. Он притянул к себе Марту и поцеловал. В темноте он целовал ее лоб, глаза, щеки, нос; она прижа-

лась к нему. И ему было очень хорошо оттого, что она так доверчиво держала своей легкой рукой его большую руку, оттого, что она дышала рядом с ним.

Кожаная тужурка, подбитая барашком, упала с ее плеч. Прядь шелковистых, тонких волос щекотала его щеку.

— Марта! — тихо сказал Ялмар...

— Я! — тихо отозвалась девушка.

И он почувствовал, что сердце его наполняется неведомой благодарностью за то, что она живет, и что она ждала минуты, когда его рука найдет ее руку.

Он отвел с ее лба непослушную прядь (почему он не замечал до сих пор, как нежны ее волосы!) и поцеловал в губы.

— Господи, как хорошо жить! — сказала Марта и взяла руку Ялмара.

Никогда он не чувствовал такой большой и чистой радости, как сейчас...

Было непонятно, сколько прошло времени с той минуты, когда они зашли в дом.

Ялмар услышал, как ударила неприятельская пушка; он чувствовал, как рядом прислушивается уже навсегда родная женщина. Орудийные выстрелы повторились, они шли через ровные интервалы.

— Это подготовка, — значит, еще есть время. Раньше рассвета они не начнут наступать.

— Есть еще время, — повторил Ялмар.

Марта оперлась на его руку, и они медленно пошли обратно.

На площадке Ялмар зажег спичку, и в свете быстро вспыхнувшего пламени он снова увидел Марту: глаза ее были полузакрыты, ресницы длинные и темные, а на щеках теплился румянец. Он взял ее под руку, и так, не говоря ни слова, прижимаясь друг к другу на каждой ступеньке, они сошли вниз.

В автомобиле на заднем сиденье спал Ганнес рядом с доской, стоявшей торчмя.

— Садись к нему, я поведу машину, — сказал Ялмар шоферу и посадил рядом с собой Марту.

Тело свое он ощущал легким, словно невесомым, и казалось, пожелай только — сейчас бы и полетел... Но улетать от земли не хотелось — Марта сидела рядом с ним и локтем касалась его локтя.

На повороте он искоса взглянул на девушку. Она тоже смотрела на его лицо, и глаза ее блаженно блестели.

Он знал, что, если будет нужно, он, ни секунды не медля, погибнет за нее, но она молча требовала сейчас не гибели, а жизни. Жить! Вдыхать полной грудью этот морозный воздух, неожиданно давать тормоз и поворачивать так круто, чтобы ее прижимало к нему. Нет, не гибели требовала их любовь. (И мать его сейчас стояла у себя в комнате на коленях и горячо молилась богу, чтобы красные победили, чтобы господь упокоил душу ее непокладистого мужа и чтобы Ялмар женился, наконец, на хорошей девушке и у нее были бы внуки.) Нет, не гибели требовала их любовь, а победы.

На берегу, в том месте, где снег был плотно утоптан прошедшими уже отрядами, Ялмар увидел двое саней и три оседланные лошади.

Ялмар приказал возчикам ждать, пока придет Илмари, и вместе с ним итти по следам по льду озера за прошедшими отрядами. Привезенные ленты, пулеметные патроны перенесли из кузова автомобиля на сани.

Шофер отказался ехать верхом вместе с Ялмаром и Мартой.

— Я подожду Илмари и поеду с ним.

— Тогда на санях! Лошадь я беру с собой.

— Ладно.

Спящего Ганнеса взвалили на сани, он и не проснулся. Его прикрыли деревенскими бараньими тулупами. Пулемет тоже поставили на сани.

Когда отъехали шагов пятьдесят, Ялмар сказал:

— Марта (как приятно было ему сейчас произносить это имя!), он не Илмари ждет, он до последней секунды хочет быть рядом со своей машиной. Он все еще надеется, что лахтари в город не войдут!..

Через десять минут Ялмар и Марта различили чернеющую во тьме группу людей.

Когда они подскакали ближе, они увидели, что люди эти вовсе не стояли, а работали, надрываясь, выбиваясь из сил

Под тяжестью пушки треснул лед, и она ушла в воду.

— Я же приказал оставить орудия! — рассердился Ялмар. — Апрельский лед не выдержит такой тяжести, это лишний труд и задержка!

— Я по-фински не говорю, — раздалась русская речь. — Я по-фински не понимаю. Я по-русски, по-большевистски: нам эта пушка нужна — и баста!

Это был Тетерь с обученными им артиллеристами.

— Слушай, Ялмар, — продолжал он, — какой-то субъект отдал приказ не брать с собой орудия; я думаю, что Коски решил действовать на свой риск. Одно уже прошло вперед, а с другим, видишь, завязли.

— Но лед снова проломится!

— Какое там проломится! Вот у тебя третья лошадь идет порожняком, отдай мне в работу — завтра возвращу.

И он взял у Ялмара третью лошадь.

— Ты себе по пути вторую девушку не подберешь... Ну, а какой я артиллерист без орудия?! Это понимать надо!

И уже вдогонку отъезжающим он бросил свою обычную фразу:

— Как вас зовут, милая нэйти?

Долго еще слышал Ялмар, как кряхтели и ругались красногвардейцы, стараясь вытащить пушку из воды на лед.

— Как он только управляет ими, не зная языка? — вслух усомнилась Марта.

— Примером! Работой! Сердцем! — сказал Ялмар.

Снова на всем этом большом озере, казалось, никого не было, кроме них и темных лесов, стоявших по берегам.

Неприятель не заметил движения красногвардейцев по озеру. Он ждал удара с другой стороны.

Ялмар каблуками дал ход своему коню. Отставая немного, позади шла лошадь Марты.

Через час они догнали батальон Айно.

Айно шла впереди своего отряда. Потом шли обозы. А впереди женского батальона двигался батальон Айраксинена.

Айраксинен сидел в санях. Позади бежала его лошадь, привязанная к саням.

Первым батальоном командовал сам Ялмар...

Когда Ялмар занял свое место впереди колонны, уже начинало светать. Розовые лучи еще не поднявшегося над горизонтом солнца были разлиты во всем воздухе. Марта спала, мерно покачиваясь в седле. Ее кожаная тужурка, казалось, посветлела. Легкая прядь светлых волос выбилась из-под простреленного берета. Щеки розовели, и губы были полуоткрыты.

Они прошли только половину озера, лед которого сейчас тоже казался розовым.

Но путь уже шел влево, к лесистому берегу. Яркое солнце не должно было настигнуть их на открытом месте.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I. АЙРАКСИНЕН СТОИТ НА ЧАСАХ

На сон в этой деревне было отведено четыре часа. Потом марш дальше — и через несколько километров неожиданный поворот на проселочную дорогу: лахтари не должны были даже догадаться, что будет делать, какой путь изберет колонна Ялмара. И вот теперь четыре часа было отведено на сон. В углу, у печки, прикорнув на полу, уже спала Марта. От ее куртки пахло лошадью. Ялмар не мог спать.

Сон покинул его, и ему казалось, что уже никогда-никогда он не заснет спокойным, мирным сном.

— Глупец, совсем лошадь загнал, — сказал Ялмар о Ганнесе, этом нелепом взъерошенном мальчике, прискакавшем на взмыленном коне. Но думал он не о лошади.

Он старался представить себе все то, о чем так взволнованно, беспорядочно рассказывал Ганнес, а перед ним темнела прорубь, и в этой проруби, пузырясь, топорщилось коверкотовое пальто, и над барашковым воротником этого пальто маячило небритое лицо Илмари, и длинные тонкие пальцы цеплялись за кромки льда... И лахтари стреляли по этой мишени, черневшей на белом льду бескрайного озера... Или он видел, как поднимаются вверх бойкие языки пламени — горела машина, к которой он так успел привыкнуть в дни осады города. Это шофер вылил из бензинового бака все горючее и поджег на льду свою машину, чтобы не досталась она белым.

А что было потом? Ганнес не сообщил — он и сам не видел.

Ганнес рассказывал, что они с шофером и возницей ждали Илмари до самого восхода солнца над озером. А утром он пришел с двумя печатниками и тащил в руках две большие пачки со свежими листовками. Потом откуда-то появились неприятельские кавалеристы и броневики. Шофер не желал оставлять машину. Гнал ее по льду. Белые преследовали по пятам. А потом шофера ранило в руку, и ему пришлось бросить баранку руля. Он поджег машину и стал отстреливаться. Ганнес бежал дальше, надеясь, что его скроет пелена этого бесконечно идущего мокрого снега. А Илмари бежал, держа в одной руке пачку свежих, пахнущих типографской краской листовок. И он попал в прорубь, наверно в тот самый пролом, у которого, покидая город, Ялмар догнал Тетеря с орудием.

Лахтари были близко.

По льду бегала лошадь без всадника. Ганнес вскочил в седло и примчался сюда. Он был взъерошен и совсем не похож на того сонного парнишку, каким видел его Ялмар в последний раз. Потом Ганнес рассказывал, как белые стреляли в прорубь, и нельзя было понять из его слов, жив остался Илмари или убит... Или потонул в холодной воде, или сидит сейчас, дожидаясь расстрела, в каком-нибудь полуразрушенном подвале.

Ялмар встал и прошелся по темной комнате. Он опустился на пол рядом с Мартой; чувствуя на своем лице ее ровное дыхание, думал, что рядом с ней и он, может быть заснет хотя бы на два часа... Завтра бой...

Но сон не шел.

«Бедная мама!» — подумал Ялмар и погладил Марту по теплой спине.

— Бедная мама! — он встал с пола.

Итак, Илмари нет в живых. Вместе с Илмари уходила из мира часть и его собственной жизни, неразрывно связанная с жизнью брата. Теперь уже не с кем будет вспоминать отдельные случаи, незначительные с первого взгляда, но такие незабываемые. Вспоминать, понимая с полуслова, о чем идет речь. Невозвратимо

погибала часть и его собственной жизни, неотъемлемая часть его самого.

Он не мог спать. А уже скоро надо было всем просыпаться. Он взглянул на часы... И куда это запропастился Айраксинен? Надо с ним наметить дальнейший маршрут. Коски спал на печи, мерно похрапывая.

«Наверно, и Айраксинен притулился где-нибудь. А, пусть его поспит еще немного», — подумал Ялмар. Он вытащил из полевой сумки карту и хотел уже было затеплить свет, как на улице раздались громкие голоса. Во дворе шумно захлопал крыльями и закукарекал потревоженный петух.

«Рагнар и Симха?» — подумал Ялмар и вышел из дома.

По улице медленно проходило орудие с поломанным колесом. Его тянули четыре лошади, и Тетерь торжественно, без седла, восседал на спине передней.

— Как вас зовут, милая нэйти! — крикнул он, увидев Ялмара. И в этой фразе звучало торжество, гордость. — А орудие все-таки наше!

В свою единственную финскую фразу Тетерь мог вложить, что хотел: и вопрос, и печаль, и удаль, и торжество.

— Вот тебе подарочек, — сказал он, соскочив с лошади и пожимая руку Ялмару, — получай с процентами, а мне давай в награду сто фунтов шоколаду, сто фунтов мармеладу, а еще лучше стаканчик коньяку — да и на боковую. Когда выступаем?

Из всей этой тирады Ялмар разобрал только последние слова и, посмотрев на часы, ответил по-русски:

— Всякий минут готов поход.

Но, черт возьми, куда это пропал Айраксинен?

— А знаешь что, — говорил Тетерь, — я в покои не пойду... Гони, ребята, сена сюда. Я около орудия посплю часок-другой...

Но так как никто не понял его, пришлось ему самому итти доставать сено.

А спать на воздухе можно было — снег перестал итти, и уже занималось утро; на небе еще голубели одинокие звезды.

Ялмар оставил Тетеря у орудий, а сам пошел к околице.

«Куда запропастился этот долговязый старик? А Тетерь — молодец, отстоял орудие. Это настоящий человек! Надо будет ему объявить благодарность в приказе. Хоть он и не поймет... Впрочем, Ольга переведет ему все...»

Он хотел проехать верхом до самого хвоста своего отряда, но лошадь была не оседлана. Возиться с седлом не хотелось, и Ялмар пошел пешком. На нескольких санях с боевыми припасами и продуктами сидели непричастные к отряду женщины, старые и молодые, с малыми ребятишками. И были сани, доверху нагруженные домашним скарбом. Семьи красногвардейцев. Ялмар хотел было рассердиться на то, что нарушен его приказ, но вспомнил, как позавчера прощался с матерью.

«Не будь я командиром, конечно, мать сидела бы здесь на санях, рядом с этими старухами», — подумал он и, махнув рукою, пошел дальше.

Уже не было саней и красногвардейцев, уже скрылся за холмом последний домик деревни, а он все шел по дороге.

— Дойду, проверю последний пост, — пробормотал он себе под нос.

Пройдя еще метров двести, он удивленно остановился.

Перед ним стоял с винтовкой в руках Айраксинен. Губы его побледнели от холода, он весь продрог.

— Что ты здесь делаешь? Я тебя жду!

— Поди скорей, посылай смену, тогда приду. — У старика зуб на зуб не попадал. — Я здесь стою часовым.

— Командир батальона! По-моему, ты спятил.

Но Айраксинен не был похож на сумасшедшего.

— Часа три назад я проверял посты, прихожу сюда, — рассказывал он, — смотрю, нет дозорного. Пост не может быть обнажен! Я и остался стоять здесь положенные часы. Придется хорошенько выругать караульного начальника. Уже полчаса сверх срока стою — нет смены...

— А где часовой?

— Поди спроси у него.

Когда Ялмар шел обратно к деревне, навстречу ему попался разводящий с двумя часовыми.

— Идите, идите поскорее! Айраксинен вам там задаст перцу! — напутствовал их Ялмар.

Он шел медленно, и Айраксинен догнал его у самой околицы.

— Тому, черту, холодно стало, и он, не сказавшись, пошел отогреваться в караулку! — возмущался Айраксинен. — Какие дураки!

— А ты тоже... Сам встаешь на часы! Шел бы в караулку и прислал красногвардейца, — рассердился Ялмар.

— Ну, уж это извини, — возразил Айраксинен. — На то я начальник, чтобы самому рядовым пример показывать!

Ялмар вспомнил женщин и детей, невозбранно сидевших в санях обоза, и не стал спорить. У крыльца дома, где располагался штаб, Марта седлала лошадь.

11. РАГНАР И СИМХА У ЛАХТАРЕЙ

От вчерашней метели и следа не осталось. Юкка сообщил Ялмару, что в лесу во время метели потерялся Рагнар. Ивар не находил нигде среди бойцов и своего друга Симху, с которым в последний раз разговаривал на льду озера. Ни Рагнара, ни Симхи не было и среди больных. В дезертирстве таких, как они, заподозрить нельзя было, — значит Симха и Рагнар попали в плен.

Кто-то из красногвардейцев усомнился в этом и сказал:

— Золото очень хорошо звенит и не пахнет!..

Юкка развернулся и своим увесистым кулаком влепил ему такой удар по уху, что усомнившийся шлепнулся в мягкий снег и потом целый месяц жалел о своих неосторожных словах.

Но дело было так.

Рагнар и Симха отстали от колонны, очень утомились и присели в лесу, разложив небольшой костер. По-

том, отдохнув с часок, они пошли дальше и на рассвете обнаружили, что и впереди их и сзади идут лахтари.

Когда они увидели, что окружены и через несколько минут их возьмут, они быстро скинули свои набитые золотом тяжелые пояса и закопали их в снег под молоденькой елью. Потом, как птица, уводящая охотничью собаку от гнезда с птенцами, они быстро пошли навстречу белым.

По отдаленным голосам они поняли, что в лесу есть немцы и финны, и если суждено было попасть в плен, то лучше уж в руки немцев. Попали они к немцам. Но рядом шли лахтари и ругались последними словами и требовали от немцев, чтобы те расстреляли пленных на месте. Особенно много ругательств и издевок пришлось на долю Симхи.

— Эй ты, горбун! Тебя одна лишь могила исправит, мы ее и приготовили для тебя!

— Не исправит, лахтари, меня могила! — ответил Симха, и это еще больше разозлило лахтарей.

— Привинтят тебе горб спереди, тогда иначе запоешь.

Около входа в сарай, где содержались пленные, Рагнара и Симху наскоро обыскали. Был задан только один вопрос:

— Красногвардеец?

— Да, — сказал Симха.

— Да, — подтвердил Рагнар, и это было его первое слово за два часа.

Отрицать было бы бесполезно.

При аресте отобраны были винтовки. Правда, затворы непостижимо куда исчезли. При обыске в карманах нашли завалявшиеся патроны.

И Рагнар и Симха знали, что их судьба уже решена, когда переступали порог холодного сарая.

На одежде их таяли хлопья последнего снега. Такой снег шел весь день. Он забивал следы, слепил, и все казалось, что вот-вот перейдет в дождь. В сарае, куда их втолкнули, было полутемно, и лишь через несколько минут, когда глаза привыкли к такому освещению, они разглядели еще человек двадцать. Люди эти казались совсем равнодушными к своей судьбе и ко

всему, что творилось в мире. Оии никак не отозвались на прибытие новых.

Рагнар сразу же попытался приладить себе сидеиье из сосиовых чурбаков, которые в беспорядке лежали иа дощатом полу сарая. Ои чувствовал себя оскорблеиным, виноватым и обмаиувшим доверие.

Золото ии за что пропадало в лесу и даже могло достаться лахтарям. А ои-то обещал доставить свою иошу невредимой иародиому уполиомочеиному по фииаисам. Ои привык выполиять свои обещаиия и поэтому в большом и темиом сарае чувствовал себя вдвойне иеуютио.

Симха иагиулся иад лежащим человеком. Человек хрипел и дрожал легкой дрожью.

Он был в нижием белье.

Так вот почему все казались одетыми в одну и ту же форму. Все были одинаково раздеты, в нижнем белье. Всем было очень холодио.

«Значит, и иас перед коицом разденут», — подумал Симха.

Через полчаса дверь сарая распахнулась.

— Получай еду! — раздался резкий окрик.

Рагнар встал и пошел за своей порцией.

— Товарищ, не бери, — кто-то тихо сказал ему из темного угла.

Друг или враг предупреждал его — он ие знал.

Лахтарь поставил иа пол большую миску и вышел из сарая.

Когда захлопиулась дверь и был повернут ключ в замке, все оживились и разом заговорили:

— Не бери их еду!

Это были хорошие королевские иорвежские сельди.

— Почему? — изумился Симха. — Почему ие брать?

— Селедка, а они иарочио ие дают воды.

— Воды, воды... — пробормотал иевнятный голос из другого коица сарая. — Хоть бы пригоршню снега за весь деиь!

— Это подстроеио иарочио, — опять сказал тихий голос из угла.

И все-таки очеиь хотелось есть. Двое подошли к миске и иачали грызть сельдь.

— Нет, уж лучше переждать, — решил Симха. — А потом, может быть, наши еще отобьют нас, выручат.

Он начал надеяться на освобождение. В небольшую щель между досками было видно, как идет снег.

— Воды, воды!

— А бывает еще на свете крепкий черный кофе, — мечтательно произнес кто-то из темноты.

— Товарищи, — сказал тогда Симха, — бросьте скулить. Давайте споем перед смертью нашу песню. Пусть войдет она навсегда в души сторожей и немцев. — И он затянул «Интернационал».

Вставай, проклятьем заклейменный... —

начал он своим высоким и сильным голосом, и, выводя эту песню, он снова забывал, где сейчас находится и что скоро будет с ним. И уже несколько слабых голосов подхватило:

Весь мир голодных и рабов!

Снова загремел замок, распахнулась дверь, и в темноте сарая раздался оглушительный выстрел.

— Всех перестреляю за такую песню! — сказал конвоир и захлопнул дверь.

— Хорошо, что только оцарапало меня, — сказал кто-то из темноты, и песня остановилась.

Уже было совсем темно на дворе, начиналась холодная весенняя ночь.

— Ребята, — сказал Симха, — что вы словно куры на нашесте?! А ну, сюда, поближе ко мне! Я вам расскажу занятную историю.

И все красногвардейцы подошли поближе к Симхе. От теплого тела соседа каждому стало теплее.

— Поехали парни из Лапуа в соседний приход на свадьбу, — начал Симха. — Каждый взял с собой по топору. На всякий случай. Те места ведь разгулами и дракой знамениты. Ну, а бабушка решила остаться дома. В последнюю минуту она передумала. «Еду с вами, внуки, на свадьбу», — сказала она. Ну, тогда старший и закричал работнику: «Сантери, Сантери, положи в сани еще один топор: бабушка тоже едет на свадьбу!»

— Вот мы к этой бабушке и попали в лапы, — угрюмо усмехнулся один из пленных, и все рассмеялись.

— Ну, за тобой очередь, — обратился Симха к соседу.

Тот подумал и сказал:

— Мой мастер в шюцкорах ходил. Уважал он меня. И хотел к себе переманить. Убеждал, что нам, безоружным, против них не выстоять. «Уходи к иам!» — говорит. А я и отвечаю: «А откуда у вас оружие?» — «О! Нам завтра ночью немецкая подводная лодка на островке выгрузит двенадцать ящиков с оружием!» И что бы вы думали? Он ведь не соврал.

— А ты откуда знаешь, врал он или нет?

— Как откуда? Шюцкоры должны были забрать драгоценный груз на рассвете, а я с другом, красным, добрался туда еще ночью на шлюпке. Все оружие и переправили себе в штаб. Мозоли с той ночи до сих пор не сошли. Вот смотри, — и рассказчик протянул ладони. — Вот откуда мы в Ловизе добыли оружие. А лахтари и по сей день злятся на немцев, что те их надули.

И снова пленные весело засмеялись.

В большую щель видно было, как часовой, до сих пор безостановочно шагавший вокруг сарая, весь облепленный мокрыми хлопьями снега, остановился и стал прислушиваться к смеху, доносившемуся из сарая, и громкому разговору.

— Видишь, как ты прогадал! — крикнул часовому Симха. — Пошел бы к красным, сидел бы сейчас с нами рядом, под крышей, и не пришлось бы тебе целую ночь под снегом месить грязь!

Часовой плюнул в снег.

— Проклятый горбун! — и снова заходил, как маятник.

А заключенные до утра рассказывали друг другу анекдоты и случаи из своей жизни, и это были последние их рассказы на белом свете, потому что утром, — а была уже ясиая и чистая погода, и снова на небе соседствовали месяц и солнце, — пришли и забрали половииу людей.

— Пошевеливайтесь! — кричал лахтарский командир. — Скорей на последнюю прогулку!

Рагнара раздели, он остался лишь в полотняной рубашке и егерских шерстяных кальсонах.

В таком виде пленных погнали по улице селения. Ноги их стали совсем красными, потому что гнали босиком. А горбуна оставили в сарае. Вторую партию должны были расстрелять под вечер.

Арестованных провели по всей деревне и остановили около леса, у лесной баньки. К стене поставили пять человек. Рагнар видел, как они падали, и совсем забыл, что у него захолодели ноги. К стене, рядом с другими, поставили и Рагнара. Он стоял, выпрямившись во весь рост, босой, в нижнем белье, но в шапке. Он чувствовал, как верх его шапки касался доски крыши. А спиною ощущал бревна избушки.

— Вот была у вас раньше собственность: у каждого своя собственная могила. Но вы против собственности. И мы идем навстречу вам: будет у вас общая, — сказал со злобной усмешкой старший конвойный.

И лахтари стали снова заряжать свои ружья.

Все тело казалось Рагнару легким и невесомым — вот-вот снимется, оторвется от земли и полетит.

Золото в лесу, под елкой, а умирать все равно один раз.

Он оторвался от земли. И прыгнул. Прыжок был огромный и быстрый — через сугроб. Если бы в дни юности, когда он участвовал в соревнованиях, ему сказали, что он сможет сделать такой прыжок, он не поверил бы.

Он уже бежал по лесу, когда вдогонку раздались первые беспорядочные выстрелы.

Лахтари тоже не ожидали такого побега, и они не могли сразу же погнаться за Рагнаром: другие осужденные на смерть красногвардейцы, стоявшие у бревенчатой стены, могли последовать его примеру — их надо было раньше расстрелять.

И их расстреляли.

Обозленные побегом арестованного, лахтари несколько раз перевернули штык в теле каждого красно-

гвардейца, прежде чем броситься в погоню за Рагнаром.

Ои бежал так, как не бегал никогда в жизии.

Длинные, цепкие сучья хлестали его по лицу, ногн его скользили по сиегу, кожу иа ступнях разрывалн опавшие сосиовые шишки.

Ои бежал, как одержимый, пока вдруг перед ннм ие встал иемецкий солдат с блестящим начищенным медным кофейником в одной руке н виитовкой в другой.

Солдат бросил кофейннк на снег и взялся обеими руками за винтовку.

Рагнар, ии о чем ие думая, быстро нагнулся, подхватил тяжелый кофейник и изо всей силы броснл его в лицо солдату.

III. ДВА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА

Когда лахтари, уводившие на расстрел красиогвардейцев, снова пришли в сарай за плениыми, Симха по их виду сразу поиял, что у иих произошло что-то иеладиое. Когда же пришел иемецкий фельдфебель и стал ругать начальиика лахтарского отделения, то это стало еще ясиее. И иакоиец ои услышал, как переговариваются между собой солдаты:

— Кто мог зиать, что ои бегает как одержимый?

— Попробовал бы сам, словил бы!

И Симха подумал: «Может, это Рагиар ухитрился бежать?» — и радость охватила его. Золото, значит, еще ие совсем погибло. Ему захотелось прыгать, кружиться на месте, петь. Он н в самом деле не удержался и запел вполголоса.

Сильиый удар в подбородок, чуть не свернувшнй иабок челюсть, прервал веселую мелодию...

Немецкнй солдат поднял Симху за шиворот с холодиого дощатого пола.

Симха молчал.

Немец что-то крикиул. Снмха, ие поиимая его, продолжал молчать.

Лахтарь услужлнво перевел слова немца:

— Снимай сапоги! Они тебе больше не пригодятся. Твое счастье, что ты горбун, а то и одежду сняли бы.

Симха сел на чурбан, на котором сидел еще часа два назад Рагнар, и принялся расшнуровывать ботинки.

Во рту было солоно. Челюсть тупо ныла, и все-таки было радостно: наверно, это Рагнару удалось бежать.

— Ну, ну, schneller! — торопил Симху немецкий солдат.

Он в нетерпении нагнулся над горбуном, и из открытого кармана гимнастерки (пуговица была оторвана) на колени Симхи упала небольшая красная книжечка такой же формы и величины, как и его партийный билет. Он успел прочесть слова, понятные даже на иностранных языках: «Германская социал-демократическая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

И тогда, стоя на холодном полу в носках с продранными пятками, передавая немецкому солдату свои ботинки, Симха спросил:

— Social-Demokrat?!

Тот с довольным видом кивнул:

— O, ja! O, ja!

Симха хотел сказать этому солдату, что и он тоже социал-демократ, но, увидев эту самодовольную улыбку на губах солдата, которому его ботинки явно были малы, он почему-то промолчал. И радость, охватившая его при мысли о побеге Рагнара, исчезла, сменилась нестерпимой горечью.

Немецкий фельдфебель, на этот раз не доверяя лахтарям, сам решил руководить расстрелом военнопленных.

Босой и избитый, рядом с другими товарищами, тоже избитыми, босыми и раздетыми, шел Симха по деревенской улице, по той же самой дороге, по которой недавно еще проходил Рагнар. Горечь все больше захватывала сердце Симхи. И ему уже казалось, что не стоит и жить... Нет, не синяки и не тупо ноющая челюсть были тому причиной и не то, что ноги совсем окоченели. Он думал о другом. Он думал о том, что немецкий солдат, избивавший его и раздевший, был

членом той же партии, того же социалистического Интернационала, что и он, Симха, и Рагнар, и Ивар, и все его товарищи, которые сейчас понуро шли на казнь.

«Мы одного Интернационала и одной программы, одной идеи люди — и он. . .»

И дальше не хотелось думать ни о чем, и трудно было самому себе объяснить, как же это вышло. Такая огромная несмываемая обида заполнила грудь его, что просто хотелось растянуться в этой снежной грязи и реветь, реветь без конца. . .

Фельдфебель решил соблюсти все правила приличия, принятые при экзекуции. Выстроив приговоренных у стенки невысокого бревенчатого домика, около которой уже лежало четверо расстрелянных, он что-то спросил. Лахтарь, знающий немецкий язык, перевел:

— Может быть, кто-нибудь желает помолиться перед расстрелом, попросить у господа снисхождения к своим грехам?

Наступило на мгновение тягостное молчание. Оно прервалось высоким и совсем спокойным голосом — Симха сказал:

— Я хочу помолиться!

Товарищи, стоявшие рядом у стены, с изумлением взглянули на этого горбуна.

Один из них подумал:

«Зачем он тянет? Все равно помощь не придет, а так стоять на снегу холодно. Скорей бы!»

Симху отвели немного в сторону, и он спокойно, не торопясь, громко, чтобы все слышали, звонким голосом произнес свою молитву:

— Прости меня, господи, что являюсь к тебе слишком рано, незваным гостем!

IV. АЙНО ХОЧЕТ ИЗВИНИТЬСЯ

Хотя Ялмар и беспокоился о том, куда это запропастились Симха и Рагнар, и о том, что стало с золотом, — жизнь отряда продолжалась и он, взявший на себя великую ответственность, уже целиком был поглощен предстоящей операцией.

Тетерь, коренастый, невысокий и сильный, нахлобучив на себя меховой треух, восседал около своих орудий. Он гордился своими пушками, которые протащил по хрупкому весеннему льду, несмотря на то, что раньше все утверждали, что это невозможно.

Орудия были поцарапаны. У одного из них на месте оторванного колеса был прикреплен полоз, и оно немного покосилось.

Трудно было корректировать стрельбу такого орудия. А теперь нужно быть очень метким.

Предстояла сложнейшая операция.

Немецкий полковник, командир баварского стрелкового полка карабинеров, который получил приказ во что бы то ни стало остановить движение колонны, много уже слышал рассказов об Ялмаре и считал его офицером, получившим образование в военной академии. «Поэтому, — думал он, — Ялмар поймет всю безнадежность атаки укрепленных немецких позиций на этом узком дефиле и повернет обратно в поисках лучшей дороги».

Но Ялмар не получил военного образования, и он знал, что другого пути нет, поэтому он решил пройти через мост.

Нужно было пройти по перешейку шириною метров в двести, разделявшему два озера. Озера эти соединялись широким протоком, и там, где проходила дорога, через этот проток был проложен мост. Мост находился в ложбинке. Позади и впереди моста дорога подымалась вверх, и вся она, как и озера, была окружена сосновым лесом. На другой стороне протока, сразу же за мостом, залегли баварцы, наскоро устроив себе прикрытия из валунов, сырого снега и поваленных сосен.

По льду озера позицию обойти нельзя — лед совсем тонкий. А местами уже чернели большие холодные полыньи...

Ялмар долго совещался с Айраксиненом и Коски о том, как же быть. Но те, как и Ялмар, не знали военного дела и поэтому решили идти напролом и ударить по частям фон дер Гольца.

В лоб должен был нтти батальон Ялмара. Батальон Айно вместе с обозом оставался в резерве. Батальону Айраксинена давалось заданне — перейтн по льду озера на другой берег и, еслн удастся перебраться, сковать флангн неприятеля.

Айракснненцы — это былн почтн все металлисты и бумажннкн — достали несколько легких лодчонок (на всякнй случай) н осторожно вступнлн на уже хрупкнй лед.

Батальон Ялмара стягнвался к дороге н, стараясь пройти незамеченным по обочннам, подбнрался к мосту.

Солнце только что взошло. Ялмар нарочно нзбрал для этой операцин дневное время. Ночью красногвардейцы вели себя неуверенно, очень легко поддавалнсь панике н плохо слушалнсь приказов. И хотя Тетерь предпочитал ночные операцнн н Ялмар прнзнавал его авторнтет, чутье Айраксннена подсказало другую тактнку.

Тетерь сошел с пушки.

Айно стояла вблизи и наблюдала за ним. Ей нравился этот коренастый решнтельный парень, она внутренне восхищалась его настойчнвостью и энергией и тем, что у отряда все-таки есть два орудия. Это была работа Тетеря. Он наклоннлся н начал мыть руки снегом.

— Орудия нельзя касаться нечистымн руками! — это было его твердое убеждение. — Орудне надо оберегать и холить, и тогда оно будет послушным и безотказным.

Он готов был лично вслух извиннться перед орудием за то, что допустнл потертостн на нем, царапины на его благородном вытянутом теле. Он страдал оттого, что было поломано колесо, так, как будто у него самого сломана была рука, — и все-такн он был весел и попрежнему жизнерадостен, хотя его после ледяной бани немного знобило и руки былн горячее, чем полагается.

— Как вас зовут, мнлая нэйти? — сказал он, любовно поглажнвая замок орудия. — А ну, подавай сюда снаряды! — крикнул он свонм батарейцам.

Они стали медленно вынимать снаряды из зарядной повозки и так же медленно подносить их к орудиям.

— Черт подери, как вас зовут, милая нэйти? — повторил матрос.

И Айно вспомнилось, как и когда она услышала от Тетеря впервые эту фразу. Она вспомнила переулок, уходящий отряд Красной гвардии, мальчишек, заколачивавших досками ставни, и троих русских, шумно шагавших по тротуару ей навстречу, — и она вся вспыхнула: ей стало стыдно, что она могла плохо подумать о нем, ей стало неловко, что тогда она в испуге перебежала на другую сторону улицы, только бы не встретиться с глазу на глаз с русскими военными. Тетерь поднял глаза от орудия и заметил Айно. Он поднял руку к бескозырке, отдавая честь. Айно окликнула стоявшую поодаль, около своего пулемета, Ольгу. Она хотела подойти к Тетерю и здесь же извиниться в своем глупом поведении тогда, на улице.

Ольга часто служила ей переводчиком — она прекрасно говорила по-русски. Когда на Выборгской стороне в августе семнадцатого года организовывался финский красногвардейский отряд, при отряде создали кружок красных сестер милосердия, и Ольга записалась в этот кружок. Вместе с отрядом она была в окопах в сентябре под Петроградом, во время мятежа Корнилова, и под Гатчиной, когда казачий генерал Краснов шел уничтожать советскую власть; а когда Ольга узнала, что в Финляндии раненым бойцам нужна помощь, она, не раздумывая, приехала сюда.

Здесь ей пришлось переменить профессию. Несколько русских солдат-пулеметчиков из расквартированного в городе гарнизона обучали финских красногвардейцев пулеметному делу. Но солдаты не знали финского языка, а красногвардейцы русского, поэтому они очень обрадовались Ольге и попросили ее помочь.

Она, после работы в полевом лазарете, стала приходить на занятия и внимательно переводила красногвардейцам то, что говорили русские пулеметчики — инструкторы.

Все детали затвора, причины всех произвольных и непроизвольных задержек «максима», «кольта» и «гочкиса» очень скоро стали ей прекрасно известны.

А тем временем оба русских пулеметчика демобилизовались и уехали домой — один на Урал, а другой в Воронежскую губернию.

Так Ольга осталась на этих «курсах» одна, и раз не было никого другого, пришлось ей, переводчице, уже прослушавшей несколько «курсов», самой стать инструктором. А когда начались бои за город, она вступила в батальон Айно и, конечно, домой, родным, ни слова не написала о том, что стала здесь пулеметчицей, — незачем зря волновать стариков, которые боятся даже взять патрон в руки.

Сейчас, когда Айно захотела сказать Тетерю, что девушки, по глупости своей поверив буржуазной клевете, боялись русских и она сама была совсем недавно такой же дурой, она попросила Ольгу быть ее толмачом.

Девушки подошли к орудию. Ольга была полная невысокая брюнетка, никто из иностранцев не принял бы ее за финку.

Матрос дружелюбно протянул им руку, но, поздоровавшись, сразу перевел глаза на дорогу. Нестройной толпой, держа винтовки за плечами и в руках, к орудиям подходила группа красногвардейцев.

— Закладывать лошадей! — закричал шедший впереди других.

— Гони пушки на позицию вперед!

— Хватит отсиживаться здесь в тылу! .. — горланили другие, и было видно, что ими уже принято какое-то определенное решение.

— Что они хотят? — спросил Тетерь у Ольги.

Ольга спросила у переднего:

— Начальник артиллерии хочет знать: в чем дело?

Тот выступил вперед.

— Мы хотим, — решительно сказал он, — чтобы все было по-честному. Мы идем в бой, на смерть, и нам не до игрушек.

— В чем же дело?

— Жалко, что ты баба, а то мы не так бы говорили. Пусть пушка идет в бой вместе с нами, как полагается, впереди линии. Мы ее поддержим во всякую минуту. Пусть она идет впереди всех и неуклонно бьет по немцам и лахтарям.

Ольга перевела.

Услышав это предложение, матрос-комендор вскипел:

— Сумасшедшие дураки! Где же это видано, чтобы орудие шло впереди?! Ему с позиции бить положено. Оно снаряды к неприятелю через свою цепь перекидывает!

Красногвардейцы сгрудились вплотную около орудия. Ольга, Тетерь и Айно ощущали их горячее дыхание.

Ольга переводила слова матроса медленно, но ей казалось, что, когда она пропускала ругательства, речь теряет убедительность...

— Она не через наши спины в лахтарей бьет, а нас по затылку ударяет!

— Ну, да что там разговаривать! Большинством голосов постановили — значит закон.

— А ну, запрягай!

— Тащи пушку!

Тетерь взобрался на орудие. Он стоял один перед толпой, побледневший, держа в руке небольшой браунинг.

— Болваны! — громко и медленно произнес он. — Орудие мне вверено революционной властью, и совесть моя не дозволяет его отдавать противнику за здорово живешь! Не для того мои конвоиры в ледяную воду лазили, не для того из-подо льда вытаскивали, лямками до крови плечи стерли, чтобы проклятому генералу Маннергейму отдать! Понятно?

Он распахнул бушлат, рванул гимнастерку так, что пуговицы оборвались и застучали по телу орудия.

Снизу виднелась полосатая матросская тельняшка.

— Орудие мое! Что вы, по-русски не понимаете? — громко сказал он и потом спохватился: — Да и правда, не понимаете!

Но чьи-то цепкие руки уже тянулись к его ногам. Из задних рядов вырвался истошный голос:

— Вы сами теперь видите — это изменник, он в спину нам палить хотел. Поймали с поличным, поэтому и разоряется так! Бей его!

— Не смейте его трогать!—в испуге крикнула Ольга.

— Бей его! Русский изменник! — поддержало несколько голосов.

— Отойди, товарищ, — сказал кто-то Айно, — девушкам этого видеть не полагается.

И тогда Айно вскочила на колесо и скомандовала:

— Стой! Смирно!

Люди остановились.

— Русский матрос — революционер, большевик, он за Ленина! — кричала Айно. — Он наш товарищ, и сам пришел помогать, и сам каждую минуту жизнь готов отдать за свободу финских трудящихся! Он военный, он лучше нас с вами знает, как надо воевать, и уже бился с немцами! Стыдно будет нам, если мы обидим такого человека... И если не будет у нас военного специалиста, кому от этого лучше? Лахтарям да немцам!

— Ты как мешок, — прервал ее слова человек, который первым крикнул «бей», — ты как мешок: что положат, то и несешь!

— Не прерывай, — тоном приказа сказала Айно. — Я здесь еще командир!

— Ну, переизбрать-то не так уж трудно!

Она видела, что ее слушают внимательно, и знала, что ей верят.

— Сначала переизбери, а потом не слушай! — И она продолжала: — А такие, которые не верят и думают, что моряк не так стреляет, пускай выберут одного или двух, а те при орудии будут следить, чтоб все шло, как нужно!

— Что она говорит? — нагнувшись с лафета, спросил Тетерь у Ольги.

— Правильно говорит, — так же шепотом отвечала пулеметчица.

— Имей в виду, — еще тише, но непреклонно произнес матрос, — что орудие впереди я пускать не дозволю...

— Правильно сказала, дочка! — крикнул один из красногвардейцев, старик с окладистой бородой. —

Правильно говоришь, дочка! — еще раз воскликнул он, и Айно увидела по лицам других обступивших орудие красногвардейцев, что они согласны с этим стариком, но им неловко признаться в этом друг перед другом.

Тогда Айно сказала:

— Я предлагаю выбрать наблюдающим этого товарища, — и указала на того, кто первый крикнул «бей» и сравнил ее с пустым мешком.

Все поддержали ее кандидатуру.

— А меня может переизбрать только женский батальон, но девушки, кажется, не хотят этого делать!

Все смущенно рассмеялись в ответ на слова Айно. Потом медленно пошли обратно по дороге, по мокрому снегу.

Навстречу им ехал на своем коне Ялмар. Немного отстав, за ним скакала Марта.

— Живей, живей, ребята! — бросил он с седла. — Скоро начнется!

Он подъехал к орудию и передал Тетерю с лошади подробную карту местности.

— Бей сюда! Карошо! — сказал он и показал место на карте.

— Понял, — ответил Тетерь.

Они пожали друг другу руки.

Марта подъехала к Айно.

— Ялмар приказал привести твой батальон в полную готовность. Вы в резерве, по первому сигналу должны пойти в бой!

— Понятно, — ответила Айно.

Марта поскакала за Ялмаром обратно по дороге к мостику.

Айно смотрела внимательно вслед, пока оба всадника не скрылись за излучиной лесной дороги. Тогда она подошла к орудию.

Тетерь терпеливо объяснял приставленному к нему красногвардейцу устройство и работу орудня.

Переводила опять Ольга.

Красногвардеец с некоторым недоверием слушал ее перевод и внимательно смотрел в рот Тетерю, когда тот объяснял.

Около матроса теперь толпились деревенские ребятишки, шустрые, белоголовые и любопытные.

— Так я, пожалуй, из пулеметчицы сделаюсь артиллеристом, — смеясь, бросила Ольга Айно.

«Я что-то хотела сказать Тетерю, — подумала Айно, — попросту из головы у меня вылетело. Что я хотела сказать?»

Она никак не могла вспомнить, что же ей нужно было передать этому ладному матросу, и, не отрывая его от дела, пошла к избам, где сейчас отдыхали ее девушки.

Когда она уже подымалась по ступенькам крыльца, раздался оглушительный удар.

Это выстрелило орудие Тетеря.

Айно раскрыла рот, чтобы не пострадали барабанные перепонки. Так ей советовала умудренная опытом пулеметчица Ольга. После выстрела она услышала, как Тетерь, шлепая ладонью тело орудия, с удовольствием крикнул:

— Как вас зовут, милая нэйти!

Тогда она вспомнила, что хотела сказать ему, но было уже поздно возвращаться. К тому же он сейчас был занят ва́жным делом.

V. ИВАР — КОМЕНДАНТ ЛЬДИНЫ

Справа и слева от широкого перешейка вступили на лед первые красногвардейцы батальона Айраксинена. Вскоре передовые остановились. Надо льдом по щиколотку стояла вода, и нужно было продвигаться по ней...

— Итти вперед дальше, — последовал приказ с берега.

Айраксинен разъезжал по берегу взад и вперед на своей кляче.

«Похож на Дон-Кихота в очках, — подумал Ивар, который был придан батальону Айраксинена для связи с Ялмаром, — похож на усатого Дон-Кихота. Но где же Санчо-Пансо?»

Холодная вода обожгла его ноги.

«Надо было пойти в валенках», — подумал Ивар. Если постепенио входить в воду и во-время вытаскивать валенки из нее, то иа морозе оии покрываются плотиой ледяной коркой, становятся тяжелыми, ио водонепроиицаемыми.

Пальцы иа иогах замерзали. Вдруг ои услышал треск. Лед отломился от припая и закачался под ногами красиогвардейцев.

Оии, как стая испугаииых рыб, метиулись иазад, но льдииа иакреиилась, еще больше погрузилась в воду с той стороиы, иа которую перебежали красногвардейцы. Перед ними расстилалась большая чериая полыиья...

— На середину, на серединy! — скомандовал Ивар, и его послушали.

Так ои стал комендантом льдииы... По полынье уже шла иебольшая лодка, одиа из взятых в деревне, до отказа переполнеииая красиогвардейцами.

Плоские япоиские штыки поблескивали в розовом свете апрельского утра. А слева стояла иад лесами еще не закатившаяся и совсем бледиая луна. Ивару видио было, как с берега иа лед вступают все новые и новые красиогвардейцы, как торопит своего коия Айраксинеи и коиь, вытаскивая копыта из вязкого снега, медлеиио передвигается по берегу.

Льдииа с восемью красиогвардейцами тихо покачивалась в большой полыиье.

— Ты стань сюда, ты — туда, а ты будешь здесь! — иачал распоряжаться Ивар и совсем забыл, что у иего замерзли на ногах пальцы и что вода была выше щиколоток.

— Приклад вместо весел! — продолжал комаидовать ои. — Направлеиие к тому берегу!

Это был берег, на котором их должны были ожидать немцы.

Работая изо всех сил, опуская в воду приклады, красиогвардейцы медлеиио повели свою льдииу к берегу. Не было упора веслам — уключии. Для сильного загреба ие было упора иогам. Один из красногвардейцев сделал сильное движеиие (уж очеиь ему хотелось скорее добраться до неприятельского берега!), но ноги

его заскользили по гладкому льду, он странно перегнулся и, не удержавшись, шлепнулся в холодную воду. Через мгновение он вынырнул; его винтовки уж не было. Рядом плавала на воде его ушанка. Ивар протянул ему свою винтовку.

— Держись, вытащу!

Красногвардеец ухватился за протянутую винтовку и потянул ее к себе. Ивар хотел подтянуть товарища. Но ноги его заскользили по льдине. Он представил себя на ковре, когда сильный противник поднимает его захватом двойного нельсона, и напряжением своей силы и ловкости восстановил равновесие.

Льдина мерно покачивалась на воде.

Ивар оглянулся — от льдины к льдине перебирались на нескольких лодках красногвардейцы; на некоторых льдинах гребли винтовками так же, как и на его льдине.

Далеко на кромке чернели фигуры красногвардейцев, обходящих полынью. Солнце теряло красные тона, и смотреть на него уже было больно... Ивар еще раз попытался подтянуть к себе утопающего человека и снова поскользнулся. На этот раз, поскользнувшись, он выпустил из рук винтовку.

Мышцы его тела были приучены в таких обстоятельствах непременно делать «мост». Но сейчас надо было только устоять... Винтовка была потеряна. Человек больше уже не показывался из воды.

Немцы не ожидали такой переправы и поэтому проглядели ее. Только тогда, когда льдина Ивара уже причалила к корме припая, немцы открыли редкий винтовочный огонь по красногвардейцам.

Ивар и его товарищи бежали вперед — к валунам на берегу. Люди скользили, падали, подымались и снова бежали вперед, не чувствуя замерзших ног.

«Если Симха у них в плену, мы еще успеем отбить его», — подумал Ивар.

Рядом с ним красногвардеец пошатнулся, и снег заалел.

Ивар подхватил выпавшую из рук бойца винтовку и, закричав «ура», побежал вперед...

Добежав до берегового валуна, он лег на снег, выстрелил вперед, не целясь; так выпустил он, патрон за патроном, всю обойму и, только вбивая вторую, оглянулся.

Рядом с ним, слева и справа за валунами и в снежных ямках у корней сосен, лежали красногвардейцы и стреляли.

VI. АТАКА ЖЕНСКОГО БАТАЛЬОНА

Ялмар легко спрыгнул с седла и отдал поводья Марте. По канавам обочин, на дне которых весело журчала весенняя талая вода, люди подходили к мосту.

Они тихонько попыхивали трубками, ругались между собой и все же были серьезны и сосредоточенны. Ялмар заметил среди них Юкка, который молча шевелил губами.

«Молится, черт», — понял Ялмар.

А Юкка, перестав шептать, обернулся к Ганнесу.

— Видишь, братишка, — восхищенно сказал он, — как дружно тают снега! Хороший урожай будет!

Когда посланный от Айраксинена сообщил, что лед на озере ломается под тяжестью идущих людей, Ялмар, к удивлению посланца, обрадованно улыбнулся.

— Ты это чему? — спросил тот.

— Хорошо, что мы своевременно ушли из города. Теперь бы никому уже не уйти!

Людей на холме становилось все больше. Надо было начинать...

Ялмар взглянул на небо. Небо было высокое и безоблачное. Леса стояли тихие, и слышно было, как журчит талая вода в канавах обочин.

Издалека от деревни доносилось уверенное пение петуха, такое привычное и домашнее.

«Петухи поют совсем одинаково и на Ямайке и у нас», — подумал Ялмар.

Все шло, как и было намечено. Орудия Тетеря замолчали как раз в тот момент, когда на флангах на том берегу озера началась ружейная перестрелка.

— Перешли все-таки! — с восхищением сказал Марте Ялмар.

Он этого ожидал от своих ребят, но они постоянно обманывали его: то не могли преодолеть пустячного препятствия, то совершали такие дела, которых, казалось, совершить было невозможно.

Ялмар отдал приказ:

— Вперед, в атаку!

И громко крича: «Урра-а! Урра-а!» — красногвардейцы выскочили из канавы и побежали вперед по дороге к мосту. Ялмар видел, как двое поскользнулись и скатились обратно в канаву, потом вылезли и неуклюже побежали вперед.

Один из них немного прихрамывал. Второй бежал, держа в правой руке винтовку, в левой — трубку.

А сзади шла, накатываясь, еще новая волна красногвардейцев, и все они громко кричали: «Урра!»

Ялмар стоял сбоку дороги, пропуская мимо себя бегущих вперед красногвардейцев, и тоже громко кричал что-то ободряющее. Он услышал стук сапог бегущих по деревянному мосту людей, и было странно, что не слышно ни одного выстрела.

«А может быть, немцы ушли и мы свободно пробьемся», — вспыхнула радостная мысль у Ялмара, но ее тут же погасил треск немецких пулеметов, заработавших сразу длинными очередями.

Этот пулеметный треск ворвался в громкое «ура» и притушил его.

— Вперед, вперед! — закричал Ялмар и, выхватив из ножен казацкую шашку, побежал вниз, к мосту.

За ним бежал целый взвод, держа винтовки наперевес. Он не оглядывался, но слышал за собой тяжелое дыхание красногвардейцев.

Немецкие пулеметы не прекращали своей работы, и по мосту, навстречу Ялмару, уже бежали обратно красногвардейцы.

— Вперед! — кричал Ялмар, но они, не останавливаясь, бежали мимо него назад.

С холма, откуда он только что сбежал вниз, к мосту, тоже заработал пулемет...

«Правильно! Правильно! — подумал Ялмар. — Кто же это?»

Он сам не распорядился (как это можно было не догадаться!) поставить там пулемет. Сейчас же заработал второй, и красногвардейцы, почувствовав себя увереннее под защитой своих пулеметов, замедлили отход. Онн стали залегать цепью с этой стороны моста. Немецкие пулеметы работали уже впустую. Их огонь не достигал залегших в ложбине у моста, а другие красногвардейцы уже успели взобраться на холм и скрылись в лесочке.

Снова стало тихо, и тогда Ялмар услыхал громкий женский голос:

— Мне стыдно, что вы мужчины! Еслн вы уйдете, то сначала наденьте на себя юбки!

«Молодец Марта!» — подумал Ялмар и, вытащив нз кармана свисток, свистнул один раз н потом два раза. Первый сигнал означал, как было условлено, орудийный огонь, второй — батальон Айно в атаку.

Через несколько секунд он услышал цокот копыт. Это Марта скакала передавать его приказ. Он прошел вдоль цепи, залегшей перед мостиком в ложбине. Вскоре просвистело один за другим несколько снарядов трехдюймовок Тетеря, а через четверть часа в бой был брошен подошедший к мосту женскнй батальон. Ялмар побежал впереди, размахивая шашкой. Он снова остановился на мосту, чтобы пропустить вперед устремнвшихся за ним девушек. Когда он услышал высокое, тонкоголосое «ура», ему стало и легко и так жалко чего-то...

— Мнлые, милые девушки! — пробормотал он, и снова в тонкоголосое, высокое «ура» вплелся громкий, низкий голос команды:

— Вперед!

Впереди других с винтовкой в руках бежала Айно. Не то ветер, не то пуля сбнла с нее фуражку, н коротко подстриженные волосы наползали на глаза. Быстрым двнжением головы она отбрасывала нх назад. Ялмар увндел рядом с ней свою сестренку, он узнал домашнюю работницу, посланную им в батальон. Батрачка Капулн на бегу приветливо помахала ему рукой. Среди

женщин бежал приставленный к Тетерю во всем сомневавшийся красногвардеец. И снова в морозном воздухе апрельского светлого дня звучало это высокое, хватающее за душу «ура».

Опять методически заработали немецкие пулеметы.

Но голоса попрежнему продолжали звенеть в воздухе.

С винтовками наперевес устремились на неприятеля текстильщицы и бумажницы.

Ялмар видел, как Ольга с какой-то еще незнакомой, лет под сорок, женщиной тащила пулемет.

«Так это она стреляла с пригорка?! Молодчага!»

Они протащили пулемет по мосту, даже и не заметив командира Втащив пулемет на горку, Ольга снова легла за щитом.

Немецкие пулеметы трещали уже не так уверенно и все не могли приглушить, прибить к земле это высокое, тонкое «ура».

Ялмар почувствовал, что по лицу его ползет что-то липкое и теплое. Он хотел смахнуть рукой, но только запачкал ее. Это была кровь...

Он почувствовал головокружение, как будто мост под его ногами сам рвался в атаку, и подступала легкая тошнота. Выстрелы раздавались только справа. Слева он их не слышал.

Он увидел, как во второй волне, впереди своего отряда, бежит тонкая и гибкая Сигрид. Золотые ее кудри вились на ветру; она держала в руке маузер, потом нагнулась и подняла лежавшую на дороге винтовку. Бегущие за ней девушки тоже кричали «ура», пробегая мимо Ялмара.

Одна из них вдруг упала на мосту.

Она лежала ничком, без движения, плотно прижав к себе винтовку.

Затем на лошади, с винтовкой за плечами, держа в левой руке поводья, а в правой ручную гранату, по мосту проскакала Марта.

В эту минуту она не могла оставаться на второй линии. Ялмар успел крикнуть:

— Перейдя мост, рассыпаться направо!

Ему этот крик показался очень громким, хотя его едва слышно было за двадцать шагов.

Он побежал вперед, сделал несколько шагов; в глазах у него потемнело. Он тяжело осел, как подмытый талой водой сугроб.

И в ушах его все раздавалось это высокое, за душу хватающее «ур-ра»...

VII. МЫ МОЖЕМ КРЕПКО БИТЬ!

Санитарный пункт был расположен в школе, перед которой стояли орудия Тетеря, но сестры, санитарки и врач уже привыкли к шуму схваток, и гул каждого орудийного выстрела не беспокоил, а радовал. Значит, орудия в порядке, значит, все еще идет хорошо.

Когда с мороза распахнулась дверь и на пороге встала с ношей за плечами высокая, худенькая, гибкая Сигрид, женщина-врач изумилась. Правда, пот струился по лицу Сигрид и от пота стали влажными ее золотистые кудри, но все же врач не могла понять, откуда взялось у этой девушки столько сил, чтобы дотащить на себе большого и тяжелого мужчину. На полу остался маленький, капельный след крови. Раненого положили на стол. Это был сам командир колонны, товарищ Ялмар.

— Кто ты? Скажи имя! — повелительно спросила у Сигрид женщина-врач.

Но Сигрид смущенно взмахнула рукой и, хлопнув дверью, сбежала вниз по крыльцу.

Санитарки положили Ялмара на плотно составленные столы.

Ранение было поверхностное, ничего опасного, но он потерял много крови.

Ялмару казалось, что он просыпается после какого-то далекого сна. Казалось, он снова лежал, выброшенный кораблекрушением, в полубеспамятстве, а над ним, голым, любопытствуя, столпились на берегу негритянки, старые и молодые, и все весело хохочут, глядя

на белое тело. Белая кожа, белое тело — это ведь так смешно!

Он усилием воли отогнал от себя это воспоминание и открыл глаза...

Над ним склонилась седая женщина. Врач... И он сразу вспомнил все.

— Как дела на фронте? — спросил он.

— Лежать спокойно, — ответила она.

— Я пойду на фронт, — сказал он и приподнялся на столе.

Было удивительно тихо... «Я оглох», — подумал он.

Женщина в черном положила руку на плечо раненого; тогда он настойчиво снял ее руку с плеча и встал со стола.

— Кто принес меня сюда? — спросил он.

— Тебя принесла какая-то женщина, — затараторила санитарка. — Отдала нам и имени своего не сказала.

— Блондинка? — спросил Ялмар.

— Да, светлая, в штанах, — ответила санитарка.

Ялмар вышел на крыльцо.

На солнце около крыльца снег подтаял, сосульки, висевшие на наличниках, сияли и роняли на землю капли. У Ялмара немного звенело в ушах, но все тело казалось легким, каким-то невесомым и прозрачным. Он шел по мосту.

Он шел вперед, глубоко вдыхая весенний воздух. Выстрелы были далеко, за мостом. И сейчас ему было совершенно ясно, кто его вынес из боя.

Светлая? Конечно, Марта, Марта — его ординарец, Марта — его возлюбленная! Ялмар вспомнил, что не поблагодарил врача за перевязку, и ему стало неловко.

Навстречу скакал на своем Россинанте Айраксинен.

— Ялмар! — закричал он. — Я к тебе. Ялмар, ты ранен? Что с тобой?

— Чепуха! Как дела?

— Врешь, парень! — весело кричал Айраксинен, и два солнца прыгали в его очках. — Девушки-то, девушки наши! В общем, немцы опрокинуты. Куда там

Бьернборг! Здесь ставим памятник... Немцы удрали. Испугались наших девушек. Я за тобой... Сказать тебе — весело живем!

Нет, никогда не видел Ялмар Айраксинена таким говорливым.

Старик повернул свою лошадь, но у нее заскользили копыта, подогнулись ноги; она упала и навалилась всем корпусом на Айраксинена.

Ялмар видел, как, падая, неловко взмахнул рукою Айраксинен, как соскочили с переносицы и упали на дорогу его очки в серебряной оправе...

Лошадь, упираясь передними ногами, скользя стертыми подковами на утоптанном снегу, медленно встала и, отойдя два шага, остановилась у обочины.

Ялмар заторопился к лежащему на дороге Айраксинену, и хотя свое тело ему казалось легким, ноги не подчинялись желанию, и он шел медленно. Поэтому к Айраксинену раньше, чем Ялмар, успели подбежать две санитарки. Они боялись, что от потери крови он может упасть на дороге, и шли следом за ним от перевязочного пункта, готовые помочь. Айраксинен слабо стонал. Он приподнялся на локте и попытался встать. Но лицо его сразу побелело от боли и веки плотно сжались.

— Не двигайся, — сказала сестра, — у тебя, наверно, сломана нога.

Обе сестры осторожно приподняли уже молчавшего старика с земли и медленно понесли. Старик был тонкий и легкий. Он лежал, закрыв глаза и покусывая кончики своих седых усов.

Ялмар пошел дальше к мосту...

На другой стороне пролива, за мостом, уже стояли орудия. Тетерь перевел их через мост и сейчас священнодействовал около них. Но орудий было уже не два, а четыре. Не доходя до них, Ялмар заметил фигуры своих красногвардейцев; они шарили по кустам, сбивали штыками с хвои мелколесья снег — осматривали сугробы, отыскивая немцев. Навстречу шло несколько раскрасневшихся девушек с немецкими касками в руках.

Две тянули за собой немецкий пулемет.

Ялмар увидел, как Ивар стаскивает с убитого немецкого офицера большие сапоги и обувается. Но голенища немного узковаты, и самому ему никак не справиться. Какой-то красногвардеец начинает помогать ему.

Увидев Ялмара, Ивар встал и громко крикнул:

— Товарищ командир, мы уничтожили всех немцев до одного! Ни одного не обнаружено в лесу!

«Черт возьми! — радостно подумал Ялмар. — Необходимо скорее в Выборг, Хельсинки и во все места, где есть наши, передать депешу: «Мы уничтожили немецкие части!» А может быть, это засада, ловушка?»

Ялмар приказал Ивару:

— Иди в разведку. Пройди по всему лесу. Возьми с собой трех товарищей!

Ивар, в новых сапогах, встает и говорит:

— Отлично!

Нет, вряд ли это ловушка: оставленные неприятелем орудия, пулемет, который притащили девушки, отсутствие стрельбы и то, что он так свободно разгуливает по дороге, — все это говорит о победе.

Об этой атаке писал через два года в своих мемуарах «Моя деятельность в Финляндии и Прибалтике» генерал фон дер Гольц: «Много женщин в передовых рядах... Положение чрезвычайно трудное. Пожалуй, даже французы не наступали так яростно, как эти разъяренные приверженцы нового евангелия варварства...»

К Ялмару подходит Айно, чем-то смущенная.

— Товарищ командир, — говорит она, — женский батальон полностью выполнил твой приказ. Немцы бежали. Мы подсчитали: двести одиннадцать убитых солдат неприятеля! Они успели, наверно, унести своих раненых — мы не видели ни одного.

— Ну, а у нас какие потери?

— Не знаю еще, — отвечает Айно смущенно.

Так они проходят по полю недавнего сражения.

Земля рассыпана поверх снега; здесь разорвался снаряд.

— Товарищ командир, — слышится слабый голос. Ялмар видит: перед ним навзничь лежит старик красногвардеец.

— Ранен, отец? — наклонился над ним Ялмар. — Куда?

— Не знаю. Не могу встать.

Он лежал спокойно, но видно было, что ему очень тяжело.

— Товарищ командир, мы победим или нет? — тихо спросил старик.

Ялмару в этом старике что-то неуловимо напоминало отца.

— Товарищ, — ответил он тихо, но уверенно, — мы сегодня победили. Враг разбит.

Старик, видимо превозмогая боль, улыбнулся.

— Это хорошо. Спасибо, товарищ начальник, — сказал он. — А то, видишь, там в канаве лежит моя убитая дочка, с длинными русыми косами — не остригла, — и двух сыновей я тоже на днях схоронил.

К старику подошли санитарки. Ялмар пошел дальше по полю.

Справа шла Айно.

— Мы пришли, — сказала она, остановившись.

Сигрид склонилась над распростертым телом подруги.

Легкие волосы лежавшей в снегу девушки были ничем не прикрыты. Синий берет с простреленным помпоном лежал рядом, Ялмар чуть не наступил на него.

У него снова закружилась голова.

— Марта... — удивленно произнес он, и можно было подумать, что он был уверен в бессмертии этой девушки или в том, что она заговорена от пули.

— Марта... — повторил он и встал на колени рядом с телом.

— Убита или ранена? — спросил он, не доверяя себе. В ушах его звенело.

— Ранена, — ответила Сигрид, и Айно добавила:

— Кажется, в живот.

Ялмар взял Марту за руку, и глаза Марты слегка приоткрылись.

— Она без памяти! — шепнула Сигрид на ухо Айно.

— Спасибо, Марта, — говорил Ялмар, держа руку Марты в своей, — спасибо, Марта, что ты вынесла меня сегодня из боя, — бормотал он.

— Но это была... — не удержалась Айио.

Сигрид крепко схватила ее за руку и тихо сказала:

— Молчи! Молчи, Айно!

Айно замолчала. А Ялмар так и не услышал ее быстрого возгласа.

— Спасибо, Марта, — сказал он и опустил ее руку в сиег.

И тогда снова смежились веки девушки...

Он встал на иоги, машинальио очистил брюки от сиега.

— Отиесите ее к врачу! — крикиул ои и пошел дальше, ие глядя себе под иоги и ие спотыкаясь.

VIII. НО Я КОМАНДИР!

Перед ним стояли, робко потупившись, пять иемецких солдат. Юкка привел их. Ялмар допрашивал.

Одиорукий, высокий, со взъерошеииыми волосами Коски, которого иикто ие видел во время боя, был переводчиком.

Ои знал немецкий язык, он читал Каутского в оригииале...

— Мы второго баварского карабинерского полка, — сказал немец, отвечая иа вопрос Ялмара.

Позади немцев стояло несколько уже стреиожеиных и иавьюченных мулов. На тюках одиого из иих возвышался пулемет.

— Все в порядке, завтра мы вас будем судить, — сказал Ялмар.

На лицах немецких солдат проступило благодарное недоумеиие...

— Они думали, что мы их сейчас же на месте расстреляем... Но мы социал-демократы, — торжественно сказал Коски.

Услышав знакомое слово, один из баварцев оживился и, расстегнув куртку, вытащил из внутреннего кармана красную книжечку.

Коски повертел ее в руках.

— Партийный билет германской социал-демократической рабочей партии, — с уважением произнес он.

— Социал-демократ?! — удивился Ялмар. — Чего же он стреляет в нас?.. Сволочь!

Но немцев уже уводили. И предстояло разрешить еще много мелких вопросов. Сегодня отдых, завтра в полдень снова в путь...

К Ялмару привели двух пленных.

— Мы не лахтари, — сказал один из них. — Мы мобилизованные Маннергеймом и хотим драться с ним. Прими нас в свой отряд.

— Вы члены профсоюза?

— Да!

Профсоюзные билеты были вшиты у них в кальсоны, и прошло несколько минут прежде, чем они, стесняясь окруживших их красногвардейцев, достали свои профсоюзные книжки.

— Вам известно наше труднейшее положение? — спросил Ялмар.

— Да! Известно!

— Хорошо известно, — подхватил второй.

— Ну ладно, тогда дайте им винтовки и зачислите в третью роту, — распорядился Ялмар и сам пошел обратно к перевязочному пункту.

По дороге его нагнал на подводе Тетерь.

Подвода была нагружена захваченными у немцев снарядами.

— Садись! — крикнул Тетерь Ялмару и сам соскочил с подводы.

Ялмар ехал на подводе, не улавливая смысла всей его речи, — он понимал только отдельные слова. И эти слова подтверждали ход его мысли:

«Немцев можно бить так же, как и лахтарей».

— Девочки, ах ты, боже мой! — говорил матрос. — Девочки-то какие у нас замечательные!.. А та, что тебя вынесла! Вот красавица! Ей-богу, если бы не боялся, что откажет, посватался бы!

«Что такое посватался?» — хотел спросить Ялмар, гордый тем, что хвалили Марту: это было так, словно похвалили его самого...

Ялмар снова вошел в помещение перевязочного пункта.

Это был класс деревенской школы. Операционный стол, на котором так недавно лежал он сам, был длинной ненаклонной партой.

Женщина-хирург склонилась над столом. На столе лежала Ольга. Пулеметная очередь прошла через нее навылет...

Женщина бережно накладывала на раны мягкий, влажный мох.

Ольга, заметив, что в класс вошел Ялмар, перестала стонать и силилась улыбнуться ему. Но улыбка не выходила...

— Что со стариком? — тихо спросил Ялмар у санитарок.

— Умер по дороге, пока несли его сюда, — так же тихо ответила санитарка.

— Ну, а Айраксинен? — уже громче, желая скрыть волнение, спросил Ялмар.

— Обыкновенный перелом ноги. Вправили... В лубках. Он не захотел здесь остаться. Потребовал, чтобы его отнесли в штаб.

О Марте Ялмар побоялся спросить.

Ее здесь не было.

Он пошел в дом, где размещался штаб.

Айраксинен лежал на постели.

Видно было, что он очень мучается от боли; говорил он тихо, но настойчиво, покусывая кончики белых усов...

— Рассуди нас, — сказала Айно, обращаясь к Ялмару: — он требует, чтобы ему приготовили носилки; он говорит, что не сдает никому командования и остается в строю на носилках.

— Если бы я был рядовой, — продолжал слабым голосом Айраксинен, — тогда сломанная нога могла бы считаться уважительной причиной. Но я командир, и если будут носилки... ноги мои ни при чем...

— Ну, как? — спросила еще раз Айно.

Айраксинен устремил на Ялмара внимательный взор. Белые густые брови его нависли над глазами. Ялмар вспомнил, как докторша хотела его удержать в операционной, а он сбросил ее руку со своего плеча, и сейчас, поймав тревожный взгляд Айно, подумал: «Женщина все-таки остается женщиной», — и решительно сказал:

— Я не снимаю команды с Айраксинена.

— Спасибо, товарищ, спасибо! — отозвался старик.

— Я пойду закажу для тебя носилки, старина, — успокаивающе сказал Ялмар и пошел из штаба.

На пороге он остановился и пристально поглядел на Айно. Та поняла безмолвный вопрос и быстро ответила на него:

— Марта жива. Мы ее устроили у доктора Альвгрена.

IX. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СУД

Айраксинен полулежал на носилках.

Поломанные у переносицы очки были теперь скреплены туго намотанной белой ниткой. Он был в своем парадном сюртуке, в том самом, в котором он обучал строевой премудрости красногвардейцев после ноября, в крахмальном воротничке и при галстуке бабочкой.

Айраксинен председательствовал на профсоюзных собраниях всегда в этом сюртуке и вообще вытаскивал его в торжественных случаях. Но сейчас сюртук этот был немного помят. И немудрено — ведь он побывал в походном мешке... Итак, Айраксинен, бледный и строгий, полулежал, опершись на локоть, на носилках. Коски, как и всегда, не мог спокойно сидеть; он ходил взад и вперед по небольшой комнате штаба, ероша волосы единственной рукой. Лишь Ялмар спокойно сидел за столом. А перед ним, под конвоем красногвардейцев, испуганные и подавленные, стояли пять пленных баварских карабинеров — четыре солдата и фельдфебель. Происходило экстренное заседание революционного трибунала...

— Да как вы смели, подлецы, стрелять в Красную гвардию?! — кричал на пленных Айраксинен, и при зву-

ках его высокого и резкого голоса они еще больше жались.

— Ругательств я переводить не буду, — заявил, остановившись на мгновение, Коски.

— Нет, ты пойми, — продолжал Айраксинен, — я тебе говорю как рабочий рабочему, как социал-демократ социал-демократу...

Он вытащил из кармана сюртука, оттуда, где полагается быть краешку носового платка, свою красную партийную книжку и протянул тому пленному, который вчера назвался социал-демократом.

Тот робко подошел к носилкам и, с недоумением взяв из рук Айраксинена партийный билет, повертел его в руках.

Затем он стал говорить робко и неуверенно.

— А ну, переведи скорей! — прикрикнул Айраксинен на Коски.

— Он говорит: им разъясняли, что они будут здесь воевать против русских войск и финских анархистов-бандитов, грабящих Суоми...

— Ах, какие подлецы! — и Айраксинен сел, но тут же со стоном откинулся назад на носилки.

Он в волнении забыл о своей сломанной ноге. Страшная боль перекосила его лицо, и кончик белого уса снова очутился у него в зубах.

— Дело ясное, — сказал Ялмар, отводя свой взор от Айраксинена: ему было больно смотреть на крупные капли пота, проступившие на лбу старика.

— Дело ясное, — повторил он. — Эти люди подняли оружие на рабочую власть, на революцию, без объявления войны они вторглись в пределы нашей любимой родины, убивали лучших сынов Суоми. И за все эти преступления подлежат расстрелу.

Он снова сел и замолчал.

— Я против казни. Смертная казнь отменена у нас декретом Совета Народных Уполномоченных второго февраля, — сказал, шагая по скрипучей половице, Коски, — я за... — но он так и не сказал, за что: его перебил высокий голос Айраксинена.

Тот говорил отчетливо, и каждое слово его врезалось в память.

— Мы должны стать выше мстительного Иеговы, — говорил Айраксинен. — Мы должны побороть чувство мести. В каких бы мы ни ходили лохмотьях, мы должны быть рыцарями нового мира!

Ялмару в словах старика чувствовались сегодня отблески горячих листовок брата; горечь подступила к его сердцу.

— Мы построим новое государство, — продолжал взволнованно говорить Айраксинен, — и порог у него должен быть таким высоким, чтобы никакие низменные инстинкты не могли туда проползти!

— Неужели же все время надо нас подозревать в низких инстинктах только потому, что мы пролетарии? — тихо сказал Ялмар. — А наши расстрелянные сестры? А наши партийные билеты, прибитые гвоздями к сердцу? А наши... Что же ты предлагаешь? — встав, спросил он у Коски.

— Я предлагаю вести их с собой и передать генеральному прокурору Туркиа.

— У лахтарей нет прокуроров, которые бы помешали стрелять им в нас, — сказал Ивар и, вспомнив веселые глаза Симхи, замолк.

— А ты что предлагаешь, Айраксинен?

Откинувшись на подушку, Айраксинен тихо произнес:

— По-моему, надо послать их обратно через фронт, и пусть расскажут другим немцам, что мы — рабочая власть, что мы — социал-демократы.

— Не поможет это, — сказал Ялмар. Но все же предложение Айраксинена ему было по душе.

— Так нам, пожалуй, и вовсе запретят в лахтарей стрелять, — мрачно произнес Ивар и стукнул винтовкой о пол.

Красногвардейцы стояли угрюмо и ждали распоряжений Ялмара. Немецкий социал-демократ, карабинер-баварец, уныло поглядывал по сторонам. Еще вчера один из их пятерки расстреливал взятых в плен с оружием в руках финских красногвардейцев, и он был уверен, что теперь их тоже всех расстреляют.

Конечно, теперь их самих ждала такая же расправа. Один из расстрелянных был горбун; он запел на улице песню, мотив которой был так знаком баварцу...

Некоторые из немецких солдат остановились, чтобы услышать этот мотив: «Интернационал» был знаком им по старым собраниям в бир-локалях.

Тогда фельдфебель с силой ударил красногвардейца по горбу, так, что тот закачался. Но через секунду снова крикнул, как одержимый:

— Eläköön [1] Карл Либкнехт!

Значения первого слова баварец не понял. А что значит второе, он знал отлично, и ему стало немного совестно, что какой-то финский горбун, а не он, произносит это имя. Расстрел производили финские солдаты под командой того самого фельдфебеля, который сейчас стоял в этой небольшой полутемной комнате. Еще в лесу, перед пленением, он предусмотрительно сорвал с рукавов все нашивки.

Окна в комнате были не вымыты. Судьи одеты поразному и не бриты. И странное впечатление производил на пленных этот сухопарый старик на носилках. Ну, конечно, их всех должны расстрелять... И когда Коски поднялся, чтобы перевести приговор революционного трибунала, баварец перебил его жалобными словами:

— Не убивайте меня... У меня дома двое детей, — и заплакал.

Айраксинен с укоризной смотрел на немца. Ялмару было стыдно за плачущего.

Коски, словно не замечая, словно отдавая рапорт, продолжал свою речь.

— Вас отправят обратно через линию фронта, — говорил он, — и вы должны будете рассказать всем своим товарищам, баварским и немецким солдатам, что мы — социал-демократы, что мы — рабочая власть, что мы стоим за правильное исполнение законов и желаем восьмичасового рабочего дня и свободы для всех трудящихся...

[1] Eläköön — Да здравствует! *(финск.)*

А Ялмар в это время думал:

«Теперь Коски объясняет немцам, за что он борется. За что же борюсь я?»

И перед ним возникло испитое, морщинистое лицо матери. «За то, чтобы нам можно было лечить своих матерей...»

И перед ним вставал отец, такой, каким был он в день своей смерти. «За то, чтобы не было этой беспросветной, каторжной работы, унижающей человека...»

И перед ним возник тот осенний день, когда он, мальчишка, шел босой по дороге, а навстречу на таратайке ехала молодая хозяйка и даже не посмотрела на него... «За то, чтобы дети учились, а не батрачили...»

И перед ним возникло лицо Марты, такое, какое было вчера, когда она, лежа на снегу, чуть-чуть приподняла черные ресницы. И ему казалось, что даже и тогда, когда он будет лежать в гробу и заколотят крышку и по доскам ударят первые комья мерзлой земли, он будет помнить это лицо... Значит, и за то, чтобы девушки могли любить. За то, чтобы травы весной благоухали и птицы пели, а зимой твердый снег скрипел под веселыми лыжами...

А Коски никак не мог окончить своей длинной речи. Но все же он окончил ее и спросил немцев:

— Все ли понятно или, может быть, у вас есть вопросы ко мне? Тогда я разъясню.

Немец-карабинер, совсем молодой, с первым легким пушком над верхней губой, спросил:

— Значит, нас не будут убивать сейчас?

— Да нет же! — Коски начинал злиться на подсудимых.

— Значит, мы просто их отпустим? — с недоумением спросил один из конвоиров, молодой слесарь.

— Конечно, ты ведь слышал приговор трибунала. А Ивару поручается перевести их через фронт и показать путь...

Ивар снова стукнул прикладом винтовки о пол, так что в двойных рамах задребезжали не мытые с осени стекла.

X. ПРОЩАНИЕ С МАРТОЙ

Айно устроила Марту на квартире доктора Альвгрена. Он когда-то давал объявления о том, что принимает больных, в «Тюёмнес», в местной социал-демократической газете, и поэтому его считали сочувствующим партии. Но хотя его сочувствие дальше объявлений так и не пошло, все же он был человеком честным, и если соглашался взять к себе Марту до выздоровления, можно было быть уверенным, что он не выдаст ее лахтарям. Он подтвердил диагноз врача отряда: из ста шансов только один за выздоровление, и тот был возможен лишь в том случае, если Марту оставить лежать в полном покое, без движения.

Когда Ялмар пришел навестить Марту, дверь была не заперта и в квартире словно никого не было. Доктор ушел к больным, хозяйка возилась на кухне. Через полуоткрытую дверь кухни слышно было, как шипит на сковороде масло.

Ялмар поднялся по скрипучим ступеням во второй этаж и вошел в эту квартиру со свежевымытыми полами, с бальзаминами на подоконниках, с накрахмаленными занавесками на окнах, с полотенцем на стене (а на полотенце было красной вязью вышито: «Гаси свет, а я снова буду зажигать его»), и ему показалось, что он попал в какое-то далекое, не свое детство; такое далекое, что его словно и не бывало, а вычитано оно из книг. И даже было странно, что такое существует на самом деле и сейчас: и теплые комнаты, и даже легкий плач младенца за дверью, на подоконнике выгибающая спину, пригретая апрельским солнцем рыжая кошка. Все это было неправдоподобно и невозможно. Или это он сам, за три дня не успевший ни разу вымыться и поспать и две недели не сменявший белья, в своих грязных сапогах, был здесь неправдоподобен?

Стекла изредка дребезжали, и по этому можно было понять, что стрельба уже удалялась.

Стараясь не шуметь, придерживая рукой шашку, боясь наследить на этом сияющем чистотой полу, он на цыпочках прошел в соседнюю комнату.

Марта лежала на кровати, вытянув руки вдоль тела, поверх одеяла.

Она была бледна, и светлые волосы ее расплескались по подушке.

Ялмар улыбнулся ей.

Ему вспомнилась эта девушка хлопочущей у жаркого очага, когда эти золотые пряди не были еще подстрижены, не были убраны в берет... Черт побери, ведь он без берета ее за это время почти и не видел!

Марта открыла глаза и увидела Ялмара.

Она знала, что он придет. И все-таки получилось так, словно он пришел неожиданно.

Она удовлетворенно вздохнула, и сразу же резкая боль в животе напомнила ей о том, что завтра или послезавтра она умрет.

И тогда она тоже заметила за плечами Ялмара на окне нежную зелень бальзамина и греющуюся на подоконнике, мурлыкающую кошку. Ялмар, бережно приподняв кончик матраца, примостился на досках кровати.

Он сидел, взяв ее руку в свою. И ей сразу же стало легче.

Он молчал, не зная, что сказать этой девушке, которой завтра, может быть, уже не станет на свете и без которой он вряд ли сможет жить... Впрочем, он не думал об этом. Он молчал, глядя на ее высокий бледный лоб, на эти тонкие руки, лежащие поверх одеяла, и вдруг удивился: как это он раньше не заметил, что на сгибе правой руки у нее сразу две родинки!

Огромные зрачки ее синих глаз смотрели как бы удивленно. Она тоже молчала, потом тихо сказала:

— Ты скитался по всему свету, Ялмар, ты покидал родину. — Теперь, когда она думала, что жить оставалось немного, родная земля, лиловый вереск, источающие смолу сосны казались еще прекраснее. — И меня ты тоже забудешь теперь? — спросила она тихо, словно про себя.

Но Ялмар слышал.

Он подумал и сказал ей правду. (В эти дни не могло быть между ними неправды. Никогда не жил он так открыто и полно и никогда он так не мучился и не

радовался, как в эти дни, из которых каждый мог быть последним.)

— Больше всего из того, что было у меня на свете, я любил маму... И вот, когда она заболела и я узнал, что можно ее вылечить, только нужно достать денег, и не так уж много, я решил сделать все, чтобы их заработать, чтобы мама могла лечиться. Я нанялся юнгой на парусник...

Он торопился рассказать ей все, что успел сделать до сегодняшнего дня.

Но Марта не слушала его рассказа.

Она закрыла глаза и представила себе эту сморщенную старуху с редкими седыми волосами, собранными на затылке, и подумала о том, что странно, как можно любить эту женщину, и что ей, Марте, было бы хорошо, если бы Ялмар был ее сыном. И тогда она почувствовала на своей руке теплое прикосновение его губ.

Она приоткрыла глаза.

Ялмар сидел на ее постели. Высокий, с забинтованным лбом, такой синеглазый...

Она сказала ему:

— Прощай! Иди!

Ей хотелось, чтобы он ушел, пока еще она может улыбаться ему.

Он встал, и кровать скрипнула. Солнце квадратами ложилось на пол. Марта повторила:

— Иди... Если я выздоровею, я тебя разыщу...

Он спускался по скрипучей лестнице.

Хозяйка, закрывая дверь, внимательно посмотрела вслед.

Казачья шашка путалась в ногах. Когда он вышел на улицу, он услышал не только отдаленные выстрелы, но и то, как журчит вода в придорожной канаве.

Он подумал: «Хорошо, что я не сказал Марте, что у Илкка перебиты передние ноги: она бы очень огорчилась», — и остановился.

Он вспомнил, что не сказал Марте о том, что мать теперь не дороже ему, чем она, и о том, что пусть она не беспокоится — он вернется и разыщет ее...

Он хотел вернуться, снова подняться на второй этаж к Марте, но его окликнули.

— Товарищ командир! — Это была Айно. — Теперь у тебя нет ординарца. Я предлагаю взять Сигрид. Она просится на это место.

— Нет! Мне теперь не надо ординарцев, — резко ответил Ялмар. Айно посмотрела на него удивленно. — Ординарцев-женщин! — добавил он.

Столько еще нужно было сделать дел! И странно, что рана совсем не болела и не было слабости от потери крови.

По улице уже шли обозы.

Лошади, напрягаясь, вытягивали телеги из грязи. На многих возах сидели дети и старухи. Кучами высилась домашняя утварь.

— Сколько раз было приказано — не брать с собой барахла и семей! Пусть бы оставались дома... И движению мешают, и сами под расстрел лезут... — кипятился Тетерь, и серебряная надпись на флотской его бескозырке задорно блестела на солнце.

XI. КОНЕЦ ФЕЛЬДФЕБЕЛЯ

Ивар вел немцев по лесной тропе. Деревня осталась далеко позади, и если бы порою на снегу не поблескивала медью истраченная гильза и не виднелась сломанная ветка, можно было бы подумать, что это лесничий ведет пойманных в барских имениях браконьеров или порубщиков. Под одной высокой, раскидистой елью Ивар заметил большой медный кофейник, перевернутая крышка от него лежала поодаль.

Навстречу им шел человек, коротенький, бритый, в высоких сапогах и дорогой фетровой шляпе.

— Кто? — остановил его Ивар.

— Доктор Альвгрен.

— Откуда?

— Ребенок заболел у лесника, — уклончиво сказал доктор, — ну, я и исполнил свой долг. Тяжелая это работа, знаете ли, — уже по-дружески сказал он. — Все маешься и маешься, а награда — одна лишь спокойная совесть.

Доктор с увлечением говорил на посторонние темы, лишь бы не рассказывать о больном, которого он сейчас посетил. Он никак не мог понять, кто стоит перед ним — белый или красный, и поэтому решил промолчать об этом, тем более что больной разрешил сказать о нем только самому Ялмару.

Ну, а у Ивара были свои мысли и печали, поэтому он не разглядел смущения доктора.

— Доктор, вы говорите по-немецки?

— О, да!

— Спросите тогда, пожалуйста, этих немцев: не попадался ли им в плен третьего дня или позавчера один горбун?

Когда доктор перевел вопрос Ивара, один из немцев почувствовал себя плохо. Он стал поеживаться, потирать руки так, словно ему было очень холодно, и это не укрылось от внимательного взгляда Ивара.

Баварец социал-демократ вспомнил, как позавчера проводили по деревенской улице горбуна и как он громко выкрикнул имя Карла Либкнехта, — и снова баварцу стало неловко... Немцы молчали.

Тогда баварец вспомнил, как фельдфебель лишил его еще в Кенигсберге положенного ему отпуска в город за то, что винтовка была плохо смазана; вспомнил, как фельдфебель, зная, что он социал-демократ, сказал вчера, в разведке, перед тем как они попали в плен, что всех социалистов надо повесить.

— Я видел горбуна, — сказал баварец, и Ивар вздрогнул...

Он, не зная языка, понял, о чем говорит солдат, и побоялся спрашивать дальше.

Фельдфебель злобно взглянул на солдата.

Солдат перехватил угрожающий взгляд, и это решило участь фельдфебеля.

— Этот человек, — сказал солдат, — позавчера перед закатом расстрелял горбуна...

Ему вспомнился этот высокий апрельский закат, розовое небо над гладью спокойного ледяного озера, тихие дальние леса.

И снова Ивар не нуждался в переводчике: он все

понял, и сердце его сжалось от тоски. Этого не могло быть, чтобы его веселого, умного друга Симхи не стало на свете... Кто же будет петь песни и рассказывать веселые истории, кто же будет учить их понимать большие события, кто же сможет заполнить огромную пустоту, которая сейчас образовалась в его груди?!

Он не хотел верить тому, что понял, и с тоской взглянул на доктора. Вот сейчас доктор переведет ему правильно, и все успокоится, все станет на свое место, и он еще услышит веселого друга.

Но доктор был добросовестным переводчиком, и снова острие тоски проникло в сердце Ивара.

— Идемте, — приказал он немцам и выругался.

Перед его глазами встала скользкая вчерашняя льдина и товарищ, цеплявшийся за протянутый ему приклад винтовки.

Доктор, не ожидавший услышать вместо благодарности за свой переводческий труд ругательство, пожал плечами и, круто повернувшись, зашагал к поселку.

А пленные, сопровождаемые Иваром, пошли дальше по сосновому лесу.

— Ты у меня получишь свою порцию, когда придем в полк, — сказал фельдфебель баварцу. — Ты у меня получишь свое!

Остальные шли молча, и им казалось, что не будет конца этому путешествию по сосновым перелескам Финляндии.

На родине деревья уже начинали зеленеть, клейкие почки распускались на ветвях, а здесь — снега, снега и холодно. И когда, наконец, кончится эта проклятая война — с фельдфебелями, допросами, окопами и бесконечной стрельбой, и когда, наконец, они добредут до своей части!..

Раздался оглушительный выстрел. Фельдфебель, широко взмахнув руками, упал в снег. Падая, он задел ветки молодой сосенки, и легкие пушинки сброшенного с ветвей снега еще кружились в воздухе, а он уже лежал без движения на земле.

Баварец, не оглядываясь, бросился бежать вперед. Другие подняли руки и застыли в страшном ожидании, боясь пошевелиться.

Когда через две минуты один из них все-таки оглянулся, он увидел, как Ивар с винтовкой за плечами уже скрывался за частыми стволами высоких сосен.

Он уходил обратно.

Они должны были итти вперед.

XII. ИВАР, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ!

Колонны продолжали двигаться по открытому шоссе. Впереди шел батальон Ялмара. Посредине, рядом с батареей Тетеря, который сейчас гордо восседал на отбитом у немцев орудии, шел батальон Айно. За ним продвигались небольшие обозы, и замыкал походную колонну батальон Айраксинена.

Пропуская мимо себя все отряды, стояли у обочины широкие розвальни. В санях на носилках лежал Айраксинен, у его ног сидел, опершись на шашку, Ялмар, и опять расхаживал перед санями Коски, шлепая худыми сапогами по снежной грязи.

Мрачный, стараясь не глядеть на товарищей, стоял перед ними высокий, сильный, небритый, с воспаленными глазами Ивар.

Ноги у него ныли. «Наверно, простудил вчера», — подумал он. Проходившие нестройными рядами, не в ногу, красногвардейцы то и дело здоровались со своими командирами. И только один Айраксинен, время от времени приподымая шапку, отвечал на приветствия. Остальные были заняты. Шло второе летучее заседание революционного трибунала.

— Это несмываемое преступление! — захлебываясь от возмущения, говорил Коски. — Совет Народных Уполномоченных категорически запретил такие бесчинства! Только расстрел преступника может смыть грязное пятно со всей Красной гвардии, которым он запачкал ее...

— Что ты скажешь, Ивар, в свое оправдание? — спросил Айраксинен.

Но Ивар ничего не говорил. Он вспомнил, как беспомощно высунулись вчера из воды руки красногвардейца, пытавшегося уцепиться за кромку льдины; он вспомнил смешную историю, рассказанную Симха, про капитана, который кричал вниз в рупор своему кочегару: «Бросай в топку кривые поленья — сейчас поворот будет!»

Он вспомнил, как в морозную ночь на железнодорожном мосту к нему подбежал Симха.

Нет, ему нечего было говорить в свое оправдание...

Ничего не мог сказать в его оправдание и Ялмар. Он молчал и все-таки надеялся, что Ивар что-нибудь скажет.

Но Ивар молчал.

— Как вас зовут, милая нэйти! — весело прокричал, взмахнув своей бескозыркой, Тетерь — так он приветствовал Ялмара.

Ялмар кивнул ему головой и сказал:

— Я против расстрела. Хватит с Ивара выговора!

— Но ведь нарушены все революционные и вообще человеческие законы, — снова поднял свой голос Коски.

— Сервиз, сервиз, вот кто ты! — уже не в силах сдерживать себя, закричал на него Ялмар. — Сам же говорил, что у нас со второго февраля смертная казнь отменена!

Коски даже опешил. А Ивар подумал, что Ялмар рехнулся. Но тот уже взял себя в руки.

— Что ты скажешь, Айраксинен?

— Я скажу, что его следовало бы расстрелять, — тихо, словно беседуя с самим собой, сказал Айраксинен. — И это дело надо бы передать на утверждение Туркиа...

В это время впереди раздались отдаленные выстрелы.

— Ивар, ты ничего не скажешь? — спросил еще раз Ялмар.

Ивар отрицательно покачал головой.

— Тогда мы без тебя окончательно решим вопрос, а ты немедленно отправляйся с тремя товарищами вперед и разведай, что там творится.

Когда, отдав честь, Ивар пошел вперед, обгоняя по дороге красногвардейцев, Ялмар сказал:

— Это мой самый лучший разведчик.

— Знаю, — ответил Коски.

Коски был совершенно уверен в том, что Ивар не замедлит вернуться обратно, выполнив доверенное ему дело. Куда же ему деваться, — он целиком наш, и он честный человек.

Возница — тот самый, что получил от Ивара по физиономии, когда сказал, что золото всегда хорошо звенит и совсем не пахнет, — усмехаясь в свою жидкую бороденку, произнес:

— Теперь ищи его, как ветра в поле!

Коски приказал ему замолчать.

— Он вполне достойный человек, этот Ивар, и тем более необходимо расстрелять его, для того чтобы и другим не было повадно!

— Сервиз! — уже про себя прошептал Ялмар и вслух сказал: — Ладно, присоединяюсь к предложению Айраксинена. Пусть рассудит Туркиа.

— Ну, Туркиа известно как рассудит, — удовлетворенно согласился Коски, как будто он и главный прокурор рабочего правительства никогда ни в чем не расходились. Впрочем, это предположение было не лишено основания.

«Вот это и плохо, что Ивар не уйдет», — подумал Ялмар. Ему хотелось спасти Ивара.

— Айно, подойди ко мне! — крикнул, приподнявшись на локте, Айраксинен.

Мимо саней проходил женский батальон.

Впереди шла Айно. Такая высокая и плечистая в своем обычном женском платье, в этих широких шароварах и высоких своих сапогах она казалась мужчиной среднего роста.

Отделившись от строя, она подошла к саням.

— Подойди!

И она подошла к Айраксинену.

— Нагнись ко мне.

Она нагнулась над ним.

— Твои девушки отлично дрались. Молодец! — тихо, скороговоркой произнес он и, обхватив руками

ее голову, прижался губами к ее горячему лбу. — Спасибо! — так же тихо сказал он, отпуская ее.

Она выпрямилась, и яркий румянец залил ее лицо. Она была очень смущена.

— Ялмар, — сказала Айно, — я назначаю Сигрид своей заместительницей вместо Алисы Саволайнен. Утверждаешь?

— Ладно, пусть будет так!

И Айно, подпрыгивая, побежала догонять свой поредевший батальон.

Подходила часть Айраксинена. Сани, в которых лежал на носилках командир, заняли свое место во главе батальона.

Ялмар вскочил в седло и поехал вперед, к своим ротам, обгоняя обозы, женщин и артиллерию.

«Если расстреляны Симха и Рагнар, значит с ними пропало и наше золото», — подумал он и левой рукой ощупал свой пояс. В правой он держал поводья.

Пояс был на месте и немного обвисал от тяжелого золота.

«Жаль и ребят и золото», — подумал он и вспомнил, как зимней ночью в снежных окопах Симха читал боевые стихи, подымая дух утомленных красногвардейцев. О Рагнаре он не мог ничего вспомнить — слишком уж молчалив был Рагнар.

И жалко, что доктор Альвгрен, придя в деревню, уже не застал Ялмара. Он мог бы кое-что ему рассказать. Но догонять отряд не было охоты, он устал; к тому же дома лежала обессилевшая больная, и ей тоже нужна была помощь.

XIII. ИВАР ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ РАЗВЕДКИ

Ивар возвращался из разведки. Все было известно. Стреляли одиночки-белые, отбившиеся от своих частей.

На несколько часов дорога была открыта для движения.

Конечно, можно было остановиться и подождать, пока подойдет колонна, но Ялмар должен получить

нужные сведения возможно раньше. Поэтому Ивар шел навстречу колонне насколько мог быстро.

Ноги у него ныли, и по снежной грязи трудно было передвигать их. Телеграфные столбы шли медленно, и оборванная проволока проводов не гудела.

Черные весенние птицы — грачи, что ли, — бесцеремонно садились на дороге перед самым носом.

«Надо будет перед моим расстрелом, — подумал Ивар, — отдать медный кофейник Айно».

Он закрыл глаза и увидел большой медный начищенный кофейник на снегу под темной раскидистой елью. Вчера еще, отпустив немцев, на обратном пути он подобрал этот кофейник.

«Надо будет действительно передать его Айно», — решил Ивар и уверенно зашагал навстречу колонне.

XIV. ЭТОГО НЕ ЗАБЫТЬ!

Лошадь оступилась, Ялмару показалось, что он падает в какую-то бездонную черную пропасть.

Он открыл глаза. На просторном, высоком, темном весеннем небе звезд не было, они померкли в ярком до рези в глазах зеленом свете немецкой осветительной ракеты.

Сообщению Ивара он верил, — кому же в таком деле верить, как не своему лучшему разведчику?

Он открыл глаза, когда услышал резкую команду Айраксинена.

Он увидел, как старика на носилках подняли высоко на руках и он сверху бросает отрывистые и резкие слова команды; острые кончики усов угрожающе топорщатся, и в скрепленных белой ниткой очках блестят задорные огоньки.

— Весело живем! — услышал Ялмар, и снова веки его слиплись.

Этот переход: шаткие деревянные настилы мостов, жаркие, горящие у дороги деревья и избы; ночные шумы весенних, еще не начавших жить лесов, ругань красногвардейцев; высокое небо над головой, ощуще-

ние пустоты в желудке и тяжести в голове, эти часы, когда трудно было разобрать, стоишь на месте или идешь, спишь или бодрствуешь; отдаленный гул выстрелов... Все это осталось в памяти навсегда — неразделимым, смутным и неразличимым сном.

Все это: и плач ребенка, и звонкая песня весенней птицы, и грязь на дорогах, промоченные сапоги и ясное солнце, и волна щемящей красногвардейской песни, несущейся издали, — разве обо всем этом можно рассказать и разве это можно забыть!

Он крепко сидел в седле и, покачиваясь, дремал, опустив поводья.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1. ОТРЯД ВХОДИТ В ГОРОД

Измученные утомительными переходами по грязным весенним дорогам, голодные, оборванные, потрепанные в боях и окруженные ореолом победы над немецкими частями, колонны Ялмара вступили в старинный город победителями.

Слесари и токари, плотники, столяры, сапожники, чернорабочие, лесорубы, сплавщики, батраки — они входили в город по уже просыхающим дорогам. Впереди шли девушки Айно. И хотя на привале перед городом они чинили прорехи и чистили костюмы, все же не удалось им ни с лиц, ни с платьев стереть следы последних недель. Высокими голосами они подымали в весенний воздух революционную песню итальянских рабочих:

Над миром знамя наше реет.
Оно горит и ярко рдеет.

И уже не так стройно, но уверенно, перекликаясь, подхватывали эту песню шеренги роты Айраксинена. И он сам на носилках громким, надтреснутым голосом пел слова, родные еще с пятого года:

То наша кровь горит огнем,
То кровь рабочая на нем...

Ивар и Юкка, потерявшие своих друзей, шли теперь рядом, стараясь держать равнение. Они думали о великой мужской дружбе, которая сначала незаметно, но тем неразрывнее связывает людей, дерущихся рядом за

одно и то же дело. О великом товариществе, складывающемся в боях на баррикадах, в переходах через глубокие снега, в горечи отступления и радости победы. И чем больше друзей, с которыми делишь эту радость, тем больше она становится. О рассвете, увиденном вместе, о трубке, одной на двоих, о шинели, которой вместе покрываешься, об одном котелке на троих, об общей песне для всех, о небритых и обветренных лицах, о том, какие праздники вместе справляли и какие еще будем справлять, о великой солдатской дружбе думали Юкка и Ивар, жалея о том, что Рагнар и Симха не входят сегодня в город рядом с ними. Ялмар ехал впереди отряда.

Ялмар знал, что здесь теперь, после падения Хельсинки, находится Совет Народных Уполномоченных. Он думал встретиться с теми людьми, которых любил, уважал и которым так верил. Здесь, в этом городе, — так мечтал он, покачиваясь в седле, в такт шагу лошади, — здесь соберутся в боевой кулак все силы Красной гвардии, реорганизуются, здесь произойдет, наконец, долгожданный перелом в войне, отсюда будет нанесен решающий удар по врагу... Легенда о непобедимости вильгельмовских войск для красногвардейцев отряда Ялмара была развеяна. Вот почему с таким недоверием и возмущением он отнесся к тому, что услышал сразу же, едва отряд вступил в город.

Это утро и Ялмар, и Айно, и Айраксинен, и Ивар, и тысячи других красногвардейцев считали самым тяжелым утром своей жизни.

Они сначала не хотели верить слухам, разносившимся по отрядам и всему городу, о том, что правительство тайно уехало отсюда. Ивар набил морду одному буржуйчику, который рассказывал об этом с ухмылкой. Айно арестовала двух незнакомцев, открыто разговаривавших об этом, хотя один из них и показывал листовку, подписанную председателем Совета Народных Уполномоченных. А Ялмар дважды прочитал листовку и все же не поверил. Он думал: новая лахтарская провокация.

А тут еще с чердаков стали стрелять неизвестные люди.

На углу Шведской улицы этими выстрелами были убиты две женщины, стоявшие в очереди за скудным пайком.

Красногвардейцы скоро выловили стрелявших из-за угла. Это были студенты-шюцкоровцы.

Женщины, стоявшие в очереди за хлебом, вырвали их из рук красногвардейцев и учинили самосуд.

Ялмар не стал спасать шюцкоровцев.

Он спешил к причалам набережной. И только потом, когда он увидал у пристани всего один — и то неисправный — пароход «Тезей», остальных (верхушки мачт вчера еще он видел из амбразуры замка) не было, и только тогда, стоя у парапетов, он понял, что слух не был ложным, листовки не фальшивы и все это сущая правда — рабочее правительство эвакуировалось из города.

Штаб Красной гвардии отвел красногвардейцам Ялмара лучшие помещения. Это были пустовавшие теперь здания женской гимназии и шведского реального училища. В старых русских казармах сейчас жили местные красногвардейцы.

Оставив бойцов размещаться в отведенных им помещениях, Ялмар поскакал на лошади в штаб.

Штаб помещался в здании старинной, выстроенной еще при шведском владычестве крепости.

Узенькие, невысокие двери. Темные, словно в подземелье, переходы коридоров, саженной толщины стены циклопической кладки. Комнаты, похожие на большие тюремные камеры, с окнами, напоминающими амбразуры.

На площадке лестницы, тускло освещенной электрической лампочкой, приставив винтовку к ноге, стоял часовой.

Он был знаком Ялмару. И когда Ялмар поровнялся с ним, часовой отдал по-военному честь.

Черт подери, это был сам Ээро!

— Что ты здесь делаешь? — остановился Ялмар.

— Часовой при штабе.

Ялмар быстро взбегал по ступеням и теперь стоял перед Ээро, тяжело дыша.

— Меня простили, — смущаясь, говорил часовой. — Меня простили и разрешили служить в Красной гвардии рядовым красногвардейцем. Вот и служу, — и он смущенно провел ладонью по подстриженным усам.

Если бы лампочка на площадке горела ярче, Ялмар мог бы заметить, сколько седины прибавилось у Ээро за те семь недель, когда они не виделись...

Весь пол кабинета, на дверях которого белела записка: «Председатель Совета Народных Уполномоченных», — был устлан огромным мягким, ворсистым ковром.

«Какая уютная комната в таком мрачном замке!» — подумал Ялмар.

Он увидел верхушки мачт парохода, стоявшего у причала.

За широким столом, упершись в него локтями, охватив руками свою седую голову, молча сидел человек.

Ялмар сделал шаг к столу и сказал:

— Товарищ председатель...

Человек поднял голову, но его голубые глаза глядели не на Ялмара, а куда-то сквозь него, вдаль. Ялмар узнал в нем Раутио, друга Айраксинена, тоже металлиста и тоже участника Свеаборгского восстания.

— Я комендант крепости, — сказал он, — а председателя нет...

И, взглянув на его лицо, Ялмар понял, что те слухи, которые он так хотел считать ложными, не ложны.

— Значит, рабочее правительство бежало?! Тайно! Скрываясь от своих! Они снова дают козыри врагам рабочего класса. Они сами помогают сеять рознь в Красной гвардии! — почти задыхаясь от отчаянья и злости, сказал он.

— А что, по-твоему, надо было громогласно оповестить лахтарей и немцев, что рабочее правительство и несколько пароходов с ранеными бойцами Красной гвардии эвакуировались отсюда? Сделать так, чтобы им отрезали дорогу? Перехватили? Перебили? Так, по-твоему? Не слишком ли уж часто мы разбалтывали наши тайны, на радость Свинхувуду?! Или всем надо было умереть здесь, запершись в этой крепости?.. — спо-

койно отвечал Ялмару комендант, и в этом спокойствии было столько горечи, что Ялмару стало неловко за свою запальчивость.

— Нет, — ответил он, — по-моему, надо всем, кто способен носить оружие, выйти из города, навстречу врагу, не дожидаясь осады, и наступать, бить лахтарей и немцев. Мы можем их бить! — уверенно сказал он и добавил: — Мои девушки били их.

— Ты видишь путь только одного своего отряда, — сказал Раутио и встал из-за стола. Он был невысок ростом. — Ты не можешь еще оценить всей обстановки. Хельсинки в руках врага. А мы?.. Ты говоришь — ждать осады? Мы уже окружены. Те слова, какие ты говоришь сейчас мне, я сам позавчера твердил. Нет, дальнейшая вооруженная борьба здесь, в Суоми, сейчас обречена. Немецкий империализм наступает всюду. Не только здесь, но и во Франции.

Он помолчал.

— Русские товарищи сейчас сами напрягают все свои силы, чтобы отбиться от империалистов и спасти революцию. Они связаны по рукам Брестским договором.

Ялмар не знал, что ответить, а Раутио, положив руку на его плечо, продолжал:

— Надо было обеспечить отход и спасение тех, кого можно спасти. Большие отряды отходят от Териок — их нужно организовать и реорганизовать для предстоящих боев с врагами революции и на нашей территории и в России: враг-то у нас общий! И победа русской революции будет и нашей победой. В Петроград прибыло из Петрозаводска две роты наших финнов, красных бойцов. Там на севере Карелии, в Княжьей губе, формируются финские красногвардейские отряды из наших братьев, работавших на постройке Мурманской железной дороги и на лесозаготовках. Еще отходят отдельные отряды через границу в Россию. Главное сейчас — сохранить возможно больше людей для будущих боев. И, конечно, правильно сделали наши руководители, что уехали. Если бы они погибли здесь, с нами, то не много бы выиграло дело. Они обратятся ко всему мировому пролетариату.

Они организуют новую партию — такую, как большевики! Они сумеют использовать весь опыт нашей революции, и наша кровь, значит, не прольется понапрасну, а окрасит боевые знамена, под которыми трудящийся народ Суоми пойдет в новые битвы.

«Да, пожалуй, правительство действовало правильно», — подумал Ялмар.

Слова старика коменданта все больше и больше убеждали его в этом.

— Но почему же так мало здесь наших красногвардейцев? Где же остальные? Что с ними? Почему и они не отходят в Россию?..

— Дней десять назад это было еще возможно. Пути в Россию были еще открыты, — с горечью сказал старик. — Главнокомандующий отдал приказ частям центрального фронта немедленно отступать, чтобы сосредоточиться здесь и отсюда уже повести бой... Тем более, он знал, что немцы ударят с минуты на минуту по центральному фронту с тыла. И что ты думаешь? Ни командиры, ни красногвардейцы на центральном фронте не захотели отступать. На их участке дела шли отлично! И они решили не выполнять приказ. Только тогда, когда немцы с юга отрезали железнодорожные пути, они спохватились, но было уже поздно. Теперь они в мешке, около тридцати тысяч человек. Понимаешь?

— Они должны, они могут прорваться! — взволновался Ялмар. — Мы же пробились!

Раутио только покачал головой.

— Не выйдет! У них там теперь паника. Развал. Отряды разобщены. Каждый сам за себя. А дерутся они отчаянно. Там, в мешках у Лахти и Рихимяки, есть ребята и из Хельсинки, и из Котки, из Кюми, из Валинкоски... Это катастрофа!..

— Я проберусь к ним. Постараюсь организовать прорыв.

Раутио снова отрицательно покачал головой.

— Теперь уже поздно. Штаб тоже так решал сначала. Но из десяти посланцев двое, не сумев пробраться, вернулись обратно...

Старик на мгновение замолк и взглянул в глаза Ялмару.

— Остальные расстреляны немцами и белыми на железнодорожных путях.

Ялмару не надо было этого говорить, он понял и резко сказал:

— А наше правительство подписало закон о полной отмене смертной казни!

Раутио подумал: «Зато своей жизни никто из нас не щадил!» — и сказал:

— Идем, идем, надо потолковать с красногвардейцами.

И Ялмар пошел вместе с ним вниз по лестнице крепостной башни. Лестница теперь показалась Ялмару гораздо длиннее, чем полчаса назад, когда он взбегал по ней.

Перед стенами крепости, на островке, красногвардейцы расставляли орудия. И опять распоряжался неутомимый Тетерь. Увидя Ялмара, он издали помахал ему рукой.

— Как вас зовут, милая нэйти?

Ворота были отворены, и он вместе со всей массой спешивших к крепости вооруженных красногвардейцев вошел во двор.

«Тетерь не унывает, — подумал с тоской Ялмар. — Ему-то все равно: в России — Ленин, революция победила, а на Суоми ему наплевать. — И сразу же ему стало стыдно того, что он подумал. — «Хорошо «наплевать»! Все бои Тетерь прошел с нами!»

Двор крепости был уже полон вооруженными людьми. Из отряда Ялмара никого не было, и он был втайне доволен и даже горд этим — дисциплинированные люди ждут своего командира.

Митинг уже начался.

Голоса раздавались с возвышений — с лафетов, со снарядных ящиков, с походной кухни, со ступенек простой деревянной лестницы, прислоненной к стене.

Речи были и патетические и растерянные.

Некоторые ораторы потрясали оружием, но не знали, что сказать.

Они жаловались и возмущались. И до самого вечера стояли во дворе, не расходясь, красногвардейцы из разных рот, батальонов, отрядов. От многих подразделений всего-то и осталось по нескольку человек.

К вечеру, когда около трибуны — походной кухни — запылали факелы, освещавшие неверным и беглым светом лица ораторов, Раутио тихо сказал Ялмару:

— Наступает время решения.

В эту минуту, не выпуская из рук винтовки, взобрался на завинченную крышку кухни старик красногвардеец. Он сказал:

— Правительство хорошо сделало, что уехало. Но мы должны сражаться до последнего человека. Мы знаем, как обращаются с нами лахтари, и если мы их не разобьем теперь, то все же лучше погибнуть в бою, чем от истязаний и пыток. А почему нам не побить их? — спросил он громко всех собравшихся. — Разве у нас есть какой-нибудь другой выход? Другого выхода у нас нет, — сам же ответил старик красногвардеец. — Другого выхода у нас нет, значит мы должны побить и побьем их! Побьем!

Красногвардейцы приняли эту речь — надо было драться. Ивар стоял в толпе среди других и испытывал странное чувство гордости. Нашелся, наконец, человек, который сказал то, что думали другие, то, что хотел сказать он сам.

— Мы здесь стоим на славном посту! — говорил на митинге старик Раутио. — Это не арьергард великой классовой битвы, а аванпосты будущей битвы за счастье Суоми! Мы сейчас принимаем на себя удар! И чем дольше мы будем здесь задерживать лахтарей, тем больше наших товарищей сумеет спастись, перейти границу и реорганизоваться. Русские товарищи помогут им. Наша борьба общая!

Когда Ялмар пришел к своему отряду, там уже все знали, что в комитет, руководящий обороной, были избраны Раутио, Ялмар, оставленный в городе член Совета Народных Уполномоченных — старик красногвардеец Лехти и еще кое-кто.

Ялмару только осталось рассказать, что при распре-

делении обязанностей он был назначен помощником начальника обороны, а в начальники избран Раутио.

Когда через несколько дней в крепость ворвались белые, они схватили на дворе крепости Раутио, и лахтарский офицер, держа его за шиворот, грозно спросил:

— Ты кто?

— Я комендант этой крепости. Видите, наверху, на шпиле, развевается красный флаг. Это я его там укрепил, и я умру раньше, чем вы его оттуда сорвете!

Он был убит в ту же минуту.

11. РАГНАР ПРИНОСИТ ЗОЛОТО

Заседание штаба происходило в кабинете председателя. Никто не стоял у дверей на страже.

От грязи, нанесенной сапогами красногвардейцев, зеленый ворсистый ковер потускнел.

Комендант Раутио, Ялмар, старик красногвардеец, командир отряда Лехти и другие, случайно попавшие на заседание штаба люди, сегодня были во всем согласны друг с другом.

Все решения принимались единогласно.

В городе около двадцати тысяч бойцов — значит можно и нужно драться.

Город окружен лахтарскими и немецкими частями. Красные бойцы лучше всего дерутся на баррикадах, значит надо оборонять окраины, а если враг ворвется в город — достойно встретить его на улицах.

— При умелой обороне и правильно расположенной сети баррикад, при точном знании всех проходных дворов и переулков, с засевшими в городе красногвардейцами могут справиться лишь вооруженные силы противника, превосходящие по численности не меньше чем в три-четыре раза. Наступление врага должно захлебнуться здесь, в городе. Эффективная защита может продолжаться не меньше двух недель.

Все взоры обратились на Ялмара. Он уже считался специалистом по военным вопросам.

— Да, не меньше двух недель! Столько бойцов!

Боеприпасов хватает! Только нужна дисциплина! А тем временем могут подоспеть подкрепления. Части, попавшие у Лахти и Рихимяки в мешок, смогут вырваться. Ведь лахтарям и немцам придется лучшие части бросить на нас. Мы примем на себя основной удар главных сил неприятеля. А тем временем приполярная группа начнет наступление от Княжьей губы и Кандалакши в глубоком тылу лахтарей. Возможно, что драка идет еще и в других местах. Нет, не все потеряно! Да что потеряно, ведь и немецкие солдаты — люди, и уже были случаи, когда они отказывались расстреливать пленных рабочих. Если проводить твердо намеченную линию, возможна даже победа. Победа!

Всем казалось, что заседание только что началось, однако ночь кончалась: шальной петух запел на крепостном дворе, и всем стало смешно от этого неожиданного «ку-ка-ре-ку». Гулко ударила пушка.

Раздалось семь выстрелов, как боевой салют.

Надо было кончать заседание и приступать к точному осуществлению всех решений. В комнату вошел Тетерь. Лицо его сияло, как серебряные буквы на ленточке бескозырки.

Тетерь сообщил штабу обороны, что все семь трехдюймовых орудий приведены в порядок и готовы бить неприятеля перекидным и навесным огнем, не допуская его до цитадели.

Ялмар перевел слова артиллериста, и все повскакали с мест, окружили моряка, стали пожимать ему руки, похлопывать по плечу. Это был русский большевик — и за ним чувствовалась огромная Россия, сбросившая царя, небывалая, победившая революция. И вот сейчас боец Красной гвардии Финляндской рабочей республики, бывший матрос императорского флота, комендор Тетерь пожимает руки коменданту Раутио, участнику Свеаборгского восстания.

Телефонистки работали из рук вон плохо. Правда, большинство из них служили на телефонной станции всего месяца два, заменяя старых, объявивших саботаж, и Ялмару пришлось несколько раз крепко выру-

гаться, прежде чем он добился соединения с казармами, где теперь были расположены пришедшие с ним в город отряды.

Он услышал в трубке какие-то странные звуки.

— Кто? Кто у телефона?

И только через минуту ответ:

— Дежурный.

— Говорит Ялмар. Кто дежурный?

— Ивар.

— Как дела? Что в части? Отвечай подробнее! — требовал Ялмар, но Ивар, казалось, совсем не хотел разговаривать с командиром.

— Почему ты не отвечаешь? Что-нибудь случилось?

И опять приглушенный, странный голос Ивара; казалось, он с тяжелыми усилиями преодолевал сопротивление гудящих проводов.

— Я плачу!

— Почему? Что произошло?!

Опять томительное молчание.

— Подожди, Ялмар, я плачу. Симха расстрелян немцами... Сегодня это я достоверно узнал, без переводчика.

— Откуда ты узнал?

Опять молчание, и вдруг Ялмар услышал неясное всхлипывание.

— Рагнар сказал, — продолжал Ивар.

— Рагнар?! — изумился Ялмар. — Где? Когда?

— Он пришел и разыскивал тебя и народного уполномоченного по финансам.

— Мы в крепости.

— Я его туда к вам и отправил. А отряд в полном порядке. К телефону подошла Айно, хочет говорить с тобой.

— Ладно. Пусть подымет весь отряд — я через полчаса сам буду.

Не успел Ялмар положить трубку, как в комнату вошел Рагнар.

Он был в истрепанной крестьянской одежде, с плетенной из бересты сумкой за плечами. Он еще боль-

ше отощал, и в щетине на его щеках поблескивала седина.

— Посолили они тебе бороду, — сказал Ялмар и протянул руку Рагнару.

— Вот золото мое и Симхи, — ответил Рагнар и поставил на стол перед всеми тяжелую берестяную плетенку.

Ялмар не удивился. Он знал людей, которым было поручено золото, и поэтому раньше он и не сердился на то, что Рагнар и Симха пропали со своей ношей, а только огорчался. Значит, никак нельзя было ее доставить, если они не доставили по назначению. Он обернулся к народному уполномоченному, который за минуту до этого вошел в комнату. Ялмар смотрел на него с торжеством.

— Спасибо, товарищ! — сказал народный уполномоченный и обнял Рагнара.

— Ну, отлично! Сдал золото — и гора с плеч. А то, честное слово, боялся, что подведу. — И, вспомнив что-то, Рагнар обратился снова к Ялмару: — И к тебе у меня есть поручение. Доктор просил передать тебе, что Марта выжила и будет здорова — он теперь ручается за ее здоровье. Факт.

— А ты его откуда знаешь? — удивился Ялмар и сам почувствовал, как краснеет от радости.

— Это доктор достал мне одежду. Я его встретил в лесу.

— Молодец доктор! — громко сказал Ялмар и выбежал из комнаты на площадку.

Ему казалось, что вот-вот он закружится по комнате на одной ноге или запоет веселую матросскую песню, а перед всем штабом этого не стоило делать. Чтобы как-нибудь утишить обуревавшую его радость, он побежал по улице. Он бежал по уже сухим, гулким плитам тротуара, а над городом, в голубоватом небе, занималась весенняя утренняя зорька.

Было прохладно и светло.

С горки Ялмар увидел темневшие за городом зеленые хвойные леса. В городском парке еще безлистные деревья тянулись к прозрачному, розовевшему небу. Он

пошел шагом. Сердце билось в груди учащенно. Холодный утренний воздух с силой врывался в легкие.

Марта жива! Орудия Тетеря в порядке, план выработан превосходный, погода отличная... Марта жива — какое счастье!

III. РЕМОНТ „ТЕЗЕЯ“

У пристани стоял пароход «Финляндского акционерного пароходства». Его не угнали и не потопили, потому что машины были не в порядке. С самого начала германской войны дел было так много и страховка настолько обеспечена, что его не ремонтировали. Старый капитан сбежал к лахтарям и унес с собой какие-то мелкие, но необходимые в работе части машины.

Штаб решил погрузить раненых на этот пароход и эвакуировать их в Россию.

Не обошлось при этом и без споров. Кое-кто говорил, что лучше посадить на пароход здоровых красногвардейцев и отправить их в Петроград, чтобы они из Петрограда вышли на помощь Выборгу. Но так как было ясно, что слишком много народу захочет отправиться в Петроград, а другой посудины, кроме «Тезея», не было, решили этот пароход отдать раненым. Для того, чтобы «Тезей» мог отвалить от стенки, требовалось возможно быстрее отремонтировать машину и изготовить недостающие части. Ялмар отобрал из своего отряда слесарей-монтажников и токарей-металлистов. И как бы в награду за быструю и хорошую работу — так он сказал им — эта рабочая бригада получала право вместе с ранеными уехать из города.

Ялмару, кроме всего прочего, хотелось спасти жизнь еще нескольким боевым ребятам.

Черт возьми, они еще могли пригодиться для дела революции на белом свете, который сейчас клином сошелся в этом городе!

Рагнар, сдав золото, не захотел отдыхать. Он сменил свои лохмотья на только что сшитую красногвардейскую форму и русскую шинель — их теперь на городских складах было много.

Ялмар выискал в передовой цепи Рагнара и, улыбаясь, сказал ему:

— Придется тебе сменить винтовку на инструмент, к которому ты больше привык.

Он назначил этого молчаливого красногвардейца, который был отличным слесарем и в свободные часы все время что-то мастерил, начальником ремонтной бригады.

Рагнар в походе смастерил особую лыжную установку для пулемета. Но в такое время разве можно запатентовать свое изобретение!

В помощники Рагнару был дан Юкка, отлично знавший все тонкости как слесарного, так и токарного мастерства.

— Только ты не обращай меня в свою веру, — предупредил его Рагнар, — и работа пойдет отлично.

Юкка вздохнул о нечестивце и тоже с жаром принялся за работу.

Под их началом работало шесть парней, молодых и умелых.

Здесь они были как рыба в воде: машинное отделение и непрерывный огонь топок кочегарки — это не то что редкий огонь перестрелки, когда все непонятно.

Они работали, не жалея сил, и, казалось, радовались тому, что наконец-то можно поработать по-настоящему, по-человечески.

— Значит, закон о восьмичасовом дне по боку? — сказал Рагнар, и все рассмеялись.

— Для своих раненых работаем, добрые самаритяне! — подтвердил Юкка, и опять все засмеялись. Это было во время перекурки.

— Вот ханжа, — сказал один из парней, — все из священного писания сыплет!

— Ну, нет, он ведь пасторшу арестовал, без него не опознали бы.

— Что за пасторша?

Рагнар только что пришел в город и еще не успел узнать то, что знали все окружающие.

На другой день после прихода отряда в город Юкка вдруг вышел из строя, подошел к спокойно стоявшей

на тротуаре у витрины женщине с детской коляской и попросил ее предъявить докумеиты.

Женщина вытащила из сумочки бумажонку и протянула Юкка.

Он принялся укорять ее словами библии, вряд ли уступая в красноречии пророку Исайе.

— Господи, — взывал он, — как недавно эта женщина гордилась тем, что она первая жеищииа-поп! Первая удостоенная благодати! А теперь сует мие под нос бумажку о том, что она нянька!

Увидев собравшихся вокруг коляски вооруженных людей, ребенок потянулся к ним. Когда Юкка взял его на руки, женщина чуть не лишилась чувств. Но ее привели в себя и для выяснения отправили в штаб.

В детской коляске, под матрасиком, лежали ручные гранаты.

Гранаты предназначались для тайных шюцкоровцев.

— Ну, а ты бога не боишься? — спрашивали Юкка.

Он ответил:

— Когда мой брат оказался седьмым в Саари и его за это расстреливали, то поп пришел благословлять и на его поясе был маузер. Он бога не боялся!

— А мой отец был десятым — в Ярви расстреливали десятого, — сказал один из парней, и все снова, уже молча, принялись за работу.

У Рагнара были не только золотые руки: он каждый раз придумывал какую-иибудь новинку в работе — то взять другой наклон резца, то поднести деталь не с той стороны, как привыкли, и под его наблюдением все выходило быстрее, и работать было легче.

Часы работы шли незаметно, и руки уже снова стали пахнуть привычно — машинным маслом.

— А выходит так, что и работать приятно и хорошо! — сказал один из парней под конец рабочего дня, словно удивляясь себе. (Засыпали на пароходе, здесь же, в машинном отделении, просыпались, кто когда, и сиова принимались за работу.)

— Это, брат, всегда весною! Ведь посмотри, какая дружиая весна, — подтвердил другой.

Впервые они работали не на хозяина.

Один из слесарей ночью, поворачиваясь с боку на бок, проснулся и уже не сразу заснул.

Он случайно подслушал разговор Рагнара с Юкка.

Оба они сидели на табуретках и доедали свой суточный паек — по кусочку шведской королевской селедки и корке хлеба, запивая их черным кофе.

Кофе был горячий, и они говорили, медленно отхлебывая по глотку из больших жестяных кружек.

— Так ведь я это дело знаю! — словно убеждал Юкка Рагнара, — я человек цеховой. Ты такое изобрел, что и подсчитать невозможно, сколько оно труда и материала сэкономит и какую пользу народу принесет.

— Я тоже так думаю. Один ученый университетский все это подтвердил, — тихо сказал Рагнар. — Я всю жизнь об этом изобретении думаю, в голове своей все улучшаю его. Да вот нужно, чтобы все проверить, четыре тысячи семьсот марок; а я всю жизнь переходил с места на место и больше тысячи марок не удавалось накопить. Правда, один товарищ мой предлагал мне взаймы все свои сбережения, да ведь и у него не больше моего было.

— Ну, а золота хватило бы? — спросил Юкка.

— Какого золота? — удивился Рагнар и пригубил кружку.

— Ну, того, что ты в банк принес и сдал?

— Ну, того раз в сто было больше, чем надо!

Оба замолчали. Молодой слесарь повернулся на другой бок.

Слесарь уже закрыл глаза, чтобы уснуть, когда снова услышал тихий голос Рагнара:

— Знаешь, Юкка, о чем я мечтаю? Вот, когда победим, мы устроим один большой дворец, и там будут разные комнаты, ну, там мастерские, лаборатории, и будут там заведовать настоящие ученые люди. Кто захочет, придет в этот дворец со своим изобретением и предложением. И дадут ему место и материал бесплатно, и ученые ему должны будут помогать. Ну, а насчет еды — еду как-нибудь можно будет достать. Ну,

там корки кусок с селедочкой, как сейчас, — и Рагнар засмеялся. — Ведь, честное слово, будет так, Юкка!

Юкка ответил не на этот вопрос, а на другой, который был, очевидно, задан ему Рагнаром до того, как проснулся слесарь.

— А насчет того, о чем мы с тобой говорили, — сущая правда. Так и сделаем. И ребята наши, конечно, согласятся с нами. Это ведь отличные парни. И вправду, ведь мы не раненые!

Собеседники стали укладываться спать на полу около машины, и молодой слесарь заснул, так и не понимая, с чем это он должен соглашаться потому, что он отличный парень.

Когда он проснулся, Рагнар и Юкка уже хлопотали около машины. Кочегары кормили топки кардифским углем. И когда он вышел на палубу, его ослепило утреннее апрельское солнце.

Он чувствовал себя выспавшимся, и от утреннего холодка все мышцы казались ему крепче, и хотелось работать и жить, и мир вокруг и жизнь были прекрасны. Случайно подслушанный ночью разговор казался сном.

— Вот тебе и молчаливый, черта с два молчаливый! — фыркнул он, открывая кран.

Сполоснув лицо ледяной водой, он спустился в машинное отделение.

По всем обычаям должен быть обеденный перерыв. Устраивали его и работающие на «Тезее». Только перерыв был, а обеда не было. Сегодняшний паек был — сто граммов хлеба и селедка. Правда, кипятку сколько угодно.

Оставалось после обеда доделать самую мелочь. Машины были приведены в исправность и готовы к действию.

Уже на местах монтажников к работе примеривались машинисты и кочегары.

В час обеденного перерыва Рагнар созвал на корму свою бригаду.

Юкка сидел на свернутом в кольцо просмоленном канате и смотрел, как играла, переливаясь всеми цве-

тами радуги, нефть на холодной воде бухты. У противоположного берега еще был лед. Рагнар сказал:

— Товарищи! Мы с Юкка поговорили между собой и вот что решили... Мест на «Тезее» мало, не хватит даже погрузить всех раненых. Видите, сколько их!

На набережной уже разгружали подводы с ранеными. Женщины с повязками сестер милосердия переносили на носилках раненых. Они шли по трапу осторожно, боясь поскользнуться.

— А мы можем еще драться и даже прорваться из белого кольца. Ну, а если не прорвемся, то каждый возьмет с собой на тот свет несколько лахтарей: в компании веселее.

Никто не прерывал Рагнара. Когда он замолчал, слышно было, как поскрипывает трап и совсем близко ухают пушки.

«Так вот с чем должен был я соглашаться», — вспомнил ночной разговор молодой слесарь и тоже стал разглядывать радужные пятна на воде.

— Я не знаю, как решат товарищи, — встал с каната Юкка, — но если они решат неправильно, я большинству на этот раз не подчинюсь.

— А как, по-твоему, правильно? — с жадностью спросило Юкка несколько голосов.

— Что бы там ни решили, — продолжал Юкка, — я свое место уступаю раненому, а сам иду обратно в свой взвод...

IV. ГОРОХОВЫЙ СУП

Айно вышла из штаба успокоенная и довольная.

Шутка ли, она получила браунинг! Теперь было все ясно и определенно, и снова было легко жить. Она решила в плен ни немцам, ни лахтарям живой не сдаваться. Теперь маленький браунинг в кармане придавал ей спокойствие, и ее походка была еще легче, чем всегда.

Ведь если на минутку забыть, что она была начальником женского батальона, и подумать, что сегодня она провожала двадцать второй апрель в своей жизни, то можно понять, почему, даже чувствуя усталость, даже

ощущая томительную пустоту от голода, она проходила по улице так, словно после рабочего дня вышла прогуляться или шла на свидание.

Впрочем, она ни на секунду не могла забыть того, что она командир батальона и что сейчас, через четверть часа, через тридцать минут, она займет место рядом со своими боевыми подругами, рядом с этой чудесной Сигрид. Сигрид теперь заменяла Айно в батальоне, и девушки послушно выполняли все ее распоряжения.

Итак, Айно, довольная, шла к своему батальону по набережной, все время нащупывая в кармане уже потеплевший маленький браунинг.

Она прошла мимо «Тезея», занятая своими мыслями и не обращая внимания на подводы, с которых снимали раненых.

Те, которые могли сами ходить, поддерживаемые сестрами, ковыляли по трапу на пароход. Айно думала сразу о многом: о том, какие прекрасные подруги ее девушки; о том, как жалко, что Тетерь не видел, как она метко научилась стрелять; о том, что скоро можно будет уже плавать; о том, как вкусно выпить чашку горячего сладкого кофе со сливками и закусить булочкой с маслом, и чтобы у булочки хрустела корка. Еще она размышляла о том, на сколько хватит у девушек патронов, и выходило, что не позже чем завтра к вечеру нужно будет опять просить патронов. И вдруг она услышала голос Ялмара и остановилась. Ялмар стоял на набережной, окруженный слесарями и токарями. По его голосу она поняла, что он чем-то очень доволен.

— Да, мы так и решили все, — говорил молодой слесарь.

И Рагнар подтверждал:

— Да, да!

У Юкка почему-то вспотели очки, и он никак не мог их вытереть своим большим клетчатым платком.

Ялмар сказал:

— Вы люди взрослые и все понимаете сами. И если вы решили так, то идите обратно в свои части на позицию, а республика. . .

— Спасибо за разрешение, товарищ начальник! — крикнул молодой слесарь и добавил: — Только мы хотели бы быть все вместе. Как на «Тезее»!

— Ладно, — сказал Ялмар и похлопал его по плечу.

— Спасибо, товарищ начальник! — повторил Рагнар, и вся бригада, шумно переговариваясь, пошла дальше по мостовой.

— Ай да молчаливый! — восхищенно произнес вслух Ялмар и увидел Айно.

И она увидела его глаза и изумилась, что до сих пор не замечала, какие они голубые.

Это, наверное, оттого, что сейчас и небо голубое.

— Куда ты идешь? — спросил Ялмар.

— К своим девушкам, — отвечала Айно.

Ялмар пошел рядом с ней.

— Ты не пойдешь к своим девушкам — их осталось мало, и Сигрид вполне заменит тебя.

Айно удивленно молчала.

— Ты сегодня же ночью на «Тезее» уедешь в Петроград.

— Но ведь я же не раненая, — возразила Айно.

— Нам нужны и здоровые. На «Тезее» будет четыреста раненых. Мы еще будем драться. Ты поедешь, Айно!

— Я не могу покинуть своих подруг: это будет дезертирство, я не раненая, — еще настойчивее сказала Айно. — Я получила сегодня браунинг, мы...

— Это не дезертирство, — сухо сказал Ялмар, — командир тебе приказывает. — Голос его стал по-начальнически строг.

Он вырвал из блокнота листок и стал писать пропуск на «Тезей». Айно стояла, недоумевая: что же ей теперь делать, — ведь не может она бросить своих боевых подруг, не может она уйти из осажденного города в такую минуту...

Ялмар сунул ей в руку пропуск, предварительно приложив печать. Это была та самая треугольная печать, которую вырезал Рагнар.

— Вот возьми и иди сейчас же на пароход, — строго сказал Ялмар. — Люди еще будут нужны в

борьбе... Столько еще предстоит впереди, а отсюда никто не уйдет.

— Да, но ты почему сам не уходишь? Ты ведь ранен, — она показала на бинты, плотно обхватившие лоб Ялмара. — Ты ведь тоже нужен в борьбе.

— Я здесь старший начальник и должен быть при людях. Потом ты моложе меня. Потом я приказываю тебе, а мне некому приказать. Вот и все, и никаких возражений я не принимаю! — Он круто повернулся и пошел в другую сторону, к штабу.

«Да, он начальник, он должен думать обо всех, но и у меня ведь есть отряд», — размышляла Айно.

Она зажала в руке записку, но все же, хотя и медленнее, шагала по набережной к своему отряду, к фронту. Должна ли она выполнить приказ Ялмара? И Айно решила, что пароход уйдет только ночью, а до этого она успеет сходить к своему отряду, и там будет ясно, может она оставить девушек или нет.

Браунинг тогда можно будет передать Сигрид.

И вообще до вечера многое станет ясным.

Это решение ее успокоило, и она заторопилась к передовой линии.

На углу стояла очередь за продуктами. Больше всего в очереди было старых женщин. Они смотрели на Айно: некоторые — одобрительно, другие — порицающе.

Вдруг раздалось громкое шипение и глухой удар. Камни посыпались на мостовую.

В одно мгновение очередь разбежалась по подворотням.

В дом, в котором находилась лавка, ударил артиллерийский снаряд.

Айно одна осталась на мостовой.

Но через минуту очередь выстроилась в прежнем порядке, как будто никто и не разбегался, как будто и не было стрельбы. Одна старуха неодобрительно взглянула на Айно.

— Тоже! Воюют в городах! Если надо драться, дрались бы в поле или в лесу!

Слова ее не тронули Айно, она подумала о том, что в ее мешке осталась еще корка хлеба сегодняшнего пайка, и пошла еще быстрее к фронту.

Зайдя за угол, она почувствовала в воздухе сладостный аромат горячего горохового супа. Двое красногвардейцев, сгибаясь под тяжестью своей ноши, несли огромный дымящийся котел, и Айно видела, как в гороховом супе плавают нарезанные куски ветчины. Во рту у нее стало влажно.

— Куда вы несете суп? — спросила она, догнав красногвардейцев.

— Куда приказано, туда и несем, — огрызнулся один, но другой узнал Айно и ответил вежливее:

— Лахтарям.

— Шутишь!

— Нет, правда, арестованным белым, — разъяснил красногвардеец.

— Ну, товарищи, это уж слишком! — возмутилась Айно. — Несите лучше моим девушкам — уже с неделю они не едали горячего супа.

Красногвардейцы продолжали молча нести котел дымящегося супа. Винтовки мешали им.

— Честное слово, — оживилась Айно, — это недалеко, ну, метров триста...

Ей и самой очень хотелось отведать горячего вкусного супа. Это еще с детства было ее любимое блюдо, а сегодня...

— Вот мы и у места! — сказал красногвардеец, и они вошли со своей драгоценной ношей в подъезд большого дома.

Айно пошла за ними.

Гороховый суп с ветчиной лахтарям, а девушки пять дней не ели горячего... Здесь что-нибудь не так.

Может быть, попросить у этих красногвардейцев хотя бы тарелку себе?

— Видишь ли, — объяснил красногвардеец, поднимаясь по лестнице, — мы ведь не звери, и мы должны

показать всему свету, как мы обращаемся с пленными и арестантами.

— А ведь они...

— О, они — это совсем другое дело, но мы ведь так не можем.

«Пожалуй, это правильно, — подумала Айно, но вспомнила о своих голодных девушках и снова решила: — Нет, неправильно».

Часовые пропустили ее вместе с красногвардейцами на чердак, где содержались арестанты.

Весь чердак был уставлен застеленными койками.

Арестанты даже не обратили внимания на подоспевший обед.

«Сыты, черти!» — с ненавистью подумала Айно.

Нет, уж дудки! Теперь она ни за что не попросит даже и ложки этой похлебки.

Арестованные смотрели на Айно, не тая злобы и презрения.

— А ты что?! — злобно сказал один из них, седоватый благообразный человек. — Пришла полюбоваться?

Щеки Айно вспыхнули, и дыхание, казалось, остановилось. Только одно слово вырвалось из глубины ее существа:

— Лахтарь!

Что бы она сказала дальше, неизвестно, потому что дверь снова распахнулась и на чердак вошел человек в штатском, с какими-то орденами на груди, а за ним Ялмар.

— Это шведский консул, — успел шепнуть ей красногвардеец, принесший похлебку.

Шведский консул ходил по чердаку, как по своим владениям, и громко возмущался:

— Это безобразие — держать людей в таком месте, где рвутся снаряды!

— Прикажите белым и немцам или хотя бы шведской бригаде не стрелять в нас — вот арестованные и будут в полной безопасности.

— Я требую, чтобы арестованных перевели в безопасное помещение.

— Такого я не знаю во всем городе, господин консул, — вежливо сказал Ялмар.

— Ну, тогда хотя бы в подвальное помещение, — продолжал горячиться консул, и драгоценные кольца сверкали на его пальцах.

— А где были вы, господин консул, когда в Таммерфорсе расстреливали каждого седьмого? — выступила из полумрака Айно.

Губы у нее дрожали, щеки горели. Вся обида за голодных девушек вылилась в этих словах.

Консул на мгновение опешил, но решил не обращать внимания на слова этой неизвестной девушки в мужском костюме.

Ялмар спокойно сказал ему:

— Господин консул, мы сделаем, что можно!

Стекла глухих окошек, выходивших на крышу, задребезжали.

Где-то вблизи разорвался снаряд, и с такой же быстротой и неожиданностью, с какой он появился здесь, консул исчез с чердака.

Тогда Ялмар подошел вплотную к Айно и сурово спросил:

— Почему ты здесь? Что ты делаешь здесь?

И, не дожидаясь ее ответа, резко продолжал:

— Ты не выполняешь моего приказа. Хватит! — Он опустил руку на шашку. — Хватит! Довольно мы пролили лишней нашей крови из-за непослушания, из-за недисциплинированности. — Он добавил громко, чтобы слышали все: — Я тебе приказал, и ты должна быть там, где приказано. Если встречу где-нибудь в городе или на линии огня, я прикажу тебя расстрелять! Понятно?

Он повернулся к ней спиной, а она, не чувствуя под собой ног, побежала вниз по лестнице. Уже пройдя три марша, Айно услыхала сверху ласковый голос Ялмара:

— А пропуск не потеряла?

— Нет, не потеряла! — крикнула Айно и пошла еще быстрее.

Арестованные не торопясь ели гороховую похлебку. Тот, который оскорбил Айно, поблескивая золотым пенсне, громко сказал соседу, показывая на Ялмара:

— Этот начальник умеет разговаривать с девками.

И тогда Ялмар подошел к нему, посмотрел ему в глаза.

Арестованный перестал есть.

— Если бы ты не был арестованным, я дал бы тебе по морде! — тихо сказал Ялмар.

V. АЙНО ВЫПОЛНЯЕТ ПРИКАЗ

По дороге на пристань Айно забежала к подруге, у которой хранила свой чемоданчик. Она взяла с собой смену белья, женское платье (как далеко то время, когда она сняла его!) и кипу фотографий. Здесь был и весь отряд в строю, здесь были карточки командиров взводов, здесь были сняты те, кого уже нет на свете, — и все в разных позах: сидя, полулежа, во весь рост, одиночные фотографии и групповые. Вот Сигрид, Марта и Ольга прицеливаются из карабинов с колена. Когда они снимались, они еще ни разу не выстрелили. А вид был воинственный.

Быстро собирая все карточки, Айно улыбнулась, вспомнив об этом. Да, любили красногвардейцы фотографироваться. Большая пожива была от них городским фотографам. Еще не запомнив номера своей винтовки, красногвардеец снимался с ней; еще не узнав всех имен товарищей по взводу, он уже прятал в походный ранец или в бумажник снимок взвода.

Эти фотографии теперь были самым драгоценным, что у нее оставалось. И они заполнили со сменой белья всю ее небольшую сумочку.

Когда она подходила к «Тезею», с парохода по трапу на берег провели под конвоем какого-то мужчину. Он был очень бледен.

Айно предъявила пропуск часовому и спросила, что это за человек.

— Это дезертир, — ответил часовой, — он спрятался на «Тезее» и хотел бежать с фронта.

Большой четырехэтажный дом на набережной горел, очевидно подожженный зажигательными снарядами белых. Отблески пламени ложились на холодную, темную вечернюю воду. И Айно уже не казалось стран-

ным, что никто не тушит пожара и нет пожарных и суеты посторонних людей около горящего здания. Жильцы, наверно, успели уйти.

Часовой пропустил Айно на пароход. На палубе ее встретила старая знакомая — Импи.

— Ты сумела пройти сюда?! Иди ко мне, Айно, в каюту. Я тебя спрячу, никто не найдет, — ко мне ведь не входят, я здесь судомойка и подавальщица.

Они познакомились уже давно, три года назад. Вместе работали судомойками в пансионе на Иматре и подружились.

— Мне не надо прятаться, я здесь по приказу начальника, — сказала Айно, и ей снова стало очень стыдно, что она, здоровая, здесь, на пароходе, среди раненых, а не там, со своими девушками.

— Все равно идем ко мне в каюту, — потащила ее к себе старая приятельница.

Каюта была маленькая и тесная, но очень уютная.

— Здесь я живу... — тараторила подруга. — Да ты что руки опустила, слова не скажешь? Я тебя совсем не узнаю, Айно. Ну, улыбнись!

Над головой послышалось какое-то шарканье, кто-то ходил, стуча по полу сапогами и прикладом.

— Что это? — почти беззвучно спросила Айно.

— А там, — ответила Импи, — спрятавшихся дезертиров ищут. Да что ты? — удивилась она и схватила Айно за руку.

Айно вскочила с места и бросилась к двери.

— Я... я... пойду и сама скажу, что я здесь, что я дезертировала, — бормотала она.

— Нет, нет, голубушка, не выйдет, — притянула ее к себе подруга. — А ну, раздевайся, — и она стала стаскивать с Айно ее мужские шаровары, сбросила с головы фуражку. — Ну вот, ты и молодец! Ну вот, теперь ты снова милая девушка! — приговаривала она, подавая Айно юбку, блузку, косынку. — Довольно, побыла красногвардейцем, хватит.

— Нет, не довольно! — стукнула рукою по столику Айно. — Не довольно! — И сразу же ласково попросила: — Подруженька, очень прошу тебя: отдай часовому

этот браунинг и попроси передать его командиру женского взвода Сигрид. Ладно?

Когда Айно вытаскивала браунинг, из кармана упало и покатилось по полу несколько медных и серебряных монет. Импи нагнулась и подняла их.

— Да ведь это новенькие, красные деньги. «Труд народа — власть народа», — прочитала она вычеканенную надпись. — Одна марка... И ободок из колосьев... Первый раз вижу...

— Возьми на память, — сказала Айно. — И вот еще передай для Сигрид карточку, — и Айно протянула подруге фотографию Ленина.

Теперь, когда она снова была одета в женское платье, ей казалось, что она совсем разучилась его носить.

— Ты была миленьким мальчиком, но девушкой ты все же лучше, — сказала Импи. — Ну, я пойду выполнять твое поручение, а чтобы ты не убежала в город, я закрою тебя на ключ.

Поворачивая ключ в замочной скважине, она добавила:

— Лучше всего — выключи свет и спи.

Стало тихо. Потом снова ходили над головой и топали, и проходили мимо ее двери, и ругались, и снова стало тихо. И было слышно, как дрожит под ногами машина.

Айно потушила свет.

В иллюминатор видна была темная полоска холодной воды, слегка розовеющая.

— Это от пожара, — вслух сказала Айно и удивилась: голос был совсем чужой.

И тогда ей показалось, что вокруг нее открывается пустота и что больше ей жить нельзя и не к чему. Она прислушалась.

Выстрелы были редкие и далекие.

«Зачем мне теперь жить?»

Кто-то ругался. На набережной прогудел рожок автомобиля.

«Ялмар, наверно».

Теперь она уже не управляла своими мыслями. Ведь он не только думал о ее спасении, он думал о будущем.

Оиа приедет в Петроград и сразу же пойдет через границу вместе с фиискими красиогвардейскими отрядами!

Опять топали иад головой.

«Не иадо было отдавать брауииег. Жить теперь совсем ие к чему. Надо уйти с парохода к девушкам...»

Но дверь заперта иа ключ.

Ночь.

...Оиа проснулась от щелканья ключа.

В каюту вошла Импи.

— Ты спишь? Вот и прекрасио!.. А мы уже в открытом море. Завтра — Первое мая. Встретим в море.

Под ногами, содрогаясь, стучала машина, пол дрожал от ее работы, и было видио в иллюминатор, как бежала иазад чериая, холодиая вода.

Клубки, подступавшие к горлу, прорвались рыдаииями.

Айио плакала горько и долго.

VI. „ХРАБРЕЦЫ"

Перестрелка утихла. Лахтари или выдохлись, или решили перемеиить тактику боя, — во всяком случае, на этом, восточном участке обороиы города оии больше ие иаступали.

Было холодио и сыро иа улицах приморского города в эту иочь под Первое мая.

— Совсем иначе праздиовали мы Первое мая в прошлом году, — задумчиво сказал красногвардеец одного из отрядов восточного участка. — И совсем ииаче праздиовали бы в этом году, если бы у нас все руководители были такие, как русские большевики или Куусииеи и Сирола... А то Туркиа, Таииер и Токой только и думали о том, как буржуям угодить...

— Все равно, если бы ие иемцы, недолго продержались бы Свиихувуд с Маииергеймом, — отозвался третий красиогвардеец. — Им уже почти совсем крышка была, когда подоспел фон дер Гольц.

— «С помощью господа бога и солдат Вильгельма!» — кажется, так Свиихувуд говорит?

Попыхивая в ночной тьме трубками, красногвардейцы молчали.

Но если здесь, на восточном участке, наступило полное затишье, то тем ожесточеннее разгоралась схватка на западном участке.

Оттуда доносились отзвуки непрекращающейся стрельбы, и словно зарницами озарялось темное небо вспышками орудийных выстрелов.

Вернулся разведчик.

— Нигде лахтарей не обнаружил, товарищ командир, — весело отрапортовал он.

Через несколько минут явился и другой разведчик, и он доложил о том, что не удалось ему повстречаться даже с белыми разведчиками.

— Здорово, значит, мы их пугнули, — с удовлетворением произнес командир Лехти. — Теперь, поди, до завтрашнего вечера не сунутся на наш участок!

— Да, похоже на то, — сказал первый разведчик.

— А, ребятки, холодно здесь что-то, сырость до костей пробирает! — пожаловался красногвардеец, вспоминавший прошлогодний первомайский праздник.

— Особенно если сидеть без дела, — подхватил разведчик, и его словно осенило. — Знаете что, товарищи, — решительно сказал он, — я считаю это просто нечестным: в то время, когда товарищи на западном участке принимают на себя удар лахтарей, мы сидим здесь сложа руки. Нечестно!

— А они нам помогали сегодня днем? — отозвался ленивый голос из подворотни.

— Мы и без их помощи отогнали лахтарей!

— К тому же, если ввяжемся в схватку, теплее будет.

— Тогда чего ж еще рассуждать? — решительно сказал разведчик и прислушался.

Перестрелка на западном участке не утихала.

— Идемте! — и, вскинув на плечи винтовки, красногвардейцы нестройной толпой двинулись за разведчиком.

— Товарищи! — крикнул, забегая вперед и пытаясь остановить идущих, командир отряда Лехти. —

Товарищи! Мы не имеем права покидать вверенный нам участок. Остановитесь!

— А если на вверенном нам участке нет неприятеля, так и сидеть без дела? — вызывающе крикнул кто-то из толпы.

— В тебе трусость говорит, вот что! — резко сказал разведчик. — Ну да, или ты трус, или устал драться!

— Я — трус?! — вспылил командир и схватился за маузер, висевший у пояса. — Я? Трус?

— Товарищи! Вот в своих он способен стрелять, а в лахтарей не хочет.

— Даешь другого начальника! — задорно выкрикнул один красногвардеец. — Мы выбирали, мы и переизбираем!

— А штаб? — растерявшись, произнес командир.

— Мы деремся за демократию! Штаб утвердит!

— Предлагаю командиром... — и было названо имя разведчика.

— Кто за?

— Подавляющее большинство!

— Все-таки надо здесь оставить заслон, хоть небольшую охрану! Если белые снова пойдут отсюда, пусть дозорные задержат их и позовут остальных обратно, — Лехти все еще пытался удержать на месте хотя бы немногих.

Один из красногвардейцев засмеялся:

— То говорил, что до завтрашнего дня не сунутся, а теперь на попятный! Ну и командир...

— Бывший! — добавил кто-то из толпы.

— Пусть остается здесь с такими же трусами, как он сам, — предложил кто-то.

В ночной тьме трудно было разобрать, кому принадлежат голоса.

— Я обращаюсь не к трусам, а к сознательным бойцам, — сказал смененный командир Лехти, — к членам партии. Мы должны остаться на посту.

— Обращайся к центральному правлению партии. Только где его теперь сыщешь? — мрачно ответил ему кто-то из нестройно шагавшей по мостовой толпы.

И все-таки вместе с бывшим командиром десяток красногвардейцев остался на месте.

Остальные ушли на западный участок, принимавший на себя в эти часы сосредоточенные удары соединенных лахтарских и немецких частей.

Уже через полчаса они приняли участие в бою.

Неумело командуя своим отрядом, новоиспеченный командир подумал:

«А напрасно все-таки я обидел Лехти, напрасно назвал его трусом. Ну, да это его не задело. Ведь он сам знает, что мы все по-настоящему считаем его храбрецом. Только к слову в перепалке пришлось. Эх, надо будет при встрече все объяснить ему!»

Но встретиться им больше не пришлось.

Разведчики белых узнали о том, что отряд Красной гвардии ушел с восточного участка обороны.

Через час после ухода красногвардейцев многочисленные отряды белых тихо, стараясь не шуметь, обошли пост Лехти и, окружив, перекололи всех оставшихся штыками, чтобы не подымать лишней стрельбы.

Затем так же бесшумно проникли они несколькими колоннами по открытым улицам в центр города. И в ту минуту, когда атаки штурмующих отрядов белых и немцев на западном участке начали выдыхаться, в спину красным неожиданно ударили лахтари.

Стрельба шла со всех сторон, и в этой сумятице сама утренняя заря, казалось, истекает кровью.

Получив неожиданный удар в спину, красные отряды дрогнули.

Штаб, находившийся в старинной каменной крепости, оказался отрезанным от красногвардейских отрядов. Курьеры, посланные штабом, не возвращались. Белые перехватывали их и расстреливали тут же на мостовой. Каждая баррикада оборонялась и дралась только за себя.

«Дело на сегодня проиграно, — с горечью подумал Ялмар, выходя из крепости. — Что делать? Теперь главная задача — спасти сколько можно людей, сохранить для будущих боев больше жизней. Пусть уходят, прячут других, разбегаются и сами прячутся по квартирам».

Но это легко было решить и трудно сделать, когда потеряна связь.

Ялмар вытащил из штабного портфеля списки своего отряда и поднес к ним зажженную спичку. Бумага, коробясь, быстро сгорела. Он вытащил из походной сумки фотографические карточки дружинников и тоже поджег их, хотя и очень жалко было карточек.

Он вышел во двор крепости.

Комендант ее — старый красногвардеец, металлист Раутио — проверял затворы тяжелых старинных крепостных ворот и расставлял пулеметы на стене.

— Надо уходить в подполье, — сказал Ялмар, и ему почему-то вспомнилось, что Марта обещала найти его, когда выздоровеет.

— Я укреплял на флагштоке крепости это красное знамя, — с достоинством ответил комендант, — и оно будет там развеваться, пока я жив.

Несмотря на перестрелку, было слышно, как красное полотнище с шумом полощется на высоком флагштоке.

VII. СИГРИД ОСТАЕТСЯ НА ПОСТУ

— Сигрид, надо распускать девушек, — пусть каждая постарается спастись по-своему.

— А ты не предатель сейчас, Ялмар?

Сигрид стояла перед Ялмаром, стройная, тоненькая, бледная, и темные пятна под ее глазами, положенные усталостью, еще больше подчеркивали медовый цвет ее кудрей, упорно не хотевших укладываться под мужской фуражкой.

Она хотела казаться спокойной. Но Ялмар видел, что она волнуется. В правой руке она держала маленький браунинг, только что полученный в подарок от Айно. Она заметила, что Ялмар смотрит на пистолет.

— Ты знаешь, где Айно?

— Да. Она теперь в безопасности. Я ее отослал. Теперь и ты должна уйти из боя.

— Значит, война окончена? Значит, мы окончательно разбиты?

— Сегодня, здесь, мы проиграли. Надо спасти кого можно, и тогда... мы не разбиты. В других местах дерутся. В России товарищи побеждают! Они, может, сумеют прийти на подмогу. А потом, пока не уничтожены на свете рабочие...

Но он сам сейчас не мог убедить себя этими словами, и Сигрид тоже слушала их с отсутствующим видом.

— Конец? — спросила она.

Он не стал отвечать и лишь махнул рукой.

— Сигрид, распусти девушек, — пусть немедленно переоденутся в женское платье.

— Значит, конец? — и голос Сигрид зазвенел скорбной страстью. — Значит, конец, Ялмар? Значит, снова мне мыкаться? Значит, не будет рабочего царства социализма?

— Будет, — уверенно сказал Ялмар.

— Что мне с того, что когда-нибудь для кого-нибудь будет это твое рабочее царство? — она почти кричала. — На кой черт мне это сдалось, если опять меня будут гнать со всех мест оттого, что у меня незаконный ребенок, если ребенка всегда будут попрекать его матерью, если все сделают, чтобы я пошла на панель! «Будет», «будет»! — передразнила она Ялмара.

— Я тебе говорю: будет, — снова сказал Ялмар. — И ты не пойдешь на панель... — Ялмар подумал, как нелепо об этом спорить сейчас, когда дорога каждая минута.

— Эх, ты! Обо мне думаешь потому, что я твоя знакомая, а другие, незнакомые — пускай!

Сигрид душили злость и обида.

Так они стояли — высокий, широкоплечий человек и тонкая светловолосая девушка, друг против друга, на углу двух улиц. Посредине этих улиц бивуаком расположились остатки женского батальона.

«Хорошо, что хоть сестренка спасется», — подумал Ялмар.

Сестра была ранена в руку и отплыла вместе с другими вечером на «Тезее».

— Сигрид, — голос Ялмара был мягкий и теп-

лый, — Сигрид, я тебе ручаюсь — мы победим, милая, подожди немного. Совсем немного...

И, отдав честь, он круто повернулся, щелкнул каблуками и пошел по улице.

Сигрид долго смотрела ему в спину.

Девушки грели руки над дымом костров, разложенных посредине мостовой.

— Эх, хорошо бы, девочки, перед боем горячего горохового супу! — сказала одна.

— Да чтобы в нем плавали кусочки мелко-мелко нарубленной ветчины, — подхватила другая.

— И поджаренные сухарики, — добавила третья.

В котле на костре варилась похлебка из селедочных головок.

— Товарищи! .. — громко сказала Сигрид.

VIII. БАРРИКАДА У НОВОГО МОСТА

— У меня скоро не будет патронов, — весело сказал молодой слесарь, вкладывая обойму в винтовку.

— На подвоз рассчитывать не приходится, — отозвался Юкка, — береги. Зря не стреляй!

— Спасибо за совет, старина. Я тебе тоже что-нибудь хорошее посоветую, когда на том свете завтра встретимся!

Так ответил слесарь и полез на верх баррикады посмотреть, что делают немцы.

— Немцев не видно, — провозгласил он, размахивая фуражкой. — А нет, впрочем, вру: один идет.

Баррикада стояла у самого моста, который соединял центральные части города с рабочим предместьем. Обойти его было очень трудно. И хотя центр города уже с раннего утра был в руках неприятеля, баррикада бригады слесарей Рагнара все еще преграждала дорогу в предместье.

Что делается в других районах и как идет там борьба, на баррикаде не знали. И пока хватало патронов, были спокойны.

Предместье было обложено со всех сторон неприя-

телем, и трудно было и мечтать при свете дня пробиться через немецкие заслоны.

— К ночи уйдем, ребята, постараемся пройти по проходным дворам, — сказал Рагнар. — Я эти места хорошо знаю! Поблизости семья живет: жена, дочки.

— Ладно, надо будет продержаться до темноты, — поддакнул Рагнару один из металлистов.

А молодой слесарь полез на верх баррикады посмотреть, что делается у неприятеля, и теперь он видел, как, размахивая белым платком, по мосту, осторожно обходя трупы убитых солдат, шел человек в военной немецкой форме.

— Парламентер идет!..

— А ну, ребята, — скомандовал Рагнар, — высыпай все годные патроны на снег!

Он быстро опорожнил свой патронташ и затем стал набивать его пустыми гильзами расстрелянных патронов, в изобилии валявшихся на мостовой под ногами.

Он оставил патронташ открытым, и когда Юкка увидел, что патронташ кажется набитым полными боевыми патронами, он сообразил, о чем думал Рагнар, и быстро сделал то же самое.

И остальные раскидали свои патроны, набили подсумки расстрелянными гильзами.

Немецкий парламентер к этому времени подошел вплотную к баррикаде, и молодой слесарь протянул ему руку, помогая взобраться на гребень баррикады.

Основу баррикады составляли сани с поднятыми кверху оглоблями. Тюки целлюлозы. Мешки с промерзшим песком. Вывороченный булыжник мостовой. Мягкая мебель из холлов и номеров большой гостиницы.

Рагнар торжественно сидел на кожаном мягком кресле.

Немец огляделся.

Он увидел рассыпанные по земле боевые патроны, полные, тугие подсумки, и лицо его выразило удивление. Поддерживаемый молодым слесарем, осторожно переступая по беспорядочному нагромождению тюков, он спустился на мостовую.

— Чем обязан? — вежливо спросил Рагнар.

— Вы начальник? — немец говорил по-фински.

— О да, — улыбнулся Рагнар. — Вы, может быть, хотите справиться о судьбе ваших пленных? Они спрятаны в укромное и безопасное место. А что вы делаете с нашими?

— Я не уполномочен беседовать с вами о пленных, — нагло сказал немец, но он все же был удивлен. Он никак не предполагал, что в этом квартале у красных есть пленные. «Надо будет донести по начальству», — подумал он и решительно сказал: — Я уполномочен обещать вам сохранить вашу жизнь при одном условии.

— Интересно, какие условия предлагает нам фон дер Гольц? — не удержался молодой слесарь.

Рагнар быстрым взглядом заставил его замолчать.

— Если вы немедленно сдадите оружие и оставите баррикаду.

— А если мы не сделаем этого?

— Ну, тогда, — немец развел руками, — ну, тогда, — повторил он, — пеняйте на себя.

— Товарищ, — сказал Рагнар молодому слесарю, — господин парламентер перелезет обратно и без твоей помощи, а ты пойди скажи ребятам, что уже время третьей смене заступить наше место у баррикады. Вторая пусть отдыхает в полной боевой готовности, а мы уж поспим как следует.

Слесарь хотел что-то ответить, но Рагнар посмотрел на него сурово.

— Я сказал!

Молодой слесарь, попрежнему недоумевая, повернулся и пошел тихо прочь от баррикады.

Юкка и еще два красногвардейца выкатили из подворотни три пулемета «максима». Два уже со вчерашнего вечера не работали. Тогда молодой слесарь понял, зачем он послан к несуществующим сменам, и пошел быстрым, деловым шагом.

Немецкий парламентер неуклюже перебирался через баррикаду.

Как только голова в каске скрылась с другой стороны баррикады, молодой слесарь побежал обратно к товарищам.

— Вы все слышали сами, — сказал Рагнар, — что они дают нам срок на размышление полчаса.

— О чем размышлять? — отозвался Юкка. — Все ведь решено. Держаться до вечера. А там попытаемся прорваться.

Никто ничего не возразил.

— Ты что это, спать укладываешься? — изумился молодой слесарь, увидев, как один из красногвардейцев прилаживается ко сну на мягком диване, из обивки которого выпирали большие круглые пружины.

— Ну да, спать!

— В такую минуту?!

— А что? — лениво ответил красногвардеец. — Буду я волноваться или не буду, все равно немцы ультиматум свой не отменят. Это от меня не зависит. А раз так, так уж лучше я до перестрелки посплю спокойно, — и он, улегшись на диван, повернулся спиной к молодому слесарю.

— Он, пожалуй, прав, — и слесарь взглянул на Юкка. Тот, шевеля губами, что-то бормотал себе под нос.

Рагнар попрежнему сидел в кресле.

Двое красногвардейцев прилаживали пулемет в амбразуре, образованной двумя огромными тюками белой глазированной бумаги. Это было надежное прикрытие.

Так, в приготовлениях, незаметно прошло полчаса. Молодой слесарь, которому было поручено вести наблюдение за тем, что творится у неприятеля, крикнул с гребня:

— Начинается! — и сполз пониже, чтобы не стать легкой добычей вражеской пули.

Бойцы приготовились и заняли свои места.

Спящего подняли с дивана, и пружины звонко задребезжали, когда он легко соскочил со своего ложа.

— Если вы нам поднесете чашу доброго вина, — начал он скороговоркой старинное присловье бродячих певцов, — мы вам споем хорошую песню, а если вы нам не поднесете, мы споем вам такую же хорошую песню.

И, не прицелившись, наугад, выстрелил.

— Надо целиться! — проворчал Юкка.

Но молодой слесарь крикнул:

— Тише, товарищи! Не стреляйте, там что-то не то!

— А что же там? — заинтересовался Юкка и подполз к молодому слесарю.

То, что он увидел, действительно не походило на обычную атаку. На мост с той стороны вступила какая-то пестро одетая толпа. Она продвигалась медленно, как бы нехотя...

— Готов пулемет? — спросил Рагнар.

— Готов, — отозвались пулеметчики.

Юкка вглядывался.

— Это идут одни женщины, — бросил он вниз, Рагнару.

Рагнар оставил свое мягкое кресло и тоже взобрался наверх.

По мосту к баррикаде медленно приближались женщины. Шли большой нестройной толпой. У некоторых на руках были дети, и несколько детей шло рядом с матерями.

— Что за оказия? — недоумевал Юкка. — Откуда взялись эти женщины?

— Это наши женщины, — отозвался молодой слесарь. — На кой черт они вылезли из квартир?!

И тут Юкка увидел острые шишаки германских касок. Солдаты шли, таясь за спинами женщин.

Они продвигались вперед по мосту к баррикаде, остриями штыков подталкивая вперед матерей с детьми, старух, сестер милосердия.

Что было делать?

— Как же быть? — тихо сказал молодой слесарь и снял указательный палец с курка.

Никто ему не ответил, и на баррикаде стало тихо, потому что все увидели то, что первым заметил Юкка.

Казалось, слышно было, как бьются в груди взволнованные сердца, и слышен был тяжкий, плотный шаг укрывшихся за спинами женщин солдат.

И стало тихо, тихо...

Красногвардейцам было трудно взглянуть друг другу в глаза. К этому они еще не были готовы. Что же делать?

Немцы приближались к баррикаде...

Юкка поглядел на небо.

Молодой слесарь еще раз взглянул на Рагнара и удивился. Рагнар так побледнел, что лицо его казалось зеленым.

Он, уже совсем не таясь, словно забыв об опасности, высунулся над гребнем баррикады выше пояса и внимательно всматривался в идущую в первом ряду высокую женщину.

Слева и справа от женщины шли девочки. Было так тихо, что весельчаку, вставшему с дивана, стало страшно.

Будь что угодно, только бы прервалась эта изматывающая душу тишина!

Женщина тоже, наверно, узнала Рагнара, и громкий ее голос, наконец, разорвал тишину, и звенящие в прозрачном воздухе слова ее были еще страшнее, чем молчание.

— Рагнар! — кричала она. — Чего вы там молчите? Стреляйте, стреляйте! Нам все равно не жить на свете, так стреляйте, бейте лахтарей!

О, этот голос! Он переворачивал душу красногвардейцам, и сразу же молчание прервалось женскими криками, детским плачем, всхлипами, проклятиями.

Передние ряды были уже в ста шагах от баррикады.

И тогда из-за спин женщин раздался первый неприятельский выстрел; из рук красногвардейца-весельчака выпала винтовка, а левой рукой он схватился за кисть правой.

— За прикрытие! — скомандовал Рагнар и стал внимательно и сосредоточенно целиться.

А с моста неслись выкрики и попрежнему звенел в ушах, заглушая все остальные, высокий голос женщины, шедшей с двумя девочками:

— Стреляйте!

И Рагнар выстрелил. Была большая отдача, но он не заметил ее и сразу же взглянул вперед...

Женщина, назвавшая его имя, лежала на середине моста, и к ней с плачем бросились обе девочки.

— Огонь! — скомандовал тогда Рагнар, и пулемет заработал. — Огонь! Огонь! — бормотал Рагнар.

Красногвардейцы стреляли часто, не целясь, и женщины, падая на мостовую, открывали ряды немецких солдат. Из винтовок с примкнутыми штыками немцы не могли стрелять.

Юкка стрелял не глядя, отвернув голову в сторону.

Ему казалось, что он видел, как звенят, дребезжат окна трехэтажного дома, в который упирался конец баррикады.

Молодой слесарь вгонял третью обойму в магазинную коробку.

Пулемет строчил исступленно.

Немцы дрогнули, и слесарь увидел, как повернулся первый и быстро пошел обратно. Он споткнулся, натолкнувшись на труп убитого, упал и, поднявшись, бросил винтовку наземь и побежал обратно. За ним и другие — сначала робко и неуверенно, а затем быстрее.

— Улю-лю! Ату, ату, к чертям! — весело кричал вслед убегающим Юкка и вскарабкался на гребень баррикады.

— Юкка! — позвал его Рагнар, и молодой слесарь увидел, как дрожат у него губы и какой он бледный.

А Юкка было почему-то весело.

— Встретишь ее в царствии небесном: детские души идут туда вне очереди! — приплясывая, прогнусавил Юкка.

— Замолчи! Я тебя сейчас же застрелю! — крикнул ему молодой слесарь.

— Не надо, — тихо сказал слесарю Рагнар и внимательно посмотрел на Юкка. — Разве ты не видишь, что он сошел с ума!

И слесарь увидел.

Он оглянулся.

Позади горел большой дом. Рабочий дом этого города.

— Здесь все ручки и люстры — литье моей работы, я делал их, — сказал Рагнар.

В эту минуту орудийный снаряд разворотил тюки глазированной бумаги. Следующий снаряд был шрапнельный. Осколки стекол, падая, звенели и казались опаснее, чем пули.

Молодой слесарь увидел на противоположной стороне моста немецкое орудие. Немцы били прямой наводкой.

Он успел прицелиться из винтовки и увидел, как упал подносчик, уронив на мостовую снаряд.

На гребне баррикады попрежнему смеялся Юкка.

— Эх, все можно пережить, — с сокрушением сказал молодой слесарь, — все можно пережить, кроме своей собственной смерти.

— Мне кажется, — тихо сказал Рагнар, — мне кажется, что мы переживем нашу смерть.

Это были последние их слова.

Немцы били в упор шрапнелью.

IX. ШЛЮПКА В ФИНСКОМ ЗАЛИВЕ

Дальше баррикад не было.

Улица упиралась в набережную и пристани, около которых не было никаких судов.

С набережной было видно близкое синеватое море.

Тетерь сменил свое ремесло комендора на ремесло пулеметчика; патронных лент хватало, и он с гребня баррикад поливал огнем лахтарей, как только они появлялись на улице — еще за три-четыре квартала.

— Да, машина — это все-таки машина! — с уважением рабочего сказал Ганнес...

Котелок его был пробит в нескольких местах, но он сам, казалось, не изменился с того дня, когда Ивар принимал его в свой отряд, и хотя Ганнес усиленно брился каждые три дня, все же на подбородке и на щеках попрежнему пушок не уступал места долгожданной щетине.

Это была последняя, случайная баррикада, не предусмотренная никакими планами штаба. И командира не было. Каждый дрался сам за себя, а Тетерь по-фински командовать не мог.

Рядом с Иваром на баррикаде находился высокий нервный человек с глазами, совсем по-детски блестевшими на утомленном, остром лице. Он улыбался про себя и иногда высвистывал незатейливую мелодию.

Всем своим обликом он внушал Ивару симпатию. И вдруг он побледнел и, выронив винтовку, левой ладонью ухватился за локоть правой...

— Ранен? — участливо спросил Ганнес. — Скоро всем каюк!

— Не беда, — стискивая от боли зубы, сказал раненый. — Мне ничего. Вот Лидия, жена, беспокоиться будет...

Ивар спросил:

— Ты здешний?

— Третий дом по этой набережной. Она забеспокоится. Сидит дома сейчас.

Перестрелка затихала. Лахтари, опасаясь пулемета Тетеря, не показывались на улице.

Должно быть, решали взять обходом или измором.

— Пока тихо здесь, я тебе помогу дойти, — и Ивар обнял раненого за талию.

— Ты что делаешь, когда не на баррикадах?

— Я техник...

Техник. Жена Лидия. Выборг. Нет, не так часто уж случаются такие совпадения.

Он тихо, точно это он был ранен, спросил у товарища:

— Ты недавно женился?

— После революции.

— Она из Тампере?

— А ты откуда это знаешь?

Но боль, идущая от локтя по всей руке, прогнала удивление.

— Да так, так, — забормотал невнятно Ивар и еще бережнее поддерживал товарища по баррикаде. Этот человек видел Лидию совсем-совсем недавно, может быть всего несколько часов назад.

Они подошли к парадной двери. Стена дома в двух местах зияла брешью.

Высоко в пустом небе с мерным рокотом мотора кружил немецкий «Таубе».

— Здесь мы живем. Жалко жену... она очень испугается, — сказал техник.

В голосе его было столько любви к жене и беспокойства за нее, что у Ивара перехватило дыхание.

Они медленно стали подыматься по лестнице.

Ивар нажал кнопку звонка и посмотрел вниз, на ступеньки: мелкие капельки крови показывали их подъем.

Слышно было, как в квартире идут отворять дверь в прихожую. Он узнал шаги Лидии и быстро сказал:

— Еще желаю тебе счастливо прожить всю жизнь с твоей женой.

Раненый с недоумением взглянул на товарища, но Ивар уже, прыгая через две-три ступени, сбегал вниз по лестнице, держась рукой за перила.

А раненому не было времени раздумывать: уже звякала цепочка дверного запора, и нужно было приготовиться, сделать веселое лицо...

Ленту заело. Пулемет замолк.

Тетерь выругался по-фински и хотел заново приладить ленту. Но рука не поднималась.

Он почти не почувствовал боли, просто рука отказывалась действовать... Вот у них на корабле был один левша, тому все равно, какой рукой править, а он не мог. И сейчас, когда правая рука повисла, как плеть, вдоль тела, Тетерю оставалось одно: ругаться...

Он еще попытался наладить ленту левой рукой и зубами. Но ничего не вышло...

Лахтари виделись всего только за два квартала. Они строили свою контрбаррикаду.

Тетерь усмехнулся:

— У них разведка немногим лучше нашей.

И сразу вскрикнул от боли. Ганнес трогал его раненую руку. Он что-то говорил, но Тетерь не мог понять, что именно.

Ганнес обвел рукой баррикаду. Бойцов не было. Убитые лежали в самых неожиданных позах, а живые куда-то скрылись.

Ганнес теперь настойчиво тянул его за рукав. Не по словам, а по жестам Тетерь понял, что Ганнес его куда-то зовет.

Здоровою рукой он оттянул назад пулемет и стал разбирать его. Здесь нужна была помощь Ганнеса, но

он торопился, ничего не хотел слушать и тянул за рукав Тетеря. Тетерь подчинился, и они, последние живые защитники, ушли с баррикады. Позади, стуча колесами, катился по булыжнику пулемет «максим».

Тащил Ганнес, и как только он останавливался, чтобы поправить котелок, спускавшийся к бровям, Тетерь хватался за хвост пулемета здоровой рукой. На набережной они встретили Ивара.

— Нет, нет, там никого не осталось, идем с нами! — уже по-хозяйски распоряжался Ганнес, словно он принял командование на себя. — Там у меня под мостом припрятана лодка. Объясни матросу. Пока не поздно, мы еще можем уплыть из городка. Там весла и даже удочка, — бойко тараторил Ганнес.

— Молодчага!

Они все трое пошли к мосту. Это все-таки был шанс... Около того места, где еще вечером был пришвартован «Тезей», теперь стояли две телеги с выпряженными лошадьми. На них лежали раненые, привезенные слишком поздно, через час после того, как пароход отвалил от стенки.

Санитары так и оставили их на набережной, больше всего заботясь о спасении собственной жизни.

— Коля! — окликнул с телеги слабый женский голос.

— Ольга!

— Сколько мест в лодке? — спросил Ивар Ганнеса. — Четверо поместятся?

— Без пулемета — войдут!

Ивар легко подхватил с телеги на руки и понес эту тоненькую девушку.

Только вот сесть с ней в лодку было нелегко — борта уходили из-под ног.

Ганнес поддержал Ивара, и лодка перестала качаться.

На носу полулежала Ольга. На передней банке уместился Ганнес, на средней взял в руки весла Ивар, а на корме, за руль, сел комендор Балтийского флота Николай Тетерь. С непривычки тянуть рулевые канатики левой рукой было неловко, но он скоро приспособился

и даже ухитрился втащить и поставить рядом с ковшиком для вычерпывания воды свой «максим».

Лодка отвалила от набережной, прошла под мостом.

Ивар греб спокойно и методически. Мимо проходила их опустевшая баррикада.

Ганнес приложил к плечу приклад и, не целясь, выстрелил.

— Получайте последний пролетарский привет!

Через час шлюпка вышла в открытое море.

С одного прибрежного островка по ней дали несколько выстрелов. Неизвестно, кто стрелял, — красные или белые.

Город синел уже вдалеке, подергиваясь полупрозрачной дымкой.

Ивар опустил весла.

Начал грести Ганнес.

— Путь на Кронштадт! — сам себе скомандовал Тетерь.

Остальные молчали.

Вода была тихая, прозрачная и холодная. У берегов был еще ледяной припай.

И Тетерь, и Ганнес, и Ивар, и Ольга только потом узнали, кто в те дни оказал незаменимую помощь лахтарям, кто помог финским помещикам и капиталистам больше, чем Маннергейм и Свинхувуд. Иуда Троцкий. Имя его покрыто кровью замученных революционеров и трижды проклято трудовым народом. В эти дни он обманул Ленина, коммунистическую партию, русский народ. В эти дни он предал и финскую рабочую революцию.

В первоначальных условиях Брест-Литовского мирного договора ни слова не было о Суоми.

Если бы мир был подписан тогда, когда настаивал на этом Ленин, то финская Красная гвардия сумела бы справиться с лахтарями до тех пор, пока на помощь им высадился немецкий десант.

Но Троцкий пошел против Ленина, предательски отказавшись подписать мирный договор с Германией.

И поэтому после, по Брестскому миру, когда к виску молодой Советской республики был приставлен немец-

кий револьвер, пришлось, чтобы выиграть спасительное время, подписать другие, дополнительные условия. Принять ультиматум Вильгельма, который безоговорочно требовал немедленного вывода всех русских войск из Финляндии.

Неисполнение ультиматума могло поставить под угрозу самое существование еще не окрепшей Советской республики. И вот, стиснув зубы и скрепя сердце, пришлось выполнять и этот пункт договора, пункт, которого не было бы, если бы не предательство Троцкого, нарушившего директивы ЦК и товарища Ленина.

Позже Ганнес узнал, что еще тогда, когда на всех фронтах побеждала финская революция, задолго до того, как немцы высадили десант, Таннер и его единомышленники в правительстве, желая отмежеваться от революционной его части, собираясь капитулировать перед врагом, тайком от других членов Совета Народных Уполномоченных посылали депутацию к германскому командованию, на Аландские острова.

И тогда Ганнес вспомнил бесконечные часы на лодке в Финском заливе, тихие стоны Ольги, горячие слова раненого моряка, балтийца Тетеря, — и ненависть к Троцкому закипала в сердце Ганнеса и сливалась с ненавистью и презрением к предателю Таннеру.

Эта высокая ненависть к врагам помогла ему через много лет стать одним из лучших агитаторов в пулеметном батальоне имени Антикайнена в Интернациональной бригаде, принимавшей на себя тяжелые удары итальянских и немецких интервентов на подступах к революционному Мадриду.

Он стал командиром пулеметной роты на отрогах Гвадаррамы. Но сейчас он находился вместе со своими старшими товарищами в шлюпке, которую вел к Кронштадту Тетерь.

Ночь пришла, белая и прохладная.

Мелкие волны были совсем гладкие, и в свете неверной, прозрачной белой ночи они казались стеклянными.

Тетерь все время всматривался в даль.

Он все ждал, когда, словно из глади вод, возникнет золотой, сияющий, видный на десятки километров купол Кронштадтского собора.

Ольгу и его уже мучил жар, и им не хотелось есть. Однако Ганнес и Ивар испытывали голод. Пить можно было воду, вода в Финском заливе отличается от воды всех морских заливов сильной опресненностью. Правда, солоновата, невкусна, но пить можно... Еды же не было никакой.

Гребли поочередно Ганнес и Ивар.

Тем, кто не сидел на веслах, было холодно...

Лодка качнулась. Ивар открыл глаза.

Берегов не было видно. На горизонте алела полоска зари.

Он взялся за весла.

Ганнес спал сидя, уронив голову на грудь и вздрагивая. Стертые его ладони были обмотаны платками. Ольга в жару говорила какие-то непонятные слова о Сигрид и Айно.

Воспаленными глазами Тетерь смотрел на Ивара.

— Я нарочно качнул лодку, чтобы ты проснулся.

Ивар взялся за весла. Все рябинки явственно проступали теперь на бледном лице моряка.

Днем на веслах снова сидел Ганнес.

А Ивар в полубреду несколько раз видел, как из воды высовывается лицо красногвардейца, того самого, который тогда соскользнул с льдины в холодное озеро...

Через три дня в десяти километрах от Кронштадта шлюпка была замечена дежурным катером.

Люди в шлюпке, за исключением Тетеря, были уже в беспамятстве.

— Принимай пулемет! — крикнул он своим товарищам балтийцам.

Их доставили в Кронштадт. Там обогрели, накормили, выходили и отправили дальше — в Петроград.

Над городом встало ясное первомайское солнце. Было тепло, и Ялмар с Ярви шли в тужурках нараспашку.

Они шли рядом по тротуару пустынной улицы, и казалось немного странным, что люди снова ходят по тротуарам. Давно ходили только по мостовой, особенно вооруженные.

Ярви говорил, а Ялмар слушал его рассказ, плотно сжав губы. Ярви он знал мало, но чувствовал, что это свой человек.

Слушая Ярви, Ялмар жалел о том, что не распорядился еще позавчера сровнять с землей братские могилы красногвардейцев. А то, когда придут белые... Известно, как они оскорбляют прах убитых...

Совсем недавно, перед революцией, Ярви получил ученую магистерскую степень в Хельсинкском университете за свой труд по тюркскому и персидскому современному фольклору. В этом труде, для которого он совершил несколько экспедиций в русский и персидский Азербайджан, он пытался проследить, как старинные сказочные и песенные мотивы деформировались в двадцатом веке в устах народных сказителей — ашугов.

Во время одной из экспедиций, в конце 1915 года, он, молодой еще тогда член финляндской социал-демократической партии, был арестован русскими жандармами по обвинению в революционной пропаганде и брошен в общую камеру Баиловской тюрьмы в Баку.

Там ему пришлось сразу же окунуться в самую гущу партийных споров — в камере были меньшевики самых различных толков, эсеры и большевики.

Там, в камере, впервые он услышал имя Ленина.

Впрочем, за отсутствием улик Ярви скоро освободили. Последние месяцы шестнадцатого года он работал над собранными материалами в библиотеке Британского королевского общества, и уже к началу февральской революции — в Хельсинки на финском и в Лондоне на английском языке — появилось его исследование о восточном фольклоре.

В это время в Германии добровольцем в финском двадцать седьмом батальоне служил старший брат Ярви.

Когда началась рабочая революция, Ярви несколько дней работал у народного уполномоченного по иностранным делам, товарища Сирола.

Он перевел на знакомые ему европейские языки (а знал он, кроме восточных, пять европейских) ноту, в которой сообщалось об организации рабочего революционного правительства, и с этой нотой объездил всех генеральных консулов в Хельсинки, которые в те дни волею событий стали послами. Разумеется, почти все консулы предпочли бы, если бы представилась возможность, в те дни находиться не в Хельсинки, а в Вазе.

Через несколько дней, когда у уполномоченного по иностранным делам стало почти нечего делать, Ярви перешел работать к народному уполномоченному по просвещению.

С тех пор, хотя на всех фронтах и в тылу шла вооруженная борьба, он, как и многие другие партийные работники, ушел с головой в законодательные проекты, школьные программы, формы аттестатов и другие дела.

Он не спал ночами, трудясь над проектами, согласовывая их и критикуя.

Теперь все эти папки с делами горели в одном из правительственных зданий, и сам он видел, как разлетался по ветру черный пепел обгоревшей бумаги.

Правда, он не только сидел у себя в кабинете, забывая даже о той скудной еде, какую он мог получить по пайку, — он еще ездил по ближайшим районам в школы, где учителя объявили забастовку и распустили учащуюся детвору по домам.

Но только в трех школах из одиннадцати, в которых он побывал, после его отъезда началось подобие нормальной учебной жизни. В других почти все старые учителя продолжали упорствовать в саботаже, а немногие революционные учителя записались в Красную

гвардию или ушли работать в местные революционные управления.

И вот сейчас Ярви вместе с Ялмаром шел по тротуару, рассказывая спутнику о том, что он видел всего полчаса назад.

Встретились они совершенно случайно на перекрестке двух улиц.

Улицы эти были пустынны, хотя в обычное время им полагалось быть полными народом, спешащим на работу...

— Я все видел из окна квартиры моих родителей, — рассказывал Ярви. — Девушки бросили карабины на землю и подняли руки.

К ним подходили немецкие солдаты вперемежку с лахтарями.

Обыскивали. Ощупывали.

Смеялись...

У Ярви прерывалось дыхание, хотя и шли они медленно.

— Понимаешь? Понимаешь? — все время переспрашивал он, и Ялмар угрюмо кивал головою.

— Белые тогда перестали бояться и всей толпой приблизились к девушкам.

Он закрыл на мгновение глаза и снова увидел растерянных и бледных от волнения девушек, стоявших шеренгой, прислонившись спинами вплотную к высокой и щербатой стене пятиэтажного дома из розового песчаника.

Некоторые угрюмо, исподлобья, наблюдали за победителями. Другие, не подымая глаз, глядели себе под ноги. У начальницы была сбита с головы фуражка, и непокорные золотистые кудри рассыпались по плечам.

— Тогда немецкий офицер подошел к ней, — продолжал Ярви. — Боже мой, ведь я все это слышал (стекла окон были разбиты еще вечером шальной пулей), и мать моя все это видела и слышала. Бедная мама! Понимаешь?

И Ялмар кивнул головой в такт шагу, хотя он и не понимал, почему Ярви так жалеет свою мать.

— Немецкий офицер подошел к командиру девушек и начал ее обыскивать. О, он был предупредительно вежлив! «Нельзя, — сказал он, — чтобы такой красавице, как вы, кто-ибудь причинил боль и обиду. Вас будет обыскивать сам офицер германского генерального штаба армии его императорского величества».

Ярви снова закрыл глаза, и снова перед иим встала картина, как, услышав имя его императорского величества, двое военных с нашивками отдали честь; и еще он видел, как выпрямился офицер, быстрыми руками кое-как обшарив девушку.

Ои стал перед нею во весь свой рост и, подняв руку, погладил Сигрид по ее кудрям. Он потрепал девушку рукою по щеке (и щека эта вспыхнула), а затем с легкой усмешкой взял ее за подбородок. И этот жест решил все.

— И тогда, понимаешь, понимаешь, оиа быстрым, ловким движением выхватила маленький черный браунинг и в упор выстрелила в офицера. Потом выстрелила еще два раза. Понимаешь, кажется, ие попала ни в кого, и четвертый — себе прямо в глаз. А эти белые олухи стояли, точно остолбенев. Остолбенев... — повторил он, задыхаясь. — А потом, когда она уже лежала иа земле, они бросились к телу и начали топтать сапогами...

Он замолчал.

— А девушки? — спросил, иаконец, Ялмар.

— Девушки заплакали, закричали, иекоторые упали прямо иа мостовую и кричали что-то, ио финский лахтарский командир стал их ругать последиими словами и даже застрелил на месте одну. Ну, я дальше не мог смотреть, выскочил из квартиры черным ходом и проходными дворами вышел на другую улицу. Тут ты мне попался навстречу. Бедная мама! — еще раз повторил Ярви.

— Это почему? — спросил Ялмар и не узнал своего голоса: ои был глуховат и как бы надтресиут.

— Оиа видела, как этот егерский офицер убил девушку.

Перед глазами Ярви все время ясио вырисовывалась белая повязка на рукаве этого егеря и на белой повязке

остроконечная зеленая елочка — отличительный знак отборного северного егерского батальона.

— Что ж, девушка — ваша родственница? — спросил Ялмар.

— Нет, — глухо ответил Ярви и, уже пройдя молча несколько шагов, повторил: — Нет, чужая. Егерь, который стрелял, — мой брат.

Ялмар увидал: впереди, квартала за три, поперек улицы стояла цепь. Это были белые или немцы.

Он быстро шмыгнул в подворотню большого барского дома. Хозяин дома бежал, а кочегар центрального отопления — старый знакомец Ялмара — вчера еще объяснял ему, как лучше всего забраться в этот подвал и поджидать там несколько дней прихода красных подкреплений, если белые вернутся в город.

— Я знаю место здесь, чтобы укрыться пока. Идем со мной!

Но Ярви, к удивлению Ялмара, наотрез отказался.

— Я и не подумаю скрываться, — резко сказал он. — Я иду к ним навстречу. Я потребую свидания с их главным командиром. Мне даже совестно было бы прятаться, словно я совершил что-нибудь плохое и постыдное.

Ялмар смотрел на него с удивлением.

— Все, что я делал, я делал для блага моего родного народа, и я за каждый шаг свой готов отвечать полностью на суде! И на суде я докажу правильность работы народного уполномоченного по просвещению.

— А им на это наплевать, ручаюсь.

— Вот на суде я с ними и поговорю, и тогда международное общественное мнение поймет, кто прав. А я все силы и способности свои отдавал народу и за каждый шаг отвечу. Если бы я скрывался, все бы подумали, что я виноват.

— Так ведь они судить тебя не будут, — уже вдогонку Ярви бросил Ялмар.

Но Ярви шел вперед, не слыша или не желая слушать того, что сказал ему Ялмар.

Цепь неприятельских солдат медленно приближалась к нему. Шел повальный обыск всех домов...

Кочегар объяснил все очень точно, как рабочий, привыкший к чертежам, и поэтому Ялмар легко нашел лазейку в кочегарку и, пройдя туда совершенно незамеченным, отворил дверцу, растянулся в самой топке и сразу же заснул.

XI. ЗНАНИЕ ПЕРСИДСКОЙ ПОЭЗИИ

Нескольких галет и плитки шоколада хватило ненадолго. Ялмар пролежал в топке всего лишь три дня.

Голодный, с щетиной на щеках, запачканный сажей, на четвертый день он выбрался из своего убежища и вышел на улицу.

Его опьянил чистый весенний воздух. Сначала глаза резал яркий дневной свет. Солнце стояло уже высоко. Оно отражалось в блеске никелированных труб проходившего по улице немецкого военного оркестра...

Впереди шел капельмейстер. Трубачи надувались, выводили «Wacht am Rhein» [1].

Хорошо одетые дамы (откуда они появились?), держа за руку так же хорошо одетых детей, любовались выправкой солдат-«освободителей». Те шли, высоко поднимая ноги, не сгибая их в коленях, печатая свой знаменитый гусиный шаг...

На углу торговал вновь открытый гастрономический магазин. На этом углу к Ялмару подошел егерь. У него на руке была белая повязка с зелененькой елочкой.

— Предъявить документы! — строго потребовал он у Ялмара.

Документов у Ялмара не было. Он был тут же арестован.

— Таких надо на месте расстреливать, распиливать даже! — крикнула ему вслед какая-то изящная дама.

Он оглянулся, чтобы посмотреть на нее. Но его подтолкнул шюцкоровец:

— Иди, иди!

Ялмара привели в концентрационный лагерь.

Тридцать один час он стоял вместе с другими, почти

---

[1] «Стража на Рейне» — песня немецких националистов.

вплотную, в подвале старой русской казармы, и холодная вода немного не доходила до колен.

Четверо пленников уселись в эту воду.

В дальнем темном углу кто-то распевал хриплым голосом псалмы... Прошли день и ночь, и к концу второго дня Ялмара вывели на свет. Ему дали ломтик хлеба и миску ржавой похлебки. Потом его повели в канцелярию, спросили имя и фамилию и чем занимался последние три месяца.

Итти было трудно, и говорить тоже было не легко.

Ноги казались чурбанами... В голове же звенело, было легко и пусто...

То, что он прямо объявил себя красногвардейцем, вселило в допрашивавшего его чиновника доверие к нему, и тот легко поверил в названные Ялмаром имя и фамилию.

Так как названным Ялмаром именем не подписывались приказы и оно не числилось ни в списках правления социал-демократической партии, ни в сеймовой фракции, ни в списках командиров Красной гвардии, то следствие о нем не стали выделять и его поместили в общей камере. Здесь не было ни нар, ни скамеек. Спали на полу. Помещение было переполнено. Нужно было быть очень осторожным, чтобы не отдавить руки или ноги спящего товарища. На двух случайно оставленных табуретах сидели по очереди.

Стекла в окнах были разбиты.

На следующий день выдали такую же порцию еды. Еще через день Ялмар увидел Ярви в халате санитара, но не решился к нему подойти. Во-первых, за что ему такое облегчение судьбы? Не изменил ли? А потом — вдруг Ярви назовет его настоящим именем!

Ярви почти двое суток стоял в подвале с водой, и под конец стал громко кричать и требовать начальство. Когда после двух часов безрезультатных требований в подвал случайно явился начальник лагеря, несущий охрану шюцкоровец указал ему на Ярви:

— Этот скандалит...

Начальник подошел и, развернувшись, ударил Ярви по уху, а потом спросил:

— Тебе чего?

— Я требую, чтобы меня немедленно судили, и если я преступник, пусть расстреляют меня здесь же... Если нет, пускай сейчас же выпустят!

— Вот как? — рассмеялся начальник.

— Моя фамилия Ярви... Вы обязаны доложить о моем требовании по начальству.

Когда Ярви назвал себя, начальник смутился и спросил:

— Вы ориенталист?

— Да. Но это к делу не относится...

— Извините меня, но относится... — и начальник уже совсем вежливо, как будто не он ударил сейчас Ярви, заговорил с ним по-немецки. Он, видимо, не хотел, чтобы все слушали его слова.

Но Ярви нарочно отвечал ему по-фински.

Ярви в тот день от расправы спасло лишь случайное, вернее — даже необычайное стечение обстоятельств.

Шведский архиепископ, друг писателя Стриндберга и сам ученый ориенталист, был либералом. Ему нравились изыскания Ярви и особенно новые записи фольклора, сделанные под Баку, которые он прочитал в английских изданиях. Но кое-что в статьях Ярви он считал неверным и хотел лично с ним поспорить и доказать его неправоту. А заодно высказать и кое-какие свои домыслы.

Этот архиепископ благословлял знамена шведской бригады, отправлявшейся в Финляндию подавлять «анархию». После благословения архиепископ полушутливо сказал командиру шведской бригады:

— Мне передавали, что мой приятель магистр Ярви очутился в одном стане с красными. Если это так, то вы его не убивайте, представьте живым... Мы с ним еще должны поспорить и наверняка договоримся.

Командир бригады рассказал об этом генеральному шведскому консулу, к тому времени ставшему посланником. Тот был человек верующий и захотел выполнить волю его преосвященства.

Вот почему начальник концентрационного лагеря сейчас вежливо разговаривал с Ярви. Он предупреди-

тельно сказал, что если Ярви действительно тот, за кого он себя выдает, то вопрос о его освобождении — дело двух-трех часов...

То, что произошло дальше, удивило начальника концентрационного лагеря.

Он не без основания полагал, что первым и единственным желанием каждого попавшего в его распоряжение человека будет желание во что бы то ни стало вырваться отсюда.

Ярви на это смотрел иначе. Он сказал:

— Если меня освобождают только потому, что я магистр филологии, то я не уйду отсюда. Я не могу покинуть товарищей, страдающих за те же поступки, за которые вы меня бросили сюда. Я не уйду из лагеря без них.

— А это мы посмотрим! — разозлился начальник и ушел.

Через час всех вывели из подвала вместе с Ярви и начали составлять список арестованных.

Ярви не хотел уходить от товарищей. Он требовал освобождения по суду. Он требовал скорого суда... А так как чрезвычайные суды не начинали действовать (еще многих надо было сначала расстрелять, до судебной процедуры), то он остался в лагере.

Должность санитара, дававшую ряд льгот, в первую очередь относительную свободу передвижения в пределах лагеря, он принял только потому, что думал этим принести пользу заключенным и больше увидеть и запомнить.

А потом — это все-таки была какая-то работа...

Но Ялмар всего этого не знал.

Через день Ярви подошел к нему и шепнул, чтобы никто не заметил:

— Твой брат Илмари жив... просили сказать об этом...

Значит, на воле еще были товарищи!

Ялмару стало легче жить в этой переполненной арестованными, зловонной комнате.

— Можешь мне поверить, — сказал он одному красногвардейцу, утверждавшему, что Ярви шюцкоровский агент-шпион, — можешь мне поверить, что ты не прав!

XII. ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА БРАТЬЕВ

Итак, Илмарн был еще жив.

Ои был так израиеи, когда попал в плен, что лахтари согласнлись отдать его на излечеиие матери. Тому, кто давал это разрешеиие, было прекрасно нзвестио, что уже иикакие заботы, даже материнские, не смогут помочь больиому.

Когда Ялмару рассказалн в концлагере, что брата отдали матерн, он сразу же поиял, что Илмари приговорен врачамн к смертн. И все же в тайниках его души жила иадежда, что брат выживет. А то что же будет с матерью?

В том, что его расстреляют, он ие сомиевался. Уже одио дело об убитом офицере-«парламентере» было достаточиым осиоваиием для приговора.

Поезд шел медленио.

Колеса громко стучалн на всех стыках, тюремный вагон раскачивало нз стороиы в сторону. Стекла в окне ие было, и между железиыми прутьями решетки прорывался с волн холодный воздух. Ялмар должен был проезжать мимо своего родного города. И товарищи предупредилн мать.

Оиа, иаверное, будет ждать его иа перроне и постарается просуиуть через решетку хлеб или немного масла.

Нн к чему это, и без того у иее теперь на руках Илмари, а стиркою миого ие заработаешь.

И все-таки, когда ои думал о краюхе хлеба, под ложечкой иачииало сосать.

Ои был иебрит, очеиь отощал и поэтому казался еще выше, чем обычио. Шея его стала тоиьше. В ворот рубашки, казалось, могли пройти две такие шеи.

Ои старался сидеть на скамейке, не двигаясь, потому что иожные каидалы стирали кожу у щиколотки.

Наручники были легче, и Ялмар к иим почти привык.

Колеса пели свою одиообразную песню.

Холодный ветер врывался в решетчатое окно, вагон раскачивало, и мимо бежали голубые озера, перелески, вставали у самого полотна отвесные слоистые скалы.

Ялмар изредка бросал взгляд на бегущие мимо окон сосны, на скалистые уступы, но словно не видел их — он думал свою думу. Эта дума отнимала у него почти все время и заставляла забывать непрестанный голод.

«Неужели же мы должны были проиграть революцию? — думал он. — Неужели неизбежны были эти жертвы — расстрелянные девушки, гибель наших товарищей от голода и тифа? И, может быть, Коски был прав — не надо было браться за оружие, а сначала выторговывать права в сейме?»

Но тут же он сам себе возражал:

«Сейм дал все то, что мог дать, и вот ничего не осталось. Тогда в чем же дело? Почему русские рабочие у себя победили, а у нас взяли верх лахтари и я сейчас еду в арестантском вагоне в кандалах?»

И мысли его уходили к ноябрьской забастовке:

«Нельзя было так кончать ее... Вот лошадей с ипподрома хозяева перевели на север, к лахтарям. Интересно, кого теперь носит Араб? Отличная лошадь... Нельзя было ждать, пока они начнут, надо было самим наступать всюду. А потом — вожди, они все сидели над разными законами. Они выдумывали конституцию, а надо было завоевывать ее. Заинтересовались они фронтом, когда было уже поздно. Потом... напрасно так боялись немцев! Потом... Тетерь правильно говорил о ячейках в армии... Интересно, где сейчас Тетерь? И я тоже уж очень мягко относился к захваченным лахтарям.

Вот ни один консул не пришел поинтересоваться, как нас кормят. Да... А ведь обо всем этом говорил товарищ, посланный Лениным к нам еще в ноябре, и как он был прав! Да, он говорил: смелость, смелость и смелость! Надо было тогда действовать, как советовал он. О, тогда мы разбили бы лахтарей сразу же, они не успели бы и позвать немцев. Он говорил, что если вам понадобится наша помощь, мы дадим вам ее, братски протягивая вам руку. А тогда ведь русских войск было

в Суоми не мало. И наше руководство не только отказалось от этой помощи, но и прекратило забастовку... Как же!»

И тут, не в силах сдерживать обуревавшие его чувства, Ялмар встал, и сразу же тяжелые кандалы напомнили ему, что он арестант и, наверное, смертник. Конвоир сочувственно посмотрел на него.

— Сиди спокойно, не к чему язвы растравлять.

— Как же его фамилия? — вслух подумал Ялмар.

А колеса все выводили свою незатейливую, однообразную, успокаивающую музыку.

«Что же мы теперь должны делать?»

Поезд замедлил ход.

Слышно было, как шипят тормоза.

Родной город Ялмара...

Поезд проходил по предместью, и Ялмар не узнавал его. Вместо целых кварталов домов остались одни печи и плиты с высоко поднятыми к небу дымоходами.

Вот и то место, где должен стоять дом, знакомый ему с детства. Дома не было.

Ялмар откинулся назад, к спинке скамьи, и снова кандалы на его ногах зазвенели.

К окнам вагона плавно подкатывал перрон.

Ялмар шагнул к окну и замер, отыскивая глазами среди народа, столпившегося на перроне, мать.

Где же она? А может быть, ей нельзя уйти от Илмари?

Какая-то молоденькая девушка нежно прощалась с пожилым человеком, усаживавшим ее в вагон...

Звякнул второй станционный звонок, и тогда Ялмар вдруг увидал мать.

Она стояла в глубине перрона, рядом с какими-то носилками, стояла еще более сутулая, чем раньше, но такая же родная и любимая, как всегда. Она не двигалась с места, отыскивая глазами окно, где могло появиться лицо ее сына.

Глаза их встретились, и она горестно и ласково улыбнулась ему...

Он держал руки опущенными. Зачем было показывать матери наручники...

Мать глазами указала Ялмару на носилки...

Ялмар вгляделся... Неужели же на носилках лежал Илмари? О, он все понял! Конечно, это Илмари потребовал, чтобы его принесли сюда, — хотя бы на носилках, он хотел проститься с братом, чья жизнь была куском его собственной жизни.

Ялмар прильнул к окну, стараясь навсегда запечатлеть в душе облик брата.

Илмари был чисто выбрит, и тонкие, прозрачные руки его лежали поверх одеяла.

Раздался третий звонок.

Илмари не видел брата. Его голова была откинута и погружена в подушку, он смотрел на небо. И тогда Ялмар громко крикнул:

— Илмари!

Человек на носилках пошевелился.

И видно было со стороны, как ему трудно приподнять голову.

Свисток обер-кондуктора слился с гудком паровоза.

Глаза братьев встретились.

Ялмар поднял над головой руки, чтобы приветствовать брата, и наручники его забренчали.

Вагон тронулся с места. Илмари обессиленно уронил голову обратно в подушки...

— Илмари, Илмари, Илмари... — шептал Ялмар имя своего любимого брата.

Взор его упал на уходившее здание станционного буфета — здесь в ноябре они спорили с Илмари. И сразу вспыхнуло в памяти имя:

«Сталин!»

XIII. ДНЕВНИК ЯРВИ

После того как Ярви отказался покинуть концентрационный лагерь (сколько таких лагерей было в стране!), ему разрешили получать с воли специальные книги. Это была научная литература, главным образом на английском языке.

Сестра приносила книги, они были напечатаны большими буквами, на пухлой бумаге, в синих и красных коленкоровых переплетах, украшенных тисненой

золотой вязью. В каждой книге была пустая, чистая страничка перед титульной, и после иее обычно перед текстом тоже шла пустая страиичка, изредка сверху украшеииая посвящением или эпиграфом.

Другой чистой бумаги во всем лагере ие было, и иа этих листках тонким, мягким карандашом, быстрым почерком, вел свои ежедневные записи Ярви — иа фарсидском языке.

Он старался быть возможно точным, да и места было очень мало, так что сжатость записей была необходима.

Вот отрывки из записей Ярви:

«. . .м а я. Сегодня увели сорок три человека... Расстреливали из пулемета за оградой. Оии что-то кричали, не расслышал, что.

. . .м а я. Старики и дети лучше переиосят голод, чем среднего возраста, сильиые люди. Один долго лежал иа дворе, раскрывал и закрывал рот, как рыба, выброшеиная иа сушу. По двору ходил, держа подмышкой требник, пастор... Я обратился к иему — он пожал плечами и пошел, ие обратив виимаиия.

. . .м а я. Начался сыпной тиф. Вши. Приходили дамы из общества, смотрели заключенных. Отыскивали среди иих своих обидчиков... С одной я таицевал иа университетском балу год назад... Прошла, шурша платьем из иемецкой вискозы, делая вид, что не замечает меия. В эту мииуту я нес иа носилках тифозиого. Если бы я знал, что такое лахтари! Ну, теперь-то, когда снова начнется, я буду знать, как действовать.

. . .м а я. Солице. Жарко. Все можио понять. Нет, не простить, а понять... Но этого ие поймешь, этого не простишь... Оии заставляют плеиных драться друг с другом. Делаться зверьми. Кормят соленой салакой. В расположении лагеря одиииадцать действующих кранов, а оии открыли только один. Краи открыт шесть часов. Выстраиваются очереди за каплей воды... Несколько тысяч человек, все ие успевают получить воды... Ругань. Драка за место в очереди... Возбуждают злость друг к другу, недоверие к товарищам. Разрушают дружбу плеиных. Хотят превратить в животиых. Ялмар сказал: «Этого мы им никогда не про-

стим!..» Не мог спать всю ночь. Кажется, плакал... Единственное, что спасает меня, — это книги... Передает сестра. Оказывается, я помню наизусть 113 рубай Хайяма...

Кто забудет или простит им эту жаждущую воды очередь у крана — недостоин называться человеком...

...м а я. Старик все-таки умер от тифа... Мальчика я нес на носилках в приемный покой... Сегодня увели на расстрел и высокую женщину — доктора. Я сказал об этом лагерному врачу. Он пожал плечами.

...м а я. Над лагерем треугольниками пролетают птицы с юга. На деревьях набухли клейкие почки. У ворот была свалена груда тел умерших от тифа и голода. Приехала телега. Гнедую лошадь поставили рядом с трупами, и возница побежал отыскивать санитаров, чтобы нагружать телами телегу. Когда мы пришли, возница вдруг побледнел. Всплеснул руками: «Господи, что с лошадью!»

Она стала совсем серой. Это вши переползли на нее с трупов...

Это сущая правда, лошадь вся стала серой от насекомых.

...и ю н я. Пришел мальчик и сказал: «Вы приговорили отца к расстрелу, а у нас большая семья. Расстреляйте лучше меня по списку. У меня та же фамилия... А отца выпустите...»

Они расстреляли и отца и сына.

Ялмар сказал мне, что этот парнишка просился в Красную гвардию, но его не приняли. При этом он вспомнил какого-то Ганнеса.

... и ю н я. «Суд» работает все время. Теперь несколько стало легче — боятся перестрелять всех рабочих.

А то кто же даст им прибавочную стоимость?

Как мы были легковерны и добродушны! «Все чудеса, какие только может совершить умирающая свобода, были проявлены во время этой осады. Чтобы спастись, Флоренции недоставало лишь одного: террора» (Стендаль, «История живописи в Италии»).

... и ю н я. Приходили и вчера опознаватели. Один, седоватый благообразный бюргер, вдруг остановился

около Ялмара... подскочил и дал ему изо всей силы пощечину.

«Я тебя узнал, — заверещал он: — ты грозился ударить меня по физиономии, заступался за свою девку!»

«Я жалею, что не расстрелял тебя»,—отвечал Ялмар.

Тогда начальник лагеря внимательно посмотрел на Ялмара и сказал:

«О, у меня с ним тоже старые счеты... Ты меня помнишь?»

«Ты агроном. Я тебя арестовал, но Коски тебя выпустил в ноябре, после того как ты дал подписку, что не подымешь руки против революции. Он здесь, можешь его отблагодарить».

«Мы тебя отправим на место твоих преступлений. Пусть судят тебя там!..»

Завтра утром отправляют из лагеря.

Книги — мое спасение... Хлеб — пятьдесят граммов в день, и один день в неделю — бесхлебный...

... и ю л я. Опять мне снятся очереди у крана. Однорукий Коски действительно здесь. У него выросла борода, и он стал тощим, совсем прозрачным. Больному старику Кархонену дали лопату и велели копать отхожий ровик, но он сказал, что у него нет сил, и тогда надсмотрщик несколько раз ударил его кнутом. Один раз даже стегнул по лицу. Осталась красная полоса.

Потом надсмотрщик всердцах бросил кнут... Я подобрал этот кнут и спрятал.

... и ю л я. Прислали двести молитвенников. «Как бы я хотел еще хоть раз в жизни наесться досыта!» — сказал пленный красногвардеец. Сегодня хотели предательства массового. Объявили, что тех, кто хочет ехать на работу в Германию, будут хорошо там кормить и даже давать небольшую заработную плату. Записалось сорок восемь человек.

«Товарищи, — сказал я, — вас повезут как штрейкбрехеров, там, наверно, забастовки».

Им стало стыдно, пятеро отказались... Остальные молчали, а один сказал:

«Немецкие рабочие не помешали десанту фон дер Гольца...»

«Мы, по крайней мере, расскажем, что они сделали, как растерзали Суоми!» — мрачно сказал другой.

... июля. «Гаси свет, а я снова буду зажигать его». Отказ мой от освобождения некоторые товарищи ложно истолковали, будто я агент шюцкора... Но я должен, если останусь в живых, рассказать обо всем, что мне пришлось увидеть.

Сестра передала шелковую рубашку. На шелк вошь не идет.

... июля. Сегодня вызвали Кархонена... Встал и пошел какой-то пожилой человек...

«Сантери, — сказал ему друг, — ведь вызывают Кархонена... Он приговорен к расстрелу... только обманул их и умер в прошлое воскресенье. Зачем же ты идешь? Это ошибка».

«Молчи, — приказал Сантери. — Я пойду все равно... Я не хочу больше жить... не к чему».

Он ушел из камеры. Мы, оставшиеся, не проронили ни одного слова в течение нескольких часов...

Как я ненавижу лахтарей!

... июля. Сегодня проснулся на рассвете. На дворе кто-то высоким голосом кричал: «Да здравствует социалистическая революция!»

Потом были выстрелы.

КЛЯТВА

Постскриптум

В те дни, когда у трудящихся Советской страны, потрясенных безумным и преступным выстрелом проклятой эсерки, была лишь одна мысль — мысль о тяжело раненном Ленине, и эта мысль была одновременно и страстным желанием победы вождя над смертью и желанием победы социалистической революции над разномастными врагами, в эти дни собрались на конференции в голодной Москве эмигрировавшие финские социал-демократы.

Там встретилась Айно с хромым Айраксиненом и вспомнила, что единственной наградой за всю ее работу для революции был полученный от Айраксинена поцелуй.

Они встретили там Ивара, и Ганнеса, и неутомимого, так много знающего Сирола.

Там был и Тайми. Он выглядел очень усталым, даже больным, — сказывалось невероятное напряжение сил и нервов за последние месяцы, — но он был попрежнему тверд и спокоен. На этом собрании обнаружил всю свою напористую хватку энергичнейший Тойво Антикайнен...

Там было еще много товарищей.

Они прослушали страстный доклад Отто Куусинена — горькую самокритику, самокритику, написанную слезами и кровью погибших товарищей. Это были их мысли, их страдания, их воля к победе и вера в неизбежность ее, их клятва на верность революции. Конференция превратилась в учредительный съезд Финляндской коммунистической партии. Основателей этой только что родившейся, но уже крещенной кровью боев, новой коммунистической партии от имени большевиков приветствовал Яков Свердлов.

Они послали письмо раненому товарищу Ленину. В этом письме звучала боль разгромленной революции. Революции, которая могла победить. Они писали:

«Товарищ Ленин!

С чувством глубокого возмущения, будучи потрясены до глубины души, мы узнали, что пулей убийцы, подосланного буржуазией, ранены из-за угла Вы, первый борец Российской Социалистической Советской Республики и вождь международного рабочего движения. Собравшись на конференцию сюда, в столицу Российской Социалистической Советской Республики, чтобы на место социал-демократической партии, погибшей прошлою весною в буре финляндской революции, основать Финляндскую коммунистическую партию, мы надеялись увидеть здесь, в нашей среде, Вас, уважаемый товарищ и наш учитель, и уже решили просить Вас, чтобы Вы прибыли на наше собрание. Но это наше желание увидеть Вас лично на своем собрании не сбылось из-за отвратительного покушения. Разрешите поэтому высказать Вам в этом открытом письме те нако-

пившиеся в нашей душе чувства и мысли, которые мы хотели высказать Вам устно.

Год назад Вы находились в изгиаиии в нашей страие; теперь мы иаходимся у Вас. Вас изгиали в Финляидию иасилия русской буржуазии, которая тогда при помощи диктатуры Времениого правительства преследовала русский борющийся пролетариат. Нас изгнало теперь в Россию иасилие объедииившейся финляидской и германской буржуазии, которая теперь посредством самой кровавой диктатуры душит пролетариат Финляндии и Гермаиии...»

Что означала диктатура буржуазии в Суоми, могли бы поведать миру осиротевшие дети и матери тысяч и тысяч рабочих, расстреляииых за три месяца граждаиской войны.

Зверства перепугаииой и мстительиой буржуазии продолжались и после того, как граждаиская война закоичилась.

В тюрьмы и коицеитрациоиные лагеря малеиькой Фииляидии было брошеио 90 000 человек. Из них весною и летом 1918 года 15 917 человек было расстреляио! Это по сведениям, сообщеиным самими белыми правителями. 15 000 заключеииых умерло от голода и иечеловеческих условий заключеиия. Остальные продолжали томиться за колючей проволокой лагерей и в тюрьмах.

Рабочий класс Суоми оказался в могиле или в кандалах.

Письмо к Лениiу, иапечатаииое на папиросиой бумаге, дошло до концентрациоииых лагерей, до тюремиых камер — камеиных мешков, в которых изиывали наши товарищи в Фииляндии.

Запечеииыми в каравай чериого хлеба получил эти листки Ялмар.

Когда он читал и перечитывал их, запоминая иаизусть, цепи звеиели у иего иа руках и горели иа ногах стертые каидалами раны.

Ои читал, шевеля губами, и ему вспоминалось, как в иоябре, когда каждый час был так важеи для жизии молодой Советской республики,

товарищ Сталин, посланец Ленина, приехал сказать финским братьям слово революционной правды.

...Надо было читать так, чтобы не заметили тюремщики и не отняли бумажки.

— «Святое кровавое крещение, борьба рядом друг с другом на снежных полях Финляндии соединили теперь в вечный товарищеский союз финляндского и русского пролетария, братьев по оружию».

Да, здесь были собственные мысли Ялмара о причинах разгрома, об ошибках социал-демократов и о правильности ленинской теории.

Он шептал наизусть, как лучшие стихи, строки письма:

— «Прояснение коммунистического учения означало для нас, бывших финляндских социал-демократов, открытие нового мировоззрения. Оно произвело и в нас социалистический переворот. Лишь теперь, пробудившись, мы видим свет социализма, который прежде мы видели лишь во сне. Свое коммунистическое сознание мы приняли как долг, который мы должны выплатить верной работой и борьбой на пользу международной социалистической революции, прежде всего в Финляндии и затем в России. Коммунизм влил в наши души невообразимо отрадное сознание того, что даже те великие жертвы, которые рабочий класс нашей страны принес в своей борьбе и в своем временном поражении, и особенно после него, во время неслыханной, зверской вакханалии мести финляндской буржуазии, — что даже эти жертвы не принесены напрасно, но на пользу победы международного пролетариата...»

Ялмар читал дальше о героической борьбе финского пролетариата:

— «...Незначительный по количеству борцов и по своим знаниям, он много пожертвовал. И он еще поднимется. Огненное слово коммунизма блеснет и среди самой темной ночи освещающей молнией надежды. Оно разобьет цепи отчаяния и вселит в разбитую душу борца несокрушимую уверенность в победе.

...Пусть падут приговор и позор на те рабочие партии и организации, которые прямо или косвенно

поддерживают попытки своих империалистических правительств к нападению на Российскую Социалистическую Советскую Республику...»

Ялмар передвигался по камере, и хотя цепи позвякивали и раны на ногах ныли, и хотя на послезавтра был назначен суд и приговор мог быть только один — он готов был запеть...

Заключительные слова этого письма-манифеста об основании коммунистической партии Финляндии звучали нерушимой клятвой на верность делу рабочего класса:

«Можете сказать русским товарищам за нас: финляндские коммунисты пойдут с радостью в огонь; они хотят и будут участвовать в наступлении, когда крепости капитализма будут взяты и разрушены; финляндские коммунисты считают для себя унизительным оставаться в тылу, когда пролетариат всех стран завоевывает мир».

Эти слова и то, что Ялмар получил в своей каменной одиночке листки письма к Ленину, свидетельствовали о том, что финские коммунисты уже начали работать, уже начали осуществлять свою клятву, принесенную финскому народу и Ленину.

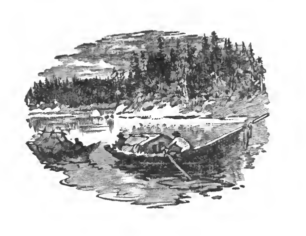
Такой же листок дошел и до Ярви, приговоренного к трем годам одиночного заключения.

И сотни пленных в концентрационных лагерях узнали об этом письме.

О том, как Ялмар бежал из тюрьмы и потом работал в подполье, как он встретился с Мартой и снова расстался с ней; о том, как Айно организовала женский отряд шестого финского полка Рабоче-крестьянской Красной Армии и с этим полком дралась против Юденича и прошла всю Карелию, а потом училась в Интернациональной военной школе; о том, как Айраксинен в Советском Союзе строил завод; о том, как Ивар возвратился в Финляндию и работал в подполье, как он встретился там с Лидией и сначала перешел на другую сторону улицы, чтобы она его не узнала, а через день, пре-

следуемый по пятам агентами охранки, спасаясь от погони, ночевал у нее в квартире; о том, как Таннер, став премьер-министром, принимал парад шюцкоровских дружин, посвященный восьмой годовщине въезда в Хельсинки Маннергейма, и рядом с ним на правительственной трибуне стоял его друг — тоже министр — Коски; о том, как Ганнес участвовал в рейде лыжников на Кимас-озеро, работал среди финской молодежи, а затем бился под Мадридом в Интернациональной бригаде... о том, как товарищи выполняли клятву, данную Ленину, что они делали и делают для приближения полной победы социализма во всем мире, — обо всем этом надо написать новую книгу.

1935—1937



МЫ ВЕРНЕМСЯ, СУОМИ!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

До замужества жизнь Эльвиры протекала спокойно и благополучно.

Отец любил ее больше, чем других своих детей, таких же розовых, таких же голубоглазых и белокурых, как Эльвира.

Эльвира была розовощекой, балованной дочерью. Она три года ходила в школу, но когда учитель сказал, что на конфирмации[1] она будет первой, отец решил, что хватит, и взял ее домой.

Дома было много работы. В хозяйстве — одиннадцать коров, сто пятьдесят оленей, две лошади.

Эльвира доила коров, ухаживала за ягнятами, огромными старинными ножницами стригла овец — они жалобно блеяли: «Мэ, мэ!» Ноги им связывала старшая сестра Эльвиры — Хелли. Эльвире становилось их жалко, и она прикладывалась своим розовым вздернутым носиком к влажным овечьим носам.

Эльвира убирала горницы, смахивала пыль с лавок, стоящих плотным кругом вдоль стен, с жердей, полок под потолком. Зимою семья по вечерам собиралась в одну горницу, женщины пряли нитки из теплой овечьей шерсти.

В таком большом хозяйстве нужен был батрак. И в ту зиму поступил к отцу Олави.

---

[1] Конфирмация — религиозный обряд (экзамен), после которого подросток считается совершеннолетним.

С топором и пилою он шел на север, чтобы наняться лесорубом-вальщиком. По дороге Олави заглянул в избу, где суетилась у плиты Эльвира, готовя кофе, и попросил напиться. От кофе подымался вкусный пар.

Старику понравился сильный на вид работник, статный и скромный, и он сказал:

— Зачем идти дальше? Оставайся у меня.

Олави вспомнил лесные шалаши, в которых он провел шесть зим, и насекомых, и еду всухомятку, и то, что щепка выбила глаз приятелю (поэтому-то Олави шел сейчас один).

У Эльвиры от плиты раскраснелись щеки, — ей только что исполнилось шестнадцать лет, а Олави было двадцать два года, — и он решил остаться.

Рано утром Эльвира доила корову и напевала, когда вошел в хлев Олави — он уже второй месяц работал у отца — и сказал ей:

— Через два дня вечером гулянье в деревне, и ты будешь в хороводах выбирать только меня.

— Ладно, — не подумав даже, сказала она.

— И еще, Эльвира: ты будешь моей женой.

— Ладно, — повторила она, и от радости ей показалось, что она летит.

Парни затеяли праздник на славу. Но во всей деревне гармонь была только у отца Эльвиры, и он давал ее на вечер за шесть марок; это немало, но без гармони нельзя танцевать, а без танцев нет вечеринки, в деревне же среди парней были отличные гармонисты.

Уже были морозы, и снег, и звездные ночи. Третий год шла война.

У Калле в Америке была тетка, в Канаде где-то. Она его звала к себе, и он уже совсем собрался ехать — хорошие лесорубы в Канаде нужны, — когда появились вдруг эти германские подводные лодки и стали топить пассажирские корабли.

Отец Каллио уехал в Америку, когда мальчику было всего полтора года, и вскоре там его насмерть придавила сосна. Мать с тремя малыми ребятами осталась батрачкой.

И Каллио, узнав про подводные лодки, не поехал в Америку, а пошел на север Финляндии рубить леса акционерного общества «Кеми». Он уходил сегодня, и оставить такое событие без вечеринки было невозможно.

Уже откладывали девушки для вечеринки — кто кусок масла, кто муку, а кто и курицу; уже таинственно пощелкивал пальцами у горла Лейно, давая знать посвященным, что дело без спиртного не обойдется. А гармони не было. Тогда парни обратились к Олави:

— Старик хвастался, что ты у него хороший работник. Попытай, может быть, он тебе уступит.

Олави пошел к хозяину. Старик читал у окна библию. Олави смахнул снег со своих кеньг [1], подошел к старику, сел напротив. Старик продолжал сосредоточенно читать.

Олави медленно стал набивать трубку. Торопиться было некуда. Субботний день кончался за деревней в голубом снегу. И так Олави сидел, пока совсем не стемнело. Старик оторвал от библии утомленные глаза и сказал:

— Засвети лампу. — И, вздохнув, прибавил: — Война всегда была. — И еще, помолчав: — Мы живем в лесу.

Тогда Олави встал, но не пошел зажигать свет, а сказал:

— Отец, завтра у ребят гулянье. Дай им гармонь, они не испортят.

Условия старика были неизменны:

— Шесть марок не так много для тех, у кого есть время гулять, а гармонь мне тоже не легко далась.

Тогда Олави подошел еще ближе к старику и медленно, тихо спросил:

— Ты говорил, что я хороший работник?

---

[1] **Кеньги** — высокие сапоги с мягкой подошвой и загнутыми носками для крепления лыж.

— Да, иа тебя я не жаловался.

— Отдай за меня младшую дочь.

Оин оба замолчали. А Эльвира стояла на пороге и про себя тнхо-тнхо, чуть шевеля губамн, молилась.

Помолчав мннут пять, старнк начал смеяться, и смеялся ои все громче и громче, н чем веселее смеялся старнк, тем мрачнее стаиовился Олави, и, иакоиец, он всердцах повериулся н вышел из горницы.

На пороге инкого уже не было.

А старик все смеялся. Потом позвал Эльвиру, чтобы зажечь свет, — было уже совсем темио.

Оиа была в конюшне, когда услышала зов отца, поцеловала жеребенка в розовые замшевые губы, сказала: «Прощай, Укко», — н побежала иаверх.

Парнн достали иужное количество марок, и Олави принес гармоиь в избу, где собиралось гуляиье.

Веселнлнсь отменно: воднли хороводы, выбнрали себе мнлых по сердцу, пелн песии, которые пастор петь ие велнт, пили барду, которую ленсман варить ие велит.

Всем было очеиь весело.

Парин пошлн по улнце н стучалн в окошки к тем девушкам, которых иа гулянку ие пустили, и горлаиили песнн.

В одной нзбе открылось окошко, девушка крикиула:

— Матти, иди сюда!

Маттн вошел в дом и был там одну, две, три минуты.

— Что бы он мог там делать?

Парням стало завндио, и оии ворвалнсь в дом и, смеясь, вытащнлн оттуда Маттн за ворот.

Но здесь снова занграл на гармонн Лейно, н снова иачались танцы, и парнн целовали своих милых, а девушки прижималнсь к ребятам, и было им очень весело. Ночь зимняя длнина. Когда стали расходиться по домам, гармоннст Лейно сказал:

— Ребята, иеужелн мы простим жадиость старику, пожалевшему гармонь?

— Конечио, иет, — отозвался Каллио. — Разорвем ее ко всем чертям!

— Кто ж это сделает? Нам с ним в одной деревне жить. Вот Олави ему совсем чужой.

— Да, я ему совсем чужой, — сказал Олави, и темные его глаза засияли.

И тут только в первый раз заметила Эльвира, какие черные глаза у Олави. Ему бы полагались такие же голубые или серые глаза, как у всех ребят.

— Да, я ему совсем чужой, — повторил Олави и выхватил гармонь у Лейно.

Он с размаху, но без всякой злобы, ударил гармонью об стол. Гармонист Лейно отшатнулся.

— Молодец! — крикнул кто-то из ребят, и все замолчали.

Тогда Олави вытащил свой замечательный финский нож и стал спокойно обрезать клапан за клапаном. Гармонь тяжело вздыхала под острым ножом, со стуком падали костяшки на стол.

Парни, как зачарованные, ловили предсмертные всхлипы гармони.

— Кончено, — остановился Олави.

Тень его качнулась по потолку, и все зашумели, заговорили. Олави залпом выпил стакан холодного молока.

— Кто же возьмется отнести старику гармонь? — испуганно спросил Лейно.

— Нечего нести. К свиньям бросить — и все! — не унимался Каллио.

— Эльвира здесь, гуляла с нами, пусть и несет инструмент домой, к своему отцу!

И все обернулись к Эльвире.

Она стояла на пороге, собираясь уйти, губы ее дрожали.

— Он меня прибьет, — плачущим голосом сказала она.

И тогда вышел вперед Олави, взял растерзанную гармонь и весело сказал:

— Я отнесу!

Вся компания высыпала за ним на морозную улицу.

По неровному льду реки бежала лунная дорога. Подошли к дому старика. Белые наличники при луне казались еще белее, и ребятам было немного страшно,

но очень весело. Все парни попрятались в канаве у дороги.

Олави подошел к дому и, скользя по слегка обледеневшим ступенькам, стал взбираться на крыльцо. Он взялся за дверное кольцо и стукнул. Спросонья залаяла в доме собака, за дверью заворчал кто-то:

— Тоже женихи! До утра гульба, а на работу — спина ломит.

И дверь распахнулась. Старик сегодня открыл дверь сам.

— Я принес тебе гармонь, — громко, чтобы слышали в канаве и за плетнями, сказал Олави.

— Ну ладно, положи ее на место и иди спать.

— Я ее испортил, — еще громче сказал Олави.

— Зачем? — удивленно и недоверчиво протянул хозяин.

— Чтобы ты на ней не наживался! — почти закричал Олави.

Голос его задрожал, он швырнул гармонь в сени.

Хозяин поднял руку и прошипел:

— Берегись!..

— Берегись сам, — ответил Олави.

Зашел в сени и, взяв оттуда свой топор и пилу, вышел на крыльцо.

— Вон! — крикнул исступленно хозяин. — Жалованье твое я удержу за гармонь...

Дверь захлопнулась.

— Теперь идем вместе на лесоразработки, — сказал Олави, обращаясь к Каллио, а ребята стали расходиться по домам.

Лунный луч играл на топоре. Из трубы дома у околицы подымался горьковатый дымок.

— Идем, — сказал Олави.

И они, обнявшись, пошли на север. Но только они миновали околицу, как позади послышался хруст снега, учащенное дыхание.

— Олави, постой, Олави!

Они оглянулись и остановились. Их догоняла на лыжах Эльвира.

— Олави, — сказала она, — я ухожу с тобой, я буду твоей женой.

— Наплюй иа коров и иа олеией, Олави, наплюй на придаиое и возьми ее так, — засмеялся Каллио.

— Замолчи, Каллио, — сказал Олави. Как ои был сейчас счастлив! — Эльвира, теперь мы иавсегда вместе! Почему у тебя разиые лыжи?

На их дороге лежала деревушка, где была кирка. Впрочем, она ие поиадобилась: пастор совершил обряд у себя на квартире. У иих не было деиег заплатить ему, н пастор обвеичал их в долг.

Ои недавио приехал из Африки, где работал до войны в миссии Финляидского миссионерского общества и «обращал» негров.

Эльвира трогала руками тонкие стрелы и лук, африкаиские колчаны, и все ее восхищало. Олави же восхищался Эльвирой.

До замужества жизнь Эльвиры протекала спокойно н благополучно.

Отец готовил ее в жены сыну Пертула — олеиевода нз соседнего прихода. У Пертула была тысяча оленей, и иа его земле сидело двадцать торпарей. Сын Пертула был сейчас в Германии и обучался в егерской школе.

Под негромкий плач жены старик отказался от дочери.

— Ни одиого глотка простокваши от моих коров, ни одной шерстиики моих овец, ии рóга моих оленей ни она, ни Олави иикогда не получат!

Но они на помощь и ие рассчитывали. Олави ие хотел вести Эльвиру на лесоразработки — холодный шалаш лесорубов не приспособлен для влюблеиных. Каллио отдал друзьям свои первые и последиие сбережения, жена миссиоиера ссудила новобрачных малой толикой денег иа обзаведение — пришлось прослушать иесколько проповедей о бережливости, — и Олави ареидовал полуразрушеиную избу на большой дороге.

Поправив иемного это ветхое сооружеиие, они открыли буфет.

Три месяца, пока они обзаводились всем иеобходимым, Олави, работая днем батраком, отдавал ремонту ночные часы, и ничего у них не было, — иеисправная печь дымила, и пищей их были молоко и хлеб, и рабо-

тали они не покладая рук, не разгибая спины, но были очень счастливы.

По дороге проходили в поисках работы лесорубы на север и на восток. Наточенные длинные топоры блестели за поясами, кеньги скрипели на морозном снегу, от лошадей шел пар. Шли они партиями: возчик с санями, рядом с ним два вальщика. Вальщики наимались к возчику, а возчик от акционерного общества получал деньги сдельно, за поваленный и вывезенный лес, и сам расплачивался с вальщиками. Вальщики говорили, что возчики им мало платят, а возчики утверждали, что денег хватает только на сено и овес для своих лошадей и что им самим ничего не остается.

Лесорубы заходили по дороге к Олави, а в буфете был кофе, горячий, сладкий, и бутерброды со шпиком, и пироги, и жареное оленье мясо, и молоко, и стоило это очень дешево, потому что молодые все делали сами.

Пока Олави колол дрова, носил из колодца воду, разводил огонь в очаге и разделывал оленье мясо, Эльвира прибирала помещение, перемывала и перетирала немногочисленную посуду, чистила кастрюли до блеска, месила тесто, лепила пирожки, нарезала бутерброды. Суетились и работали они круглый день и были очень счастливы.

Все в их буфете стоило очень дешево, но лесорубы с работы шли такие же безденежные, как и на работу, и редко-редко выходило так, чтобы кто-нибудь попросил полный обед.

В марте пришли известия о том, что в Петрограде революция, но ни Эльвира, ни Олави не знали, что это значит.

Жена пастора сказала, что все переменится. Какой-то оратор приезжал из уездного города, он тоже сказал, что вся жизнь переменится.

Но все так же на север шли лесорубы за работой с туго подтянутыми поясами и такие же шли с севера — и совсем молодые, и обросшие седой бородой. Они жадно смотрели на неприхотливые бутерброды Эльвиры и заказывали все меньше и меньше. Дело прогорало.

Они праздновали Первое мая вместе с лесорубами, вместе со всем селом. Еще всюду был глубокий снег. Эльвира была уже на седьмом месяце, но очень веселилась.

Оратор с крыльца Народного дома, только что организованного по примеру уездных городков, рассказывал много интересного про союзы молодежи. И Олави сказал: «Я работаю с девяти лет», — и пошел к оратору записываться в союз молодежи. Эльвира сказала: «Я пойду с тобой», — и они вместе записались в союз молодежи. Но вскоре союз распался.

— Это хорошо, пожалуй, Эльвира, — сказал Олави на вторую неделю после рождения девочки, — что союз распался. Иначе нам нечем было бы заплатить членский взнос: пока ты лежала, мы окончательно вылетели в трубу. У нас даже нет денег отдать долг пасторше.

Эльвира засмеялась и прижала к себе крошечную Хелли.

— Господи, как она на тебя похожа! — сказала Эльвира мужу.

— Ну, уж это ты ошибаешься. Ты и она — две капли молока.

В эти дни мать Эльвиры тайком от мужа пробралась к дочери и принесла с собой сверток белья.

Мать спрашивала Эльвиру, как она живет, и Эльвира говорила: «Хорошо». А мать оглядывала пустые стены и плакала. И, уходя, ругала своего мужа.

— Надо будет запахать поле, — сказал Олави Эльвире,— в будущем году пригодится, когда я пойду в лес.

— Нет, не пригодится, — сказала Эльвира, — я пойду с тобой.

— Нельзя тебе итти в лес с Хелли, — отрезал Олави, и они чуть не поссорились.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Хелли уже научилась улыбаться, и бабушка — она приходила еще два раза, хотя итти надо было тридцать километров, — очень смеялась, глядя на нее.

А съестного уже было совсем мало.

Опять была зима, очень холодная зима. В Суоми началась революция.

В селе организовался отряд Красной гвардии — пятнадцать красногвардейцев. Олави тоже записался в Красную гвардию. В доме у него прятали оружие. В начале февраля разнеслись слухи, что шюцкоровцы готовят налет на село. Все батраки и лесорубы собрались в Народном доме, вытащили припрятанное оружие и стали готовиться к отпору.

Эльвиру научили чистить винтовки, и она чистила и смазывала оружие, а рядом, на столе, гугукала и пускала слюни темноглазая — в отца — Хелли.

Однако шюцкоровцы на село не напали, обошли его. И недели через две все узнали, что фронт передвинулся далеко на юг и село находится глубоко в тылу белой маннергеймовской армии. Пробиться к своим, к Красной гвардии, которая победоносно дралась с белыми далеко на юге, было невозможно, и тогда отряд распался, оружие снова спрятали, и все разбрелись в разные стороны.

Эльвира принялась тогда чистить до блеска и без того чистые кастрюли, но почти никто не заходил к ним в буфет.

Изредка проезжали сани с ранеными лахтарями.

Шестнадцатого февраля 1918 года Эльвира с Олави сидели у себя дома и пили кофе. Вошли трое парней, и один из них закричал:

— Кто здесь Олави?

— Я. В чем дело?

— Идем с нами.

— Дайте кофе допить.

— Никаких кофе!

И они забрали Олави с собой.

Когда все ушли, Эльвира достала из ящика стола маузер и три пачки патронов, завернула в промасленные тряпки и, поглядев в окно, чтобы убедиться в том, что никто за ней не следит, вышла во двор, спрятала в поленнице, среди дров, свой сверток. Когда парни вернулись через полтора часа, чтобы произвести обыск, Эльвира доила корову. Они вызвали Эльвиру из хлева и стали перерывать все ящики, разбросали постель, но

ничего ие нашли. Тогда один стал стучать прикладом об пол и закричал:

— Созиавайся: где оружие?

Оиа сказала:

— Я ие знаю.

Ои стал щелкать затвором, и оиа сиова сказала:

— Я ие зиаю.

Тогда другой подошел к шкафчику, где Эльвира в горшочках готовила простоквашу — все четыре полки были уставлеиы этими горшочками. Парень подозвал Эльвиру и заставил открывать горшочки, и она открывала и подавала, а лахтари швыряли их на пол. И так оии перебили сорок горшочков и ушли.

А Эльвира собрала завтрак Олави и пошла в Тювейеи-Тало, где иаходились белые. У крыльца стояли еще три жеицины с узелками. Их ие пропускали иа свидание и ие брали передачи. Они стояли так иесколько часов, совсем замерзли и пошли по домам.

Эльвире было очеиь обидио и хотелось плакать, а Хелли еще иичего ие поиимала.

Олави четыре месяца иаходился в селе под арестом, и ии разу за это время ие могла его увидеть Эльвира, ни одиой записки лахтари не передали ему.

Приходила ее мать и говорила:

— Посмотри, иа кого ты стала похожа, а какой была!

Но Эльвира молчала. Тогда старуха сиова принималась за свое и говорила:

— Пожалей хотя бы девочку. — И потом, подозрительиио оглядывая иабухающий живот дочки, говорила: — Иди к старику, он тебя примет.

Эльвира продолжала молчать.

Старуха снова пропадала на недели. Эльвира кое-как перебивалась. Одии раз зашел к ией совсем молодой парнишка, белобрысый и остролицый, положил иа стол сто марок и сказал:

— Это тебе от товарищей. — И, уходя, добавил: — Не забудь, завтра утром их отправляют в город иа допрос и расправу.

Эльвира ие могла засиуть всю ночь и раио утром вышла к реке. Там уже собрались люди. Жены и дети,

братья, отцы, матери и сестры арестованных стояли на берегу, — их к барже не подпускали, — и Эльвира чувствовала себя очень одинокой. Арестованных повели из Народного дома под конвоем на баржу. Они стали входить по трапу, и наручники их глухо звенели. И тогда поднялся вой. Потом буксир загудел. Хелли испугалась гудка и заплакала. Эльвира стала ее утешать. Баржа заскрипела и отошла. У бортов стояли в наручниках арестанты и смотрели на провожающих. И снова Эльвира увидела в толпе вчерашнего парня.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Сунила, — ответил парень и пропал в толпе.

Через две недели Эльвира получила записку от мужа: он жив и здоров, чего и ей желает, и проживает в тюрьме в Куопио; там он должен был копать много могил для убитых и умерших в госпитале белогвардейцев — это было его единственным утешением.

Ей было очень трудно жить, она не справлялась со своим крохотным хозяйством и одной коровой; она совсем ослабела, и никто ее не хотел брать в батрачки.

Прошло немного времени, и она родила вторую дочь; назвала ее Наини. Она писала письмо за письмом в тюрьму, но писем ее не пропускали. Мать уговаривала ее возвратиться к отцу. Тогда она вспомнила, как Олави хотел вспахать поле и засеять для нее. Она заплакала и сказала, что будет ждать Олави в этой избе.

Соседка сказала Эльвире, что губернатор может отпустить Олави домой вспахать и засеять поле, потому что чем меньше нищих, тем спокойнее властям, и такие случаи уже бывали в соседних деревнях.

Эльвира с грудной Наини на руках (Хелли она оставила у соседей), вместе с этой женщиной, которая тоже хлопотала о своем арестованном муже, отправилась в Куопио, где содержался Олави. Из дому они выехали на лодке по течению реки, а потом плыли по озеру — им помог перебраться через озеро веселый и разговорчивый приземистый лесоруб. Лед только проходил, было свежо. Парень торопился на сплав, но все-таки помог женщинам. Эльвиру он называл «нэйти», и только когда она, отворачиваясь от него,

кормила Нанни, он вежливо обращался к ней: «роува» [1].

— И куда так торопиться, роува? .. А-а! Муж взят по подозреиию, что был в красиогвардейском отряде? Поиимаю. У меия дела хуже. Мы с братом были олеиьими пастухами всю зиму, угнали свою тысячу олеией иа зимиие пастбища. Возвратились, как положеио, в село, и тогда иам сказали, что была революция и граждаиская войиа, а вы, ребята, прозевали.

Они сошли с лодки. Пареиь помог им вытащить ее на берег и спрятать в лесу. Земля была еще влажная, сырая.

Жеищиивы пошли дальше пешком. Изредка их подсаживали иа телегу крестьяие. Потом оии сели на пароходик и через два дия прибыли в город.

Там Эльвира и соседка написали прошеиие и обе пошли к управителю.

Начальиик прочитал прошение, посмотрел на жеищин и, сняв с переносицы запотевшее пенсие, иесколько раз бессмыслеиио щелкиул пальцами перед самым носом у Наини, улыбавшейся на руках у Эльвиры. Девочка, увидев чужого человека, заплакала. Тогда начальиик разозлился, иакричал на жеищин и выгиал их из кабииета.

Через иесколько мииут к ним вышел стражиик и сказал, что иачальиик приказал им иемедлеиио уезжать домой и что дело их ои разрешит, как следует.

Оии вериулись домой той же дорогой.

Хелли поела каких-то ядовитых ягод и все время хныкала, и Эльвире казалось, что это последиие дни ее жизии.

И все-таки через иесколько дией стражиик привел Олави.

Олави очень исхудал, и глаза его стали еще темнее.

Когда Эльвира, увидев его, бросилась бегом с крыльца иавстречу, стражиик спокойио ее отстранил и сказал:

---

[1] Роува — госпожа, женщнна.

— Олави разрешено работать у себя на поле при одном условии: он не имеет права произнести ни одного слова, и подходить к нему строго воспрещается. От тебя зависит, будет ли он работать или я сейчас его уведу.

И печальные глаза Олави (а как он старался глядеть беззаботно!) подтвердили, что стражник говорил правду.

И тут началось новое испытание Эльвиры.

Соседи охотно уступили и лошадь и плуг, и Эльвира сидела у раскрытого окна, выходившего прямо в поле, и держала Нанни на руках, чтобы Олави было видно дочку, которая родилась в его отсутствие. Хелли еще не вставала после болезни.

Стражник не позволял Олави оглядываться: надо скорее вспахать землю. Высокая фигура Олави склонялась над тяжелым плугом, он спотыкался.

Эльвира сидела у окна и смотрела, как пашет ее муж и как стоит с винтовкой на ремне равнодушный конвоир.

В сумерки Олави и мужа соседки увели в каморку Народного дома, где теперь уже никаких собраний и митингов не происходило, изредка лишь бывали танцы.

Женщин не допустили к арестованным, только взяли у них маленькие узелки с едой.

Всю эту ночь Эльвира не могла заснуть и думала много о том, кому это нужно, чтобы Олави так исхудал.

С утра Олави снова работал в поле, а Эльвира сидела у окна, держала на руках Нанни и думала. Когда Олави разгибал спину и отирал пот со лба, озираясь на окно, их глаза встречались. Шапки он не снимал — зачем было показывать ей бритую голову, — но разве она не знала? Встречаясь глазами, они улыбались друг другу, и он снова склонялся над работой. Лошадь мерно тянула лямку, равнодушно стоял конвоир...

Плуг наткнулся на круглый валун, и Олави трудно было стащить его с пути. Тогда стражник прислонил к елке винтовку и помог, а потом сказал:

— Такая у нас земля.

Мужчии увели через четыре дня обратно в тюрьму.
Вскоре пришло известие иа серой тюремиой открытке, что Олави приговорили к трем годам каторги, и тогда приехали к ней отец с матерью. Отец вошел в комиату, сказал Хелли: «Одеваться!» — взял из рук Эльвиры маленькую Наиии и сказал Эльвире:

— Едем.

Оиа молчала.

Тогда старик сказал:

— С Олави мы помиримся, когда он выйдет, а сейчас едем.

Эльвира собрала все вещи, и оии поехали домой. Вез их саии иежный, с подпалиииой, Укко.

«Господи, как ои вырос за это время!»

Еще был глубокий сиег, и корову иельзя было быстро гиать. Тогда отец связал ей ноги, ее положили иа другие саии и так повезли. Хелли было очеиь весело. Корову покрыли попоиой, рога ее страиио торчали, и от ее дыхания из-под попоиы вырывалось облако пара.

Сиова Эльвира доила коров, ухаживала за ягнятами, огромиыми старииииыми ножницами стригла овец — оии жалобио блеяли; убирала гориицы, смахивала пыль с лавок. Старшая ее сестра Хелли вышла замуж, а брат стал охотииком.

Время шло, как будто ничего ие измеиялось, разве что прибавилась забота о маленьких Хелли и Наини, да и то бабушка и дедушка ие давали никому к ним подойти и очеиь их баловали. Да еще присиилась ей два раза подряд огромиая, согиутая иад плугом спина Олави и его иаголо обритая, совсем чужая голова. Эльвира весь деиь после этого сиа не отходила от Нанни.

Прошел, гремя бревиами по порогам, сплав. Уже иаладили паром, и брат притащил из лесу двух малеиьких медвежат-сосуиков для Хелли и Наиии.

Медвежата старались ворчать, как взрослые; кот, видя их, щетииил свою шерсть и изгибался колесом, и дедушка очеиь смеялся.

В хлопотах Эльвира и ие заметила, как река подериулась морозным салом.

А дедушка придумал новую забаву: он выдолбил из дерева небольшие кадушки, наливал в них молоко лучшей коровы и ставил на полу около подоконника.

Хелли подходила к этим кадушкам и тайком, осторожно снимала густые белые сливки, и весь ее рот был запачкан, а потом, подражая Хелли, стала снимать сливки и Нанни и иногда опрокидывала кадушку на пол.

Когда садились обедать, дедушка вдруг грозным голосом спрашивал: «А кто снял мои сливки?» И Хелли пряталась под стол, а дедушка говорил:

— Какие непонятные вещи творятся у нас в доме!

Эльвира убирала со стола и перемывала дочиста посуду.

Однажды, обозленный, вернулся домой старший брат Эльвиры, работавший на лесоразработках возчиком. Он сказал, что теперь будет работать дома, потому что лесорубы бастуют.

Время шло, медвежат надо было уже сажать на цепь, и скоро Эльвира увидела Олави.

Это было поздней осенью 1921 года, когда фирма «Гутцейт» получила миллионные заказы от великобританских негоциантов на телеграфные столбы и шпалы и собиралась их выполнить в лесах Советской Карелии. Но для этого сначала надо было захватить эти леса! Тогда отряды финских добровольцев отправились «помочь» «братьям карелам».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Никогда еще так много не работал Каллио, как этой весной.

Он прошел весь сплав от начала до конца, вдыхал аромат распускающихся клейких почек дикого леса, редких черемух.

После пятнадцати часов работы на воздухе он, не раздеваясь, спал, как убитый.

Огромными плотными штабелями высились бревна строевого, корабельного, балансового, пропсового леса, вывезенные и накопленные за долгую полярную зиму.

Лед по рекам проходил с грохотом. Теннио-иокки, Салла-иокки, Верио-иокки, Лурио-иокки, Риесто-иокки и десятки других двадцативерстных, пятидесятиверстных, стоверстных быстрых сплавных рек, речушек бегут, примыкают к Кеми-иокки.

По берегам этих рек лежат лесные делянки десятка конкурирующих акционерных обществ, и весь лес бежит по рекам к лесопильным заводам этих обществ, в города и поселки Рованиеми, Тервола, Кеми.

Когда на соседней делянке, принадлежавшей конкурирующей фирме, лесорубы-сплавщики неожиданно забастовали, фирма, у которой работал Каллио, во избежание недоразумений накинула по нескольку пенни за час, и парни работали сдельно, как черти.

Каллио работал с другими ребятами, когда пришел и стал рядом с ним Инари.

На этого Инари было приятно смотреть: так ловко и легко он работал.

Бревно за бревном, штабель за штабелем обрушивали они с крутых, скалистых берегов в реку. И бревна сотнями, тысячами до глубокой ночи, — а ночи здесь удивительно светлые и прозрачные, — с грохотом катились по стелюгам в холодную быструю воду.

К вечеру казалось, что реки нет, воды нет, а есть пловучий помост из бревен, и бревна сшибаются, и гулкое эхо разносится на многие версты вокруг. Бревна идут плотно, одно к одному, и — куда достает глаз — вся река ими полна. Молевой сплав.

Ребята работали с увлечением и после работы валились сами, как бревна, под кусты и спали.

Инари говорил, что за такую работу они мало получают, и десятник смотрел косо на него, а Каллио думал, что Инари, пожалуй, прав.

Через три дня Инари сказал, что такая работа ему надоела и что он пойдет работать на запань: там веселее, а здесь только бревна катать — это и лошадь сумеет. Каллио сказал, что пойдет с ним.

Они пошли вдоль берега. Десятник сказал им, что в двенадцати километрах, на запани, где клеймился лес, нужны рабочие.

Они шли вдоль реки по лесистому обрывистому берегу. И это был их первый день отдыха за все время.

Каллио сказал:

— Какая благодать весь этот лес!

А Инари ответил:

— Хозяевам этого мало — они добираются до карельского леса.

И тогда Каллио рассмеялся:

— Кто же туда полезет?

А Инари ответил:

— Вот на тебя напялят мундир, заставят — и полезешь.

И Каллио снова рассмеялся: он лесоруб, а не солдат, и если даже в дни гражданской войны не воевал, то сейчас его никто воевать не заставит.

Они шли дальше по крутому, скалистому берегу и видели, как загородкой из бревен были перегорожены протоки, чтобы туда не забредали отбившиеся бревна. Громадные вековые сосны ивовыми прутиками вертелись в водоворотах порогов и, как спички, прыгали по пенистой, холодной воде.

— Силища какая! — говорил Каллио.

Он смотрел на пену, и перед ним непрерывным потоком шел лес. Голова начинала кружиться, и самого тянуло упасть в воду, чтобы течение несло вниз и вертело и бросало до Кеми, до моря. Впрочем, не все бревна уходили из порога невредимыми: ударившись об острый камень, завертевшись, как волчок, они выскакивали голенькие, кора с них была снята. Иные бревна норовили приткнуться к берегу, спрятаться за камешек, за лесную корягу. Но на берегах у костров стояли пикетчики и, ругаясь, отталкивали острыми баграми набухающие водой тяжелые, ленивые стволы.

Когда они подходили к запани, очевидно был получен сигнал снизу о том, что можно пускать сплав.

Работавшие на запани отпирали ворота. Стиснутый со всех сторон лес рванулся и пошел в этот проход. И снова послышался тревожный скрип, скрежет, — это бревна, напирая, терлись одно о другое, толпились, чтобы пройти одновременно в узкий проход, и кучами,

в беспорядке, нагромождались по обеим сторонам ворот.

Сейчас дорога была каждая секунда, из-за пустейшего поворота мог возникнуть затор. А лесорубы работали с прохладцей, — десятник, очевидно, был в помещении, в лесной бане.

Но вот он выскочил из своей сторожки, закричал, выбранился — и сразу два сплавщика с баграми в руках побежали вниз, скользя по крутому обрыву, спотыкаясь о корни сосен, выступающие из-под сырой земли.

Но Инари их обогнал. Он шел без багра. Добежав до берега, он бросил на камни еще дымившуюся трубку, выхватил у зазевавшегося сплавщика багор и пошел плясать по воде. За ним шли двое других.

Каллио стоял над обрывом и не мог отвести глаз от бежавших по воде сплавщиков.

С ловкостью акробатов они прыгали с одного плывущего бревна на другое; скользкие бревна уходили из-под ног, вертелись.

Каждую секунду казалось, что сплавщики и Инари провалятся в воду и их накроет, размозжит, оглушит весь этот сплошной, непрерывный поток бревен.

Но Инари прыгал с нырявшего ствола на другой, с другого на третий так быстро, что даже не успевал погружаться в воду.

Он был уже на середине реки и багром ударил в сгрудившуюся кучу бревен.

Бревна рассыпались и пошли. А Инари спокойно, как танцор по гладкому полу, пошел, легко перепрыгивая с бревна на бревно, обратно на берег.

Двое рабочих уже спокойно направляли течение бревен. Каллио стоял на обрыве, широко открыв глаза, восхищаясь и завидуя сноровке товарища.

Он сам не раз переходил по плывущим бревнам на другой берег, но Инари — Инари был самый ловкий сплавщик, какого он когда-либо видел. И десятник на берегу ругал сплавщиков и, показывая на Инари, говорил:

— Вот это настоящий сплавщик! Таким я был лет пятнадцать назад, такими все были в доброе старое время.

Инари и Каллио стали работать в первой запани. Кроме работы у ворот, они должны были клеймить бревна.

Рядом с ними работал уже пожилой сплавщик Сара. Работали они по четырнадцать, по шестнадцать часов в сутки, а в горячее время и по двадцать четыре часа. Ели сало с хлебом, иногда пекли в золе костров картошку, пили кофе.

Зарабатывали они не много.

Кругом владычествовала северная весна. Все было пропитано лесными ароматами. Серые птицы гомонили. Комары ожили — надо было прятаться на ночь в лесной баньке, безоконной и низкой.

Они держали запань и клеймили бревна. Каллио утром даже нравилось ставить кресты на бревнах. А вечером от них уже тошнило.

— Зачем ты так корпишь над каждой штукой? Делай, как я, — сказал ему Инари.

— Как?

— А я ставлю клеймо через пятое на десятое.

— Но ведь там, внизу, нельзя будет разобрать, какое бревно кому принадлежит.

— А нам от этого плохо, что ли? Разве не весело смотреть, как хозяева будут цапаться между собой? — И Инари громко засмеялся.

Каллио посмотрел на него и подумал, что он отдал бы две марки, чтобы посмотреть, как ссорятся и дерутся хозяева. Он, пожалуй, глупо делал, ставя клейма на все бревна. Но тут в их беседу вмешался Сара. У него не было двух передних зубов, и от этого он казался старше своих лет.

— Я считаю, — сказал он, — если подрядился на работу, нужно ее выполнять добросовестно.

— А тебе плату добросовестно платят? Сколько ты домой принесешь после такой каторжной работы? Сколько ты своим старикам отправил? — резко спросил Инари.

Сара очень любил своих стариков, совсем уже беспомощных, и никак не мог из своих заработков выкроить для них хоть немного денег.

Сара замолчал, а Инари не унимался:

— Четырех марок за час мало, за восемь еще работать можно. Ты бы посмотрел дивиденды акционерного общества.

— А ты смотрел? — усомнился Каллио.

— Смотрел и тебе покажу.

Инари вытащил из кисета вместе с порцией табаку для трубки обрывок газеты и сунул его под нос Сара. Но Сара читать не стал.

— Я всего три недели в школу ходил, — пробормотал он, — иначе к конфирмации не пускали, а без конфирмации и жениться нельзя. Но и то напрасно, холостяком умру.

Каллио тоже с трудом разбирался в напечатанном в газете годовом отчете акционерного общества. Инари помог ему понять, что такое дивиденд и какие огромные дивиденды получили в этом году акционеры.

Сара взял свой багор и пошел на пост. Он думал о том, что восемь марок за час вместо четырех было бы не так плохо, а при четырнадцати часах это означало сто двенадцать марок в сутки; из них пятьдесят можно посылать старикам, и те смогли бы хоть несколько дней в году не работать.

Каллио после этого разговора стал клеймить бревна на выбор, если вблизи не было десятника, и все время представлял себе, как дерутся у моря акционеры из-за бревен.

Они спали в душной баньке, и десятник с ними, и еще три человека; спали все вповалку, не раздеваясь.

И вот однажды Инари, лежавший рядом с Каллио, зашевелился и зажег спичку, причем головка ее, еще горящая, отлетела и обожгла раскрытую ладонь Каллио. Каллио проснулся и, просыпаясь, толкнул локтем Сара, лежавшего по другую руку. Каллио услышал, как Инари осторожно выполз из баньки, и Сара сказал ему:

— Моему старику в это лето односельчане разрешили косить траву на межах. Со всех межей деревни он может себе собрать сено.

Сказав это, Сара повернулся на другой бок и захрапел. И уже в полусне слышал Каллио, как вполз и стал

пристраиваться рядом с ним Инари, который был совершенно мокрый.

— Что с тобой? — удивился Каллио.

— Да так, ничего, выкупался. Спи.

— Зачем же в одежде?

— А чтобы насекомые захлебнулись, — усмехаясь, сказал Инари.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Каллио проснулся, когда солнце уже сияло над лесом, серебром играла река и бревна шли сплошной массой.

В тот день приехал представитель акционерного общества и стал уговаривать всех сплавщиков приняться за сверхурочную работу.

Весенним разливом занесло много бревен на крестьянские поля. Бревна мешали вспашке. Нужно было их выкатить обратно в реку. По всему течению — на полях и на берегах — пропадали тысячи бревен раннего сплава, и среди них был драгоценнейший выборочный палубник.

— Мы и так работаем много, а денег не видим, — с досадой сказал Сара.

А Каллио спросил:

— Сколько дадите?

— Чего спрашивать! Мы сами не возьмем меньше марки за штуку, да к этому еще и плата за час, — резко заключил Инари.

Акционер встал и, размахивая руками, начал кричать на Инари. Но в это время прибежал совсем молодой парнишка.

— Закрывайте ворота, закрывайте запань, у порога залом! — закричал он.

Все заняли свои места и спокойно закрыли проход. А бревна все подходили. Акционер заволновался.

Каллио, Сара, Инари, акционер и десятник побежали по берегу к порогу. До него было километра два.

Сучья цеплялись за одежду и хлестали по лицу, корни хватали за ноги, и тонкая весенняя паутинка

блестела на солнце. У порога беспомощно суетились люди. Так бывает только при большом несчастье.

К Инарн подошел остролицый, с совсем белыми, льнянымн волосамн сплавщнк.

— Это ты сделал, Суннла? — спроснл шепотом Инарн.

— Угу.

— Молодец! Мон бревна проходнлн здесь? — прошептал Инарн.

Каллно краем уха слышал весь разговор, но ничего не поннмал. В самом деле, Инарн такой же сплавщик, как н он, и, однако, чем-то не похож на других, нмеет какне-то секреты.

— Проходнлн, — так же шепотом отвечал Суннла, — действуют превосходно. И внизу действуют. Думаешь, этот напрасно сюда прнехал? — н он глазом указал на акцнонера: тот уже бегал по берегу н проснл, чтобы кто-нибудь взялся уннчтожнть залом, потому что нельзя ведь задерживать сплав.

Каллно не раз видел заломы и даже два раза сам нх разрушал, но такого большого ему еще не прнходилось вндеть.

Что такое залом? Бревно наткнулось на камень порога, затормознло свой быстрый бег н остановнлось. На него натыкаются бревна, ндущне позадн непрерывным потоком, и каждое останавлнвается и останавлнвает другие. Не прошло н двух часов, а уже выросла гора бревен, н она растет с каждым мгновеннем. Растет вверх, выше и выше. А лес все подходит.

— Хорошо, что запань закрылн, — бормочет десятник, н крупные каплн пота проступают на лбу.

— Еслн так оставить его, — говорнт Сунила, — то он вырастет вверх, как дом банка в Улеаборге, н под водою дойдет до дна. Я это дело знаю.

Залом расшнряется; бревна примыкают слева и справа, онн стонут, кряхтят, белая пена полощет порог.

Акционер мечется на берегу. Он застрелнл бы того негодяя, который упустнл этот залом. Ведь, еслн спохватнться во-время, простой сплавщнк может ударить первое бревно, н все потечет своим порядком, и молевой сплав пойдет спокойно по реке. Но он знает, что

если он сейчас будет ругаться и угрожать, то дело проиграно, никто не станет рисковать собою, чтобы разбить залом.

И поэтому акционер бегает по берегу и умоляет сплавщиков помочь, пока еще не поздно, пока еще можно сбить залом.

Все стоят, — кому охота рисковать собой! — а бревна подходят и подходят, и залом трещит, скрипит, стонет. Живая, трепещущая плотина растет на глазах у растерянных людей, и белая пена бьется о порог. А Каллио смотрит на Инари и думает: «Ну, теперь тебе секреты не помогут!»

В это время у запани тоже накапливается сдерживаемый воротами сплав. И Каллио видит: Инари отводит Сунила подальше от берега, вытаскивает листки бумаги и передает их ему, а затем идет обратно к берегу, подходит к акционеру и говорит:

— Я сорву залом.

Тот в радостном удивлении смотрит на него и протягивает для пожатия руку.

А Инари, как бы не успев второпях взять протянутую ему руку, схватывает шест и уже работает.

Каллио восторженно следит за каждым его движением. Он знает, что самое главное, самое важное — это найти сейчас первое зацепившееся бревно, которое застопорило весь этот поток леса. Он знает, на какое опасное предприятие пошел Инари. Если найти в этой огромной свалке нужное первое бревно, раскачать его, сорвать с места, тогда рухнет разом все это нагромождение и бревна, как спички, разлетятся по сторонам.

Каллио с завистливым восхищением следит за каждым движением Инари.

Акционер замер. Десятник, Сара и другие сплавщики следят за Инари. А он взбирается по бревнам, которые скользят под его ногами, отплывают и колеблются. Инари осторожно осматривается и всем своим существом — глазами, руками, ступнею, шестом, настороженным ухом — ищет первое остановившееся бревно среди тысяч бревен строевого леса, балансов, пропса, палубника, кокор, — одно из нескольких тысяч.

Но вот ои взмахнул руками, и шест разрезал воздух. Неужели поскользиулся?

Нет, ои почувствовал, увидел бревио. Вот ои словио пляшет по бревиам, и стройиая его фигура балаисирует, кажется, без всякого напряжения.

Сейчас иачнется самое главное и самое опасное. Сейчас, когда ои столкиет с места это бревио, когда оио сорвется и пойдет вииз по порогу, бурлящему ослепительиой пеиой, — весь залом рухнет, загрохочет, и бревна, прыгая по камиям, сплошиым массивом устремятся вперед, и иадо в одиу, две, три секунды успеть выскочить, вывериуться, вылететь из этого беспорядочиого, грохочущего потока. Одио иеточиое движение — и...

Каллио закрывает глаза и слышит страшный грохот и стук своего сердца.

Потом ои сразу широко открывает глаза, смотрит — залом рассыпается.

Одно бревио взлетело на два метра в воздух, а другие, толкаясь на пороге, торопятся, стаиовятся торчком и сиова падают.

Акционер присел иа пеиь, лезет во внутреииий карман пиджака и зачем-то вытаскивает бумажиик.

Ииари стоит, иемиого бледиый и улыбающийся, на берегу и просит у Суиила трубку.

А Сара стоит рядом с Каллио и шепчет ему на ухо:

— Учись, Каллио. Такому человеку можио верить. Я зиаю, верить можно только тому, кто хорошо работает.

Каллио утвердительио кивает и чувствует, что у иего затекли ноги и пересохло во рту. Они вдвоем подходят к своему товарищу, смеются, пожимают его шершавую руку и сиова смеются: мир прекрасеи!

Десятиик говорит:

— Идемте, ребята, назад: надо отворять ворота запаии и выпускать сплав дальше.

И они идут обратио. Мир чертовски хорош, и Ииари — иастоящий мужчииа. Да, такому можно верить.

Они выпускают из запаии лес, и бревна выходят в далекое путешествие.

И сиова сплавщнки заползают спать в свою собачью конуру, и сиова Инарн выбирается в лес из этой собачьей коиуры и долго ие возвращается. А Каллио не спнт. Ои думает, куда запропастнлся Инари, прнподымается, ударяется головой о потолок, ворчит: «Сатанапергела!» — н выползает на воздух.

Ночь прозрачна, н, таинственные белой иочью, высятся береговые сосны и лепятся по обрывам; там шумнт быстрая река, и очеиь близко поет птица, кажется пеиочка.

Каллио вытаскнвает кнсет и набивает новую трубку, а птица поет. Ои прячет кисет н вспомннает, что его сшнла Эльвнра, н думает: как только кончится сплав, ои пойдет н поможет ей два-трн дня по хозяйству иа полевых работах.

Ночь совсем прозрачиая, а Иiари не возвращается. Вдруг Каллню слышнт внизу всплеск. Черт подери, что бы это могло означать? Он спускается по обрыву н вндит: Инари стоит по грудь в воде у берега и что-то прикрепляет к бревну, а бревно ие стоит на месте, играет, как жеребенок. И тогда Каллио осторожно подкрадывается ближе и иаблюдает. Ои вндит, что Инарн на воткнутых в бревно ветках прикрепляет плакат. Каллио медленно, в свете севериой летней ночи, чтает огромные буквы плаката:

ТРЕБУЕМ 8 МАРОК В ЧАС—ИНАЧЕ ЗАБАСТОВКА!

Иiарн закрепляет этот плакат, — вндно, ие первый в эту ночь, — отталкивает бревно багром к середние рекн, н оно послушно идет вниз по течению. Инари следнт за инм, и Каллио видит, как спокойно ндет к югу дерево, и думает: «Если оно дойдет до моря, то сделает трнста кнлометров н его прочтет уйма сплавщиков... Да ведь его сорвет иа следующей же запаии десятник!.. А может, и не сорвет, ие заметнт, а рабочие переплавят дальше. — И он улыбается. — Хнтрый этот черт Иiари!»

А Инарн, стуча зубамн, подымается по обрыву. Тогда Каллно вдруг выступает нз-за сосны и, подражая медведю, рычит — так, в шутку:

— А я все видел — р-р-р-р! — я знаю, как ты топишь своих насекомых!

Инари от неожиданности останавливается и затем, продолжая взбираться по обрыву, тихо говорит:

— Что ж, иди донеси акционеру или десятнику.

Каллио обиделся. Он идет за Инари и говорит ему:

— Умный ты, умный и про дивиденды знаешь, хитрый ты, хитрый, как медведь, а все-таки дурак, что от меня такие дела скрываешь...

Инари продолжает взбираться и молчит. Тогда Каллио продолжает:

— Я, может быть, тебе помог бы.

— А это на твоем лице не написано, — уже одобрительно говорит Инари.

И Каллио улыбается.

А где-то близко какая-то птица играет вовсю, щелкает, захлебывается, рассыпается дробью, и они стоят в молчании и слушают эту песню. Потом Каллио спрашивает:

— Можешь ты, стоя на бревне, проскочить через порог и не упасть?

— Могу, — говорит Инари.

И Каллио решает, что и он непременно в этот же сплав научится проходить пороги.

Они вползают в жилье, и спертый воздух затхлого помещения ударяет им в нос.

Через четыре часа — снова четырнадцать, а то и двадцать часов нелегкой работы сплавщика. В следующую ночь, такую же белую и таинственную, Каллио помогал Инари ставить на бревнах плакаты и пускать их вниз по течению. «8 марок в час — иначе забастовка». Срок был намечен через семь дней.

Потом Инари пошел спать, хотя уже над лесом сияло солнце, а Каллио решил попробовать проехаться, стоя на бревне. Это он умел делать и раньше, но теперь он решил научиться спускаться на бревне через порог. Все дело здесь в ногах: надо крепко зажать ногами бревно, чтобы оно не вращалось. И все шло отлично, но Каллио очень устал, ему было холодно, зуб на зуб не

попадал, а тут ему показалось, что кто-то идет по берегу. Он оглянулся, потерял равновесие, бревно перевернулось, и он с головой ушел под воду. Когда он выплывал, тяжелый удар плывущего бревна оглушил его.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Очнулся Каллио в темной бане. Потолок нависал над головой, трудно было дышать, и нестерпимо ныла голова. Казалось, череп раскалывается на части. Рядом сидел Сара.

— Слава богу, ты очнулся, — сказал Сара и дал ему напиться.

Каллио снова забылся тяжелым сном, и когда опять сознание пришло к нему, Сара так же сидел рядом с ним в этой затхлой конуре. Сара сказал:

— Еще один день прошел.

Инари не было. Каллио повернулся на другой бок. Голова, казалось ему, отваливается. Он спросил:

— Кто меня вытащил?

— Я, — сказал Сара и продолжал, слегка шепелявя: — Вот ты теперь не получаешь два дня платы, а зато, когда встанешь, сразу все отработаешь с лихвой. Мы требуем восемь марок в час.

Каллио снова впал в беспамятство. Когда он очнулся, наверно, был день. У входа в конуру Сара громко разговаривал с десятником. Он говорил:

— Мои родители, когда поженились, жили на чердаке, потому что они были батраками. Они выпросили у хозяина торп, за который отец должен был работать, как лошадь. Они стали торпарями и начали строить дом, когда мне минуло четыре года, — понимаешь, четыре года. А когда изба была построена, мне было уже десять лет. У нас не было лошади, и отец с матерью таскали бревна на себе, а я, мальчишка, таскал топор и пилу. И за эту избу отец восемь недель ежегодно в течение десяти лет отрабатывал хозяину, а в тысяча девятьсот первом году, когда мне исполнилось девятнадцать лет, — я был самый старший, и нас было шестеро детей, — хозяин сказал: «Убирайтесь куда хотите и от-

давайте нзбу». Надо было убнраться. И я убрался, и вместе с отцом пошлн мы сюда, в лес, н все детн разбрелись по свету. Отец с матерью больше работать не могут, поннмаешь ли ты, а мие хватает только-только иа себя.

— А другие братья? — спроснл десятиик.

— Одни расстреляи в Хельснккн, а другой жнвет в России, — ответнл Сара, н разговор прекратился.

Сара вполз в коиуру; плечи его дрожали. Ои думал, что Каллио спит и ие слышит иичего. Каллио протянул руку н дотроиулся до его спины.

— О чем, Сара?

Сара не сразу ответнл.

— О нашей жнзни, Каллио, о наших старнках.

И онн замолчали.

Через два дия Каллно выполз нз коиуры в лес. И лес стоял перед иим жнвой, река, как всегда, бежала по руслу, солнце в брызгах над рекою нскрнлось всеми цветами радуги. Шел молевой сплав. У Каллио кружилась голова, н было легко в груди н желудке, — казалось, ои сейчас улетнт.

На другой деиь иачалась забастовка. И все рабочие с запаии — Ииари, Каллио, Сара и Суиила, Альстрем, Снпиляйнен и еще миого другнх — пошли в деревию, на месте остался одии только десятиик.

По дороге к ним присоедииились другне ребята. От одного нз них иесло самогоном. Инарн выбраиил его скотнной, н другие согласнлнсь с этнм.

Сара сказал, что за такнм человеком, как Ииарн, можио итти н что, когда забастовка, нельзя пить.

До деревии вннз по течеиню двадцать километров. Каллно шел и спотыкался. Ииари и Сара взялись нестн его иструмеиты, н к вечеру онн добралнсь до деревнн. Там было уже миого сплавщиков; они сговаривалнсь, если акционерное общество ие согласнтся дать прибавку, разойтись. Каллио стал устраиваться иа иочлег в одной баньке, вместе с Сара, Инарн н Снпиляйненом. Когда они уже легли, пршел Суиила и сказал:

— Инарн, тебе надо уйтн, тебя ищут.

Альстрем засмеялся: мы, мол, не таковскне, чтобы своих в обиду дать.

А Суннла сказал:

— Здешние шюцкоровцы все вооружены.

Инари вышел из бани с Суннла и сказал, что сейчас вернется. Каллио, утомленный, заснул.

Проснулся он от ругани. Два полисмена ругали Сара на чем свет стоит, а тот бормотал, что ничего не знает и никогда даже не видал человека, которого зовут Инари. Каллио посмотрел на него, как на сумасшедшего, а потом сообразил и стал тоже говорить, что такого человека не знает, хотя сам видел, как Инари уходил по ускользающим бревнам.

— Опять пропал этот черт! — выругался полицейский.

И они оба вышли из бани.

Каллио и Сара тоже вышли. К ним подошел хозяин баньки, местный крестьянин, и, похлопывая Каллио по плечу, заулыбался ему.

— Молодчаги, что не стали бревна назад в реку выкатывать! Нам, крестьянам, теперь суд с акционеров, как за потраву, за эти бревна присудит.

И они пошли дальше.

В деревне скопилось много сплавщиков. Они все взяли расчет, и, как всегда после получки, вокруг них увивались сомнительные люди, вытаскивали засаленные карты, многозначительно пощелкивали пальцами по горлу. А на площади, где уже вертелись коробейники, стало известно, что акционерное общество на прибавку не идет.

— Все равно сплав скоро бы кончился, на неделю раньше придем домой, — беззаботно сказал Каллио.

— В России все наоборот, — сказал Суннла, — там рабочие акционеров прогнали.

«Молодцы! — подумал Сара и пригорюнился. — Неужели нет прибавки? Что теперь будут делать мои старики?»

Каллио не знал, где находится Инари, и ему было не по себе. Поэтому он выругал Сара и сказал ему:

— Брось канючить, пойдем поработаем два дня у Эльвиры Олави, всего тридцать километров отсюда, и я дам тебе весь свой заработок со сплава на стариков.

Сунила сказал, что Эльвиру с детьми увез к себе ее отец. Тогда Каллио стало еще грустнее, и он пошел танцевать. Он нашел себе девушку и вертелся с ней.

Танцы были устроены на мосту — там гладкий деревянный настил.

Но танцы скоро наскучили Каллио, он оставил девушку. Они втроем — Сунила, он и Сара — опрокинули за углом у баньки по стакану самогона.

Каллио сказал:

— Возьми для стариков деньги, Сара.

Но деньги Сара не достались, потому что Каллио и Сунила через час проиграли их до последнего пенни. Только у Сара осталось несколько марок. Он понял, что имеет дело с шулером. Сунила божился, что если бы у него было еще три марки, он бы все вернул — теперь он раскусил механику.

Сара поехал на пароходе в город по лесным озерам, и друзья махали ему шапками, а потом, обнявшись, пошли по дороге в другую деревню. Там Каллио нанялся батрачить, а Сунила пошел дальше. Они очень понравились друг другу и сговорились зимою пойти на лесозаготовки вместе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Я держу курс на Звериный остров, там закусим, — сказал Коскинен.

Накренясь на крутом ходу, обдавая мелкой россыпью холодящих брызг, громко дыша туго надутым холстом паруса, вылетела из-за острова Блекхольм яхта и пронеслась мимо них.

Инари, оставляя островок Лоцманской станции слева, быстро повел лодку к Хегхольму — Звериному острову.

Коскинен сидел за рулем.

Он не мог спокойно глядеть на эту бухту. После разгрома финской рабочей революции в восемнадцатом году товарищи, спасая Коскинена от расстрела, устроили его матросом на пароход. И вот в мае пятнадцать пленных были приведены на пароход для отправки в Свеаборг, на казнь. Четырнадцать из них

были связаны попарно наручниками. Пятнадцатый — писатель Майю Лассила, — одетый в тяжелую шубу, стоял отдельно на палубе, под особым конвоем. Когда пароход прошел уже больше половины пути к острову Сандгамну, месту казни, Лассила бросился через борт в море. Шуба, надувшись пузырем, помешала ему уйти под воду.

Лахтари расстреляли его на воде и подняли труп на палубу.

Офицер сказал, плюнув через фальшборт: «Эта собака принесла нам больше зла, чем целый их бандитский взвод».

А Коскинен должен был стоять рядом, спокойно выслушивать эти слова и затем прибирать еще палубу. А теперь здесь играли белокрылые яхты.

— Ну, говори, — сказал, наконец, Коскинен и огляделся.

Инари, погружая в прозрачную воду весла, начал:

— Ты поручил мне узнать настроение лесорубов Похьяла. Оно великолепно. Ты поручил мне вести разъяснительную работу. Я вел ее. Ты поручил мне вербовать наших ребят. Я их оставил в разных пунктах больше десятка. И, наконец, ты поручил мне организовать забастовку. Я организовал две забастовки. Бастовало около тысячи человек. Там есть ребята, которые были в Красной гвардии в гражданскую войну и в финском легионе на Мурмане; там есть и возчики. Там малая плата, и у большинства не хватает одежды. Если тебе надо еще что-нибудь знать — спрашивай, а то я так говорить не умею.

И, пока он говорил, Коскинен, как будто не слушая его, сосредоточенно думал о чем-то; он, казалось, всеми силами сдерживал свое волнение и не решался сказать собеседнику что-то очень важное. И он ответил Инари не сразу, а как будто еще что-то решая:

— Я хочу поручить тебе дело, которое, по-моему, можешь выполнить только ты. Но прежде, чем дать это поручение, я хочу услышать от тебя всю твою жизнь, которую я знаю только кусками. Рассказывай. С начала и до того дня, когда ты пришел ко мне с путевкой партийного комитета.

— Запомнилась мне колокольня, — начал рассказ Иивари. — Я стоял у деревянных перил и смотрел вниз, а отец рядом трезвонил в два колокола. Жалованья не хватало, и он подрабатывал пономарем по праздникам.

Работал он на лесопилке, а прирабатывать приходилось потому, что было семь человек детей. Я был четвертым. И, несмотря на это, с семи лет до двенадцати я ходил в народную школу и обучался. Но в двенадцать лет пошел на работу. Больше учиться в школе не пришлось.

Объявление войны застало меня на лесозаготовках в Похьяла. Помнишь, тогда началась паника и сокращение работ в лесу, и я был в числе сокращенных. В эти же дни я вступил в профессиональный союз и в социал-демократическую партию. В марте тысяча девятьсот пятнадцатого года я подрядился на постройку Мурманской железной дороги. Там работало много финнов. Контракт наш был на полгода, но потом его продлили еще на полгода. Заработок был плох. И главное — не заработок, а еда. Летом продуктов хватало, и даже оставались каша и ломти хлеба. Остатками набивали мешки для крестьянских свиней и коров. Однако к зиме дело переменилось, и не только ничего не оставалось, но совсем еду привозить перестали. Тогда нас, рабочих, стали кормить остатками из этих мешков, а по каше уже ползали черви.

Нам запрещали ходить к крестьянам и рыбакам в соседнюю деревню. Держали в бараках, как военнопленных. Мы голодали, и ребята стали понемногу разбегаться.

Бежать было легко (если сразу не подстрелят), потому что вокруг бараков были непроходимые трясины и стражники не решались отходить от строений.

Я убежал, и дошли мы с товарищем по болотам до Княжьей губы и там сели на пароход, который шел в Архангельск. Документы были у нас на руках, и жандарм пропустил нас.

Мы проехали через все Белое море в Архангельск, и там нанялся я работать по погрузке и разгрузке иностранных пароходов, которых скопилось в порту уйма.

Все они были с военным грузом и спасались в северных морях от германских подводных лодок.

Так я работал грузчиком дней десять, когда меня вдруг арестовали и привели в тюрьму. Там уже сидело человек триста — финны, китайцы, русские. Больше всего финнов. За что мы были арестованы, я и до сих пор не знаю.

Отобрали всех финнов — пятьдесят восемь человек — и отправили в Суоми.

Больше года работал я снова лесорубом в Похьяла, когда до нас долетела весть о революции в России. У нас начались волнения, многие бросили работу. Я тоже поехал на юг, в Тампере, и там мне удалось поступить на фабрику. Но не за этим я поехал туда. Не смотри, что я с виду кажусь не очень сильным. Силы у меня хватает. Видишь, какие бицепсы! — Инари опустил весла в воду и, засучив рукав, показал свои мышцы. — Плаваю я тоже неплохо. Никто из лесорубов Похьяла не мог положить меня на обе лопатки. . . А тогда я мечтал стать чемпионом Суоми по французской борьбе. — Инари улыбнулся своим воспоминаниям. — И, знаешь, я уже был близок к своей цели. Тогда обо мне много писали в газетах. Нет, имя у меня тогда было другое: Ивар, так назвал меня при рождении отец. Но на финальный матч я не пошел. Нашлось дело поважнее. Красногвардейцы избрали меня командиром роты. Вместе с ними дрался я на центральном фронте, а потом вырвался из осады и на шлюпке с боевыми товарищами пробрался в Кронштадт.

Жили мы все одной надеждой: отдохнув, снова отправиться на фронт. Но революция наша была разбита.

Инари замолчал.

Какие это горькие слова: «Революция разбита»!

Коскинен, услышав их, подумал о красном огне на вышке Рабочего дома — сигнале, которым началось восстание, — и вспомнил о том, как красное знамя развевалось по ветру на флагштоке здания сейма и как тяжело было через несколько месяцев видеть другие, чужие, бело-синие цвета. Он шел по улице, и весь город стал сразу пустым, чужим, враждебным.

Нет, тому, кто изведал весь восторг победы, тому, кто пил горькую воду каиав, тому, кто замерзал в поляриой пурге дремучих лесов и видел всю землю освежеииой и все переживал заиово, тому, кто после ие зиал иеутолимой горечи утраты завоеваниого, гибели лучших товарищей от цыиги и расстрела, ие видел родиых улиц, попираемых самодовольиыми врагами, — нет, тому ие поиять, какая иеумирающая боль звеиит в словах: «Революция разбита»!

Коскииеи молчал.

— В августе восемиадцатого года, иа учредительном съезде иашей партии, я впервые тебя увидел, — продолжал Ииари. — Там мы поклялись жизии своей ие щадить в борьбе за свободу Суоми! Мы поклялись Леииину — в битве за дело рабочего класса быть в первых рядах. . .

Оии пристали к Звериному острову, привязали к колышку лодку и, затерявшись в праздиичиой толпе только что сошедших с пароходика пассажиров, пошли по ровиым дорожкам парка.

Они стояли у решетки, ограждавшей медвежат от любопытиой детворы. Медвежата возились, опрокидывая друг друга, а детишки визжали от восхищеиия и совали куски белой булки сквозь проволочиую решетку.

Песок шуршал, умииаемый тысячами подметок, иа море мелькали огромные крылья яхт, и оркестр в ресторайе Хегхольма играл иациоиальиый гими и иовые, только что пришедшие вместе с гуверовским ржавым салом шимми, чечетки, фокстроты.

Был праздиик и последиие дии морских купаиий.

Ииари и Коскииеи молча сели за столик и, проглотив легкий завтрак, запивали его душистым, крепким, горячим кофе.

Праздиичиый деиь проходил мимо иих. На лужайке у берега лежали со своими семьями чииовиики, торговцы, доктора и иижеиеры из тех, кто ие успел еще обзавестись своей яхтой.

«Приобретай моториые лодки, учись управлять

ими — это великое оружие в будущей войне за нашу независимость!» — гласили объявления, восхваляющие хлам западноевропейских и американских фирм.

Инари держал курс на город. На веслах сидел Коскинен.

— Когда рабочая революция в Суоми была разбита, — продолжал свой рассказ Инари, — многие наши товарищи на севере перешли границу и стали собираться в Княжьей губе, Кандалакше, Мурманске. Много финнов работало там на постройке железной дороги. Все они ненавидели лахтарей и солдат Вильгельма, которые, с помощью Свинхувуда, водворяли на финляндский трон захудалого германского принца.

Инари рассказывал, как в Мурманске появились английский флот, королевская пехота, шотландские стрелки. Интервенты обратились к финнам.

— У нас и у вас, — говорили они, — общий враг: германская армия. Давайте объединимся в борьбе. Общими силами изгоним немцев и их союзников из Суоми!..

Они объявили запись в финский легион британской королевской армии.

— Записывайтесь в легион, — сказали они голодным финнам, строителям дорог и лесорубам, — вы получите прекрасный паек. Белый хлеб, сгущенное молоко, отличные консервы, шоколад...

Но и этот убедительный довод не подействовал бы, если бы на севере, в Мурманске, не оказался Оскар Токой. Во время революции он был членом революционного правительства — Совета Народных Уполномоченных. Из-за таких, как он, и была проиграна наша революция, но в этом еще тогда мало кто разбирался. И вот этот Оскар Токой, социал-предатель, — да будет его имя проклято, так же как и имя его друга Таннера! — ездил по линии и агитировал вступать в легион. И многие ему поверили — ведь он был членом Центрального комитета социал-демократов — и записались в легион. Набралось в легионе свыше тысячи человек. Они получили английское обмундирование, оружие. Начальство

сначала было выборное. Командиром выбрали Токоя. Ему присвоено было звание полковника английской королевской армии. Но сам-то он знал, что все слова о драке с немцами и лахтарями — ложь. Настоящий же план у интервентов на Мурмане был такой: вымуштровать финский легион, создать из него внушительную воинскую часть и бросить против Советской республики, против Красной Армии.

Как всегда, чужими руками они хотели загребать жар. Английский капиталист, полярный «исследователь» Шекльтон уже выхлопотал у архангельского белогвардейского правительства в полную, нераздельную концессию на девяносто девять лет весь Мурман. Остин Френч еще за три года до этого, с помощью дипломатического нажима, вынудил царское правительство заключить с ним договор на постройку участка Мурманской железной дороги от Колы до Кандалакши и, ничего не сделав, получил аванс в пятьсот шестьдесят тысяч рублей золотом. По его следам теперь устремились и другие авантюристы... Как же не воспользоваться было им услугами социал-предателя Токоя, помогавшего покупать по дешевке пушечное мясо?!

Но и английские интервенты и Токой просчитались.

— Мы у них отняли самое ценное — людей, солдат! — сказал Инари. — В августе восемнадцатого года, вскоре после учредительного съезда нашей партии, меня вызвали и, как человека, отлично знающего эти места, вместе с другими товарищами послали на север, через линию фронта, в Княжью губу, где был расквартирован легион. У нас было одно задание — сделать все для того, чтобы легионеры обратили свое оружие против интервентов. И мы знали, что там уже работают наши товарищи. Одним из них был Ярви, посланный туда еще в начале июня.

Берег был уже близко, и поэтому Инари не стал сейчас рассказывать Коскинену о том, как он с товарищем перешел линию фронта, по болотам и лесам добрался до Княжьей губы, как записался в легион и что там делал, ежеминутно рискуя жизнью.

Он рассказал только, что Ярви начал внутри легиона борьбу с Токоем. Многие из легионеров знали Ярви как боевого командира в дни гражданской войны, знали, что он был организатором Красной гвардии среди железнодорожников. К тому же он жил не с офицерами, как Токой, а в бараках, вместе со всеми. Авторитет его с каждым днем вырастал. На одном очень бурном собрании легионеры избрали своим командиром Ярви. Так в легионе стало два командира. Один — полковник Токой — в отставке, другой — действующий. В марте девятнадцатого года, считая, что легион достаточно уже вымуштрован, командование интервентов, забыв все свои обещания, отправило его на фронт, против Красной Армии. Токой ездил по ротам, произносил речи о том, что надо немедленно и решительно выполнить приказ и зарекомендовать себя как верных союзников Антанты, «защитников демократии».

И тут перед строем вышли вперед один за другим Ярви, Инари — он недавно был избран командиром роты — и обратились к легиону:

— Против Красной Армии, против Советской республики мы, трудящиеся финны, не сделали и не сделаем ни одного выстрела. Их враги — наши враги, а мы им кровные товарищи.

— Да здравствуют Советы! На позиции не идем! Открываем фронт!

Интервентам пришлось двинуть свои войска против легиона. Но до боев дело не дошло, только в двух местах были небольшие схватки. Английские интервенты увидели, что легионеры, если их к этому вынудят, будут драться отчаянно, но не с Красной Армией, а с ними. Боевые действия в тылу могли бы плохо кончиться для них. Тут могла начаться такая передряга, о какой они и подумать не могли. Тем более что и в английских частях на Мурмане начались бунты. И не будь тогда предательства Токоя, большое бы подспорье получила Красная Армия в своем наступлении на Мурманск. Поэтому интервенты послали парламентеров, и Токой склонил легион ввязаться в переговоры...

— Финский легион не будет драться с Красной Армией. Не принуждайте. Вам же будет хуже! — вот какой была позиция легионеров.

— Тогда сдавайте оружие, которое вы получили от нас, и идите на все четыре стороны! — говорил командующий войсками интервентов на Мурмане, генерал Майнард.

— Без гарантий неприкосновенности легион оружия не сдаст.

Майнард объявил и письменно заверил, что он договорился с финляндским правительством о том, что по возвращении в Финляндию никто из легионеров не будет наказан. И это оказалось новым предательством. Интервенты передали тех, кого они соблазнили обещаниями бороться с лахтарями, в руки лахтарей, отлично зная, что́ их там ожидает.

— Влияние Токоя в легионе с каждым днем падало, наше — росло, и если бы приказ об отправке легиона на фронт был отдан хотя на неделю позже, то задание, которое нам дала партия, было бы выполнено полностью... А тут я сознаю свою вину, — огорченно сказал Инари, — мы отняли штыки у английских интервентов, но не смогли повернуть их против них же! Узнав о договоре Майнарда с лахтарями, Ярви и еще несколько товарищей скрылись в тайге. Я был болен и не мог уйти с ними.

На родине нам приготовили встречу: нас судили. Меня приговорили на пять лет. Я семь месяцев протомился на каторжных работах на острове, а затем бежал. В тысяча девятьсот двадцатом году зимою я работал на лесоразработках...

— Ну, а дальше я все знаю, — прервал Коскинен.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Лодка пристала к набережной. Коскинен и Инари сошли на берег и пошли к Эспланаде.

А вокруг люди громко разговаривали и утверждали, что жюри напрасно присудило первый приз яхте «Трильби».

Проходящие отряды шюцкоровской молодежи мерно чекаиили шаг и пели о родине, о Суоми, о том, что «нищета твоя светла».

— Вот лгут-то!

Коскинен усмехнулся и, проведя рукой по подстрижеиным усам, как бы снимая с лица приставшую в лесу паутину, сказал:

— Зиаешь, когда я по-настоящему человеком стал? Всеобщая забастовка, — да, это была всеобщая забастовка пятого года...

Оии свернули в переулок и на углу чуть не столкнулись с иизкорослым, коренастым парнем в кепке. Одежда его пахла машинным маслом.

— Коскииен, — сказал ои и подмигнул в сторону Инари.

— Наш, — буркнул Коскинен.

— Товарищ Коскинен, у меня был обыск, ничего не иашли, и я пошел сказать тебе об этом. Прихожу и вижу: входят иесколько шюцкоровцев и полицейских в дом, где ты живешь. Я остановился, смотрю — из окна твоего дома один полицейский делает знаки тем, кто остался иа улице, и все они подиялись и не вышли до сих пор из твоей квартиры. Тебе нельзя итти домой, Коскииеи.

— Тогда мы и не пойдем домой, — спокойио ответил Коскинен. — И тебе, Луидстрем, лучше исчезнуть из города иа время. Я тебе дам партийиое задание — важнейшее дело — и начальником твоим будет Ииари, который шагает с нами рядом, и третьим человеком в этом деле будет товарищ Олави: ему я иазиачил свидание через час у памятника Руиебергу. Скоро время, идемте туда.

И оии пошли к Эспланаде.

Страшная вещь — глухая одиночка.

Сидишь и не знаешь, что творится иа воле.

А на воле весиа, и все ручьи горланят, и все птицы щебечут, и ты вспоминаешь подругу и боевых ребят, с которыми тебя сдружила революция.

И, повериувшись спииою к глазку, ты начинаешь мечтать об общей камере.

Когда в общей камере находится настоящий революционер, тогда там незнающие узнают все: о том, как мир раскололся на две половины и в одной все несчастья, какие только есть на свете. И затхлые комнатушки, где ютятся четыре семейства в двадцать человек; и ужасы землянок с полом из жидкой глины, куда бросают забастовщиков; и тяжесть пахоты под конвоем, когда любимая женщина с ребенком на руках, удерживая рыдания, смотрит на тебя из окна; и мордобой в строю, и глухое звяканье наручников, и безвыходность безработицы.

Это мир, где все сделано нами и ничто нам не принадлежит, даже жизнь.

И другая половина, где, наконец, началась настоящая история человечества.

Мир, где из подвалов и клетушек рабочих переселяют в господские особняки и квартиры, мир, где — от начальника до рядового — все товарищи. И все сделанное трудящимися принадлежит им.

Все это так близко, рядом с нами — стоит только перешагнуть границу.

Обо всем этом узнал Олави в бесконечные дни заключения в общей камере. Там он стал коммунистом и, уходя из тюрьмы, получил явку к Коскинену.

И еще он там узнал, что финляндских рабочих, батраков, торпарей и лесорубов лахтари хотят заставить воевать против русских революционеров.

— Нет, этот номер им не пройдет, — шепчет про себя Олави, слушая «Бьернборгский марш».

Его пел отряд союза шюцкоровцев, проходящий по Эспланаде.

Кулаки сжимались сами собой, когда он смотрел на ровные шеренги этих хозяйских молодчиков.

И все-таки жизнь ему казалась удивительной и светлой: ведь он только вчера вышел из тюрьмы и через несколько дней увидит детей и Эльвиру. Как она замечательно смеется!

Он читал надпись, высеченную на граните пьедестала памятника:

Где любят так свой край родной,
Как любим север свой?

И когда он произносил слово «север», ему вспоминалось, как шел он утром после веселой ночи по накатанной дороге с Эльвирой и Каллио. Падал мягкий, нежный снежок, и солнце вставало из-за темного леса. Коскинен положил руку на плечо Олави и спросил:

— Ты из Похьяла?

— Мы все из Похьяла! — ответил Олави, как было условлено.

— Тогда идем с нами, тебе будет работа. Начальником твоим будет Инари.

— На сколько времени?

— Не знаю точно.

«А как же Эльвира?» — чуть не вырвалось у Олави, но он промолчал и протянул руку Инари.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В первом вагоне на чистой скамейке одиноко сидел Олави и следил, как за окном проворно уходили сосны на юг и за ними мелькали блестящие, как стальные ножи, озера; он думал о том, что Хелли, наверно, уже большая девочка, и боялся, что она не узнает его.

Во втором вагоне Лундстрем думал о том, кто снимет его комнатенку, кому достанутся его пожитки, брошенные на произвол судьбы, как его будут разыскивать товарищи по мастерской.

И он радовался, что он, Лундстрем, молодой еще работник организации, едет куда-то вдаль по секретному и очень важному делу.

Против Лундстрема на скамейке горячо спорили о политике три пассажира.

— Нам стоит только начать войну против Советской России, и тогда Англия, Франция, Америка и Лига наций сразу придут на помощь, — горячился один из них.

Другие с ним не соглашались. Один говорил:

— Англия далеко, Америка еще дальше, а Россия близко, и если она не посягает на нашу независимость, то лучше не заваривать каши.

Другой поддакивал:

— Вот если бы Англия и Америка начали, тогда бы можно было и нам взяться. — И он, как бы ища поддержки, обратился к Лундстрему: — Как вы думаете, молодой человек?

Лундстрем вспыхнул — он хотел произнести горячую речь о том, что советское правительство России первое провозгласило независимость Финляндии, о том, что буржуазия, так много болтавшая о независимости, испугалась и продала ее кайзеру, о том, что Советская Россия — отечество пролетариев всего мира!

Но, помня наставления Коскинена о конспирации, он сказал:

— Я, господа, думаю — небольшая война нам не помешала бы. Россия слаба, там в этом году была страшная засуха. Карелы, наши братья, ждут не дождутся освобождения, и, наконец, наши собственные рабочие очень распустились — болтают нивесть что. Их можно было бы в этой войне снова хорошенько проучить...

— Правильно, молодой человек, — одобрил первый собеседник.

Остальные замолчали.

Лундстрему стало не по себе, и он вышел в тамбур, чтобы выкурить сигарету.

В одном из вагонов этого поезда ехал Инари.

Инари не старался разгадать, в чем состоит дело, руководителем которого назначался он. Если Коскинен ему не сказал — стало быть, не пришло еще время говорить об этом. А сейчас об этом думать напрасно, лучше всего отдохнуть, заснуть, потому что предстоит работа, трудная и опасная.

Однотонное дребезжание колес наводило дремоту.

Коскинен сидел в соседнем вагоне и снова и снова обдумывал свой план, уточняя его и проверяя. Он закрывал глаза, и перед ним вставала карта местности: и узкие змейки речушек и голубые кляксы озер. Да, все было в порядке.

Он открывал глаза и видел, как мимо окон бежали унылые скалы в предосенней настороженной тишине.

Коскинен был весь полон предстоящим делом. Он волновался. Ему казалось, что поезд идет слишком медленно.

Он думал, что дело, порученное партией, должно выйти, что все зависит теперь только от него самого, от его энергии, умения, настойчивости, от его товарищей.

А на соседних лавках пассажиры вытащили замусоленные карты и принялись резаться в двадцать одно. Сначала игра шла мирно. Но скоро голоса зазвенели обидой. Все громче и громче раздавались в вагоне ругательства.

Один игрок назвал другого шулером, тот не стерпел оскорбления, и колода карт полетела в лицо обидчику.

Завязалась драка. Один пассажир бросился за кондуктором. Тот, кого обозвали шулером, вытащил финский нож и, размахивая им, стал пробиваться к выходу. Но дверь загородил подоспевший обер-кондуктор.

Коскинен не заметил, как был нанесен удар, он увидел залитую кровью руку обер-кондуктора. Тот, кому брошена была в лицо колода, схватил за плечи партнера и громко закричал: «Режут!»

Поезд медленно подходил к станции.

На свистки в вагон явились два полицейских.

Они заперли двери. Один пассажир, с коротко подстриженными усами, должен был выйти на этой станции. Теперь он бешено ругался, тыча в лицо всем свой документ, придерживая другой рукой плетеную корзину. Полицейским, закручивавшим за спину руки картежникам, было не до него.

Поезд медленно отошел от станции. Пассажиру так и не удалось выйти.

Когда двое буянивших картежников были связаны, полицейские, вытирая пот, приступили к составлению протокола.

Один из них поднял карты с полу и стал внимательно их осматривать. Карты были крапленые.

— Я и то смотрю: что он всегда к восемнадцати даму прикупает? — возмутился один из связанных.

Полицейский обыскал арестованных и у каждого из них обнаружил по колоде крапленых карт.

Публика заволновалась.

Один из пассажиров, проигравший за полчаса четыреста марок, завопил, что у шулеров, наверно, в этом вагоне есть сообщники.

— А это мы сейчас проверим, — сказал старший полицейский и потребовал, чтобы все находящиеся в вагоне пассажиры предъявили свои документы.

Третьим на очереди был Коскинен.

Он спокойно улыбнулся, уверенно достал из внутреннего кармана бумажник, раскрыл его с шутливой самоуверенностью, — как бродячие коробейники раскрывают свои богатства перед бедным торпарем, — и предъявил документ. Заверенная солидной печатью бумажка удостоверяла, что «господин Коскинен является агентом тайной полиции г. Выборга» и что управление тайной полиции просит «оказывать г. Коскинену содействие при исполнении возложенных на него поручений».

Полицейский почтительно возвратил бумажку Коскинену и продолжал свой обход.

Документ человека с коротко подстриженными усами неожиданно взволновал полицейского.

Он бросил тревожный, пристальный взгляд на Коскинена: лицо Коскинена было спокойно-серьезным. Человек же с коротко подстриженными усами явно волновался.

— Покажите ваш документ, — еще раз потребовал полицейский, и Коскинен спокойно достал свой бумажник.

Удостоверение человека с подстриженными усами также говорило, что его владелец и предъявитель является сотрудником тайной полиции города Выборга. Оно отличалось от удостоверения Коскинена лишь отсутствием последней фразы, призывающей оказывать содействие.

— Один из этих документов фальшив, должно быть, — сказал старший полицейский.

И человек с коротко подстриженными усами взволновался еще больше.

— Почему? — воскликнул он.

Коскинен подумал, что, может быть, сейчас лучше всего броситься на площадку и на всем ходу соскочить в бегущий мимо поезда сосновый лес. Но дверь была заперта, и он никому из товарищей не рассказал сути предстоящего дела. Он спокойно стал развязывать кисет, пахнувший дорогим табаком.

— Потому, — объяснил тихо старший полицейский, — что на документе, помеченном более поздней датой, номер меньше, чем на документе, помеченном ранней датой.

Коскинен спокойно молчал. А когда старший полицейский еще раз пристально посмотрел на него, Коскинен как-то по-особенному подмигнул.

Человек с коротко подстриженными усами подозрительно кипятился:

— Я сойду на остановке и буду телеграфировать об этом безобразии. Разве вы не видите, что на моем документе дата март, а на его — май? Моя более ранняя — значит точнее.

— Я не рекомендовал бы его отпускать одного на станцию, — спокойно заметил Коскинен, — тем более что свою остановку он уже проехал!

И он молча указал полицейскому на строку своего документа, где говорилось о содействии. Этих строк во втором документе не было.

Полицейский вспомнил о бурных протестах пассажира и его желании выйти из вагона, когда появилась полиция. И это, должно быть, решило все, тем более что Коскинен, спокойно наклонившись к уху старшего, прошептал:

— Можете сослаться в случае чего на меня. Запомните адрес: Улеаборг, полицейское управление, — там я пробуду две недели!

На первой же остановке полицейские увели с собой двух молчавших шулеров и горячо протестовавшего агента охранки.

Оставшиеся пассажиры подозрительно смотрели на Коскинена. Один из них сказал презрительно:

— Шпик!

Коскинен вытащил синий носовой платок и отер со лба выступивший крупными каплями пот. Ноги его одеревенели от волнения и, как ему казалось, слегка дрожали.

Он успокоился через несколько минут ритмического покачивания бегущего вагона и улыбнулся, вспомнив товарища Викстрема.

Это был отличный парень, гравер. Он изготовлял замечательные документы подпольщикам, паспорта и удостоверения, которые казались более подлинными, чем настоящие. Как они хохотали, когда Викстрем вручал ему документ агента охранки! Он давно так весело не смеялся.

Действительно, долговязый Викстрем был душа-человек и прекрасный товарищ, его провал и арест месяц назад нанесли тяжелый удар организации. Но против него, кажется, нет явных улик, и его должны были скоро освободить.

Машинист давал гудки, поезд подходил к какому-то полустанку, и Коскинен, не желая через две-три станции, когда все выяснится, быть арестованным «согласно телефонному распоряжению», обошел вагоны и сказал товарищам, чтобы они сходили на ближайшей остановке.

— Почему изменен план? — спросил Лундстрем.

— Нужно, — спокойно ответил Коскинен.

И никто никогда не узнал от него, что произошло в вагоне.

Он устало и довольно улыбался, вспоминая об этих минутах, но ни за что в жизни не желал бы их повторить.

Он улыбался, вспоминая веселье Викстрема.

Он не знал еще, что Викстрем, возвращаясь в тюремную камеру с допроса, после пыток, бросился в пролет лестницы и разбил голову о каменные плиты.

Когда все на станции собрались около багажного сарая, Коскинен весело объявил товарищам:

— Ну, теперь мы золотоискатели.

— Как?

— Что?

— Ничего особенного, простые золотоискатели.

Так они превратились в геологическую партию Хельсинкского университета.

И вот живут они уже неделю в затерянной деревне, на берегу быстрой, порожистой речки.

С пригорка видны стройные березы, уже готовые расстаться со своим осенним оперением. Вот дрожит всеми листьями осина, там красные, багряные россыпи рябины и сверкающая зелень соснового перелеска, а дальше сумрачные, тяжелые ели.

А над всем этим — просторная тишина.

Лундстрема сначала это успокаивало, он ровнее и глубже дышал и, приобретая все бо́льшую уверенность, становился все менее раздражительным. Его уже не так сердила спокойная медлительность Олави. Лундстрему казалось, что даже если бы над головой Олави горела соломенная крыша, он все же сделал бы две-три затяжки из своей самодельной трубки, прежде чем ответить на вопрос, где находится ведро с водою. Инари утверждал, что нет никакой тишины, наоборот — весь лес наполнен различными шумами, и всякая сосна лесу весть подает, а осина и без ветра шумит; что он по треску сучка узнает погоду на завтра. И Лундстрем уже не смеялся, когда подслушал невзначай, как Инари, остановившись перед стройной сосенкой и ласково похлопывая ее ладонью, говорил:

— Растешь, голубушка? Ну что ж, расти, расти.

И решительность распоряжений Коскинена становилась ему все понятнее, — он чувствовал за нею огромную опытность старшего товарища, его почти безошибочную, быструю сметку и находчивость...

— Это лучший лесоруб севера, — не без гордости сказал однажды про Коскинена Инари.

И потом Коскинен был представителем ЦК. Слово «ЦК» звучало для Лундстрема как торжественная клятва верности.

И вот теперь он, Лундстрем, выслушивает распоряжения человека, который бывал на заседаниях ЦК.

И Лундстрем, гордясь выпавшей на его долю честью, старался точно выполнять все распоряжения началь-

ника, но все же окружавшее его лесное безмолвие утомляло его, и ему казалось, что в этой неразличимой для него тишине кроется какой-то неожиданный подвох.

Через несколько дней он уже начал тосковать по привычному шуму мастерской.

После работы, возвращаясь с выпачканным черннкой ртом домой, в небольшую нзбу, он завндовал спокойному, равномерному храпу Олави и Инарн.

И в такие часы он тихо разговарнвал с Коскиненом.

Но Коскинен требовал — итти спать, завтра ведь снова работа, — и Лундстрем покорно укладывался...

Коскинен, спокойно улыбаясь в подстрнженные усы, велел товарищам срывать дерн и оставлять, будто напоказ, свежне проплешины сырой земли.

Коскинен требовал, чтобы ребята отбивалн своими геологическнми молотками от больших камней куски. Сам он карабкался по обнаженным у берега породам н, деловито собнрая образцы, серьезно н пристально изучал их, взяв на ладонь.

У очага накопилась груда камней разной формы н величины; слюда в неотесанных кусках гранита радовала непривычный глаз своим блеском.

Так они проводнли дни, иногда далеко уходя от селения.

Однажды Коскинен ушел один по берегу ручья в лес и вернулся поздно вечером, встревоженный и, казалось, расстроенный.

Он курил и сосредоточенно молчал, молчал и Олавн. Инарн ладил постель ко сну, и Лундстрему чудился какой-то заговор против него. Он сознавал, что все это пустяки, что все это ему только так кажется, но молчаливость была не в характере Лундстрема, она тяготила его.

И на второе утро Косвннен, приказав собнрать камнн и поднимать дерн на видных местах, опять ушел в лес.

Инарн выполнял распоряження Коскинена настойчиво и неукоснительно.

Олави порою останавлнвался и, держа в ладонн отбитый осколок валуна, задумывался о чем-то далеком.

Лундстрем же поковырял немного дерн, потом обозлился и плюнул.

— Инари, зачем мы это делаем?

— Должно быть, нужно.

— А ты сам не знаешь?

— Нет.

— Я так не могу работать!

И снова молчание и попыхивание трубками. И снова через несколько минут Лундстрем с раздражением бросает камень и говорит:

— Олави, зачем мы этой работой себя изводим? Надо, наконец, узнать, о чем думает «старик»!

На третий день после приезда в деревню, вечером, у очага, на котором в чугунке варился картофель, Коскинен с довольным видом объявил, что он нашел нужную зарубку, теперь все в порядке.

— Зарубку не смоешь. Я знал это, а найти не мог. Молния в сосну ударила, и обгорела сосна. А об этом мне не было сказано. Впрочем, кто мог знать! Надо завтра стряпуху нанимать и приниматься за настоящее дело.

Но едва Коскинен собрался рассказать, в чем теперь будет заключаться их работа, как раздался стук и в горницу вошел старик — местный староста; с ним был тринадцатилетний мальчик, его внук.

— Садись, гостем будешь, — спокойно сказал Коскинен, и хитроватая улыбка застряла в уголках его губ.

Старик спокойно опустился на лавку. Нары шли вдоль стен всей горницы; было темно, и только огонь очага чертил огромные тени на потолке. Было слышно, как закипела в чугунке вода.

Наконец старик спросил:

— Так из Хельсинки?

— Да, отец.

И снова наступило молчание.

— За чем к нам пожаловали? Чем привлекли ваше столичное внимание наши заброшенные места?

— Видишь ли, отец, — сказал располагающим, вкрадчивым голосом Коскинен, — я сам собирался сейчас зайти к тебе и объяснить. Мы посланы университетом, — Коскинен вытащил бумажку и показал ее старику.

Старик придвииулся к огию и медлеиио стал читать удостовереиие, видимо ие совсем улавливая его суть. Непоиятиые слова виушали ему уважение.

— Но дело, отец, ие в этом, про самое главное в бумаге ие иаписаио, потому что дело иаше секретиое, и тебе тоже, для выгоды своей и соседской, лучше об этом молчать. Мы ищем золото и, вероятно, найдем его. Если никто об этом ие проведает раньше срока, все здесь станут богачами, а если узнают — иахлынут сюда чиновники, помещики и все богатство уйдет, как весною лед.

И снова иаступило молчаиие.

Старик сосредоточеино жевал губами, глазенки мальчика восторженно засияли.

Картошка была готова.

— А мие нельзя с вами золотоискателем сделаться? — осторожно и умоляюще спросил мальчик.

— Вот как времена меняются, — словио отвечая иа свои затаенные мысли, сказал старик. — Меия пастор окрестил, когда мие исполиилось пять лет и я смог сам пойти на лыжах в церковь за пятьдесят километров принять святое крещеиие. Летом совсем пути не было, а зимой только лыжи. А сейчас и дорогу нагатили, и Илмари в золотоискатели с двенадцати лет рядится!

— С тринадцати, — поправил Илмари деда.

— Нет, Илмари, — улыбнувшись, ответил Коскинеи, — молод еще ты, а камни приноси — может быть, оии и пригодятся.

Миого иатаскал Илмари в избу камней.

Но в ту миииуту его виимаиие было заиято другим. Он жадио смотрел иа финский иож, которым Олави расщеплял полено, готовя растопку.

Нож Олави должен был понравиться всякому понимающему толк в этом деле. Большой, но в меру, красивый не как безделушка, а как вещь, иеобходимая в жизни каждому мужчине.

Для каждого финского мальчика иож является как бы свидетельством мужества, зрелости, граждаиского совершеннолетия.

Дед тоже смотрел иа работу Олави, но она рождала в ием совсем другие чувства.

— Из лучины не сделать полена, из шестидесятилетнего — двух парней по тридцать лет.

И старик, благодаря за угощенне, стал собираться восвояси.

На прощание Лундстрем хотел помочь старнку разжечь табак в трубке и чиркнул уже спичку, но старик замотал головой и, с неожиданной торопливостью отстранясь, сказал:

— Нет, благодарю, не надо. Я ни разу в жнзни не закуривал трубки от спички. Я не доверяю этнм штукам, которые зажигаются с треском и брызжут в лицо искрами. Они всегда гаснут не во-время. Нет, у меня для этого есть трут и кремень, уголек из очага или костра: другой совсем аромат получается.

Как только староста с внуком ушли, Коскинен скомандовал:

— Спать! Завтра с утра за дело!

Утром наняли они стряпухой девятнадцатилетнюю Хильду, батрачившую в этой деревне уже второе лето, и отправились на работу.

Скоро все в деревне узнали — старик проболтался, — что приехали золотоискатели. И, передавая эту новость, многозначительно намекали на общую выгоду хранить ее в секрете.

Хильда тоже думала про своих новых хозяев, что онн золотоискатели, и хотя в разговорах их слово «золото» почти не слышала, она решила, что так надо для дела.

Действнтельно, так нужно было для дела. Много Хильде было хлопот с камнями, каждый камень она обтирала тряпкой.

Хнльда была высокая, крепкая, работящая девушка и ннчего особенного, казалось на первый взгляд, не представляла. Она напоминала молоденькую березку весной, холодную и малопривлекательную, на которой мнмоходом останавливают взгляд, чтобы сразу же перевести на цветущую рядом рябину или снежную черемуху.

В двух километрах по реке вниз от селения, на левом берегу, стояла высокая сосна; кора у вершины была

обуглена — в нее ударила молния. На высоте человеческого роста слабо прочерчена зарубка — стрелка.

— Это то, что нам надо, — сказал Коскинен, когда товарищи подошли к сосне. — В ста шагах отсюда на запад должна находиться лесная сторожка.

Однако сторожки не было, и только утоптанная на прогалине земля, обугленные, недогоревшие коряги и несколько полусгнивших досок свидетельствовали о том, что здесь когда-то могла находиться хижина.

Обнаружив эту полянку, товарищи пошли дальше за Коскиненом.

От прогалины начиналась тропинка, которая, змеясь, вела обратно к речке, но уже шагов через пятьдесят тропинка исчезла среди кочек, покрытых вереском и брусничными кустами.

Лундстрем нагибался почти у каждой кочки, брусника сыпалась бисером в его горсть, и он придавливал языком к нёбу прохладные, острые на вкус ягоды. Обрывая со встречных кустиков ягоды, Лундстрем отстал от товарищей и поэтому так и не понял, какой приметой руководствовался Коскинен, который, внезапно остановившись, спокойно сказал:

— Здесь.

Солнце, замечательное осеннее солнце, пробиралось через уже начинавшую желтеть листву и золотило все лесные паутинки, и сквозь заросли видно было, как дробится оно в течении быстрой речки.

— Здесь, — сказал Коскинен и посмотрел, нет ли вблизи посторонних.

Никого не было. Лундстрему казалось, что лес был тих, как никогда, в эту торжественную минуту.

Коскинен продолжал:

— Положение острое, каждый день наша буржуазия может объявить войну Советской России. Всякий сознательный рабочий финн будет против этой войны, но разговоров в таком деле мало, нужно оружие. Без оружия нас могут погнать, как стадо баранов. Наша задача — доставить на север лесорубам оружие, чтобы там оно было под рукой каждую минуту. И здесь это оружие мы достанем.

— Как? Почему здесь, в болоте? — изумился Лундстрем.

— В восемнадцатом году, после поражения революции в Суоми, многие отступавшие и разгромленные красногвардейские отряды стали прятать оружие, закапывать его. И пятый красногвардейский отряд северного фронта спрятал оружие здесь. Все условия, все приметы говорят об этом. Мы должны выкопать его и доставить в село Куолаярви.

— Это мое село, — сказал Олави, — там моя семья. — И в уголках его губ запрыгала непрошенная улыбка и сразу же пропала.

— А как мы туда доставим оружие? Ведь двести километров, не меньше...

— Не на подводах, конечно, не по большакам, не по шоссе, а по ручьям, озерам, вьючным порядком, — на моей карте прочерчен весь путь. Работу начинаем сегодня. Я достану лодки, но дальше вам надо будет действовать без меня. Начальником назначаю Инари.

Коскинен отправился закупать посудину для перевозки драгоценного груза, но с дороги вернулся и наказал, чтобы поднятую землю после работы снова прикрыть дерном.

Два раза принимались товарищи за работу и два раза не находили ничего. Копать глубоко небольшими лопатками — шанцевым инструментом — было трудно. Корни вереска и брусники стойко сопротивлялись тупым лопаткам.

Лундстрему первому после трехчасовой работы посчастливилось: его лопатка наткнулась на что-то твердое — послышался металлический скрежет.

— Оружие! Оружие! — в один голос воскликнули Инари и Олави.

— Ничего похожего. Какой-то ящик. Опять ошибка!

— По опушке леса не узнаешь, — отозвался Инари. — Давай его сюда.

Лундстрем был прав, он наткнулся на оцинкованный ящик; в таких металлических коробках сохраняются патроны — пятьсот штук.

Сразу же показались из земли второй и третий ящики. А винтовок не было.

К вечеру, утомленные, с ноющей спиной, пришли втроем домой. Ужин уже поджидал кладоискателей. Коскинен сидел на лавке и о чем-то думал.

— Сколько? — спросил он Инари.

— Три ящика.

— Должно быть десять ящиков и пятьдесят винтовок русского образца тысяча восемьсот девяносто первого года, трехлинейных. Карбас я уже нашел. Я завтра должен уехать отсюда. Ты закончишь работу не позднее чем через неделю. Ровно через двадцать пять дней оружие должно быть в Куолаярви. Его примет Суннила: лесоразработки акционерного общества «Кеми», барак номер тринадцать, в двадцати семи километрах от селения. Вот тебе карта.

На этом беседа закончилась, и все скоро заснули.

Лундстрем во сне почему-то видел стройную Хильду. После этого сна он как-то по-особенному посмотрел на Хильду утром, когда она ставила на стол овсяную похлебку.

Он заметил в ее манерах какое-то неуловимое изящество.

И снова они весь осенний солнечный день работали в каком-то самозабвении, потому что нашли, наконец, оружие.

Это был мешок из обыкновенного рядна. В мешке лежало пять винтовок, густо смазанных салом.

По пять винтовок в мешке.

Сало кусками лежало почти на всех металлических частях.

— Все в порядке, — торжествующе сказал Лундстрем: ему опять посчастливилось найти первому, и он этим был чрезвычайно горд, хотя сам понимал, что гордиться тут нечем.

И снова они начали копать, и к концу дня каждый отрыл по мешку и еще два ящика с патронами. Теперь у них уже было пятнадцать винтовок и пять ящиков с патронами.

Днем Коскинен пригнал карбас и челнок, поставил их на речке, вблизи от места работы, и подозвал свистом Инари к себе.

Потом ушел.

Когда совсем стемнело, Инари сказал Олави и Лундстрему:

— Товарищи, один из нас должен будет каждую ночь, пока мы не уедем, оставаться здесь охранять оружие. Мы будем его держать в карбасе.

И они нагрузили на себя свою кладь и потащили ее, пробираясь сквозь заросли, к речке. Нести было нелегко. Ящики — пудовики, связка винтовок — полтора пуда; сучья цеплялись за платье и хлестали по лицу, и все же и Олави, и Лундстрем, и Инари чувствовали себя счастливейшими людьми на свете.

— Я первый останусь сторожить у карбаса, — сказал Инари, раскуривая трубку. — Я начальник. Не забудьте притащить образцы пород! — крикнул он им уже вдогонку, совсем так, как делал это Коскинен.

Лундстрем поднял на берегу несколько голышей и набил ими все карманы. Он шел позади Олави и не удивился, услышав, как тот пытался высвистывать какую-то знакомую мелодию. А после ужина, когда Олави уже заснул, Лундстрем сидел на крылечке рядом с Хильдой, и они разговаривали.

Уже пала холодная роса, а они сидели и говорили...

— Вот, когда был начальник, ты со мной и поговорить боялся, а как он уехал, так ты разговорился.

Лундстрем покраснел в темноте.

Ложась спать, Хильда засмеялась...

День опять выдался замечательный. Бабье лето было в разгаре. Ягоды брусники красили багрянцем мох.

Сегодня повезло Инари — две связки винтовок и один ящик отрыл он. Олави и Лундстрем, выбившись из сил, только под вечер обнаружили по связке.

Прогалина напоминала полигон, изрытый воронками после стрельбы мелкокалиберной артиллерии.

Заканчивая к вечеру работу, нужно было немного подровнять площадку. Ведь ненароком могли забрести даже в эту глушь незнакомые, нежелаиные люди.

Во вторую ночь в дежурство Инари назначил Лундстрема.

Когда Инари, плотно поужинав, фыркал, умываясь перед сном, он увидел, как Хильда завязала горшочек с ужином в платок и отправилась в лес.

— Хильда, куда ты идешь? — остановил он ее.

— Ужин Лундстрему несу.

— Ты разве знаешь, где он?

— Дежурный у лодки. Он меня сам просил.

«Надо будет предупредить Лундстрема, чтобы не болтал лишнего», — рассердился Инари.

Хильда уже скрылась на опушке. Не бежать же ему было за ней, в самом деле...

На следующий день пошел мелкий, моросящий дождь.

Весь мир, казалось, был обложен серыми тучами.

В такой день работать — значит навлечь на себя подозрения. Поэтому Инари послал дежурить у лодки Олави. Когда Олави ушел, Инари спросил:

— Хильда, когда ты вернулась домой?

— Часа через два после того, как ты меня видел, господин начальник... — и Хильда замялась.

Дождь усилился.

Вернулся из леса Лундстрем, промокший весь, и стал сушить одежду около печи.

Пришел из своей бани хозяин избы, пожилой бобыль.

— Течет у меня крыша в баньке. Ну, я решил дождь в избе, на ваших камнях, пересидеть. — И он лениво стал усаживаться на лавке, неодобрительно поглядывая на груды камней-«образцов», в беспорядке наваленных около печи. — Неужели все это с собой забирать будете?

— Не все, а те образцы, которые понадобятся, отец.

И все закурили.

— Почему бы тебе не починить крышу на баньке? — хозяйственно осведомился Инари.

— А кто же это в дождь чинит крышу? — резонно ответил хозяин.

— А ты в сухой день чинил бы.

— Ну, а в сухой день она не протекает.

День проходил утомительно медленно.

Лундстрем время от времени искоса поглядывал на Хильду, прибиравшую горницу.

Инари видел, что ему как-то не по себе.

В сумерки, когда хозяин-бобыль побрел в свою берлогу, а Хильда понесла ужин к карбасу, Лундстрем подошел вплотную к Инари и, волнуясь, проглатывая слова, сказал:

— Хильда знает про нас все: кто мы и что мы делаем.

— Ну?

— И я боюсь, что она ненадежна, что она может выдать нас.

— Ну... — Трубка у Инари решительно не хотела раскуриться.

Наступило молчание, почти невыносимое в сгущающейся темноте осенних сумерек.

— А как же она узнала обо всем? — и голос Инари зазвенел угрожающе. — Как же она узнала обо всем? — повторил он еще жестче.

И Лундстрема охватили непреодолимый стыд и презрение к себе.

Разве мог рассказать он Инари, что к Хильде бросали его пылкое сердце и молодость, что ему хотелось заслужить ее уважение? Разве мог он передать, что уже во время разговора с Хильдой он несколько раз хотел остановиться, чувствуя, что погибает, и все-таки рассказал? И как Хильда, оставаясь все такой же спокойной и холодной, не возвратила ему поцелуя и ушла домой...

А он, герой Лундстрем, промучился всю ночь страхом, что выдал дело и товарищей, и вот теперь, пока еще не поздно, надо действовать, но что надо делать, он не знал.

— Да разве умному человеку трудно догадаться по нашим разговорам?..

— Кто ей сказал? — отвернувшись к стене, глухо, сдерживая подступавшую ярость, спросил Инари.

— Кое до чего она сама дошла, а потом я думал, что она наша, и досказал остальное.

— Она все знает?

— Нет, не все, — Лундстрем чувствовал себя побитой собакой.

— Ты хотел овладеть сердцем девушки и раскудахтался, надулся, как индейский петух, и предал товарищей, — нарочито оскорбительным тоном произнес Инари и остановился. — Ты уверен в том, что она выдаст нас?

— Не знаю.

Тогда наступило тягостное молчание.

— Дождь прошел, — сказал Лундстрем и подумал: «А может быть, с Хильдой все будет в порядке? Но я-то все равно погиб. Инари на меня даже взглянуть не хочет. Может быть, лучше мне было оставаться в Хельсинки, — там меня арестовали бы, конечно, но лучше тюрьма, чем презрение Коскинена, Олави и Инари. И зачем Коскинен нанял Хильду?»

Ветер разогнал тучи, и на бледном небе снова засияли голубые звезды.

Олави оставался дежурить на ночь.

— Он разложил большой костер, — сказала Хильда, возвратясь из лесу.

Лундстрем ничего не ответил и скоро отправился спать.

Но заснуть он долго не мог, прислушиваясь к приглушенному разговору Инари с Хильдой. Всего он расслышать не мог, и по отдельным долетавшим до него словам пытался вникнуть в их разговор. И тогда все выходило гораздо обиднее для него, чем было на самом деле, потому что ни Инари, ни Хильда ни разу не произнесли его имени и совсем даже не вспоминали о нем.

А он лежал на лавке и думал: «Ведь все это я заслужил». И это была для него самая горькая из всех ночей, какие он только мог припомнить.

Для Инари эта ночь была одной из лучших его ночей. И тепло сидевшей рядом с ним Хильды переходило в его тело каким-то невидимым, но ощутимым током вместе с теплом ее речей.

Она поступила прислугой в одном большом селе под Хельсинки к пастору, когда ей исполнилось четырнадцать лет. Первый год прошел сносно, на второй ее стала так допекать мелочной придирчивостью и необоснованными ревнивыми подозрениями жена пастора, что

оиа попросила расчет. Расчета ей не дали, потому что прислуга в тех местах иаиимается иа год. Тогда оиа убежала от хозяев, но с помощью полнции была водворена на место службы. Хозяни оказался иастолько добр, что, вопреки требоваииям хозяйкн, не обратился в суд, который прнсудил бы за этот побег к деиежному штрафу или тюремиому заключенню. От этнх хозяев Хнльда ушла в дии революцин и запнсалась сестрой милосердия в красиогвардейскнй отряд. Ее отец и брат были батраками. Онн в восемнадцатом году вступилн в Красную гвардию, и Хильда в нх отряде была саиитаркой. Матери оиа не помннт. Отца расстреляли шюцкоровцы, а брат иеизвестно где затерялся. И вот Хильда снова батрачит, уже совершеиио однnокая, и, сама урожеика Турку, оиа пришла сюда, где ннкто о ией иичего не знает. Люди в глуши гостепрннмнее, и даже тогда, когда совсем иет работы, с голоду не пропадешь.

Лундстрем уже давно заснул, а они все еще разговарнвали.

И под конец разговора Инари сказал Хильде:

— Мы скоро уедем отсюда. Все, что иаболтал тебе Лундстрем, иеправда, расхвастался парень, ио если ты об этом расскажешь, у нас всех и у тебя тоже будут крупные неприятиости. Поэтому ты завтра же должна уехать отсюда. Жалованье и стоимость железиодорожного билета я тебе уплачу утром.

— Но куда же я поеду?

— Поезжай куда тебе нравнтся, только подальше от этнх мест.

И здесь Ииари подумал о том, как хорошо было бы хоть еще однн раз в жнзии так посндеть в темноте рядом с Хильдой.

И ои вдруг резко встал.

— Я поеду иа север, иа лесоразработки, — решила Хильда.

— Что ж, может быть, там мы и встретимся, — улыбнулся Ииарн.

На следующнй деиь Ииари вместе с Хильдой ушли на станцню железной дорогн, проходнвшей в тридцати пяти километрах от селеиия, чтобы закупить там в лавке кое-какие припасы.

Олави же и Лундстрем снова работали, как черти. На этот раз им повезло, и они выкопали больше оружия, чем в предыдущий рабочий день.

О чем говорили по дороге Инари и Хильда, осталось никому неизвестным. Точно так же, кроме Инари, никто не знал, что билет был куплен до Рованиеми.

Инари пришел на другой день, усталый, но веселый.

— Сбежала она от нас, товарищ Олави.

— Так-то лучше, без баб, — ответил Олави и тихо затосковал по Эльвире, а Лундстрем покраснел, принимая слова Олави за насмешку.

Однако Олави ничего не знал о происшедшем, и никогда не пришлось ему узнать о разговоре, который был у Лундстрема с Инари, когда он, Олави, дежурил у карбаса в дождливый день.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В следующую ночь они осторожно, никому не сказавшись, выехали вниз по течению на плотно нагруженном карбасе. Работу решили распределить так: один гребет; другой в это время рулит и наблюдает за окрестностями, нет ли вблизи чего-нибудь подозрительного; третий спит в челноке. В день два привала для варки еды.

Первым сел на весла Олави.

Вот прошла опаленная грозою большая сосна с условной зарубкой.

Лундстрем первый залег в челноке и, покрывшись одеялом, смотрел на идущие вверху разорванные тучи. Иногда какая-нибудь огромная ель или сосна протягивала свою мохнатую длинную лапу над узкой речкой, и тогда Лундстрем видел, как в хвое мерцают незнакомые звезды.

— Хорошо, что уже осень, а то комары заели бы, — сказал Инари.

Разрезаемая челноком вода тонко журчала около самого уха Лундстрема. Больше он ничего не слышал. Он спал.

Когда он проснулся, было уже утро и река казалась совсем другой — шире и совсем розовой в свете встающего солнца. Лундстрем перебрался иа карбас и сел у руля. Инари взялся за весла.

Мимо проходили берега, стаиовясь все круче и круче, обнажая в косых разрезах горные породы, и иаверху, иа крутизие, отважио толпился лесиой молодняк.

Вскоре Лундстрем услышал глухой, отдалеиный рокот.

— Это пороги, — сказал Инари.

Через несколько минут оии услышали отдалеииое ауканье и возглас:

— Эй, если кто есть впереди, остановись!

Олави будить ие пришлось — ои вскочил так живо, что чуть не перевериул челнок.

В этом месте река образовала колеио.

Товарищи причалили к берегу, осмотрели револьверы. Даже Олави явно волиовался.

— Чепуха получится, если нас сразу же зацапают, — вслух подумал Лундстрем.

— Нас ие зацапают, — сухо возразил ему Иари.

Отвязав челиок от карбаса, сел в него и, оттолкнувшись от берега, отправился навстречу голосу, который был слышеи уже совершеиио явственно:

— Подождите!

Лундстрем и Олави вытащили свои маузеры и держали их иаготове.

— Не приходилось еще бить по живой дичи, — усмехнулся Олави.

И они замолкли, прислушиваясь к тому, что будет, каждую секуиду ожидая услышать выстрелы.

— Если Ииари погибиет, ты, Олави, дорогу зиаешь?

— Найду.

И сиова томительиая тишииа, и только отдаленный рокот порога.

Раио утром Илмари забежал в избу золотоискателей, чтобы сказать «доброе утро». Он это делал ие раз раиьше, ио сегодня нашел дверь избы распахиутой; груды образцов заметио умеиьшились.

Мнюго камней Луидстрем побросал в речку перед отъездом, чтобы любопытные думалн, что лучшне образцы забрала с собой экспеднцня.

Илмари очень огорчился. Как он мечтал уехать с ннми в Хельсинки н еще дальше — может быть, в Африку, чтобы там стать настоящим золотоискателем! И вдруг друзья его, не попрощавшнсь, забралн все вещи н уехали.

Илмарн стало грустно, он вышел из нзбы, н вдруг на земле у крыльца он увидел то, от чего затрепетало его мальчишеское сердце, — на земле лежал фннскнй нож Олавн. Не веря еще своему счастью, осторожно, словно нож был дикой птицей н мог от резкого двнжения вспорхнуть и улететь, Илмарн подкрался к ножу и жадно схватил его.

Вот он держит в руке не новый уже, но острый нож взрослого мужчины.

Илмарн подходнт к ступеньке и пробует остроту лезвня. Зарубка возникает легко, почти без всякого нажнма. Илмарн торжествует.

Они уехали — значит нож принадлежнт тому, кто его нашел. Найтн нож — по народным поверьям — счастливое предзнаменование, — и вот он, Илмари, нашел нож!

Но через несколько минут его уже начннают мучнть сомнения. Да разве это находка, когда знаешь, кому прннадлежит вещь! Да разве можно ею спокойно пользоваться, когда хозяин, может быть, нуждается в ней! Такой нож непременно будет изменннком, н порезов н царапин не оберется новый хозяин.

Да, в конце концов, как Илмари может присвонть себе чужую вещь? Ведь нож-то явно принадлежит Олави. Надо сейчас же отдать нож его владельцу.

Унынне охватывает Илмари, но ничего не поделаешь, надо возвратнть найдениую вещь. Ведь он, Илмарн, честный человек.

И он идет по берегу к тому месту, куда по утрам уходили золотоискатели н где стоял карбас.

Карбаса и челнока на месте нет — значнт н владельцы уплыли на иих.

Вверх от селения на карбасе не пойдешь — туда можно отправиться лишь на челноке. Уплыли они рано утром. Но и сам Илмари проснулся с полчаса назад, а просыпается он рано. Золотоискатели не могли уйти далеко.

И тут снова решимость овладевает им, он бежит к селению, никому ничего не говоря, отвязывает челнок деда и, захватив с собой половину лепешки и вяленую рыбу, отправляется в путь, вдогонку.

Ветер попутный — отлично, можно воспользоваться им. Он пристает к берегу, отламывает развесистую, широкую ветвь, прилаживает ее на носу челнока, надевает на нее свою рубашку — и в путь.

Так он едет вниз по речке на легком своем челноке и время от времени покрикивает:

— Эй, там, впереди, остановись!

Он по этой речке не раз проезжал с дедом и с ребятами до озера и знает, что, на худой конец, у порога все-таки он догонит своих друзей золотоискателей.

— Так это был всего лишь Илмари, — облегченно вздохнул Лундстрем и тут же почувствовал, что у него взмок от пота ворот.

— Я сказал ему — пусть возьмет нож себе на память о золотоискателях, а если его будут в селении спрашивать про нас, пусть скажет, что мы обещали скоро вернуться.

— Из-за какого дела чуть стрельба не началась!

И они отвели от берега карбас и пошли дальше вниз.

Шум порога становился все яснее и яснее.

Снова Инари на челноке выехал вперед, на разведку.

Порог был не опасный, и Инари брался провести через него пустой карбас.

Груз же надо было метров полтораста протащить волоком.

Не доезжая метров семидесяти пяти до порога, товарищи снова причалили и стали выгружать карбас.

Подтаскивая патронный ящик по берегу к месту против самого порога, Лундстрем вдруг увидел чело-

века, который стоял, обдаваемый брызгамн, немного пониже водоворота.

Незнакомец так был заият своим делом, что ие заметил ии карбаса, ии людей.

Правда, река в этом месте раздванвалась на иесколько рукавов, образованных огромными, в беспорядке иаваленнымн валунамн, н шум падення воды мог заглушнть все другие шумы.

Товарнщи притаились иа берегу, наблюдая за незиакомцем.

Он почти неподвижно стоял иа одиом месте.

— Кумжу ловнт, — шепнул Инари.

— Тсс...

Надо было переждать, пока рыболов уйдет.

Но он ие уходил, время томнтельио тянулось.

Рыбак прошел несколько шагов к берегу, сел иа камень и прииялся за еду.

Товарищам тоже очеиь захотелось есть, но оии не решались двнгаться, чтобы ие привлечь винмания незнакомца.

Незнакомец, позавтракав, не обращая виимаиня на то, что небо заволакнвалось тучами, снова прииялся ловнть кумжу.

В это время, возвращаясь домой и не зиая, как выразить радость, закружнвшую его от такого ценного иеожнданного подарка, Илмари причалнл к берегу и начал прыгать с камня на камеиь.

Потом ои подошел к сосеике, отрезал новым своим иожом кору, обнажая медовое тело дерева, и бережио взял на язык тонкнй до прозрачности слой-лоскуток виутренней коры — мязги.

Это было весеиiее лакомство, ароматнейшее и иежнейшее. Осенью над ароматом и нежиостью мязги преобладает горечь.

И все же Илмари показалось это лакомство лучшим, чем весиою.

Вот какие чудеса делает новый иож.

Лундстрем почувствовал легкнй удар в бок. Его толкал Олавн и указывал глазами на противоположный берег. Там заросли раздвиулись по стороиам, и

из них высунулась прекрасная рогатая морда огромного лося.

Он осторожно вдохнул воздух, опустил морду к бегущей воде и спокойно, не торопясь, горделиво отряхивая мелкие капли с нижней губы, стал пить.

Рыболов был поглощен своим занятием и не заметил лося.

Потом лось ушел в заросли. Начался мелкий дождь. Рыболов не уходил.

— Хоть бы поскользнулся — и головой о камень! — с досадой сказал голодный и промокший Лундстрем.

Только под самый вечер, собрав в корзину свой улов, незнакомец пошел прочь от порога.

Когда он скрылся, товарищи разложили подальше от берега небольшой костер, чтобы просушить свою одежду и сварить уху.

Инари пошел к тому месту, где весь день просидел рыбак.

К порогу подходила любопытная форель и толпилась около камней, покрытых пеной. В дождь рыба ловилась лучше, чем обычно.

Ночи были уже темные, и о том, чтобы провести в эту беззвездную ночь карбас через порог, нельзя было и думать. Поэтому здесь была устроена ночевка.

Лесная ночь окружила их, тепло костра согрело.

В лесу хрустнул валежник. И снова стало тихо.

Вдали загугукал филин.

Рассвет окропил все росою.

Утром Олави и Лундстрем выгрузили из карбаса винтовки, патронные ящики и стали их перетаскивать к месту, находившемуся ниже порога.

Порог кипел пенящейся водой.

Если несколько минут пристально смотреть в этот водоворот — закружится голова. Но у них не было времени смотреть на воду, и, занятые своим грузом, они даже не заметили, как Инари провел через порог карбас.

Лундстрему казалось, что карбас еще там, наверху, что Инари еще только приглядывается, как бы лучше приладиться, когда вдруг он увидал карбас, под-

плывающий к тому месту, куда перетаскивали винтовки.

Инари уже стоял на дне лодки, держа в руках рулевое весло.

Лундстрем думал, что переправить в целости ладью через порог чудовищно трудно — цирковой трюк. Теперь же, при взгляде на спокойное лицо Инари, ему это дело показалось легким и простым.

Олави видывал уже «кормщиков», переводивших суда через пороги, поэтому он с большим уважением посмотрел на Инари, который казался совершенно спокойным и привычным жестом вытаскивал трубку из кармана.

Снова они нагрузили карбас своей поклажей и пошли вниз по течению.

Река стала значительно шире, течение было плавное, и солнце пригревало по-осеннему.

Олави пустил за лодкой «дорожку». Рыба к обеду была бы совсем кстати.

Сосны теснились на берегу шумной толпой. Лиственные породы встречались все реже.

Ладони, давно уже не державшие топорища, накалялись от трения, а у Лундстрема на левой руке вскочил волдырь.

— Не руби выше головы — щепа в глаза попадет, — сухо сказал Инари и взял весла.

Так прошел весь день, и за весь день ни одной живой души они не встретили.

Правда, видели они, как окунал в воду свой острый нос Микко Репполайнен [1], но, услышав тихий скрип весел, он быстро убежал в лес, и Лундстрем заметил только его «трубу», мелькавшую в кустах можжевельника.

Ночью шли они по течению, дежурил лишь вахтенный.

Инари захотелось пить, и он, зачерпывая воду в ковш, поймал себя на том, что ловит вместе с водой звезду, отраженную в реке. Но звезда не давалась.

---

[1] Имя, которым финский народ называет лисицу.

На рассвете они проснулись от сырости и холода. У Лундстрема сводило челюсти, зубы стучали. Но он приналег на весла и скоро согрелся.

И снова шли мимо лодки скалистые берега, и речка делалась все шире.

Снова расстелил за кормой «дорожку» Олави. Снова проходил ласковый осенний день, и журчали, разбиваясь о дощатое днище карбаса, речные струи.

И Лундстрем смотрел на сверкающую на солнце рябь реки и при гребле, покачнувшись назад, запрокидывал немного голову и видел порыжевшую хвою и бегущие над ней облака, и ему казалось, что путешествие не имело начала и нет ему конца, что плывут они так уже недели и месяцы, и тогда ему делалось очень легко. Тут его останавливал спокойный голос Олави:

— Зачем так высоко подымаешь весла над водой? Скоро устанешь.

И он старался проносить весла над самой водой, и с влажных лопастей падали на речную гладь тяжелые капли.

Так прошел третий день их пути. Поздно вечером речка словно распахнулась перед ними, и они въехали в большое лесное озеро.

Им нужно было провести лодку через все озеро и снова плыть по другой речке, соединявшей озеро со следующим озером, пересечь его и оттуда перевезти груз километров тридцать сухим путем до деревни Куолаярви и дальше на лесоразработки.

На берегу озера расположилась деревня. Надо было провести лодку мимо селения, не возбудив ни в ком подозрения. Чтобы из селения не заметили пламени костра, пришлось отвести карбас назад, в речку, на километр, за небольшое колено.

Утром они вывели свой карбас из убежища и вошли в озеро.

Около трех часов пополудни показалась деревня. Но уже издали заметно было какое-то необычайное для таких заброшенных местечек оживление.

Надо было разузнать, в чем дело.

Олави лучше других знал эти места — он должен был в челноке отправиться на разведку.

Карбас же до выяснения всех обстоятельств необходимо было подвести к берегу, под защиту леса.

В полукилометре от берега Олави перестал грести и стал всматриваться в необычайное скопление народа и суету на берегу. Что бы это могло быть? Наверно, какой-нибудь праздник.

Он усмехнулся и провел ладонью по щеке. Щека была покрыта густой щетиной. Слишком долго не скребла ее бритва. Нет, в таком виде, — и он посмотрел на свою измятую куртку, — нечего было и думать о том, чтобы принять участие в празднике.

Олави увидел издали коробейника.

Коробейники обычно торговали, кроме галантереи, финскими ножами и часами, а Олави как раз тосковал о своем ноже, и пустые кожаные ножны у пояса висели как постоянный укор. Коробейники эти нюхом острее Микко Репполайнена чуют, где можно хорошо поживиться.

Но почему же сюда сейчас пришли крестьяне, торпари, батраки, бобыли и нищие со всего погоста?

А, теперь он понимает! У самого берега ставят белый аналой. Черный крест, вышитый на белой ткани, отчетливо виден Олави. Значит, сюда забрался бродячий проповедник.

Олави снова слегка улыбнулся — он совсем забыл теперь календарь и святцы.

Да, здесь это бывает: далеко от кирки, и люди заняты, не могут за тридцать — пятьдесят километров пойти воздать честь богу. Тогда пастор сам приезжает к прихожанам и сразу собирает окрестные селения и в два-три дня венчает, крестит и справляет панихиды, объявляет последние законы правительства и читает проповеди.

Суета понемногу затихла на берегу — значит сейчас начнется проповедь.

Олави издали видел, как высокий сухой седой старик подошел к аналою. Он узнал в проповеднике пастора, который обвенчал его с Эльвирой.

— Сатана-пергела! — выругался вслух Олави. — Ведь я ему должен. Пора бы и расквитаться с этим должком...

— Братья во Христе... — донесся голос проповедника.

Голос шел над водой и поэтому был далеко слышен.

«Надо будет переждать этот праздник». Но не успел Олави повернуть челнок в обратный путь, как увидел, что из-за речки, около которой расположилась деревня, в озеро быстро выплыл челнок и направился прямо к нему.

Олави стал уходить обратно.

Оглянувшись через минуту, он отметил, что челнок неуклонно идет за ним.

Вести незнакомого прямо на карбас с оружием было глупо, поэтому Олави взял курс налево, в открытое озеро. Неизвестный челнок тоже вслед за Олави взял курс влево. Тогда Олави, обозлившись, круто повернул вправо.

Незнакомец в челноке тоже повернул направо. Олави погнал свой челн изо всей силы прямо на берег. То же самое сделал и незнакомец.

Всадив со всего разбегу челн в береговой ил, Олави выскочил на сушу и положил руку на маузер, спрятанный под курткой.

Владелец челнока, дубоватый парень, тоже вылезает из челнока на берег, подходит дружески к Олави и, развязно похлопывая его по плечу, басит:

— В деревню ехать вам нельзя: там сейчас ленсман и народ, опасно.

— Чего же нам бояться? — сухо спрашивает Олави, не снимая руки с рукоятки маузера.

— Как чего? Да ведь вас сразу всех арестуют за самогон.

«Вот какое дело! Значит, не так еще опасно», — думает Олави, рывком вытаскивает маузер и в упор говорит:

— Если ты выдашь — застрелю.

— Да что вы! — обижается парень. — Разве бы я специально тогда приехал предупреждать? Да я рад вам и сейчас и всякий другой раз помочь, если вы мне поднесете стопку-другую.

— Ладно, — говорит Олави. — Как тебя звать?

— Юстунен. Моя изба у речки крайняя.

— Ладно, — повторяет Олави, — буду иметь в виду. А теперь ты иди домой, и я пойду к себе.

Юстунен уплывает на своем челноке обратно в деревню.

Олави следит за его челноком, затем, успокаиваясь, отталкивает и свой от берега и медленно, не торопясь, гонит его к карбасу.

Карбас замаскирован неплохо: Инари наломал ветвей и сверху прикрыл посудину, — но Олави почему-то кажется, что карбас стоит совсем на виду и каждый, кому не лень, может его увидеть.

Отраженный в воде, опрокинутый вниз вершинами лес колышется при каждом ударе весла Олави.

Олави подплывает к своим и обстоятельно, — а Лундстрему кажется, слишком медленно, — рассказывает товарищам обо всем, что он видел и слышал.

— Надо переждать здесь этот сход, — решает Инари.

Но не успели они еще принять решения, как послышались в лесу голоса. Инари прислушался.

Судя по голосам, сюда шло много людей.

— Выдал нас твой Юстунен, — пытаясь улыбнуться, прошептал под нос Лундстрем.

— Да, по всей видимости, это так, — нехотя согласился Инари и, вытащив из-за пазухи револьвер, проверил, все ли патроны на местах.

Олави выскочил из челнока на берег. Прошел несколько шагов. Осторожно раздвинул кусты и стал вглядываться. Да, люди шли сюда. С собаками. Впереди двое с ружьями. Позади них Юстунен. Сомнений не было.

— Будем, значит, драться до конца? — спросил Олави Инари.

Впрочем, в тоне его было скорей утверждение, чем вопрос.

Инари на секунду задумался.

«Наша задача — доставить оружие, а не погибнуть. Если мы погибнем, оружие попадет шюцкору».

И он сразу же решительно объявил:

— Груз наш надо свалить в озеро.

«Если нас не убьют, значит и оружие не пропадет. Нас пришьют — оружие пропадет», — так он думал, отпихивая карбас от берега.

Можно было бы винтовки и патронные ящики спрятать в осоке у самого берега. Но там было слишком мелко, а металлические патронные ящики предательски блестят.

Голоса все приближались.

Да, народу шло немало. Об этом можно было заключить еще и по тому, что они не таились, не маскировались.

Товарищи отвели карбас немного подальше от берега, где илистое дно не было так видно; Лундстрем удивился: как это он раньше не заметил такой совершенной прозрачности озерной воды?

Олави измерил веслом глубину — весло не доставало дна. Тогда осторожно, чтобы не было плеска, стали поднимать они связки винтовок и патронные оцинкованные ящики со дна карбаса и бережно опускать в воду.

Надо было торопиться, потому что голоса гудели уже совсем близко, и Лундстрему казалось, что он слышит хрустящий под ногами идущих сухой валежник.

Олави, Лундстрем, Инари опускали на дно озера то, что с таким трудом выкопали из-под земли, то, чем они жили последние недели, то, что они должны были доставить товарищам.

Когда последний ящик был опущен в воду, голоса достигли берега и уже около самого берега показались фигуры крестьян.

Поселяне шли спокойно, не торопясь, поодиночке и небольшими группами, и с ними — двое охотников.

Тропинка в соседнюю деревню проходила по самому берегу, и не много времени понадобилось, чтобы установить, что это мирные крестьяне, батраки и торпари возвращаются после проповеди восвояси.

Юстунен, ожидая угощения, и не подумал доносить.

По берегу проходили наряженные в самые лучшие

свои платья девушки и парни, тетушки и племянники, невестки и свекрови, золовки и зятья, и, кроме проповеди о воздержании в сем грешном мире, несли они с собой сплетни и слухи со всего прихода и необходимые в обиходе безделушки, уступленные по сходной цене коробейниками из Улеаборга.

Только к позднему вечеру прекратилось хождение по тропинке.

Далеко в селении засветились одинокие огоньки, отраженные, как и звезды, озером.

Наступила ночь, тяжелая для трех людей, опустивших на дно труд и мечту многих своих дней.

Они долго молчали. Их охватил приступ отчаяния. Набегающие на небо тучи углубляли ощущение нахлынувшего несчастья.

Но Инари вспомнил уверенное лицо Коскинена, свое обещание выполнить приказ, подумал о том, что на севере, в лесных бараках, товарищи ждут драгоценное оружие, и приказал разжечь костер и сесть в карбас.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Они повели карбас туда, где потопили оружие. Найти это место ночью было не легко.

Олави запомнил, что, когда они топили винтовки, карбас находился на линии створа высокой сосны и обгоревшего пня, у самого берега. Потом карбас отнесло немного влево. Найти эту линию створа в темноте осенней ночи было не легко.

Лундстрем стал веслом промерять глубину. Весло доставало дно. Надо было еще немного отойти от берега. Метра через три уже нельзя было нащупать дно. Значит, здесь.

Они измерили глубину веревкой с камнем. Около двух сажен.

Лундстрем попробовал рукой воду. Она была холодная. Воздух тоже был по-осеннему прохладен. Ночь окружала леса, и озера, и карбас.

Инари стал спокойно раздеваться.

«Он окончательно сошел с ума, — подумал Лундстрем, но не решился мешать Инари. — Холодная вода приведет его в чувство».

Инари, раздеваясь, вспомнил, как он мальчишкой прыгал в прозрачную воду и доставал со дна монеты в двадцать и пятнадцать пенни.

Некоторые монеты не успевали еще коснуться ровного песчаного дна — он ловил их на лету.

Но тогда целью было двадцать пенни, а сейчас?

Он разделся и, взглянув на темное, безлунное осеннее небо, прыгнул в воду.

Карбас покачнулся. Холод сразу охватил все тело.

Инари набрал мало воздуха в легкие, он не вовремя перевернул свое тело вниз головой, поэтому руки его напрасно хватали воду, он не мог даже коснуться дна. Он вынырнул, тяжело дыша, и сразу же, едва успев перевести дыхание, приподняв, насколько это было возможно, свое тело над водою, снова нырнул.

Мелкими лопающимися пузырями доходило его дыхание до товарищей, напряженно смотревших со своего карбаса на покрытую мелкой рябью темную воду.

На этот раз Инари удалось зацепить рукою дно. Но почва была тинистая, илистая, и задержаться рукою не было никакой возможности.

Вода оторвала Инари ото дна и с силой потащила наверх. Ил, зажатый в горсть, был его добычей на этот раз. Холод, казалось, уже добирался до самого его сердца. Трудно было даже сгибать руку, но Инари нырнул третий, последний раз.

Снова темная, тяжелая, холодная вода над головой. На этот раз он дотронулся ногами до дна и ощутил, — в этом он мог поклясться самым ему дорогим, — ощутил уже подернутый илом гладкий, скользкий предмет. Прямые углы ребер говорили о том, что это был патронный ящик.

Снова вода выбросила Инари наверх, и, стуча зубами от холода, он крикнул товарищам:

— Я нашел ящик! На этом месте... Не потеряйте его!

Лундстрем помог взобраться Инари в карбас.

Самому Инари это было бы сейчас сделать не легко. Он чувствовал, что руки его одеревенели, и воздух совсем не казался таким холодным, как тогда, когда он снимал с себя куртку.

Лундстрем принялся растирать дрожащего Инари шерстяным одеялом.

Олави сидел молча, мрачно вперив свой взгляд в ту точку, где вынырнул Инари. От нее сейчас, как от брошенного камня, шли, все увеличиваясь и удаляясь, круги.

Через несколько минут Инари перестал дрожать и снова пришел в себя.

Он отбросил шерстяное влажное одеяло, встал во весь рост в карбасе и спросил Олави:

— Где?

Олави, не ответив ни слова, ткнул пальцем в точку, с которой не спускал глаз.

Инари нырнул и на этот раз под руками почувствовал скользкую поверхность патронного ящика. Но трудно было сразу рукой ухватить его — на отполированной поверхности не было ни выступа, ни углубления, за которое можно было бы зацепиться. И опять вода оторвала Инари и вытолкнула на поверхность озера. Он не заметил, как, пытаясь взять ящик, содрал кожу на ладони. Он снова нырнул, и на этот раз ему посчастливилось — удалось просунуть кисть под дно ящика. Он приподнял его. Сразу вода ударила в нос, закружилась голова, и, закрыв глаза, стараясь не выпустить из деревенеющих рук скользкого ящика, Инари выплыл на поверхность. И сразу ящик потяжелел и начал поворачиваться в руках. Если бы ловким рывком, перегнувшись за борт карбаса, его не подхватил Олави, он, несомненно, снова очутился бы на дне.

Снова Лундстрем старательно, изо всех сил, растирал Инари шерстяным одеялом. Брызги, которыми обдал его Инари, заставляли Лундстрема вздрагивать от холода.

Но Инари дрожал уже не так отчаянно, как в первый раз. Его, очевидно, согревала надежда вытащить из воды весь драгоценный груз.

В самом деле, если можно достать со дна один патронный ящик, почему же нельзя достать десять, почему не поднять и все сброшенное в озеро оружие?

Но кто же это сделает?

Олави плавает плохо, Лундстрем глубже двух метров не ныряет и уж, конечно, ничего не сумеет поднять со дна, а одному Инари этой работы не вынести.

Инари снова прыгнул с карбаса в леденящую воду и через несколько секунд вынырнул с пустыми руками. И опять, не влезая в карбас, он нырнул, и на поверхности стало спокойно.

Сорвавшись с неба, прочертил быструю параболу метеор.

Инари был под водою. И вдруг Олави и Лундстрем почувствовали удар в днище карбаса.

— Он стукнулся головой о карбас! — громко вскрикнул Лундстрем.

— Тише! — проворчал Олави и стал табанить.

Карбас медленно повернулся, и из воды выставилась голова Инари. Он тяжело дышал. Руки его вцепились в какую-то неопределенной формы ношу.

— Тащите, — задыхаясь, прохрипел он, — тащите!

И, перегнувшись через борт, совсем забыв осторожность и заботу о равновесии, один из товарищей вцепился в мешок с оружием, другой схватил Инари.

Инари задыхался, у него сводило челюсти, и Олави его растирал изо всей силы своим одеялом.

Одежда Лундстрема тоже была совсем мокрая, и его трясло, как в лихорадке.

Инари торжествующе показал рукой на спасенный мешок и ящик.

«Это сущее сумасшествие, — подумал Лундстрем, — воспаления легких ни ему, ни мне теперь не миновать. Это сущее сумасшествие», — повторил он про себя и с уважением взглянул на спасенный ящик и винтовки.

Через несколько минут Инари немного отогрелся и, казалось, вновь обрел дар речи.

— Я думаю, этой ночью удастся выудить половину добычи, — решил он.

Но ему не пришлось исполнить свое решение.

Он прыгнул в третий раз и снова скрылся под водой.

Вынырнув, он крикнул:

— Сюда!

И по его голосу Лундстрем решил, что все уже кончено. Одним ударом весел Олави подвинул карбас к Инари. Перегнувшись, они втащили в лодку тяжелое, почти безжизненное тело товарища. Левая нога и рука у Инари были скрючены.

— Чертова судорога! — хрипло процедил, стуча зубами, Инари. — Дайте что-нибудь острое, — сказал он.

Лундстрем подал свой нож. Инари сделал небольшой надрез на бицепсе и на икре сведенных судорогой конечностей.

— Теперь несколько капель дурной крови сойдет и вместе с ними судорога, это верное дело, — убежденно сказал он.

— Одевайся! — сказал Олави тоном приказа. — Одевайся! — повторил он еще решительнее.

И Олáви повел карбас обратно в речку, чтобы спрятать его там, где он простоял конец прошлой ночи.

Там был разведен большой, жаркий костер.

Инари глотал большими глотками горячий кофе.

Они, все трое, раздевшись догола, грелись у пламени лесного костра. Олави и Лундстрем установили вахту. Инари заснул и спал без просыпу; только время от времени он вздрагивал и бормотал что-то невнятное.

Первым на вахте был Лундстрем. Он думал о том, что ни одни сутки в его жизни не были такими страшными и тяжелыми, как протекшие, что Инари оружие достанет и это будет, наверно, через неделю, если они не умрут от простуды. События этой ночи не придется ему никогда никому рассказать, даже если он уцелеет, потому что кто же поверит этому рассказу.

Солнце уже стояло над горизонтом, когда дежурство принял Олави.

Он достал из ящика на носу длинную веревку и принялся за работу.

Когда Лундстрем проснулся, солнце снова низко висело над лесом на другом берегу озера. Инари, заметно исхудавший и бледный, ел уху, одобрительно покачивая головой в ответ на то, что ему говорил Олави.

Олави показывал ему канат с завязанными на концах двумя петлями.

— Ты нырнешь, зацепишь петлею мешок или ящик, а мы его втащим в карбас.

Опять с наступлением полной темноты товарищи отправились на работу. Опять Инари снял с себя одежду и нырнул первый раз, и второй, и третий. Опять его оттирали шерстяными одеялами. И почти каждый раз он подцеплял на петлю добычу. Холод проникал во все его поры, и вода отчаянно сопротивлялась его стремлению достичь дна, она выталкивала его все время на поверхность, набивалась в ноздри, заполняла уши.

«И люди ухитряются тонуть!» — злясь, подумал он, после того как вода снова вышвырнула его, как пробку, наверх.

Теперь, когда он нырял, он говорил себе: «Сегодня это последний раз», — и все-таки опять нырял.

Дрожащее тело растирали шерстяным одеялом. Инари немного отогревался, зубы переставали выбивать барабанную дробь, и он снова прыгал в холодную воду.

Так он нырял двенадцать раз, и друзья девять раз подымали драгоценный груз. И снова Олави, поглядев на Инари, стал грести обратно к убежищу.

У Инари в голове стучали какие-то молоточки, уши ныли не переставая, и казалось ему — вот-вот лопнут барабанные перепонки.

Лундстрем усиленно тер его шерстяным влажным одеялом. Но Инари, казалось, не чувствовал никаких прикосновений, и перед его глазами плыли, перемежаясь и растворяясь, красные, зеленые и желтые круги.

Это было больше, чем мог выдержать человек.

Он, казалось, начинал терять сознание...

...Когда он очнулся, было уже далеко за полдень и лес скромно и спокойно гляделся в гладкую поверхность реки.

Он приподнялся и, опершись на локоть, осмотрелся. Около карбаса стояла торжественная тишина.

Ударяясь о ветки, упала шишка. Олави привязывал тяжелый валун.

— Одиннадцать мест уже есть, — вслух подсчитал Инари, — осталось еще девять. — И про себя подумал: «На девять-то меня, пожалуй, хватит».

У него болела голова, и ему не хотелось есть. Он снова заснул и спал до вечера.

Олави и Лундстрем говорили, что не стоит Инари снова в эту ночь итти на работу, пусть он оправится и подождет одни сутки.

— Мы и так возимся больше, чем полагается. Коскинен сказал, что оружие должно быть на месте точно в срок, — ответил Инари.

И снова они выехали на карбасе к месту, где утопили оружие. И снова Инари скинул с себя одежду. Олави опустил в воду на канате тяжелый валун. Инари мог держаться за канат, и его не так быстро выталкивала вода наверх. Этот валун можно было передвигать с места на место, и, таким образом, работа Инари облегчалась.

Он нырял и, держась одной рукой за канат, другой приспособлял петлю к связке винтовок или патронному ящику, и Олави с Лундстремом вытягивали груз в карбас.

Правда, один раз уже у самой поверхности ящик накренился и, перевернувшись, снова пошел на дно.

— Сатана-пергела! — выругался сквозь зубы Олави и стал втаскивать в карбас Инари, вынырнувшего с другого борта.

— Ну? — дрожа, спросил Инари.

— Все в порядке, — сказал Олави.

Когда товарищи вытащили последнюю связку, Инари уже не походил на живого человека. Он лежал на дне карбаса, запрокинув голову; из носа у него текла узенькой темной струйкой кровь. Он ничего не слышал и что-то бормотал, казалось, про себя.

Лундстрем, растирая распростертое тело, приблизил ухо к губам Инари и услышал торопливый шепот:

— Коскинен, я выполнил приказ...

Олави направил карбас в уже испытанное убежище.

Разложили костер. Инари лежал у костра и спал с раскрытыми глазами. Глядя на него, Лундстрем долго не мог заснуть.

Утром Инари было плохо, как во время большой килевой качки. Он уткнулся головою в сосну и стоял, почти теряя сознание от подступившей к сердцу тошноты.

Около пяти часов пополудни Олави и Лундстрем вывели свой кораблик из речки в озеро.

Олави и Лундстрем гребли по очереди.

Инари лежал на дне карбаса и уверял товарищей, когда ловил на себе их пристальные взгляды, что ему уже гораздо лучше, что к ночи и он сумеет приналечь на весла.

Уже погашены были последние огни в деревне, когда нагруженный карбас, пройдя, наконец, через все озеро, добрался до противоположного конца. Речка, соединявшая это озеро с другим, была очень узкая. Когда карбас шел посередине, то можно было веслом достать оба берега.

Деревню товарищи миновали быстро, молча притушив трубки, чтобы не обратить на себя внимания. В северных деревнях рано ложатся спать и встают на работу еще до рассвета.

Заслышав скрип весел, затявкала собака.

— Вот изба Юстунена, — улыбнулся Олави. — Не придется парню нашим самогоном угоститься.

Деревня была пройдена.

Оставалось пройти водой километров сорок — сорок пять, а там на лошадях или оленях надо было перебросить груз к селу Куолаярви, через холмы. Друзья раньше предполагали в крайнем случае все перетащить на своей спине. Но сейчас из-за болезни Инари это отпадало.

Под утро Инари попросил трубку у Олави.

Олави протянул ему свою трубку и, просияв, шепнул Лундстрему:

— Просит закурить... Слава богу, выздоравливает!

На этот раз они днем не пристали к берегу, шли спокойно вниз по течению реки, почти не берясь за весла.

Инари за обедом ел вместе с другими и даже похвалил похлебку.

К следующему утру вышли они в новое большое озеро.

Инари требовал уже своей доли в работе, но товарищи не дали ему сесть за весла.

Карбас был переведен через озеро вдоль берега, поросшего редеющим лесом.

Достигнув противоположного берега, они выгрузили всю поклажу из карбаса и устроились на ночевку.

Ничего особенного не произошло в эту ночь, если не считать того, что, привлеченный запахом испорченного сала, к связкам винтовок подобрался Микко Репполайнен, внимательно обнюхал их и, недовольно взмахнув «трубою», затрусил подальше от этой непонятной добычи.

Это случилось, когда смена Лундстрема подходила к концу.

Он было задремал и, очнувшись, увидел, как убегает лисица.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

С наступлением дня Инари и Олави, оставив Лундстрема сторожить оружие и патроны, погнали карбас с челноком к селению.

Водная часть маршрута кончилась, и посудина не была больше нужна. Чтобы не тратить лишнего пенни, Инари решил отдать карбас тому крестьянину, который предоставил бы в его распоряжение тягло на несколько дней.

Они причалили к берегу метров за сто до становища и пошли напрямик к селению.

Но как только оии подошли к избам, из-за угла выскочили три человека; двое из них держали в руках заряженные браунинги.

— Руки вверх! — крикиул ленсман. — Наконец-то мы вас поймали!

— Я не думаю, что вы попали имеино на тех, иа кого охотились, — равиодушио сказал Ииари.

— А это мы сейчас узиаем, — торжествовал леисмаи и повел арестоваииых к карбасу.

Человека с брауииигом Олави иикогда ие видел, а в третьем узиал Юстуиеиа.

— Никогда тебе, паренек, не угощаться даровою выпивкой! — угрожающе буркнул ему Олави.

— Да разве я вииоват? — разводя руками, сокрушеино отвечал Юстуиеи. — Меия самого господин леисмаи обвииил в сообщиичестве, и, чтобы доказать свою иевииовность, я пошел с иим.

— Без лишиих разговоров! — приказал ленсман.

Оии подошли к карбасу.

Ииари думал, что, если ленсман начиет их обыскивать, найдеииые при ием и Олави маузеры грозят годом тюрьмы, даже если и не будет в наличии другого обвинения. Поэтому он решил во что бы то ии стало не допускать обыскивать себя и в случае иеобходимости защищаться.

Пока леисмаи был заият осмотром карбаса, Ииари зиаками и иамеками пытался передать свое решеиие Олави. Но ои так и ие поиял, что усвоил из его сигиалов Олави, когда рассерженный леисман вылез из карбаса и стал ругаться.

Ленсмаиа очеиь расстроило полиое отсутствие улик: ни самого самогоииого аппарата, ии бутылей со спиртом, ии запаса сахара, из которого в тех краях гоият самогои, ои ие обиаружил в карбасе.

Прямых улик ие было. Он лишится премии в сто марок за открытие противозакониого самогонного гнезда.

— Я ие поиимаю: за что иас задержали? — жалобно обратился к леисмаиу Олави. — Я столько времени не видел родиых и семью, и вот, когда я торо-

плюсь к ним, меня без всякой причины задерживают здесь...

Говоря это, Олави вытащил из кармана удостоверение, выданное ему начальником тюрьмы, что он действительно находился в заключении с такого-то срока до такого и является жителем Похьяла.

— Ведь я даже не мог за это короткое время, господин ленсман, заняться этим богопротивным делом.

Документ был убедительным, и ленсман поколебался, но решительность в конце концов взяла верх, и уже без всякого озлобления он сказал:

— Если улик не будет, тогда суд вас освободит, а сейчас вы арестованы и препровождаетесь на сессию выездного суда в Куолаярви.

— В Куолаярви? — удивился и обрадовался сразу Олави.

Конвоируемые ленсманом и его помощником, они пошли прочь от карбаса.

«Убегать сейчас нельзя, — решил про себя Инари. — Ленсман устроит облаву по всему району, и тогда могут обнаружить наш груз».

К тому же решению пришел и Олави. Поэтому они спокойно шли под конвоем.

Ленсман запер их в сарай с сетями и поставил стражника стеречь.

Товарищи заснули, покрывшись сетями.

Через несколько часов им поставили кашу, дали несколько вяленых рыбешек, и после этого они снова заснули.

Так прошло, по их подсчетам, больше суток, когда дверь вдруг распахнулась и на пороге показался ленсман.

Он выглядел добродушнее и веселее, очевидно получив какие-то радующие его известия.

— Если вы дадите честное слово по дороге не убегать, тогда будете доставлены к судье в течение двух суток. Я вас возьму с собой — по дороге есть дельце. В противном случае будете сидеть в холодной дольше на двое суток, пока я не возвращусь с работы.

Делать было нечего, от транспорта оружия друзья и не собирались бежать, а там будет видно. Лишь бы только Лундстрем не засыпался.

«А ему так легко влипнуть, — думал Олави, — ведь он здешних мест не знает».

Правда, у него была карта с ясной чертою маршрута, но в глубине души Олави не особенно доверял картам.

Как бы отвечая на эти затаенные мысли, Инари успокоил его:

— Нет, Лундстрем, пожалуй, дотерпит до нашего возвращения.

Они дали честное слово ленсману, который при этом обрадованно вздохнул. Ему тоже не улыбалась перспектива возвращаться после «дела» за арестованными, терять время и понапрасну стаптывать сапоги.

Сопровождали товарищей три человека — ленсман, его помощник, который все же из предосторожности держал в руке браунинг, и взятый в качестве понятого злополучный любитель выпивки, длинноногий парень, старый наш знакомец Юстунен.

Путники шли по тропинке, еле приметной для глаза; временами тропинка совсем терялась среди высоких сосен и мшистых кочек.

Ленсман шел уверенно, как гончая за зверем.

— Где два оленя пройдут, тут нам и большая дорога, — самодовольно улыбался своему знанию лопарских пословиц ленсман.

...К вечеру они подошли к цели своего сегодняшнего пути — к стоявшему посреди леса одинокому торпу.

В темноте, без предварительного стука, вся компания ввалилась в избу. Пришлось сгибаться, протискиваясь в низкие двери торпа. В нос ударило кислым.

Ленсман, оживившись, стал вынюхивать, где бы мог находиться источник этого аромата, и глаза его быстро бегали по почерневшим бревенчатым углам курной избы.

Все население торпа безмолвно стояло перед пришельцами; на лицах был написан нескрываемый испуг.

Старый дед, лежавший на матраце в углу, и тот

повернул голову, когда ленсман, расстегнув воротник пальто, заговорил, обращаясь к хозяину.

В это время хозяин, делая вид, что происходящее вокруг нисколько его не касается, разворачивал для просушки листья табака.

Ленсман в таких случаях говорил, как положено законом, спокойно, отчеканивая каждое слово и очень любезно. К такой любезности владелец торпа не привык.

— Вы, наверно, догадываетесь, по какому делу я пришел. Я получил самые верные сведения, что в вашем торпе последние годы практикуется тайное винокурение, и поэтому прошу вас немедленно принести сюда всю посуду, необходимую для этого дела; в противном случае я принужден буду произвести обыск.

Хозяин молчал, он казался очень смущенным. Олави угадывал, что больше всего он смущен вежливым обращением ленсмана. Помолчав немного, хозяин возмутился:

— Позвольте спросить вас: кто сделал такое заявление? — И, сказав это, он взглянул на Юстунена, который пытался спрятаться за спиной Инари.

— Это мое дело, — сухо ответил ленсман, — по долгу службы я должен буду произвести обыск.

И обыск начался.

Сперва обыскали избу и нашли большой ушат киснувшей барды. Затем стали обыскивать двор, но аппарата не нашли ни в стоге сена, ни в поленнице дров, ни в навозе. Правда, под сеном помощник ленсмана нашел еще почти совсем нетронутый мешок сахара. Улик было много, но необходимо было все же найти аппарат, а его-то и не было.

Ленсман, совсем обескураженный, мял в руке носовой платок, когда Юстунен, почтительно взяв его за локоть, показал на узенькую тропинку, едва-едва заметную, начинавшуюся сразу у поленницы.

Тропинка петляла и пропадала. Впереди шел Юстунен, мечтавший проглотить стаканчик крепкого самогона.

— В здешних местах самогон несравненно вкуснее,

чем на юге, — мечтательно проговорил помощник ленсмана.

— Да, там по преимуществу пользуются эстонским рецептом и гонят не из сахара, а из картофеля, — отозвался сам ленсман.

Олави и Инари передвигались почти машинально, думая о том, что сейчас делает Лундстрем, долго ли он будет ждать и как переслать ему весточку, если им придется задержаться надолго.

Ветка хлестнула по лицу Инари. Он вздрогнул и остановился. Другие тоже остановились. Вдали виднелся просвечивавший сквозь деревья огонек.

Нагибаясь, местами совсем почти припадая к земле, ленсман пошел на огонек. Помощник, не спуская глаз с арестованных, шел за ним. Юстунен замыкал шествие.

Когда пробрались поближе, увидели — на пне сидел с довольным видом седобородый мужчина и поправлял огонь, изредка обращая глаза на вековые сосны, которые до сих пор его отечески оберегали; пожилая женщина доливала из ковша воду в бочонок с трубой.

Тогда ленсман разрядил в воздух револьвер.

У женщины выпал из рук ковш, и она повалилась на землю.

Самогонных дел мастер вскочил на ноги, как медведь, которого потревожили в берлоге, схватил прислоненное к пню охотничье ружье. Но он во-время заметил два наведенных на него дула.

Через минуту ленсман, присев у пня, при прыгающем свете костра составлял протокол. Потом началось веселое уничтожение «завода». Огонь был потушен, котел опрокинут, деревянную лейку рубили в куски. Ушат, полный барды, был настолько тяжел, что ленсман с помощником и Юстунен с трудом его наклонили. Барда полилась на лесной мох.

— Какая жалость, что мы пришли так рано! — усмехнулся Юстунен. — Ну, право, приди через несколько часов — получили бы готовую выпивку.

Ему никто не ответил.

Мастер сумрачно смотрел на то, что делал ленсман.

Ударами топора помощник ленсмана разнес ушат

в мелкие щепы. Женщина хмуро и сосредоточенно подобрала железные обручи.

Составив протокол и разгромив «завод», ленсман объявил мужчину арестованиым, и все не торопясь пошли обратио через лес в торп.

Леисман наблюдал, зиакомы между собой или иет старые его арестаиты и новый, и под конец решил, что если и знакомы, то иичем не выдают себя.

Позади всех шла женщиа, державшая в руках железиые обручи.

Уже почти иа рассвете пришли обратио в одиноко стоящий торп.

Спали долго, всласть, особеино винокуры, словио желавшие оттянуть срок прощания с домом.

Когда все выспались, поздио уже было отправляться иа иочь глядя в дальиий путь, через поросшие густым лесом холмы и болота. Поэтому вскоре все сиова залегли спать.

Олави спал тревожио, ему все сиилась Эльвира, заливающаяся слезами иад связкой оружия. Иари же спал так, словио отдыхал от тяжкой болезии.

Когда на рассвете, разбужеииые ленсмаиом, все арестованиые и коивой вышли из торпа, Олави шепнул Иари:

— У меня предчувствие, что Луидстрем и оружие погибли.

— Довольно иасчет предчувствий!

И оии пошли в гору.

Под иогами осыпалась земля и катились с шумом мелкие камешки. Шли гуськом. И опять позади всех шла жеищииа, которую иикто ие приглашал в этот невеселый путь.

Тропиика круто вела вверх, порою приходилось хвататься руками за колючие ветви елок, чтобы ие соскользиуть вниз.

Утомлениые, уже после полудия остановились они иа привал у шумного, пеиящегося водопада; ои срывался с крутизиы и ревел, как бешеный, перескакивая с камня на камень.

— Почему бы тебе не бежать? — спросил Инари мастера-самогонщика.

— Старики говорят: так гни, чтоб гнулось, а не так, чтоб лопнуло! И правильно говорят.

После этого ответа старик многозначительно замолчал.

Зато Олави от Юстунена в пути узнал о спиртном производстве больше, чем он раньше мог себе представить.

Далеко за полночь, измученные дорогой, арестанты и конвоиры пришли в село Куолаярви. Олави, проходя мимо одного двора, толкнул локтем Инари:

— Здесь живет жена моя Эльвира.

И они пошли дальше.

— Отсюда уже можно бежать, — сказал Инари.

Их привели в арестантскую комнату. Там уже сидело человек восемь, и все по самогонным делам.

Суд должен был начаться завтра к вечеру — тогда приедет судья и явятся все вызванные повестками подсудимые и свидетели.

Олави и Инари нашли себе место на полу, среди спящих вповалку.

На другой день их повели на суд, в большую избу, разделенную на две комнаты.

В одной заседал суд. В другой ожидали вызова подсудимые вперемежку с многочисленными свидетелями.

Инари стал осматриваться, как бы лучше улизнуть.

У входа стоял вооруженный полицейский, но окна были не защищены.

Правда, порою по улице проходили солдаты. Здесь теперь был расквартирован пограничный отряд. Это для Олави было новостью. Но если спокойно удалиться из помещения суда, то никому и в голову не придет остановить их на улице.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Лундстрем спокойно ждал возвращения Инари и Олави с подмогой для переноски груза, беспорядочно наваленного на берегу и прикрытого свеженаломанными ветками.

Он чувствовал себя превосходно и отдыхал весь день, рассчитывая, что товарищи вернутся только под вечер.

Он насвистывал знакомые ему старинные песенки, палкой сбивал шишки с сосен и елей. Но потом, когда подобрались сумерки, он забеспокоился.

Да, товарищам следовало бы уже возвратиться.

Солнце садилось далеко за озером. Беззвучно спускались сумерки.

Лундстрем встал с валуна, на котором сидел, и тревожно прошелся по берегу.

Еще полчаса назад все было так знакомо и понятно, а теперь холм вырос в высокую гору.

Метрах в двадцати от берега в лесу высилась муравьиная куча. Лундстрем подошел к ней. Муравьиная жизнь к ночи, очевидно, угасла, и он захотел потревожить ее, но раздумал. По муравейникам учил его Олави распознавать близость дороги. С какой стороны они покатее, с той дорога. Надо проверить. И Лундстрем, определив более покатую сторону муравейника, пошел искать в сумерках дорогу. Олави был прав. Метров через двадцать он нащупал ногою еле заметную твердую тропку.

Лундстрем вытащил из-за пазухи план пути. Здесь начинался новый этап, и черта на плане указывала прямое направление на север, к селу Куолаярви.

«Как мало осталось идти!» — подумал Лундстрем; он умел обращаться с чертежами — ведь он был квалифицированным металлистом.

Он был прав: по линии полета птицы до Куолаярви оставалось около тридцати километров.

Наступил темный осенний вечер. Лундстрему стало холодно, он разложил костер подальше от берега, чтобы чужой глаз не приметил.

Товарищи все еще не приходили. Неужели с ними приключилось что-нибудь? Может быть, они попали в засаду, может быть, их убили, а он сидит здесь и ничего об этом не знает? Нет, этого не может быть. Просто дорога оттуда труднее, чем предполагали, с крестьянином сторговаться хлопотливее; они придут сюда уже сразу с лошадью.

Ладно, если они не придут через час, он пойдет им навстречу, и если не встретит, то во всяком случае разузнает, что с ними и куда они запропастились. Но тогда оружие останется без присмотра. И потом — куда итти на ночь глядючи? И напрасно это он разволновался. Ведь в случае чего один-то — или Инари, или Олави — добрался бы к нему.

Да что там, утро вечера мудренее.

И Лундстрем стал устраиваться на ночлег. Он постлал ветки и сам накрылся шерстяным одеялом Олави. Он долго не мог заснуть, думая все об одном и том же, и деревья, колеблемые пламенем, казались ему похожими на старинные чудища, о которых говорится в детских сказках.

Спал он настороженно и несколько раз просыпался; ему казалось, что хрустит валежник, что пришли, наконец, долгожданные товарищи.

Но никто не приходил.

Наступил холодный, туманный рассвет.

От росы одеяло отсырело и стало тяжелым.

Солнце нехотя вставало где-то на краю земли, и Лундстрему стало вдруг ясно, что Инари с Олави провалились.

Итти их выручать? Тогда можно самому попасться. И тогда оружие погибнет. Для чего же тогда его выкапывали, перевозили, для чего Инари нырял в холодную воду?! Нет, нельзя отходить от оружия.

И тут ему пришла в голову блестящая идея.

Ведь они же решили, если не достанут лошадей, перетаскивать транспорт на своих спинах, а если так, то почему он один в крайнем случае не сумеет этого сделать!

Правда, это будет в три раза медленнее, даже, может быть, еще немного дольше, потому что у Олави спина шире и сильнее, чем у него, но все-таки он это вполне может сделать. И по карте путь прочерчен, и он знает, кому передать транспорт. Фамилию Сунила он затвердил еще давно.

И если он это сделает... нет, не если, а когда он это сделает, Инари и сам Коскинен проникнутся к нему

уважением и скажут: «Да, Лундстрем, ты сделал большое дело».

А если вдруг Инари убит и никогда, никогда он его не встретит и не сумеет до конца оправдаться перед ним? Руки Лундстрема опускались, и он шептал:

— Нет, Инари должен быть обязательно жив, а если он убит, тогда... тогда я, после того как перетащу все оружие, сам все расскажу Коскинену, и про Хильду тоже, и он наверняка все поймет. Значит, надо приступать к делу.

Лундстрем подымает связку винтовок. Он решает так:

«Я пронесу эту связку винтовок три километра, потом приду за другой — и так до ночи перетащу все на три километра. Все сделаю в десять, самое большее — в двенадцать дней».

Дольше, чем рассчитывал Коскинен, но что же делать!

Он набивает мешочек едой: лепешки некки-лейпа, несколько вяленых рыб, полтора кило сахару, щепотка соли и горсть кофе. Он увязывает все это в свое шерстяное одеяло, сверток прилаживает ремнем, как противовес связке винтовок, и бодро взваливает груз на плечи.

Не очень тяжело — всего около двух пудов.

Лундстрем идет по тропинке и насвистывает свой любимый мотив.

Скорее бы все это дело сделать! Это правильный расчет — нести груз три километра, а не километр: меньше времени и сил уйдет на опускание, поднимание, перегрузку.

Тропинка спокойно подымается в гору, итти уже не так легко, как казалось раньше, и к тому же ремень режет плечо. Надо бы его заново приладить. Нет, впрочем, это будет лишняя перегрузка. Лучше пронести все три километра, а там и поправлять.

Вот и отлично — тропинка не петляет, она идет прямо и ведет уже вниз, можно наддать ходу.

Лундстрем идет быстрее, груз его гонит вниз, а тут ноги его начинают завязать в болоте. Под кеньгами хлюпает вода, и сразу ногам делается прохладно.

Вот это уже ни к чему. Приходится вытаскивать уходящие в мох ноги, итти делается труднее. Пожалуй, не стоит итти прямо по трясине, которая не хочет сразу отпускать ноги. Надо перепрыгивать с кочки на кочку, а кочки покрыты кустами багряной брусники. Ягоды гоноболи осыпаются, а кеньги Лундстрема беспощадно их давят. «Впрочем, если нагнуться и набрать горсть ягод, можно освежиться», — думает Лундстрем, но решает проделать это на обратном пути, когда будет итти порожняком.

«Вот я уже и прошел с полпути... Нет, зачем же обманывать себя! Пройдено не больше километра. Всетаки это приятно, что здесь еще растет береза».

Но вот низина кончилась, почва становится все тверже, и тропинка опять начала карабкаться вверх. Подымаясь даже по отлогому склону с грузом за спиной и свертком, бьющим в грудь, легко потерять дыхание.

Лундстрем вскарабкался, наконец, наверх и увидел, что ему предстоит снова сойти в мокрую низину, чтобы затем снова подняться и, наверно, снова спуститься. Дальше нельзя было разглядеть: мешал лес.

И он пошел вниз. Вытаскивая кеньги из трясины, перепрыгивал с кочки на кочку, причем груз бил по спине и груди и ремень натирал плечо. Груз становился все тяжелее.

Когда начался новый подъем, Лундстрем решил, что три километра уже пройдено, и, нагнувшись, опустил груз в мох, в стороне от тропинки. Вытерев пот, он оттащил груз подальше, чтобы не было видно с тропинки, и пошел обратно, подбирая по пути влажные ягоды брусники и немного приторную гоноболь.

«Все идет прекрасно, только немного медленно», — думалось ему.

Он пришел на берег и остановился, вглядываясь в ту сторону, куда (уже минули сутки с тех пор) уплыли на карбасе Инари и Олави. Он отлично запомнил, как беспомощно волочился на привязи за карбасом челнок.

На этот раз в качестве противовеса связке винтовок он приладил, использовав для этого одеяло Инари, патронный ящик и, подняв свой груз второй раз, отправился в путь.

Груз на этот раз действительно был тяжелее, чем в первый, но зато дорога была уже знакома.

Он шел молча. Груз стеснял его дыхание, и рассыпанные под ногами ягоды не казались уже ему такими свежими.

На этот раз он опустил свой груз на землю на вершине холма, пройдя лишь два километра.

Ему показалось, что кто-то его зовет с берега озера. Обратный путь он почти пробежал, задыхаясь от радости, но... на берегу никого не было.

Он приладил на другое плечо новую связку винтовок и, как противовес, патронный ящик и потащил этот груз по очень знакомой тропе.

Нет, первоначальный план был положительно плох. Пока без передышки тащишь три километра, совершенно выбиваешься из сил, и потом, на обратном пути, слишком много времени уходит на отдых. Гораздо правильнее будет так: пронести ношу всего лишь один километр — за это время не сумеешь выдохнуться, а на обратном пути сумеешь отдохнуть. Этот план еще и тем лучше, что все время весь почти транспорт не уходит из поля зрения. Поэтому третью связку Лундстрем перетащил лишь на километр, опустил на землю и пошел обратно за новой.

На берегу он разрешил себе отдохнуть примерно полчаса, — ведь он уже прошел по прямой двенадцать километров и перетащил не один десяток килограммов на своих плечах.

Он отломил кусок лепешки и, торопясь, почти не разжевывая, уничтожил вяленую салаку — нет времени наловить свежей.

После получасового отдыха не хотелось приниматься снова за работу. «Ну, еще минуточку можно повременить! — просил какой-то внутренний голос. — Ну, еще одну минутку!»

— Баста! — вслух решительно произнес Лундстрем.

И когда он это произнес, на душе как-то повеселело и плечи на время перестали гореть.

Теперь он перетаскивал груз на один километр. И с каждым переходом груз становился тяжелее и тяжелее.

Казалось, здесь в древние времена подымал свои высокие волны океан. По волшебному слову волны застыли, превратившись в землю, ощетинились лесом, и только между гребнями, между взлетами волн, сохранилась еще влага. И Лундстрем должен был пробираться по этим сухим волнам, вытягивая на гребни груз и сбегая вниз, подгоняемый тяжестью.

В ложбинах между проросшими брусникой кочками увязали кеньги, и, вытаскивая их, нужно было еще тащить давивший плечи груз на гребень.

Так шел по каменным волнам Лундстрем. К солнечному закату, — а солнце закатывалось сегодня в тучу, — на берегу не оставалось ни одной связки винтовок, ни одного оцинкованного ящика с патронами. Правда, почти все они находились всего лишь в одном километре от берега, и только одна связка — первая — в трех километрах и две — в двух. Около последней — на сегодня — связки сидел на берегу Лундстрем и, не обращая никакого внимания на северный осенний, многоцветный закат, жадно смотрел в ту сторону, откуда должны были прийти товарищи. Но они не приходили.

У него ныла спина и дрожали ноги. Может быть, товарищи сейчас придут, ну, через каких-нибудь десять — пятнадцать минут. Выйдет из-за наволока Инари и скажет: «А вот мы и пришли». А Олави молча улыбнется. Как хорошо было бы видеть рядом с собой Олави!

Но они не шли!

Вот они придут и увидят, что он сделал, и Инари скажет: «Молодчага!» Потому что неважно, что Лундстрем дело не довел еще до конца, — важно то, что он взялся за него.

И тут Лундстрему становится стыдно, он вспоминает произнесенные мельком слова Коскинена: «Ничего не сделано, пока не сделано до конца».

Солнце уже село, а товарищи не идут. Они, наверно, и не придут. А когда придут, то как же узнают, куда он скрылся? Впрочем, точному взору Олави тропинка сумеет рассказать многое... А вдруг они уже убиты?!

И Лундстрем взваливает на плечо последнюю связку и последний ящик и идет по знакомой до тошноты темной тропе.

Он спотыкается почти на каждом шагу, но все еще тащит ношу сквозь дикие заросли кустарника. Все ветви тянутся к его ноше, и каждый сучок, словно злобствуя, хочет отнять ее.

Он взобрался на гребень большой волны, и тяжесть груза погнала его быстро вниз. Вот он уже прошел груду транспорта, оставленную на первом километре. Он во что бы то ни стало должен дотащить последнюю связку до второго километра. Если он остановится на первом сейчас, он не сумеет за ночь отдохнуть и все время будет просыпаться, слушать, не кричат ли ему с озера, а то еще, чего доброго, побежит сам навстречу случайному эху к берегу, и там, на берегу, его встретят пустота и отчаяние. Нет, Олави и Инари сами найдут к нему дорогу.

Его захлестывает порыв отчаяния. Он останавливается, со злобой ударяет дерево и успокаивается при воспоминании о том, что Инари нырять на озере было не легче, чем ему волочить это оружие.

Он должен меньше есть — остается еще две лепешки и пять вяленых рыбешек. Но ведь есть же морошка, брусника, гоноболь, потом сахару по три куска на день, — и, произведя эти вычисления, он перекладывает неудобную связку на другое плечо.

Лундстрем, собирая остатки сил, добирается, наконец, до второго километра и, не успев разложить костер и закусить, ложится на разостланное одеяло и засыпает.

Он спит и не слышит громкого полета и страшного гуканья белого филина. Он спит и не слышит, как быстроногий, похожий на собаку песец ходит около оружия и с вожделением глядит на блестящий в лунном луче оцинкованный ящик. Песцы очень любят все, что блестит.

Ему снилось, что он лежит на мостовой Эспланады и через его поясницу прокатываются колеса тяжело груженных телег. «Не надо!» — просит он неумолимых возчиков. Но те катят по брусчатке мостовой, норовя

проехать прямо по пояснице, и лишь мельком, случайно, огреют кнутом по плечам.

Такие сны приносят мало облегчения, поэтому Лундстрем был очень доволен, когда проснулся. И еще доволен он был пустым, безоблачным, холодным небом.

Сегодня он не умывался, хотя за водой было недалеко итти. Немного размявшись, он сам прикрикнул на себя:

— Ну, ну, марш на службу!

И когда он думал о Коскинене, об Инари, о товарищах, брошенных в сырые тюрьмы, о тех, для освобождения которых он тащит этот груз, — к нему постепенно приходило вселяющее новую силу ощущение своей общности со всем, что делается для революции, со всем, что делается в самых шумных и самых глухих местах прекрасной Суоми в сердцах батраков, торпарей, лесорубов, рабочих...

И так он, перескакивая с кочки на кочку, перетаскивал все ближе к северу свой груз, прятал его в стороне от тропы и по знакомой уже до одурения тропе возвращался за новой поклажей.

В этот день он перестал верить в возвращение товарищей.

В этот же день его одолевал кашель.

Слава богу, пройден еще километр... Сколько же их еще осталось?!

Вот подымается какая-то тяжелая незнакомая птица. Он бросает наземь свою поклажу, вытаскивает маузер и стреляет, но рука дрожит, три патрона пропадают напрасно.

С бессильной злобой опускает он руку.

И он снова взваливает на плечи поклажу и тащится вперед.

Кончаются низины, и волны лесного океана как бы замерли перед огромным девятым валом — отсюда уже идет неуклонный подъем.

Лундстрем хочет поднять на плечо ношу, силы изменяют, и ноша рушится обратно на землю.

— Сатана-пергела! — озлобленно ругается он, и вместе со злобой приходят к нему силы.

Он взваливает на плечи ношу и начинает взбираться вверх.

Камешки, срываясь, ускользают вниз из-под ног, земля осыпается. Лундстрему приходится опускаться на четвереньки и, упираясь ногами, цепляясь руками за выступающие из-под земли узловатые корни, ползти, волоча свой груз, вперед. Скоро руки его покрываются царапинами, а сучья рвут брюки и куртку.

Ему приходится все чаще останавливаться, чтобы отдышаться; у него начинает кружиться голова.

На широкой площадке он оставляет свою ношу и спускается за новой. Но ему теперь надо пройти еще вперед без груза, налегке, чтобы высмотреть путь, места, где можно уверенно поставить ногу.

Потом он опять бредет вниз и снова волочит винтовки и патронные ящики.

Остановившись на площадке, он, отгибаясь назад, чтобы размять ноющие мышцы — так учили его в гимнастическом обществе, — видит вершины деревьев, идущие снизу вверх, и думает: «Эх, хорошо было бы построить здесь канатную дорогу! Весь груз был бы поднят на вершину в два счета. Но канатной дороги здесь еще нет, и поэтому пожалуйте, господин Лундстрем, к своему грузу».

Он идет осторожно и тяжело дышит. Но вот он поскользнулся, и шерстяное одеяло, развязавшись, бросило в ноги ему патронный ящик и отпустило вниз связку винтовок.

Ящик ударил по ноге.

Связка, поднятая с таким трудом на высоту, летит, катится по земле, устремляется вниз. Она стучит, ударяясь о стволы.

— А, ты так? — кричит в отчаянии Лундстрем. — А, ты так?

Он, срываясь, прыгая, бежит за своей ношей, которая лежит, остановленная темной елью. Отдышавшись, он толкает груз перед собой по земле, потом поднимает на плечо и снова начинает подъем.

Он бережно несет связку.

Оружие! Разве в бессонные ночи перед восстанием не о тебе первая и последняя мысль? Разве перед боем,

в битве и после схватки не о тебе первая дума бойца? Как выйти без тебя на улицу и строить баррикады, как драться без тебя со свиноголовым шюцкором, уничтожившим столько лучших сынов Суоми?

Кто расскажет о радости и гордости владения оружием, оружием, уничтожающим врага?

Кто расскажет об отчаянии, с которым прятали и закапывали оружие разбитые красногвардейские отряды, сохраняя его для будущих битв, о запрятанных в соломе, в поленницах дров маузерах, наганах и браунингах?

Оружие!

Ты нам еще нужно, и мы сохраняем тебя и учимся владеть тобою, готовясь к новым боям.

Нет, Лундстрем не мог бросить на своем пути ни одной винтовки, ни одного боевого патрона. И он продолжал тащить их, несмотря ни на что, сатана-пергела! — несмотря на боль в пояснице, головокружение, недоедание, дождь, несмотря ни на что.

Поэтому, не дотянув с сотню метров до вершины весь свой груз, Лундстрем заканчивает трудовой день. Он начинает подсчет. Считает отдельно патронные ящики и связки винтовок.

Что это? Почему не хватает двух ящиков и одной связки винтовок?

Он еще раз пересчитал — то же самое. Тогда он наломал сучков и против каждого ящика и каждой связки положил сучок, потом собрал их и сосчитал. Нехватка явная.

Не мог же он подряд столько раз обсчитаться!

А может быть, он на последнем привале оставил? Нет, не оставил. Но ведь нельзя ни за что поручиться. Как это нельзя, когда он твердо знает, что не оставил!

Ну, незачем мучиться, проще пойти вниз и посмотреть. И, вместо того чтобы отдохнуть, как он это собирался только что сделать, Лундстрем быстро спускается с горы. Он на ходу осматривает кусты — ничего нет.

Он доходит до места последней стоянки — и там нет. Он медленно подымается к своему транспорту и, задыхаясь, снова быстро его пересчитывает.

Нехватка налицо.

— Что же делать? Что же делать? — бормочет он и медленно подымается на самую вершину.

Там поляна. Сразу размякнув и отяжелев, он садится на валун и закрывает лицо исцарапанными ладонями.

Ему кажется, что он громко, на весь лес, кричит и душа у него горит, а на самом деле он беззвучно плачет. И слезы, подступая волнами, душат его.

А далеко под ним расстилается закат, и стоят у дальних и близких озер тихие, раскрашенные осенним золотом и багрянцем лиственные и суровой зеленью хвойные леса.

Вокруг так тихо, что можно услышать, как бьется сердце.

Лундстрем отрывает ладони от глаз и видит это тихое великолепие северной осени. И стальной блеск озер.

Он медленно, про себя, начинает считать и насчитывает одиннадцать озер. И каждое имеет свой особый блеск, с розоватым оттенком от закатного света, и каждое окружено лесами. Лундстрем начинает приходить в себя.

Как хорошо он сделал, что поднялся сейчас на эту волшебную вершину! Не на этом ли камне пел Вейнемейнен свои руны?

Но солнце заходит, и этот прекрасный мир уходит от глаз Лундстрема. Он едва находит дорогу к своему транспорту.

Спуск удобен тем, что тяжесть толкает тебя вниз и не дает остановиться.

Тяжесть заменяет разбег. Правда, иногда налетишь на дерево и больно ударишься, но все-таки это веселее медленного подъема, когда напрягаешь все мышцы ног, рук, спины и живота и все-таки груз почти не движется с места.

Он лег на живот, чтобы напиться чистой, родниковой воды, и ему не захотелось вставать.

Несмотря на непрерывную ноющую боль, равномерно разлитую по всему телу, ему кажется, что он стал совсем невесомым. Но стоит присесть на кочку

или на валун — и тело начинает ощущать всю свою неизмеримую тяжесть, которая гнет к земле.

Ночь застигла его у костра; он собирал в ладонь крошки хлеба и бережно отправлял их в рот; пригоршней брусники был закончен этот день.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Очередной день, шестой с тех пор, как ушли товарищи, начался по-обычному. Но ему не суждено было по-обычному кончиться. Снова началась океанская рябь и зыбь кочковатых низин. Лундстрем научился уже различать тишину и поэтому услышал незнакомые лесные шумы — приближение людей — еще задолго до того, как они появились перед его глазами.

Он торопливо сошел с тропы, пошел в сторону, в лес; отойдя метров на двадцать, сложил свою ношу, пряча ее за опущенными до земли ветвями раскидистой ели, и, тяжело дыша, вытащил маузер.

Он решил, если эти люди пройдут мимо, не заметив его, проследить их до тех пор, пока они не минуют весь транспорт, и если они, не останавливаясь, пройдут мимо, пропустить их беспрепятственно. Если же они остановятся, он решил пристрелить их из маузера, чтобы они не могли донести.

Вот — он увидел — с пригорка пошел вниз человек, за ним вышел второй. Он чуть не задохнулся от счастья. Не могло быть сомнения: то шли на помощь Инари и Олави.

И тогда, рыча от радости, Лундстрем рванулся к ним из своей засады. Они остановились и быстро, словно по команде, вытащили свои револьверы.

— Стой! — крикнул Инари и поднял револьвер.

Ну да, это был Инари, а за ним стоял Олави. Не с ума же он, Лундстрем, сошел, чтобы так нелепо обознаться!

— Стой! — повторил Инари, и когда оскорбленный Лундстрем остановился, он, обернувшись к Олави, сказал: — Это какой-нибудь сумасшедший сектант.

Лундстрема душила радость.

— Инари! — иаконец иашел он нужное слово и, сумев его выговорить, понял, что звуки, которые он издавал перед этим, не были похожи иа человеческую речь.

— Да это Лундстрем! — воскликнул Олави.

— Лундстрем! — повторил Иимри.

И тут Лундстрем взглянул на истерзанное свое платье, на грязные руки, вспомииая, что он уже столько дней не причесывался и не брился, и понял, почему его не узнали товарищи.

Но они уже радостно жали ему руки и спрашивали о транспорте. Тогда, не умея еще собрать всех иужных слов, Лундстрем, торжествуя, отвел их к ели и показал спрятаниую связку и патрониый ящик.

— А где остальиое?

Лундстрем повел их по тропе и, остановившись, громко сказал:

— Всё.

Это было второе слово, произнесенное им после встречи.

Инари жарко пожал руку Лундстрему, и глаза Лундстрема засияли. Это была иастоящая награда.

Товарищи навьючили на себя ношу и понесли ее вперед по дороге, по которой они пришли сейчас из села.

И опять ночь пришла вместе с куриной слепотой. Но они еще долго сидели у костра и разговаривали. Олави сказал, что Лундстрем молодчага. И Инари глухо пробасил:

— Да.

Ужин сегодия Лундстрему показался пиром. Пили горячий кофе, ели свежую лепешку с маслом и снова брусиику.

Олави рассказывал:

— Видишь ли, в чем дело. Разбиралось в этот деиь пятиадцать дел. Ну, напихано было в избу много свидетелей. Обвиияемые-то знали склонность свидетелей к выпивке и притащили с собой не одиу бутыль хорошего самогоиа. И та женщина, которая за нами ша-

гала, не напрасно шагала — она поставила в передней целую корзину самогона, да и «забыла» ее там. Ну, ребята, конечно, воспользовались «забывчивостью». Когда начали приводить к присяге свидетелей, большинство из них ни «бе», ни «ме», а только буянили и кричали. Полиция набросилась на буянов, завязалась драка, а мы воспользовались свалкой и улизнули. Очень боялись мы, как бы тебя с транспортом не схватили и как бы ты не подумал, что нас арестовали... Вот и все. Теперь, я думаю, послезавтра к вечеру придем в село.

— Нет, не придем, — отвечал Лундстрем. — Мне тоже сначала казалось, что я быстрее попаду. Прибавь еще денек-другой.

И они замолчали. Когда Инари отошел немного, чтобы набрать хворосту, Лундстрем взволнованно сказал Олави:

— Олави, у меня несчастье!

— Что?

— У меня почему-то не хватает двух ящиков и одной связки. Честное слово, я нигде их не оставлял.

Он боялся, что Олави не поверит ему, но Олави закусил губу и, словно вспомнив что-то очень неприятное, нехотя ответил:

— Все в порядке. Так и должно быть. Это я нарочно сказал, что все вытащено из озера в ту последнюю ночь на карбасе. Я боялся, что Инари пойдет еще под воду и не выплывет. Я хотел спасти Инари. Ты не ошибся и сосчитал правильно.

Скоро они заснули.

Утром первым проснулся Лундстрем, разбудил товарищей — и снова начался день тяжелого труда.

Через несколько дней они дошли до последнего привала перед селом, и Инари, оставив Лундстрема и Олави стеречь припрятанное в зарослях оружие, отправился разведать, как переправить транспорт дальше.

У парома стояло несколько телег; коричневые «шведки», распряженные, ожидали своей очереди для погрузки. Возчики молчаливо сосали трубки.

— Не сегодня-завтра надо вытаскивать панкореги, — сказал один из них, поглядев на небо.

Нечего было и думать о том, чтобы сегодня удалось переправить оружие дальше.

Для этого надо было пойти на север, к баракам, разыскать Сунила, а тот сам договорится с надежными возчиками.

Когда Инари вернулся к товарищам, Олави сказал:

— Оружие здесь припрятано неплохо. За Эльвиру я поручусь, как за Коскинена. Она пойдет к Сунила и передаст ему, что транспорт доставлен.

Поздней осенью, утром, пришла маленькая девочка, дочь деревенского пастуха, сунула в руку Эльвиры записку, сказала, что просил ее передать дядя в лесу, когда она собирала грибы и ягоды, и убежала.

Эльвира прочитала записку один раз и другой, потом прибралась, взяла шесть штук круглых лепешек некки-лейпа, кусок оленьего мяса, кофе, сахару, кусок масла, положила в мешок, взяла крынку с молоком и понесла в лес.

Она пошла по едва приметной тропинке; потом тропинка затерялась в кочках; на кустиках замерзали голубые ягоды гоноболи.

Эльвира шла в сторону от деревни и перепрыгивала с кочки на кочку.

И вдруг сильные руки обняли ее, и она увидела сияющие в жесткой щетине небритого лица темные глаза. И Олави воскликнул:

— Все в порядке, ребята, раскладывайте костер!

Эльвира увидела еще двух парней. Олави взял из ее рук мешок. Они стали есть лепешки, разрывали зубами доброе оленье мясо.

— Ты совсем такая же, как и была, — сказал Олави.

— Олави, почему ты не пришел прямо домой? Папа будет просить тебя...

— Тише! Нельзя, Эльвира. Никто не должен знать, что я был здесь. И про этих товарищей тоже. Понимаешь?

— Значит, мы опять расстанемся?

И они ушли в лес, подальше от товарищей.

Он ее целовал и рассказывал, что по ту сторону границы власть в руках лесорубов и батраков и на них лахтари хотят напасть.

Он ее обнимал и говорил, что срок его каторги кончился и что он с товарищами привез оружие для лесорубов и батраков, и если про это узнают, то и его, и товарищей, и ее повесят.

Она говорила, что все время думала о нем и как это хорошо, что у него снова длинные волосы. Неужели он не хочет увидеть, как выросли Нанни и Хелли?

Он говорил, что скоро увидит их и будет с ними, что оружие они спрятали, и что она должна дать знать об этом Сунила — он работает лесорубом у акционерного общества «Кеми», в двадцати километрах на север, — и он должен прийти за этим оружием и переправить его на пароме дальше, к баракам, и что это очень и очень важно.

— Я из-за тебя таяла, как льдинка на солнце!

Они пошли к костру.

В медном котле закипал кофе, и молчавший до сих пор Лундстрем попросил соли, чтобы заправить кофе. И Эльвире стало совестно, что она впопыхах забыла положить в мешок соли, но паренек ее успокоил:

— Ничего, и без соли выпьем кофе.

Эльвира смотрела, как исчезали они за деревьями, потом нагнулась и стала собирать сучья и, набрав полный мешок, пошла домой.

Пошел частый и липкий снег.

Уже темнело, когда она пришла. Нанни, не раздевшись, спала на кровати.

Распрощавшись с Эльвирой, товарищи пошли обратно и остановились в лесной сторожке, километрах в двух от того места, где в зарослях ельника подо мхом было спрятано оружие. Когда они подходили к сторожке, Лундстрему казалось, что вот здесь они получат новый груз и понесут его опять к селу, к остальному

транспорту. Плечи его так привыкли к ноше, что, казалось, тосковали по ней.

После плотного ужина наступил глубокий сон.

Ночью пошел густой, липкий снег и сразу рассыпал по лесу звериные, птичьи и человечьи следы.

Товарищи весь день, не выходя, провели в избушке.

— Про какую гармонь говорила Эльвира? — полюбопытствовал Лундстрем.

Но Олави отмахнулся:

— Дело прошлое, — и как-то ласково улыбнулся.

На другой день пришла утомленная Эльвира и сказала, что Сунила знает все и через два дня примет оружие.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В конце 1919 года всех здоровых парней прихода, достигших двадцати лет, призвали, ощупали их мускулы, постучали пальцами по спине, признали годными и направили в казарму. Унха, знавший все тяготы жизни торпаря и лесоруба, тоже был с этими ребятами, но в казарму не пошел, а отправился на север, на лесоразработки. Через два месяца нашли его в лесной хижине, арестовали и в наручниках отправили в город Улеаборг. Там он в первый раз увидел железную дорогу. Наручники натирали ему кожу у запястья.

В Улеаборге зачислили Унха в северный егерский батальон; всего прослужил он в армии год и восемь месяцев, из них — два месяца штрафных за дезертирство.

Восемь месяцев из этого срока отбывал он в пограничном отряде поручика Лалука.

Здесь Унха научился владеть оружием — винтовкой русского образца 1891 года, трехлинейной и облегченной винтовкой японского образца.

Поручик Лалука на судьбу свою не жаловался, но в глубине души считал себя обиженным.

Мало того, что приходилось жить ему в этой собачьей местности, в пограничной холмистой тундре, — присылали для службы самых отпетых ребят, прямо из дисциплинарных рот.

— Лечь!..

— Встать! ..

— Бегом марш! ..

— Кру-у-у-гом! ..

И Унха стискивал челюсти, — шестнадцать килограммов колотили по спине, и винтовка в руке становилась скользкой от пота.

Командиры обращались с ними как с собаками; правда, поручик Лалука был лучше других, он по вечерам приходил в казарму и читал вслух старые стихи Руннеберга и рассказы Юхани Ахо.

«Мы ждем своего Александра, своего завоевателя, который пойдет, предшествуемый финляндским знаменем и сопровождаемый финской культурой... Юная и великая Финляндия объединит свое царство от Балтики до Берингова пролива, охватывая Ледовитый океан. Будем ждать; эта надежда поддержит нас вплоть до новой и отрадной великой борьбы...»

Здесь поручик задыхался от восторга и думал, что, может быть, ему суждена судьба великого Александра. И почему же такие мысли не заставляют волноваться солдат?

А они сидели, глядя куда-то мимо него и как будто ни о чем не думая. Но они думали.

Нимеля думал, что если еще раз его ударит фельдфебель по лицу, то он убежит, как Эйно в прошлом году.

Керанен вспоминал про письмо из дому. Он уже боялся получать письма из дому, ничего в них не было хорошего.

Унха думал о том, что в этом году кончается его служба, он еще успеет поработать в лесу, — как это хорошо: вдыхать морозный сосновый воздух и наваливать раскряжеванное дерево на панко-реги, — и еще он думал, что завтра вечером он пойдет в Народный дом — его пригласили рабочие, там будет спектакль; а фельдфебелю он скажет, что ходил в клуб шюцкоровцев.

Лехтинен думал о девушке, розовощекой и крепкогрудой, которая подарила ему на память подвязку.

Пененен за спинами товарищей мерно, в такт речи поручика, посапывал в дреме. Он сегодня два часа

стоял под ружьем — в наказанне. За плечамн был мешок с песком, а когда кончнлнсь этн два часа, под иогами было мокро. Снег растаял.

И только один Таненен, вылупнв свои рачьи глаза иа офнцера, вслушивался и старался что-то сообразить. Но в голову лезла разная чертовщина. Напрнмер, какое хорошее сукио пошло на муиднр господниа поручика нли почему ему так нужен какой-то Берннгов пролив, когда сейчас иа берегу озера такая благодать. Золото, багрянец, сквозная желтизна березовой лнствы н тихая, гладкая-гладкая, зеркальная вода. Эх, разложнть бы костер, слушать, как медленно потрескивают сучья, н, пожалуй, спать...

Поручнк иа судьбу не жаловался, ио ему втайне было обндно, что сиднт он в такой глуши, где никакнх событий пронзойтн не может н нельзя проявить себя нинциативиому, боевому человеку.

В воскресенье вечером солдат отпустили из казармы, н онн пошли в клуб шюцкора.

Там былн девушки, н приехавший из города седой, бородатый лектор рассказывал о голоде в Россни н о том, что надо помочь «страдающим братьям карелам». И все сидели, слушали н ждалн танцев.

Унха вспомннл про спектакль в рабочем клубе и пошел туда.

За ннм увязался старнк, который прихрамывал и говорнл:

— Вот и карелы братьями сталн, а я помню: этот же лектор — только совсем чериоволосым он был тогда — прнезжал к нам лет двадцать назад н разорялся, что нельзя пускать коробейииков нз Карелии, что этн карелы православные и что ннкто нз честных финнов нничего покупать у карелов не должен и в комиату их пускать непатрнотнчио...

— Времеиа меияются — и песни меняются, — безразлнчно процедил Унха и, обогнув военный пикет, поставлениый по прнказаиию господниа поручика, чтобы солдаты не заходили в Народиый дом с заднего крыльца, пробрался в зрнтельный зал.

Шла трагедия «Ромео и Джульетта». Среди публики был еще один военный.

На сцене актер говорил:

— Это вы нам показываете кукиш, мессер?

И другой нагло отвечал:

— Никак нет. Совсем не вам я кукиш показываю. Я так, сам по себе, показываю кукиш, мессер!

Весь зал грохотал от смеха.

И когда эти чудаки Монтекки и Капулетти бранились и хватались за деревянные мечи, было очеиь забавио.

А время шло, вечерняя поверка приближалась. Надо было вериуться в казарму к десяти. Но ие хотелось уходить, не узиав, что будет в конце пьесы.

Фельдфебель пришел в клуб шюцкора, стал иа пороге зала и переписал в свою записиую книжку всех, кто здесь был, потом пошел в казарму, чтобы произвести вечериюю поверку.

По дороге его встретил поручик. Он шел под руку с фельдшерицей — круглолицей девушкой, смотревшей иа него с обожаиием; в руках ее был пузырек со спиртом из больничной аптеки. Девушка только что приехала из соседнего прихода, где ее сестра работала заведующей почтовым отделеиием, и привезла секретиый пакет поручику и иесколько писем, которые он прочитал сразу же в передней клуба Суоэлускуита и пошел искать фельдфебеля, а оиа пошла с ним.

Фельдфебель очеиь удивился, видя свое иачальство в таком волиеиии. Начальник сказал:

— Подтянуть всех, отпуска из казармы прекратить. Сказать дозориым и передать иа заставу: если увидят подводы или лодки, которые идут с иашей стороны в Карелию, не замечать их, ие обыскивать и не расспрашивать сопровождающих.

Он еще раз повторил свое приказаиие и радостно спросил:

— Понимаете?

Фельдфебель сказал, что понимает, хотя ему и не все было ясио.

Поручик, по-военному щелкнув каблуками, так что брызиула осеииям грязь, взял фельдшерицу под руку и пошел к себе, а фельдфебель отправился передавать

многозначительный приказ и производить обычную вечернюю перекличку.

Окончив ее, он распустил солдат и пошел к Народному дому.

Пикет был снят, шел дождь. Фельдфебель взошел на крыльцо и стал ждать.

А на сцене люди умирали от любви, и Уиха, забыв о вечерней поверке, жадными глазами смотрел на пестрый сумбур, и его одолевало настоящее горе.

Он не помнил, как очутился на крыльце, и лишь увидев широкую спину фельдфебеля, в десятый раз читавшего афишу, почувствовал, что погиб...

Когда фельдфебель зашел к поручику, на диване у того полулежала фельдшерица; прическа ее была растрепана, а сам поручик, застегнутый на все пуговицы, сидя за столом, громко читал книгу Юхани Ахо, обращаясь скорее не к единственной слушательнице, а к портрету Евгения Шаумана, убившего царского генерал-губернатора:

— «Финляндия — то же, чем некогда была Греция, и финский народ есть другой греческий народ. Разве нет у нас островов — таких же, как Эгейский архипелаг? Разве мы не так же победоносно боролись с насилием, как они? Ведь у нас также были свои Фермопилы и свой Саламин, и мы также спасали западную цивилизацию...»

— Осмелюсь доложить, — наконец решился прервать офицера фельдфебель.

— Да, — неохотно остановился поручик Лалука и помрачнел.

— Опять один из солдат вместо клуба шюцкора вечер провел в Рабочем доме. Как прикажете быть?

— Кто?

— Уиха, тот, который имеет два штрафных месяца.

— На неделю в холодную!

И фельдфебель, не желая мешать любовным утехам господина поручика, щелкнув каблуками, откозырял, а поручик взял книжку и, обращаясь к портрету, снова начал вкрадчивым голосом:

— «Финский язык богат и силен и благозвучен не

меньше греческого. И с помощью этого языка мы создадим литературу, которая вытеснит все прочие, мы создадим финскую цивилизацию, новую, свежую культуру, которая победит все старые и отжившие. И кто знает, может быть, в нашей среде явится когда-нибудь новый Александр Великий».

И тогда фельдшерица подошла к нему, положила руки ему на плечи.

А солдат Унха пошел в холодный и темный карцер и там на воде и хлебе отсидел положенные семь суток; в темноте он ругал Лалуку страшнейшими из всех ругательств, которые мог придумать: монтекками и капулеттами.

По окончании срока службы Унха был демобилизован и пошел работать в лес, нанялся вальщиком в этом же приходе у акционерного общества «Кеми», на участке Керно.

И все же ему еще два раза пришлось встретиться с поручиком.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первая встреча произошла тогда, когда поручик, едва только установился санный путь, поехал по рабочим баракам вербовать добровольцев в «карельскую» армию.

Белая карельская авантюра уже началась. Отдельные отряды лахтарей добрались до моста через Онду на Мурманской железной дороге и подожгли его. Реакционные газеты кричали о долгожданной и чудесной победе финского оружия, финского духа и требовали немедленного объявления войны советской власти.

Была открыта запись добровольцев в карельские отряды. Маннергейм поднял бокал и провозгласил тост «за независимую Карелию».

Английская делегация в Лиге наций и шведский спичечный король Ивар Крейгер подготовляли «материалы», которые должны были оправдать затеянную ими авантюру в Карелии. Поручик Лалука, как только

установился санный путь, поехал вербовать добровольцев по округу.

Он был уверен, что победа близка и неотвратима. После победы над советской властью, он думал, надо будет размыслить над тем, каким тоном разговаривать с Британией, когда финская армия дойдет до Урала. Он был убежден, что лесорубы будут в добровольческие отряды записываться пачками... Когда сани застревали в прикрытой легким снегом, но еще не замерзшей грязи, он волновался, торопил, сам помогал вытаскивать их и, запахивая на ходу медвежью полость, ехал дальше. Когда он попал в одну из лесных хижин, где помещались лесорубы, ему в нос ударил запах портянок и тяжелый дым простого табака. Бревенчатые стены были черны от копоти.

Он сказал только несколько слов, и люди заторопились, стали выходить из избы.

— Господин офицер, нам нужно итти на работу, — сказал один из лесорубов, которого товарищи называли Сунила.

Другой спросил, будут ли по случаю восстания «братьев карел» повышены ставки и обойдется ли без мобилизации.

У поручика Лалука першило в глотке и подступали слезы к глазам от спертого воздуха. Он вышел, а лесорубы, проваливаясь по пояс в снег и увязая в еще не замерзшем болоте, пошли на работу. Скоро поручик услышал стук топоров.

— Это молодую елочку рубят, — сказал один лесоруб другому.

Тот прислушался и согласился.

Солнце сияло в каждой снежинке наста, сосны стояли прямые, высокие. В этом редком лесу было очень много солнца и было приятно дышать.

Поручик Лалука шел по лесу и думал:

«Какая благодать, какое богатство, как хорошо!»

Он увидел надсмотрщика, который спорил с пожилым лесорубом.

Тот упрямо говорил, что плата маленькая, лес редкий, приходится ходить и выбирать деревья.

— Больше ходим, чем работаем, а снег глубокий;

нн к черту не годный лес, н без прнбавки работать ннкто не станет: на кеньги не выработать!..

— Так ты, Сара, мне угрожаешь забастовкой? — громко, чтобы слышал поручик, спрашивал десятннк.

Лесоруб замолчал, а потом сказал:

— Я тогда перейду на другой участок.

Поручнк прошел мимо.

Марьавара жил в лесном бараке рядом с Каллио, а по другую сторону было место Унха. Марьавара мечтал отдать в школу своего восьмнлетиего сыиа, чтобы он стал пастором н прнгрел его старость, ио дневного заработка в этом проклятом году хватало только на еду и то прн большой бережливости. Мечты о судьбе сыиа ие оставлялн Марьавара, н он иногда говорил об этом своему соседу Каллио.

А Каллио, набнвая табаком свою трубку, смеялся н отвечал:

— Сыи тогда о тебе забудет, купит гармоиь и будет ее бедиым парням давать в аренду.

Марьавара очень сердился н начинал говорнть с Унха. Тот поддакнвал ему, а потом совсем некстати говорил о том, что в Советской России простой батрак и лесоруб может стать миинстром и офицером.

Марьавара скоро засыпал и видел во сне своего сыиа проповедиком.

Ему очеиь иравилась егерская шапка Унха с бараньей отделкой, и ои обменял ее на свою н в придачу дал фуит колотого сахара.

В нх барак вечером, когда оин уже собнрались спать, пришел поручнк Лалука н стал говорить о Карелии, о великой Фниляидни и о том, что в добровольческих отрядах хорошо кормят, обувают и одевают (Марьавара стал виимательио слушать), можио будет кое-что подработать, н, вероятио, каждому участнику освобождеиня дадут по гектару строевого леса и пахотиую землю, а лес в Карелии отличиый. И... все молчали.

Каллио думал, что здесь леса хватит каждому по

гектару. И вдруг вспомнил о том, что ему на сплаве говорил Инари и как он тогда ничему не поверил.

«Черт дери, куда запропастился этот Инари, и почему Сунила надул, не зашел за мною осенью, и где он теперь раскряжевывает сосны? . .»

А Унха радовался тому, что барак полутемный и поручик не может его узнать. Никто не записывался.

Десятник объявил, что записываться можно у него утром, перед работой, и вышел вместе с поручиком из барака.

— Что касается записи, то многие бы записались, но... У них это принято называть солидарностью, а поодиночке их уломать совсем не трудно. Вот увидите, — сказал десятник офицеру.

А Каллио говорил в бараке:

— Много их таких ходит по баракам! Пусть сами идут и воюют, если нравится.

Унха долго не мог заснуть и рассказывал другим, уже засыпающим товарищам, как ему жилось в армии под этими проклятыми капулеттами.

Марьявара тоже долго не мог заснуть и утром пошел к десятнику и записался в Карелию добровольцем и обратно в барак не пошел. Унха откуда-то узнал об этом, догнал Марьявара, — он бежал за ним два километра, проваливаясь в снег, — и, запыхавшись, сказал:

— В таком случае отдай назад мою шапку!

Но Марьявара ответил:

— Обратно я не меняю.

Унха схватился за финский ножик, висевший у пояса, затем у него отлегло от сердца, он обругал Марьявара темным человеком и ушел.

А поручик Лалука поехал обратно; лошади бойко втаскивали сани на пригорки, мимо бежали тундровые леса, дымились лесные озера.

Досадуя на неудачу своей миссии, поручик заснул и проснулся уже в деревне.

Около деревенского дома играли с большим медвежонком две девочки.

— Нанни, Нанни, сойди с дороги! — закричала старшая.

Офицер въехал в деревню.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Инари пришел иа лесозаготовки второго яиваря.

Было очеиь холодио, и люди согревались только иа работе. Но работы всем ие хватало, и лесорубы с заткнутыми за пояс топорами, со свертками своих вещей, отыскивая работу, шли от одиого лесиого барака к другому, а иа морозе есть хочется больше, чем в жарко иатопленной горнице. Они зиали, что огромные ящики — по сто шестьдесят килограммов — американского сала были доставлеиы к лесопромышлеиным складам акционериых обществ, как только устаиовился саниый путь.

Продовольственный диктатор Гувер скупал свиной шпик, заготовленный на чикагских бойнях для американской армии. Но война кончилась, мир в Версале был подписан, американская армия демобилизовалась, и огромиые запасы сала некуда было девать. Сало уже иачинало протухать, и тогда стало абсолютио ясно, что американские капиталисты ие могут спокойно смотреть, как вымирают от голода опустошенные войной целые области Европы.

Американское сало пошло по «сходной» цене (оно дважды было оплачено выигрышем войны) в кредит (самый выгодный вид займа — заем товарный) с немедленной доставкой (оно уже начинало портиться) в Европу.

Акциоиерные лесные общества в Кеми обрадовались возможности дешево достать корм для своих лесорубов. Впрочем, сало обходилось дешево только господам акционерам: лесорубы же платили за иего больше чем вдвое. Хороший хозяин на всем заработает: на труде лесоруба и иа стоимости сала. Правда, тем, кто работал на заготовках, сало давали в кредит, и кладовщик только записывал выдачу иа особых листках. Записи прииимались во внимание при расчете.

Дело было поставлеио хорошо, точно; никто ие мог пожаловаться, что у иего из получки высчитали больше, чем он забрал. Правда, все ворчали, что шпик обходится слишком дорого и, если бы ие кредит, иикто ие стал бы его брать.

— Но разве есть такая страна на земле, где рабочие не жалуются? — глубокомысленно спрашивал десятник-надсмотрщик, краснолицый Курки, затягиваясь ароматнейшим дымом египетского табака.

Безработных могла согреть работа, но работы не было. Слишком много приходило ребят с юга. Все они были своими парнями, но работавшие на лесозаготовках лесорубы поглядывали на них исподлобья.

— Как бы из-за них не снизили нам плату, — сказал Уиха.

— Тогда забастуем, как весной, — ответил Каллио и вспомнил Суинла в его яркокрасной куртке, пылавшей, как костер в лесу.

Отличнейшая была куртка, хороший был парень. Они условились с ним встретиться к зиме. Но это дело не вышло. Каллио проиграл шулеру весной почти весь свой заработок и пошел помочь немного Эльвире по хозяйству. Ведь это такая славная женщина, а у него не было никого из родных на этом свете... Разве Уиха уже заснул и не слушает его? Нет, не заснул. Так вот, Эльвиры он на месте уже не застал. Домик, паршивый, по правде сказать, был брошен, окна наглухо забиты досками, а дверь замкнута — как будто стоило оберегать всю эту рухлядь! Прямо смех разбирает. Соседи рассказали, что за Эльвирой приезжал зимой отец и забрал ее, двух дочерей, корову и повез к себе обратно домой. Интересно, что скажет на это сам Олави, когда выйдет из тюрьмы. Он, наверно, не ожидал, что Эльвира так скоро забудет его и вернется к отцу. Но вернее всего, что Олави никогда никуда не вернется, хотя он и здоровяк.

Уиха уже не слушал товарища. После дня трудной работы сон не заставлял себя ждать.

— А если из-за этих безработных опять снизят оплату, тогда надо будет бастовать, — бормотал, поворачиваясь на другой бок, Каллио.

Но оплату на этот раз не снизили, потому что парни, которые искали работу, тоже понимали, почем фунт лиха, и не хотели сбивать цены, как солоно им ни приходилось, а также и потому, что фирме нужно было

срочно выполнить заказы, чтобы получить из Англии новые, еще бо́льшие. Забастовка была фирме сейчас особенно невыгодна.

Инари пришел на рассвете, когда лесорубы уже выходили из барака. В этом бараке было девятнадцать человек, а в соседнем семнадцать. Между двумя жилыми был выстроен барак для лошадей.

За поясом у Инари торчал отличнейший топор, и большая сумка за плечами была туго набита вещами. Каллио встретил его на пороге и страшно обрадовался.

— Ну, вот кого не ожидал встретить!

Радость его не знала пределов. Он даже не заметил, что Инари продрог.

— Есть работа здесь? — сухо спросил Инари, видимо не желая распространяться перед незнакомыми.

Каллио чуть было не обиделся.

— Ты один, без возчика и без товарища? — удивился он. — Как же ты не нашел себе компании?

— Здесь и артельно работы не найдешь, не то что в одиночку, — сказал подошедший к ним Унха. — Идем, Каллио, пора.

— Погоди секунду, это ведь мой лучший друг, — продолжал Каллио.

— Так это и есть тот самый Олави, о котором ты рассказывал?

Услышав имя Олави, Инари насторожился.

— Нет, это Инари. Про него я тебе ничего еще не рассказывал, а есть что порассказать.

И они пошли в лес на работу.

Инари остался один. Он вошел в убогий барак.

Сразу было видно, что здесь нет хозяйки. Огонь в каменном очаге затухал, и горький дымок щекотал ноздри.

Разбитое грошовое зеркальце, бреясь перед которым видишь только клочок бороды, было прикреплено к столбу, поддерживавшему бревенчатую крышу, скаты которой одновременно были боковыми стенами. На одной из постелей храпел человек.

Инари подошел к нему и толкнул его.

— Эй, пора на работу! Потеряешь место!

Тот поднял на Инари мутные глаза и снова опустил тяжелую голову. Он был болен.

Когда вечером возвратились парни с работы, уже закипал кофе и Инари возился у очага с видом старожила.

— Ему плохо! — показал Инари на больного.

— Понимаешь, нет горячей жратвы, только кофе, а остальное всухомятку, — говорил Унха.

— Куда же ты высыпал все свое барахло из мешка? — спросил Каллио.

Но Инари так взглянул на него, что он сразу прикусил язык и почувствовал себя обладателем какой-то новой тайны. Он знал характер Инари, знал, что Инари не может жить без разных секретов. Но разве Инари теперь станет что-нибудь скрывать от него, после того, что было осенью? Ладно, наедине он все выспросит у него.

И Каллио свысока посмотрел на Унху, который ничего не знает, и затянулся дымом трубки.

Парни закусывали, запивая второпях непрожеванные куски горячим кофе.

Разговаривать было некогда, к глазам подступал сон.

Инари положительно повезло с работой.

В барак зашел десятник Курки и сказал:

— Из вашего барака один сегодня не вышел на работу. Если он чем-нибудь недоволен, то пусть идет ко всем чертям, на его место найдутся десятки.

Никто ничего не ответил, и от молчания Курки, очевидно ожидавший возражений или оправданий, рассвирепел еще больше, он побагровел совсем и громко закричал:

— Пусть сейчас же собирает манатки и убирается вон!

Тогда Унха сказал:

— Господин десятник, он совершенно болен и, наверно, скоро умрет, тогда мы его и вынесем на улицу. — И он кивнул в ту сторону, где лежал больной.

Десятник посмотрел на больного и сказал спокойнее:

— У нас здесь не больница. Но, конечно, если он не может выйти, пусть отлеживается денек-другой.

И тут выступил Инари и сказал, что вот он сегодня пришел и не имеет еще работы, что он с благодарностью стал бы на место больного, пока тот не выздоровеет, потому что десятник сам понимает, что возчик и один вальщик — это не то, что возчик и два вальщика.

Гнев отошел от сердца Курки, и вежливый разговор Инари понравился ему.

— Это меня не касается, я веду расчеты с возчиком, но если он тебя возьмет, я возражать не буду. Ну, ладно, спите с богом!

И он вышел.

— Тоже, хлопает дверью, как помещик, — проворчал Унха.

Возчик находился в том же бараке, и он скоро поладил с Инари.

Каллио поддержал друга, буркнул возчику как бы невзначай:

— Ты не пожалеешь: я его знаю, это отличнейший работник.

— Ладно, ладно, срядились уже, — сказал возчик и с сожалением поглядел на больного. — Эх, что я скажу его жене, если он отдаст богу душу? Односельчане ведь мы. — И пошел задавать лошади корм.

Возчик действительно не прогадал.

Инари работал по-настоящему. Он владел топором, как художник карандашом, или нет — как парикмахер бритвой. Финский топор кирвас — узкая клинообразная пластина, слегка скошенная по линии острия, — в его руках был сущим клинком фехтовальщика на ринге.

Всей своей работой он опровергал старую мудрость: от большого дерева много щепок.

У него щепок в работе было мало. И умел он брать дерево низко, так что пни были у него самые маленькие, а выход древесины большой.

Что это был опытный лесоруб, видно было и по тому, как ловко он при раскряжевке умел размечать

самый хлыст. У него был наибольший выход делового леса.

Да, возчик мог быть доволен. Он даже подумывал о том, чтобы оставить у себя Инари и тогда, когда больной выздоровеет.

Унха, увидав работу Инари, сказал своему другу:

— Хотел бы я так держать топор.

— Это еще ничего, Солдат, а ты посмотрел бы Инари на сплаве!

Унха все еще не потерял своей военной выправки, и среди товарищей за ним установилась кличка «Солдат». Они принялись раскряжевывать поваленное дерево, срезать ус и ветви. Потом вместе с возчиком наваливали они бревна на панко-реги, и тот медленно вез эти бревна по просеке на заморенной «шведке» к заснувшей до далекой весны речке.

Разговаривать было некогда. Платили сдельно, за каждое бревно.

По воскресеньям не работали. Брились перед осколком зеркала, дулись в карты и через воскресенье ходили мыться в баню. Это был настоящий праздник.

Инари и тут повезло. Барак, в который он попал, был всего в полукилометре от лесной бани.

Около этой бани был склад акционерного общества и дом, где жили «господа», а в другую сторону на полкилометра жили лесные объездчики, все до одного шюцкоровцы.

Бараки лесорубов были разбросаны по всему лесу в расстоянии от двух до семи километров от бани и от «господского» дома, где жили десятники и находилась контора.

Мыться надо было наскоро, потому что в очереди ждали свои ребята, все достаточно грязные.

Инари, встретив в бане Сунила, не мог с ним вдосталь наговориться.

Каллио, окруженный белым густым паром, видел, как разговаривали Сунила и Инари и как они даже не удивились, встретив друг друга неожиданно в этой лесной, душно натопленной баньке.

«Значит, это не неожиданно; значит, они как-то сговорились». И опять он начал сердиться на Инари за какие-то секреты. Ведь он-то ему, в случае чего, помог бы, как осенью.

Ночью за все это время впервые Инари видел сон.

Ему снилось, что он живет в городе, большом и прекрасном. Вот он идет по мосту домой, на остров. В комнате сидит его жена — это Хильда.

— Вот, слава богу, наконец встретились...

Он обнимает и жарко, до головокружения, целует ее, а она открывает глаза и говорит:

— Тише, Инари, сын спит!

Да, он совсем забыл про сына, а тот дремлет, уронив голову на стол. И он снова целует Хильду, и она прижимается к нему.

И надо же было проснуться в такую сладкую минуту!

В бараке отчаянно холодно.

Рядом стонет больной. Ему, кажется, стало лучше.

У очага возится, раздувая огонь, Каллио. Хорошо бы завести хозяйку!

К Инари подходит лесоруб и насмешливо говорит:

— Что же ты, приятель, не признаешь? Или не помнишь? А я тебя хорошо помню.

Инари вздрогнул и сразу же мысленно выругал себя за это. Он старался вспомнить, где он видел это лицо. Но он решительно не мог вспомнить. Перед ним стоял лесоруб, каких тысячи бродят по северу нынче, когда топору на свете места нет.

— Ну, тогда я напомню. Я сторожил тебя в девятнадцатом году, когда ты сидел, арестованный при англичанах, в Княжьей губе. Как тебя списать в расход хотели, ты тоже забыл?

Да, это был один из бойцов финского легиона, организованного англичанами и взбунтовавшегося против них в 1919 году.

— Приятно встретить старых знакомых, знающих толк в жизни, — обрадованно сказал Инари и протянул руку бывшему легионеру. — Много старых легионеров здесь?

— Есть.

И опять потянулись дни каторжного труда (по сорок — пятьдесят пенни за дерево), дни, когда уходишь из холодного барака, с зудящей от насекомых кожей, еще совсем в темноте и, приступая к работе, вдруг замечаешь, что весь лес наполнен розовым светом, а все сосны и ели как бы озаряются изнутри; дни, когда приходишь домой в густой темноте, промокший от снега, с ноющей поясницей, и, опять закусив всухомятку, валишься, как подрубленное дерево, спать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В субботу вечером Инари почистился, побрился перед осколком зеркальца и, поспав несколько часов, задолго до рассвета, захватив свой опустевший мешок, куда-то ушел на лыжах. Каллио изумился, не найдя его утром на своем месте.

Начинало смеркаться, когда Инари, возвращавшийся с плотно набитым мешком за плечами, дошел до лесозаготовок акционерного общества. Карманы его были набиты письмами, захваченными с почты для передачи лесорубам, и газетами для конторы.

По дороге нужно было зайти в барак, где жил Сунила, чтобы передать ему письмо и кое о чем договориться.

Но договориться ему не удалось.

Когда он подходил к бараку, оттуда вышел десятник Курки в сопровождении Сунила. Курки сразу же узнал лесоруба, понравившегося ему с первого раза своей вежливостью.

— Откуда идешь?

— А из села, с почты. Письма принес.

— Ну, передай, что есть для этого барака, и пойдем вместе — нам ведь по дороге.

Инари отдал письмо Сунила, и они пошли вместе с десятником Курки через лес домой.

При медленной ходьбе можно было продрогнуть. Но Курки, очевидно, медленную ходьбу считал признаком

важности, и к тому же он был одет гораздо теплее, чем Инари.

Он шел и все время старался показать Инари, что он, десятник, птица высокого полета, и если разговаривает с Инари почти как с равным, то это потому, что он добр и любит приличных работников.

Тут Инари вспомнил, что он захватил газетку для конторы, вытащил ее из кармана и отдал десятнику.

Десятник сказал, что без очков он плохо разбирает печать, и спросил, чем это у него так плотно набит мешок.

— Да так, разной дребеденью, по просьбе ребят купил в лавочке.

— И чего это они вдруг деньги тратят, когда можно у общества взять в кредит?

Кстати, не говорили ли ему на почте, когда придет кассир с деньгами для выплаты жалованья? Жаль, что ничего не слышно. Что рабочие говорят насчет задержки платы? Привыкли. А ведь у общества деньги есть. За обществом, пусть не беспокоятся, ломаного пенни не пропадет. Пусть работают хорошо. Общество умеет ценить хороших работников. Сам он, Курки, думает, что сейчас, когда, судя по газетам, так здорово идут дела на бирже и ожидаются крупные заказы, общество, наверно, все наличные деньги бросило на игру, на акции, на биржу, потому и произошла такая задержка.

Тут десятник испугался, что он, пожалуй, хватил через край в беседе с простым лесорубом, и замолчал. Так они некоторое время шли молча.

Молчание нарушил Инари. Если у господина десятника есть хороший табак или сигары «Malta» или «Fennia», он с удовольствием купил бы: в чем в чем, а в табаке и кофе он не может себе отказать. В этом грошовом ларьке в селении нет хороших сортов.

Курки немного смягчился: да, он мог бы уступить штук десять хороших сигар, но, понятно, за наличные.

Потом они снова шли молча, но разговаривать на этот раз начал уже Курки.

Он рассказал, что в их бараке есть молоденькая хозяйка, славная девчонка Хильда.

— Как зовут? — переспросил Инари.

— Хильда!

— У меня есть знакомая девушка, тоже Хильдой зовут!

— А-а... — протянул десятник.

Инари опять спохватился: не наболтал ли чего лишнего? Но они стояли уже около барака, в котором жил Инари. Было совсем темно в лесу, когда он вошел в берлогу, где ютилось около двух десятков крепких, сильных ребят.

— Нет, ты только подумай, Унха, — у него опять полный мешок, — сказал Каллио и стал прятать карты в задний карман брюк.

Инари, как бы не обращая внимания на слова Каллио, громко, на весь барак, сказал:

— А тебе, Каллио, есть письмецо.

Это было совсем неожиданно. У Каллио не было ни жены, ни сестры, ни родителей, ни братьев, ни даже невесты. И кто бы мог знать его адрес?

— Может быть, ты перепутал и письмо адресовано мне? — вступил в разговор возчик.

Он уже целые две недели ждал писем из дому — о том, удалось ли жене выхлопотать, чтобы скостили недоимку, и что принесла корова — телку или бычка.

Каллио подошел к очагу и, распечатав письмо, стал медленно при неровном красноватом свете углей читать.

Белый огонь в очаге — к оттепели, красный — к морозу.

После конфирмации Каллио не часто приходилось что-нибудь читать.

Он медленно разбирал писанное от руки чернилами письмо:

«Товарищи рабочие севера! До вас дошли слухи об организованном и поддерживаемом финскими буржуями налете белобандитов на Карелию?..»

От напряжения и близости очага Каллио сделалось жарко. Он продолжал читать еще про себя:

«...Вооруженные силы брошены в наступление на Советскую Карелию. Там они грабят привезенный для карельских рабочих хлеб, жгут дома, пытают и убивают советских работников и учителей. Они пытались разрушить железнодорожные мосты, чтобы помешать движению и помешать рабочим, которые взяли власть в свои руки, строить свое хозяйство...»

— Ребята, он получил письмецо от невесты из Похьяла, — подшутил Унха и смутился оттого, что Каллио даже не обратил внимания на его шутку.

«...Это дело финских белогвардейцев.
Каждый финн рабочий севера знает, что там, где находится шюцкоровец, лахтарь, егерь, — там кровный враг рабочего».

— Всегда так бывает, — недовольно ворчал возчик, — кому на все наплевать и кто ничего не ждет, тому обязательно придет письмо; как мороз к январю.

— Да брось мешать, ты, заноза! — обозлился, наконец, Каллио. — Письмо-то вовсе не мне одному написано, а нам всем, ребята!

— Так все и будем читать, — обрадовался Унха и выхватил письмо из рук Каллио. — Я буду вслух, я в казарме приучен уставы и молитвенники читать.

И вот они — Каллио, Унха, лесоруб, ожидавший вестей из дому, возчик, с которым работал Инари, и бывший легионер — читают это неожиданное письмо у очага. Инари куда-то вышел. Остальные уже засыпали.

— *«...Товарищи!*
Предприниматели хотят снизить нашу заработную плату, они хотят войны с Советской Россией. Мы в 1918 году не смогли их сбросить с наших плеч... Мы вынуждены были повиноваться и ждать. Финский народ хочет вечного мира с Россией рабочих и крестьян. Мы не хотим войны. Настало время действовать! Довольно ждать!»

— Это правильно, — перебил чтеца возчик.

— Что же нам делать? — озабоченно спросил Легионер.

Унха, не останавливаясь, ровным и тихим голосом продолжал читать:

— *«Товарищи! Пусть наша весть пройдет между стойкими революционными борцами с быстротою молнии. Пусть наша весть обежит вымазанные сажей бараки, захватит низкие хибарки и костры, товарищей, которые проводят ночи у костров».*

Унха продолжал читать:

— *«Пусть они забастуют и грудью встретят финского белобандита, стремящегося захватить Советскую Карелию, — и для блага Суоми сведут с ним счеты...»*

В барак вошел Инари, и никто не заметил, что снова мешок его был опустошен.

Он подсел к товарищам.

Унха деловито читал:

— *«Товарищи! Это не обман: вас не соблазняют большой военной добычей, разными обещаниями, как это делают белогвардейцы. Вас призывают стать под знамена коммунистической партии, чтобы нанести смертельный удар белобандитам.*

Прочь расхлябанность! Долой трусость! Если белогвардеец победит в Карелии — он сразу же пойдет в наступление на нас. Пусть никто не подумает: «Сперва другие, а потом уже я».

Другие уже начали.

Смелые северяне уже ходят по лесам, уничтожают белобандитов. Докажите и вы, что если на сторону белобандитов за их неправое дело встанут сотни убийц и негодяев, то у нас тысячи честных рабочих борются за правое дело.

Финский рабочий должен подавить, уничтожить стереть с лица земли поход финских бандитов.

Руки прочь от Советской России!

Это дело нашей чести!

К действию, товарищи!»

— Эх, жаль, что я тогда выпустил этого проклятого капулетта Марьявара с моей шапкой! — прервал опять себя Унха.

— Да читай же, Солдат, дальше!

— Дальше не много:

«Да здравствует трудовая Советская Карелия!
Да здравствует пролетарская революция!

Финский коммунист К о с к и н е н».

Когда Инари услышал это имя, произнесенное вслух, он, хотя и знал чуть ли не наизусть текст этого послания, весь вспыхнул от гордости за человека, чья подпись стояла в конце листовки.

В барак входил десятник Курки. Инари бросился навстречу.

— Как это любезно с вашей стороны, что вы занесли мне сигары! — быстро заговорил Инари, становясь в проходе. — Извините, сколько я вам должен? Только-то? — спросил он, переплачивая сверх действительной стоимости сигар почти вдвое.

«Ценит мое расположение к нему», — подумал Курки и решил в будущем устраивать этого ладно скроенного парня на работу около себя.

— Я пошел прогуляться и решил: отчего бы не зайти в ближний барак?

— А мы здесь письмо одно из дому вслух читали, — продолжает Инари.

— Какие новости?

— Ничего особенного. Впрочем, там рекомендуют то же, что рекомендовал нам приезжавший сюда поручик Лалука: отправиться в Советскую Карелию... — вызывающе начал Каллио, но Инари так строго взглянул на него, что он замялся и, не сложив письма, комкая его, стал запихивать в карман.

Курки ничего не заметил и продолжал, пересчитывая монеты, говорить, казалось, для одного только Инари:

— Это, наверно, будет прибыльное дело. В газете написано, что мы получаем огромный заказ из Англии. Одних только телеграфных столбов миллион. Шутка! А там, в Карелии, превосходный лес.

Затем он, не прощаясь, вышел из барака, едва заметным жестом пригласив Инари следовать за собой. Отойдя в сторонку, стоя на утоптанном, скользком снегу, Курки шепнул Инари:

— Ты парень честный, я зашел сказать тебе, что в наших местах, по утверждению полиции, водятся агенты красных. Имей в виду: за каждый неблагонадежный разговор имеешь пять марок. За каждого красного — пятьсот марок. А ведь это не работа!

И он, не попрощавшись, пошел к конторе.

«Отлично! — подумал Инари. — Значит, в нашем бараке у него шпиона нет. Отлично!»

Инари подумал о том, что сегодня он разнес четыре письма. В четырех бараках, значит, прочли это послание. Оно долго не будет залеживаться в одном кармане, оно пойдет дальше.

Да, это послание прочитали и в бараке, где работал Сунила. Остролицего и такого белобрысого, что брови казались совершенно стертыми, Сунила парни очень любили. Он умел пошутить. Вот и сейчас, перед сном, он говорит своему соседу:

— А может быть, лучше отдать это письмо десятнику?

Но сосед после письма стал серьезным, он думает о другом и хочет убедить Сунила в своей правоте.

— Ты подумай, я работаю никак не хуже товарища, а возчик мне платит меньше. «Ты, говорит, молод еще, через несколько лет будешь получать как мужчина». Разве я виноват, что мне девятнадцать лет? Ведь я работаю, как положено.

И, не дожидаясь ответа, он со злостью плюет на холодную землю.

— По таким порядкам топора и то не оплатить, — говорит другой лесоруб и продолжает начищать свой медный котелок.

В этом бараке котелок служит вместо барометра — к непогоде он всегда темнеет. Вот и сегодня он немного потемнел, надо почистить.

Должно быть, завтра будет непогода.

Большая Медведица горит голубым светом на черном небе, и если пойдет небольшой снежок, то каждую снежинку, каждую звездочку со всеми ее тончайшими узориками, можно разглядеть поодиночке.

И Хильда, засыпая у очага, думает о том, что, может быть, придут сюда ее осенние хозяева из экспедиции.

Все спят.

Метель пришла через несколько дней.

Вечером Инари, мокрый от пота и снега, вошел в барак. Почти все были на месте. Кто сушил шерстяные носки или свитер, кто починял расползавшиеся кеньги, кто на вилке поджаривал себе ломтик хлеба с куском сала, — все только что пришли из леса, — и вдруг среди всего этого гомона и медлительной суеты Инари увидел знакомое лицо Коскинена с коротко подстриженными седоватыми усами, пожелтевшими от табака, с мешками под глазами.

Инари метнулся к нему и сразу застыл под ровным и спокойным взглядом товарища.

Коскинен смотрел на него так, как будто видел впервые. И продолжал таким же ровным и спокойным голосом разговаривать с другими лесорубами.

Инари сидит как скованный.

Коскинен медленно прожевывает свой ужин, спокойно вытаскивает из кармана зубочистку и начинает ковырять в зубах. Затем он лениво спрашивает у Инари:

— Как заработки?

Инари с трудом разжимает зубы и отвечает в тон:

— Поработаешь — узнаешь! — Он видит, что Коскинен одобряет теперь его поведение, и лениво показывает на изодранные штаны товарища: — Вот, на штаны не хватает.

— Да, все в долгу, — подтверждает возчик.

И пожилой лесоруб говорит:

— От комариного сала не растолстеешь!

У Инари сердце бьется так, что все в бараке должны слышать, а он, с видимым равнодушием посасывая трубку, пускает в сторону едкий дым дешевого табака.

— Для кого снгары сохраняешь? — ехндно спрашнвает Унха-солдат.

Но Инари не обращает сейчас на него ни малейшего винмання.

— Работа есть? — продолжает допрос Коскинен.

— А ты вальщнк или возчик?

И так продолжается разговор — о нормах оплаты, о сортах древесины, о санном путн. И когда Инари говорит обо всем этом, ему хочется кружиться от радости. А ои должеи быть спокойным н даже не подавать виду, что зиает этого человека с седеющими подстрнженными усамн, глубокнми морщииами иа еще не старом лице, человека, олнцетворяющего сейчас для него мозг, волю н бесстрашне революцин.

В бараке были еще два незнакомых лесоруба.

Косннеи едва заметиым двнжеиием головы прнгласил Инарн выйти из барака на воздух.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Ты не плачь, Хеллн, дай я сказку тебе лучше расскажу, — успокаивала дочку Эльвира.

Навериое, такой же белобрысой н розовенькой, пухлой н голубоглазой была н сама Эльвнра семнадцать лет назад. И так же льняными хвостнками болталнсь косички с вплетенными в них ленточками.

— Не плачь, капелька, послушай, я тебе сказку расскажу... Вот здесь, где теперь наша деревня, одна только нзба стояла, а в другом коице речки, вверху, другая избушка. И жилн в этих нзбушках люди и друг про друга ие слыхивали. И вот пошла раз девушка, которая далеко вверх по речке жнла, в лес веникн ломать. Связала много веииков, да один-то в воду уронила. Поплыл этот веннк по речке н прнплыл вннз, сюда, к нашей избе. Вышел парень на берег дрова колоть, внднт веник и думает: «Если веник по реке приплыл, стало быть вверху людн живут, надо познакомнться». Собрал он лепешкн, соль — и в дорогу...

— Простоквашу, — добавляет нетерпеливо Хелли.

— И простоквашу, — соглашается мать. — Нашел одинокую избу. «Чем так, врозь, жить, лучше вместе», — сказал он девушке и привел ее сюда, и стали они жить вместе. Так наша деревня и началась.

Эльвира умолкла, прислушиваясь к голосу отца.

Он провожал из внутренней горницы фельдшерицу и, видимо, жаловался на зятя:

— Ну, казалось бы, помирились мы с ним, я ничего ему не вспоминаю — ни про тюрьму, ни про то, что дочь со двора увел, — а он, как медведь какой, все сердится, в дом вместе со всеми не хочет итти жить, обособился в бане, запирается там, живет, никого не пускает. Я ему и говорю: «Все отдаю за дочерью, только образумься ты, наконец...»

И старик, осторожно ступая по половикам, прикрывавшим скрипучие половицы крепкого дома, проводил свою собеседницу на крыльцо. Эльвира слышала, как фельдшерица, спускаясь по скользким ступенькам, утешала:

— После тюрьмы всегда дичатся.

Когда отец проходил обратно через комнату, Эльвира, возмущенная и обиженная тем, что ее отец совсем посторонним людям рассказывает о разладе в семье, прошептала:

— Папа!

Она сидела с Хелли в тени у печи, и он не заметил их, когда провожал через комнату фельдшерицу. Старик услышал боль в шепоте дочери, и ему стало неловко.

— А разве ты сама не хочешь, чтобы Олави перешел жить в дом? Зачем такому работнику пропадать?

Хелли расплакалась.

Тогда он уже дал волю словам.

Он злился на себя и за то, что ему было неловко перед дочерью, о благополучии которой он так заботился.

— Не умеют воспитывать детей! Разве ребенок должен плакать? На, Хелли, на, не плачь, — и он снял с полки кофейную мельницу и опустил в ее воронику горсть кофейных зерен. — На, Хелли, крути, мели!

Слез как будто и не было. Глазенки восторженно заблестели, пухлые ручонки потянулись к мельнице.

— Так, мели, крути, — приговаривал дед. — Видишь, она не плачет.

Но тут от ровного хруста перемалываемых зерен и скрипа мельницы проснулась младшая, Нанни, и, увидев свою сестренку за таким увлекательным делом, потребовала своей доли в этом замечательном занятии. Но она была еще так мала, что даже дед не решился доверить ей кофейную мельницу. Впрочем, она скоро утешилась и вцепилась неуверенными ручонками в почти совсем белые баки старика.

Конечно, Эльвира сама бы хотела, чтобы Олави переселился из бани в дом. Конечно, она хотела спать каждую ночь, обнявшись с ним. Но она хорошо знала также и то, что Олави еще должен находиться пока там, где он находится.

Однажды вечером, когда ветер наметал у крыльца глубокие пуховые сугробы, когда снег валил хлопьями с низкого неба, без стука вошел в горницу Олави.

Старик закрывал библию, прочитав свою ежедневную порцию. Мать уже спала вместе с девочками, а Эльвира пахтала масло.

Она счистила веником снег с тужурки мужа, и Олави, отряхнув снег с кеньг, подошел к старику. Тесть, готовясь встретить зятя, раньше, наедине с собой, повторял не раз, что будет ему говорить, но сейчас растерялся и молча протянул руку.

— Здравствуй, блудный сын! Три снега сошло с тех пор, как мы расстались. Четвертый лежит, — сказал он словно нехотя.

Все выходило не так, как он себе представлял.

Эльвира переставляла с места на место горшки со сметаной. Только мерное дыхание матери и девочек да отдаленное завывание ветра в печи и торопливое тиканье часов нарушали тишину.

Старик развязал кисет и протянул Олави:

— Угощайся. Славный табак.

Олави протянул руку за мелко нарезанным табаком.

И тогда отец сказал:

— Ну, осмотрись здесь после клетки. Рад, наверно, что вырвался? А потом отдохнешь — и за работу.

И старик обрадованно ухватился за известный и привычный разговор о коровах, молоке, овцах и о ценах на рынке. Олави слабо поддерживал разговор и, наконец, сказал, что хотя сейчас и поздно, но он не может спать в доме.

— Одолели насекомые, — словно попросил извинения он, — надо истопить баню.

Старик улегся спать, а Эльвира пошла за дровами. У самой поленницы догнал ее Олави и, прижав свои губы к ее губам, радуясь, заговорил:

— Насекомые — это так, для слова, а на самом деле я с товарищем, и никто не должен знать, что он здесь. Он должен жить в бане, и я буду там с ним, дорогая моя девочка!

Эльвира спросила:

— Значит, ты снова скоро уйдешь от меня?

— Скоро. Через несколько дней. Только это, помни, Эльвира, в последний раз мы расстаемся. Потом я скоро приду, и мы будем всю жизнь вместе.

Они стояли у поленницы, ветер сметал с нее сухой снежок и бросал в их лица.

— Через две субботы мы будем вместе. На всю жизнь!

Эльвире хотелось петь, и она, набрав охапку дров, пошла в баню.

В холодной бане сидел человек.

— Здравствуйте, — хмуро сказал он и зажег лучину.

Это был тот молодой, коренастый, неловкий человек, которого она видела еще в прошлый раз, когда они доставляли сюда оружие. Его звали Лундстрем.

Пока Эльвира с Олави ходили в дом, Лундстрем сидел и думал о том, что вот наконец-то и они хоть несколько ночей проведут под крышей, хоть несколько дней не придется им ломать себе голову над тем, где и как переночевать. Думал о том, что вот они истрепа-

лись и стали совсем как индейцы, а в слесарном деле его обгоняли ребята. Но, наверно, это все скоро кончится.

Когда Олави вернулся в баню с ворохом попон, двумя подушками (одеяла у них были с собой), Лундстрем, нераздетый, крепко спал на лавке. Олави будить его не стал, постелил себе и, засыпая, все еще чувствовал у своей шеи горячее дыхание Эльвиры.

Так Олави поселился в бане и сидел там, не выходя иногда по целым дням.

Он запретил входить к нему кому бы то ни было, за исключением Эльвиры.

Старик обижался на зятя, раскидывал умом, искал примеров в библии, ходил советоваться с фельдшерицей, и она объясняла ему, что такие случаи упорной нелюдимости бывают у многих заключенных вскоре после освобождения.

— Надо снова привыкать к миру, привыкать к людям.

— Да как он может привыкнуть к людям, когда он их не видит? — нетерпеливо замечал старик.

Он хотел видеть зятя совсем нормальным человеком, к тому же ему был нужен работник.

Поздно вечером, когда все село засыпало, занесенное снегами, Олави и Лундстрем крадучись выходили из бани и становились на лыжи. Озираясь, не следит ли кто за ними, они шли один за другим, в затылок, по одной колее, к лесу.

Впереди шел Олави, он шел без палок; за ним с палками шел Лундстрем. Для него, горожанина, бег на лыжах был спортом, приятнейшим развлечением; он ходил на лыжах хуже Олави, для которого становиться на лыжи было так же естественно и необходимо, как вдыхать воздух и пить воду.

Уйдя за несколько километров от селения в лес, они добирались до кустарников, занесенных по самые вершины сыпучим снегом, и по известным лишь им одним приметам находили нужное место.

Найдя это место, они начинали разгребать снег, вытаскивали спрятанные в молоденьком ельнике, погребенные под густым слоем снега связки винтовок, снова засыпали разрыхленным снегом оставшийся груз и, разметав следы, взваливали эти связки на плечи, становились на лыжи и отправлялись к бане.

Если бы какой-нибудь запоздалый охотник случайно набрел на лыжню, еще не успевшую подернуться свежим снежком, он уверился бы в том, что перед ним этой дорогой прошел только один человек. Он узнал бы это, взглянув в стороны, на разрыхленные лыжными палками кружки на снегу.

Конец в одну сторону был не меньше трех километров.

Они входили в баню, предварительно убедившись в том, что никто за ними не следит, сваливали свой груз на дощатый пол, на скамью, а если успевали, шли за грузом и второй раз в ночь.

Так они должны были перетащить двенадцать тяжелых связок.

Тот, кто когда-нибудь вставлял свою ногу в ремешок лыжи, понимает, что значит итти без палок, прокладывая путь по еще рыхлому снегу, с грузом, давящим плечи.

Баня была курная, и на бревенчатых стенах и в пазах, проложенных коноплей, годами оседала сажа. Они стали совсем похожи на лесных угольщиков или смоловаров, «на смоляных молодцов», как говорил Олави.

Они развязывали принесенные связки. Оружие отсырело, отдельные части покрылись ржавчиной. Олави и Лундстрем должны были его вычистить, смазать, полностью приготовить к действию. И ждать...

Ждать распоряжений.

И так ночью они ходили в лес за оружием; потом приходили в баню и, закусив тем, что притащила из дому Эльвира, принимались за работу.

Они разбирали механизм винтовки, чистили каждую деталь до блеска, смазывали, перетирали и снова собирали.

Да, в это медленно тянувшееся время они хорошо изучили оружие. Потом время пошло скорее. Только бы

успеть все сделать, раскопать, принести, вычистить, приготовить к тому часу, когда будет получено новое распоряжение!

Так они работали в низенькой бане, а потом засыпали.

Спали, пока в дверь не постучит Эльвира. Она приносила скромную еду — лепешки, вяленую рыбу, молоко.

Позавтракав, Олави уходил в дом. Чинил хомуты, поправлял изгородь, отправлялся в ближний лесок за дровами и почти ни с кем ни о чем не говорил.

— Испортили твоего Олави, — говорила Эльвире сестра.

Она жила с мужем в другом конце села.

— Фельдшерица говорит, что это скоро пройдет, — хотел утешить Эльвиру старик.

Но Эльвиру утешать не нужно было, — она хорошо помнила: «Через две субботы мы будем вместе на всю жизнь!»

Ее сначала смущало только то, что Хелли и Нанни недоверчиво относились к отцу.

Лундстрем, оставаясь наедине, размышлял о разных вещах, но большей частью работал: чистил оружие, перетирал пружину, ударник, курок. Возня с металлическими предметами напоминала ему мастерскую, где он работал несколько лет.

Где теперь те, кто работал рядом с ним? Что думают о нем его приятели?

Сколько дней можно отшельником прожить в курной бане?

Наконец они принесли последнюю связку и с облегчением вздохнули.

Олави вышел из бани поглядеть, нет ли кого поблизости, не подсмотрел ли кто, как они внесли груз в баню, и увидел фельдфебеля.

Фельдфебель стоял, прислонившись к плетню, и попыхивал трубкой.

Снег уже не шел, и месяц выглянул из-за туч.

Фельдфебель стоял, как снежная баба. Он кого-то подкарауливал. А может быть, ждал солдат, чтобы

произвести обыск в бане и захватить драгоценнейшее оружие?

«Не лучше ли, пока еще не поздно, угостить его свинцовой пулей? Маузер работает без отказа. В темноте перетащить тело в лес — пусть потом разбираются».

Фельдфебель стоит, словно ему по уставу положено стоять в три часа ночи у плетня на карауле.

— Ладно, если он через полчаса не уйдет, мы его снимем, — соглашается, наконец, Олави, до которого доносится взволнованный шепот Лундстрема.

К счастью для себя, фельдфебель уходит через десять минут, громко ругаясь вслух:

— Сатана-пергела!

«Наверно, назначил встречу своей бабе», — догадывается Лундстрем, и они ложатся спать до условного стука в дверь.

Они уже вычистили все оружие. Каждая винтовка готова к бою. Через два дня наступит обещанная Эльвире вторая суббота, а Олави никуда не уходил. Как же он успеет возвратиться, чтобы быть вместе и навсегда?

«А вдруг все отложено и мы напрасно портим себе зрение в этой курной бане?» — приходит в голову Лундстрему.

Днем, как и всегда, Олави вошел в дом, а Лундстрем остался наедине со своими мыслями и винтовками. Вдруг через несколько минут раздался условный стук в дверь. Входит Эльвира.

Сегодня воскресенье, большой праздник, все домашние отправились в кирку, дедушка захватил с собой даже внучек. Она сварила кофе, и пусть он тоже пойдет в горницу, выпьет кофе на этот раз по-человечески.

О да, Лундстрем с радостью принимает это приглашение, он спешит в дом, в прихожей споласкивает себе лицо из рукомойника, смотрит в зеркало по дороге и видит, что он совсем оброс густою щетиной.

— Надо бы побриться!

Они пьют горячий кофе. В комнате натоплено чуть ли не до духоты. Они выпивают по три стакана кофе.

Эльвира приготовила кипяток и мыло для бритья. Зеркальце готово, и полотеицe сияет белизной. Давио Луидстрем не бывал в такой уютиой обстаиовке.

Бритва старика тоже к его услугам. Он с увлечением вспенивает на блюдечке мыло. Обильно намыливает себе щеки.

Как хорошо хоть на миинуту опять почувствовать себя цивилизованным человеком! Вдруг... что это? Кто разговаривает во дворе, отряхивая налипший на кеньги снег около крыльца?

Будет совсем нелепо, если его застукают сейчас, за бритьем.

Эльвира быстро выбегает из комнаты, она хочет задержать незваного гостя, а может быть, и сыщика. Надо скрываться!

Олави знает: под половицей, в углу у стены, есть люк в подполье. Он быстро берется за вделанное в пол кольцо, поднимает крышку люка, и Лундстрем с намыленным лицом лезет вниз. Крышка плотно захлопывается над головой.

Однако здесь приходится сидеть на земле. Земля заиндевела. Темно. На щеках стынет мыло. Встать во весь рост нельзя, на четвереньках стоять неудобно. Лундстрем садится на корточки и прислушивается.

— Так, значит, она уехала с отцом и со всеми в церковь? — недовольно бубнит мужской незнакомый голос.

— Да, Лейно, сестра уехала с отцом, — это говорит Эльвира.

«Слава богу, значит, это не облава», — стараясь сдержать дрожь, думает Лундстрем.

Наверху молчат. Передвинули стулья.

— Может быть, выпьете кофе? Я поставлю для вас, — это спрашивает Эльвира.

«Неужели эти черти надолго там рассядутся?»

— Нет, нам надо торопиться. Пойдем, Лейно, — говорит какой-то новый, незнакомый голос.

И снова там, наверху, молчание и какое-то шарканье. У Лундстрема начинают неметь ноги, икры покалывает тысячью тоненьких иголочек. И ему смертельно хочется закашлять. Кашель застрял в глотке,

вот-вот Лундстрем не сумеет его удержать — и тогда конец.

Лундстрем запихивает в рот трубку и начинает тихо сосать ее. Оказывается, табак в трубке все время тлел, он разгорается, и легкий дымок наполняет подполье.

«Новая беда, — думает Лундстрем: — теперь они почувствуют дым и из-за этой проклятой трубки откроют меня. Однако, если я раскашляюсь, они еще вернее застукают меня». И он, сидя на корточках, осторожно продолжает сосать трубку. А там, наверху, почему-то еще не уходят.

— Ты совсем забыл меня, Олави, — снова раздался первый голос. — Вот мы с тобой взяли в жены сестер, но ты меня не узнаешь. Я Лейно, Лейно, я в тот вечер, когда ты увел Эльвиру, испортил гармонь. Я играл на ней, — помнишь, когда мы провожали Каллио? Что же ты молчишь? Да, женились мы на сестрах, только разные свадьбы были. На моей так кофе таскали ведрами.

— Я все отлично помню и не забыл тебя, Лейно, — отвечает Олави. — Но разговаривать с тобой не могу, потому что не хочу порезаться.

— Разве ты не видишь, что он бреется? — насмешливо говорит второй незнакомец (у Лундстрема челюсти сводит от холода, зубы его выбивают дробь). — Пойдем!

— Я побреюсь и зайду к тебе минут через десять, Лейно, — говорит Олави.

Опять это проклятое молчание. Потом шарканье по полу. Потом слышно, как хлопает дверь.

Эльвира говорит:

— Нужно ж было Лейно сегодня прийти с заготовок, когда сестра с отцом уехали в церковь!

Лундстрем слышит, как, разговаривая, проходят мимо дома по улице нежданные посетители.

Снег скрипит под их кеньгами. Над головою Лундстрема поднимается крышка.

Эльвира стоит над люком и приглашает Лундстрема выйти. Он хочет подняться, но тело его окоченело и зубы выбивают дробь. Эльвира помогает ему выбраться наверх.

Олави сидит перед зеркальцем и бреется. Он уже почти начисто выбрит.

Эльвира смеется громко, как в Тювейен-Тало на спектакле.

Олави смотрит на Лундстрема и тоже улыбается. Лундстрему неприятно, что смеются над ним, но смех Эльвиры заразителен, и он тоже начинает улыбаться, уже довольный тем, что дал повод к такому веселью, сам еще не соображая, над чем смеется эта молодая красивая женщина. Тогда Эльвира подает Лундстрему зеркало.

Лундстрем смотрит в зеркало и видит на своем лице маску. Это холодное, скользкое мыло.

Но он не будет здесь бриться, нет! Неровен час кто-нибудь натрянет. Тогда опять под пол, в люк. Нет уж, извините, покорнейше благодарим! Да он после этого случая никогда из бани не вылезет!

И он уходит в баню. Его провожает Олави, осматриваясь, чтобы никто их не заметил.

Снова начинается томительная жизнь в бане.

Они ждут распоряжения.

Все сроки прошли.

Хелли и Нанни привыкли к отцу. Дед уговорил их свести медвежонка к Олави в баню. Услышав возню, Олави выскочил из бани навстречу.

О, они весело повозились в мягком, пуховом снегу!

Медвежонок укусил играючи Нанни до крови, и его пришлось все-таки посадить на цепь.

А распоряжений и вестей все не было.

Олави и Лундстрем решили покинуть утром в воскресенье свое убежище и на лыжах пойти навстречу друзьям. Поздно вечером в субботу, когда всей деревне полагалось давно уже спать и видеть сны, когда все лыжи стоят прислоненными к бревенчатым стенам в холодных прихожих и даже олени перестают выкапывать своими копытами из-под разрыхленного снега ягель, товарищей разбудил в их черной бане условный стук.

В полусне вскочив с постели и стукнувшись лбом о низкий потолок, Лундстрем слышал, как щелкнул взво-

димый курок револьвера. Тогда к нему пришло ощущение серьезности положения, и он сразу проснулся.

Стук повторился.

Это было условное постукиванне в ставню, которое предвещало появление Эльвиры. Но сейчас была ночь.

Олави освободил засов, и в низкую баньку ворвался свежий воздух с пуховыми хлопьями снега.

Рядом с Эльвирой на пороге стоял незнакомый человек; шерстяной шарф его, намотанный на шею, был покрыт снежной пылью.

Прибывший вошел в баню.

Эльвира закрыла за собой дверь, и снова темнота обволокла всех.

— Олави от Коскинена предписание.

— Не знаю Коскинена. Кто это такой? — резко прозвучал в темноте ответ Олави.

— Коскинен?! Начальник полярных товарищей. Победа!..

— Победа! — обрадованно говорит Лундстрем и в темноте чувствует, как от волнения кровь прилнвает к щекам.

— Все в порядке. Завтра ночью за оружием придут две лошади. Надо погрузить все, что здесь есть. Со второй лошадью вы отправляетесь в Керно. Возчики наши... Нет, я должен сейчас же итти обратно, — спокойно отклонил прибывший предложение остаться отдохнуть.

Через десять минут снег занес следы долгожданного посланца. Он растаял в ночи, будто и не было его, но ни Олави, ни Лундстрем долго не могли заснуть.

«Завтра, завтра ночью», — думал Лундстрем и чувствовал, что сердце его замирает.

Совсем похоже на ту ночь, когда он ждал свою первую девушку, — таких девушек больше нет на всем свете. Но так же замирало сердце предвкушением чего-то совершенно несбыточного и до невозможности хорошего, и так же, как сейчас, ни за что нельзя было заснуть.

«Завтра, завтра ночью начало!»

Об этом же думал и Олави. Он думал о том, что дороги заносятся снегом, пуховыми покровами засти-

лаются установившиеся санные колеи и лошадям будет трудно везти непривычный груз. Он думал о том, какие сани пришлет Коскинен — панко-реги или просто розвальни, и о том, чем прикрыть оружие, чтобы не бросалось в глаза, что груз не совсем обычный.

Эльвира тоже долго не засыпала.

Она поцеловала спящих девочек и подошла к окошку.

Хотя в комнате было натоплено до духоты, стекло узорилось ледяными листьями и странными ветвистыми стеблями.

Эльвира перестелила свою постель и снова улеглась, счастливая: Олави завтра ночью уйдет и через неделю — так он сказал — возвратится, чтобы никогда не расставаться с Эльвирой и детьми. Олави всегда говорит правду.

Отец, просыпавшийся раньше всех в доме, застал Эльвиру на ногах. Она хлопотала около квашни.

За обледенелыми оконцами занимался последний день января.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Товарищи набили дорожные мешки снедью, принесенной заботливой Эльвирой. Здесь были и огромные куски шпика, и вяленое оленье мясо, и лепешки, и замороженная мелкая рыбешка, и кусок масла. Трудно даже понять, как ухитрилась Эльвира так устроить, чтобы никто из домашних не спохватился, куда девалось столько припасов.

Все оружие было еще раз подсчитано и переложено с места на место. И тогда вступил в свои права полновластный январский вечер.

Луна сияла, как будто назло, и на снежной равнине до леса пролегла блестящая лунная дорога.

Было так морозно, что лыжи переставали скользить по снегу. Лундстрем и Олави, дождавшись, наконец, условного часа, вышли на развилку двух лесных троп, мимо которой должны были пройти лошади, посланные Коскиненом. У каждого за плечами было по тяжелому свертку с оружием.

Лундстрем остался поджидать на перекрестке, а Олави пошел за второй очередью груза.

Олави успел вернуться, а обоза еще не было. Назначенное время уже прошло.

И вот донесся далекий скрип полозьев.

Воздух был чист и прозрачен, высокая Полярная звезда сияла почти над самой головой, и каждый звук был отчетливо слышен издалека. Вскоре за высокими соснами послышалась спокойная речь, и из-за поворота показалась лошадиная голова. Это шли панко-реги.

«Слава богу, панко-реги», — подумал Олави и быстро вышел на середину дороги с радостным возгласом:

— Победа!

Ответа не было.

Возчики перестали разговаривать и с видимым изумлением смотрели на Олави.

Тогда выступил на лунную дорогу из тени Лундстрем и повторил:

— Победа!

Ехавший на задних санях человек испуганно хлестнул кнутом лошадь, крича:

— Эй, берегись, пропусти!

Но Олави схватил лошадь под уздцы и сказал:

— Победа! Свои!

Тогда возчик умоляющим, испуганным голосом попросил:

— Да отпустите нас! Мы самогоном не торгуем, разве вы не видите?!

Товарищи отступили.

— Чуть не выдали себя... — пробормотал Олави.

— Но уже давно время, — сказал Лундстрем.

Прошло пять минут, пятнадцать, двадцать — никого на дороге не было.

— Придется идти восвояси, — угрюмо сказал Олави.

И они, нагрузив на плечи привычные тяжелые свертки, медленным шагом отправились обратно по проложенной лыжне.

Вскоре снова послышались широкое дыхание лошадей и тонкий скрип полозьев. Товарищей кто-то догонял.

За ними шли сани. Олави бросил сверток в снег и снова выступил из тени на дорогу.

— Победа! — полушепотом бросил возчик.

— Победа! — не удержался от громкого возгласа Лундстрем.

— Почему опоздали? Почему едете с другой стороны? — расспрашивал Олави.

— Да все потому же, — отвечал человек с шарфом, намотанным вокруг шеи. — Выехали мы во-время, но вот, видим, по дороге едут за нами еще двое на таких же панко-регах. Гуськом идут за нами. Мы ускоряем ход — они за нами. Ничего другого не оставалось, как хлестнуть по нашим лошадям и полным ходом уйти вперед. Мы так и сделали и мимо места прошли раньше условленного времени. На развилке пошли вправо и дождались, пока они пройдут мимо, влево по большой дороге. Они так и сделали, как по заказу. Тогда мы пошли обратно и вот встретились.

Для нескольких человек нагрузить две панко-реги оружием — недолгое дело, особенно когда торопит январский ночной холод.

Когда сани были нагружены, они разъехались на развилке по разным дорогам, идущим на север — на лесоразработки. С одними санями ушли вчерашний вестник, возчик и еще один человек. У всех у них были заткнуты за пояс отличные топоры, блестевшие при луне. Лучковые пилы с тонкими полотнищами, с фигурным волчьим зубом лежали поверх попон.

На других санях сидел незнакомый возчик, а за санями зашагали ищущие работы опытный лесоруб Олави и новичок Лундстрем. Изредка они садились по очереди на сани, чтобы немного передохнуть.

«Однако этот Коскинен обо всем позаботился», — с уважением подумал Олави и почему-то вспомнил набитый снедью мешок и смущенный, жаркий шепот Эльвиры, которую он оставил три часа назад. На сколько? На несколько дней, на несколько лет, навсегда?

Так они шли за санями до самого рассвета.

Рыжебородый возчик соскакивал с саней и бежал рядом с ними, стараясь согреться, и бил ладонью о ладонь.

Ночью они прошли одну деревню. Они молчали, и скрип полозьев был их походным маршем.

Утром, часам к девяти, они вошли в большую деревню. Здесь была почта. Не доезжая до почты, они остановились около харчевни. Эта же харчевня была постоялым двором. Жена хозяина, дородная женщина, стояла за прилавком и горячо спорила с молодой девушкой, должно быть дочерью.

— Эй, дочка! — обратился к девушке рыжебородый возчик. — Хватит у вас припасов накормить трех лесорубов?

Девушка, на полуслове прервав разговор, обиженно и хвастливо сказала:

— Еды здесь будет для двух тысяч таких бродячих отцов, как вы, — и снова повернулась к матери, продолжая скороговоркой прерванную речь.

— Тогда дай нам кофе!

Рыжебородый распрягал лошадь на отдых.

Перед тем как устроиться на лавке, чтобы вздремнуть, Лундстрем вспомнил, что в селении есть почта, а если есть почта, значит можно достать последнюю газету и узнать, что делается на божьем свете.

В тесном помещении в форменной черно-белой кругленькой фуражке сидит девушка и разбирает полученную корреспонденцию. Около нее пожилой почтальон ждет окончания разборки писем, чтобы разнести их по адресам. Иногда, чтобы доставить на дальний хутор заказное письмо, надо потерять целый день. Лыжи почтальона прислонены к стене почты, около маленького черного почтового ящика с серебряным изображением старинного рожка и телеграфной молнии.

— Нельзя ли мне купить или посмотреть последние газеты? — робко спрашивает Лундстрем занятую девушку.

На ней форменная фуражка, она при исполнении служебных обязанностей и не может отрываться от работы, чтобы отвечать на пустые расспросы каждого лесоруба.

Тогда Лундстрем уже немного громче спросил фрёкен, не может ли она ему показать последние номера шведских газет, и так как он говорил на чистом швед-

ском языке, молодая почтарша решила поднять свое лицо от пачки писем и посмотреть в упор на посетителя.

О, ей очень приятно в этой глуши встретить человека, который хорошо говорит по-шведски! Здесь уж слишком много грубых мужиков и мало настоящих интеллигентов. Она состоит в патриотической организации «Лотта Свард»[1], но правде надо смотреть в глаза: по знанию шведского языка здесь, в Похьяла, всегда можно отличить простонародье от людей образованных.

Она дала ему пачку последних шведских газет.

Самая свежая была недельной давности. Но Лундстрема каждая телеграмма ошарашивала «последней новостью». Он прочел, что «повстанцы» в Карелии теснят на всех участках Красную Армию, что по всей Финляндии идет вербовка добровольцев «на помощь Карелии», что социал-демократы настроены против поддержки белого карельского мятежа, но полагают, что, прежде чем принимать какое-нибудь решение, нужно выяснить ситуацию, что демонстрация протеста против карельской авантюры, возникшая по призыву рабочей социалистической партии, «этих скрытых коммунистов», — разогнана, а вожаки посажены в тюрьмы на разные — к сожалению, небольшие — сроки. В газетах также сообщалось, что предстоит расширение финляндской лесопильной и бумажной промышленности, так как Лига наций, по всей вероятности, решит, чтобы Советская Карелия была присоединена к Финляндии. А лесные ресурсы Карелии неисчислимы.

Лундстрем прекрасно знал, что буржуазные газеты врут, что они клевещут, искажают истину, скрывают неприятные для них факты, но обилие свежих телеграмм, победоносный их тон произвели на него такое впечатление, что молодая почтарша, внимательно следившая за ним все время, спросила:

— Что, вы нашли объявление о смерти родственника?

[1] Женская фашистская организация.

— Нет, фрёкен, все в порядке, — смутившись, ответнл Луидстрем н, поблагодарнв почтаршу, быстро пошел обратно.

Ои рассказал вполголоса обо всех этнх новостях Олавн и умолчал лншь о сомиеинях, одолевавших его.

Олави, лежа на узкой лавке, спокойио выслушал его н, повериувшнсь на другой бок, бесстрастио заметил:

— Ну что ж, мы дадим нм другне иовости. — И, помолчав, добавил: — Только оин нх ие напечатают...

Была его очередь отдыхать, и ои ие пропустил ее.

Но спал он иедолго. Хозяин харчевии разбуднл его.

Хозяии хотел купить картофель, который ребята везли на север, на лесоразработкн, в бараки.

— Вам там больше не дадут за мерзлую картошку. Я плачу наличиымн.

— Картошка не мерзлая. Непродажная. Мы ее сами съедим. Для того н везем.

— Ну что ж, еслн сейчас еще не мерзлая, через несколько часов совсем обледеиеет. Слышал, как трещат дрова в печн?

— Ладио, ладио! Мы обещали ребятам привезтн картошку — н привезем!

— Картошка ваша, но хозяева-то вы плохие!

В четыре часа пополудии, в иаплывающие вечерние сумерки, они снова вышли в путь.

Шли оии молча, скользя иа лыжах по сухому снегу, выпуская клубамн белое густое дыханне.

На ресинцах оседал нней. Серебряиым блеском покрывалась красная борода возчнка.

Так они шлн до утра, ие прнсажнваясь в сани, чтобы не продрогнуть.

К рассвету оии увндели у дорогн лесиую сторожку и постучались.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дверь не была заперта, и около раскалеиных камней очага спиною к вошедшим сидел иезиакомец.

— Вот и отлнчно! Вы пришли во-время, товарнщи, — сказал он.

Лундстрем, Олави и рыжебородый возчик сразу узнали голос Коскинена. Он уже спокойно отдавал распоряжения:

— Через два часа вы выходите отсюда н идете прямо по дороге, потом сходите на санную тропу и по этой тропе ндете прямо к центральным баракам, которые возле господского дома. Останавливаетесь в правом бараке (в левом буду я с другими санями) и ждете распоряжений.

И иикто из них в спокойной увереиности распоряжеиий не почувствовал иапряжеииого волнеиия, которое вот уже сколько времеии ие покидало Коскинеиа.

Он не страшился сопротивления белых, ни разу не подумал о смерти, ио весь внутрение содрогался, когда на секунду ему представлялось, что вдруг лесорубы не откликнутся иа его прнзыв. В такие минуты глаза его темиелн, мешки под глазами становились больше, и только седеющие подстрижеиные усы, желтоватые от табака, оставалнсь прежиими. Забота держала его, как чайник на костре, в непрестаииом кипеиии. Но кипение это не было заметио посторонним, потому что, когда он волновался, речь его становилась размереннее и тише, голос спокойиее.

Вскоре Коскинен ушел из лесной сторожки.

Через два часа вышли Олавн, Лундстрем н возчик.

Лошадь времеиами проваливалась в сиег по брюхо.

Оии продвигались очень медлеино, но вот вдалеке заиграл огиями бревенчатый, на славу срублеиный дом, где жили господа десятиики н управляющий пунктом с молодою, недавио приехавшей к иему жеиой.

Итак, они былн у самой цели. Они свернули вправо н через двадцать мииут очутились подле одииокого барака. Все было в порядке, все шло, как они и ожидали, но их смутил иесколько необычиый для этих мест нарядиый вид барака.

Они должиы былн подойти к баракам, находившимся в полукилометре от дома господ.

Но этот барак стоит одииоко.

Олави распахнул дверь и вошел внутрь.

Да, барак был необычен, здесь был настлан деревянный пол и посредине высилась стойка — козлы для винтовок.

— Надо стучать, когда входишь, — недовольно протянул сидевший на койке парень.

Да, здесь, в этом бараке, были настоящие койки с подушками, койки с настоящими одеялами.

— В чем дело? — еще недовольнее спросил другой парень и поднялся навстречу Олави. — Что тебе надо?

— Скажите, пожалуйста: в какую сторону итти к самым ближним баракам лесорубов? — смущаясь, произнес Олави.

Парень лениво пошел к выходу, Олави — за ним.

На дворе стояли сани с драгоценнейшим грузом. Около них возчик и Лундстрем ждали Олави.

И только теперь, на пороге, Олави увидел шюцкоровский знак отличия на рукаве у парня.

— Мы ищем работы. Нам на южном участке говорили, что здесь нужны крепкие парни, — громко, чтобы слышали товарищи, сказал Олави.

— Ваши дела меня не касаются! — грубо оборвал его парень. — Вы взяли слишком вправо. Эй ты, что везешь? — обратился он к возчику.

— Картофель, уважаемый господин, — поспешно отвечает возчик.

Парень развязно подходит к саням, приподнимает попону. Под попоной плотным рядом лежит крупный, первосортный картофель.

Парень берет в руку картофелину и внимательно осматривает.

— Странно, что не замерзла!

Из барака, где живут шюцкоровцы, раздается с детства привычный напев: «Наш край, наш край. . .»

— Шапки долой! — командует парень, сбивает шапку с головы Олави и сам роняет картофелину на снег и становится навытяжку.

И так, вытянувшись, в строгом молчании, в вечернем оснеженном сосновом лесу стоят они и ждут окончания песни.

Песня пропета, и парень, забыв о своей важности, говорит:

— Вы, ребята, взяли слишком вправо, — баракн там.

Онн идут в ту сторону, куда указал парень, и Олавн тяжело дышит.

— У самой цели чуть было не завалили оружие, — с виднмым облегченнем говорнт ему Лундстрем, но он не отвечает.

Так онн, наконец, доходят до нужного барака.

В бараке их встречают непрнязненно. Другне лесорубы боятся, что они собьют и без того низкую оплату.

Однн из ннх снимает с ног своих мокрую дерюгу и протягивает к огню.

— Вндншь, — обращается он к Лундстрему, — кеньг нет н марок нет, приходится ногн в мешкн заворачнвать...

И Лундстрем не знает, что ему ответить. Он сам сегодня проводнт первую ночь среди лесорубов, н все ему внове.

Да, здесь о койках нечего н думать, едва хватнт места на постланной на землю хвое — вытянуть ноги.

У очага возится уже немолодая женщнна, стряпуха-хозяйка. Она, пожалуй, едннственное в бараке жнвое существо, встречающее новых пришельцев без затаенного недоброжелательства. Она дает Лундстрему и Олавн по чашке горячего кофе.

И пока возчик на улице возится с лошадью, они успевают согреться.

— Как же будем ночевать? — спрашнвает Лундстрем и выходит нз барака.

Языкн северного сняння колышутся на бархатном небе. Перебегая с места на место, розовые и зеленоватые, они светятся нзнутри какнм-то необыкновенным светом.

Около саней возится рыжебородый. Немного поодаль спокойно разговаривают Коскннен и Инари. Значнт, все идет так, как и должно иттн.

Только почему Инарн смотрит на него, на Лундстрема, неузнающими, чужими глазами, словно они никогда вместе не плавалн на карбасе?

Как далеко ушла та прекрасная печальная осень, когда они везлн оружие!

— Нам нужно собраться и все взвесить, — говорит Коскинен, и глаза его светятся таким же спокойным блеском, как эти языки холодного пламени иа черном февральском небе. Сегодня первый день февраля.

Лундстрем подходит к саням и тщательно прикрывает попоной картошку.

Из барака выходит Олави.

— Олави! — окликает его тихо Коскинен.

Они деловито пожимают друг другу руки. И рядом навытяжку стоит Инари.

— Олави, пойди спроси у господ разрешения вновь прибывшим лесорубам переночевать одну только ночь в бане.

Олави идет к дому, где живут десятники.

— Я пойду иа всякий случай, помогу уладить дело, — и Инари вслед за Олави растворяется в темиоте лесиой ночи.

Тогда Коскинен подходит к Луидстрему и пожимает его руку. Луидстрем чувствует сейчас, что может радостио умереть, если этого потребует дело революции. Ои готов снова пройти весь путь, от Хельсинки до этого отдаленнейшего участка Похьяла, чтобы снова почувствовать дружеское пожатие руки товарища Коскинена, делегата ЦК. Но он ие знает, что следует сказать, и, вздохнув полиой грудью, иеожиданно для себя восторженно произносит, глядя на северное сияние:

— Какая ночь!

— Какой будет день! — улыбка Коскинена прячется в подстриженных усах.

Уже поздно, и десятники, поужинав, собираются спать и рассказывают перед сиом анекдоты.

На стук Олави выходит иа крыльцо десятник Курки. Он сердит: его оторвали от такого забавного анекдота...

— Предоставить на ночь баню? — гремит голос Курки. — Знаю я, для чего нужна вам баня, — для пьянки. На самогон у вас денег хватает, а на кеньги иет? .. Нет, не самогон? На картеж? Никогда я не дам ключей, чтобы в бане акционерного общества дулись в очко!

Тогда из-за темных стволов выступает Инари и убедительно говорит:

— Херра[1] Курки, это хорошие лесорубы, мои земляки. Я могу поручиться за каждого из них. Им в самом деле нет места в нашем бараке.

Узнав вежливого Инари, Курки меняет гнев на милость:

— А, если ты ручаешься, тогда совсем другое дело, тебя я хорошо знаю.

И через минуту он возвращается из комнаты и вручает Инари большой ключ от бани акционерного общества.

Олави спрашивает:

— Нельзя ли нам получить немного еды, господин десятник, в счет заработков? Не беспокойтесь, мы отработаем.

Курки совсем подобрел:

— Кладовщик спит... Ну, да ничего.

И он выносит картуз с сахаром, пачку кофе, буханку хлеба и с полкило сала.

— Вот, получайте, завтра все впишем в счет.

— Большое спасибо, господин десятник!

Молча они идут обратно к баракам, и ключ холодит ладонь Инари. Он отдает его Коскинену. А Коскинен успел сговориться со стряпухой-хозяйкой.

— Мы здесь новички, нам надо раньше становиться на работу, мы должны уйти в дальние бараки, так уж ты, пожалуйста, не забудь разбудить нас совершенно точно в четыре часа утра. В четыре часа, и чтобы к этому времени был готов кофе.

— Да ты не беспокойся, — отвечает стряпуха, — раз я обещала, значит исполню.

Они идут в лесную баню. Со скрипом поворачивается ключ в замочной скважине, и темнота принимает их.

Инари зажигает коптилку; огромные тени бегут по стенам и переламываются на потолке.

Лундстрем начинает в полутьме опознавать собравшихся.

---

[1] Херра — господин.

Рядом с ним привычный уже до последней морщинки у глаз, молчаливый, высокий Олави и Инари. Незнакомые: остролицый, кажется, совсем хрупкий человек (Инари называет его Сунила), позавчерашний посланец Коскинена и еще какой-то неизвестный лесоруб с топором, заткнутым за пояс.

Все они ждут слова Коскинена, все они волнуются, готовясь дать Коскинену самый точный отчет обо всем, что ими сделано.

В доме господ, очевидно, выпили перед сном лишнего и поэтому раздумали спать. Они громко, так, что слышно в баньке, расположенной в двухстах метрах от дома, завели полупьяными голосами хмельную песню. Незнакомый лесоруб вытаскивает из-за пояса топор, отрезает кусок сала из принесенных Олави запасов и начинает медленно жевать его.

Шюцкоровцы поют свою песню.

И тогда раздался взволнованный голос Коскинена.

В первый и последний раз за все это время Лундстрем подумал, что Коскинен тоже волнуется.

— Товарищи, — сказал Коскинен, — встаньте!

И все поднялись с лавок. Олави доставал головой потолок.

— Товарищи! Мы еще не можем здесь, в Похьяла, громко петь нашу песню, наш гимн. Споемте ее сейчас тихо, про себя.

И они стоя запели:

Вставай, проклятьем заклейменный...

Она спорила с той, с другой песней и заглушала ее. Коскинен молча покачивался в такт ритму, звучавшему в его душе. Сунила сосредоточенно и тихо носком отбивал такт. Олави шевелил губами, с трудом удерживаясь от того, чтобы не запеть вслух.

Она звенела в их сердцах, неистребимая, объединяющая волю и надежду миллионов, — мелодия «Интернационала».

Она подымала и несла их.

Ни бог, ни царь и ни герой...

Темная тень Коскинена качалась на потолке.

Они стояли и тихо-тихо, еле слышно, пели великую песню освобождения трудящихся.

Вот оиа, неистребимая, поднимающая души, обещая победу, звучит в тесном бревеичатом срубе лесной баньки в Похьяла и раздвигает стены ее до пределов широкого мира.

А за окном по крепкому насту, сугробам и сиеголомам хороводит метель. Темиый фитиль дрожит на лавке, качаются теии на стеиах.

Ощущение невыразимого счастья, единства с тысячами таких же, как ои, поющих эти слова, делает Лундстрема спокойнее и отгоняет непрошеные слезы.

Она кончается, эта песня, и, обтирая платком лицо, Коскииеи говорит:

— Теперь о работе!

Все садятся на лавки и деловито, по очереди, начинают рассказывать о том, что оплата труда низка, едва хватает только на еду, что и эти деньги задерживаются выплатой, о том, что сюда приезжают вербовщики и, суля разные льготы, стараются набрать рекрутов для белых банд, орудующих в Карелии, о том, что если бы было оружие, легко было бы выгиать отсюда всех лахтарей.

Коскиіен прерывает говорящего:

— За скольких парней можешь ты поручиться? Кому ты сам можешь вручить оружие?

Сунила начииает медлеино перечислять. Ииари тоже называет имена. И Луидстрем замечает, как Олави волиуется, слушая Ииари.

— Но у нас иет оружия! — говорит один из лесорубов. — Надо взять его у объездчиков, в их бараке.

— Это шюцкоровский барак? — переспрашивает Олави.

— Да!

— У нас есть оружие! — говорит Коскинен. — У нас есть сейчас винтовки, и оии здесь. Шюцкоровцы должиы быть немедлеиио разоружеиы.

И Коскииеи разворачивает перед товарищами свой план.

Его слушают затаив дыхание.

— Луидстрем, выйдн из баии и посмотрн, иет ли вблнзи подозрнтельиых типов.

Лундстрем, выполняя приказ, иехотя выходит из баин.

Очертання деревьев, покрытых снегом, неопределенны и расплывчаты. Мороз захватывает дыхание, снег кажется совсем чериым. Далеко-далеко, кажется— совсем в другом мнре, в другой, иевозможиой жизнн, вздрагивают гасиущне стрелы севериого сияння. Луидстрем возвращается в баию. В иасквозь прокуренной конуре идет обсуждеиие плаиа Коскииена.

Кто же быстро обучит лесорубов владеть оружием? Сам Коскинен, Инари, который отлнчно обращается с оружнем, Лундстрем н Олави — оии за это время прекрасно нзучнлн устройство вннтовок. Инари говорнт:

— У меня в бараке есть надежный солдат — Унха.

А затем начннается распределеине мест, порученнй, обязанностей. Косннеи вннмательно прнслушнвается к каждому, даже случайно оброиеииому товарнщами замечанню.

Лундстрем снова выходит из баии.

Еще совсем темно. Ветер улегся, н Луидстрем слышнт, как кто-то, подходя к бане, громко дышнт. Лундстрем кладет руку на рукоятку маузера и сразу же облегченно вздыхает. Это идет закутанная в теплые платкн, держа в руках огромный горячнй кофейннк, обмотанный теплымн тряпками, стряпуха-хозяйка барака.

Значит, уже четыре часа. Но двери баии распахиваются, и густою гурьбою выходят из иее утомленные, но решнтельно настроеиные товарищн лесорубы.

Стряпуха изумленно смотрит на инх: здорово, зиачнт, дорожат работой ребята, если сами проснулнсь до четырех часов.

Да, ее кофейннк очень кстати. И парии иа ходу глотают дымящуюся бурду.

Онн расходятся по своим местам. Все оии ндут выполнять намеченный на иочном совещании плаи.

Каллио просыпается от толчка в бок. Над ним стоит Инарн.

— Что? Что? — испуганно протирая глаза, спрашнвает товарища Каллио. — Неужелн проспал на работу?

— Еще не проспал... Тнше! Настало время действовать. Не шуми! — настойчиво шепчет ему Инари.

Каллио понимает, что случилось что-то очень важное, и сразу встает.

Инари успел разбуднть Унха и старого знакомого по финскому легиону. Они готовы.

— Выйдем во двор, — торопит Инари.

Он совсем не хочет, чтобы его подслушивали возчики. Кто знает, может быть, многне из них дрались в восемнадцатом году в кулацкнх отрядах Свннхувуда. Вот один возчик, правда, не опасный, тот, что все время ждет письма от жены о спнсанин недоимок, проснулся, приподнялся на локте и прнслушивается.

— В баню в карты идете дуться? — с нескрываемой завистью спрашивает он Инарн.

Но товарнщи уже пркрыли за собой дверь.

Рыжебородый возчнк дает Унха, Инарн, Каллио по винтовке и по три обоймы на каждого. Себе оставляет столько же. Около саней стоят вооруженные вновь прибывшне лесорубы. Это Коскинен, Лундстрем, посланец Косквнена — лесоруб, который, даже опираясь на внтовку, не расстается с заткнутым за пояс топором, — и трое других. Каллио хорошо знал Суннла, и... н — неужели... неужелн глаза не обманывают его?! — перед ним стонт жнвой Олави.

— Олави!

— Каллно!

Вот они стоят друг против друга н жмут руки, не доверяя своим глазам.

Черт дерн, наконец-то они снова нашли друг друга! И когда!

Снег на вершннах сосен совсем розов, от мороза стынут губы, а они стоят и смотрят в глаза друг другу.

— Олави!

— Каллио!

— Пора на работу, — разлучает их спокойная команда Коскинена.

Лундстрем, Сунила и еще трое вооруженных лесорубов идут к господскому дому.

Все на лыжах.

— Не забудь: общее собрание в восемь часов, у дома! — уже на ходу, оборачиваясь, напоминает Коскинен.

Но Инари не нуждается в напоминаниях.

— Через час должны быть посланцы во всех бараках, — шепчет он про себя, смотрит на розовый снег, пригибающий ветви, и командует: — За мной!

У саней с оружием остаются радостно озабоченный Олави и Коскинен.

Олави сейчас не просто лесоруб Похьяла, он сейчас не просто носильщик или конвоир, — нет, он начальник хозяйственной части, начальник снабжения и боевого питания первого красного партизанского батальона Похьяла.

Коскинен входит в барак.

Он достает из сумки лист бумаги, придвигает к огню широкое круглое полено — им здесь пользуются как табуретом и как столом, — садится на корточки и начинает писать крупным, размашистым почерком воззвание, слова которого он продумал в длинные зимние ночи.

Он останавливается, думает и снова склоняется над поленом... Дрова в очаге все время трещат, стреляют — к морозу.

Коскинен целиком поглощен своим делом и почти не обращает внимания на то, что люди в бараке просыпаются, шевелятся и начинают готовиться к новому дню труда. Они с удивлением смотрят на Коскинена.

Он не окончил еще писать, но, услышав разговор, складывает бумажку, прячет ее в карман и встает.

— Товарищи, сегодня работы не будет.

— Почему?

— Не пророчь, для этого ты слишком большой грешник! — кричит Коскинену возчик.

В барак входит Олави — на минуту, отогреться.

Коскинен громко говорит:

— Сегодня начинается забастовка!

— Ты, наверно, тот самый финский коммунист Коскинен, который письмо нам написал? — соображает возчик, напрасно ожидавший писем из дому.

— Да, я Коскинен.

Раздается отдаленный винтовочный выстрел.

Глаза Коскинена заблестели, и он громко сказал:

— Товарищи, через час общее собрание лесорубов около господского дома и складов. Олави, доставь туда сани для перевозки продуктов.

— Слушаю, — отвечает Олави.

Коскинен выходит из барака и идет к господскому дому. Почти совсем светло. Розовый свет столбами стоит между стволами сосен.

Возчики добровольно отдают свои сани, своих лошадей и себя в распоряжение Олави.

В барак, где жил Сара, посланец прибыл, когда было совсем светло. Почти все уже собирались итти в лес. Сара направлял пилу.

Жена возчика, с которым он работал, была стряпухой в бараке. Она сегодня проспала, и поэтому кофе только еще закипал на очаге.

Возчик лениво переругивался с женою.

— Вот теперь все торопятся, оттого и гнило все, — продолжал урезонивать своего молодого приятеля Сара. — Раньше в полнолунье дерева не рубили, и лучше лес был. А теперь не смотрят, что полная луна, рубят, и сосна мелкослойнее стала.

Возчик, прекратив перебранку с женой, пошел задать корму лошади и на самом пороге столкнулся с незнакомым лесорубом, который, держа в руках лыжные палки, быстро вошел в барак и, переводя дыхание, громко сказал:

— Сегодня работы не будет. В восемь утра состоится общее собрание лесорубов этого прихода.

Все сразу заволновались:

— Какое собрание?

— О чем разговор?

С самого восемнадцатого года не бывало общих собраний. Как же тут не взволноваться?

— Да это просто митинг, — решила стряпуха.

— Наверно, сообщат, что повышают заработок, а то ведь и жить невозможно, — сообразил Сара. И решил: «Надо итти. Итти надо!»

— Держи карман шире! Скорее объявят, что жалованье вместо двух недель на месяц будут задерживать, — не удержался от того, чтобы не поддразнить своего старшего товарища, молодой лесоруб.

Сара уже надел поверх шерстяного свитера малиновую праздничную куртку. Он твердо решил пойти на собрание.

— Как же мне итти туда в такой холод? — вслух раздумывал высокий лесоруб. — Слишком у меня легкая одежда и рваные кеньги, чтобы без дела шататься по лесу в такой мороз. Только работа и согревает.

— А ты попробуй пойди, может быть, там тебе и выдадут одежду и кеньги, — в шутку утешил его другой. И потом убежденно добавил: — Ручаюсь, наверняка дадут! Для того созывают собрание, чтобы прочесть всем манифест: мол, объявлена война против Советской России, все мужчины мобилизованы в армию, на фронт, и да здравствует генерал Маннергейм! Ура!

— К чертям! В таком случае я на собрание не пойду, — сказал сосед.

Незнакомый лесоруб, не отвечая на расспросы, вышел из барака и, торопясь, вдевал ногу в стремя лыжи. Он спешил оповестить о собрании другой барак. Молодой лесоруб выскочил вслед за ним и крикнул вдогонку:

— Скажи, для чего собрание?

— Забастовка!

Ответ обрадовал молодого лесоруба.

— Забастовка! — крикнул он, входя обратно в барак. — Как и весной, забастовка!

— Тогда идем!

И они все шумно вышли из барака и направились к господскому дому.

По дороге парни боролись, чтобы согреться. А стряпуха заставила мужа везти ее на санях — не распрягать же, в самом деле, лошадь! На эти сани примостился и тот парень, который из-за рваных кеньг не мог итти. Он все время соскакивал с саней и возился с товарищем,

стараясь согреться. А саии в это время уходили вперед, и надо было их догоиять.

Не пошли иа собраиие только три человека.

«Что там будет, на собрании, повысят плату или ие повысят, забастуют или не забастуют, а все равно за сделанную работу так или ииаче заплатят».

Так думали оии и поэтому пошли, как и всегда, на работу. Они были довольиы собой, им казалось, что оии в бесспориом выигрыше.

Лесоруб, гонец Коскинеиа, тоже был очень доволен собой.

Ои убыстрил свой ход, но от холода было не уйти.

Он нагибался вперед, приседал, и вся сила его уходила к рукам, и тогда он отталкивался сразу обеими руками, и лыжи несли его, куда он хотел, и быстрота выпрямляла и снова сгибала его.

Сейчас ои оповестил третий барак, а после четвертого он свободен — поручеиие выполнеио!

Сейчас, иаверно, и к другим баракам подходят гонцы-лыжники.

Вместе с парнями из четвертого барака он придет на митинг. Только бы не опоздать. И знатиая же будет на этот раз забастовка!

— Эй, хо!

— Эй, хо!

А вот, наконец, виден и четвертый барак. Но оттуда идут уже навстречу ему люди. На лыжах, с топорами за поясом, с пилами за плечами, с пестрыми свертками одеял.

— Стойте! Куда, ребята? — кричит ои им.

И навстречу ему гремит в морозном воздухе:

— Разве ты не знаешь? Забастовка!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Лундстрем, Суиила и еще двое лесорубов подошли на лыжах к дому, где жили управляющий и десятники. Они вооружены револьверами и ручными гранатами.

Сердце Лундстрема бьется быстрее, чем обычно.

«Сейчас, сейчас, начинается...»

Он слышит свою четкую команду:

— Ать-два, ать-два...

«Однако эти господа тоже не поздно встают», — думает Лундстрем, увидев синеватый дымок, подымающийся прямо из трубы к небу.

Какая благодать, что нет ветра!

Суннла распределяет товарищей по местам. Один из них остается на дворе, под окном самой большой комнаты, другой должен войти в дом с черного крыльца. Суннла назначает Лундстрему место рядом с собой. Они вдвоем осторожно входят на крыльцо.

Дверь не заперта. Они ее тихо отворяют.

— Скрипит, проклятая!

— Сволочи, пожалели пенни на смазку! — бормочет Суннла.

И они входят в дом.

В помещении жарко натоплено. Они слышат разговор в соседней комнате, но отдельных слов разобрать не могут.

— Ты готов? — шепотом спрашивает Суннла.

Лундстрем снимает с пояса ручную гранату и шепчет:

— Готов.

Суннла рывком распахивает дверь.

Перед их глазами обыкновенная комната с большим обеденным столом посредине. На столе аппетитно дымится кофейник, ломти горячего, только что поджаренного хлеба лежат на блюдцах. Желтоватое масло наполняет масленки, большие белые яйца со всех сторон обступили солонку.

За столом сидят пять здоровых, бритых, уже немолодых мужчин. Один в пиджаке и в галстуке — мелкая розовая горошина на атласной синеве; другие полуодеты.

Три двери ведут из столовой в спальни — это Лундстрем знает по плану. Сейчас одна из этих дверей распахнута, на пороге стоит мужчина в шерстяных носках, и от его брюк длинным двойным хвостом спускаются до самого пола подтяжки.

Человек в галстуке, горячась, что-то разъясняет другим. Но как только распахнулась дверь, он замолкает и изумленно смотрит на вошедших; замирает на пороге своей комнаты и человек с подтяжками.

— Херра Курки! — громко говорит Сунила. — Мы принесли вам ключи от бани. Большое спасибо!

— Ладно, — говорит Курки, вставая из-за стола, — вы могли так не торопиться.

Другие десятники переглядываются. И тогда Сунила выхватывает револьвер из кармана, срывает с пояса гранату и кричит:

— Встать! Руки вверх!

Десятники смущены, они не до конца понимают, шутит ли этот взбалмошный лесоруб или приказывает всерьез. Сунила стреляет в воздух. Лундстрем тоже выхватывает свой маузер и потрясает им; в другой руке у него граната. Господа видят, что лесорубы не шутят.

Они вскакивают и подымают вверх руки. Лундстрем подбегает к отворенной двери, около которой стоит растерянный человек с руками, поднятыми вверх, с ниспадающими пестрыми подтяжками, захлопывает ее и поворачивает ключ.

— Это бандиты! — испуганно кричит человек в галстуке.

— Херра, это красные лесорубы, — вежливо поправляет его Сунила и приказывает Лундстрему обыскать всех и изъять оружие.

Лундстрем подходит к каждому по очереди и засовывает руки в карманы. Эти здоровые мужчины очень испуганы. У одного мелкой дрожью дрожат колени, когда Лундстрем обшаривает карманы. У двоих Лундстрем вытаскивает из карманов браунинги и кладет их на стол.

Где оружие? У них должно быть оружие!

Из кухни входит, неся на подносе вымытые чашки, господская стряпуха, рыхлая Марта. Она широко раскрытыми, ничего не понимающими глазами смотрит на то, что происходит в комнате, на своих хозяев, стоящих с поднятыми руками, на Лундстрема. Когда взор ее до-

ходит до револьвера Сунила, она дико вскрикивает и роняет на пол поднос. С грохотом разбиваются чашки. Марта приседает над осколками и в ужасе закрывает лицо ладонями.

— Тише! — кричит на нее Сунила. — Где остальное оружие?

Херра Курки, высоко держа руки вверх, осторожно пятится, наступая на собственные подтяжки, к двери в кухню, из которой только что вышла стряпуха. Медленно подвигаясь, он добирается до двери и прислоняется к ней широкой спиной.

Дверь медленно подается. Сейчас он выскользнет из рук этих людей. Наплевать, что он в одних носках. В первом же бараке ему дадут все, что нужно. Пока еще не поздно, надо позвать объездчиков, шюцкоровцев. И вдруг он застывает на месте, боясь обернуться, пошевелиться. Он чувствует на своей спине жесткий, круглый холодок стали. Медленно поворачивает голову. Из темноты коридорчика смотрят на него упрямые глаза третьего лесоруба.

— Ступай обратно!

И он идет обратно. А в ту секунду, когда дверь в коридор со скрипом закрылась за ним, оконное стекло, покрытое ледяными папоротниками и выпуклыми узорами заиндевелых стеблей, задребезжало и звонкими кусками легло на пол. И сразу холодное дыхание леса рванулось в комнату.

В образовавшееся отверстие видно, как грозит маузером оставленный на дворе часовой.

Красных было больше, чем думал Курки.

— Где остальное оружие?

И эти, еще вчера вечером наглые и грубые люди, запинаясь и торопясь, предупредительно рассказывали, где хранится оружие.

У одного оно покоилось под подушкой, и Лундстрем сбросил с измятой, еще не остывшей постели подушку на пол. У другого револьвер лежал в чемодане под кроватью, и Лундстрем, став на колени, вытащил чемодан, выбросил из него все аккуратно уложенные вещи и достал со дна холодный браунинг. Было еще два ружья

с круглыми тяжелыми пулямн — для охоты на медведей.

— Все! — сказал Сунила.

Он подошел к дверн, которая до снх пор была заперта.

— Херра Куркн, подай ключ!

— Там еще спнт управляющий с молодой женой, — как будто стараясь оправдаться, заговорил Куркн.

Суннла постучал.

— Прошу не будить меня — и так слишком много грохота за стеной, не дают выспаться человеку.

— Ну, ну, завтра выспишься! — и Суннла нажал плечом на дверь.

На огромных медвежьнх шкурах, постланных на полу, спали молодые. Женщнна спрятала голову под одеяло.

Управляющнй вскочил в ннжнем белье и стал ругаться. Но, взглянув через дверь в столовую, он увидел растерянные лнца десятнннков, стоящнх с поднятыми вверх руками, кучку револьверов на столе н, сразу поняв серьезность положения, вежливо спросил:

— Что вам угодно?

— Пока не много. Где ваше оружие?

— Сейчас достану, под подушкой, — н он нагнулся, желая достать револьвер.

— Нн с места! Стой! Я сам сумею достать.

Но Суннла не успел нагнуться, как из-под одеяла высунулась рука, осторожно держащая браунинг, и женскнй голос пронзнес:

— Берnте скорей эту гадость и дайте мне одеться.

— Виноват, — сказал Суннла, беря браунннг. — Извинnте за беспокойство, — сказал он и вышел в столовую.

Руки у господ десятннков словно налнлнсь свинцом, трудно было держать нх поднятымн.

— Заходнте в комнаты, — прнказал Суннла.

Когда онн разошлнсь по спальням н Лундстрем запер за ннмн дверн на ключ, Суннла облегченно вздохнул и, выйдя на крыльцо, нз ружья, предназначенного для охоты на медведей, выстрелнл в морозный воздух.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Услышав этот выстрел, Инари скомандовал:

— Вперед!

И они побежали на лыжах с новыми, еще не пристрелянными винтовками вперед — к бараку, где жили объездчики-шюцкоровцы.

Впереди, прокладывая лыжню по сухому, рыхлому, выпавшему за ночь снегу, шел Инари. Сразу за ним — Унха-солдат, Каллио, рыжебородый, еще двое. Они подбегают к бараку.

Около дверей стоит объездчик и умывается сухим снегом.

— Взять его! — приказывает Инари.

Но тут Унха не выдерживает и кричит:

— Смерть проклятым капулеттам!

Объездчик вздрагивает, выпрямляется и видит бегущих к нему вооруженных лесорубов. Он быстро вскакивает в барак и захлопывает за собой дверь. Слышен стук задвигаемого засова.

— Надо будет драться, — бормочет Инари и, подбегая к двери, рвет ее за ручку.

— Рано встали они сегодня! — негодует Каллио и пытается запихнуть пластинку обоймы в магазин.

Она не лезет. Пальцы коченеют на воздухе. И тогда он вкладывает всего один патрон и досылает вперед затвор. Остальные патроны — в карман.

— Выходи сейчас же! — командует, барабаня рукояткой маузера по двери, Инари.

Никто не отвечает.

Тогда Инари подбегает к окну, и Унха уже рядом с ним. Они выпускают в окно несколько зарядов, оглушительных в настороженном морозном воздухе.

Ответа нет.

Прячась за оснеженные стволы сосен, они окружают барак.

Солнце уже готово взойти, и розовый свет, бродящий по лесу, желтеет. Слышно, как трещат от мороза ветви. Белое дыхание рвется изо рта.

— Огонь! — командует Инари.

Каллио, зажмурясь, нажимает спусковой крючок. Шум от выстрела слегка оглушает его. Он слышит грохот залпа, ощущает на лбу прохладное прикосновение снежинок. Залп стряхнул лебяжий пух с ветвей. Пушинки тают на лице Каллио. Он открывает глаза... и видит, что ничего вокруг него не изменилось.

— Если выйдете, гарантирую сохранение жизни! — громко кричит Инари.

И опять молчание.

— Огонь! — снова командует Инари.

Каллио на этот раз не зажмуривает глаза. Он занят вкладыванием очередного патрона в винтовку. Поэтому он не успевает выстрелить вместе с другими; выстрел его запаздывает и раздается тогда, когда Инари уже снова барабанит в дверь шюцкоровской обители.

— Что с тобою? — одергивает его Унха. — Ты, чего доброго, таким порядком своих перестреляешь!

И они оба бегут на зов Инари.

— Вышибить дверь! — командует он и указывает на молоденькую сосну.

Топор, прихваченный с собой, оказывается как нельзя более кстати. Лесоруб берет сосенку под корень. И тогда к ногам его валится черный комок.

— Что это? — Каллио берет его в руки. — Ворона! Замерзла!

И в эту секунду раздается неожиданный выстрел. Остатки замерзшего стекла с дребезгом сыплются на утоптанный снег. Выстрелили из барака. Пуля вязнет в стволе сосны.

— Ах, так!

Лесоруб разозлился. Сосенка, подняв снежный водоворот, не успевает рухнуть, ее подхватывают сильные руки и, держа за ветви, направляют тяжелым тараном в дверь. Торец свеж и тяжел.

Дверь при постройке барака не была рассчитана на такой напор. Она подается и с легким, скрипящим стоном падает, срываясь с петель. И тогда из барака раздается снова выстрел в упор. Но стрелок, вероятно, очень волнуется, пуля уходит вверх.

Парни выпускают из рук сосну, подаются вправо и влево от двери и беспорядочно стреляют. Из дверей

раздаются быстро, один за другим, четыре выстрела. И снова выстрел — и громкий крик боли.

Это Инари подошел к выбитому окну и выстрелом из маузера сбил с ног шюцкоровца.

— Вперед! — кричит Инари.

И Каллио вместе с Унха первые вбегают в барак. На полу около койки лежит молодой объездчик-шюцкоровец. Это с ним вчера разговаривал Олави. Это он вчера сбил шапку с головы Олави, когда в бараке запевали гимн.

Но где остальные объездчики?

Одиннадцать винтовок, начищенных, готовых к бою, стоят в козлах посредине чистенького барака.

Но где же люди?

Одежда, кеньги валялись в беспорядке на незастеленных койках и на дощатом полу. Инари потянул за вделанное в пол круглое железное кольцо. Квадратная крышка люка лениво, словно нехотя, приподнялась.

— А ну, вылезай! — скомандовал Инари.

И Каллио и Унха услышали неожиданно для себя в голосе товарища начальнический тон, не повиноваться которому было трудно.

Из люка первым вылез тот молодчик, который умывался снегом перед бараком.

Шюцкоровцы виновато, один за другим, подымаются наверх из люка. Их выводят на морозный утоптанный снег. Кое-кто еще не успел надеть кеньги.

Их строят в шеренгу и пересчитывают. В это время Инари сам, никому не доверяя этого важного дела, перерывает все сундучки и койки. Но больше оружия нет. Он берет револьвер, валяющийся на полу рядом с теплым еще трупом, и приказывает ввести пленных обратно в барак.

— Снять кеньги! — приказывает он тем, кто успел их раньше надеть. Те, поглядывая на тело убитого, покорно и быстро выполняют приказ. — Отлично! Забери все эти кеньги с собой, — говорит Инари Каллио. — Они пригодятся нам, а эти молодцы без них никуда не уйдут.

Инари оставляет лесоруба, что рубил сосенку, и рыжебородого сторожить пленных шюцкоровцев. Они

должны сменяться — один снаружи, на холоде, другой внутри барака — и ждать дальнейших распоряжений. Пленным разговаривать между собой запрещено.

Взвалив на плечи оружие — по три винтовки на человека, они пошли на лыжах к господскому дому.

— Отлично, отлично! — радовался Унха. — Все захваченные винтовки русские. Я научу тебя с ними обращаться, Каллио.

А Каллио шел рядом с ним и думал о том, как много времени ушло с того мига, когда он вчера в этот же самый час приступал к работе, к валке дерева.

Когда они подошли к дому господ, возле него уже стояли сани с оружием. У саней суетился Олави.

— Вали сюда, ребята, винтовки и патроны, — сказал он и снова пожал руку Каллио.

Возле окон стоял часовой.

Все остались на дворе. Каллио принялся раскладывать большой костер, потому что было чертовски холодно. Унха объяснял незнающим устройство русской винтовки, а Инари пошел в дом доложить Коскинену, что поручение выполнено.

Большая комната была полна народу. На столе лежали револьверы. Шел оживленный разговор.

У запертых дверей, ведущих из столовой в маленькие жилые комнаты, похаживал сторож лесоруб, постукивая винтовкою о пол.

На уголке стола Коскинен заканчивал — уже чернилами, а не карандашом — свое обращение к лесорубам и трудовому крестьянству Похьяла. Глядя на него, никто не сказал бы, что за эти сутки он не сомкнул глаз ни на минуту.

Принимая рапорт Инари, он стоял выпрямившись, держа руки по швам.

Так он стоял, комиссар первого партизанского отряда лесорубов Похьяла, и все находящиеся в комнате тоже застыли, с уважением глядя на Коскинена, слушая простые слова отчета Инари.

— Через час должен быть митинг, мы и так запаздываем, — сказал Коскинен.

В комнату вошел Олави.

— На складах находится много сала и других продуктов, одежда и инструмент.

— Все, что принадлежит акционерам, мы берем с собой. Одежду выдавай тем, кто в ней нуждается. Сколько казенных лошадей?

— Тридцать.

— Тогда организуй обоз из тридцати саней.

— Ладно, — сказал Олави; вышел и подумал: «Я организую такой обоз, который возьмет все, что здесь есть!»

Коскинен вышел на крыльцо. Из ближних бараков и землянок уже начали приходить лесорубы. Коскинен распорядился разложить перед домом еще несколько костров.

Каллио, складывая костром поленья, сказал:

— Без растопки и дрова не загорятся, а не то что наш брат.

— Ну, мы разожгли как следует, — улыбнулся Унха.

Сунила шел быстро. Ему хотелось громко петь. Радостный день занимался для него. Розовым огнем встающего солнца горел лес, потрескивая на морозе. Отличный день! Но, боясь задохнуться, он только замурлыкал себе под нос боевую мелодию. А вот и барак, в котором провел он всю зиму.

«Наверно, никогда в жизни я больше не переночую в нем», — думает Сунила, и от этой мысли ему делается еще веселее, и он, сбросив лыжи у порога, ударом ноги распахивает дверь.

— Здравствуйте, товарищи! — радостно кричит он уже проснувшимся и готовым к новому дню тягот лесорубам. — Здравствуйте, товарищи! Забастовка! В восемь утра собрание у господского дома. Идут все!

— Вот молодец, Хильда, — радуется Сунила, — как быстро собралась! А я не думал, что и ты пойдешь!

Но Хильда, закрасневшись, даже не отвечает. Она так быстро шагает по снегу, что за ней трудно поспеть лесорубу с медным котелком за плечами.

— И сюда ты его взял с собой? — изумляется Хильда.

Но тот смотрит на девушку свысока.

— В любом походе медный котелок три службы сослужит: и кофе сваришь в нем, и погоду предскажет, и... — Но он так и не договаривает о третьей службе медного котелка.

Так они идут молча — и впереди других раскрасневшаяся от волнения Хильда.

Суннла с силой отталкивается палками и, обгоняя девушку, через плечо кричит ей:

— Хильда, на дворе такой мороз, а в кармане денежки тают!

От смеха Хильды падают с ветвей сухие пушинки снега.

Она сразу теряет дыхание, и лесоруб с медным котелком догоняет ее.

Они идут рядом к дому господ, а за ними спешат все лесорубы из их барака.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В комнату входят лесорубы с разных участков, из разных бараков, бородатые и такие, чьих подбородков не касалась еще бритва. Их фланелевые и шерстяные рубахи пахнут холодом, и снег не тает на острых носках мягких кеньг. Все тепло ушло из комнаты через разбитое стекло.

Люди громко разговаривают, постукивает винтовкой часовой возле двери, за которой сидят пленные.

Коскинен окончил свое воззвание, он дышит на пальцы и деловито ставит свою подпись: «Уполномоченный комитета финской компартии Яхветти Коскинен».

И сразу встает. Он велит отворить дверь в комнату управляющего.

Жена управляющего успела уже приодеться и, слегка подведя глаза и наметив тонкой полоской кармина губы, чувствует себя неуязвимой и обиженно спрашивает:

— Ну-с, какие еще новости, господа?

Коскиен словно не слышит ее слов.

— У вас, наверно, есть пишущая машинка, и вы умеете на ней работать. Так вот, приказываю вам немедленно перепечатать это воззвание!

Голос его строг.

Через минуту бойкая дробь ремингтона рассыпается в комнате управляющего.

— Что ты делаешь?! — возмущается муж и через плечо пробегает глазами напечатанное:

«Мы, рабочие северных лесов, выражаем глубокое сочувствие товарищам, работающим в Советской Карелии и борющимся в рядах Красной Армии. Мы призываем всех классово сознательных товарищей войти в наши ряды, примкнуть к Северному красному партизанскому батальону и под руководством коммунистической партии организованной силой встать вместе с нами на борьбу против капиталистов».

— Господи, господи! Что ты печатаешь?! — вопит управляющий.

За стеной, в соседней комнатенке, слышен оживленный спор, похожий на перебранку.

Управляющий за стуком машинки отлично различает теперь голос этого молодого человека с таким нелепым галстуком, заведующего соседним участком лесозаготовок конкурирующей фирмы.

— Я специально приехал сюда, — сердито говорит он, — чтобы сказать, что здесь ведут глупую политику! Задерживать выплату жалованья, когда поступают такие выгодные заказы и скоро будут по дешевке карельские леса! Это чистейшее безумие. Ведь если у вас начнется забастовка, она в два счета может перекинуться к нам. Я хотел вас предупредить. Но не послушались. Вот вы теперь и влопались в историю. (Радость конкурента звенит в его голосе.) А я немедленно подниимаю на своем участке все расценки на десять процентов.

Другие голоса перебивают возмущенную речь гостя.

— К сожалению, дело не так просто, как думает этот молодчик, — говорит управляющий. — Да, дело серьезное... Проклятие, где эти шюцкоровцы? Они

всегда гуляют, когда должны быть на месте. Во сколько они уже обошлись акционерам? Да, дело серьезнее, чем думает этот молодой осел.

— Все в сборе! — докладывает Сунила Коскинену.

— Все в сборе? — быстро переспрашивает Коскинен, утомленные глаза его блестят.

— Около шестисот человек.

Народу действительно много; люди разговаривают, шумят, протягивают руки к разложенным перед домом кострам, прыгают с ноги на ногу, чтобы согреться.

С веселыми выкриками парни тащат огромные, синеватые на морозе бычьи туши, а другие из молоденькой сосенки строгают вертел.

Все разговоры, скрывающие нетерпеливое ожидание, доходят до Коскинена ровным, жужжащим гулом.

Нетерпение пронизывает и его, и он теряет сразу все собранные им и приведенные в порядок слова. И уже сам торопит Сунила — скорей! И выходит из дома.

Его сразу охватывает мороз, забирается в легкие, щиплет за уши. Говор делается приглушеннее.

— Сюда, сюда!

Коскинену помогают взобраться на огромный ящик.

Он слышит треск разгорающихся костров, видит, как блестят внимательные глаза; он смотрит под ноги, на дощатый помост импровизированной трибуны, и улыбается: он стоит на ящике с американским, гуверовским салом. И слышит свои слова, как будто кто-то другой, рядом, произносит их:

— Товарищи рабочие, лесорубы, вальщики, возчики! Товарищи!

На него устремлены сотни глаз, его внимательно слушают сотни лесорубов. Воздух как будто стал теплее, и глаза заулыбались.

— ...Я говорю как член финской коммунистической партии и уполномоченный ее комитета. Мы отдали себя целиком революционной работе...

«Это про меня тоже», — с гордостью думает Лундстрем. Только вчера в эти часы он шел рядом с панкорегами, конвоируя до блеска начищенное оружие, которое сейчас будут раздавать.

— ... Положение в Суоми таково, что каждый рабочий должен сейчас же решить для себя: будет ли он бороться за интересы капиталистов, против своих товарищей, или единым фронтом против капиталистов? ..

«Зачем он спрашивает? Разве рабочий может выбирать?» — думает Унха-солдат; он чувствует револьвер в кармане, и это ощущение усиливает уверенность в победе. Он хочет крикнуть: «Мы уже выбрали!» — но слова не срываются с мерзнущих губ. Он слышит:

— ...Капиталисты всех стран готовят общий поход против Советской России! .. Они поджигают войну... А мы, финские рабочие, за мир! Весь народ за мир. Он нужен нашей Суоми!

Уиха думает:

«В России нет капулеттов, там нет акционеров».

И сосед его слушает и спрашивает шепотом Унха:

— Правда, что в России прогнали помещиков и фабрикантов?

Но тот поводит плечом: не мешай, мол, слушать.

— ...Мы связаны крепкими нитями с борющимися пролетариями России. Мы хотим на деле доказать свою солидарность, и мы говорим: «Руки прочь от Советской Карелии!»

«Хороши кеньги!» — думает один из лесорубов. Он сменил только что мешки с ног своих на кеньги, взятые у шюцкоровцев, и теперь, поскрипывая ими, переступает с ноги на ногу.

— Финские капиталисты вооружают бандитские отряды и посылают их на территорию Советской Карелии — и это уже война! ..

— Тише! — крикнул кто-то в задних рядах.

Но и так слышно было, как трещат поленья в кострах, как шипит поджариваемое мясо. Дыхание ровными дымками рвалось вверх.

— Они убили министра Ритавури, который был против войны. Они заставляют правительство проводить подготовку войны. Здесь и в ближайших деревнях уже учтены люди и лошади. Не сегодня-завтра должна и сюда нагрянуть мобилизация...

— К черту мобилизацию! — кричит Уиха.

— ...А если война возникнет, если мобилизационный аппарат лахтарей заработает и шюцкоровцы будут за нами следить, а мы будем разрознены, то мы не сможем тогда сопротивляться. Товарищи! Настало время действия! Товарищи! Мы не возьмем в руки оружие, которое нам дадут, чтобы мы воевали против русских и карельских товарищей, но мы возьмем в руки оружие, чтобы не допустить войны!

— Правильно! Тише!

Инари не сводит глаз с говорящего Коскинена.

«Вот это человек, — думает он. — Как бы я был счастлив, если бы вносил в наше дело хоть десятую долю того, что дает Коскинен!»

— Мы выкопали то оружие, которое зарыто было нашими братьями красногвардейцами весной восемнадцатого года.

«Это он говорит о нас».

Инари находит в толпе, среди сотен глаз, глаза Лундстрема. Они, понимая, в чем дело, весело перемигиваются.

— ...Мы повернем это оружие против белобандитов!..

Унха-солдат ощупывает с уважением свой револьвер.

— ...Вы, рабочие, плохо накормлены и плохо одеты. Здесь мы забрали склады акционерного общества, склады, полные товара. (Тише!) Мы их конфискуем и раздадим товары нуждающимся. (Правильно!)

«Кто же заплатит за меня недоимки? Почему так давно нет из дому писем?» — упрямо думает возчик.

— У меня нет целых кеньг!

— Давно, давно бы так!

— ...Частной собственности не тронем. Не допустим никаких беспорядков.

— Правильно!

— Верно!

Инари торжествующе оглядывается и внезапно замирает. Он увидел в толпе Хильду. Глаза их встретились. Хильда здесь! Как хорошо! Какой счастливый день ему дано пережить!

— Вот ты можешь и совсем не платить недои-

мок, — весело говорнт Каллио возчику н хлопает его по плечу.

Мысль о такой возможностн внезапно озаряет возчнка. Как это? Можно лн? Первый раз в жизни прншла к нему эта мысль, н он потрясен ее новизной н простотой.

«Как это? Да, правда, ведь можно не платить недоимкн, а дальше... ленсман... Нет!»

— ...Никого не прннуждаем нттн с нами. Кто хочет добровольно нттн, пусть заявнт об этом. Там происходит запись...

Коскинен показывает на дом господ, а Каллио видит — на крыльце дома стоит Сунила с листамн чистой бумаги в руках. Каллио вндит — яркокрасная куртка пробирается к крыльцу. Ему делается смешно, и он вслух смеется.

— Вот это повезло! Суннла, оказывается, тоже здесь. И как это мы раньше не встретились? Вот это молодец, я понимаю, он хочет записаться первым! — И Каллио поднимает руку вверх, машет товарищу и крнчит: — Эй, Сунила, Инари тоже здесь!

— Тише, тише, черт! — кто-то толкает его в спнну.

А голос Коскинена попрежнему звенит в морозном воздухе ясного февральского утра:

— ...Товары, лошадн, касса акционерного общества с этой минуты наши. Большннство лесорубов после зимней работы еще находится в долгу у акционерного общества. Но есть н такие, кому акционеры должны. Обычных расчетов мы производнть не будем. Каждому вальщику будет выплачено сто пятьдесят марок, каждому возчику — триста пятьдесят...

— Хорошо!.. Так... Хорошо, хорошо!.. Верно!..

Гул одобрения катнтся над толпой.

Олавн возится, распоряжаясь укладкой ящнков с американским салом. Он занят подсчетом пил, топоров, кеньг, теплых рубах, пакетнков кофе. Потом еще надо взглянуть, как работает десятннк, которому он приказал составнть ведомости на выплату жалованья. Сани с оружнем он уже передал Лундстрему.

Какая досада, он не слышит, что говорит Коскинен! Но дел так много! И на складе так много добра!

Он входит в комнату к арестованному десятнику. В этой комнате сидит человек в пиджаке и с галстуком; говорят, что это управляющий соседнего пункта. Этот человек раскрыл форточку и старается услышать, что на дворе говорит Коскинен.

Олави некогда, он выходит из комнаты; часовой запирает ее на ключ.

Управляющий соседнего пункта задумался. Нет, это серьезнее, чем он думал. Пожалуй, никакой выгоды для его компании не будет от этой забастовки...

— Да закройте вы, наконец, форточку, пальцы мерзнут! — возмущается десятник и продолжает писать ведомость.

Форточка захлопнута. За стеною слышна дробь ремингтона.

Каллио первым подходит в комнате к столу, за которым сидит Сунила, чтобы записаться в отряд. А насчет слушания речей он не мастак. Он сразу и так понял, в чем дело.

— Твоя куртка может пригодиться: хороший из нее выйдет красный флаг, — говорит он, обращаясь к Сунила.

Коскинен махнул рукой и с расстановкой заключает свою речь:

— ...Те, кто придет к нам, пусть знают, что приходят к дисциплинированным людям. Командиров не выбираем, они назначены партией. Теперь вы знаете все и делайте выбор, к кому хотите примкнуть.

Он не успел еще спрыгнуть с ящика, как вокруг заговорили, зашумели, захлопали.

Так вот какая была на этот раз забастовка!..

Инари показалось, что Коскинен плохо окончил свою речь. «К кому хотите примкнуть»?

Да разве надо было спрашивать? Разве, в конце концов, это вопрос? Ведь каждый решил его для себя, наверно, давно.

Нет, он, Инари, помнил речи на фронте!

Два мира стоят друг против друга.

Он сумеет дополнить, сказать все, что надо.

Мы победим!

Волнение захлестывает его, у него замирает сердце, он вскакивает на ящик н видит устремленные на себя взгляды. Он радуется, и сразу волнение подступает к горлу, н он не может сказать ни одного слова.

Он знает все, что хочет сказать, и не может сказать ни слова, а лесорубы ждут. Тогда он начинает разматывать красный шарф со своей шеи и кричит громким, долетающим до самых отдаленных групп голосом:

— Товарищн! Товарнщи! Все, что говорил сейчас товарнщ Коскинен, уполномоченный нашей партии (н когда Инари произносит слово «партия», гордость звучнт в его голосе), — верно. Мы, лесорубы, готовы за эту правду жить, драться и, если надо, умереть! И да здравствует Советская Россия и пролетарская солидарность во всем мире! Не позволим лахтарям лезть в свободную Карелию!

И он машет красным своим шарфом и слышит крики:

— Ура! Хорошо!

Он замечает среди других Каллио и машет ему рукой: «Дай винтовку!» И вот винтовка уже быстро идет по рукам к Инари.

Инари на блестящнй при ярком свете солнечного морозного утра штык повязывает свой шерстяной красный шарф. Он слышит крики одобрения и вдруг снова замечает в толпе Хильду.

Бродячий купец Ялмарсон, затесавшийся в толпу лесорубов, смотрит на дом и видит — выстроилась длинная очередь у дверей комнаты, где Сунила ведет запись в отряд.

Из комнаты лесорубы выходят уже с винтовками.

Револьверы получат только командиры.

Ялмарсон смотрит на очередь, на выходящих из дома вооруженных н злобно плюет на утоптанный снег.

— Добровольцы!

— Нет, ты подумай, — говорит молодой лесоруб Хильде, — я так слушал, что даже не заметил, как замерзло у меня ухо.

Хильда захватывает горсть снега и начинает оттирать его побелевшие уши.

— У тебя тоже побелел нос, — говорит он и хватает снег.

— Постой!

Она перестает смеяться. К ией подходит Инари и говорит:

— Хильда, иайди меня через час, мне иужно тебе многое сказать.

И он проходит дальше, потому что он занят. Он иазначен командиром головиого отряда и должеи принять свой отряд.

— Что ты хочешь сказать, Инари? — уже вдогонку спрашивает Хильда.

Он оборачивается, глаза их встречаются, и вся жизнь для них останавливается. Так они постояли мииутку. Потом Инари повернулся и ушел в комнату, а оиа осталась стоять на морозе, и глаза ее сами ответили иа так и невысказанный вопрос Инари.

— Так ты, зиачит, раньше знала этого парня? — ревииво спросил молодой лесоруб.

— Да!

Он поиял, что спрашивать дальше бесполезио, и пошел к костру, где на вертеле поджаривалась говядина. Мясо было почти готово.

Уже шла выдача деиег по ведомостям; тут же каждый получал два кило сала и полбуханки хлеба.

Лундстрем стоял подле стола, рядом с кассиром, когда к раздатчику подошла Хильда.

Это было занятно — Хильда со штыком. Луидстрем поздоровался с ней, как будто только вчера вечером оии виделись.

Когда оиа уходила, бережио держа в руках полученный паек и деиьги, ои долго следил за иею, но оиа исчезла, потерявшись в толпе.

— Нам все равно нечего будет здесь делать, работа ведь прекратится, — говорят те, кто ие записался в батальон.

— Тогда пойдем вместе, сразу же вслед за отрядом.

— Батальон, стройся! — гремит команда.

Комаидует Инари:

— В две шеренги!.. Мы разобьемся на роты, а затем закусим; потом несколько часов военной учебы. Вечером уходим, — говорит он, обращаясь к Олави.

Олави утвердительно кивает головой. Он помнит. Он сам был в бане, где вырабатывался план.

— Да здравствует красный партизанский батальон лесорубов Похьяла!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Позвякивая медным котелком, Анти шел не торопясь и опоздал на собрание.

Еще не доходя до господского дома, он узнал у Сунила, своего знакомца по бараку, что собрание заканчивается. Сунила не стал долго разговаривать с Анти, потому что торопился. Ему было поручено доставить обращение к лесорубам, составленное Коскиненом, на соседние лесоразработки конкурирующей фирмы «Итеборг». Он спешил.

Когда Анти подошел к дому господ, перед домом на утоптанном, плотном снегу стояла большая шеренга — по два человека в ряд.

Список читал Лундстрем. Рядом с ним стоял Коскинен.

На правом фланге был Инари.

— Эй, Котелок, становись в строй! — крикнула ему Хильда.

— А кто здесь — белые или красные? Я к белым не хочу!

— Становись, говорят!

И Анти стал в ряд. Но сначала он снял лыжи и аккуратно прислонил их к сосне.

«Как в восемнадцатом году», — весело вспомнилось ему.

Уже разбивка кончилась.

Медный Котелок — Анти — попал в первую роту. Командовал первой, самой маленькой и передовой ротой Инари. Здесь были собраны люди, бывавшие в боях. Рыжебородый возчик, пришедший с Коскиненом, стал командиром второй роты.

Всего же было оргаиизоваио три роты.

Уиха был правой рукой, первым взводным Иари. В первый же взвод попали и Каллио с Суиила. Оии были довольны.

Но дальше пошло обучение военным приемам. Это было трудиее.

Инари и Унха-солдат, собрав около костров своих ребят, объясняли им взаимодействие частей и устройство винтовки.

Олави командовал обозом, и ему надо было распорядиться, чтобы сначала шли акционерные лошади, а потом частные; иадо было выяснить, сколько жеищии может передвигаться пешком.

Лундстрем должеи был иаходиться все время при Коскинене.

— Эй, Унха, у меня затвор ие открывается, примерз, должио быть! — волиуется Суиила.

— Да как же у тебя затвор откроется, когда ты рукоять не повернул?! — вспыхивает Уиха. — Ведь я уже показывал: нужно поднять рукоять и потом только отводить ее иа себя.

Анти набирает сиега в котелок и ставит иа костер.

После завтрака снова учение.

Около самого господского дома лопарь замедляет ход своего оленя, и нарты круто остаиавливаются. С них скатывается жирный, чисто выбритый человечек с двумя огромными, туго набитыми портфелями.

Что это за необычное оживление на площадке перед домом? Почему разложены в беспорядке костры и ящики с салом посреди площадки, на утоптаниом снегу? Может быть, он не туда попал? Но двое его уже узнали. Они бегут к крыльцу. Навстречу ему из дома выходит Коскинеи.

— Да ведь это разъездной кассир!

Он привез деньги для выплаты заработка, не полностью, правда, всего лишь за две недели.

— А где управляющий? — спрашивает кассир.

— Старый арестоваи, новый — вот он: я.

И с этими словами Коскинен вытаскивает из-за пазухи револьвер.

— Господа, караул, господа, грабят! — кричит изо всех сил кассир.

Олеиь поводит ушами. Лопарь равнодушио смотрит на иеожиданную картину. Кассир, очевидио, ожидает помощи — ведь это ие глухой переулок. Здесь, у костров, ведь больше сотни людей. Его ошарашивает громкий смех.

Он оглядывается. Совсем вплотиую подходит к нему Лундстрем и спрашивает у Коскинена:

— Товарищ начальник, куда иести деньги?

Тогда кассир понимает, что все пропало, зажимает подмышками тугие портфели и уже настойчивым шепотом не то спрашивает, не то умоляет:

— Вы мне дадите расписку?

— Это, конечио, можно. Сколько здесь?

— Сто пятьдесят тысяч марок, — лепечет кассир.

— Расписку получишь через час. Запри его с другими, — приказывает Коскинеи Лундстрему и кричит: — Задержите его скорей!

Лопарь вскочил на иарты и ударил оленя.

— Стой! Будем стрелять!

Лопарь останавливается и покорно поворачивает нарты.

— Не надо меия стрелять. У меня марок нет. У меия пенни иет. Один только олеиь.

— Не нужиы иам твои деньги и твой олень. Только ты ие смеешь выехать отсюда раиьше иас. Уедешь завтра утром. Понял?

Лопарь молчит. Ои ничего не понял, ему страшио, что отиимут его сокровище, его оленя. К иему подходит Ялмарсои и что-то шепчет. Лопарь, ие произиося ии слова, отходит от него.

Когда Аити, пообедав, чистит свой медный котелок и разговаривает с другими ребятами, к ним подходит Ялмарсои.

— Неужели вы, ребята, пойдете куда-иибудь отсюда в такую холодину? Ведь замерзиете по дороге.

— Брось шутить, купчина, — смеется Каллио. — Всюду, где есть дерево и спички, нам будет жарко.

— Когда явится полиция, плохо придется вожакам, — продолжал свое Ялмарсон. — Ведь это же был форменный грабеж, с кассиром-то!

— Что грабеж?! — изумляется Каллио. — Это мы получили свой заработок за две недели. А нам причитается больше чем за месяц.

— Ты забыл про наши долги, — вступает в беседу Сара.

— Вот-вот! — обрадовался Ялмарсон. — И потом я твердо убежден, что наша социал-демократическая партия будет категорически против такого бессмысленного действия.

Ялмарсон не заметил, что, обходя костры, Коскинен подошел к ним.

— Какая социал-демократическая партия против?— взорвался он, услышав слова торговца. — Партия Носке? Которая допустила, чтобы кайзеровский сапог растоптал нашу революцию и уничтожил десятки тысяч наших товарищей? Или, может быть, наша, финская, та, которая теперь принимает парады шюцкора, та, которая одобряет расстрелы рабочих? Та, которая помогает лахтарям драться против Советской Социалистической Республики? Под Новый год наш ЦК предложил создать единый фронт для борьбы за мир, против войны. И пятого января центральное правление социал-демократии, не считаясь с волей рядовых рабочих, отклонило наше предложение. А Таннер выступил с очередной клеветой на нас и на наших русских товарищей. Да что у нас общего с такой партией?!

Бродячий торговец смутился, медленно вытащил из кармана огромный красный с крапинками носовой платок, аккуратно сложенный, и стал бережно его раскрывать.

— Однако и мы имеем тоже заслуги перед рабочим классом, — сказал он.

— Да, имеете заслуги, только перед лахтарями, а не перед рабочими, — ответил Коскинен, и все вокруг засмеялись.

— Лучше арестовать его, к чертям собачьим, товарищ начальник, — весело сказал Каллио.

— Не стоит! Теперь он сам будет молчать, когда увидел, что лесорубы знают ему цену, — усмехнулся в подстриженные усы Коскинен.

Он направился дальше, к другим кострам и другим лесорубам. Рядом пошел Анти с неразлучным своим котелком.

Всюду толпились люди, деловито и громко разговаривая, и они были совсем такие же, как и вчера, и все-таки непохожие. Не то разговор их стал громче, не то они как-то выпрямились и стали стройнее и глаза их утратили обычное равнодушие. Они почувствовали себя хозяевами своей судьбы, своей жизни.

Когда потом Каллио пытался припомнить все то, что произошло в эти несколько отчаянно холодных дней февраля, он говорил:

— Нет ничего на свете лучше лесного шума. Как шумит лес! Ну, так вот, все эти дни были похожи на самый хороший лесной шум. Словно, не переставая, лес шумел в наших сердцах.

Полутемная комната была полна народу. Обеденный стол пододвинут вплотную к стене. У стола сидел Коскинен и о чем-то говорил с Олави, Лундстремом и рыжебородым лесорубом. Лундстрем просил всех выйти из комнаты, очистить комнату для короткого совещания штаба.

«Ах, так! — со все усиливающейся горечью подумал Анти, и медный котелок звякнул у него за плечами. — Ах, так! Заседают отдельно от всех, уже начальники появились, а порядка нет. Лыжи у меня кто-то взял без спросу. Знаем!» И направился прямо к Коскинену.

Лундстрем отворил дверь в комнату, где сидели арестованные. Инари ввел под руки лесоруба к арестованным.

— Встаньте с кровати, — приказал он десятнику Курки.

Тот нехотя поднялся. Инари уложил на нее лесоруба.

— Так вот, херра Курки, этого больного товарища, на место которого вы меня взяли, мы оставляем здесь.

Он уже поправляется. И если с ним случится что-нибудь плохое или он не выздоровеет, отвечаете лично вы, херра Курки. Вы поняли все, что я вам говорю?

Курки утвердительно мотнул головой.

— Теперь вот возьмите обратно ваши драгоценные сигары, я курю только трубку, и, если позволит совесть, вы снова сможете продать их.

Он бросил на столик пачку сигар и, круто повернувшись, вышел из комнаты.

Подходя к столу, он услышал, как Коскинен говорил какому-то партизану (теперь Инари всех лесорубов, записавшихся в отряд, называл не иначе как красными партизанами):

— Что ж, разрешаю искать тебе лыжи по всему отряду. Найдешь — возьми себе. Только не очень грохочи.

Партизан этот, ничего не ответив начальнику, пошел к выходу.

В комнате было почти темно. Лампа коптила. Заснеженный пол был скользок, и тени на стенах и потолке тревожны.

— Ты ведешь первую роту свою передовым отрядом, Инари, и выводишь ее в десять вечера. Дорога на село Куолаярви — самая короткая. В два часа ночи выходит вторая рота, сразу же следом за ней все обозы с припасами, женщинами, слабыми и всеми, кто идет с нами, но не записался в батальон. Потом третья рота. Связь постоянная, двусторонняя. Ночевки — в деревнях по преимуществу, дозоры и часовые обязательны, — тихо, но уверенно говорил Коскинен.

— У меня большой обоз: тридцать казенных лошадей, остальные — возчиков.

— Добровольные?

— Да. Нескольких я мобилизовал, — это Олави говорит о порученном ему деле.

— Предупреди мобилизованных, что за все будет уплачено по рыночной цене!

Инари встает.

— Мне надо итти. Ведь скоро моей роте в дорогу.

— Что ж, доброго пути, — и с неожиданной ласковостью Коскинен протягивает руку Инари. — Доброго пути, товарищи!

На пороге Инари оборачивается:

— Я бы все-таки десятников, Ялмарсона и управляющего расстрелял к чертовой матери. Вспомни, как эта сволочь с нашими ребятами расправлялась в восемнадцатом. Коскинен, вспомни: в восемнадцатом году мы были мягки с лахтарями. Вспомни: мы потом признали это своей ошибкой.

Коскинен встал. В полутьме зимнего вечера он, казалось, стал выше.

— Инари, иди к своей роте и... знай — я подписывал письмо к товарищу Ленину третьего сентября в восемнадцатом году, я помню обо всех наших ошибках и не повторю их... Иди к своей роте, Инари, и предупреди партизан обо всем, что я сказал. Это относится и к тебе тоже.

Инари вышел, хлопнув дверью.

Звезды толпились на просторном, низком, черном небе.

«Отличный будет путь, — подумал он, — только бы Хильда в дороге не замерзла».

Лундстрем очнулся оттого, что его кто-то шлепнул по плечу. Он с трудом открыл глаза и долго не мог прийти в себя и понять, где он и что с ним происходит. Одно было ясно — что он сидит на табурете и лампа коптит. Потом он понял, что похлопывает его по плечу Олави. От Олави пахло морозом.

— Проснись! Обоз готов, время итти!

Откуда-то издалека долетал до него знакомый голос. Он вскочил и почувствовал, что ноги не держат. Как будто бы волна качнула его.

— Время выходить!

Он подошел к столу. На венском стуле, уронив голову на стол, молча сидел Коскинен.

«Я не должен был засыпать», — подумал Лундстрем и толкнул слегка Коскинена.

— Пора!

— Что? — вскочил с места Коскинен, как будто он и не спал, а только все время настороженно ждал этого прикосновения. Он вытащил из бокового кармана часы

на толстой, массивной серебряной цепочке и щелкнул крышкой. — Да, времени два часа. Я спал на десять минут больше, чем назначил себе.

Он спал сорок минут, впервые за сорок три часа.

Умывались они снегом. Для этого нужно было отойти подальше от крыльца. У крыльца снег обледенел.

Было отчаянно холодно, и кончики пальцев сразу же начало покалывать.

Площадку за домом обступал непроглядно темный лес. Отдельные столбы были неразличимы в этой сплошной мгле. И только около костров ночь отступала, но костры медленно потухали.

Лундстрем услышал хруст пережевываемого лошадьми овса и почувствовал запах лошадиного пота; его обдал теплый пар дыхания животных.

— Уже пошел обоз, — с удовлетворением сказал Коскинен, и первый раз Лундстрем услышал в его голосе ласковые нотки. — Живем, парень, отлично живем! Отлично! Вот бы на панко-реги теплую полость, тогда и на ходу часик можно было бы поспать, — радостно сказал Коскинен и опустил свою руку на плечо Лундстрему.

— Отлично живем, товарищ начальник! — почти крикнул тот и побежал обратно в дом господ.

Он пробежал неприбранную большую комнату и повернул ключ в замке. В комнате на огромной медвежьей полости спал управляющий со своей молодой женой. В углу у печи дремал, поблескивая широкой лысиной, Ялмарсон и храпел кассир, положив под голову опустошенные портфели.

— Вставайте, полость нужна начальнику, — разбудил их Лундстрем.

Сквозь черноту небес булавочными головками блестели звезды, и от снега ночь казалась еще темнее и от густой темноты холоднее. И в этой холодной тьме слышно было по скрипу полозьев, по приглушенному разговору людей, по редким движущимся уголькам трубок и сопению лошадей, как проходит мимо обоз.

— Ну, едем, что ли? — сказал Коскинен.

К ним в темноте подъехали розвальни. Лошадью правил незнакомый мужчина.

— Я кучер управляющего. Он приказал мне не оставлять нигде лошадь, — пробасил он.

— Ну и ладно, — весело сказал Лундстрем. — Лошадь управляющего, кучер управляющего, пусть будут матрац и одеяло тоже управляющего, — и он взвалил на розвальни теплую полость и оленьи шкуры.

Коскинен сел в розвальни, и уже на ходу вскочил в них Лундстрем. Покрываясь шкурами и сразу впадая в глубокий сон, он успел еще пробормотать:

— Отлично живем, товарищ Коскинен, лучше нельзя!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Они шли на юг по хрупкому насту с винтовками и небольшими узелками за плечами. Много ли у лесоруба имущества! Ветер швырял им в лицо пригоршни колкого снега.

Холодный вечер незаметно перешел в ночь.

Инари шел впереди других. Он пригибался, изо всех сил нажимал на палки, отталкивался, выпрямлялся и рывком выносился вперед.

Инари увлекало это ритмичное, непрерывное движение. Он слышал за собой горячее дыхание идущих на лыжах товарищей, шуршание и поскрипывание лыж.

Белые мохнатые хвойные лапы нависали над дорогой, задевали Инари. Он вздрагивал, оглядывался и видел, что ушел от товарищей далеко вперед. Он останавливался и нетерпеливо ждал, пока подтянутся остальные. И они подтягивались: и Унха-солдат, и Каллио, и другие.

Медный Котелок догнал их, когда они уже уходили с лесоразработок; только к вечеру удалось ему разыскать свои лыжи, в общей сутолоке захваченные в обоз. Здесь был еще молодой лесоруб и много других, знающих друг друга по именам.

И всех их подняло с места одно и то же чувство и объединила и направила одна воля. И если бы каждого из них в отдельности спросить: «Почему у тебя в руках очутилась винтовка, из которой ты и стрелять толком-то

не умеешь? Почему ты сейчас, вместо того чтобы спать в натопленном бараке, шагаешь неизвестно куда в эту морозную ночь?» — каждый ответил бы по-разному, у каждого, пожалуй, нашлись бы свои причины. Но все они знали, что иначе нельзя!

Через двадцать пять километров устроили короткий привал.

Холодная хвоя не хотела разгораться, от нее шел плотный дым.

— Ох, и устал я, ребята! — пожаловался Сара.

— Что ж, оставайся у костра, жди обоза, — посоветовал ему Инари.

Но Сара обиделся и замолк.

— Вот бери пример с Айно — она хоть женщина, а в строю идет.

Айно, стряпуха, действительно оставила своего трусоватого мужа с лошадью в обозе, а сама взялась за винтовку.

— Пусть не ругают нашу семью: один из нее с винтовкой.

Привал окончился, и снова они быстро пошли по узкой заметенной тропе на юг.

До первого небольшого селения оставалось двадцать километров. Они шли быстро, и время шло с ними рядом; они собирались достигнуть селения около рассвета.

Горячее дыхание ледышками оседало на их шарфах, и, хотя им было жарко, кончики ушей покалывало тысячью острых иголок.

Если бы Инари чаще оглядывался назад, если бы не забывал о том, что не всякий ходит на лыжах так же быстро, как он, то привел бы к деревне своих ребят не на таком выдохе, не такими ворчливыми, и, может быть, они пришли бы даже раньше. Не пришлось бы каждые пять километров подолгу стоять и поджидать растянувшуюся по снежной равнине вереницу.

Почти перед самой деревней Инари заметил пламя ракатулета.

У огня были лесорубы с соседних лесоразработок.

Их вел Сунила. Семнадцать человек. Отряды соединились.

Инари, взяв с собой Каллио, отправляется снова вперед.

Они взбираются на невысокий, занесенный снегом, поросший лесом холм. Вот темнеют разбросанные строения. И Каллио почему-то кажется, что они живые и движутся. Он протирает глаза. Чепуха, домики эти стоят, как стояли, как положено им от века...

— Спать очень хочется, — немного стыдясь непозволительной слабости, говорит Каллио.

— Через часок-другой отдохнем, — успокаивает его Инари.

Сам-то он не спит уже почти двое суток.

И, оттолкнувшись палками, он пошел вниз, к селению. В темноте снег обманчив, как при ярчайшем солнечном свете, когда теряют свои очертания все овраги, балки, выбоины и нанесенные на пенек пуховые снега сугробов. И тогда, если ты спокойно оттолкнулся и пошел по мягкому склону вниз, не миновать тебе неожиданностей. Легкая тень окажется глубокой канавой, через которую неожиданно пронесут тебя легкие лыжи; блеск луны на снегу покажется бугорком, с которого надо прыгнуть; берегись, постарайся устоять на ногах.

Инари и Каллио круто затормозили у самого въезда на улицу. Впрочем, только название было, что улица. Но здесь начинался телеграф. Они остановились, чтобы перевести дух и оглядеться. Затем совсем спокойно, как обыкновенные путники с севера, которые торопятся к навигации на Саймский канал, пошли по деревне, не обращая внимания на проснувшихся собак.

Вот они идут мимо лавочки и харчевни, куда всего несколько дней назад заходили Олави и Лундстрем со своим драгоценным грузом. Вот в окне почтового отделения погасла лампочка. Вот медлительно зажигаются уютные огоньки в обледеневших оконцах высоких бревенчатых северных изб.

К стенам прислонены высокие лыжи. Старожил, возвращаясь к себе домой, топчется на крыльце, стряхивая с кеньг снег, перед тем как взяться за дверное кольцо. Нежно блеют овцы в хлеву.

Вот идут по улице и степенно разговаривают между собой две высокие девушки. Ну как не поклониться им, таким красивым и приветливым!

Так прошли они через всю деревню, к другому ее концу.

От одного домика, ничем не отличавшегося по виду от других, начинали свой торжественный ход телеграфные столбы.

Метрах в полутораста за околицей Инари остановился у телеграфного столба. Столб пел свою заунывную тонкую песню.

— Дай топор, — попросил Инари, и Каллио вытащил из-за пояса свой топор.

Инари примерился и стал подрубать стоящую у самой дороги стройную высокую сосенку.

При температуре ниже тридцати градусов по Цельсию звук глохнет около самого топора.

Хоть бы краешком уха подслушать, какие летят телеграммы по телеграфному проводу: объявило ли уже правительство Суоми войну Советской России, какие дела на фронте, что слышно в Хельсинки и что говорят ребята на предприятиях? Но столб пел попрежнему только свою тонкую жалобную песенку.

Инари быстрыми ударами отделил от ствола тонкие смолистые ветки. Затем высоко поднял легкую сосенку над собой, раскачал и обрушил на тонкие нити проводов.

Провода, как паутина, разорвались и тугими, негнущимися кусками пошли книзу.

— Это от мороза, — сказал Каллио. — Мороз и железо рвет и на лету птицу бьет.

Телеграфная линия теперь кончилась на двадцать два километра южнее. Никто не мог дать знать военным властям о приближении красных партизан.

— Теперь иди и скажи Унха, что деревню можно занимать; пусть пошлет ко мне двух часовых.

Когда минут через пятнадцать к Инари подошли двое часовых, посланных Каллио, он сказал им:

— Приказываю вам следить, чтобы никто из селения без моего разрешения не вышел.

И, отдав распоряжение, он повернулся и пошел в деревню.

— Где снег, там н след, — сказал Сунила и вместе с другим лесорубом-партнзаном вступил в первый караул. — Не забудь прислать нам поскорее смену! — крикнул он уже вдогонку Инарн.

У домика почты его встретнл Унха н жестом приглаcнл внутрь.

Портрет Свинхувуда, изодранный штыком, валялся на полу.

Когда Инарн вошел в жарко натопленную комнату, где беспомощно стоял на столе телеграфный аппарат, духота сжала сердце. Он быстро, как будто боясь забыть, говорил Унха:

— Первое — не забудь послать смену часовым, второе — обыщи деревню н конфнскуй оружнё. Объяви крестьянам, торпарям, всем, у кого есть лошадн, что лошадн мобилизованы на перевозку грузов н фуража до следующей деревни за плату, справедлнвую, конечно, ну, н объяснн, разумеется, всем, кто мы такие н чего хотнм.

Это только самому Ииари так казалось, что он отдает быстрые н точные распоряжения. Унха же с трудом разбнрал медленную, заплетающуюся речь.

Часы глухо, откуда-то нздалека, пробилн шесть.

Дослушав до конца все распоряжения н не чувствуя ног от усталости, Унха спросил, сколько времени дается на привал, н, услышав в ответ: «Восемь!», отрапортовал по-военному.

Рапорта Инарн уже не слышал — он спал.

Унха вышел нз дома и, разбив партизан на смены, пошел выполнять приказы командира.

Он подошел к харчевне. Несколько вооруженных лесорубов его опереднли. Унха взял со столика неприхотливое меню.

А вот и хозяин. Он испуган неожиданным, небывалым нашествием вооруженных лесорубов. Надо сообщнть полиции, и он хватает трубку телефона и судорожно вертнт ручку. Ему нужен соседннй пункт. Ему нужен ленсман. Но чем быстрее вертит он ручку, тем веселее лицо Унха.

— Молодец, верти быстрее, сильнее верти, — может быть, дозвонишься до рая.

Тогда хозяин поннмает, что ему не дозвониться, что он смешон, и сразу изменяется в лице. Даже сама фигура, наклон корпуса уже не те, что секунду назад, уже дышат притворным доброжелательством.

— Пожалуйста, пожалуйста! — хлопочет он. — Вы говорите, лесорубы севера восстали? Такие мнзерные заработки невозможно дольше терпеть. Ведь ваши заработки н нас кормят. Это ударяет по нашему карману. Вот, может быть, война с Советской Россией немного подымет заработки...

Тут Унха уже не мог вытерпеть:

— К черту войну! Мы против войны, к черту войну!

Трактнрщнк на секунду опешил, но сейчас же опомнился:

— Да прнсаживайтесь, ребята, за столнки! Эй там, живей, живей несите кофе! — захлопотал он.

За перегородкой раздались невнятные шорохи.

— Мы будем спать здесь, у тебя в помещении, — распоряжается Унха. — Другую часть ребят надо устроить на почте, остальные сами найдут себе место в теплых крестьянских домах.

Земля торпарям и арендаторам без всякого выкупа — вот что услышат сегодня вечером торпари, батракн, малоземельные и маломощные. И сильнее забьются сердца. И еще услышат крестьяне, что надо готовить лошадей и сани для повстанцев — на перегон до другого села. Правда, ребята говорят, что это будет хорошо оплачено.

Инарн сладко спал, сидя на стуле, опустив голову на руки, безжизненно лежавшие на столе.

Около его ног складывали конфнскованное в деревне оружие. На груде лежали два ружья для охоты на медведей.

В комнату входили партнзаны, стучали, переставлялн столики, складывали оружие.

Каллно засыпает рядом с другими парнями, лежащнми вповалку на полу. Лампы горят вовсю. Сегодня ночью их жгут, не жалея керосина.

Инари спит, опершись на стол. Каллио вспоминает, как весною они вместе отправляли по реке бревна с лозунгами и как заливались тогда птицы. Он улыбается.

«Слава богу, я сразу всех своих товарищей нашел. Инари, и Сунила, и Олави — все они молодцы», — думает он и засыпает с блаженной усталой улыбкой.

Инари вздрогнул, посмотрел на круглые часы на стене. Часы явственно и хрипло пробили десять.

«Однако долго я спал, надо дать отдохнуть и Унха».

На столе перед ним лежат кольт, винтовка русского образца, старая берданка, один охотничий винчестер и кучка патронов.

«Неужели нашли так мало?» — изумился он.

На полу вповалку спали партизаны.

— Устали, — сказал Инари и вышел.

На крыльце он едва не столкнулся с Унха.

— Это все оружие?

— В деревне — да. Видишь ли, многих мужчин просто нет сейчас в деревне, они в лесу, на охоте и на разработках. Потом в километре отсюда, в стороне, усадьба Пертула. Там, наверно, есть оружие. Но пока ты спал, я не решался итти туда. Остальное все в порядке.

— Тогда иди сейчас же спать, через четыре часа мы выходим.

Инари разбудил Каллио и еще двух ребят. Они сразу вскочили.

Айно увязалась за ними.

— Ты бы отдохнула еще, ты ведь женщина.

— Женщине меньше спать надо.

И она пошла с ними. Темнота ночи, казалось, еще больше сгустилась. Но зато небо было ясное, звездное.

Не успели они оглянуться, как огромные хозяйские собаки окружили их густым лаем.

Они спокойно прошли через двор и, миновав пристройки, приблизились к усадьбе.

Пройдя две пустые, богато убранные комнаты, они вошли в большой светлый кабинет.

В качалке сидел, слегка покачиваясь, худой, остролицый, гладко выбритый и совершенно лысый старик. В мягком кресле против него сидела полная седеющая женщина, по всей видимости жена, и читала вслух какое-то письмо.

Чтение прервалось. Хозяин и хозяйка вопросительно поглядели на вошедших.

Инари резко отрубил:

— По приказанию начальника первого красного батальона партизан-лесорубов Похьяла мы произведем сейчас у вас конфискацию всего наличного оружия.

Недоумение не сходило с лиц хозяев.

— А где ленсман? Где ордер на это незаконное изъятие? Или, может быть, мы уже объявили войну русским и оружие нужно добровольцам? Тогда я сам с удовольствием подарю его, без конфискации.

— Плюю я на твоих добровольцев! — не мог сдержать своего гнева Инари.

Хозяйка засуетилась и, бестолково тараторя, стала снимать со стены старинное охотничье оружие. Выше висели ветвистые рога оленей и лосей.

Она взглянула на своего мужа. Тридцать лет прожила она с ним бок о бок, душа в душу, много пришлось ей увидеть от него и хорошего и плохого, но никогда до этой секунды она не могла бы себе даже в дурном сне представить, что у ее мужа, старика Пертула, может быть такое злое лицо, такое искривленное невыносимым презрением и ненавистью лицо.

— Давай настоящее, боевое оружие! — крикнул Каллио.

И хозяйка, виновато взглянув на мужа, затрусила в соседнюю комнату, в кабинет мужа, и, открыв широкий ящик письменного стола, вытащила из глубин его новенький, полированный браунинг и три обоймы. Она осторожно положила принесенное на край стола.

Инари дал знак партизанам, и они сгребли отобранное оружие в охапку. И чем больше волновалась и суетилась хозяйка, тем, казалось, спокойнее и злее становился хозяин. Длинные, костистые пальцы его как будто были впаяны в ручки качалки.

В это время в комнату вошел человек. По одежде и по манере держать себя сразу можно было в нем узнать батрака.

— Куда, херра, прикажете погнать оленей теперь? — вежливо кланяясь, обратился он к хозяину.

Но хозяин, казалось, стал глух и нем. Поэтому человек все так же вежливо, но уже с нотками недоумения в голосе повторил свой вопрос. Однако хозяин продолжал молчать.

— Сейчас здесь нет херра, нет хозяина, а есть революционные лесорубы, красные партизаны Похьяла. Вот он тебе и не отвечает, — объяснил странное поведение хозяина Каллио.

— Больше нет оружия? Мы сожжем усадьбу, если вы обманули нас, — громко говорил Инари.

— Нет, клянусь вам! — торопливо божилась хозяйка.

— Номер браунинга у меня записан! — прошипел старик.

— Не убивайте его! — взвизгнула хозяйка и повисла на Инари. — Честное слово, ей-богу, больше оружия нет, топоры только...

— А как же с оленями? — продолжал недоумевать пастух.

— Гони их, куда хочешь, хоть ко всем чертям, — разрешил Каллио, нагружаясь оружием.

— С каким удовольствием, ребята, я бы вам олений окорок запекла! — мечтательно сказала Айно. — С такой поджаренной, хрустящей корочкой, просто объядение!

Все вышли на улицу.

Солнце отражалось в каждой снежинке.

Восходящие к небу дымки казались желтыми. Из хлева вышел пожилой человек и спросил у Инари:

— Можно мне итти с вами?

— А ты кто?

— Батрак в усадьбе.

— Возьми расчет и иди.

Ему дали ружье помещика, и он встал в строй первой роты.

В деревне ребята пошли отогреваться по избам. На дворах крестьяне ладили сани и поили лошадей.

Инари решил сам проверить посты — последнюю смену перед выходом из деревни.

Он шел, прячась в тени домов и изгородей, чтобы перед часовыми предстать совсем неожиданно. Вдруг он услышал, как заскрипела и стукнула дверь рядом с почтовой конторой. Он остановился, прислушался, вгляделся. Было совсем темно. Инари с трудом разглядел движущуюся тень. Она сбежала с крыльца, нагнулась, надевая лыжи, и быстро пошла по дороге. Инари двинулся за нею, стараясь остаться незамеченным.

Теперь он видел, что это была женщина.

Незнакомка, миновав последние строения, свернула на дорогу, ведущую на юг.

«Зачем она ушла тайком из деревни в такую холодную ночь?»

Инари убыстрил шаги.

Было так морозно, что даже не скрипел снег.

Женщина торопливо идет по большой дороге. Инари издали следит за нею.

Вот она подходит к часовым и останавливается. Отлично! Дальше ей не пройти. Инари замедляет ход.

Между часовым и женщиной завязывается оживленный разговор. По интонациям и отдельным долетающим словам Инари кажется, что женщина о чем-то просит часовых.

Он еще замедляет свой шаг, но вдруг сразу отталкивается двумя палками и выносится на середину дороги. Он ускоряет шаг.

— Как вы смеете выпускать кого-нибудь из деревни?! — кричит он полным голосом, проносясь мимо вздрогнувших от его неожиданного появления и окрика часовых. — Остановись! — кричит он.

Но женщина не хочет останавливаться, она надеется на свое умение бегать на лыжах, на непроницаемость зимней темноты, она ускоряет бег.

— Один за мной! — сердито кричит Инари часовым.

Один из часовых срывается с места и идет вслед за своим командиром.

— Остановись, женщина! — еще раз кричит Инари. — Стрелять буду!

Он с силой отталкивается палками, набирает в легкие воздуху и рвется вперед. Неужели он позволит обогнать себя?

Часовой остановился. Сорвал из-за плеча винтовку. Приложился.

Темноту разорвал желтый огонь выстрела. Один. Другой.

Женщина замедлила шаги и через секунду-другую совсем остановилась.

— Могла бы и дальше бежать, дура, — выругался подскочивший к ней Инари, — все равно настиг бы!

Затем он сразу перешел на официальный тон:

— Куда вы, сударыня, изволите уходить ночью из деревни?

— В соседнее село.

— Зачем вы идете туда поздно ночью?

— Чтобы прийти засветло.

Зачем же ей понадобилось итти в соседнее село?

Нет, пожалуйста, пусть повернет лыжи обратно. Она в соседнее село раньше чем послезавтра не выйдет. У нее там срочно заболел отец? Она об этом узнала по телефону, за полчаса перед тем, как они разорвали телефонное и телеграфное сообщение? Она знает, что это именно они прервали сообщение? Почему она не остановилась на его окрик? Думала, это шутка? Чем она занимается? Здешний почтовый агент?

— Дорогая моя, я ручаюсь вам, что папаша ваш умрет, не повидавшись с вами, если вы не будете выполнять наши распоряжения!

Инари приказал одному из часовых немедленно отвести барышню и запереть ее до отхода первой роты в чулан при харчевне.

Когда конвоир увел арестованную, Инари обрушился на часового:

— Какое право имел ты нарушить приказ и выпустить из деревни человека?

— Это женщина, товарищ Инари.

— Хоть бы сам бог. Ты должен был задержать его и доставить ко мне.

— Но у нее умирает отец, и она так жалобно просила, чтобы мы ее отпустили!

— Ты нарушил точный приказ. Ты первый раз в руки взял оружие?

— Первый, товарищ командир.

— Тогда слушай. На первый раз неисполнение приказа прощаю. В следующий раз расстреляю. Записываясь в отряд, ты знал о нашей дисциплине.

И Инари пошел по дороге в деревню. Потом он вернулся и подошел к часовому.

— Больше никого не выпускали из деревни?

— Нет, товарищ командир.

— Ну, так знайте: эта стерва состоит в «Лотта Свард». Она подняла бы тревогу в селе среди шюцкоровцев и гарнизона. Они устроили бы на дороге засаду, и мы попали бы в настоящий капкан. Нас могли бы перестрелять, как куропаток, из-за этой девчонки. Пень, вот кто ты!

Молодая почтарша чувствовала себя в кладовке харчевни очень неважно. Правда, было тепло, но темнота — хоть глаз выколи, и прилечь не на что, одни некрашеные доски пола.

Она злобно ощупала в темноте на груди эмалированный значок своей организации. Надо же было ей нацепить его перед выходом из дому! Если бы не было этого значка, возможно, что этот, третий тоже пропустил бы ее. Она великолепно видела, какими глазами он смотрел на этот значок.

А ей уже казалось, что слава великой патриотки, героини Суоми, осенила ее. И вместо этого быть так глупо запертой в чулане, вместе с мешком соли, с сахаром, кофе, мукою и крысами!

— Господи, сделай так, чтобы здесь не было крыс! — шепотом молилась она.

Интересно, сколько времени они продержат ее в этом чулане? Поручик Лалука, наверно, вскоре узнает про этот бунт, явится сюда, восстановит порядок и выпустит ее на волю. И она будет тогда героиней. Эти красные лесорубы, наверно, обыскивают сейчас ее квартиру. Что они там могут найти?

Только бы, не дай господи, не дорвались они до ее коллекции марок! Ведь эти лесорубы не в состоянии понять всей ценности того, что собиралось с таким трудом и рвением. Особенно эти уникумы — медведь, идущий на задних лапах на фоне северного сияния, — карельские марки. Разных достоинств и разных цветов. Вот они идут, эти разноцветные медведи, на задних лапах по снегу, над ними горит северное сияние...

— Нэйти, можете итти на службу, — разбудил ее незнакомый женский голос.

Она открыла глаза. В небольшую дверь проникал серый, утренний свет. Она почувствовала всем своим телом жесткость прямых некрашеных досок пола, почувствовала, что ей жарко, что спала не раздевшись, и, сразу все припомнив, вскочила на ноги.

Итти на службу? Значит, это нелепое наваждение сгинуло? Если бы она не находилась сейчас в этой тесной и темной конуре, можно было бы все случившееся считать дурным сном. Итак, начался новый день. Она пойдет на службу, и все объяснится.

Нэйти вышла из каморки в комнату харчевни, и сразу ей стало ясно, что дурной сон продолжается.

На табурете у стола, зажав между колен винтовку, сидел пожилой лесоруб. Та женщина, которая ее сейчас разбудила и выпустила, тоже была вооружена винтовкой. На полу в углу лежало аккуратно сложенное конфискованное оружие.

Сара устал больше других, и поэтому Инари оставил его вместе с Айно в домике телеграфиста, поручив захваченное оружие передать начальнику снабжения Олави.

Сара должен был также передать Коскинену записку с торопливым докладом, неразборчиво нацарапанным Инари, обо всем, что случилось в первой роте. Он писал, что дела идут отлично и перед деревней Куолаярви он остановит роту и будет ждать распоряжений командира. В Куолаярви ведь был расквартирован большой гарнизон.

Сара остался, гордый выпавшим на его долю поручением. Он чувствовал себя в эти дни человеком го-

раздо более важным, чем когда бы то нн было. И, как это нн странно, ему казалось, что он больше знает, больше умеет, чем всегда, больше значнт. Да вот, напрнмер, сейчас ему поручено — и по заслугам — охранять ценное отобранное оружне. Он должен передать начальннку секретное пнсьмо от всех смелых людей севера.

«Ты не ошнбся, товарнщ Инарн, старый Сара порученне выполннт!»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Через три часа в деревню вошли головные лыжники второй роты партнзан.

Первая рота в это время, после прнвала в лесу, подходнла уже к хуторам.

День выдался серый. Скрывавшне солнце кучевые облака снзыми тенямн плылн над оснеженнымн лесамн.

Около самых хуторов партнзанам встретилнсь сани. Седок погонял свою малорослую снльную кобылку, и она бойко бежала по дороге; залнхватски залнвалнсь бубенцы: смотрнте, мол, кто едет!

— Стой! — загороднлн партнзаны дорогу.

Седок, недоумевая, остановнл кобылку.

— А ну, слезай, — сказал Инарн.

Где встречал он этого человека? Он встречал его совсем еще недавно и вот сейчас не мог вспомннть нн временн, нн места.

Вылезая, седок взглянул на Инари и тоже как будто что-то прнпомннл.

— Фамнлня? — спроснл Инарн.

Но фамнлня ннчего не сказала ему.

— По какому праву вы задержнваете меня н обыскиваете? — начал кипятнться седок.

Из кармана теплого полушубка Каллно выудил большой потертый браунннг.

Оглядевшнсь и увндев вокруг себя однхх только вооруженных лесорубов, седок угрюмо замолчал.

— Чем занимаешься? Куда едешь?

Он решнтельно не хотел отвечать.

— Тогда обыщи его, Суннла, — прнказал Инарн, — Посмотрнм, какие прн нем бумаги.

Суннла нашел во внутреннем кармане полушубка два большнх казенных конверта с круглымн сургучнымн печатямн, но еще прежде, чем Суннла отдал нх, Инарн, взглянув на казенные печатн, хлопнул себя ладонью по лбу и весело сказал:

— Здравствуйте, господин ленсман!

Он вспомнил: этот ленсман арестовал его вместе с Олавн на озере. Этот ленсман тащил их, как самогонщнков, на суд. А бедняга Лундстрем в это время чуть совсем не погнб.

— Здравствуйте, господин ленсман!

Ленсман, одетый сейчас не по форме, вздрогнул и, стараясь припомнить, где они встречались, не отвечая на прнветствне, испытующе поглядел прямо в глаза Инарн: что он знает еще?

— Вот мы н поменялнсь местами. Теперь, извиннте, не вы меня, а я вас арестую. Можете своимн глазамн убеднться, что я не самогонщнк.

Теперь и сам ленсман припомннл н свой осеннні поход по болотам, н то, как скрылнсь из-под самых рук правосудия эти ребята, протнв которых, правда, не было прямых улнк.

Инарн взял нз рук Суннла оба конверта. На одном печати былн уже взломаны, н он был вскрыт.

Это было совершенно секретное сообщение о том, что в Похьяла в связи с общим положеннем и с деятельностью социалнстической рабочей партии возможно появленне опасных смутьянов, агитаторов «руссят». Этнх агнтаторов нужно, прн поддержке «местных патрнотнческих органнзаций и шюцкора», прн первом же подозреннн арестовывать и немедленно препровождать в указанные пункты.

— Вот возьми и препроводи нас, — усмехнулся Инарн, — мы все агитаторы.

Сунила, схватив лошадь за удила, хотел повернуть сани. Кобыла коснлась, поводила ушами и не слушалась чужого человека.

— А ну, поверни ее, поедешь назад, — приказал Унха.

И ленсман, не споря, повернул сани.

Второй пакет не был еще распечатан. Адресован он был тоже ленсману, но печатей на нем было больше, и они казались очень внушительными.

Инари задумался над конвертом. Каллиграфической вязью с двумя синими подчерками шла строка: «Совершенно секретно».

Пожалуй, лучше пусть вскрывает государственные печати и первым читает письмо уполномоченный комитета товарищ Коскинен. Инари положил нераспечатанный конверт себе за пазуху.

— Стройся! — громко крикнул Унха-солдат, помощник Инари.

И отряд тронулся вперед.

Посредине шли сани, захваченные у ленсмана и трактирщика. Уставшие в пути партизаны вскакивали в них на ходу и по очереди отдыхали.

Впереди отряда шли два разведчика. Один из них только что вернулся и тяжело дышал.

— Товарищ командир, мы заметили в полукилометре от хуторов четырех солдат. Эти солдаты идут по дороге сюда.

— Вооружены?

— Да.

Инари отбирает девять партизан и сам идет десятым. Он ведет их вперед. Остальные на месте должны подождать распоряжений.

Инари идет впереди, подходит ко второму разведчику.

— Солдаты совсем близко, они за поворотом.

Инари отдает распоряжение уйти всем с дороги и спрятаться за деревьями.

Из-за поворота выходят четыре солдата. Они идут медленно по краю дороги и все время смотрят вверх.

Один из них на ходу постучал по телеграфному столбу.

Оказывается, в Куолаярви обеспокоены перерывом телеграфной и телефонной связи. И лейтенант распоря-

дился выслать четырех пограничников-егерей вдоль телеграфной линии — узнать, в каком месте разорван провод, и произвести летучий ремонт. И вот они, ругая последними словами и снег, и мороз, и провода, и лейтенанта, идут по большаку, пропуская мимо себя частокол телеграфных столбов.

И вдруг перед ними вырастает лесоруб (по браунингу в каждой руке) и кричит:

— Руки вверх!

И не успевают они еще опомниться, как он продолжает команду:

— Товарищи партизаны, держите их на мушке!

И совсем близко щелкают затворы, и из-за ближних толстых стволов высовываются дула винтовок.

Сколько их? Раздумывать тут, конечно, нечего, и трн егеря поднимают руки вверх.

За спинами у них из походных ранцев смешно торчит их ремонтный инструмент.

Четвертый замешкался и открыл сумку, висевшую у пояса.

Инари подскочил к нему и поднес к самому носу револьвер.

— Руки вверх!

Егерь испуганно отшатнулся от блестящего дула револьвера и быстро поднял руки.

Из-за деревьев выскочили на дорогу партизаны и обезоружили пленных.

В это время уже подошла вся первая рота. Унха внимательно вглядывался в лица солдат. Все незнакомые, нет ни одного сослуживца.

В сани трактирщика усаживают пленных солдат и везут на хутора.

Солдаты, видимо, совсем перетрусили. Один из них спрашивает ленсмана:

— Не знаете ли, уважаемый херра, в чем дело?

Ленсман действительно знает и понимает гораздо больше солдат. Он ведь успел в пути распечатать и прочитать один из секретных циркуляров.

— Ребята, поймите, мы ведь мобилизованные, — словно жалуясь, говорит другой солдат.

В это время Каллио успел пройти по дороге мимо хуторов.

Скрытый от глаз хуторян частой, мелкой сеткой снега, Каллио прошел хутора незамеченным. Срубил молоденькую сосенку, невольно подражая Инари даже в манере держать топор, в наклоне фигуры. Он взял топором слишком высоко от земли, на два вершка выше нормального, и испугался, что испортит дерево, не будет полного выхода древесины. Потом, вспомнив, для чего срубал деревцо, расхохотался.

Мягкий, валящий с неба снег словно придавливал к земле все звуки. Каллио старательно очистил ствол сосенки от ветвей и, высоко качнув ее в руках, разорвал провода.

Рота устраивалась на большой привал.

Здесь должны были дождаться второй роты. Выставили на дороге караулы. Не попавшим в караул можно было спать до позднего вечера. К вечеру должны были подойти партизаны второй роты.

Инари решил выслать пленных навстречу Коскинену вместе с запечатанным пакетом, который буквально жег ему тело.

Парни смеялись:

— Славный подарок Коскинену шлет Инари!

Но вскоре шутки сами собою замолкли (лыжный пробег на морозе утомителен), и все, кто не был в наряде, заснули как убитые.

Вот она, наша молодость, единственная и неповторимая, когда снегом заносило все пути и дороги, когда компасы переставали действовать и ударники примерзали к пружинам, а мы прокладывали след по снегу, находили пути в непроходимых лесах и брали на мушку врагов. Вот какой она была, молодость наша. А теперь она стучит пневматическими молотками в котлованах, сияет ослепительным светом электросварки в цехах, звенит веселой песней.

Инари растянулся — впервые за четверо суток — и спит. Он не видит снов, не слышит разговоров. Но встанет он раньше других и, разбудив Каллио, возьмет его с собой в разведку.

Коскинен просиял.

— Молодчага этот Инари! — сказал он Лундстрему. — С полуслова понимает, что надо делать.

В деревне их уже ждали. Все наличные лошади были готовы к переходу.

Сара сдал по счету оружие Олави. Он даже потребовал расписку в приеме оружия, и Олави выдал эту расписку.

В комнате телеграфа устроился штаб.

Олави рядился со здешними крестьянами, сколько заплатить им за прогон.

Часовые были расставлены, и Лундстрем сейчас строго внушал второй смене ее обязанности. Третья смена уже храпела в соседней комнате, прислонив свои ружья к стенам.

«Беспорядок, — подумал Сара, — беспорядок какой! Пожалуй, мне надо догонять свою роту».

Тут его вызвал Коскинен и сказал, что ежели он отдохнул и чувствует в себе достаточно сил, то его отправят обратно к Инари с запискою. На дворе было совсем темно, и выходить из теплой комнаты не хотелось, но Сара сказал, что он отдохнул и с удовольствием отправится обратно к своей роте.

Опять чадила керосиновая лампа, и рядом с ней мигала, оплывая, стеариновая свеча, вылепленная, казалось, из снега.

Люди толпились в комнате, они вносили с собою с улицы дыхание мороза. Они громко разговаривали о пустяках и шепотом передавали важные вещи. Некоторые жевали хлеб с салом.

Два парня пытались здесь же на полу пристроиться спать. Их подняли.

— В штабе не спят!

«Беспорядок», — еще раз подумал Сара и, взяв от Коскинена записку, положил ее в шапку и, нахлобучив шапку на самые уши, вышел на мороз.

На улице цвели жаркие костры, но неподалеку от них вечер казался еще холоднее.

Распряженные сани подымали оглобли к небу. Во дворах лошади, похрустывая, жевали свой паек. Деревенские девушки с любопытством подходили к кострам и разговаривали с веселыми, но уставшими парнями, прошедшими сегодня сорок километров. Многие парни устраивались на ночевку в теплых крестьянских избах, но разговоры с крестьянами оттягивали время долгожданного сна. У некоторых из парней в деревне оказались знакомые. Они удивлялись, глядя на партизан:

— Откуда у вас оружие?

Сара вышел из деревни. На третьем километре его окликнули. Навстречу шло человек семь.

— Ты из партизанского отряда?

— Да!

— Он близко?

— В деревне. А вам зачем это?

— Мы с лесопункта Кемио. Идем присоединяться. Оружия хватит нам?

— Не знаю. Возможно. Я только что сдал в штаб свою партию, — гордо сказал Сара и пошел дальше.

Он в этот миг, казалось, совсем забыл о печальной судьбе своих стариков.

Встреченные им лесорубы давно пришли в деревню (они вышли на дорогу с боковой, доступной только лыжникам тропы), а он все еще шел и шел вперед, на юг, по следам своей роты.

Еще не начинался рассвет, когда главные силы батальона с обозом двинулись дальше в путь на юг.

Коскинен смотрел с крыльца, как проходят партизаны. Рядом с ним стоял Лундстрем. Первым вышел взвод разведчиков. Потом пошли по дороге, четыре в ряд, на лыжах партизаны второй роты.

Все они были вооружены. Правда, в последних рядах был разнобой. Лундстрем стал считать: было двадцать пять рядов.

Потом — через двадцать метров — обоз. Перед первыми панко-регами на лыжах прошел Олави.

— Доброе утро, Олави! — крикнул ему Лундстрем с крыльца.

— И тебе! — был короткий ответ.

Вот идет и сам обоз, нагруженный фуражом, салом, мукою, консервами, пилами, топорами, сбруей, одеждой.

«Правильно!»

На розвальнях сидят женщины, бывшие стряпухи-хозяйки, ныне сестры милосердия. Рядом с женщинами примостились даже дети. Странно, — дети при партизанском отряде!

Олави говорил, что в обозе шестьдесят гужевых единиц, но Лундстрему кажется, что их гораздо больше. Вот идут перед его глазами сани, почти наезжая на полозья друг другу, и все-таки обоз растянулся не меньше чем на полкилометра.

Снова большой интервал.

Затем выезжают из разных подворотен подводы — это примкнули к партизанам жители здешней деревни; выходят из домов, из переулков люди с котомками за плечами и порожняком, на лыжах и просто пешком — идут нестройной толпой по пути, только что пройденному второй ротой и обозами.

Это те, которые не записались в отряд, но, покинув лесоразработки, идут по следам батальона.

Это и те, которые во всем согласны с Коскиненом, но у них кеньги изорваны и не годятся для больших переходов; это и те, которые сначала хотят посмотреть, что получится у коммунистов. Если с ними по душам поговорить, то многие запишутся в отряд и организуют четвертую роту. Но Коскинен не хочет сейчас заниматься этим делом, потому что даже и для партизан третьей роты не хватает оружия. А без оружия нечего раньше времени огород городить. Пускай идут вольным пополнением на случай надобности.

«Но куда же девалась третья рота? Ах, да, она, как было положено ей штабом, выстроилась в самом конце деревни, уже за околицей, и, пропустив обоз, должна итти сразу же за ними».

— Эй, кучер!

Но он уже давно подал сани управляющего к крыльцу и ждет. Коскинен и Лундстрем садятся в сани, и кучер гонит к околице.

Третья рота заняла свое место сразу же за вереницей разномастных саней.

Кучер неприступно восседает на облучке и важно покрикивает по сторонам. Он привык возить важных особ.

— Езжай без этих окриков и не так гони, — приказывает ему Коскинен.

Кучер недоумевающе пожимает плечами и отпускает вожжи.

Они обогнали третью роту, обогнали хвост обоза, проехали середину, поровнялись с его головой.

— Эй, Олави, побереги свои силы, садись пока лучше в сани!

— Сколько народу! — восторженно говорит Лундстрем.

— Обоз тоже не мал, — отвечает Олави.

Они едут несколько минут молча, каждый думает о делах батальона.

Лундстрем соскакивает с саней и идет рядом с розвальнями, на которых, покрывшись теплой попоной, рядом с другими женщинами приютилась Хильда.

— Теперь ты видишь, Хильда, что я тебе тогда, в лесу, говорил истинную правду.

Она молчит. И он сердится сам на себя. Для чего опять повел этот разговор, не сулящий ему никакой радости?

Он догоняет сани, вскакивает на них и слышит, как Коскинен говорит Олави:

— Меня радует образцовый порядок в батальоне.

Если Инари приказал своей роте итти в полном молчании (они ведь были передовиками, и честь первой встречи с противником принадлежала им), то батальон передвигался медленнее, шумливее.

Разговоры в строю вспыхивали то там, то тут. Они тлели в обозах и превращались в галдеж в беспорядочной толпе, шедшей за батальоном.

Уже вблизи деревни Лундстрем соскочил с розвальней на боковую тропу в лес и сразу провалился по колени.

Навстречу ему шел лыжник.

Лундстрем неожиданно вышел из-за осыпанного снегом куста и встал перед лыжником-почтальоном.

— Руки вверх!

Тот испуганно и беспрекословно подчинился.

— Есть оружие?

Но оружия не было, и Лундстрем, объясняя происходящие в Похьяла события, вместе с почтальоном вышел на большак.

— Да, вам нужно оружие! — понимающе сказал почтальон. — У моей почтарши есть пистолет. Я не знаю, какой системы, — плоский, небольшой; она прячет его в конторе, в письменном столе, второй ящик сверху, справа.

Когда они вошли в деревню, Лундстрем сразу же устремился на почту. Он хотел успеть еще до закрытия конторы.

На том же самом месте, в той же самой позе, в какой он оставил ее здесь пять дней тому назад, сидела у своего стола молодая почтарша.

— Гуд даг, фрёкен!

— Ах, это опять вы! — и фрёкен ласково улыбнулась Лундстрему. — Вы хотите посмотреть свежие шведские газеты? Но с того дня, что вы заходили сюда, почта была один лишь раз. — Она снова ласково поглядела на молодого лесоруба. — Ах, если бы вы знали, какие у меня неприятности! — затуманилась она, вспомнив, как провела прошедшую ночь.

— Благодарю вас, фрёкен, сегодня у меня нет времени читать хельсинкские и даже стокгольмские газеты, я попрошу у вас сегодня другой услуги.

— Пожалуйста, херра.

— Будьте добры, отдайте мне оружие, которое есть у вас.

Фрёкен даже остолбенела от неожиданности.

— Как? — только через несколько секунд нашлась она. — И вы, такой благовоспитанный швед, тоже с этими? — И потом, принимая оскорбленно-неприступный вид: — Никакого оружия у меня нет.

«Как он смеет после всего этого еще улыбаться?» — возмущается до глубины души фрёкен.

Но Лундстрем не только улыбается. Он вытаскивает из кармана револьвер и, перебрасывая его с ладони на ладонь, вежливо продолжает:

— Не будет ли фрёкен любезна открыть ящик письменного стола, с правой стороны, второй сверху, и вытащить оттуда револьвер?

Она смотрит на него во все глаза.

Лундстрем подходит к столу, вытаскивает ключ из замка среднего ящика, открывает второй ящик сверху, справа, и рука его безошибочно, как будто он сам туда его положил, нащупывает дамский браунинг. Что ж, это хуже винтовки, но тоже может пригодиться.

— Счастливо оставаться, нэйти, — он переходит на финский.

Девушка смотрит ему вслед, и в ее взгляде злость смешивается с удивлением: откуда он мог узнать?

Лундстрем, довольный своим приключением, быстро идет по улице. Навстречу едут вооруженные парни.

— Где штаб?

У входа в харчевню толпились лесорубы.

Столы были отодвинуты к стенам. Айно торжественно восседала на груде конфискованного оружия, на сдвинутых столах сладко спал молодой лесоруб.

— Садись, Лундстрем, — приветливо сказал Коскинен и сразу же обратился к группе крестьян, обитателей деревни. Преувеличенная важность их речи и медлительность движений выдавали большое, с трудом сдерживаемое волнение.

— Ну что ж, товарищи, — сказал Коскинен, обращаясь к самому старшему из них, — чем могу я быть вам полезным? Или вас не удовлетворяет оплата, предложенная за перевозку начальником хозчасти товарищем Олави? Садитесь, пожалуйста. — Но, увидев, что все табуретки заняты, Коскинен сам встал.

Олави стоял рядом с Коскиненом.

Помолчав с десяток секунд, как положено правилами приличия, старший сказал:

— Нет, оплата совсем не плохая. Но, видишь ли, товарищ начальник, в нашей округе очень много медведей.

— Что ж, мы вам всех вывести не сможем.

— Нет, не о том мы говорим. Сколько убьете, столько и ладно. Мы и сами с ними хорошо справ-

ляемся. Только охотничье оружие нам нужно, — и старик показал на груду оружия, на которой торжественно сидела Айно. — Конфисковали наше оружие. Без другого, на худой конец, обойдемся, а без охотничьего никак.

Олави подошел к груде. Он еще не успел принять оружие и раздать его в третьей роте. Не пришлось долго разглядывать, чтобы убедиться, что около половины оружия было охотничьим. Преобладали охотничьи винчестеры.

— Они правы, — спокойно доложил Олави начальнику.

— Выбери сейчас же, Лундстрем, охотничье оружие и отдай под расписку этому товарищу, — Коскинен показал на старшего крестьянина.

Крестьяне одобрительно закивали и зашептались.

— Произошла небольшая ошибка, товарищи, — спокойно объяснил Коскинен. — Мы от крестьян никакого имущества не отбираем, мы их друзья, и когда мы придем к власти, сразу же все крестьяне получат казенные и помещичьи земли и леса. Оставьте себе охотничье оружие и бейте медведя, лося и дичь на здоровье.

Лундстрем выбрал из груды охотничьи ружья, написал расписку. Старший внимательно прочитал расписку, подняв при этом очки с носа на лоб, пересчитал оружие и затем старательно чернильным карандашом вывел свою подпись.

— Все в порядке, товарищи.

— Инари все еще не понимает, как важна для нас крестьянская поддержка, — как бы про себя сказал Коскинен и затем, обращаясь к вошедшим в комнату лесорубам с красной повязкой на рукаве — знак командира, — отдал приказ: — Вторая рота выступит на соединение с первой через четыре часа. Обозы и третья рота выходят через четырнадцать, около шести утра, чтобы к вечеру прибыть, уже минуя хутора, в Куолаярви.

«Он говорит так, как будто Куолаярви уже захвачен нами», — подумал Лундстрем.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На улицах горели костры. Слышны были ржание лошадей и громкие разговоры невидимых в темноте людей. И оттого, что люди эти не были видны, их, казалось, бесконечно много. И ощущение множества людей, идущих вместе на одно и то же дело, на одни и те же трудности, страдания и радости, волновало и одновременно успокаивало. Шутка ли сказать, сколько народу шло заодно в этих малолюдных северных районах Похьяла!

Когда Коскинен выезжал из деревни, его неожиданно окликнул старик, тот, который говорил от имени делегации, пришедшей за охотничьим оружием.

— Вы уходите?

— Да.

— А когда вы снова придете к нам? — и в голосе его звучала надежда.

— Не беспокойся, мы еще вернемся, — ответил Коскинен и дернул вожжи. — Мы еще вернемся, Суоми! — громко повторил он.

Метрах в двухстах за околицей через сетку зачастившего снега пробивалось пламя костра первого дозора. У костра дежурили часовые. Они, в темноте не узнав Коскинена, спросили пароль.

— Все отлично, — сказал Коскинен, отъехав.

Лундстрем в одном из дозорных, к своему удивлению, узнал почтальона. На его вопрос дозорный махнул рукой.

— Пусть письма сами ходят.

Темнеют спины последней шеренги лыжников второй роты.

Кто-то идет рядом с санями и разговаривает с Коскиненом. Я хорошо запомнил фамилии партизан моего взвода и даже во тьме различу их лица. Но разве перечислишь поименно всех участников этого зимнего, неповторимого снежного похода, прошедших сотни километров на нестерпимом морозе, в полярных тундрах, в феврале 1922 года, восставших, чтобы отвести удар от Страны советов?

Разве точно припомнишь, что случилось в каждой пройденной деревне в эти дни февраля?

Переход и потом сон, дежурство у костра, перекурка, холодная закуска и ледяной ветер в лицо.

Одна деревня была похожа на другую.

День переходил в ночь, ночь в день, и трудно потом было припоминать, что когда произошло. Так это было все быстро и неожиданно.

Лундстрем проснулся оттого, что сани внезапно остановились. Он открыл глаза, и сразу на его веки опустилась и растаяла мохнатая снежинка. Было темно. Шел снег.

— Гостинцы Инари!.. Подарок Инари товарищу Коскинену!..— были слышны голоса.

Лундстрем подвинулся вбок. Рядом сидел Коскинен.

— Товарищ Коскинен, по приказанию товарища Инари мы доставили вам четырех арестованных солдат из Куолаярви, одного ленсмана, один револьвер, четыре винтовки, письмо Инари и пакет с казенной печатью.

— Дай письмо и пакет сюда!

— А что сделать с арестованными?

— Одного солдата оставь здесь. Остальных везите к Олави в Коски, пусть запрет их на несколько дней.

Как бы прочесть в этой тьме, сгущенной влажным снегом, послание Инари? К счастью, у Лундстрема был небольшой карманный фонарь.

Они остановили сани, приподняли немного вверх мохнатую полость и, присев на корточки, при свете фонаря с трудом разобрали каракули Инари. Интересно, что находится в этом «совершенно секретном» пакете?

Коскинен взломал печать и вытащил из конверта вдвое сложенный листок хрустящей бумаги.

Он внимательно прочитал его два раза, а Лундстрем и другие стояли рядом молча.

— Товарищи! — сказал торжествующе Коскинен. — Мы сорвали им мобилизацию в Похьяла. В этой бумажке распоряжение о немедленной мобилизации семи возрастов и отправке их в Улеаборг. Черта с два они получат теперь! Черта с два пойдут теперь ребята в их армию и

из соседних приходов! Мы сорвали им мобилизацию, — повторил Коскииен.

Луидстрем сидел теперь иа облучке, спрятав потушениый фоиарик в кармаи.

— Теперь поговорим о том, как мы захватим гарнизои в Куолаярви, — обратился к комаидиру второй роты Коскииен.

Саии быстро катились по наезжеииой и выглаженной лыжами двух прошедших рот дороге.

Когда вышли из Коски, снег падал вертикальио, ветра ие было. Теперь же ои несся прямо в лицо, залепляя глаза и тяжело садясь иа одежду.

— Эй, остаиови!

Лундстрем в темноте чуть не наехал на пятки лыж последией шереиги второй роты. Ои освободил вожжи. Лошадь пошла медлениее.

Комаидир второй роты предлагал окружить со всех сторон Куолаярви и иачать иаступление по всем правилам военного искусства.

— Твое предложеиие не годится. Лишияя стрельба. Лишиие потери. Надо в темиоте подойти к дому, где спят господа офицеры. Окружить его. И послать лейтенанту записку-ультиматум, чтобы немедлеино сдавался.

— Незачем объявлять врагу, с какой стороиы и как на иего наступаешь.

— Нет, пока он ие разобрался в обстаиовке, надо взять его иа испуг. По-моему, надо меиьше шума. Плеииого солдата мы пошлем с запиской.

Вторая рота подошла к хуторам.

Головные, ослепляемые метелью, чуть было не прошли мимо, но одии из иих все же успел во-время заметить низкое, темное пламя ракатулетов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Не во-время Инари ушел в разведку, — проворчал командир второй роты.

Ему думалось, что Инари, служивший ранее в армии человек, поддержит его план и Коскинену придется

уступить и не совершать необдуманных поступков. Но Инари, взяв с собою Каллио, ушел сбивать телефоны и телеграфы, не дождавшись второй роты. Ему уже полагалось бы вернуться обратно, но его все не было.

— Что ж, в таком случае придется действовать и без Инари, — сказал Коскинен. — Надо воспользоваться помощью вьюги.

В печной трубе завывала вьюга, и от ее голоса даже в жарко натопленной комнате, казалось, проносился холодный ветер.

У самого входа были составлены в козлы винтовки.

Коскинен писал записку.

— Вот, — сказал, вставая, Коскинен и громко прочел записку:

«Господин лейтенант! Село окружено. Ваши солдаты все арестованы. Связь прервана. Выходите на крыльцо с поднятыми руками. И тогда вам не причинят никакого зла... Мы будем ждать пять минут с того момента, как закроется дверь за нашим вестовым. Ваш солдат может уверить вас, что мы имеем достаточно силы, чтобы взять вас.

Штаб партизанского батальона Похьяла

Уполномоченный ЦК финской компартии

Яхветти Коскинен».

— Ты возьмешь, Лундстрем, с собой десяток парней и окружишь домик, где находятся господа офицеры. Возьми с собой к лейтенанту того пленного егеря. Пусть подтвердит все то, что я написал. Если через полчаса Инари не возвратится, второй роте придется окружить казарму.

Дом, отведенный под казарму, находился в конце деревни. Офицеры снимали себе квартиры в другом конце.

— Будет исполнено, товарищ начальник, — постарался по-военному отрапортовать Лундстрем.

Приняв из рук Коскинена записку, он пошел отбирать десяток парней. Потом, освободив из чулана пленного егеря и объяснив ему, в чем дело, Лундстрем вышел на крыльцо.

Первый раз в жизни он командовал вооруженным отрядом, первый раз в жизни ему приходилось выполнять боевое задание.

Эх, если бы увидели его сейчас ребята из цеха!

Он захлопнул за собой дверь и сразу же точно ослеп.

Снег, тонко шелестя, срывался неудержимым ручьем с крыш, поднимался из-под самых ног вверх, поддувая шейный шарф, который сразу отяжелел, слепил глаза, таял на щеках, стремился пролезть за шиворот.

Шли медленно, отворачивая лица от ветра.

Вел их пленный егерь, хотя вскоре выяснилось, что два партизана отлично знают село; им был также знаком дом, где жили офицеры.

— А вот и изба, где я так неудачно брился, — узнал Лундстрем.

Банька, где они с Олави прожили столько томительных часов, за частоколом и частой сеткой снега не была видна. Через полторы сотни шагов стоял офицерский дом. В одном из окон виднелся свет.

Лундстрем отдал приказ со всех сторон окружить дом.

Он сам расставил под окнами товарищей, одного поставил на самом крыльце.

Вайсонена, лесоруба атлетического сложения, — еще недавно он выступал боксером на южном побережье, — Лундстрем взял с собой.

Взойдя на крыльцо, он осторожно стукнул в дверь.

Ответа не последовало. Лундстрем стукнул в дверь второй раз — все тихо. Тогда он нажал дверную щеколду, и дверь сама подалась. Фельдфебель ушел сегодня к своей девушке и оставил дверь открытой, чтобы не тревожить под утро господина поручика. Подпоручик же находился сейчас километрах в пятидесяти от дома. Он ревизовал пограничные посты и в деревне, на самой границе, подготовлял помещения. Было получено секретное сообщение о том, что, теснимые красными частями, отдельные отряды карельских «повстанцев», возможно даже со скотом и частью насильно угоняемого

ими населения, могут в ближайшее время явиться в Финляндию. Они могли появиться и на этом участке границы. Итак, один только поручик Лалука был сейчас дома, и по тонкой полоске света, проникавшего сквозь щель из его комнаты в коридор, видно было, что он не спит.

Слышно было даже, как он насвистывал марш.

Милая нэйти фельдшерица ушла всего полчаса назад.

— Войдите, — сказал он, услышав легкий стук в дверь, и подумал: «Кто бы это мог так поздно заявиться? Уже не забыла ли милая фельдшерица что-нибудь?»

Повторять приглашение не пришлось. Дверь распахнулась, и первым вошел солдат. Увидев поручика, лежащего под одеялом в постели, он откозырял и, произнеся: «Осмелюсь вручить», передал поручику записку Коскинена.

Лундстрем и Вайсонен вошли вслед за солдатом.

— Что это за люди? — недовольно поморщился поручик.

Но Лундстрем настойчиво сказал:

— Господин поручик, читайте записку.

Солдат услужливо взял лампу со стола и поднес к изголовью постели. Поручик с некоторым удивлением принялся за чтение записки.

Он прочел ее не отрываясь и поднял изумленные глаза на вошедших. На него были наведены два дула.

«Вот так Александра берут — в нижнем белье, на постели, — горько подумал он, и взор его упал на портрет, висевший на стенке. — Пожалуй, лучше покончить самоубийством, как Шауман», — мелькнула у него мысль, и рука привычным жестом (так он делал по утрам) полезла под подушку, к нагану.

Но в эту секунду поручик почувствовал тяжелый удар по локтю, и рука безжизненно повисла.

— Это мой удар, — весело сказал Вайсонен, — я умею, завтра все заживет. Такой удар я получил в прошлом году в Тампере.

— Одевайтесь, пожалуйста, — вежливо предложил Лундстрем.

Поручик под наведенными на него дулами медленно начал одеваться.

Он взглянул на солдата. Солдат попрежнему стоял, вытянувшись в струнку, держа руки по швам. Погоны его были сорваны.

«Как это я сразу не заметил?» — удивился поручик.

Лундстрем опустил еще теплый, взятый из-под подушки наган в свой широкий карман.

В комнату входили партизаны. На их лицах светилось нескрываемое любопытство. Офицер был теперь в их руках.

— Чего с ним возиться, разменять — и все!

— Как они делали с нашими ребятами в восемнадцатом! — убежденно поддержал кто-то это предложение.

«Хоть бы они просто расстреляли меня, без пыток!» — озираясь, подумал поручик.

Знакомая до последнего розового цветочка на обоях, его комната казалась теперь совершенно чужой, приснившейся в кошмаре, когда для спасения жизни надо бежать, а ноги не двигаются.

— Мы доставим его живьем к Коскинену, — не терпящим возражения тоном произнес Лундстрем.

У околицы должен уже быть Коскинен с отрядом.

Лундстрем послал к нему гонца. Пусть сообщит: поручение выполнено, офицер взят.

Выслушав приказание, лесоруб-партизан уходит в ночь.

В комнату входят Коскинен и командир второй роты. Они совсем белы от облепившего их снега, отряхиваются, сбивают его с кеньг и помогают друг другу счистить снег со спин.

— Инари здесь нет? — спрашивает Коскинен. — Долго же он, однако, в разведке! С кем он пошел? С Каллио? Каллио тоже не возвращался? — Коскинен явно озабочен.

— Ничего не поделаешь, придется выполнять твой план без него, — говорит рыжебородый командир второй роты и обращается к поручику: — Херра поручик, не будете ли вы так любезны («Вот она, начинается пытка!») написать небольшую записку-приказание ва-

шим подчиненным в казарму («Как, они разве еще не арестоваиы?»), чтобы оии иемедлеино сдали иам без всякого боя оружие, так как драться напрасио? («Как они облапошили меня!»)

— Нет, — отрицательио мотает головой поручик.

— Что ж, тогда я сам иапишу записку, такую же, как написал вам. — И Коскинен садится за стол поручика.

Всего час тому иазад на этом самом стуле сидела молодая приятная девушка.

Пока Коскинеи пишет, все молчат.

— Унха и Лундстрем, возьмите с собой десятка два молодцов и захватите казарму таким же маиером, как мы захватили господина офицера. Вот вам записка. Берите с собой свидетеля, — ои указывает иа солдата, — а также ие забудьте окопаться перед казармой. Не подставляйте напрасно себя под пули! — говорит командир второй роты.

Луидстрем и Унха выходят из комиаты, но сразу же входят другие люди.

— Товарищ иачальник, — говорит Сара, — под кроватью в соседней комиате три больших патроиных ящика.

— Принять в запас. Сдать Олави. У солдат в казарме остались патроны, херра поручик?

Но поручик молчит. Коскинеи поднимает глаза и на стеие видит портрет Шаумана. Он улыбается.

— А, и этот герой здесь!

— Да, вы ие в состояиии поиять истинного героизма, — с презреиием говорит поручик. — Его выстрел сделал многих фиииов людьми, ои меня сделал человеком. Ои помог фиинам сделаться фиинами!

— Меия сделала человеком всеобщая забастовка в пятом году! — гиевио говорит Коскииеи. — Шаумаи помог вам сделаться финиами и изгиать все иноземиое? Как бы не так! Ваш главиокомаидующий Маннергейм — швед, генерал царской армии; начальник вашего флота Шульц — немец, офицер флота его императорского величества императора Николая второго! Русские чериосотеиные офицеры и кайзеровские вояки уничтожают и сажают в тюрьмы финских рабочих.

Я не называю вас агентом русского царя или шведских и немецких помещиков, нет, вы просто финский буржуа, который хоть черта возьмет в союзники и Бобрикова изберет своим начальником, если это поможет растерзать и загнать в ярмо трудящихся финнов.

Гнев его немного улегся.

— Нет, мы никогда не подымем руки против наших братьев!.. Вы, господин поручик, представителем финских интересов считаете только тех, кто помогает избивать финских рабочих и карельских крестьян. Не так ли? Мы думаем иначе. Когда в восемнадцатом году в Хельсинки совсем не стало хлеба, мы обратились за помощью к русским товарищам... И вот питерские рабочие, сами голодные, добровольно, отрывая от своего и без того скудного пайка, прислали нам несколько эшелонов муки. Спасли жизни тысяч и тысяч людей! Это настоящая дружба, и хороши были бы мы сейчас, если забыли бы о ней! Нам господа акционеры, финские, русские, шведские, немецкие, все равно какой масти, — враги. Нам русские рабочие братья! — сказал Коскинен. — Наше знамя — Ленин!

Коскинен произнес сейчас то слово, которое всех их объединяло и вело, которое было и паролем и лозунгом; имя, которое произносится шепотом и потрясает надеждой и верой сердца и в жаркой Африке под рваными рубахами, под синими замасленными нанковыми блузами в цехах заводов Китая и под шерстяными свитерами на крайнем севере Похьяла:

— Ленин!

Лундстрем и Унха молча шли некоторое время, продираясь сквозь метель.

За несколько шагов уже нельзя было увидать друг друга, поэтому они шли рядом. С ними, третьим, шел пленный егерь.

«Почему он не пытается удрать? — думал Унха. — На месте солдата я непременно попробовал бы дать стрекача». Он шел, сжимая в руке рукоять револьвера.

Но солдат и не думал удирать; он шел, наклоняясь вперед против ветра всем корпусом. Позади скорей чув-

ствовались, чем виделись, партизаны первой роты, отобранные Унха для ночного дела. Так они продвигались против ветра к казарме, стоявшей в конце деревни.

Унха увидал какую-то темную фигуру, шедшую навстречу.

— Стой! — щелкнул затвор.

Встречный тоже щелкнул затвором, но во-время успел окликнуть:

— Это не ты, Унха?

— А, это ты, Каллио? Долго же ты был в разведке! А где Инари? Коскинен о нем очень беспокоится.

— Не знаю, куда он девался. Я сам потерял его возле телеграфа. Нас растолкала по сторонам вьюга. Я чуть было не сбился с пути, отыскивая его... Думал, что он уже пришел в штаб.

— Нет, Инари там нет, — сказал озабоченно Лундстрем.

— Инари не может погибнуть впустую, — убежденно сказал Каллио. Он видел его на заломе.

Лундстрем с этим согласился.

Он видел Инари ныряющим в озеро за винтовками. И ему было жутко даже подумать о том, что Инари может погибнуть.

Почти полчаса продирался небольшой отряд сквозь снежную бурю, прежде чем дошел до казармы.

Шагах в пятидесяти от дома Унха остановил партизан. Они разошлись по сторонам, окружая казарму.

Вайсонен начал уже готовить себе снежный окопчик.

Два-три других партизана тоже приготовились к предстоящей драке. Это были те, которые атаковали лесной барак шюцкоровцев.

Лундстрем вместе с пленным егерем поднялся на крыльцо.

В замерзшее окно виден был свет. Значит, там дежурные бодрствуют.

Лундстрем подошел к самой двери. На крыльце было скользко.

Лундстрем взялся за дверную ручку. Он услышал и сквозь шум холодного ветра, как за спиной у него щелкнуло вразнобой несколько затворов партизанских винтовок.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Иари и ие думал умирать. Ои вместе с Каллио прошел через всю деревию и вышел иа дорогу, отыскал сосенку повыше и потоиьше, срубил ее, отбросил ветки и разорвал провода.

К этому времени снегопад усилился и ветер стал неистовее. Оии пошли обратио.

Иари хотелось иа обратиом пути снять часового у казармы.

Смеиа будет только часа через два, а за это время, иесомиенио, успеет подойти вторая рота, и боевая операция будет закоичена.

Но когда Иари подходил к казарме, он неожидаино для себя обнаружил, что помощиик его, правая рука, Каллио исчез, словио провалился сквозь землю. Каллио, ие предупредив товарища, иа полмииуты отстал, чтобы поправить ремеиь иа правой лыже. Но этого было довольио, чтобы вьюга разлучила их и иаправила Каллио немиого влево. Иари, очутившись около казармы, увидел, что ои одинок. Громко звать товарища, кричать было нельзя, чтобы ие разбудить солдат. Оставалось подождать иесколько миинут, — может быть, Каллио сам подойдет; а если не подойдет — итти обратно в штаб и там с Коскиненом решить, как действовать.

Ночь и без этого ветра была бы холодиа; валящий с неба снег лишь иемиого умерял мороз. Иари через две минуты ожидания продрог.

Ои иажал на палки лыж и хотел итти обратио, ио его внимаиие привлекло освещеиное окошко казармы. На покрытом ледяиыми папоротниками стекле поблескивало плоское, гладкое местечко, как будто кто-то, вглядываясь в темиоту ночи изиутри, надышал иебольшой кружочек. Иари подкрадывается к самому окиу. Кружок иа стекле уже успел подернуться гладким, тумаиным, тоиеиьким слоем льда. Сквозь этот слой видно ровное, немигающее пламя керосииовой лампы.

Иари видит освещенный стол. Солдат сидит на стуле, ои положил голову иа стол, между колеи поставлена виитовка. Ясио, что это часовой и что он спит. Не

снять сейчас часового было бы ошибкой; но Инари чувствует, что пальцы его совсем одеревенели.

Так часового не снимешь, надо разогреться. Инари становится на лыжи и начинает быстро ходить по дороге около казармы взад и вперед. Но чертовский ветер с северо-востока дует, как будто назло.

Ветер этот старается размотать шарф и сорвать его с шеи. Ветер этот как будто хочет, чтобы Инари ослеп, — он швыряет ему прямо в глаза пригоршни снега. Но Инари не останавливается ни на секунду, он чуть-чуть согрелся. Он натирает руки и лицо снегом и подходит к самой казарме.

Пальцы уже подчиняются ему. Но, может быть, часовой проснулся?! Инари подходит к глазку. Нет, все в порядке.

Инари сходит с лыж, бережно прислоняет их к стене и подымается на скользкое крыльцо.

Ветер сдувает с крыши комья легкого снега и сыплет на голову. Инари входит в дом. Небольшой темный коридорчик. Снова дверь. Чертовски громко скрипят эти кеньги с мороза. Дверь открыта. Висячая лампа. Ровный полукруг света ложится на стоящий под нею крашеный круглый стол.

У стен стоят продолговатые вертикальные ящики, напоминающие ящики для хранения платья в цехах и в банях.

Комната большая. Сейчас полутьма ее наполнена храпом нескольких десятков молодых здоровых парней.

Теплое дыхание идет от двойных нар, стоящих вплотную у одной из широких стен казармы.

Здесь могут спать спокойно, не тревожа друг друга, пятьдесят человек.

На мгновение Инари внутренне содрогается, подумав об этом. Но отступать, ему кажется, поздно.

— Спокойствие, Инари, спокойствие! — шепчет он себе под нос.

Тепло комнаты обволакивает его, и на скрипучих кеньгах он подходит к спящему за столом часовому.

Как крепок его сон!

Инари держит в одной руке револьвер. Со всей осторожностью, на какую только способен, стараясь не

разбудить дневального, берет он у него винтовку. Тот легко выпускает ее и, сладко вздохнув, кладет левую руку на стол.

Инари опускает винтовку позади себя на пол у самой двери и снова подходит к дневальному.

Стук собственного сердца кажется ему оглушительной барабанной дробью. Он может разбудить этих мерно дышащих солдат — и тогда... тогда все кончено.

Он чувствует, что одежда его стала влажной, — жарко.

Инари подносит дуло револьвера к самому лбу дневального.

Дневальный, осязая кожей своей холодок, машинально отводит назад голову и бормочет сквозь сон:

— Ну, уж это, ребята, бросьте!

«Он может разбудить всех», — пугается Инари и левой рукой зажимает дневальному рот. Правой же прижимает дуло ко лбу спящего.

Дневальный, наконец, нехотя открывает слипающиеся глаза и, словно вспомнив, что он находится на посту, пытается вскочить. Но Инари усаживает его на место.

Теперь-то солдат увидел направленный на него револьвер и понял, что перед ним стоит совсем чужой человек.

— Тише! Если шелохнешься и громко скажешь слово, это будет твое последнее слово на этом свете, — угрожающе шепчет Инари.

Но дневальный и так перепуган досмерти.

— Сколько здесь человек? — шепчет настойчиво на ухо Инари, попрежнему держа револьвер у лба.

— На ужине было тридцать.

— Где остальные?

— Восемнадцать в разных заставах, пять послано для проверки телеграфных линий.

«Черт побери, мы поймали только четверых, — выругался про себя Инари. — Куда бы мог затесаться пятый?»

И он продолжал тихий допрос:

— Где оружие, винтовки?

— Вот в этих шкафчиках у стены.

— Шкафчики заперты?

— Да. Ключ от каждого при владельце винтовки.

Инари отходит немного, держа дневального под наведенным на него револьвером.

— Снимай ремень!

Тот снимает.

— Дай сюда.

Неуклюже, одной рукой, обматывает Инари руки дневального ремнем.

— Теперь сиди на стуле без движения. Лучше всего спи снова. Если будешь шуметь или двигаться — каюк! Понял?

Дневальный утвердительно кивает.

Действительно, лучше всего спать, потом проснуться — и тогда все может оказаться нелепым сном, за который даже фельдфебель не припаяет штрафных нарядов.

Волнуясь при мысли о предстоящем наказании, он все же с нескрываемым любопытством следит за каждым движением этого высокого лесоруба.

Тот, держа в руке револьвер, подошел к нарам и осторожно потрогал крайнего спящего на верхней наре за ступню.

— Какого черта! — спросонок выругался разбуженный солдат и сел на своем ложе. Увидев устремленный на себя револьвер, он сразу как бы протрезвел. — В чем дело?

— Если скажешь слово — крышка! — угрожающе прошептал Инари, и лицо его было так выразительно, что солдат замер. — Где твой ящик? Номер восьмой? Дай ключ.

И дневальный видит, как лесоруб ключом, который подал ему солдат, открывает шкафчик, вытаскивает оттуда винтовку.

«Черт возьми, как это я поставил свою винтовку в шкафчик, не открыв затвора? От капрала мне бы здорово утром попало», — думает солдат и с чувством некоторого облегчения смотрит на Инари.

Инари же кладет винтовку к двери, рядом с отобранной у дневального.

— Лежи смирио. Лучше спи, — приказывает Инари солдату и наблюдает, как тот поворачивается спиной к свету, лицом к стеие.

Затем Инари тормошит соседа этого солдата. Тот поворачивается на другой бок и не хочет просыпаться. И вдруг пронзительно заскрипела дверь. Инари вздрогнул и, повернувшись к двери, поднял маузер.

На пороге стоял солдат, он был без оружия, — это сразу заметил Инари. Но за спиною солдата, повидимому, были люди, — это тоже сразу сообразил Иапри, увидев, с каким недоумением оглянулся солдат, встретив в казарме чужого вооруженного человека.

— Стой! Стрелять буду! — тихо сказал Инари и услышал ответ егеря:

— Не стреляйте. Я приенс записку к солдатам от штаба красного партизанского батальона Похьяла.

— Я сам комроты этого батальоиа. Дай записку!

И в ответ на эти слова Инари услышал знакомый голос человека, который сейчас встал перед иим, как чудесный избавитель:

— Иiари, так это ты!

— Лундстрем!

Да, в комнату вслед за солдатом вбежал Луидстрем.

— Здесь винтовки — забирай! — указывая на шкафчики, сказал Иiари.

— Унха! Веди людей сюда! Инари нашелся!

Вайсонен встал из своего снежного окопчика и, крикнув: «Вот здорово! Погреемся!» — побежал вслед за Унха к крыльцу.

В холодной иочи возникали темные фигуры партизан, бежавших к казарме.

Через полминуты весь отряд Уиха и Луидстрема был уже в помещении.

— Держать пленных на иарах — раз. Отнять у них сапоги — два. Оружие вынести в соседнюю комиату — три. Оставить в комнате трех вооруженных часовых. Сменять каждый час. Снаружи поставить двоих, — распорядился Инари.

И когда все это было исполнено, он, оставив иачальником Унха, взяв под руку Лундстрема, вышел из казармы.

Надо было торопиться к Коскинену.

Попрежнему мела метель. Около своих лыж, прислоненных к стене, Инари увидел наметенный сугроб. Они взяли лыжи и пошли.

Ветер относил снег и глушил слова, но они, стараясь итти рядом, чтобы не потерять друг друга, и громко выкрикивая каждое слово, разговаривали.

Инари коротко рассказал свое приключение.

Покрытые снежным тяжелым пухом, они вошли в комнату поручика Лалука.

На постели сидел Коскинен. Несколько вооруженных лесорубов толпились в комнате, казалось, без дела.

Только что вошедший связист докладывал о том, что утром, к десяти, прибудут обоз Олави и третья рота.

Лундстрем подошел; встав навытяжку, руки по швам, отрапортовал об исполнении приказания:

— Казарма взята без единого выстрела, захвачено оружие и тридцать один солдат. Подробности может рассказать Инари.

Но Инари спросил:

— Что было в пакете с казенной печатью у ленсмана?

— Приказ о мобилизации в Похьяла! Мы сорвали им мобилизацию!

Инари начал рассказывать о том, как провел он последние три часа.

Рассказывал он неохотно, опасаясь выговора за свое безрассудство. Но когда он закончил свою повесть, Коскинен весело взглянул на командира второй роты и, засмеявшись, сказал:

— Видишь, наш теоретический спор о военном искусстве Инари разрешил по-своему. Вот она какая бывает, война!

— Все-таки это неправильно, — продолжал стоять на своем рыжебородый.

Инари не стал доискиваться сути спора. Ему опять захотелось спать.

Лундстрем улегся рядом с ним на постели поручика, и оба сразу же захрапели.

Несколько часов сна — не шутка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Утром, когда входили в Куолаярви обоз Олави и третья рота, Инари и Лундстрем были уже на ногах.

Метель совсем улеглась, и на улицах в каждой снежинке сияли блестки солнца.

Лундстрем шел по улице, щурясь от снежного сияния и от набегающего ощущения молодой радости. Мороз пощипывал его за нос, брал за подбородок, покалывал уши. По спине в такт шагу ударяли две винтовки — своя и только что взятая у пасторши.

А по улице навстречу ему еще шел — казалось, бесконечный — обоз: панко-реги, розвальни, простые дровни, сани, груженные разнообразным грузом.

За ночь снега намело много, крыши стали более покатыми, дома ниже.

Лундстрем вошел в комнату почтовой конторы.

Линия с помощью пленных солдат-связистов была уже восстановлена, и Коскинен диктовал сейчас телеграмму молодой телеграфистке.

Работала она, как полагается, в форменной круглой фуражечке с черным бархатным околышем.

«Восстанием охвачен север.

Восставшие организовали серьезные боевые силы, которые продвигаются на юг.

Лесорубы всех лесопунктов присоединяются к восставшим. Порядок обеспечен полностью. Отряды регулярных войск частью разбиты и бегут, частью присоединяются к восставшим.

Не допустим братоубийственной войны против трудящихся Советской республики! Руки прочь от Советской Карелии! Земля — торпарям, батракам, маломощным. Вся власть — трудящимся! Долой военные авантюры!

Штаб восставших призывает всех трудящихся немедленно присоединяться к восстанию, организовать на местах отряды, разоружать шюцкоровцев, разъяснять солдатам цели восстания и цели преступной войны, на которую толкают их отечественные капиталисты.

Руки прочь от Советской России!

Штаб партизанского батальона Похьяла».

— Передала?
— Передала, — робко сказала телеграфистка.
— Эта телеграмма наделает в их тылах немало паники и кое в чем поможет нам... — усмехнулся Коскинен.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда, сбив снег с кеньг, Лундстрем и Инари зашли к Олави, в дом отца Эльвиры, в сборе была вся семья.

Сам старик, уже совсем седой, сидел за столом, суетливая старушка мать накрывала на стол, расставляла тарелки и снедь.

Хелли и Нанни со сдержанным удивлением, держась за руки, смотрели на отца.

Олави только что пришел с мороза, и Эльвира, глядя на него, не скрывала своей радости.

Ее старшая сестра уже сидела за столом, рядом с отцом. Муж ее, лесоруб лесозаготовительного пункта в центральной части страны, был сейчас в лесу.

Семья Эльвиры за эти годы успела разделиться, и братья ее и сестра жили в этом селе, но уже в разных избах и в разных концах.

Эльвира сияла; она была розовощека, голубоглаза, светловолоса и сильна.

— Теперь мы навсегда вместе, Олави! — сказала Эльвира.

— Теперь мы навсегда вместе, — повторил Олави и вдруг остановился. — Теперь мы должны быть навсегда вместе, Эльвира.

И неожиданно для себя Олави крепко обнял Эльвиру при посторонних и даже поцеловал.

— Отец, — сказал Олави потом, — твои сани мобилизованы, как и все сани села, для перевозки наших грузов до следующего пункта. Но ты не беспокойся, будет за все труды заплачено справедливо.

— Я и не беспокоюсь, мне уже все передали, — спокойно сказал старик.

Он втайне был горд тем, что его зять стал одним из вожаков восстания. Может быть, восстание победит и Олави станет большим человеком.

Когда вошли в комнату Лундстрем и Инари, Олави просиял.

— Мы старые знакомые, — улыбнулась Эльвира, пожимая руки пришедшим.

— Вот кто жил со мною в бане, — указал старику на Лундстрема Олави.

Теперь, когда дело разъяснилось, многие обиды сами собой уходили.

— Садитесь, ребята. Чем богаты, тем и рады.

И товарищи уселись вокруг стола.

От большой кастрюли с ухой подымался вкусный пар. Старуха, радуясь и тому, что за столом сегодня так много гостей и что дочь счастлива, разлила суп по тарелкам. Лундстрем не знал, как ему быть: ложек на столе не было, и никто не волновался из-за отсутствия их. Инари понимающе переглянулся с Олави и, нагнувшись к своей тарелке, пригубил ее. Уха была жирная, с янтарным наваром. Заметив беспомощный, блуждающий в поисках ложки взгляд Лундстрема, старик вежливо спросил, не нужно ли гостю чего-нибудь, может быть соли.

— Нет, спасибо, я думаю, что уха достаточно посолена. Я ее еще не попробовал, — сказал, смущаясь, Лундстрем. — Мне нужна ложка.

Услышав это, старик укоризненно покачал головой.

— Если тебе не очень трудно, сынок, пей уху прямо из тарелки. У нас здесь, у стариков в Похьяла, так повелось. Если уху хлебать ложкой, рыба будет плохо ловиться; у вас там, на юге, в городах, этого не знают. А потом начинают жаловаться, что рыба год от году хуже идет в невода. А у нас здесь в Похьяла рыба, слава богу, пока ловится.

И Лундстрем, боясь пролить на стол хоть каплю жирной ухи, стал пить ее прямо из тарелки. От этого уха не стала менее вкусной.

Обед удался на славу, хотя мать все время говорила, что если бы ее предупредили за один день, она успела бы зарезать овцу или поросенка.

— Да, Эльвира, мы теперь будем вместе уже все время, — немного смущаясь, сказал Олави, — если ты согласишься опять пойти со мной в скитания.

— О чем речь? — спросил Лундстрем.

— Куда еще придется ехать Эльвире?

— Я только что разговаривал с Коскиненом, — отвечал сразу двум Олави. — Он сказал, что пришли экстренные известия. Он приказал мне готовить всех партизан. Мы, вероятно, уходим через границу, в Советскую Карелию!

— Не может быть! — в один голос сказали Инари и Лундстрем.

— Когда мы вернемся в Суоми, точно не известно, но мы вернемся в Суоми, конечно, скоро... Женщин и детей можно брать с собой, тех, которые не боятся трудностей. Вот и все... — произнеся такую необычно длинную для него речь, Олави замолчал, вопросительно глядя на Эльвиру.

— Не может быть, чтобы уходили в Карелию, — пожимая плечами, сказал Инари. — Мы должны установить рабочую власть по всей Похьяла на вечные времена. Не может быть. Я пойду сейчас же поговорю с Коскиненом. — Он встал из-за стола и стал наматывать шарф на шею.

У Лундстрема сердце сжалось тоской. «Как же я буду там жить? Я знаю только один финский язык».

У него мелькнула надежда, что, может быть, переводят только обозы; он вскочил и, не поблагодарив толком хозяев и не попрощавшись, выбежал из избы, чтобы догнать Инари.

В Советской России Инари уже бывал. Он ее знал; в последние месяцы он мечтал о том, что и в Суоми у власти встанут трудящиеся.

И вот надо уходить, даже без битв, после таких стремительных побед.

Он почти побежал к дому, где сейчас помещался партизанский штаб. Лундстрем отстал от него, остановившись погреть руки у костра.

Молодые партизаны толпились вокруг огня.

Кофе был уже готов, но никто, никакой хозяин, никакая харчевня не могли запасти столько чашек разом.

Никогда от сотворения мира в Куолаярви не было одновременно столько людей, как сейчас. Где здесь

напасти на всех кофейные чашки! И ребята, красные партизаны, боевые лесорубы, хлебали кофе из чашек, из жестяных, обжигающих рот кружек, из плошек, тарелок, кувшинчиков, мисочек, тарелочек.

Густой пар подымался от вкусного варева.

Здесь, за Полярным кругом, в холодный февральский день, радуясь, пили ребята чудный горячий напиток.

Когда Лундстрем вошел в комнату и взглянул на возбужденное лицо Инари и спокойное усталое лицо Коскинена, на котором нестерпимым блеском горели глаза, он сразу понял, что вести Олави были правильными, и сердце его снова томительно сжалось.

— Закрой дверь, — приказал ему Коскинен.

В комнате были еще Сунила и незнакомец, устало растянувшийся на постели поручика.

Отсветы зимнего заката проникали через заледенелое окно и большими багровыми кусками ложились на полу.

— Но ведь это же значит, что мы, даже не вступив в бой, заранее признаем свое поражение и бежим с поля, — угрюмо говорил Инари.

— Как же ты смеешь говорить какие-то жалкие слова о поражении, когда мы победили! — резко ответил Коскинен. — Мы сорвали им мобилизацию на севере. Это раз! Мы заставили их отвлечь сюда, против нас, часть их военных сил! И товарищ, — он кивнул на незнакомца, присевшего на кровати, — может тебе подтвердить, что это силы немалые. Все дороги с юга на север сейчас забиты ими. Это два. Мы показали, — всему миру станет это ясным, — как относится рабочий класс Суоми к затеянной ими авантюре! Это три. Мы подали пример другим трудящимся, как себя надо вести, когда Советской стране угрожает опасность! Это четыре. По всей стране наши дела находят отклик. Мы произвели панику в тылах белогвардейщины, и она еще скажется. Это пять... Так о каком же поражении можно говорить?! Возьми себя в руки, Инари!

Сунила загибал пальцы при счете Коскинена. На его остром лице все время блуждала улыбка, которая Инари сейчас казалась бессмысленной.

Как мечтал всегда Суннла, хоть когда-нибудь, пусть однны глазком, посмотреть на Советскую республику, побывать в ней, а теперь представляется такой случай, который вряд ли когда-нибудь повторится! Перейти в Советскую Россию вместе со всем батальоном восставших лесорубов — это было чудесно! Родных — мать и сестру, текстильщицу из Тампере, можно будет выписать туда позже. Он, может быть, услышит самого Ленина! Молодец Коскинен!

— Но ведь можно двигаться вооруженным батальоном на юг, подымая по дороге людей на восстание! — упорствовал Инари.

— Тебе было бы легче, если бы все наши партизаны, все эти замечательные парни, погибли в бою? — спросил его Коскинен. — Рабочий класс сорвал лахтарям гнусную военную авантюру против Советов. Красная Армия разгромила в Карелии шюцкоровскую сволочь. Лахтари в беспорядке отступают... С юга, отрезая нас от страны, движутся воинские части. Сюда же устремляются выброшенные Красной Армией из Карелии белогвардейские отряды. И все это обрушится на нас. Для чего же итти в ловушку, для чего губить людей?

— А известия твои правильны — и насчет победы в Карелии и насчет того, какие силы брошены против нас?

— Для того чтобы сообщить нам эти сведения и рекомендацию нашего Центрального комитета не ввязываться сейчас в бои, этот товарищ пробрался к нам на лыжах, пройдя сто восемьдесят километров.

Незнакомец кивнул головой.

— Все это верно, — сказал он. — В Улеаборге многолюдные митинги, в Хельсинки съезд безработных выступил против правительства, против авантюры. В одном Хельсинки на демонстрацию вышло шесть тысяч человек. Повсюду идут митинги протеста против авантюры. Они арестовали редактора рабочей газеты Лунто. Они арестовали нескольких членов нашего Центрального комитета — из мести. Но вынуждены итти на попятный, вынуждены отказаться от военной авантюры. Не завтра-послезавтра все дороги на восток и юг, по

которым может итти батальон, будут забиты отступающими из Советской Карелии лахтарями. Они не дадут вам продвинуться на юг. Отрезанные от юга, вы, шестьсот лесорубов, даже если бы присоединились к вам все остальные рабочие Похьяла, не могли бы долго продержаться.

— Теперь, товарищи, идите объясняйте у костров положение всем партизанам, — сказал Коскинен. — Выходим мы завтра утром. Направление — деревня Курти, потом граница и уже в Советской Карелии деревня Конец Ковдозера. Пути нам осталось меньше, чем двести километров. И ты, Инари, пойдешь сейчас к своим ребятам и объяснишь им все.

— А как же Суоми? Неужели ж и на этот раз революция разбита? — с тоскою сказал Инари.

— Для нее мы обязаны сохранить всех людей нашего батальона. Пойми это, дорогой Инари! — голос Коскинена прозвучал необычно ласково. — Дело свое мы сделали. Оставаться здесь — значит или итти на бой, на заведомое поражение, или просто так отправить на каторгу пятьсот человек. Если бы правительство объявило войну Советам, тогда бы мы отсюда никуда не ушли, дрались бы до последнего. А сейчас это кровопролитие не нужно. А там, в Карелии, все эти ребята будут жить настоящей жизнью...

У Лундстрема сжалось сердце. Теперь-то он знал, что батальон наверняка уйдет, и, конечно, он будет вместе со всеми, и неизвестно, скоро ли он вернется к своим ребятам в Хельсинки, да и вернется ли когда-нибудь!

— А как нас там встретят? — тихо спросил он.

— Как боевых товарищей. Ну, иди, иди, — ласково и даже как-то неожиданно нежно потрепал Коскинен Инари по плечу. — Иди и разъясняй лесорубам положение. И ты, Лундстрем, тоже.

Лундстрем и Инари вышли из штаба.

Сунила поднялся вслед за ними; он тоже хотел сейчас же итти к кострам, итти по избам и радовать всех: «Мы идем в Советскую республику!» Он давно мечтал о том, чтобы побывать в Советской России.

— Подожди, Сунила, мне надо с тобой серьезно поговорить, — остановил его Коскинен. — Садись.

Сунила остался в комнате.

— Видишь ли, Сунила, мы уходим отсюда не навсегда. Мы еще вернемся в Суоми. Известно тебе, что не все рабочие Похьяла уйдут вместе с нами в Карелию? А если останется здесь хоть несколько рабочих, должен остаться с ними и коммунист. Понимаешь?

— Понимаю. Всюду, где есть хоть группа лесорубов, должен быть наш товарищ.

Но Сунила все же еще не понимал, почему Коскинен говорит об этом с ним. А Коскинен продолжал:

— Я не знаю из наших ребят сейчас никого, кто так хорошо знал бы обстановку, людей и работу в Похьяла, как Инари и ты. Тебе надо будет остаться здесь. Мы спрячем немного оружия для будущих боев. Ты организуешь линию связи, явок и снова возьмешься за всю нужную работу. Я дам тебе сейчас три адреса и три фамилии. Запоминай.

— Значит, я не пойду в Советскую Карелию? — спросил Сунила.

— Тебе, может быть, даже придется с полгода или год посидеть в одиночке, если кто-нибудь донесет. Но ты для всех оставался рядовым участником, и то, что ты не ушел с нами, будет служить тебе оправдательным пунктом в случае необходимости.

— Значит, я не иду со всеми в Советскую Россию? — повторил Сунила.

— Кто-нибудь должен быть оставлен здесь, и ты больше всех подходишь для этой работы.

— Ты прав, — вздохнул Сунила.

Коскинен привлек его к себе и крепко обнял.

Сунила ощутил у своего лица жесткую щетину коротко подстриженных усов Коскинена.

— Ну, ну, будь счастлив, работай вовсю. Ты отличный парень, ты это сумеешь. Вот тебе, товарищ, следующее звено, — и Коскинен показал на человека, отдыхавшего на кровати поручика. — Знакомьтесь!

Но познакомиться было трудно, потому что товарищ спал блаженным сном.

Когда стемнело, Сунила и незнакомец осторожно, задами, не выходя на большую дорогу, не замеченные часовыми, выбрались из деревни.

— Плохо сторожат, распустились часовые, — заметил незнакомец.

И лесной тропой они пошли на север.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Весь батальон, как один человек, решил итти в Советскую Карелию», — мысленно подытоживал свои впечатления Лундстрем.

Хуже дело обстояло с неорганизованными парнями, шедшими в хвосте батальона. Сколько останется здесь, сколько пойдет вместе с отрядом — выяснить это было трудно.

Во всех избах только об этом и шли разговоры.

Партизаны говорили меньше. Вопрос для них был яснее.

— Не пойду я в Россию и вам не советую, — убеждал других мобилизованный возчик.

— Да тебя и не спрашивают! — обозлился Лундстрем. — Ты мобилизован, довезешь груз, получишь за это плату и можешь поворачивать оглобли.

Иные парни говорили, что с удовольствием пошли бы за отрядом, но одежонка так поизносилась и кеньги так прохудились, что они боятся итти в такой долгий поход. Не июль ведь на дворе, а февраль.

— Ну, в июле и того хуже было бы: комары заели бы!

Об этом тоже надо будет сообщить Коскинену, хотя, наверно, он сам уже позаботился купить одежду для тех, кто захотел бы итти с батальоном.

По часам был еще день, но на улице совсем стемнело, когда раздались один за другим три выстрела, потом снова ударили из винтовок — и уже через несколько секунд Лундстрем потерял счет выстрелам.

По улице бежали с ружьями партизаны.

Лундстрем побежал вместе с другими.

Стало отчаянно тихо. Снег хрустел под ногами.

Кто-то закричал:

— Здесь он! Сюда забежал!

И, словно подтверждая эти слова, задребезжали стекла соседней избы, и в разбитом окне вспыхнул огонек выстрела.

Послышался громкий, истерический женский крик.

— Тише, эй вы! — закричал Лундстрем и с некоторым удивлением заметил, что его слушаются.

Он быстро приказал вооруженным лесорубам окружить дом.

Они торопливо и точно, немного суетясь, выполнили это приказание.

И громко, чтобы слышно было в доме, Лундстрем приказал:

— Все, кто есть в доме, выходи с поднятыми вверх руками. Кто выйдет, сохранит жизнь. Кто не выйдет, будет расстрелян... Даю минуту на размышление...

Из дома с криком выбежала женщина.

Она кричала:

— Не убивайте моего мужа: он спрятался в чулане и не слышал приказа!

Она пробежала через цепь.

Лундстрем встал из снега и, выпрямившись во весь рост, повторил приказание.

Из окошка блеснул огонек выстрела. Спрятавшийся стрелял на звук голоса.

Каллио, очутившийся рядом с Лундстремом, не удержался и без команды выстрелил в окно.

Для других партизан этот выстрел послужил сигналом, и опять со всех сторон открылась беспорядочная стрельба по дому.

В конце концов, это было просто опасно — на выстрелы бежали люди.

Черная дверь, распахнутая выбежавшей женщиной, скрипела на петлях. Темнота зияла за порогом.

— Отставить огонь! — громко скомандовал Лундстрем, и голос его звучал повелительно, по-командирски. — За мной! — крикнул он и побежал к крыльцу.

Мороза он совсем уже не ощущал. Он даже не оглянулся, бегут ли за ним из своих снежных углубле-

ний партнзаны. Он знал, что не итти за ннм сейчас невозможно.

Он взбежал на крыльцо по заснеженным, скользким ступенькам н вошел в комнату.

— Рукн вверх! — крнкнул Лундстрем, захлебываясь яростью.

Он разряднл свою вннтовку в потолок.

На шесте под темным ннзкнм потолком висела тусклая коптнлка.

Перед ним стоял высокий человек в полной егерской форме, с какнмн-то непонятными нашнвкамн на погонах.

Человек этот стоял, как столб, шнроко раскинув рукн (ему, наверное, казалось, что рукн подняты вверх), растопырнв пальцы.

У ног его лежала вннтовка. Рядом с Лундстремом уже стоял Каллио.

— Бей, бей его! — с ненстовой злобой прошнпел он.

Но злость Лундстрема уже рассенвалась. Он внезапно почувствовал себя невероятно усталым.

— Надо выполннть свон обещання! — крнкнул тогда Каллно н, ухватнвшнсь за дуло двумя руками, поднял прнклад вннтовки над головой фельдфебеля н с снлой опустнл. — Он убнл, он убнл Унха! Поннмаешь, он убнл Унха! — в отчаяннн закрнчал Каллно, словно желая прогнать от себя прнзрак.

Комната уже была полна. Партнзаны склонились над телом фельдфебеля.

— Обыскать его, оружне отдать Олави! — командовал Лундстрем.

— Он убнл Унха... — горько повторнл Каллно. — Идем, Лундстрем, отсюда... Там он лежит, мой друг, Унха-солдат... Он ранил в жнвот Сара, — сказал Каллно, и, с омерзеннем пнув ногою труп фельдфебеля, он поднял валявшуюся, теплую еще от выстрелов винтовку. — Вот нз этой!

И онн вышлн на улнцу.

Каллно хотел вечером зайти проведать Эльвнру, — сколько временн онн не видалнсь! Но сейчас он обо всем этом забыл и от горя словно обезумел.

— Я шел по улице и ни о чем не думал, — рассказывал Каллио Лундстрему. — Вдруг вижу — бежит мне навстречу этот человек и что-то кричит мне. Шагах в двадцати — тридцати бегут за ним наши ребята и кричат: «Стреляй, стреляй!» Я схватил с плеча винтовку и выстрелил. Промазал. Хочу стрелять второй раз — затвор не открывается, а пока я вожусь с затвором, подбегает ко мне эта сволочь (я обо всем забыл, вижу только один затвор) и с разбегу ударяет меня носком сапога в ногу; я рукою хватаюсь за ушибленное место, а он в эту секунду выхватывает мою винтовку и бежит с нею дальше. Тут стрельба идет со всех сторон, а этот егерь вскакивает в избу и стреляет напропалую из моей винтовки!

Лундстрем, казалось, совсем не слушал рассказ Каллио. Он спешил к телу Унха, которое уже подняли на руки и осторожно понесли к больнице.

Вместе с группой лесорубов, несших Унха, шагала молодая, тепло одетая женщина с белой повязкой Красного креста на руке.

Из избы вынесли тело фельдфебеля и тоже понесли, по распоряжению Лундстрема, в больницу.

Рядом с фельдшерицей шагал удрученный Каллио.

— Он убил Унха, — еще раз сказал Каллио Лундстрему, как будто видел его после катастрофы впервые.

— Нет, ваш Унха только тяжело ранен и, по-моему, совсем не смертельно, — сказала фельдшерица.

— Только ранен? Может выжить? — обрадовался Каллио.

— Думаю, что выживет, если будет спокойно лежать в постели и пользоваться своевременной врачебной помощью, — успокаивающе проговорила фельдшерица.

— Тогда вы ангел, сестрица! — чуть не запрыгал на месте Каллио. — Ну вот, мы и у цели! Прошу вас, барышня, не сердитесь на Унха, — чистейшей души человек. Вылечите его. А если он умрет, мы разнесем эту больницу по бревнышку!

— Простите грубость наших ребят, фрёкен, это всего-навсего простые лесорубы, они не обучались ни-

где манерам и топором владеют лучше, чем языком, но они чудесные парни, и сердца их сейчас наполнены тревогой за жизнь товарища, фрёкен, — сказал по-шведски Лундстрем и подумал: «О, если бы увидели ребята из цеха, как я провожу сегодняшний вечер, — ведь моему рассказу они ни за что не поверят!» Он повторил: — Простите их, фрёкен.

— Это невежи! — с презрением прошептала девушка.

И они вошли в палату.

— Разденьте его, — показала фельдшерица на Унха.

Унха открыл глаза, огляделся и, увидев встревоженное лицо Каллио, попытался улыбнуться.

— Не убили все-таки, капулетты!

И застонал.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Обойдя все избы, в которых расположились его люди, и объявив им об уходе в Советскую Карелию, Инари пришел в казарму и прилег на складной кровати в канцелярии пограничного отряда, теперь караулке.

Но не успел он прилечь, как в комнату ввалился возчик.

— Товарищ командир, мы задержали его, когда он пытался удрать из села. Он остановил лошадь только после нашего выстрела в воздух, — сказал сопровождавший возчика караульный.

Инари отчетливо запомнил этого возчика с того дня, когда тот ворчал, что люди, которые писем не ждут, получают их, а те, которым письма из дому нужны до зарезу, томятся от неизвестности.

— Что же ты нарушаешь приказы? — Инари был строг.

— Видишь ли, — смутился возчик, — я решил сначала не платить недоимок.

— Правильное решение!

— Потом узнал, что наши все уходят отсюда. Так

вот, у меня лошадь с собою, а корова, жена и сынишка дома. Четырнадцать километров отсюда моя деревушка. Ну вот и все.

— Поэтому ты, мобилизованный в обоз, решил бежать?

— Да нет же, Инари! Как я здесь живу? От руки ко рту. Что сработал, то и в рот. Мне нигде хуже быть не может. Ну вот, я и решил не платить недоимок.

— Слышал! — начинал сердиться Инари.

— А раз ребята все уходят, я решил тоже итти со всеми и взять с собой жену и Микки. Разреши съездить. Туда три часа, ну и обратно четыре, да там в два часа с женой соберусь. Самое большее в восемь часов все и оберну. Сейчас пять, — честное слово, к часу буду. Дай мне мерку овса для мерина.

— Можно выпустить его из Куолаярви, — распорядился Инари, подумав о том, что возчик этот явится глашатаем восстания в своей деревне.

Возчик радостно благодарил.

— Когда погрузишь сына, жену и барахлишко, не нужны будут твои сани обозу. Только трудности лишние. Но если ты решил итти с нами, мы тебе поможем.

А через две минуты по всему селу загрохотали выстрелы. Они рвались близко, казалось — совсем рядом с казармой.

Потом все замолкло.

В караулке люди волновались, хотели бежать на выстрелы, чтобы принять участие в завязавшейся схватке. Но в казарме были пленные солдаты, и как бы они себя ни вели, нужно быть настороже!

Инари выбрал самого спокойного и уравновешенного из всех бывших в караулке и приказал ему (благо выстрелы уже замолчали):

— Анти, иди сейчас же на улицу, разузнай, в чем дело, и немедленно донеси обо всем происходящем мне. Я буду здесь.

Анти встал, закинул за плечо свою винтовку, приладил к поясу свой медный котелок.

— Котелок тебе ни к чему сейчас.

— Да он, товарищ Инари, с ним и не расстается!

Медный Котелок вышел спокойно на крыльцо и, закрыв за собою дверь, вытащил из кармана синюю ленточку общества трезвости и вдел ее в петлицу. Он попробовал, прочно ли держится этот бантик в петлице, и спокойно пошел по опустевшей улице.

Выстрелов не было. Анти пошел в другую сторону, противоположную той, откуда раньше слышалась стрельба. Неизвестно еще, чем здесь кончится, а его дело сторона. Он не хотел быть замешанным ни в какое кровопролитие и решил незаметно смыться.

Инари, ожидая возвращения Анти, нервничал.

«Я залеплю ему выговор перед строем за такую неисполнительность», — негодовал он, когда в канцелярию вошел Лундстрем.

— Коскинен послал меня за тобой. Сейчас же иди. Небольшое совещание.

— У меня через полчаса развод, а моего заместителя Унха нет. Я не могу уйти из караулки.

— Совещание короткое, через полчаса придешь обратно. А в крайнем случае задержишь развод на четверть часа. Унха не жди... Унха не придет...

Инари посмотрел на Лундстрема, недоумевая.

— Вопрос идет о жизни и смерти Унха, — продолжал Лундстрем.

Когда они вошли к Коскинену, в комнате, кроме него, были Олави, рыжебородый командир второй роты, а за столиком под перевернутым портретом Шаумана сидел растерянный поручик Лалука.

— Мы берем с собой в Советскую Карелию, — говорил Олави, — господина поручика залогом того, что с нашими ранеными, которых с собой взять мы не можем, будут здесь обращаться по-человечески. Когда они выздоровеют, мы обменяем их на господина поручика. Это, по-моему, самый разумный и целесообразный выход из создавшегося положения. Что на это может сказать господин поручик?

— Господа, я нашел благородный выход для вас и для меня. Я даю честное слово финского офицера, что

в том случае, если вы меня оставите здесь на свободе, ни одного волоса не падет с головы ваших пленных, я гарантирую им полную личную безопасность и обеспечиваю самый лучший уход и потом высылку в Советскую Карелию, если они захотят, — сказал поручик Лалука, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Реальные гарантии? — спокойно спросил Коскинен.

— Я уже сказал вам — честное слово финского офицера.

Рыжебородый громко, оглушительно смеется, Коскинен улыбается.

«Этот офицеришка ценит свое слово больше, чем жизнь Унха и Сара!» — мрачно думает Инари. Ему совсем не смешно, он отлично знает, какие превосходные ребята Сара и Унха.

— А что, если власти не захотят считаться со словом финского офицера? — так же спокойно продолжает Коскинен.

«Господи, как он устал!» — думает Олави, глядя на его лицо.

— Этого не может быть! Я готов поклясться, что отдам все, что у меня есть, самого себя, наконец, на защиту, на исполнение своего честного слова, если вы не уведете меня отсюда в Россию.

— Мы обдумаем ваше предложение, господин поручик, — говорит Коскинен. — Лундстрем, уведи господина поручика в соседнюю комнату.

И Лундстрем уводит поручика. Щелкает замок, слышны шаги часового в коридоре.

Пока не возвращается Лундстрем, все молчат.

Колеблется язычок пламени на фитиле лампы, когда Лундстрем закрывает за собою дверь.

— Ты серьезно сказал о том, что мы обсудим это предложение? — спрашивает рыжебородый.

— Вполне серьезно, товарищи. Дело в том, что финляндское правительство официально не объявило войны Советской России. Советская Россия хочет мира. Мирное строительство — вот где будет окончательная победа. Если мы уведем с собой финского погранич-

ного офицера, советские власти по всем дипломатическим правилам должны будут выдать его обратно. И тогда уже наши раненые, оставленные в Куолаярви, будут совершенно беззащитны. Поручику же, если мы заставим поклясться при уважаемых свидетелях, будет стыдно потом отрекаться от своего торжественного обещания, и он постарается его исполнить. Поручика я не рекомендовал бы брать с собой, даже если бы он и не был согласен ни на какие обещания. Безопаснее просто пристрелить его, если это нужно. Мы обязаны сделать все, чтобы не было и намека на возможность какого-нибудь даже самого маленького пограничного инцидента.

Лундстрем сказал:

— Я все-таки не согласен оставлять на смерть, без всяких гарантий, наших товарищей.

— Но взять их с собой нельзя!

Командир второй роты присоединился к Коскинену.

— Я с удовольствием расстрелял бы поручика, — сказал Инари.

— Тогда Унха и Сара наверняка будут расстреляны, — Коскинен встал. — Товарищи, таково мое решение, оно продиктовано только необходимостью. Впрочем, если хотите, мы спросим, как думают обо всем этом сами раненые, — пусть их мнение для нас будет решающим.

Все встали.

В темном коридорчике к Коскинену подошел Инари и почти на ухо прошептал:

— Я думаю, что в конце концов ты прав, Коскинен. Я не могу итти с вами в больницу, я должен отправиться сменять караулы, мой голос — за тебя.

И они все вышли на деревенскую улицу.

В немногих окошках еще мерцали огоньки.

Инари свернул направо. Остальные шли прямо к больнице молча.

— Товарищ начальник, куда девался Сунила, почему его не было на совещании? — вдруг вспомнил Лундстрем.

— Не знаю, — сухо ответил Коскинен.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Рядом на койках лежали Сара и Унха.

Унха чувствовал отчаянную боль, как будто был приложен к ключице кусок раскаленного железа.

«Да, итти вместе с отрядом я не смогу», — думалось ему, и он, стараясь сдержать стон, искоса взглядывал на койку справа.

На ней бредил Сара. Но и в бреду своем он видел стариков родителей, которым теперь уже ничто не могло бы помочь.

На койке слева спокойно спала фельдшерица, и золотистые ее локоны расплескались на подушке.

«Это она поручика во сне видит», — подумал Унха, но улыбки у него не получилось, и он пытался, не обращая внимания на боль, забыться сном хотя бы на несколько минут.

Фельдшерица действительно старалась главным образом для господина поручика.

Когда она, наложив повязку и указав Хильде, как обращаться с ранеными, уже собиралась уходить домой, в помещение больницы вторглись незнакомые ей люди — вооруженные лесорубы, называвшие себя штабом. Из всех них ей немного знаком был один лишь высокий Олави — тот самый, на поведение которого совсем недавно сетовал старик, отец Эльвиры.

Так вот, оказывается, чем был он болен, а она-то, глупая, давала разные медицинские советы!

— Подождите, фрёкен, — сказал ей ласково человек, и раньше уже разговаривавший с нею по-шведски, — погодите, фрёкен, не уходите еще несколько минут, вы нам будете нужны. — И затем уже совсем тихо, чтобы слышала только она, спросил: — Фрёкен, почтарша в Коски не приходится ли вам родственницей? Очень уж похожи вы на нее...

— Только сестра, — улыбнулась фрёкен и сразу же замерла.

В комнату ввели поручика, а за ним вошел церковный староста.

Унха раскрыл глаза.

Он был в полной памяти, совершенно ясно понимал все, что происходит вокруг него и с ним. Он слышал, как фельдшерица говорила о том, что раненых трогать нельзя. Но он не знал еще о том, что батальон уходит в Советскую Карелию.

Сара по временам приходил в себя и просил воды. Фельдшерица до прибытия доктора боялась давать ему пить.

Пуля попала, по ее диагнозу, ему в живот. Вот и сейчас он, с трудом шевеля своими пересохшими губами, просил:

— Воды глоточек дайте!

— Сара, ты слышишь меня? — спросил Коскинен.

— Да, — прошептал Сара и застонал. Он сейчас был в полном сознании.

— Унха, ты слышишь?

— Слышу.

— Мы уходим из Куолаярви в Советскую Карелию. Мы вернемся, но когда — неизвестно. Вас с собою брать нам нельзя. Мы хотим обеспечить вам неприкосновенность. Мы хотели взять заложником с собой господина поручика, а когда вы выздоровеете, обменять его на вас. Понимаете? А господин поручик предлагает дать клятвенное обещание, что он обеспечит вам уход и полную безопасность, не щадя своей жизни, если мы его оставим здесь, в Суоми, и не возьмем с собой в Карелию.

— Я не верю поручику... — невнятно ответил Унха, а ему казалось, что говорит он раздельно и ясно. — Я не верю поручику. Этот проклятый капулетт посадил меня в холодный карцер за то, что я пошел на спектакль «Ромео и Джульетта». Фельдфебель делает с ним все, что хочет. Я служил под его начальством. Это собака. Ой! . .

— Фельдфебель убит, — прервал Лундстрем, сам волнуясь не меньше Унха, — убит!

Коскинен движением руки, означавшим: «Не прерывай», остановил Лундстрема.

Все услышали, как тикают часы на стене, — каждый услышал хриплое дыхание Сара и стук своего сердца.

— Унха, — спросил Коскинен, — ты еще слушаешь меня, ты понимаешь?

— Слушаю, понимаю!

Коскинен все объяснил ему.

Унха думал.

Рана его горела, и собирать разбегающиеся мысли было трудно.

— Господин поручик, вы не раздумали еще насчет своего честного слова? — сурово спросил Коскинен.

— Нет.

Поручик присел на край табурета. Сейчас этот рядовой по фамилии Унха одним словом своим решит судьбу его, поручика. В этом было для поручика что-то невыносимо оскорбительное. Он думал, что если этот Унха решит, чтобы его, поручика, лесорубы взяли в Россию заложником (а как же иначе может решить Унха, когда вопрос идет о его шкуре!), тогда он вырвется, выхватит у их начальника револьвер, и пусть они его застрелят в свалке или, может быть, только тяжело ранят и в таком случае оставят здесь, в Куолаярви, в больнице, вот на этой третьей койке.

«Где теперь мои родные? — думал Унха. — Что они знают обо мне? Где мой отец и мать, которая так любила меня? Что я знаю о них и о братьях и сестрах, разбросанных по Финляндии?»

И снова начиналась отчаянная боль.

«Господи, если я не умру, как мне будет хорошо жить! У меня теперь есть настоящие товарищи, я узнал, как надо жить».

И он с благодарностью посмотрел в лицо Коскинена и других ребят-лесорубов, обступивших его плотною стеной, таких дорогих, стоящих сейчас почему-то без шапок.

Он постарался в глазах Коскинена прочесть, какого ответа тот ждет от него. Но глаза Коскинена были попрежнему спокойны и только казались немного печальнее.

— Я не верю ни одной клятве поручика: ее съест или фельдфебель, или генерал, — звучал словно издалека его голос.

— Так ты, значит, предлагаешь взять поручика заложником? — обрадовался рыжебородый.

Фельдшерица вздрогнула.

— Нет, — спокойно сказал Унха и облегченно вздохнул; мысли его прояснились совсем. — Нет... Оставьте поручика здесь, в Куолаярви. У Советской республики много своих дел и без меня.

— Спасибо!

Коскинен порывисто встал.

— А как ты думаешь, Сара?

— Что скажет Инари, тому и быть. Я верю Инари. Дайте мне воды.

— Инари согласен во всем с решением Унха, — громко сказал Коскинен, и Унха услышал в его голосе волнение.

— Господин поручик, вы готовы?

— Готов, — охотно ответил поручик.

— Вас, херра староста, и вас, нэйти фельдшерица, мы попросим присутствовать при торжественном обещании поручика, как свидетелей.

Фельдшерица при этих словах подумала об Александре, поднимающем северный финский мир, и вставший во фронт поручик показался ей жалким и ничтожным.

— Тогда начинайте. Протокола вести мы не будем, мы полагаемся на честность свидетелей.

— Перед лицом всемогущего господа бога, в присутствии уважаемых мною свидетелей я, поручик финской армии Лалука, настоящим приношу торжественную клятву в том, что обеспечу неприкосновенность, личную безопасность и хороший, честный уход раненым партизанам Сара и Унха, оставленным здесь на мое попечение штабом партизанского батальона Похьяла. Для выполнения этого обещания обязуюсь в случае надобности сделать все от меня зависящее. Ежели я не выполню эту клятву, всякий может считать меня подлецом и негодяем, а господь бог — клятвопреступником.

— Аминь! — громко произнес староста.

— Аминь! — тихо повторила фельдшерица.

— Господин поручик, ваша честь теперь в ваших руках.

— Да все равно это напрасно, — проговорил Уиха, — я их клятвам не верю.

И он, совсем позабыв о том, что у него болит ключица, хотел пренебрежительно махнуть рукой. От боли он застонал и потерял сознание.

Сара тоже закрыл глаза.

Фельдшерица вступала в свои права.

Она потушила одну лампу, и комната снова погрузилась в полумрак. Она сказала всем:

— Уходите скорей, раненым нужен прежде всего покой. И потом я хочу по-настоящему помочь господину поручику выполнить его обещание.

Партизаны, толкаясь и стараясь не шуметь, вышли из больницы в морозную ночь.

— Если вы, господин поручик, обещаете мне в течение тридцати часов, считая от этой минуты, не предпринимать против нашего отряда никаких враждебных действий, я освобожу вас из-под стражи.

— Обещаю, — ответил поручик.

В конце концов, он не так уж плохо выпутался из этой скверной истории.

— Я пойду собирать к отъезду свое семейство, — сказал Олави.

— Ну что ж, иди, — отпустил его Коскинен и на прощание прибавил: — Какие отличные парни у нас, Олави!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Олави пошел собирать в дорогу свое семейство.

Из этого двора должны были отбыть в путь две лошади. Одна принадлежала Эльвире — ее приданое, тот знакомый жеребенок с подпалинами, выросший уже в отличнейшего коня. На этих санях собиралась ехать за мужем своим Эльвира с дочерьми Хелли и Нанни.

Другие сани были взяты в порядке мобилизации, и возчиком ехал сам отец Эльвиры.

Он подрядился перевезти на последнем участке пути батальона груз в четыреста кило. Это был большой ящик американского сала. Из соседнего дома надумал ехать с Олави в Карелию муж Эльвириной сестры, гармонист Лейно.

— Посмотрю, как там люди живут, не понравится — вернусь!

Он был увлечен этим потоком саней и своих знакомых ребят — лесорубов и возчиков.

Его всегда привлекало приволье многолюдного общества, когда можно показать свое умение выпить и, выпив больше других, играть на гармони лучше трезвых гармонистов. В конце концов, он был совсем неплохим парнем, хотя и не умел заглядывать далеко вперед.

Лейно решил поехать со всем обозом добровольно, взяв немного скарба с собой, тем более что ехать-то все равно пришлось бы, если не со своим барахлом, то с казенным грузом, а на оплату Лейно не очень рассчитывал. Тем, что увязалась за ним в это путешествие жена, он был немного недоволен, но ничего не поделаешь, эти женщины не любят, чтобы им отказывали. Когда Эльвира узнала о том, что с обозом отправляется еще ее сестра с мужем, она очень обрадовалась и, растормошив поцелуями девочек, принялась их кутать.

Им предстояла трудная дорога.

— Куда мы едем, мама? — спросила Эльвиру Хелли. — Куда мы едем так поздно ночью? Наверно, уже девять часов?

Это было самое позднее время, какое могла себе представить Хелли.

— Позже, доченька, сейчас уже больше трех. Мы едем в другую страну, в Советскую Карелию.

— А что, мама, разве опять по течению приплыл к нам веник? — обрадованно спросила Хелли.

Эльвира, не расслышав, о чем спрашивает дочка, чтобы избавиться от дальнейших расспросов, отвечала утвердительно, тем более что Олави уже торопил ее:

— Надо выезжать со двора, чтобы попасть в середину обоза. Скорей, Эльвира!

Отец вывел свои нагруженные сани полчаса назад.

Эльвира выбежала во двор. Ворота на улицу уже были распахнуты.

Эльвира сняла кошелку с овсом с морды лошади, как в детстве, поцеловала мохнатые, замшевые губы и повела ее к выходу под уздцы.

Олави на руках вынес закутанную Нанни, она сладко спала. Хелли сама взгромоздилась на сани и тоже скоро заснула.

Уже проходил по совсем еще темной улице бесконечный обоз.

На перекрестке с проселочной дороги выехали сани и пристроились вслед за санями Эльвиры.

— Кто? Откуда?

— Это я! — ответил возчик. — Товарищ Инари разрешил мне съездить домой за женой, сыном и одеждой.

— Здесь вот сынишка, спит в санях, я закутала его в одеяло, — добавила женщина, сидевшая в санях за спиной возчика.

Батальон пошел на восток.

Дорога была плохо наезжена. Лошадям предстоял утомительный путь. Последняя деревня Суоми находилась от границы приблизительно в сорока километрах, и на столько же, если не больше, от границы отстояло первое селение Советской Карелии.

Обоз, казалось, шел нескончаемым потоком, и Олави с трудом ввел в него свои сани.

Так Эльвира со своими малыми дочерьми вошла в батальон, и так второй раз для нее началась новая жизнь.

Сани отца двигались позади метрах в семидесяти, но Эльвира об этом узнала только тогда, когда стало совсем светло.

Инари пошел снимать в последний раз посты в Куолаярви.

Начался обход часовых. Проходило время их смены, и некоторые, наблюдая уход обозов и рот, начинали волноваться. Но Инари и на этот раз пришел во-время.

Уже светало, когда он привел снятых с постов партизан в казарму, в караулку.

Он сказал Легионеру, дежурившему в комнате пленных:

— Выйди из комнаты, сторожи снаружи в коридорчике, ходи взад и вперед и все время постукивай прикладом по полу.

— А для чего это нужно? — изумился Легионер.

— Делай, потом увидишь. А ты, Каллио, позови мне парнишку Сипиляйнена, Анти, в третьем доме отсюда по левой стороне живет.

Анти Сипиляйнен вечером разругался со своим отцом. Ему на той неделе стукнуло пятнадцать лет, он считал себя совсем взрослым мужчиной и, увидев пришедший вчера в село батальон восставших лесорубов, решил примкнуть к партизанам и попросил у Инари оружие.

Инари, вспомнив свое бесприютное детство, ласково похлопал мальца по плечу и сказал ему, что оружия в батальоне не хватает для взрослых бойцов и что если он, Анти, понадобится, то Инари не забудет его.

Вечером, когда стало известно, что лесорубы покидают Куолаярви, Анти заявил отцу, что уходит вместе с партизанами. Отец запретил, и они разругались так, как не ругались никогда в жизни.

Ночью, когда сын крепко спал, забыв обо всех своих обидах, отец выкрал у него кеньги и спрятал их в потаенное, одному ему известное место.

Когда Каллио утром постучался в дверь, Анти еще спал, а отец его чинил порванную рыболовную сеть.

На стук отец не тронулся с места и продолжал чинить невод.

Но от стука проснулся Анти. Он вскочил. Не найдя подле себя кеньг, сразу сообразил, чьи это проделки, и разразился руганью.

Между тем Каллио продолжал дубасить в дверь прикладом своей винтовки.

— Отвори, а то буду стрелять!

Надо было отпирать, и старик с неохотой, кряхтя, пошел по потертым половицам к порогу.

— Кого надо тебе? — спросил он.

— Парнишку Сипиляйнена, Анти! — кричал Каллио. — Начальник требует!

«Вспомнил обо мне! Я понадобился!» — обрадовался Анти и запрыгал босой по полу.

— Дай, отец, кеньги!

— Начальник требует скорее, — торопил Каллио.

— Сына отнимаете... — ворчал старик, боясь громко говорить с вооруженным человеком.

Он, кряхтя, достал пару старых кеньг и швырнул сыну.

На этот раз парнишка промолчал.

Через минуту они поднимались по ступенькам крыльца казармы.

— Здорово, Анти, ты нам можешь пригодиться.

— Вы берете меня с собой? — обрадовался мальчик.

— Ничего подобного! Мы оставляем тебя здесь. Ты не огорчайся, работу даем тебе по силам. Вот в соседней комнате сидят тридцать пленных солдат. Мы сейчас уходим. Солдат этих сразу выпустить нельзя, они могут наделать много неприятностей. Оставлять часовых тоже не стоило бы — слишком уж трудно бывает догонять. Вот я и подумал о тебе. Ты отлично мог бы их сторожить часа два после нашего ухода, а потом спокойно скрыться, чтобы никто из них не услыхал. Потом, конечно, надо тебе молчать.

— Да, но как я справлюсь с тридцатью солдатами? — радуясь такому важному поручению, спрашивает Анти.

— Очень просто.

Инари выводит парнишку в коридорчик. Перед запертой дверью мерно взад и вперед шагает Легионер. Он ритмично постукивает прикладом об пол.

— Тебе придется только ходить взад и вперед и постукивать об пол. Вот и все.

— Товарищи, — говорит Инари своим партизанам, — выходите поодиночке из помещения и идите за батальоном по следам. За околицей остановка, общий сбор.

И все поодиночке выходят нз помещения, осторожно, стараясь не шуметь, спускаются с крыльца, отыскнвают среди других прислоненных к стеие свои лыжи. Становятся на них и идут по дороге, идут по широким следам ушедшего батальоиа и обозов. Последиим выбирается Иигари. Ои ставит на место Легионера Антн Сипиляйиеиа н дает ему в руки дубинку. Аити, подражая Легионеру, ходит, отпечатывая шаги, по коридорчику н постукнвает в такт своим шагам дубиикою по полу. Стук получается такой, будто ударяешь об пол прикладом. Только винтовку надо просто опускать на пол, а дубинкой надо стучать.

Вот н Легнонер с Инарн скрываются за поворотом.

Аити все ходнт взад и вперед по коридорчику. Он думает о том, что придется возвращаться домой н просить отца, чтобы тот скрыл уход сыиа из дому к партизаиам н его неждаиное возвращение.

Не хотелось уиижаться перед отцом.

А в это время Ииари ведет уже построеииый у околицы Легионером свой арьергардный отряд по дороге, по которой прошлн все три роты восставших лесорубов Похьяла, прокатились груженые сани обозов Олави, проехала закутаниая до глаз красиощекая Хильда.

Господи, как отогнать усталость, подступающую к сердцу, и сои, смыкающий глаза?!

И вот Легиоиер сиимает с плеча Ииари винтовку и надевает ремеиь на свое плечо.

Тяжелые ели протягивают свои мохиатые хвойные, нагруженные белым пухом лапы и, если во-время не постороииться, колко бьют по лицу.

Каллио берет у Ииари его заплечную сумку с едой и смеиой белья и навьючивает ее на себя.

— Иди, Ииари, порожияком, у тебя усталый вид.

У Инари не хватает сил возражать, н он равиодушио идет вперед, сопротивляясь все набегающим приступам сна.

Но странио — почему теперь, стоит только опустить воспалениые веки, перед глазами его встает Хильда?.. Лицо ее, взволноваиное и смущеииое, иежное и испугаииое, совсем такое, какое один раз он видел в раннем

детстве своем у матери, когда она нагнулась над ним, лежавшим в тяжелой болезнн. Она думала тогда, что он спнт, а он запомнил это лнцо таким на всю жизнь. И лицо Хильды, когда он осенью провожал ее к железной дороге, было тогда совсем таким же. Как тогда это ему не пришло в голову? Хильда! Вот теперь даже пожелаешь приказать своим ногам: «Остановнтесь, не двигайтесь», — они все равно будут спокойно, несмотря ни на что, поочередно толкать лыжу вперед по наезженной снежной дороге.

Каллио думает:

«Проучилн мы этих белогвардейцев, всыпали им по первое число. Теперь недурно бы и пропустить рюмочку-другую».

— А ну, ребята, наддайте ходу, — говорит Легионер, — надо же нам согреться.

И они убыстряют шаги.

Вот у дорогн оставлен для них, наверно, обозом ракатулет.

— Молодцы, обо всем подумали!.. Это, наверно, Олави распорядился.

Можно на полчаса, на час остановиться у ракатулета, погреть рукн н ноги, размотать шейный шарф, вскипятить кофе и закусить салом, вяленой салакой и неккн-лейпа.

Да здравствуют долгожданные и все же неожиданные привалы на лесной дороге!

Трем пленным солдатам захотелось в уборную.

— Уже прошло больше чем два часа, нас должны повести, — сказал один из них.

— Черта с два! Часовой там заснул, разве ты не слышишь? Он давно шагать перестал.

Тогда, подождав несколько минут, пленные стали стучать в дверь и, не получив ответа, немного даже испугались. Потом они открыли форточку, и один из них, высунув голову наружу, убедился, что караула нет.

Пленные, все еще боясь выстрелов и окриков из-за

угла, выставили оконную раму и по очереди поодиночке стали вылезать на улицу.

Ключа в замочной скважине не было. Его, очевидно, взяли партизаны с собой.

Один из солдат заходит в дом Анти Сипиляйнена, берет у него лыжи и идет по дороге, ведущей на восток, по дороге, по которой сейчас идет арьергард Инари, — он хочет уйти вместе с партизанами.

Хвойные лапы бьют Инари по лицу, осыпая мелкий снег; ноги несут его по уже проложенной лыжне; нет, ему не холодно сейчас (двух пальцев ноги он не чувствует); нет, ему не хочется есть (хороший черный кофе и кусок шпика у ракатулета); нет, он даже не устал (так можно итти день, ночь, день, ночь, до бесконечности), ему просто отчаянно хочется спать.

А снег на дороге такой синий, и ветви задевают лицо.

Вперед, товарищи! Вперед! Мы оберегаем тыл непобедимого красного партизанского батальона лесорубов Похьяла.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Молодость всегда молодость, даже после утомительнейшего перехода она требует своего.

Когда арьергард входил в деревню Алла-Курти, уже начинался наигрыш гармоней — готовилась последняя вечеринка на территории Суоми, последняя гулянка на родной земле.

Девушки и молодухи и даже девчонки надевали свои лучшие платья, потуже заплетали свои светлые косы.

Юбки у всех девушек были пестры; на каждой их было много, одна на другой, как капустные листья.

Как отлично, когда девушке не надо кружиться в вальсе, обняв за талию подруженьку, — кавалеров хоть отбавляй!

Или еще лучше — будут сегодня водить хороводы, играть в веселые игры. Столько хороших, крепких ребят пришло!

Есть с нимн и здешнне, ушедшне на заготовки осенью н так неожнданно нагрянувшне до весны. А ведь домашнне поджидалн нх только к лету, когда обмелеют все эти бесчисленные, громко бегущне рекн н ручьи и окончится сплав.

— Расположиться на отдых! — отдал распоряжение Инарн.

Теперь, когда переход был совершен, он мог по-настоящему обдумать свой последний разговор с Коскненом.

— Вместо Унха мой заместитель Легнонер! — сказал он всем.

Чудесная девушка Хильда! Это она указала Инари отличный сеновал. Накрывшнсь медвежьнмн и оленьнмн шкурамн, закопавшнсь в сено, там можно было превосходно поспать. Хнльда же помогла ему и устронться на сеновале.

— Хнльда, — сказал Инари, зарываясь в сено, — Хильда, ты должна быть моей женой.

— Ладно, Инарн, — ответила она н поцеловала его в губы. — Ладно, Инарн, я об этом думала давно, ты мне снился несколько раз в бараке на лесных заготовках.

— Ты будешь меня ждать, если нам надо будет снова расстаться?

— Еслн нас опять разведет судьба в разные стороны, я согласна ждать тебя хотя бы всю жизнь, — тнхо сказала Хнльда, и видно было, что она говорит правду. — Отдохнн, Инарн! — Она взбнла повыше сено под его головой н снова поцеловала его.

Инарн хотел было ей рассказать о том, что сегодня же онн расстанутся, но передумал. Это была не его тайна.

— Я очень устал, Хильда, — сказал он. — Мне хотелось бы натереть отмороженные пальцы спиртом; может быть, онн отойдут. Ты, кажется, мне тоже снилась.

И Хнльда спустнлась с сеновала и побежала с кофейной чашечкой доставать денатурат.

«Пожалуй, мне следовало все объяснить Хильде, — подумал Инари, оставшись один на сеновале. Но он вспомнил, как бранил осенью Лундстрема за то, что тот разболтал партийную тайну, и решил, что правильно сделал, ничего не сказав Хильде. — Где бы мы ни были, мы будем ждать друг друга. Она поймет, почему я ничего не сказал ей, и простит. Ну, а теперь надо подумать как лучше выполнить новое задание».

И как раньше ему было жалко покидать Суоми, так теперь жалел он о том, что надо будет расстаться с партизанами. Но он и в самом деле очень устал и поэтому заснул через несколько минут, так и не дождавшись возвращения Хильды.

В обозе везли большую бочку спирта, захваченную у аптекаря в Куолаярви. Как испугался очкастый жирный фармацевт! Он запер на все засовы дверь и выкрикивал в форточку:

— Здесь все казенное, я не имею права никаких лекарств продавать без рецепта!

Пришлось взломать дверь. Взяли с собой вату, бинты, дюжину флаконов одеколона, мыло и бочонок с денатуратом.

— Пьяницы! — кричал толстый аптекарь. — Пьяницы, вы губите самих себя: его нельзя пить, он ядовит, — посмотрите на череп и кости!

Аптекаря отстранили, а забранное погрузили в сани.

— Это ваше имущество или казенное, господин аптекарь? — вежливо осведомился рыжий возчик.

— Да говорят же вам, что это казенное! — с проблесками надежды в голосе снова закричал аптекарь.

— Вот и отлично, что казенное: тогда нам это не будет стоить ни одной копейки, — улыбнулся рыжебородый и пояснил недоумевающему фармацевту: — За частное имущество мы платим по нормальной цене, казенное берем бесплатно.

И хлестнул по лошади, оставив растерянного аптекаря на крыльце.

Товар принадлежал аптекарю, и объявил он его казенным, чтобы устрашить партизан.

Денатурат в дороге очень пригодился, и не одному лесорубу спас он пальцы, уши, нос. Сейчас бочонок поставили в избе, где расположились семейные люди с детьми. Спиртом распоряжалась вооруженная Айно.

— Подумай только, мой муженек подсыпался сейчас ко мне. Просит: «Отцеди мне кружечку горло прополоскать», — стала жаловаться она Хильде, вошедшей с кофейной чашечкой в руке. — И тебе нужен спирт? Ты же не обмороженная?! — изумилась она просьбе Хильды. — Как для мужа? Муж лежит? Пальцы на ногах отморожены? Представь себе, я никогда не думала, что ты, голубушка, замужем, — тараторила Айно, бережно отцеживая спирт и стараясь не уронить ни одной капли.

Хильда поднялась на сеновал и, осторожно ступая по сену, подошла к шкурам, в которые был закутан Инари, и наклонилась к нему. Он уже заснул и спал мальчишеским, самым крепким сном в мире.

Когда она поцеловала его глаза, на губах его скользнула и растаяла, как снежинка, еле приметная счастливая улыбка.

Хильда тихо рассмеялась. Как бы ей ни хотелось разбудить сейчас Инари, она его не разбудит. Пусть спит. Он так, должно быть, устал.

Внизу, в избе, поместился почти весь арьергард — отряд Инари.

Вот сейчас выходят из освещенной комнаты Легионер и молодой лесоруб. Они видят, как Хильда по приставной лесенке спускается с сеновала, в волосах ее запуталась сенная труха и соломинки.

— Откуда ты идешь? С кем у тебя там наверху свидание? Кто там? — подшучивают Легионер и молодой лесоруб.

«Не скажу им, — думает Хильда. — Еще, чего доброго, разбудят они его, не дадут выспаться вдоволь».

— Идем с нами на вечеринку, — говорит Хильде молодой лесоруб. — Здесь есть, конечно, девушки, но ты своя, из нашего же барака, и потом ты мне нра-

вишься больше других. — И он хочет поцеловать Хильду.

— Танцевать я с тобой, может быть, и буду, только ты не целуй меня, — отстраняется от него Хильда.

— Ну, какой тогда интерес? — замечает Легионер.

И они втроем выходят на улицу.

Каллио выскакивает из комнаты и кричит вдогонку молодому лесорубу:

— У тебя винтовка не почищена!

— Вернусь, тогда и почищу.

— А отдыхать?

— Жизнь одна! — кричит молодой лесоруб.

Играет на дворе гармонь, и двери с улицы и двери из комнаты захлопываются, и тьма захватывает сеновал. Только морозный луч февральского месяца все-таки пробивает себе дорогу через полукруглое чердачное обледенелое оконце.

В деревне было шумно и весело.

Трещали разложенные вдоль улицы костры. У огня грели руки прохожие и люди, не попавшие на ночевку в помещение — все было переполнено сверх меры.

Хелли жаловалась на сына возчика, взятого отцом в этот поход:

— Мама, он меня дразнит!

Мальчику было семь лет, кочевая жизнь ему, видимо, очень нравилась.

— Все реки на свете замерзли, и никакие веники к нам не приплывали. Мы потому все идем, — говорил он, — что никто не хочет платить недоимок и ждать, чтобы ленсман все отнял. Вот.

А маленькая Нанни закутала свою ножку и укачивала ее в такт долетавшим издалека звукам гармони:

— Бай, бай, милая! Спи, спи, ноженька! На дворе темно...

— Да, на дворе давно темно, и спать, дети, давно пора, — улыбнулась Эльвира и стала укладывать девочку спать.

— Не знаешь, Эльвира, кто муж Хильды? — спросила Айно. — Любопытно бы узнать.

— Нет, не знаю, я не знаю даже Хильды. — И она взяла дочку на руки. — Спи!

За окном играла гармонь и радостно и тоскливо, как в тот памятный последний свой день отцовская четырехрядная...

— Спи, Нанни, мы уже большие...

— Зачем же вам непременно уходить из деревни сегодня? — прижимаясь к Лундстрему, спросила девушка.

Гармонист играл веселые песни, парни и девушки кружились в шумном хороводе, и пол ходил ходуном.

На лавках, установленных вдоль стен, теснились, вытирая пот, отдыхающие после танцев, раскуривали свои самодельные трубки партизаны, те, что посолиднее, и пожилые поселяне.

— Зачем уходить вам сегодня? Переждите погоду и повеселитесь с девушками; такого веселья отродясь в нашей деревне не было, — повторила девушка и еще теснее прижалась к Лундстрему. — Смотри, все против вашего ухода. Слишком ясно сияет крутогогий месяц — к стуже! Смотри, в печи слишком красный огонь — к морозу. Когда я пошла сюда, наша собака выскочила из избы валяться на снегу, — это тоже к злейшей стуже, — убеждала девушка.

— Милая, уже все решено. — И горячие губы Лундстрема прижались ко лбу девушки.

Но в неясном освещении переполненной большой комнаты сельской школы все были заняты своими делами, своими девушками или своими кавалерами, так что никто и не заметил этого.

Никогда не забыть мне этого вечера перед переходом через границу, никогда не забыть мне моей девушки, веселой и смущающейся, в теплой кофточке из тяжелой синей шерсти.

Вот как будто держу я сейчас свою руку на сильной ее талии и тепло ее дыхания ложится на только что выбритые мои щеки.

Счастливые были дни.

Вот имени ее не пришлось запомнить — Мартой ли ее звали или Элизой, Марией или Тюне.

Если ты жнва еще н еслн когда-нибудь придется встретнть тебе эти строкн, вспомни неуклюжего молодого лесоруба, грубоватого и нежного, по рассеянности нлн по прнвычке н сюда, на вечерннку, захватнвшего свой топор.

Помнишь, заткнутый за пояс, он мешал тебе потеснее прнжаться ко мне, а я не знал, куда его положить, н неудобио было мие с инм расстаться.

Ты припомни еще, что сказал танцевавшнй рядом с намн бойкий парень в меховой курточке. Я сам забыл, над чем н как он пошутнл, но помню, что нам было очень весело н смеялись до упаду.

А как нграл гармоннст!

Вот славно было бы прнпомннть все его шутки! А как одии из сидевших на лавке у стены лесорубов вскочил и крикнул: «Дай-ка тряхну старнной. Послушай, Инарн! Послушай, Каллно!» — выхватил гармоиь нз рук гармониста н сам заиграл.

Инарн не было на вечерннке, а мы уже всласть иаслушались замечательиой нгры гармоииста Лейио, пока за ннм ие пришла жеиа.

Он намотал на шею зеленый свой шарф, надвинул финку иа глаза н пошел к выходу, а мы остались.

Помннхшь, мы вышлн нз комнаты только тогда, когда в спертом от дыхання миожества людей и табачного дыма воздухе замнгалн тревожно лампы. Только тогда, — а позади былн уже ночные и снежные переходы, н через трн-четыре часа начннался последнйй, труднейшнй.

Но впереди была у нас вся прекрасиая жизнь.

Прнпомии все это, моя милая девушка, и простн — пнсем я не писал, вестей о себе ие подавал, н ты, может быть, обо мне забыла. А я изредка вспоминаю эту ночную вечерннку в заброшеиной в прнполярных лесах деревушке Курти, н сердце у меня сжимается.

Я думаю о том прекрасиом времеин, когда Суомн стаиет свободиой и я приеду в далекую, заброшеииую деревню Куртн н иачну отыскнвать мнлую мою девушку, с которой мы вышли тогда вместе нз комиаты.

Только вот имеии ее не пришлось мне запомнить.

но ее фигурка, теплое дыхание подскажет: вот она. Я подойду к ней и спрошу:

— Помнишь ли ты молодого лесоруба? Правда, морщинки кое-где побежали по лицу, правда, позавчера я вырвал несколько седых волос из головы, но я так же молод и так же приятно смотреть мне на тебя и держать за руку, как и тогда, в ночь на седьмое февраля.

И только одного я боюсь — что, взглянув на меня, ты так же звонко рассмеешься, как тогда, на морозе, и скажешь:

— Я не могу долго разговаривать с тобой, я спешу: пора кормить дочку.

Я отлично понимаю, что ты должна была кого-нибудь полюбить и выйти замуж; ведь у меня-то самого не только было дела — ждать этой встречи. И все-таки мне станет обидно, милая моя нэйти. Но не огорчайся за меня, обида моя скоро пройдет. Разве можно будет ходить печальным в те дни, когда Суоми станет свободной?

Крутторогий месяц сиял на темносинем небе, и снег был совсем темносиним, и навстречу нам ехали сани.

Ребята остановили их; это были наши партизаны, они везли оружие, взятое на пограничном посту.

— Смешные эти солдаты! После небольшой перестрелки они сложили все оружие, что было у них, в кучу, а сами разбежались кто куда. Ни одного из них не удалось увидеть — попрятались, канальи. Ну, мы оружие погрузили, телефонный аппарат сняли — и айда обратно!

И они поехали дальше сдавать добычу Олави, а мы пошли веселой гурьбой и грелись у каждого встречного костра, и нам не было холодно. И у нас не было места приткнуться, чтобы посидеть вдвоем.

Так мы и ходили по улицам, смотрели вверх, на синие мохнатые мигающие звезды, присаживались на приступочках.

Потом, помнишь, мы встретили солдата в полной форме, только без погон. Он шел на лыжах и тяжело дышал. Он спросил нас:

— Как пройти к главному начальнику?

А я спросил его:

— Для чего нужен тебе главный начальник?

— Я бывший солдат из гарнизона Куолаярви, рядовой. Я покинул свою часть и хочу итти вместе с вами в Карелию. Я хочу добровольцем записаться в батальон партизан Похьяла.

И мы проводили его до самого штаба. Нам было странно, что Коскинен в такое время не спал. Потом опять мы ходили по улицам, смотрели, как в зрачках отражается полумесяц, как ложатся на рукава снежинки.

Так мы ходили, пока не начал собираться обоз и возчики не стали запрягать своих лошадей.

Тогда мы расстались.

Я был в арьергарде. Значит, еще часика четыре можно поспать.

Каллио укладывался рядом со мной.

Как это меня угораздило забыть ее имя!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Легионер умылся снегом.

Сегодня утром трудно было найти свежий, не примятый следами снег. Слишком много народу и лошадей прошло через эту небольшую деревеньку. И хотя отряд уже ушел (больше часа назад скрылись на лыжах за поворотом в леске спины последних бойцов третьей роты), в деревне оставалось еще немало людей, лица которых уже успели примелькаться в пути.

Инари не было.

Но отсутствие начальника арьергарда не очень обеспокоило его заместителя Легионера. Он верил командиру, и если Инари не появляется, ушел в разведку или по какому-нибудь секретному поручению Коскинена, не сказавшись, — значит так надо. А его дело, дело заместителя, — временно принять командование на себя и выполнить намеченный штабом план, в который он был посвящен.

Легионер вошел в комнату.

Люди спали, не сняв кеньг и забыв распустить пояса. Поздний рассвет подступал к окнам.

Он с силой захлопнул за собой дверь.

Никто из лежащих на полу даже не шевельнулся. Тогда он взял из козел, построенных в середине избы, свою винтовку, высоко поднял ее и выстрелил в потолок.

От грохота винтовочного выстрела все зашевелились. Каллио вскочил сразу на ноги и бросился к козлам.

— Смирно! — скомандовал Легионер. — Смирно! Через сорок минут отряд наш — арьергард — выходит в дорогу. Быть всем готовыми к сроку! — И уже тише, не по-начальнически, спросил: — Ребята, никто из вас не видел Инари?

Нет, конечно, никто не видел Инари, и никто, кроме Хильды, не знал, где он находится. Но Хильда была в обозе... Обоз выходил на три часа раньше, чем арьергард. И Хильда, уходя, решила не будить Инари — пусть поспит еще часика три.

Хильда сейчас на своих санях встречала морозное, совершенно багровое солнце; на это солнце можно было смотреть в упор.

Проехал на расписных санях с бубенчиками Коскинен, и Лундстрем махнул Хильде рукой с облучка.

Когда впереди останавливалась какая-нибудь лошадь, весь обоз должен был останавливаться — шли по одной колее.

Первая рота была далеко впереди. Отставшие от второй роты партизаны присаживались порою на край саней, чтобы проехать немного и, отдохнув, догонять свою часть. Они балагурили.

Партизаны шли по темным, нетронутым лесам. Дорога медленно, почти незаметно, подымалась вверх. Начинался водораздел Балтийского и Белого морей.

Да, Хильда ехала сейчас впереди арьергарда километров на десять, и у нее было много своих дел.

Дольше ждать нельзя было, и арьергард вышел в путь без Инари.

Когда они выходили из деревни, за ними бежали мальчишки, кланялись, прощаясь, девушки. Один старик с надеждою в голосе спросил:

— Скоро ли придете снова?

— Скоро, отец.

Крестьяне жалели о том, что повстанцы уходят.

«Надо будет об этом доложить Коскинену», — подумал Легионер, но Коскинен видел это и сам.

Снова бродил по лесу, обступившему плотной стеной дорогу, розовый свет раннего солнца, снова скрипели на морозе лыжи, и партизанам приятно было ощущать крепость уже начинающих болеть от усталости мышц.

Так бежали на лыжах они пять километров, почти не разговаривая, находя на пути тысячи свидетельств того, что совсем недавно прошло здесь очень много людей.

Молодой лесоруб, не успевший еще выспаться после вечеринки, начинал чувствовать усталость. Каллио спрашивал соседа, хорошие ли девушки в Курти, и убеждал, что в Советской Карелии должны быть еще лучше.

На склоне показалось несколько одиноко стоящих бревенчатых срубов. Было здесь три хуторские усадьбы, три зажиточных хозяйства.

Отряд свернул с проселочной дороги на протоптанный путь. Это был бы сейчас отличнейший санный путь, если бы неожиданно на самой середине его не возникали облепленные снегом сосны. Сани должны были их объезжать, но лыжники могли не обращать на них внимания. Следы отряда были слишком ясны, чтобы можно было сбиться с пути.

— Я бы повернул обратно, — сказал один из партизан, — и сжег эти чертовы хутора.

— А ты забыл, что в Куолаярви остались Унха и Сара? — спросил Каллио.

И они пошли дальше.

В это время стал валить густой, липкий снег.

«Хорошо, что мы успели свернуть, — подумал Легионер, — опоздай на полчаса, легко было бы сбиться. . .»

Всюду вокруг было бело. Быстрые речки сковывались твердым льдом, и непроходимые весною, летом и

осенью тундры, болотистые леса, лесные топи можно было пересекать напрямик. Вершины холмов и каемки лесов засыпало снегом, и не легко было тут разобрать незримую линию государственной границы! Где начиналась единственная страна, принадлежащая трудящимся, н где кончалась Суомн?

Казалось, во всем мире был снегопад, казалось, на всем свете не было незапорошенного уголка. Такой же снегопад был тогда, когда отец увозил Эльвнру домой, и так же она боялась простудить своих девочек. Вот и сейчас Хелли закашляла. Нанни крепко спнт; это совсем особенная девочка, — для своих малых лет она путешествует слишком много и все на санях, по морозу.

Сколько еще осталось километров до первой деревни в Карелии?

Эльвира закрывала глаза: от сияния белого бескрайного снега они слегка слезились.

Эльвира открывала глаза, и ей казалось тогда, что на передних санях отец везет ее корову, покрытую попоной. Только почему-то не видать рогов.

Ей казалось, что она по скрипучему насту едет домой. Но отец сидел на санях, шедших в голове растянувшегося обоза; на них был поставлен тяжелый ящик с салом.

Хозяин не хотел подгонять лошадь.

На этот раз Эльвира с ребятами и старшая его дочь Хелли уезжают из дому.

«Все, что могли, мы со старухой собрали им в дорогу, — думал отец, — никаких ссор не было».

И все же, когда он вспоминал, что вернется домой один, и девочек не будет в избе, н кадушки со сливками, поставленные у подоконника, так н останутся целыми, н некого будет грозным голосом за столом спрашивать: «А кто снял мои сливки?» — у него на душе становилось тоскливо. «Какне непоседливые мужья выпали на долю моим дочерям!» — с досадой думал он.

Перед ннм шли санн с раненым Вайсоненом и небольшнм грузом.

На ухабах Вайсонен громко стонал, и стоны его выводили из себя старика: «Тоже мужчина! Ни Олави, ни Лейно не стонали бы при такой оказии».

Позади его саней шли сани мужа Айно.

Он сидел на санях в обозе, а жена его, вооруженная винтовкой, смело шагала на лыжах в строю, в первой роте.

Было над чем посмеяться, а уж клички «труса», прилипающей на всю жизнь, когда даже забывается породившая ее причина, ему не избежать.

Старые возчики держались, однако, совсем другого мнения. Они считали, что по-настоящему, по-душевному обращаться с лошадью мог только мужчина. Нет, лошадь без хозяина и работает меньше, а надрывается больше. Ясное дело, он не мог доверить коня женщине. А потом, если у нее такой бойкий характер, пусть идет в строй, а то, неровен час, с таким нравом загнала бы лошадь. Поэтому, осыпаемый шутками, он, не унывая, сидел на своих панко-регах и независимо сплевывал на снег.

За ним шли сани возчика, у которого вальщиками работали Инари и Каллио.

Возчик этот был горд своей близостью к человеку из штаба. Он важно говорил на остановках, растирая варежкой щеку:

— По щепке дерево узнать можно. Я сразу, как Инари ко мне попросился, сообразил, какого пера эта птица. Я его сразу принял: «Работай на здоровье, говорю, люди ведь мы, слава богу».

Потом шли сани с незнакомыми возчиками, — среди них были и мобилизованные, — потом сани Эльвиры с дочерьми.

Сразу же за их санями скрипели полозья панко-рег возчика, решившего не платить недоимки. На его сани со всем домашним скарбом взгромоздились сынишка и жена. Сын долго не засыпал, он требовал, чтобы ему показали границу, где кончается Суоми и где начинается Карелия.

Отец толком не мог ничего ему объяснить и говорил: «Сам увидишь», — и спрашивал, не замерзли ли у мальчика ноги.

Мальчику казалось, что как только обоз перейдет границу, сразу станет тепло, начнется лето, защелкают на зеленых ветвях незнакомые птицы и запрыгают в пене падунов серебристые форели, и лошади станет легче, перед нею полотенцем расстелется гладкая, наезженная дорога.

«Как перейдем границу, сразу все переменится». Так думал не один только мальчик.

Такие же неясные мысли бродили и в головах многих взрослых лесорубов, хотя они-то хорошо знали, что сейчас во всем мире зима, и сплавные реки замерзли, и долго еще ждать ростепели.

Многие из них еще в семнадцатом году работали на лесозаготовках у рек, бегущих в Белое море, в Кандалакшскую губу, в Кереть, в Ковду, в Сороку; они хорошо знали эти места, и, однако, кое-кто из них думал так же, как и мальчик.

Мальчишка соскакивал со своих саней, догонял передние и дразнил Хелли:

— А твоего медвежонка зарезали!

Хелли говорила:

— Нет, не зарезали! — но не могла удержаться от слез.

Эльвира ее утешала и прогоняла мальчишку назад, к родителям.

— Мама, — уже сквозь слезы допытывалась Хелли, — а в моей деревне есть березовый сок?

— Есть, родненькая.

— А клюква в можжевеловом сиропе?

— Есть, доченька.

Тогда Хелли успокаивалась.

Позади шло несколько саней с молчаливыми мобилизованными возчиками.

Они не доверяли Олави, обещавшему заплатить за гуж по-божески, и поэтому, попыхивая угольками трубок, сосредоточенно и угрюмо молчали. Все они были заняты своими думами. Некоторые боялись, что их лошади заболеют от слишком студеной воды. Лейно оборачивался, чтобы перекинуться словом с соседом, и, на сколько хватал его глаз, он видел обоз.

Дальнне сани терялись в лесу.

Когда пошел снег, он не мог уже разглядеть больше чем две панко-реги позади и впереди.

И всем этим обозом распоряжался и всюду наводил порядки быстроногий Олави; он, казалось, был на своих лыжах одновременно во всех концах обоза.

Он намечал стоянки для отдыха, н это было вблизи от ручья; разбив лед, можно было достать воду, а в лесу наломать веток для костра ничего не стоило.

Он проходнл вдоль обоза, ободряя одним своим веселым видом угрюмых возчиков, перебрасываясь двумя-тремя словами со знакомыми.

«Откуда у него столько слов? Ведь он раньше все время молчал», — подумал Лундстрем, увидев его в одну из таких минут.

Лундстрем попрежнему был рядом с Коскиненом.

Когда Олавн бегал вдоль обоза, он как-то забывал об Эльвире и дочерях. Надо было принять быстрое н точное решение, помирить спорящих возчиков, переложить равномернее груз, выдать кусок сала нли хлеба, рукавицы или кеньги нуждающимся. Но, даже и не вспоминая об Эльвире, он все время чувствовал ее присутствие (о дочерях ему думалось меньше) в обозе, здесь, близко, и от этого обоз делался ему как бы уютным домом. И каждый раз, когда он в дороге вндел Эльвиру, ему казалось, что они только что вышли из дома ее отца после вечеринки, что онн ннкогда не расставалнсь.

Он подошел к саням Эльвиры.

Эльвира заботлнво укрыла девочек теплым корнчневым одеялом. Одеяло уже было занесено снегом.

Сани по быстрому склону скатились на лед речки н пошли по ледяной дороге. Она была несравненно удобнее, чем лесная: ни деревьев, ни кочек не нужно было объезжать. Но уже через пять минут спокойного хода по реке отец Эльвиры услышал какой-то подозрительный хруст. Не обращая на это вннмания, он погнал свою лошадь дальше.

Через минуту произошла катастрофа.

Мороз, строя свой ледяной мост через реку, не предусмотрел такой нагрузки. Из-подо льда выступила вода.

Сани старика с большого хода проскочили по этой воде, и он сразу погнал лошадь к берегу.

Следовавший за ним возчик не был таким расторопным, — наоборот, он даже замедлил ход, испуганно посматривая по сторонам, и лед под тяжестью саней, груженных салом, с треском надломился, лошадь стала меньше ростом. Белый, казалось лаковый, снег сразу потемнел, и оглобли саней пошли вниз.

Надо было сразу принимать меры, выскочить из саней, схватить буланку под уздцы и быстро повести ее вперед, правда, с риском промочить ноги или самому попасть в студеную воду. Но возчик был тяжелодум; прежде чем на что-нибудь решиться, он дважды затянулся дымом из самодельной своей трубки. А в это время лошадь успела уйти в воду по самое брюхо.

Обоз остановился.

Возчики помогали потерпевшему вытаскивать буланку.

Она смотрела своими огромными, темными, непонимающими глазами на окружающий ее мир и не шевелилась. Каждый волосок на ее морде заиндевел и топорщился.

Надо было доставить жерди, чтобы, подложив их под брюхо, помешать лошади погрузиться в воду дальше и помочь ей выбраться. Сама лошадь, казалось, была равнодушна к своей судьбе. Ни одного движения в помощь спасавшим ее людям она не сделала.

— Кто мне заплатит за лошадь? — с горечью спросил у Олави возчик.

— О лошади подумай, а не о плате. Смотри, чужие больше, чем ты, работают, спасая ее.

Да, тут было не до разговоров.

Олави приказал свернуть с наезженного следа направо и итти дальше по самому берегу.

Да, итти по берегу было труднее, хлопотнее, но зато безопаснее.

Отдав нужные распоряжения, Олави решил воспользоваться непредвиденной остановкой.

У Эльвиры в санях оказалось несколько палок. Олави поставил их стоймя по бортам саней, прикрутил покрепче и сверху натянул одеяло. Так ребята были защищены от прямого снегопада.

В санях были еще одеяла и оленьи шкуры. Старуха не поскупилась и собрала дочери и внучкам в дорогу все, что можно было найти теплого. Много вещей пришлось оставить дома, они не вмещались в сани. Теперь взятое пригодилось. На торчком стоящие жерди Олави набил по бокам одеяло и оленью шкуру. Получилась защищенная от ветра и снега уютная полутемная кибитка. Свет проходил только спереди. Впрочем, уже наступили сумерки.

Февральские дни у Полярного круга коротки.

Пока Олави возился, устраивая сани, Эльвира успела сбегать к ближайшему костру и подогреть взятое из дому молоко.

Нанни опять спала, как ни в чем не бывало. Хелли же стала жадно глотать теплое молоко. В темноте саней закутанная Эльвира неловко приняла от Хелли бутылку и пролила немного молока в сани.

— Да, темно, — говорит Олави и достает из положенной на дно саней сумки стеариновую свечу. Старуха теща обо всем позаботилась! Он втыкает эту свечу в горлышко бутылки. — Вот и освещение готово, подсвечник хорош.

Чиркает спичку, и трепещущее пламя свечи мечется в кибитке.

Олави идет дальше, к голове обоза.

Вытащенную из воды лошадь возчик обтирает попоной. Олави распределяет груз этих саней между соседями.

Обоз медленно продвигается вперед.

Мимо бесконечной вереницей проходят груженые сани.

Лошади вязнут в снегу по самое брюхо. Мелькают угольки трубок, слышится брань. Обоз движется дальше.

Попрежнему идет снег.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Ему снится сон... Глубокая холодная вода... Он нырнул из самой глубины, и сердце его бьет, как колокол, оно словно хочет выскочить из груди. Перед глазами покачивается на темной воде карбас. Через борт к Инари склоняется Коскинен.

— Кого же тебе надо? Кого ты хочешь видеть, товарищ Инари? — спрашивает он.

Интересно, как попал Коскинен на этот груженный таинственной кладью карбас, плывущий по течению? Но откуда бы он ни взялся, даже от него надо скрывать, что везут на карбасе, и Инари, карабкаясь на борт, говорит:

— Смотри, ты совсем поседел, и только усы у тебя темножелтые...

— Это от курения, — отвечает Коскинен и показывает кончики пальцев — они тоже рыжи от табака. — Кого бы ты, дружище, хотел видеть сейчас?

Навстречу Инари, протянув вперед руки, идет Хильда. Позади, закрытое ее головой, сияет солнце. Лучи пробиваются сквозь пряди светлых волос, и волосы, кажется, сами светятся ровным, ласковым светом. Он идет ей навстречу, берет ее за крепкие руки и слышит кончиками пальцев и всем сердцем своим, как пульсирует ее жилка у запястья. Он поворачивается на правый бок и просыпается с улыбкой на губах.

Лежать было неудобно, жестко. Мешала ручная граната.

Не было ни шума разговоров, ни выстрелов, холод не пробрался еще под одежду, и никто не тряс за плечо.

Он проснулся сам по себе — значит, спал он немало. Было совсем светло.

Утро?

Инари протер глаза, и сразу две мысли пришли в голову: первая — арьергард должен был выйти утром, на рассвете, в путь; вторая — Хильда!

Она ушла за спиртом и сейчас же должна была вернуться. И вот, поди ж ты, до сих пор не пришла!

Инари вскочил.

Сено под ногами. Над головою сходились острым углом доски крыши. Он был на сеновале. Теперь он ясно припомнил все и, взяв в руки русскую винтовку, начал спускаться вниз.

«Здорово заспались ребята, — подумал он, — а как раз сейчас самое лучшее время для дороги».

Инари распахнул дверь в комнату.

Никого из партизан в избе не было.

Прибирая горницу после неожиданной ночевки отряда, возились хозяин и хозяйка. Увидев Инари, старуха спросила:

— Разве вы возвращаетесь?

— Нет, я отстал. Я сейчас догоню своих, — ответил Инари.

Никто не должен был знать, что путь его теперь иной, чем путь батальона.

И он подошел к стене прихожей, чтобы взять свои лыжи, но их на месте не было. Он обшарил взором всю стену — лыж не было. Их кто-то забрал себе. Он вышел на улицу — у наружной бревенчатой стены лыж также не было. Тогда он, уже покрытый хлопьями мокрого снега, вошел обратно в горницу и спросил хозяина:

— Не знаешь, старина, как бы мне раздобыть здесь лыжи?

— Не достанешь, все лыжи партизаны забрали. Хоть шаром покати! Придется тебе вдогонку на своих на двоих шагать! — ответил старик и подмигнул.

— Поройся в своих чуланах — может быть, раскопаешь какую-нибудь заваль?

У соседей лыж тоже не оказалось. Партизаны все забрали с собой; некоторым из них пришлось отправиться и вовсе без лыж.

И все же хозяин нашел лыжи. Это были собственные лыжи Инари, почищенные, смазанные, готовые к новым дальним переходам.

— На сеновале нашел, в сене, там, где ты спал, повыше изголовья! — сказал хозяин, подсмеиваясь над забывчивостью Инари.

Но Инари-то отлично помнил, что свои лыжи он оставил на улице, прислонив к избе. Кто же позабо-

тился о нем? Значит, Хильда приходила к нему, когда он спал?

Попрощавшись с хозяином, Инари вышел на улицу. До тех пор, пока не скрылись из виду последние строения деревни, он шел по следу отряда. Затем огляделся и, убедившись в том, что за ним никто не наблюдает, круто свернул направо и пошел не на восток, а на юг. Здесь ему никогда не приходилось бывать, но он шел так уверенно, как будто приближался к родным местам, каждую тропинку которых он знал наизусть.

Пар с шумом вырывался из его рта, а пот, крупными каплями скатываясь со лба, подступал к глазам. И хлопья снега и капли пота мешали смотреть прямо перед собой.

Он останавливается, чтобы отереть пот со лба, и заодно ощупывает карман: на месте ли новые документы, которые дал ему Коскинен? Он остается в Суоми! Он должен работать здесь — таково задание партии. Инари ушел с батальоном партизан в Карелию. И теперь имя его не Ивар и уже не Инари, а другое, новое.

Он шел и думал о Хильде и под конец пришел к выводу: «Напрасно я осенью отослал ее. Шла бы с нами на карбасе, ничем бы не помешала, и все было бы отлично».

Ему захотелось есть, он вытащил из кармана недоеденную вчера корку хлеба — ее сразу же облепил мохнатый и влажный снег. Он стал на ходу жевать хлеб пополам со снегом.

Инари шел вперед, раздирая густую сетку снега. Так он шел целый день, пока не наступили плотные зимние сумерки.

«Проклятый буран замел все колеи, все следы, — подумал Инари. — Но это мне наруку».

Хвойные деревья, закутанные в горностаевые снежные мантии, обступали его, протягивая к нему свои мохнатые лапы.

Он шел вперед, уже чувствуя усталость в каждой своей мышце.

Снег пошел медленнее.

По небу шли сбитые в кучу облака, и сквозь убы-

вающий снегопад был виден мутно растворенный свет луны. Инари увидел почти у самой дороги темное строение.

Он подошел поближе. Это была низкая сторожка, похожая на курную баню. Он палкой, не сходя с лыж, толкнул дверь. Дверь не подалась. Тогда он оставил лыжи и, проваливаясь по колено в снег, подошел вплотную к двери и навалился плечом.

Глухо застонав на ржавых петлях, дверь распахнулась, и Инари очутился в холодном темном помещении. У самого порога изнутри был наметен снег; холодные, заиндевевшие камни, служившие очагом, казалось, оледенели.

В углу была навалена большая куча сухого хвороста. Хворост был не тронут. Помещение, наверно, с самой осени не топлено.

«Здесь я переночую», — решил Инари и, довольный успехом своего сегодняшнего перехода, улыбнулся. Переход этот был утомительным. Щетина густо пробивалась на давно не бритых щеках, лицо не казалось уже таким здоровым, как раньше, и лишь одни запавшие и сияющие глаза говорили о том, что он счастлив: задание партии выполнено.

Инари взялся за хворост, поправил немного камни очага, подобрал из другого угла несколько поленьев и разжег небольшой костер.

Сучья жалобно шипели, пуская к потолку белесоватый и горький дымок. Потом в этом чаду стало пробиваться робкое пламя. Осмелев, оно начало кочевать по хворосту и играть на нем своими легкими, как у ящерицы, язычками. Дыма стало меньше, и он не так ел глаза. Он сел у очага, снял с пояса гранаты, отложил подальше от огня и снова стал размышлять о будущей своей жизни, о Хильде, и на этих приятных мыслях настиг его крепкий сон.

Ласково потрескивали сучья. От накаляющихся камней стало тепло.

На дворе огромная холодная и тихая ночь. Ночь без звука, без волчьего воя, без совиного крика. В такую ночь за километр слышно поскрипывание лыж.

Утром было еще совсем темно, когда он покинул

эту одинокую лесную избушку и пошел дальше иа юг. К трем часам дия он достиг дороги и остановился, спрятавшись за валуном. Мимо него иа запад из Карелии прошел большой отряд лыжников-шюцкоровцев. Скоро показались сани, на которых шюцкоровцы увозили своих раненых, а потом пошли розвальни с крестьянами, которых лахтари иасильно угоняли из Карелии. Там были и дети, и женщииы, и старики. Молодых мужчин не было — оии сражались в рядах Красной Армии. Обоз этот двигался в гробовом молчании, и лишь изредка какой-нибудь конвойный громко окликал другого.

Когда стемнело, Иари вышел из-за валуна и пошел позади этого обоза, медлеино двигавшегося на запад.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Весь мир как бы поделен надвое. За спиною мертвый холод, ледеиящий кожу, спереди жара, от которой трудио дышать. Но стоило повернуться на другой бок, как перемещалась, переворачивалась вся жизнь.

Спереди шел ледяной холод, сзади к спине как будто кто-то подбросил еще не остывшие угли.

Лундстрем просыпается от боли. Чадно тлеет кусок рукава, и на руке около обшлага вскочил огромиый волдырь. Ожог. Лундстрем быстро вскакивает с хвои, хватает полной горстью снег и прикладывает к тлеющему куску рукава.

«Но это, слава богу, последняя наша ночь под открытым небом, — думает Лундстрем. — От деревни Курти до деревни Коиец Ковдозера, куда сейчас отряд держит путь, по лииии полета птицы около семидесяти километров. Сегодия к вечеру мы должны прийти туда».

У Лундстрема ноют мышцы живота, иоют бицепсы, ему трудио согиуться и расправить свое коренастое тело.

«А ведь я прошел вчера только двадцать пять километров», — думает он и с уважеиием смотрит на других. Оии прошли больше.

Он, Лундстрем, ведь часть пути провел в санях рядом с Коскиненом.

Партизаны, подымаясь с хвои, тоже поеживались и кряхтели.

Рядом с Лундстремом у костра на корточках человек с большой окладистой бородой. Неужели это рыжебородый? Обледенелая его борода казалась совсем седой. Сломанные сосульки висели на самых кончиках волос.

— Дай нож, — сказал товарищ. — Борода эта слишком уж холодит мне лицо, слишком уж досаждает.

И он принялся острым лезвием ножа обрезать обледеневшую бороду.

По мере того, как он срезал свою бороду, его лицо становилось совсем неузнаваемым.

Лундстрем с облегчением подумал, что и сегодня ему удастся часть пути проехать на санях рядом с Коскиненом, — уж очень болели мышцы живота.

Коскинен распоряжался. Он велел разложить несколько ракатулетов и разжечь их, а в огромные чайники, захваченные у акционерного общества, набить рыхлый снег и поставить у ракатулетов. Когда к этому месту подойдут обозы, они должны найти для себя кипяток и теплое местечко у огня.

Лундстрем подошел к нему и спросил:

— Запрягать, что ли?

Спрашивал он больше для проформы и поэтому, даже не ожидая ответа, повернулся и пошел к лошади, привязанной к низко опустившейся ветке сосны. К морде лошади был подвешен мешок, и овес мерно похрустывал на ее зубах.

— Нет, не запрягай!

Услышав ответ Коскинена, Лундстрем изумился. Он повернулся и подошел к Коскинену вплотную, полагая, что неточно расслышал ответ. Они стояли рядом на утоптанном снегу около ракатулета.

Сразу за спиною Коскинена начинался крутой подъем на высокий, поросший сосною холм.

Угли догорающего костра лежали у их ног.

«Да мы совсем одного роста с Коскиненом». Лундстрему до сих пор все время казалось, что Коскинен выше его. Коскинен поправил на голове шапку с меховой оторочкой, и Лундстрем снова удивился — Коскинен показался ему совсем седым. Лундстрем вспомнил, как в Хельсинки совсем недавно он обратил внимание на то, что у Коскинена в черных его волосах не было ни одной сединки.

Нет, он не ослышался, Коскинен спокойно повторил:

— Не запрягай. — И добавил: — Я сегодня еду верхом.

Потом он пошел к саням, вытащил из них одеяло, вчетверо сложил его и положил на спину лошади. Из вожжей пришлось сделать нечто вроде подпруги, которая должна была не давать соскальзывать этому импровизированному седлу. Седло было мягкое, но неудобное.

Лундстрем помог Коскинену взобраться на спину лошади. Коскинен тронул поводья.

— Вперед! — прозвучала резкая команда.

Отряд отправился в путь.

Лундстрем пошел сначала рядом с лошадью Коскинена. Он еще не понимал, для чего удобные сани нужно было променять на седло, все время сползающее на сторону.

Коскинен то внимательно осматривался по сторонам, то сосредоточенно глядел на дорогу прямо перед собой.

Они шли сейчас в самом хвосте первой роты. И хотя лошадь шла не быстро, с трудом вытаскивая ноги из глубокого снега, порою завязая в нем по самое брюхо, Лундстрему трудно было поспевать за ней.

«Черт подери! Ведь я считался у нас не худшим лыжником», — думал он.

Первая рота уходила вперед. Ребята проходили мимо Коскинена, здороваясь и подшучивая. Но Коскинен видел, как они были утомлены.

«Славные ребята! — думал он. — Какой поход они проделали! Молодчаги! Пока восстановят дороги, разрушенные лахтарями, и привезут хлеб с юга в Каре-

лию, наши припасы, захваченные в Суоми у акционеров, сослужат отличную службу. Да, я не ошибся в людях. — Потом приходила другая мысль: — Все ли мы сделали, что могли сделать? Нельзя ли было сделать больше и лучше? Наверно, можно было!»

Но тут приходилось расставаться на минутку со своими мыслями и поправлять сползающее на сторону седло.

Лошадь, увязая в снегу, медленно шла вперед.

Сосны лепились слева, на скалистой крутизне.

— Вот она, Советская Карелия! — громко сказал Коскинен, подбодряя Лундстрема, и гордость звенела в его словах.

Когда он мысленно оглядывался на события последних дней, он радовался настоящей организованности всего дела, — да, это были замечательные люди, настоящие, дисциплинированные коммунисты, — но тут же, рядом с этим, он видел и неразбериху, суету, бестолочь, которая то и дело отвлекала внимание от главного.

Холодный ветер дул прямо в лицо и колол снежинками.

«Так вот она какая, Карелия», — думал Лундстрем.

Он смотрел во все глаза, но не видел ничего нового; все было таким же, как и в Суоми. Он поймал себя на этой мысли и улыбнулся. Ведь он же учил географию — значит удивляться было нечему. Природа была одна и та же, и все-таки все было уже совсем другое.

Коскинен подглядел улыбку Лундстрема и тоже улыбнулся.

— Ну, здесь надо поставить веху, — сказал Коскинен, оборачиваясь к Лундстрему. — Я сговорился с Олави: по этим вехам он будет знать, где можно провести обоз, сани, где надо объезжать, чтобы сани не провалились в воду.

Лундстрем, сломав огромную сосновую ветвь, поставил ее торчком. Это была первая веха, сигнал обозам.

С лошади вндиее была только что подернувшаяся льдом полынья. Вестн сюда обоз было опасно.

Коскинен верхом отыскнвал более удобный н безопасный путь.

Скоро пришлось ставить вторую веху. Иголкн хвои почему-то кололнсь сейчас сильнее, чем обычно. Может быть, это было потому, что Лундстрем очень устал.

И они устроили так: от импровнзированной подпругн протянули веревкн, н Лундстрем, держась за них, стоял позадн на лыжах.

Так впередн обоза ехал верхом Коскинен, выискнвая дорогу, а за ним, держась за поводья, Лундстрем.

— Вот Ковдозеро, — сказал Косккнен.

Перед нимн раскрылась как бы огромная ложбнна, ущелье. Справа н слева подымались крутые лесистые высокне холмы, между которымн лежало замерзшее озеро.

Через двадцать километров — первое советское село Конец Ковдозера.

Там отдых. Там нашн!

Лундстрем взглянул вперед. Протнвоположного берега не было видно.

Озеро растянулось на много километров. Онн ступнлн на лед.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Арьергард шел по проложенному следу.

Было совсем ясно н прозрачно, как бывает в самые лютые морозы. Казалось, дыханне, вырвавшнсь белым клубком нзо рта, сразу же сворачивается от холода.

Ребята шлн хорошнм ходом, н все же пальцы на руках н ногах стылн.

Каллио шел рядом с Легнонером н, одолеваемый усталостью, что-то ворчал себе под нос.

Легнонеру очень хотелось спать.

Онн шлн некоторое время молча впереди арьергарда.

В облаках догорал розовый закат.

Когда я оглядываюсь на всю свою жизнь, я не могу припомнить ничего схожего по трудности с этим переходом, — и замерзающее у губ дыхание, и натертые до волдырей пятки, и ночные ожоги на стоянках, и железная необходимость двигаться без отдыха вперед!

И каждую секунду надо быть наготове: за каждым кустом, на каждом повороте может быть шюцкоровец, лахтарь или бегущий из Карелии кулацкий отряд.

А ты в арьергарде, и если зацапают тебя, открыт путь к драгоценным обозам, к женщинам с детьми, и с тыла батальон может быть захвачен врасплох.

Нас в арьергарде десяток. Нет, ничего более трудного в своей жизни не припомнить.

Но если я хочу вспомнить о самых счастливых своих днях, на память опять приходят эти бесконечные снега, эти заснеженные, тихие, нами потревоженные леса, короткий отдых у шипящих костров, морозное дыхание товарищей и радость ощущения, что весь мир наш, и мы делаем только то, что сами хотим делать, и нет акционеров, шюцкоровцев среди нас. Товарищи! И мы выступили на помощь нашим русским и карельским товарищам.

О этот морозный румянец на обветренных лицах! Счастливейшие дни моей жизни, не повторимые никогда.

И теперь, когда приходится где-нибудь очень трудно, я вспоминаю эти счастливые дни и говорю себе: «Товарищ, тогда было еще труднее, и все-таки мы взяли верх».

Мы идем, оберегая тыл нашего батальона.

Ковдозеро раскрыло перед нами свое узкое и гулкое ущелье в сумерках. Около самого спуска на лед на треноге висел чайник. Угли от сучьев уже только тлели, но вода еще была теплой.

Это обозные заботились о нас.

Здесь мы устроили привал на пятнадцать минут.

— К рассвету мы будем дома. Сумеем уже по-настоящему отдохнуть в советской деревне, — сказал Легионер. — Инари так же решил бы, — продолжал он думать вслух. — Мы и так устали итти, лишняя ночевка на морозе сил не придаст.

Да, командир арьергарда правнльио решил не устраивать большого привала. Через пятиадцать мииут мы сошли иа лед.

Нам приходилось иести иа себе оставлеииые для нас обозом котелки и чайиикн. Их было уже три штуки, и они побрякивали, как колокольцы.

— Приглуши звои, не демаскируй отделения, — приказал мие Легноиер.

Прямо передо миой покачивалась спииа Каллно. Красиая его куртка в иаступающей темноте казалась чериой, вышнтые пестрые узоры стали иеразличимы.

Под ногами шла все та же однообразиая лыжная колея — след сотен прошедшнх передо мною лыж.

Долго смотреть себе под иоги иа этом равиомерном и непрерывном движеиин вперед — закружнтся голова; вверх поднять ее можио лишь иа секунду-другую — оиа словио иалита свиицом.

Прямо перед глазами покачивается в такт ходу широкая спииа Каллио.

И вдруг раздается жалобиый голос самого молодого из иас — Матти.

— Легиоиер, — говорнт он, — я, честное слово, дальше ие могу итти!

Он все время крепился, ио теперь сдал.

— Иди, нди! — ласково поиукает его Легиоиер.

Мы на середине пути.

И мы снова продолжаем итти вперед.

Мы идем уже по озеру. Страиио, что никто нз нас, кажется, не заметил, как мы ступилн иа лед.

И тогда начинает жаловаться другой партизан.

Он говорит, что уже больше часа не чувствует пальцев иа правой ноге и что обратно путь известен, а впереди неизвестно что будет. Он согласен умереть в бою с лахтарями, но замерзать в лесах он не хочет.

— Иди, нди обратио, — говорю я ему, — там тебя поймают и стукнут по глупой башке колуном, пожалеют истратить пулю. Иди, иди, — говорю я ему, — мы и без тебя сумеем охранить тыл товарищей.

Некоторое время мы идем молча. Колея почему-то идет зигзагами, углами от одного берега этого длинного узкого озера к другому.

Снова скрипит снег, уминаемый нашими лыжами, снова мы, переставляя поочередно правую и левую ногу, толкаем подъемом лыжи, медленно тянем их за собою вперед.

Да, лыжи стали очень тяжелыми.

Я подымаю голову и оглядываюсь. Мы сейчас посредине узкого длинного озера. Справа и слева его обступили темные крутые холмы. Из-за одного медленно выскальзывает луна. Сейчас виден только краешек ее. Звезды спокойно рассыпались по небу.

Вдруг Каллио, идущий передо мною, внезапно останавливается. Мои лыжи с ходу наскакивают на него. Я тоже останавливаюсь.

Самый молодой из нас — Матти — лег на свои лыжи, бросил в сторону палки.

— Понимаешь, я не могу итти дальше, — говорит он. — Ты не имеешь права, наконец, принуждать меня. Коскинен говорил, что весь поход и сам батальон дело добровольное. Понимаешь?

— Понимаю, — сухо говорит ему Легионер. — Ты пойдешь обратно?

— Конечно, я не пойду обратно. Что мне там делать? — говорит паренек, но губы его дрожат. — Я отдохну здесь часок-другой, а потом пойду по следам и догоню всех.

— Ты не останешься, ты замерзнешь здесь один, — отвечает Легионер. — А ну, вставай!

— Не встану, — равнодушно говорит Матти.

— Ему нужно обратно к своей бабе, отогреться хочет, — говорит Каллио, — не хватило времени вчера.

— А что же, он прав, — говорит другой партизан, Август, — и я, пожалуй, останусь с ним.

Легионер, не обращая внимания на его слова, нагибается к Матти, снимает с его плеча винтовку и надевает на себя, снимает с его пояса чайник и передает мне (на мне висят теперь два чайника), снимает с его плеч вещевой мешок, дает Каллио и вдруг изо всей силы толкает Матти.

— А ну, вставай, может быть, сможешь пройти двадцать минут.

Паренек медленно, с трудом поднимается и делает несколько шагов вперед.

— А ну, еще, еще! — подбодряет его Каллио. — Крепись, парнишка, выдержим. А ну, пошли!

И мы все трогаемся дальше, и он, Матти, слегка пошатываясь, идет вместе со всеми.

Так мы передвигаемся по озеру и опять подходим почти вплотную к самому берегу.

Молодцы ребята, позаботились о нас! Опять треножник, но, на мое счастье, нет котелка.

Здесь они поили лошадей — я вижу это по следам, по разбросанным зернам овса и соломинкам. Вот небольшая прорубь, не больше колодца.

— Двадцать выстрелов в лед в упор — и вот тебе прорубь готова. Мы в легионе тоже так делали, — говорит Легионер.

Каллио уже собирает сучья на берегу для маленького костра.

— Отлично, выпьем кофе! — радуется Легионер и похлопывает по плечу молодого партизана. — Не раскисай, дойдешь. Когда нас англичане отправили на фронт, мы все, как один, сказали, что против Красной Армии, против Советов не пойдем, и тогда... — но Легионер на середине обрывает фразу и начинает настороженно прислушиваться.

Я тоже прислушиваюсь и слышу непонятные частые звуки: цок, цок, цок — словно цоканье копыт кавалерийской части. Эти звуки слышат и другие ребята... Они все насторожились, за исключением молодого партизана, который заснул все-таки, лежа на своих лыжах.

Отдаленное это цоканье становится все ближе, ближе. Легионер, прислушиваясь, приложил ладонь к уху.

И вдруг Август бросает на снег свою винтовку, быстро надевает лыжи и хватается за палки.

— Это кавалерия, это карательная экспедиция против нас! Надо бежать!

— Погоди, — пробует отшутиться Каллио, — у тебя ведь совсем не было силы, чтобы пройти несколько лишних шагов.

— От кавалерии не удерешь, — спокойно говорит Легионер, — а пуля в спину самое гнусное дело. — И помолчав: — Десять храбрых человек на лыжах, если они хорошо подготовлены, могут дать отпор конной сотне.

Эти странные звуки все продолжают и продолжают приближаться.

Легионер разбрасывает лыжными палками костер. Горящие сучья шипят и чадят на снегу.

Легионер приказывает нам окопаться, и мы быстро роем себе лыжами небольшие ямки в снегу. Легионер говорит:

— Надо подпустить на двести метров и потом бить в упор с возможнейшей быстротой. В кавалерию бить легко — лошади упадут и подомнут всадников. Проверьте, заряжены ли винтовки.

Мы проверяем.

— Почему же ты, Август, не уходишь от нас? — спрашивает Каллио.

Август окопался рядом с нами и молчит. А это странное цоканье все нарастает и нарастает.

Оно совсем близко, и вот я вижу темные силуэты передвигающихся животных. И какие-то странные, полупрозрачные всадники скачут на них. Я нажимаю спусковой крючок, но выстрела нет.

Неужели осечка? Я быстро отворяю и снова досылаю патрон, закрывая затвор. Снова нажимаю крючок.

Опять выстрела нет.

Я оглядываюсь и вижу, что у Каллио и у Легионера то же самое.

— Проклятье! — ругается Легионер. — Ударник примерз к пружине, так бывало и в девятнадцатом.

Огромный эскадрон приближается; он мчится, цокая по льду озера, прямо на нас.

Тогда Август, снова оставляя на снегу винтовку, вскакивает и бежит к лесу.

Каллио встает во весь рост из своего снежного окопчика и, держа в руках винтовку, озирается.

— Что нам делать? — быстрым шепотом спрашивает он меня.

— Я и сам не знаю, что нам делать, — говорю я.

И тут раздается громкий смех Легионера.

Что он, спятил, что ли?

Нет, он совсем не спятил.

— Черти! — кричит он нам. — Черти! — кричит он во весь голос. — Да ведь это ж не кавалерия, да ведь это ж олени!

И я вижу, глядя на приближающиеся темные тени, что это действительно оленье стадо. Да откуда здесь и взяться-то кавалерийскому отряду? Кавалерия только на юге, а здесь кони провалились бы в снег.

Господи, до чего мы были глупы!

Да, это, бесспорно, идут на нас олени, и как мог я принять большие и ветвистые их рога за наездников! Мне и самому делается смешно.

Я встаю во весь рост и машу над головою винтовкой.

Должен же кто-нибудь гнать их, сами они не пойдут сюда.

Каллио тоже понял, в чем дело, и снова собирает еще не остывшие сучья в костер. Снова разгорается пламя.

И вот перед самыми нашими окопчиками стадо останавливается, как вкопанное.

При свете луны колеблются на снегу ветвистые тени больших рогов.

К самому костру подкатываются нарты, и с них спрыгивает, протягивая Легионеру руки, человек.

— Здравствуй, товарищ!

— Здравствуй, здравствуй!

Он заулыбался, пожимая руку Каллио.

— Это ты, товарищ, сказал мне: «Гони теперь оленей, куда хочешь, хоть к чертям», а я решил — не к чертям же, в самом деле, гнать их! — я решил присоединиться к батальону вместе со своим стадом, а когда в Куолаярви узнал, что вы пошли в Советскую Карелию, погнал оленей своих изо всех сил. И вот догнал. — Он огляделся. — А где остальные?

— Остальные впереди, мы идем арьергардом, — на правах старинного знакомства фамильярно похлопывая по плечу пастуха, объяснял Каллио.

— Тебе придется догнать их, — сказал Легионер.

И мы все снова уселись у костра.

Около нас шевелился ветвистый лес оленьих рогов.

Да, здесь были и быки, и важенки, и молодняк с первыми рогами, и пыжики. Они стояли совсем спокойно, опустив морды, но не копали своими копытами снег, чтобы достать из-под него ягель, как это они всегда делают на стоянках, — они знали, что стоят на льду озера.

Они ровно дышали, и маленькие дымки подымались к черному небу.

Это ночное оленье стадо казалось сказочным, пришедшим к нашей стоянке из рун Калевалы.

— Здорово же ты нас напугал, — сказал Каллио пастуху.

— Нельзя ли на твои нарты пристроить одного партизана? — спросил Легионер и кивком головы указал на спящего у костра молодого.

— Нет, мои нарты больше одного не подымут. Вот если бы он умел сидеть, держась за рога!

Но паренек наш если когда-нибудь и умел ездить верхом, сейчас явно был не способен на это.

— Я думаю, что мои олени вам пригодятся, — с гордостью сказал пастух.

Август успел уже спуститься с берега и осторожно, видимо стыдясь за себя, подошел к костру.

— Сколько же штук их у тебя? — спрашивает у пастуха Каллио.

— Да больше трехсот будет.

Через пять минут пастух, поблагодарив за гостеприимство, погнал оленей вдогонку за партизанским батальоном лесорубов Похьяла.

Никогда не забыть мне этой неожиданной и быстрой, как сон, встречи с оленями на льду Ковдозера.

Еще через пятнадцать минут Легионер разбудил Матти. Мы все встали на лыжи и снова пошли вперед. Вперед! Мы были уже в Советской стране.

Снег скрипел под нашими лыжами.

Опять чернели высокие берега Ковдозера. Опять упирались в самые звезды высокие сосны на холмах, опять качалась передо мной широкая спина Каллио.

Путь по озеру шел зигзагами, и у меня уже не было

сил. Я смотрел вниз, на свои лыжи, на кеньги, на мелькающие палки, на разворошенный снег.

Медленно кружилась голова. Передо мною возникают пятиэтажные дома, и все окна фасадов светятся ярким светом, и звуки граммофонов вырываются на просторную улицу, по которой весело идет народ...

Открыты двери кафе, и оттуда выходят нарядные пары. Нет, это не улицы Хельсинки, не Эспланада, по которой я раньше несколько раз проходил, нет, это не низенькие домики плоского Улеаборга, это совсем незнакомая площадь незнакомого города. Но это мой город, и по улицам идут военные, гремя боевым маршем.

Меня кто-то ударяет по плечу, и я с трудом открываю слипающиеся веки. Надо мной склоняется Легионер и ласково говорит:

— Вставай, вставай, парень, замерзнешь.

Я встаю.

Оказывается, я положил свои лыжи, бросил вещевой свой мешок, как подушку, и мирно заснул на снегу. Но я не помню, как это было!..

Легионер прав, так легко можно замерзнуть.

Я подымаюсь, встаю на лыжи и снова продолжаю двигаться вперед. Вперед по следу, по льду озера.

На небе стоят высокие звезды, и от луны идет по снегу к горизонту большая лунная дорога. Вот там, у берега, горят костры, они, кажется, совсем близко и совсем легко добраться до них.

Эти костры разложены нашими головными.

Мы идем прямо на это отдаленное пламя, но оно остается все таким же далеким и холодным.

От толчка я чуть не падаю всем телом вперед. С трудом удалось удержаться на ногах.

От этого усилия я совсем просыпаюсь.

Носки моих лыж уткнулись во что-то черное, мягкое. Я нагибаюсь и вижу — на сложенных рядом лыжах, положив под голову свое барахло, на этаком холодище спокойно спит человек.

Мы идем теперь вместе с Каллио и подымаем лежащих и спящих на лыжах товарищей.

Это теперь наша забота, это поручил нам Легионер, и, может быть, поэтому-то нам меньше хочется

спать. Так, шагая по льду, мы подняли семь человек, и странно — трое из них были из первой роты, которая давно уже прошла.

Надо было итти и следить, чтобы никто больше не падал.

Таким образом, мы шли позади всех, мы шли на костры, но костры стояли на своем месте, на другом конце озера.

Сияет высокая луна, стоят по берегам дремучие леса, скрипит под ногами снег.

Родина моя Суоми, увижу ли я тебя когда-нибудь снова?

Скоро минет и эта ночь, длинная, но не бесконечная. С утренним солнцем прибудем в советскую деревню — и тогда отдых.

Каллио бредет через силу, волоча за собою по снегу палки.

Он не опирается сейчас на них, — куда уж там, лишь переставлять бы потертые ноги...

«Как дойду до деревни, сразу надо будет проколоть волдырь на пятке», — думается мне.

И вдруг я явственно ощущаю, что ровное место кончилось, начинается подъем и лыжи идут медленно, грозя каждую секунду сорваться с ноги и пойти вниз.

Я открываю глаза и оглядываюсь: берега далеки. Но ощущение подъема все усиливается.

Тогда я схожу с лыж, проваливаясь выше колен в снег, и щупаю руками, промеряю своей палкой — никакого подъема нет, все ровно, снег гладок, как зеркало. Нелепый обман чувств!

Костры горят, не приближаясь...

Лениво иду на лыжах. Глаза слипаются. И с закрытыми глазами, передвигая ногами, я думаю только об одном:

«Не спи, не спи, не смей засыпать!»

Так проходит минута, две, три, полчаса — вечность!

Мне становится жарко, я открываю глаза.

Куртка Каллио снова порозовела.

Наконец-то мы достигли костра.

Наконец-то мы прошли озеро.

— Ну, доченька, будем прощаться.

Отец обнял Эльвиру и крепко поцеловал. Затем он взял на руки Хелли. Эльвира отвернулась, глотая слезы.

Что там ни говори, она любила своего отца.

— Дай носик, — сказал старик и приложился своим носом к нежному носику Хелли.

— Пусти меня, дедушка, пусти, — запищала Хелли, — у тебя холодная борода! — И она стала отталкивать своими маленькими ручонками ледяные сосульки седой бороды.

— Ну что ж, прощай, — повторил еще раз старик и повернул свои сани обратно.

Олави, по указанию Коскинена, всех возчиков, не желающих остаться в Карелии, не медля ни часа отправлял обратно.

Сейчас он наблюдал за тем, чтобы возчики полностью разгрузили свои сани, свои панко-реги, и отправлялись назад порожняком. Их было не больше дюжины.

Отец Эльвиры уезжал обратно.

— До свиданья, отец, не поминай лихом! — И они пожали друг другу руки.

Олави помогал старику разгрузить панко-реги.

— До свиданья!

Сейчас он занят разгрузкой ящиков со шпиком. Из деревни должны будут за ними скоро прийти подводы.

Головные, наверно, уже несколько часов находятся в деревне и размечают дома, кому где поместиться.

Старик задержался еще у последних саней, на которых ехала его старшая дочь. Сани Лейно въехали в мокрый снег, и теперь полозья примерзли к дороге.

Лошадь не могла сдвинуть сани с места. Лейно просто надрывался, помогая ей. Старик помог в этой работе второму своему зятю и, попрощавшись, поехал дальше...

Старик остановил лошадь. Олави догнал тестя и стал развязывать кисет, потом вытащил из кисета не-

сколько скомканных кредитных бумажек и протянул старику. Старик хотел было обидеться, но, услышав слова Олави, одобрительно кивнул головой.

А Олави говорил:

— Отдай эти деньги пастору. Я ему должен за венчание. Чуть было не забыл отдать. Ведь он венчал меня в долг.

Потом Олави пожал старику руку и ушел обратно к обозу...

Когда старик оглянулся, он увидел, что обозы уже уходят и передние сани скрылись в лесу за поворотом дороги. Он хотел махнуть рукой, но лошадь дернула, и он, покачнувшись, так и не успел помахать на прощание своим.

Двух дочерей как будто и не бывало...

Предстояла встреча со старухой. Сколько будет разговоров и воспоминаний вечерами в светелке, у камелька... Как будет убиваться мать, вспоминая о своих дочерях, ушедших навсегда в другую страну!

Навсегда ли?..

Через полчаса старик, оглянувшись, увидел, что не так уж он одинок. Он насчитал не меньше десятка возчиков.

Уже было совсем светло, когда они повстречались с арьергардом.

В это время сани Эльвиры уже подходили к деревне. Она услышала собачий лай и проснулась.

Хелли и Нанни спокойно спали на санях.

Потянуло горьковатым дымком — значит скоро и околица.

Вот и оленье стадо, ночью обогнавшее обоз. Вокруг пастуха уже толпились люди.

Собаки деловито, серьезно обегали стадо. Ветвистый лес рогов колыхался в морозном воздухе.

Айно громко ругалась со своим муженьком. Она нарочно осталась на том месте, где возчики должны были поворачивать оглобли. Она боялась, что муж ее струсит и повернет обратно. Что там ни говори, он был славным парнем и отличным мужем, только вот эта трусость и леность.

Да, оии питали друг к другу самые иежные чувства, но стоило им только сойтись вместе, как начииались попреки и ссоры.

Вот и сейчас, даже утомлениые походом, оии ие могли ие поворчать друг на друга.

— Девушка, ие подходи так близко к олеиям, все равно они от тебя хлеб ие возьмут, — говорил олеиий пастух, обращаясь к Хильде, — а то еще... Зиаешь лопарский рассказ? Одиа молодеиькая лопарка встретила в тундре оленя. Олень взял ее к себе на спину. И оии мчались, мчались иесколько часов, и несколько дией, и несколько иочей. Олень бросился в Лосииое озеро и переплыл, а девушка сидела на его спиие. За этим озером девушка и стала жеиой олеия. Не подходи близко, или ты тоже хочешь стать олеиьей жеиой?

— Да ие для чего ей! — громко расхохоталась Айио и ударила по плечу своего муженька. — У нее свой неплохой есть. Зиаешь, кто? — шумио обратилась она к мужу.

Ои был доволеи, что разговор кончается так мирио, и охотно спросил:

— Кто?

— Сам Инари! — победоносио заявила Айио. — А где ои, кстати? Давио его ие вижу...

Хильда смутилась.

— Я сама ищу его, — сказала оиа и пошла к саням.

Только теперь, когда олеиий пастух громко рассмеялся, Эльвира узнала пастуха.

Оиа все время пыталась припомнить, где бы оии могли встречаться. Но сейчас-то она вспомнила его очень хорошо. Это был тот самый парень, который помог ей переправиться весною иа лодке, когда оиа ехала к губернатору просить, чтобы Олави отпустили для запашки участка.

Она соскочила с саией и подошла к иему поближе. Ои тоже узнал ее и, протянув руки, спросил:

— Как дела с мужем? Отпустили его тогда?

— Да вот ои сам, — показала Эльвира иа подходившего к ним высокого, крепкого Олави. — Вот ои сам, — с гордостью повторила она.

— Значнт, у тебя все благополучно, мнлая? Ну, у меня тоже. Помнишь, тогда я жаловался тебе, что в лесу прозевал революцию, — продолжал пастух, переходя на «ты». — Так вот, теперь я наверстал, теперь-то я не прозевал: трнста восемнадцать помещичьнх оленей прнгодятся красным партизанам. Да, пригодятся!

И пастух приказал свонм собакам гнать оленей дальше к деревне.

Олави сел в сани к Эльвире.

Она накрыла его одеялом. Глаза сами собой закрывалнсь, но он с усилием разлепил векн. Темный полог кнбитки покачивался у него над головой, ровно дышали рядом спящие девочки. Легкие белые клубы дыхания туманили воздух.

Эльвира, прижавшись к нему, понемногу согревала его. Впереди виднелся круп усталой лошадн. И только через полог возка видны былн белые снега н кусок голубеющего неба. И тогда они вместе сразу увиделн несколько бревенчатых нзб, н на одной из них пламенем костра трепыхался яркнй на белом снегу красный флаг.

— Совсем как тогда, Первого мая в семнадцатом году, — сказала обрадованно Эльвира.

Это был настоящий красный флаг.

Это было само счастье...

Олави приподнялся на локте н, притянув к себе Эльвиру, крепко поцеловал ее.

Они были совсем уже около деревни, — видны были костры на улицах, н окна нзб зияли выбнтымн рамами, переплеты дверей были сорваны.

Но красный флажок победно развевался над нзбой, в которой окна и двери были целы.

Тогда Эльвира наклонилась к Олави и, пожимая его руку, сказала:

— Подумать только, мнлый, сколько должны были мы пережнть и вытерпеть, чтобы снова увидеть это знамя!

Она замолчала.

Он смотрел на нее и радовался голубым ее глазам так же, как флажку, поднятому красноармейской заставой над своим домом.

Молча подъехали они к околице...

Коскинен, выпрямившись, стоял на снегу рядом с невысоким красноармейцем. Увидев Олави, Коскинен спросил:

— Есть потери? Есть обмороженные? — И, получив ответ, огорченно заметил: — Да, и у нас есть обмороженные. У Лундстрема пальцы ноги... Ну, да ладно, все хорошо кончается...

И Олави и Эльвира увидели, как красноармеец открывает скрипучие ворота околицы, чтобы пропустить в деревню обоз.

— Здравствуйте, товарищи! — приветствует он их.

И они въезжают в первую советскую деревню...

— С победой, товарищи!

— Привет финским трудящимся! — приветствует нас рослый мужчина в штатском. Это председатель сельского совета.

Совета!

Одно это слово звучит призывом и обещанием. Да, здесь такие же озера, такие же леса и небо такое же, как и там, за перейденной границей. Но это только так кажется, потому что все здесь иное, все другое: и озера наши, и леса наши, и высокое синее небо наше и для нас. И самый воздух, которым мы сейчас дышим, другой, — это воздух свободы. Мы в той стране труда, стране Ленина, где впервые в мире власть взял в свои руки рабочий народ, и все, что здесь творится, творится для блага трудящегося человека. Эта земля, самая дорогая и родная для каждого, кто стоит у станка, идет за плугом, держит в руках топор или весло, — для нас, сынов нужды и труда, на каком бы языке мы ни говорили. Каждый ее рубеж, каждый камень ее священен! И все мы горды и счастливы, — пусть не много мы еще сделали, но сделали все, что в наших силах, чтобы отвести вражеский удар, направленный против великой страны, открывшей новый мир человечеству.

— Да здравствует Советская Россия, Советская Карелия! — провозглашает в ответ на приветствие председателя сельсовета товарищ Коскинен, и по всей деревне по дороге разносится наше радостное:

— Да здравствует! Ура!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Не было ни одной целой избы во всей Северной Карелии в тех местах, где побывали лахтари. Уходя из Карелии, уводя обманом и насилием многих карельских крестьян с собой в Финляндию, они вышибали рамы окон, срывали и уничтожали переплеты дверей. Холод делался полновластным хозяином всех жилищ.

Они срывали крышки с ям, где хранился картофель, и картофель замерзал. Они резали скот. Туши этих животных валялись посреди деревенских улиц.

Вот какие селения встретил на своем пути первый партизанский батальон лесорубов Похьяла.

Восстание лесорубов сорвало мобилизацию в Похьяла, забастовки и повсеместные демонстрации делали свое дело. Финскому правительству теперь было уже не до военных авантюр.

Отставшие и оставшиеся в Финляндии лесорубы-партизаны были преданы военно-полевому суду.

Унха и Сара были приговорены каждый к пяти годам тюремного заключения.

Поручик Лалука получил строжайший выговор от генерала за то, что вступил в переговоры с восставшими и давал им какие-то обещания. Карьера его висела на волоске, — все свои неудачи он вымещал на своих солдатах.

Инари! Дорогой товарищ Инари! Ты работал в подполье, сидел в финской тюрьме, бежал. Сражался потом в Испании. И в норвежских фиордах с сорок первого года до конца войны был грозой фашистов — партизаном. Но твоя история — это особая история, о которой уже пришло время написать.

Партизанский батальон лесорубов Похьяла разделился.

Одна часть вошла в особую егерскую бригаду, расквартированную в Петрозаводске. Среди командиров там можно было потом встретить и рыжебородого, и того молодого лесоруба Матти, которого Легионер пристыдил на льду Ковдозера, и самого Легионера. Не-

сколько парней поехало в Петроград. И мы вместе с Лундстремом отправились в Петроград и поступили там в Интернациональную военную школу. Нас провожали ребята, и Хильда сказала мне на прощание:

— Если где-нибудь встретишь Инари, скажи, что я его жду.

Часть партизан, те, кто был постарше, осела на земле и в разрушенной белыми Ухте организовала первый на севере колхоз-коммуну «Похьям поят» — «Северные ребята».

Через десять лет я ехал от Кеми в Ухту по недавно проложенной через топи и леса дороге. Нужно было проехать сто девяносто километров.

Раньше шли сюда лишь по реке, через пороги, на карбасах, волоком, и путь длился дней десять. Теперь же я ехал на машине леспромхоза, по дороге. И шофером нашей машины был олений пастух, тот самый, что прозевал революцию восемнадцатого года, в двадцать втором наверстал упущенное, а теперь водил машину по трудной дороге Ухта — Кемь. Я узнал его, когда он возился около завязшей в грязи машины...

...Это было в избе на берегу тихого озера Средне-Куйто, совсем еще недавно окруженного непроходимыми лесами и болотами. Это было вечером в ноябре 1932 года, через десять лет после нашего похода. Я сидел за столом, макая лепешки в сметану; передо мной стояли салака, запеченная бычья кровь, масло, простокваша и хлеб. После ужина коммунары рассказывали о жизни коммуны, и мне показалось, что я снова нахожусь на совещании штаба партизан перед боем, на совещании в бане перед восстанием. Это были те же ребята. Правда, над столом сияла электрическая лампочка в сто свечей.

— Передай там всем колхозникам других колхозов, что мы не жалуемся и со всеми трудностями справимся, а потом пусть они пример берут с нас, как надо обращаться с машиной. У нас есть трактор, он работал без поломки, без повреждений, без ремонта шесть ты-

сяч шестьсот часов. Вот. — И товарищ, произнесший эти слова, встал: — Хочешь, я тебе покажу трактор?

— Господи, да ведь это иаш Олави! — узнал я и вскочил с места. — Вот мы и повстречались. А кто же у вас здесь тракторист?

— Он, — показал иа Олави другой коммунар.

Это был Каллио.

— О нашем походе ие так иитересно, расскажи лучше людям о иашем колхозе, — убеждал меня Каллио и вдруг пригорюнился: — Эх, Сара бы сюда с его стариками!

С Эльвирой и Олави мы вышли из избы.

На берегу и иа всех деревьях лежал уже мохнатый, свежевыпавший, нетронутый снег.

В ровной глади озера отражались высокие звезды.

Было совсем тихо. Из клуба глухо доносился марш.

Мы остановились иа самом берегу, около сосны Ленрота.

Ленрот лет сто иазад приезжал сюда из Финляндии, в Ухту, чтобы записывать руны Калевалы. Вот это та самая невысокая сосиа, широко раскинувшая свои запорошенные снегом ветви над заколдованным озером Куйто. Она огорожена деревянным заборчиком, к которому прибита памятная доска.

Холодиый утренний ветер бил прямо в лицо, распахивая полы моего пальто и пытаясь сорвать кепку. Приходилось всем корпусом нагибаться вперед.

По озеру шли гребешки.

Я вспомнил ветер, бросавший иам в лицо пригоршни снега, я припомнил метель предпоследнего дня нашего похода. Я почувствовал тревогу оттого, что судьба Хильды оставалась для меня неизвестной, и решил непременно разыскать ее.

И еще я думал о том, что если кто-иибудь сложил бы песни о снежном походе восставших лесорубов, о судьбах моих товарищей партизаи, о великой борьбе коммунистов севера за новое Сампо — счастье народа — эти песни стали бы рунами новой Калевалы.

Для того, кто сможет сложить эти новые руны, я оставляю свои записи о том, как лесорубы севера Суоми поднялись, чтобы отвести удар от страны, где родилось счастье человечества.

Я иду по широкому мосту. Ветер бьет мне в лицо. Мы еще вернемся, Суоми!

Петрозаводск — Калевала —
Ленинград — Москва
Декабрь 1931 — апрель 1934.

P. S. После разгрома финляндской белогвардейщины в 1940 году район, где происходило восстание лесорубов (Куолаярви — Алла-Курти), был воссоединен с Карело-Финской ССР.

ПАДЕНИЕ КИМАС-ОЗЕРА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Для военной учебы это было прекрасное время — три месяца в школе, три месяца практики на фронте.

На всех полях, где свистели сабли, во всех краях, где строчили пулеметы, бывали наши курсанты.

Сам я, отступавший пешим порядком от Хельсинки, раненный в перестрелке под Териоками, вывезенный последним поездом через границу в Советскую республику, дрался за нее с белогвардейцами под Царицыном, под Курганом и с английскими интервентами в 6-м финском полку, за Медвежьей горой.

Поэтому, хотя гражданская война уже и кончилась, никто из нас не удивился, когда в сумерках январского утра 1922 года нас перед прогулкой выстроили в коридорах длинных казарм бывшего кадетского корпуса.

— Хорошо бы опять на фронт! — успел прошептать мой друг Армас.

Но его шепот был прерван резкой командой:

— Смирно!

Мы замерли.

Начальник школы был необычайно торжественен и, пожалуй, чрезмерно серьезен.

— Нужны двести человек, умеющих отлично ходить на лыжах. Предстоит очень рискованное дело!

Нас было больше трехсот, и все мы, за исключением нескольких ребят, умели бегать на лыжах, и все мы без исключения рвались на рискованное дело.

Не надо забывать, что самому старшему из нас едва ли было двадцать четыре года.

Мы подняли руки, и, видя такое единодушие, начальник поблагодарил нас от лица службы и сказал, что двести нужных для дела ребят отберет врач школы.

Я застелил перед сном койку. Армас спал справа от меня, голубоглазый Лейно — слева, и были мы трое неразлучными товарищами в горе и радостях, и хотя происходили из разных мест нашей прекрасной суровой Суоми, мы все прошли ее в восемнадцатом году с Красной гвардией, чуть ли не чудом остались в живых, и хотя нам всем трем вместе не было даже семидесяти пяти лет, нам пришлось увидать больше, чем столетним старикам. Но, черт дери, мы были молоды так же, как и сейчас!

— Армас, зачем ты поднял руку? Ведь ты сам признался мне раньше, что на лыжах ходить не пробовал.

— Молчи, — спокойно ответил Армас, стаскивая с ноги сапог. — Я хочу драться с белыми, и мне кажется, что на этот раз это будут лахтари. Я не могу оставаться в школе, когда ребята будут драться. Прошу тебя, не выдавай меня. Я же три раза ходил на лыжах.

Мы все даже не могли представить себе трудности предстоящего пути; желание Армаса казалось вполне естественным, притом же хотелось видеть его рядом с собою во всех передрягах — слишком много вместе пережито, передумано, переговорено.

Через минуту Армас уже спал, укрывшись одеялом; на ноги наброшена шинель.

Койка Лейно была пуста. Он находился в наряде.

Лейно был очень высок, он всегда стоял на правом фланге. «Чтобы уместиться на койке, Лейно должен завязаться узлом», — говорили, смеясь, ребята.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как мы пели!

Мы пели песню восемнадцатого года — «Финскую баррикадную песню».

В теплушке было по-настоящему тепло.

Лыжи лежали навалом. Целый день привозили их на наш двор со всех частей и складов гарнизона.

Мы отбирали те, которые были нам по нраву: «хапавези» — длинные, благородные, тонкие; «муртомаа» — беговые, дорожные; парные, разрозненные, с ременными завязками, с веревочными, с проволочными.

Никогда в жизни до тех пор я не видел столько лыж, собранных вместе.

Весь день ушел на отбор лыж; мы гнули их, просматривали и смазывали у костров.

Я отбирал лыжи для себя, для Лейно и Армаса.

Лейно находился в этот день в наряде и только к вечеру, когда мы уже были в строю, попросил у начальника разрешения присоединиться к нам. Вот почему всю дорогу в теплушке он спал так крепко, что даже наша песня не могла его разбудить.

Армас весь день чистил мне, Лейно и себе винтовки и набивал наши вещевые заплечные мешки выданным на дорогу продовольствием и патронами.

Мимо бежали черные в зимней ночной мгле хвойные леса. Кипятильники на станциях не разогревались. Мы набирали снег в котелки, пили в теплушках дымящийся чай, похрустывая сахаром, и пели.

— Командующий меня спросил, здоров ли я, проверил обмундирование и только забыл спросить, умею ли я ходить на лыжах. Разумеется, я ему ничего не сказал.

Наш поезд, пробираясь через снежные заносы, разбрасывая крупные искры, шел на север.

Из Петрограда мы ехали в Карелию.

...Постепенно песни затихали.

«Надо спать, — сказал я себе, — неизвестно, придется ли выспаться завтра!»

И, слушая ровное дыхание Лейно, укачиваемый дробным стуком колес, я заснул.

Проснулся я уже под утро.

Было еще темно. Мы стояли на каком-то разъезде. Встречный поезд был составлен из классных вагонов, теплушек, санитарных вагонов. Он шел на юг.

Я выскочил на воздух. Обтер лицо снегом и пошел

к санитарным вагонам. Я надеялся найти знакомых, чтобы расспросить о событиях. И не ошибся.

В полутьме одного из вагонов, слабо освещенного мигающей свечой, лежали раненые; стоны смешивались с руганью. Меня кто-то окликнул:

— Матти! Ты ли это?

А так как это был именно я — меня зовут Матти, — то я подошел к койке, с которой раздался этот слабый окрик.

— Прости, я не могу подать тебе руку: она у меня отморожена.

Мигание свечи, не разгонявшее сумрака, мешало мне рассмотреть лицо говорившего. Я с трудом узнал его.

Раухалахти, мой товарищ по мастерской в Хельсинки, мой товарищ по териокскому отряду Красной гвардии, работник Карельской трудовой коммуны, лежал передо мною без движения.

В нашей неожиданной встрече было мало радости.

За те полчаса, что на полустанке простоял наш эшелон, Раухалахти рассказал столько интересных вещей, сколько иной раз и за год не придется услышать.

— Все дело, Матти, в том, что красноармейцы не знают местных условий — ни этих проклятых незамерзающих болот, ни этого дикого бездорожья; мало кто из них ходит на лыжах, а лахтари отличные лыжники, они проскакивают без дорог в тыл, они, эти финские егеря, перебегают через границу.

Еще с осени они переходили поодиночке и группами через границу, собирались в лесах, в болотах, у озер, в рыбачьих банях, сторожках, накапливали оружие, а у нас по всей Карелии, по всей тысячеверстной бездорожной границе, с трудом насчитывалась тысяча красноармейцев — и то в мелких, разрозненных отрядах.

Когда началась эта белогвардейская авантюра (ты только подумай: эти сволочи прикрываются именем Калевалы!), по нашим деревням ездил седобородый старик торговец из Тунгуды — он называл себя Вейнемейненом — и агитировал за независимость Карелии и

ее союз с Финляндией. Это с лахтарской Финляндией-то!

К лахтарям примкнули кулаки. Мы даже приблизительно (ты знаешь, какие у нас пути сообщения — птица крыло сломит) не представляли себе размаха авантюры, а когда стали поступать запоздалые сведеиия и мы посылали телеграмму за телеграммой в центр, там, видимо, недооценивали сложности положения.

Потом стали посылать людей, совсем не подготовленных к нашим условиям.

...Как я обморозился? А вот как.

Мы иа рассвете вышли из Кестеньги в Кокосальму, которую занимали лахтари. Ты себе представь: всего-иавсего одна проходимая тропа.

К десяти утра мы были уже у озера, всего за тысячу двести шагов от Кокосальмы, и стали разворачиваться на глазах у белых.

Разворачивались мы два часа.

В двеиадцать командир приказывает: «В атаку!»

Заметь, что белые совсем ие стреляли, не подавали даже призиаков жизни.

Нам надо было пройти около версты по занесенному глубоким снегом озеру. Позади подтяиули даже орудие Маклена. Оио за весь бой выстрелило всего раза четыре, и то каждый раз снаряды, попадая в липкий, вязкий снег, не разрывались.

Как только мы сошли с тропы, сразу провалились в густой снег по пояс.

Итти было очень трудно. Каждые десять — пятнадцать шагов делали остановку.

Так мы стали выдыхаться, не пройдя даже и четверти расстояния до деревни.

В пути мы согревались, ио на остановках мерзли.

Я тянул «максим», и двигаться с иим, сам понимаешь, по этому снегу было не очень весело.

Но самое тяжелое еще впереди.

Продвигаясь по льду, мы вдруг почувствовали под ногами воду. Здесь и так бывает, вода выступает поверх льда! Идем дальше — вода дошла до колен, и

уже примерно в четырехстах шагах от противника весь отряд провалился по пояс в воду. Итти дальше было невозможно.

Лахтари, хорошо знакомые с местностью, очевидно, только этого и дожидались. Они открыли спокойный прицельный ружейный огонь и угощали нас внезапными пулеметными очередями. Я стал налаживать свой «максим», но ты пойми — весь день отчаянный мороз, и вода в холодильниках так замерзла, что пустить пулемет в дело было невозможно. У многих ребят закоченели пальцы, и спусковые крючки не поддавались их усилиям.

Я выхватил из обмороженных рук одного красноармейца винтовку и, когда командир скомандовал: «Огонь!», нажал спуск, но — черта с два! — из всего отряда нашего раздалось только семьдесят выстрелов, честное слово, не больше.

Моя винтовка отказывалась стрелять, винтовки ребят тоже бездействовали. В затворах от холода ударники примерзли к пружинам.

Обмундирование же наших не ахти какое, и если замерзла сталь, то что было с людьми! И все это под очень метким огнем лахтарей.

Ты не забудь, что мы находились по пояс в воде. Понятно, ни о каком продолжении атаки не могло быть и речи.

Мы зарылись в снег, чтобы дождаться темноты. Лежали больше трех часов, и как мы обрадовались сумеркам, сам понимаешь.

Под прикрытием темноты мы стали отходить назад.

К счастью, беляки нас не преследовали.

Когда мы подползли к тому месту, где оставалось орудие, мы поняли, почему оно почти бездействовало: командир орудия отморозил себе руки и ноги, стоя на наблюдательном пункте.

Его посиневшее лицо казалось совершенно мертвым, и даже в темноте видны были крупные слезы. Не успев еще сползти по небритой щеке, они превращались в ледяшки.

Я видел, как некоторые замечательные ребята до того утомились, что стали безразличны ко всему. Неко-

торые легли на дорогу и лежали совершенно без движения, распластавшись, пока их не подобрал подошедший обоз.

На обратном пути, при отходе по дороге через болота, наше орудие со всеми снарядами провалилось под лед в воду на глубину двух метров.

С политруком во главе мы три часа работали в болоте при двадцатипятиградусном морозе — и пушку и снаряды вытащили.

Какие прекрасные ребята наши артиллеристы!

Лошади — и те из строя выбыли, ну и я, конек-скакунок, без одной руки в Питер в госпиталь еду.

Он горько улыбнулся.

Свеча уже совсем оплыла, зимний рассвет пробивался в вагоны санитарного поезда.

Паровоз загудел. От толчка проснулись раненые, застонали, заворочались.

— Раухи, — спросил я, пробираясь уже к выходу, — что думаешь ты обо всей кампании?

— Что думаю? Наши на лыжах ходить не умеют, следовательно лахтари сумеют дотянуть до весны, а весной, летом, осенью здесь воевать совсем невозможно: болота, озера, снова болота, бездорожье такое, что во многих волостях только на волокушах и передвигаются... А тем временем белые будут орудовать в Лиге наций от имени самозванного карельского калевальского правительства. У них ведь не только Вейнемейнен, у них «кузнец» Ильмаринен, он в военных вождях ходит! Прощай, Матти!

— Прощай, Раухи! — прокричал я, уже соскакивая с подножки санитарного вагона.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На Армаса было забавно смотреть. У него вначале лыжи разъезжались в разные стороны, и он чуть не падал носом в снег.

Я был назначен командиром взвода. Армас попал ко мне, — это был его выигрыш. Лейно был отделенным.

Лыжн Армаса не всегда разъезжалнсь в разные стороиы; иногда, иаоборот, они иачииали съезжаться, сблнжаясь н перекрещиваясь. Он беспомощно болтал палкамн, стараясь раскрестить лыжи.

Одии раз ои сошел с лыж, чтобы распутать их, и сразу провалился по пояс в снег.

Он шел усталый, потный, с трудом поспевая за другими (ведь всего четвертый раз в жизни ои вставал на лыжи).

— Может быть, тебе лучше было бы остаться? — спросил я его, когда он на легком повороте зацепился за свою же собственную палку.

Армас обиделся:

— Я доберусь до иих, я буду бить беляков! Ты увидишь, как я пойду завтра-послезавтра. Велика важность — ходить на лыжах!

Больше всего Армас боялся упасть. Подыматься ему было бы иелегко — защитиый белый балахои путался в ногах.

Из всего обмуидирования привычным был только шлем.

Валеики, овчииный полушубок, шаровары на вате, трехлинейная, а у кого н автомат через плечо, по двести патроиов у пояса, полотенце, веревочка в мешке, консервы, хлеб, шпик, масло, сахар и по фляге спиртного — всего на человека двадцать кило.

Мы вышли со стаиции Массельгской без всякого обоза. Все на себе.

Выдаииое довольствие свидетельствовало, что предстоит нам большое дело, но в чем оио будет заключаться, никто еще ие зиал.

Мы шли в колоине по два. Армас — рядом со мной. Я взял у него часть его груза, сказав, что, когда он иаучится хорошо ходить на лыжах, он сделает то же самое для меня.

Умению Лейно бегать на лыжах я, призиаться, немиого завидовал. Ои легко скользил впереди нас по иасту, ловко взмахивая палками. Он был первоклассным лыжииком и поэтому почти все время или шел впереди, прокладывая лыжню для отряда, нлн уходил в разведку.

С каким наслаждением вдыхал я свежий морозный воздух!

Идти было, по-моему, не трудно: почти все время по дороге.

Ритм быстрой ходьбы на лыжах, свежесть воздуха, молодость и сознание, что скоро придется встретиться с врагом, — все это подбадривало меня, и мне захотелось петь.

И не одному мне хотелось петь. Сзади кто-то затянул боевую песню, но строгий окрик светловолосого, крепкого, словно из одного куска камня выточенного командира первой роты Илконена прервал песню и дал острее почувствовать всем, что мы действительно находимся на фронте.

Я знал, что темп, взятый нами, многим ребятам не под силу, и, оглянувшись, увидел, что отряд растянулся не меньше чем на километр.

Армас все еще шел за мной, но по катящемуся с его лица поту, по необычайной сосредоточенности его серых глаз видно было, что это достается ему нелегко.

Лейно был уже далеко впереди.

Отстающие чернели позади.

— Вперед, товарищи! В Паданах у нас будет большой привал, — громко сказал Илконен, и мы вошли в лес.

Это был настоящий карельский мачтовый сосновый лес. Капюшоны слетали с голов, когда мы пытались взглянуть на оснеженные ветви вершин. Это был строевой и перестойный лес.

Дороги не было. Мы вышли из лесу и пошли по Сегозеру.

Белых мы еще не встречали.

Если бы не патроны у пояса, винтовки через плечо и груз за спиной, наша прогулка могла бы показаться спортивным состязанием.

Меня уже начинал тяготить груз. Кроме того, левая нога, очевидно, немного свободно ходила в валенке. Остановившись на секунду, я почувствовал в пятке какое-то жжение.

«Верно, натер ногу», — подумал я и хотел спросить, как обстоят дела у Армаса, но его рядом со мной не оказалось.

«Очевидно, отстал», — пришло мне в голову, и, оглянувшись, я увидел, что отстал не один Армас, а еще несколько ребят, среди них Гуттари.

Гуттари был до поступления в Интернациональную военную школу известным борцом и не на одном чемпионате выступал как чемпион Финляндии. Арены многих цирков и арбитры разных рангов до сих пор, наверно, помнят его неуклюжую, медвежью ловкость; поэтому если отстал Гуттари, то Армаса, конечно, нельзя было корить.

Часам к девяти вечера головные входили уже в Паданы — большую деревню на берегу Сегозера.

Это была последняя деревня по нашу сторону фронта. Дальше, за деревней Лазарево, начиналась сторона белых.

В Паданах мы расположились по избам, выставив охранение.

В эту ночь я спал как убитый. Ведь мы совершили переход в семьдесят километров!

Никаких снов. Думаю, что я даже ни разу не шевельнулся.

Разбудил меня Армас, дергавший за валенок.

Уже светало.

Армас, превозмогая усталость, явно торжествовал.

— Товарищ командир, — говорил он, — я пришел не во-время, но все же пришел. Позади осталось довольно много ребят.

Здесь ему уже явно не хватило сил продолжать свою речь. Он замолчал, а через секунду свалился на пол и захрапел.

Лейно, пришедший из охранения, устраивал себе постель из можжевельника. Он осторожно подтянул на постель Армаса, расстегнул ему пояс и снял с его спины винтовку.

— Я не думал, что он дойдет, — сказал Лейно, обращаясь ко мне. — Матти, вставай! Твой час итти в караул!

Я никогда не испытывал в жизни такой боли, какая охватила мышцы моего тела, когда я начал приподыматься с лавки. Это бывает со всеми, когда после большого перерыва начинаешь опять тренироваться,

на лыжах ли, в ходьбе, в беге, футболе, борьбе — безразлично. Эта приятная боль, которую большинство мальчиков переносят с гордостью, считая ее показателем роста мускулов, превратилась сейчас в трудно переносимую боль, возникавшую с каждым новым движением.

Болели бицепсы, мускулы шеи, ног, но больше всего ныли мышцы живота. Трудно было сгибаться, но еще труднее было выпрямиться.

Такое ощущение было не только у меня, но и у всех курсантов в отряде.

Медленно, со стонами, покряхтыванием, товарищи подымались после глубокого сна. Даже Лейно растирал себе бицепсы.

— Энергичнее, быстрее двигайся, Матти, — бросил он мне, — тогда все скорей пройдет.

И я начал двигаться.

Мы снова выступили в поход. Вперед. Опять вперед. Мы оставили озеро и входили в глубокий лес, и если бы не узкая дорога, я сказал бы — нетронутый лес.

Отряд наш растянулся. В самом хвосте — посеревший, молчаливый — угрюмо передвигал ноги Армас.

Дорогой товарищ Армас!

Если тебе случится когда-нибудь прочитать эти строки, то вспомни день девятого января 1922 года, наше движение по лесной тропе и неожиданную команду Антикайнена:

— Враг слева. Развернуться в цепь! Вперед!

Вспомни, как мы разворачивались в цепь, быстро повернувшись в указанном направлении, как быстро летели вперед, теряясь в глубине соснового леса, как не терпелось нам встретиться лицом к лицу с проклятыми лахтарями, как были мы разочарованы, когда узнали, что никакого врага нет, что это учеба...

Особенно хорошо помню, как был обозлен ты. Тебе-то каждый поворот с грузом за плечами, каждое такое движение давались с трудом. Ты напрягал все свои силы, стискивал зубы и шел вместе с другими.

«Захватив» таким маневром одну деревушку, Анти-

кайнен расставил по дорогам караул, чтобы научить нас никого не выпускать из деревни; расположил бойцов по избам, чтобы научить, как распределять силы после захвата деревни.

И затем мы снова шли дальше, шли быстро по морозу.

Видно было, что в этих местах недавно еще бушевали вьюги. Дорога была занесена глубоким снегом, а местами и совсем исчезала.

В этот же день мы пришли в Гонга-наволок.

За этой деревней сразу начиналась территория, где не было ни одного советского бойца.

Расположив свой взвод в теплой избе, сбросив с себя вещевой мешок, проверив, действует ли затвор трехлинейки, я пошел по дороге назад, чтобы помочь Армасу.

Отряд очень растянулся; по дороге шли ребята, вспотевшие, в расстегнутых полушубках. Я приказал им застегнуться.

У многих вид был совершенно измученный; другие проходили несколько шагов и останавливались, морщась от боли.

В пяти километрах от привала я нашел Армаса и, не обращая внимания на его ругань, взял его вещевой мешок, но винтовку он мне не отдал.

— Есть натертости? — спросил я на ходу.

— Нет, — ответил он. — Я ведь понимаю, в чем дело, я портянки навернул, как полагается. Из того, что я не умею порядочно бегать на лыжах, не следует еще, что я ничего не смыслю. Но уже сегодня я понял, в чем дело, и если бы не эта проклятая боль в мышцах, я пошел бы лучше многих из вас.

Было уже почти темно, когда мы входили в деревню. В избе я снял валенок. Натертое место на пятке превратилось в водяной пузырь.

Я достал иголку, проколол пузырь и бережно обмотал ногу. Больше подобной глупости я не повторю, нога мне еще нужна.

Армас уже храпел в углу.

Дверь распахнулась.

В избу не торопясь вошел Лейно и сразу как-то за-

полнил собой всю горницу. Он уселся на лавку, вытащил из сумки карту-десятиверстку и протянул ее мне.

— Вот тебе карта, по ней ты должен отмечать весь путь своего взвода. Всем комвзводам, отделкомам и прочим командирам ее дали, я взял и для тебя.

— Какой путь должен я отмечать? — удивился я.

— Жаль, что ты куда-то запропастился, ты прозевал много важного. Но я тебе расскажу.

Лейно встал. Осмотрелся, нет ли кого в помещении. В углу храпел Армас.

Под лавкой возился кот. Он мягко распускал свои когти, и из-под лапы выкатывался серый клубок — это была мышь. Не давая ей отбежать и на полшага, кот, неожиданно изогнувшись, мягко прыгал, опуская на нее свои легкие когтистые лапы.

Лейно подошел к двери и сделал мне знак итти за ним.

— Здесь нас могут подслушать, а дело абсолютно тайное.

Вслед за нами из дверей на крыльцо вырвалось облако пара.

Под ногами заскрипел снег.

На сияющем небе показались северные звезды. Мы стояли посреди широкой деревенской улицы.

— Здесь нас никто не подслушает. По этой карте ты будешь отмечать путь, по которому пройдет твой взвод и весь наш отряд. Мы идем на лыжах. Отряд выходит в составе двух рот, командиры — Илконен и Лайнен; пулеметная рота разделяется между нами, а командир пулеметной роты Тойво Антикайнен назначается командиром всего отряда, его помощник Илки — начальником штаба. Ты ведь знаешь Антикайнена?

О да, Антикайнена я знал хорошо, — это ведь после его горячей речи на митинге в Хельсинки я вступил в организацию Революционного союза рабочей молодежи, а затем в партию.

Он строитель, а я металлист, и всего-то на два года он старше меня. Сейчас ему двадцать три года.

Какой молодой рабочий Хельсинки не знал организатора комсомола, яростного оратора, непреклонного

коммуниста, товарища Тойво Антикайнена? Тойво Антикайнена с братьями? Да, это ребята!

Кто из нас не помнит речей Антикайнена! Они разжигали ненависть к врагу, заставляли сжимать кулаки, стискивать зубы. Мы плакали о погибших товарищах и с восторгом шли в бой, чтобы воздать врагам по заслугам.

А заслужили лахтари все-таки в тысячу раз больше. Мы еще не расплатились. Когда я начинаю вспоминать, как они обращались с пленными красногвардейцами, как они расстреливали раненых в Тампере, в госпитале, когда я вспомню то, что они делают сейчас, я начинаю волноваться, а мой рассказ требует спокойствия.

Да, я отлично знал Антикайнена, а что нашему командиру было всего лишь двадцать три года, это нас тогда не смущало: большинство из нас было моложе.

— Наше задание, — продолжал, оглядываясь по сторонам, полушепотом Лейно, — такое: пройти незаметно через фронт в тыл лахтарям. Итти с максимальнейшей быстротой, на какую мы только способны. Ничего лишнего с собой не берем. Никакого обоза, все на себе. Мы должны дойти незаметно — для этого надо уничтожить все вражеские отряды до Ребол и постараться уничтожить штаб лахтарских войск и все склады боевого и прочего питания в этой центральной базе. Возможно, однако, что штаб находится не в Реболах, а в Кимас-озерской. Тогда, захватив Кимас-озерскую, мы должны уничтожить штаб белого командования и все склады. С какими силами нам придется встретиться — неизвестно. Сколько штыков у белых в Реболах и Кимас-озерской — неизвестно. Предположительно: человек по четыреста — пятьсот. Основная задача: пройти по тылам, уничтожить склады, а главное — органы управления. Надеяться можно только на себя, на неожиданность нашего наступления, быстроту и удачу. Предприятие более чем рискованное... Утром надо быть готовым к отходу. Выяснилось, что из двухсот человек, отобранных в школе, только около ста тридцати могут итти дальше, — остальные натерли ноги,

заболели или просто не моглн двнгаться с такой быстротой.

Я вспомнил при этнх словах Армаса и невольно улыбнулся.

Да, на ногн нужно лучше навертывать портянки, потому что теперь ясно: только однн мои ногн могут донестн меня до лахтарей.

Я разложнл карту на лавке и стал измерять расстоянне. По лнннн полета птнцы надо было забраться в тыл протнвннка кнлометров на трнста.

Нпкакнх дорог не предвндится, — напротнв, досадные горнзонталн указывалн на крутнзну, карта говорнла о труднопроходнмых лесах н болотах.

Еслн болота незамерзающие — это полбеды. Но такне подробностн на десятнверстку не нанесены.

Эта карта н по сегодняшннй день хранится у меня на дне дорожного сундука. Правда, здорово нзмятая, с красной лннней прочерченного карандашом путн. Я ее берегу.

Мне было ясно, что Армас с намн не пойдет, а останется здесь, в отряде «шатунов», как окрестнл отстающнх товарнщ Антнкайнен. Поэтому, когда Армас проснулся на секунду н, поворачнваясь с боку на бок, спроснл меня, что нового, я пробормотал:

— Спн! Ннчего особенного не пронзошло.

Надо было скорей заснуть. Выступленне назначено на утро.

Курс на деревню Пененга.

Я прочертнл по карте путь в эту деревню.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мы вышли строем. С утра было очень холодно. Иттн надо было без дорог, через нетронутую целину, через лес, карельскнй, сосновый.

Мы шлн быстро, переводя на ходу дыханне. Груз давал себя чувствовать. Ремнн затруднялн дыханне.

Мы шлн быстро, уверенно н зналн, что жнзнн нашн н жнзнн тысяч людей, а может быть и нсход всей зимней кампании, завнсят от нас.

Мы все тащили на себе — и патроны, и припасы.

Вспугнутые птицы подымались при шорохе наших лыж. Изредка, удивленная дыханием, вырывавшимся из сотни грудей, выскакивала на склонившуюся от тяжелого снега ветку белка и снова пряталась. Но еще перед самым отправлением Антикайнен запретил нам стрелять.

Ни одного лишнего выстрела, ни одного громкого слова! Никто не должен нас видеть, никто не должен нас слышать; мы должны быть внезапны, как разрыв сердца. Поэтому... поэтому иди вперед и выполняй свой долг перед революцией.

И мы шли так час, прошли километров десять, и снова отряд растянулся.

Лейно ушел вперед прокладывать лыжный след по лесу, и тут, на десятиминутном привале, я вдруг увидел Армаса. Он шел со своим отрядом и, на первый взгляд, устал не больше других. Встретив мой удивленный взор, он улыбнулся.

— Антикайнен разрешил мне итти с отрядом. А ходить на лыжах я уже почти научился.

И мы снова пошли вперед. Мы шли, быстро отталкиваясь палками, широко передвигая ногами; обрывками пара вырывалось дыхание. Мелькали сосны, шипел под лыжами снег.

Так же мы будем итти по снегам Суоми, когда она сбросит с себя ярмо, в которое ее вогнали свиноголовые лахтари, лапуасцы[1]. Она опять будет принадлежать нам, рабочим Суоми.

Кто из нас не испытал боли расставания с тобой! Тому, кто не сжимал в отчаянии винтовку, расстрелявшую все патроны, кто не видел, как куст за кустом, канава за канавой, дерево за деревом отходят врагам, тому, кто не перешел границы с последним отрядом красногвардейцев, тому, кто не испытал этой последней секунды на последнем клочке своей земли, — тому трудно понять всю тяжесть потери совсем было освобожденной родины.

[1] Лапуа — один из центров кулацко-фашистского движения.

Но мы вернемся, мы еще вериемся к тебе, Суоми. Окрыленные всем опытом граждаиской войиы, мы не повторим ни одной ошибки. О, мы помним горе утраты! И митииг перешедших граиицу эмигрантов в городе Ленииа, в Мариинском театре! И сдерживаемые рыдания иаших сестер! ..

Мы еще вериемся, Суоми!

Отряд остановился. Впереди чернели у озерка рыбачьи избушки. Около одиой с подиятыми вверх руками стояли три человека не совсем обычиого вида.

Аитикайнен вошел в избу. Лахтарей, предварительио обыскав и обезоружив, ввели вслед за ним.

Лейио подошел ко мие.

— Я их захватил. Шел впереди, прокладывая лыжию, и вдруг вижу — вьется над хижииами дымок, сииеватый такой, как от сырых ветвей. Подхожу. Распахиваю дверь. «Руки вверх!» — и все они, голубчики, как в клетке.

Аитикайнен вышел из избушки.

— Товарищи! На два часа привал.

Мы развели костры.

Лииия, прочерчеииая на карте, говорила, что мы уже прошли сегодия двадцать пять километров.

В котелках снег растопился, и вода иачииала пузыриться.

Я огляделся. Армаса не было.

«Опять отстал», — подумал я и даже иемиого встревожился, потому что мы были уже далеко в неприятельском тылу.

Из избы вышли Антикайиеи, Илки, Илконеи и Лайнеи. Илки подошел к костру и сказал:

— Эти трое имели задание проникиуть в наш тыл — у них явки в Петрозаводске и в Медвежьей горе. Оии должны были взрывать иаши железиодорожные мосты, водокачки и вообще вредить. Но оии прииесут нам вместо вреда пользу.

— Оии сказали, что в Пенеиге — вот, — Илконеи ткиул пальцем в мою еще ие сложеиную карту, — видишь, отсюда по прямой километров двадцать пять есть застава с фиискими офицерами. Оии иам будут проводниками. Их документы утверждают, что их чет-

веро, а налицо трое. Как бы не прозевать одного! Если он проскользнет незамеченный к нам в тыл, он там, пожалуй, может натворить немало бед. Если он увидел нас и убежал к своим, то враги приготовятся и встретят нас.

Лейно встал.

— Товарищ командир, разрешите мне произвести разведку: я по лыжному следу, может быть, разыщу его.

Антикайнен задумался.

Кипяток был готов, и котелок пошел вкруговую.

В эту минуту я увидел знакомую фигуру Армаса.

Палки у него были в одной руке, в другой он держал наган. Он двигался очень медленно и неуклюже. Перед ним шел человек без палок, засунув руки в карманы.

Мы вскочили с мест и быстро пошли навстречу.

— Вот, субчика подцепил, — спокойно проговорил Армас таким равнодушным тоном, как будто изо дня в день в течение многих лет ему приходилось на лыжах подцеплять «субчиков». — И я в походе не последний человек, — сказал он мне и при этом неожиданно подмигнул, как не раз подмигивал в мастерской за спиною мастера после крупного разговора с ним: мол, знай наших!

Пойманного обыскали. Илконен тут же его допросил.

— Все в порядке. Все четверо говорят одинаково.

— Как? И другие попались?! — изумился пойманный.

— Ну, ты еще меня в плен не взял, чтобы допрашивать, — усмехнулся командир.

Этот человек прождал в лесу, притаившись за деревом, пока пройдет весь отряд, и потом по следу-лыжне пошел в противоположную сторону и тут-то наскочил на отставшего Армаса.

Армас издали увидел его, взял на мушку, приказал бросить оружие, отнял палки, обрезал пуговицы на брюках, чтобы пленный не мог бежать, — вот почему руки его заложены в карманы.

Армас показал мне пуговицу. На ней ясно было отштамповано: «Хельсинки».

Двухчасовой наш привал окончился очень скоро, и мы вышли снова в поход.

Антикайнен отдал мне распоряжение:

— Иди вперед с отделением на Пененгу, произведи разведку. Если в результате разведки там действительно обнаружатся два-три лахтаря, захвати их. До Пененги километров двадцать пять, но путь нелегкий. Ты туда дойдешь на рассвете.

— Слушаю, товарищ командир.

Я повел свое отделение. Замыкал его Армас.

Скалистые холмы начались уже за час до привала. Все время шел неизменный подъем, и огромные скалы упрямо выставляли свои каменистые ребра из снега. Склон все время делался круче, и брать его с каждой минутой становилось трудней.

Это были Лотавары, Массельгское ущелье. По картам значился подъем в 35—40°. Но на лыжах, которые все время тянули назад, при грузе за спиной в двадцать пять кило, при двух гранатах у пояса эти 35° превращались в 80°.

Склон становился действительно все круче и круче.

Мое отделение вскарабкалось уже довольно высоко, далеко позади виднелась лента нашего отряда, и вдруг у одного из ребят лыжи вырвались из-под ног и резво побежали вниз по проложенной лыжне. Ему весь путь приходилось начинать снова.

Моя лыжа ударилась о камень.

«Сломается еще, чего доброго!» — подумалось мне.

Я взглянул вниз — там неуклюже карабкались товарищи; я взглянул вверх — из-за вершин холмов выползала огромная луна.

— Снять лыжи! — приказал я.

Но, сняв лыжи, мы немедленно провалились по пояс в снег.

Передвигаться по пояс в снегу нелегко, тем более на подъеме, да еще когда за спиной груз и на плечах лыжи и палки.

Ребята стали ругаться.

— Скоро лн окончнтся этот чертов подъем?! — проворчал Лейно.

Он тащил, кроме всего прочего, еще и пулемет.

Лейно был сухощав н напорист, но, сойдя с лыж, потерял, кажется, обычную для себя уверенность.

Пожалуй, один только Армас был доволен тем, что мы сошли с лыж: он оказался в равных условиях даже с самыми лучшими бегунами. Он был крепыш и во французской борьбе в товарищеском кругу почти всегда выходил первым.

Снег забнвался в валенки и таял. Дыхание подымалось легчайшим паром к черному зимнему небу.

На небе высыпали звезды.

Мы проталкивались сквозь густой, местами липкнй, как глина, местами рыхлый, как зубной порошок, снег, в кровь царапая руки о камнн, обламывая ногти, с лыжами на плечах.

Мы карабкались вверх, срываясь, разрывая маскировочные халаты, тяжело дыша.

Я остановился, чтобы отдохнуть хотя бы секунду, и услышал отдаленный волчий вой, услышал, как нетронутую тншину зимней ночи разрывало тяжелое дыхание сотни молодых ребят. Лншь прерывистое дыханне, лншь редкая ругань да дальний волчий вой, да снег впереди, где за каждым камнем, может быть, поджидает свннец или топор лахтаря...

Пальцы на руках коченели, подъем становился все круче.

Кто-то из ушедших вперед ребят сорвался, и его потянуло вниз, — он прогромыхал с винтовкой, котелком, мешком за плечами, разбросав по сторонам свои палки; он проскользнул между намн, не успев ухватиться за протянутую лыжу; стараясь изо всех снл остановиться, он неудержимо шел вниз.

Подъем становился все круче. Парнн выдыхалнсь.

Лейно, шедший впереди, стал на колени.

Мы все один за другим сталн на коленн н поползли вперед, цепляясь за каждый выступ. Рядом со мной полз Илки, начальник нашего штаба. На его круглом белом лице проступнли каплн пота. Позади, тоже на коленях, карабкался Антикайнен.

— Мы им припомним этот переход! — бормотал он.

— Сколько еще нам осталось так ползти? — спросил меня Армас. — Если долго, так мы все можем здесь остаться навсегда. Если остановка на отдых — замерзнут ребята!

— Тише, Армас! Ни один не должен остаться здесь, — сказал я, уже почти задыхаясь.

Левая ладонь была у меня рассечена в кровь.

Мы ползли на коленях дальше.

Подъему, казалось, не было конца-краю. И вот Лейно сел на камень, положил поперек колен пулемет и молча заплакал. Я видел, как прозрачные слезы катились из его светлых глаз и замерзали на щеках. Он плакал молча. Я никогда никому не поверил бы, что Лейно может плакать, пока не увидел это своими глазами.

Лейно плакал, и свет луны сиял на его пулемете. Бессильные лыжи лежали у ног его, и две палки, как свечи, стояли по сторонам. И он обратился ко мне:

— Неужели мне придется здесь окончить свой жизненный путь, Матти?

— Отдохни, Лейно, мы еще потанцуем на свадьбах в Хельсинки, Випури, Турку.

Он печально помотал головой и уныло, почти нараспев, повторил свой вопрос, обращаясь к Армасу:

— Неужели мне придется здесь окончить свой жизненный путь, Армас?

Армас снял с его колен пулемет и, передав патроны Лейно мне, крикнул:

— Лейно, эй ты, лыжник! Идем, что ли!

И мы все опять поползли на коленях вперед. Товарищ Антикайнен взял у Лейно лыжи.

— Нам этот подъем не взять, — безнадежно пробормотал Яскелайнен, — мы уже выдохлись, нас к утру перестреляют, как куропаток.

— Брось, Яскелайнен! Нужно, чтобы этот подъем мы взяли, и мы его возьмем.

Вперед, несмотря ни на что! Мы проползли уже почти два километра, для третьего не было бы уже сил, но подъем здесь, к счастью, кончился.

Вот мы стоим иа вершиие кряжа. Луна закатывается за дальиие леса.

Перед нами спуск, а за ним ровиое большое поле, равиииа, лесок, а за леском, километров за десять, должна быть деревия Пеиеига.

Я сразу вспомииаю приказ. Собираю отделение.

Позади слышится неровное, частое дыхание карабкающихся людей.

Рядом стоит Антикайиеи. Мы вышли утром, и скоро начииается новое утро.

— К спуску!

— Ты должеи был делать так, — бубнит Армас, обращаясь к смущеиному Лейно: — выбрать себе впереди один камень, как делал я, и думать: «Вот теперь я во что бы то ни стало доберусь до этого камня», — и выбрать камеиь близкий, шагах в десяти от себя. Ну, до этого камня доберешься, конечно, намечай себе другой, метров так за пять. И неужели тебе, как бы ты ни утомился, ие пройти эти пять метров? Чепуха! Конечно, пройдешь. Ну, прошел — передохни, осмотрись и опять иацелься метров иа пять. Поверь мие, как бы ии устал добрый парень, а метров шесть проползет всегда. Так, глядишь, ты уже на вершине.

Я приказал надеть лыжи, — мы пошли вииз. Лететь вниз — это даже после такого подъема одио удовольствие. Равновесие у опытного лыжника регулируется как бы автоматически: где иадо оттолкнуться, где иадо наклониться, даже присесть на корточки, а где можно и прямо стоять, вдыхая морозный воздух.

Неопытного лыжиика при спуске может опрокинуть даже едва заметная глазу кочка.

Так и случилось с Армасом.

Он пошел иа спуск первым и, не успев долететь до подошвы, опрокинулся. Дважды перевернувшись в воздухе, отпустив убегающие вииз лыжи, ои остался лежать в снегу. Следующий за иим парень, споткнувшись о иего, тоже упал, иа того — второй, третий, — образовалась живая, барахтающаяся куча с торчащими из снега штыками, с валяющимися остроконечными палками.

«Пуще всего не хочу я погибать из-за такого дела», — мелькнуло у меня в голове, и в мгновение, равное, может быть, одной тысячной доле секунды, я оглянулся и увидел, что по этому следу, проложенному Армасом, вслед за мной быстро-быстро по склону скользит уже десятка два бойцов.

Катастрофа, катастрофа!

Кто сумеет на лету свернуть в сторону, обогнуть эту кучу людей, штыков, подсумков, лыж, палок, гранат?

Но в то же мгновение шедший впереди меня Лейно изогнулся и, напрягая все свои силы, свернул в сторону. Я не знаю, сумел бы это проделать кто-нибудь другой, кроме Лейно.

По следу Лейно проскочил я, за мной по проложенной лыжне пролетели другие.

Я собрал отделение и повел его вперед.

К счастью, в этой свалке мы отделались только царапинами.

— Из-за тебя, Армас, из-за твоей глупой настойчивости, чуть не произошла катастрофа, — недовольно буркнул Лейно.

— Ты прав, — смущаясь, отвечал Армас. — Но теперь уж поздно...

Такого виноватого лица я у Армаса никогда не видал.

Отряд получил часовой отдых.

Мы же, назначенные в разведку, должны были итти немедленно. И мы пошли.

Отделение шло на полкилометра позади меня, под командой Лейно. Сам же я отправился в разведку, вперед.

Путь шел сквозь лесок.

Мерно раскачивались, осыпая снег, мохнатые ветви. Пробегали стволы, шуршал уминаемый лыжами снег.

Точно так же около года назад шел я в глубокую разведку. Тогда наша разведка должна была отрезать подвоз продуктов из Финляндии к контрреволюционерам-мятежникам в Кронштадт; подвоз шел по льду Финского залива. И вот я увидел близкие огни поселка

Инно. Я сам оттуда родом, и вся моя семья проживала там, и по сей день там живет отец-старик с матерью. И Айно, моя Айно — тоже я знал — жила тогда со стариками. Наш дом был от меня всего лишь в тысяче метров. И окна нашего дома были освещены... Я приближался, стараясь в тишине морозной ночи услышать скрип полозьев саней, везущих продовольствие мятежникам. Я подошел близко к берегу, выполняя задание разведки. Дом моего отца (все воспоминания детства!) был всего в ста метрах от меня...

На пороге показалась женская фигура; это могла быть моя старая добрая мама или дорогая Айно; я не видел их с весны 1918 года, с дней разгрома нашей революции.

«Зайду обнять стариков, — подумал я, — ведь никто не узнает о нашей встрече».

«Нельзя, ты ведь в разведке», — уговаривал я себя и остановился. Я смотрел на домик, где старики, наверно, тоскуют о своем Матти, где Айно...

Свет из окна желтым квадратом ложился на снег.

Женщина на крыльце выплеснула из ведра воду и вошла в дом, захлопнув за собой тяжелую дверь.

Я сделал шаг вперед, я стоял десять минут вблизи дома, смотрел на него и думал. Потом круто повернулся и пошел дальше, продолжая разведку.

В тот вечер я захватил и привел к нам четыре подводы с хлебом, шедшие из Териок в Кронштадт. Белому офицеру, сопровождавшему сани, посчастливилось: он ускользнул под прикрытием тьмы, преследуемый оголтелой бранью возчиков; на подводе остался лишь его портфель с бумагами, с документами на имя штабс-капитана Верховского. Самого штабс-капитана и след простыл.

Где теперь эта сволочь?

Усталость после бессонных суток и утомительного перехода в такой сильный мороз сказалась: все эти мысли проходили передо мной как в полусне. От этих полудремотных воспоминаний и мечтаний я очнулся совсем неожиданно, услышав звуки отдаленного разговора.

Быстро открыв глаза, я увидел себя метрах в ста от небольшого поселка. На ближайшем доме развевался белый флаг. У крыльца стояли четыре вооруженных человека.

Я оглянулся. Метрах в двухстах позади меня кончался лес, и никого из моего отделения я не увидел. Я ушел далеко вперед.

Люди у крыльца стояли довольно спокойно. Они заметили меня.

Итти назад было бессмысленно: три-четыре пули попали бы тогда в мою спину. Оставалось итти вперед. Я так и сделал. Я шел размеренно, медленно, спокойно, думая о том, как бы дороже запросить с них за мою жизнь; я старался замедлить каждый свой шаг, выгадать каждую секунду, и потому, что я шел спокойно, не торопясь, держа курс на крыльцо избы с белой проклятой тряпкой, освещенной уже первыми косыми лучами встающего зимнего солнца, никто из стоящих у крыльца не шевельнулся, никто не взял винтовки наизготовку.

Чем ближе подходил я к деревне, тем яснее становилось мне, что у крыльца стояли лахтари. Один из них откусил кусок хлеба, испеченного так, как не пекут нигде, ни в одном краю мира, кроме Финляндии, — особого рода пресные лепешки — некки-лейпа.

Я очень люблю некки-лейпа, они напоминают мне годы моего раннего детства, и я уже тогда отлично знал, что во всей Карелии, за исключением разве Ухты, не умеют печь некки-лейпа.

Я был уже в нескольких шагах от крыльца. Двое из наблюдавших за моим приближением вошли в избу, двое остались у крыльца.

— Здравствуйте, — буркнул я себе под нос, так, на всякий случай.

— Здравствуйте, ваше благородие, — ответили они, вытянувшись передо мной в струнку.

В первую секунду я даже опешил и взглянул на опушку. Ничто не говорило о том, что оттуда может сейчас кто-нибудь выйти.

Я стал медленно снимать лыжи. Снял одну, снял другую. Два лахтаря стояли, вытянувшись передо мной

в струнку. Белый капюшон маскировочного халата хорошо скрывал мой красноармейский шлем.

— Вольно! — скомандовал я и, очевидно, чем-то нарушил уставную формулу, так как парни весело перемигнулись друг с другом. Или, может быть, они играют со мной, как кошка с мышью? И я вспомнил избу в Паданах и разговор с Лейно.

Где ты, Лейно? Где сейчас наш штаб? Я воткнул палки в утоптанный скользкий снег у крыльца и медленно, вразвалку, переступая со ступени на ступень, стал подыматься в избу.

— Надо сколоть лед со ступенек, — проворчал я, желая еще раз показать мое превосходное финское произношение.

— Будет исполнено, — ответил один из них, вытягиваясь во фронт и беря под козырек.

При этом он положил недоеденный кусок неккилейпа на лавку.

С каким удовольствием я сжевал бы его!

«С пустым желудком легче перенести рану в живот», — вспомнил я изречение нашего врача и переступил порог.

Очевидно, все шло так, как они и ожидали, потому что лахтари не проявили ни малейшего признака удивления. Я видел все отлично. Я и сейчас могу подробно обрисовать, как они стояли, как лежал кусок хлеба на лавке, как слегка накренилась левая палка, воткнутая в снег, какого рисунка была резьба на наличнике двери. Все это я помню отлично и не забуду до конца своих дней.

Входя в избу, я оглянулся на лес. На опушке не было и признака жизни.

Я вошел в помещение. Сразу же охватила меня, сутки пробывшего без сна на воздухе, одуряющая теплота душно натопленного, насквозь прокуренного жилья. Здесь было четыре человека. Они наскоро прибирали комнату; винтовки в козлах стояли в углу.

Вслед за мной в комнату протиснулись двое со двора. Как только я вошел, бывшие в комнате солдаты вскочили и отдали мне честь.

Тогда спокойно, громко, раздельно, слыша каждый удар своего сердца, я спросил по-начальнически:

— Кто здесь командует?

На мой вопрос из соседней комнаты выскочил рослый человек в егерской форме, со знаками отличия в петлице, с огромным, как окорок, лицом, багровым от напряжения и желания выслужиться, и стал передо мной навытяжку.

Держа руки по швам, он начал рапортовать.

Я приложил руку к козырьку, скрытому под капюшоном, как и полагается при принятии рапорта.

— Командую здесь я, капрал Курки, исполняя порученную мне задачу: освободить Карелию от русских красных бандитов.

Нервы мне изменили здесь: при словах «красных бандитов» рука, поднятая к козырьку, сама собой сжалась в кулак, и кулак чуть не опустился на физиономию капрала.

Большим усилием воли заставил я себя разжать кулак и отвести ладонь назад, делая вид, что я внимательно слушаю рапорт.

— Всего нас четырнадцать человек, — продолжал капрал, — и командует всей заставой поручик Ласси.

Услышав эту фамилию, я вздрогнул и, видя удивление в зрачках капрала, отвел свою поднятую руку назад и... и, вероятно, обнажил из-под капюшона кусок шлема, ту его часть, где красная пятиконечная наша звезда.

Я понял это по внезапной бледности, залившей багровое до того лицо капрала, по тому, как он стал запинаться, и, наконец, по его прямому вопросу:

— Так вы красный?

— Да, я красный, — подхватил я его реплику и тоном приказа, не терпящего никаких возражений, продолжал: — и приказываю вам всем немедленно сдаться мне.

Лахтари стояли, оторопев.

В моей левой руке уже была граната, в правой наган.

— Пока я с вами вел беседу, мои товарищи окружили селение, ни один из вас не уйдет живым, если будете драться. Сдавайтесь!

Здесь Курки, а вслед за ним и я взглянули в окно. Метрах в пятидесяти, рассыпавшись цепью, во главе с Лейно шло мое отделение, быстро приближаясь к нам.

— С другой стороны два взвода. Сдавайтесь!

Никто из белых не успел ничего ответить, как под тяжелым ударом валенка дверь распахнулась и в комнату влетел Лейно.

Увидев белых, он, размахивая гранатой, крикнул:

— Руки вверх!

Все находившиеся в комнате подняли руки.

В эту секунду на улице раздался глухой револьверный выстрел.

— Ты держи их здесь! — крикнул я Лейно, выскочил на улицу и приказал одному из товарищей встать с винтовкой у окна.

Снова раздалось несколько выстрелов. Пробираясь задами деревни, отстреливаясь, уходил офицер.

Ружейный выстрел вырвался из соседней избы.

Я снял с плеча винтовку и медленно стал целиться.

Уходивший офицер, несомненно, был Ласси.

Я нажал на спусковой крючок. Он не поддавался. Выстрела не последовало. «От мороза, что ли?» — вспомнил я рассказ Раухалахти в санитарном вагоне. Я нажал сильнее.

Отдача была сильная. Офицер рухнул в снег. Я пошел к нему. А так как лыжи мои остались у крыльца, я двигался медленно, зачерпывая в валенки снег.

Выстрелы в деревне не прекращались, но становились все реже и реже.

Из лесу выходили бойцы нашего отряда.

Офицер пытался приподняться на локте.

— Ласси! — крикнул я уже почти исступленно. — Ласси, наконец-то мы можем окончить здесь наш диспут!

От неожиданности он даже приподнялся и, увидав меня, схватился за маузер.

— Красной собаке — собачья смерть! — и выстрелил.

Ласси был отличным стрелком, но гнев ослепил его. Пуля пробила мой капюшон и оставила в нем дыру.

— Ты опять не попал, Ласси, а я вот попаду...

Он снова поднял револьвер, но я уже опустил приклад.

Я знал Ласси с детства. Он — сын хозяина лесопилки, на которой работал мой отец. Мы установили на заводе Ласси восьмичасовой рабочий день и организовали завком, а когда пришли в контору проверить конторские книги, Ласси отказался дать их нам и сказал:

— С такими негодяями и грабителями, как вы, придется говорить языком оружия.

Я тогда не рассчитался с ним, но теперь мы поговорили все-таки друг с другом языком оружия; это может подтвердить дыра в капюшоне моего балахона.

Я обыскал труп Ласси, взял документы и пошел обратно в деревню. Тут только я понял, что нестерпимо устал и не в силах сделать дальше ни шага...

Не помню, как я добрался до избы. Отряд наш уже располагался на привал. Антикайнен распоряжался, высылая вперед новую разведку.

Посреди улицы лежал, раскинув руки, убитый финский офицер. Я его не знал.

Я свалился, как сноп, на пол, не дойдя двух шагов до скамейки. Может быть, меня перенесли, — я не знаю, ничего не помню.

В те сутки мы прошли всего лишь пятьдесят километров.

Но спать можно было не больше трех часов.

В двенадцать часов дня надо было уже выступать и итти в Челку. Когда меня разбудили, около Антикайнена стояла старушка, хозяйка избы, и о чем-то нерешительно спрашивала его. Он пристально смотрел на нее голубыми глазами и старался успокоить.

— Так вы в самом деле красные? — наконец, расхрабрившись, громко спросила она нашего командира.

— Разве ты не видишь, как мы расправились с лахтарями?

— Видишь ли, родной, офицеры говорили, что на триста верст вокруг нет ни одного красного. Даже птица оттуда не залетит, не то что красноармейцы. Вот почему я и сомневаюсь.

— А ты, бабка, не сомиевайся, а лучше посмотри на красные наши звезды.

Сморщенное лицо старухи засияло. Оиа подошла к двери и стала копаться, вытаскивая из-за резиого дверного наличника какие-то бумаги.

Вытащив пачку документов, она стала перебирать их и, найдя, наконец, нужный, протянула его командиру.

Командир прииялся читать. Это была бережно сложенная, заверенная всеми печатями и подписью самого командующего почетная грамота, выданная штабом Первой Конной армии на имя бойца товарища Хрисанфова.

— Ну что ж, вижу — грамота от товарища Буденного.

— Так ведь Хрисанфов Петр — это мой сын, — тараторила старуха, волнуясь. — Ои сейчас с товарищами в лесу, от лахтарей скрывается.

— Зови их немедлеино из леса!

Старуха заторопилась.

Я видел, как она стала иа самодельные карельские лыжи и пошла в лес.

К тому времени, когда отряд совсем уже был готов к походу, из леса под предводительством старухи вышла группа людей на лыжах.

Увидев нас, они остановились. Один направился прямо к нам.

Этот рослый парень и был буденновцем. Вместе с иим ушли в лес, скрываясь от иасильственной мобилизации, еще девять мужчин.

Они перехватили две подводы с продуктами для заставы. Активно бороться с лахтарями оии не могли. У них ие было оружия, пища уже кончалась, когда вдруг явились мы.

Хрисаифов ие вполие был уверен в сообщеиии матери и, не желая подводить остальных ребят, вышел сперва к иам один.

Его сомнения быстро рассеялись.

— Как это вы, ребята, здесь очутились?

— Как бы мы здесь ии очутились, — сами ли пришли или с иеба сброшеиы вниз, — но мы здесь, — сказал комаидир роты.

Антикайнен, молчавший все время и, казалось, занятый сшиванием разодранного балахона, вдруг встал и сказал:

— Назначаю тебя, товарищ Хрисанфов, комендантом деревни. Двенадцать захваченных винтовок оставляю твоему отряду. Из девяти тысяч трофейных патронов забирайте восемь тысяч. Двух ребят ты отправишь конвоировать пленных. Приказываю тебе именем советской власти соблюдать дисциплину в отряде и бить лахтарей без пощады!

Хрисанфов, побывавший в переделках боец, принимая приказ, стоял, вытянув руки по швам.

— Служу трудовому народу! — сказал он.

И, выйдя на крыльцо, сорвав белый флаг, — наши ребята забыли это сделать в пылу схватки, — Хрисанфов стал им размахивать. Парни, оставшиеся в лесу, увидев сигнал, пошли к деревне по той самой лыжне, которую я проложил на рассвете.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мы снова вышли в путь. Три-четыре часа сна подкрепили нас, и если бы не острая боль в плечах от лямки мешка, если бы не ныли ноги, все, казалось бы, шло хорошо.

— Не забыл отмечать путь по карте? — спросил, обгоняя меня, товарищ Илки.

— Нет, не забыл!

Тут только я понял, насколько труднее, чем нам, приходится нашим командирам.

Они должны проделывать точно такой же путь, как и мы, на стоянках заботиться о безопасности всего отряда, о каждом карауле, посылать разведку, намечать ей цели, выслушивать донесения, допрашивать пленных. Это работа нелегкая. А начальник штаба сверх этого ведет все время дневник отряда. Как у него не замерзли пальцы во время писания, я не понимаю! Как он после разбирал эти каракули, начертанные в тетради на морозе?

Мы снова шли вперед, рассекая морозный воздух.

Повалил снег. Густой, липкий, мохнатый.

Мой взвод — в середине отряда, но за густой стеной падавшего снега не было видно головных и арьергардных.

Мы шли вперед, продираясь сквозь эту пелену. Опять мелькали палки, ноги, хрустел и шуршал уминаемый снег, и свистящее наше дыхание снова разрывало тишину.

Я опять потерял Армаса из виду. Он отставал.

Опять пробежал мимо меня, от хвоста отряда к его голове, неутомимый Айтикайнен.

Становилось все жарче и жарче. Опять капли пота стали стекать на лицо из-под шлема.

Мы шли вперед и заставили итти за собой пленных лахтарей.

Им итти было легче — без винтовок, без патронов, без гранат и без запасов еды. Все они были лыжниками.

Один из них улучил секунду, когда мимо пробегал Антикайнен, и сказал:

— Ваше превосходительство, мы не можем так быстро итти, мы задыхаемся.

— Пойдете, если хотите жить! — крикнул, пробегая, товарищ Антикайнен. И он был прав: ведь ни одна собака не должна была знать о нашем движении, ни одна!

Мы покатились по откосу берега один за другим на покрытую льдом и снегом реку.

Капли пота, стекая на глаза, мешали смотреть вперед сквозь пелену валившего снега.

Ремни натирали плечи.

Я пробовал несколько раз передвинуть их немного в сторону — не помогало: через минуту они снова соскальзывали обратно.

От пота рубаха стала совсем мокрой и плотно прилипла к телу. Но мы шли все вперед, вперед...

— Ребята, нажимайте, скоро привал, — говорил я своему взводу. — Не подавайте виду пленным лахтарям, что вы устали, пусть посмотрят, как мы умеем ходить!

Так подбадривал я курсантов, и мне казалось, что

ноги мои разбухают, превращаются в чурбаны, на которые вплотную, как резиновые, натянуты валенки.

Рубахи наши были мокрыми от пота. Он проступал через рубахи на мех полушубков. И в самом деле, мех уже был настолько мокр от пота, что отдельные капли, стекая, собирались на полах полушубка и, медленно сочась, падали прямо в валенок.

Если бы мне кто-нибудь рассказал об этом, я бы не поверил, но теперь дело было не в том, верить или не верить, а в том, чтобы итти вперед во что бы то ни стало. Вперед!

Я увидел, что немного отстаю, нажал, оттолкнулся палками и в помутневшем сумраке наступающего зимнего вечера чуть не наскочил лыжами на впереди идущего. Я всмотрелся.

— Что с тобой, Аалто? — спросил я.

Маскировочный халат у него был разодран штыком, и Аалто его снял.

— Что с тобой, Аалто? — повторил я. — У тебя ведь полушубок покрыт льдом, ты совсем оледенел. Что с тобою?

— А ты посмотри: может, и сам ты не лучше! — буркнул в ответ Аалто.

Я снял с левой, пораненной руки варежку и стал ощупывать свой полушубок. Аалто был прав: мой полушубок был тоже покрыт ледяным хрустящим покровом.

Почти у всех ребят образовались на полушубках ледяные корки.

Пот, проходя через баранью кожу наружу, сразу замерзал. Мы разгоряченной грудью вдыхали морозный воздух, рискуя с каждым глотком получить воспаление легких.

Мы шли вперед по реке, и в сумерках наступающей ночи головным не было видно, что местами, черт знает откуда, вода выходила из-подо льда.

Идущие в голове проскочили на лыжах эти зловредные места, а за ними и весь отряд.

Кто хоть раз в жизни надевал на ноги лыжи, тот поймет, что это значило.

Вода, попавшая на лыжу, замерзала и тормозила

движение. К лыжам прилипал комками и снег, тогда они уже никак не двигались — ни вперед, ни назад. Легче итти по глубокому снегу пешком, чем на таких лыжах.

Необходимо было немедленно остановиться, чтобы сделать привал, почистить лыжи.

Антикайнен отдал команду. Отряд остановился.

Мы направились к берегу.

Захрустел валежник, застучал топор.

Я стал утаптывать снег, чтобы очистить место для костра, и, оглянувшись на реку, увидел несколько стоящих без движения обледенелых фигур. Они, опираясь грудью на палки, стояли, как замороженные статуи.

— Лейно, узнай, в чем дело!

Лейно устало пошел к ним.

Я видел, как он стал их толкать. Они зашевелились.

— Они спали стоя, — сказал Лейно. — Палки в грудь — и райские грезы. Спокойной ночи!

— Большой привал, — сказал, проходя мимо меня, Антикайнен. — Привести себя в порядок и отдохнуть.

Большой привал — значит можно развести ракатулет. Я не знаю, чтобы где-нибудь, кроме дремучих лесов Финляндии, разбивали ракатулет.

Ракатулет устраивают так: валят два больших бревна друг на друга, предварительно на тех сторонах, которыми бревна соприкасаются друг с другом, топором делают глубокие засечки, своего рода бахрому. Потом поджигают. Бревна горят медленно, сначала только тлеют, да и после нет такого яркого огня, каким отличается обыкновенный костер. Но жар от ракатулета очень большой, за ним не нужно ухаживать все время, не надо каждую минуту подходить и подкладывать новые сучья. А разбивают ракатулеты параллельными рядами, так что получается нечто вроде строя огненных квадратов, и между ними бывает жарко даже в самую холодную ночь.

Ночь действительно была холодная — тридцать пять градусов.

Большой привал.

Мы стали валить ракатулеты, набивать котелки снегом. Установили винтовки в козлы и стали очищать лыжи от налипших комьев снега.

Это работа очень неприятная и кропотливая. Лыжи ведь близко к огню держать нельзя: если они разогреются, то, когда станешь на них, снег опять начнет таять и налипать. Вот почему у нас, в Суоми и в Карелии, их оставляют всегда в сенях.

Повозились уж мы с лыжами на этом привале!

Пот успел просохнуть. Но от огня обледенелые полушубки стали топорщиться, корежиться.

Я поднял руку, чтобы отломить нависшую над ракатулетом ветку ели. И вдруг почувствовал, что в моей одежде что-то треснуло. Мне стало очень легко подымать руку. Я стащил балахон. Рукав теперь снимался отдельно от полушубка.

— Я придумал, что надо делать, чтобы полушубки впредь не леденели, — сказал комроты 2 товарищ Лайнен.

Он стал выворачивать свой полушубок наизнанку и, вывернув, надел на себя. Такую же процедуру проделал я и многие ребята, и мы ходили мохнатые, как медведи.

Ночь предстояла очень морозная.

Концы пальцев холодели в рукавицах.

Лежа в снегу, я посмотрел вверх и через тяжелые, мохнатые ветви увидел большие северные звезды, опрокинутый ковш Большой Медведицы и мысленно стал проводить линию к Полярной звезде.

Я задремал. Проснулся я от отчаянного жара; мне казалось, что правая сторона моего тела, обращенная к ракатулету, раскалена донельзя, левая же покоится во льду.

Я повернулся на другой бок и продолжал спать.

Так крепко спать, я думаю, мне больше никогда не придется.

Один раз, когда я повернулся с боку на бок, я увидел, как Лейно быстро вскочил с постели, устроенной из свеженаломанных веток, и, скинув полушубок, стал его топтать.

Он увидел мой полусонный, но, вероятно, очень удивленный взгляд и сказал:

— Спалил головней...

Продолжения разговора я не помню, потому что в ту же секунду я заснул. Снов не было. И когда в другой раз я поворачивался на другой бок, я увидел Армаса, укладывающегося у ракатулета. Он выглядел постаревшим на несколько лет.

— Опять, что ли, словил кого-нибудь в хвосте? — спросил неожиданно подошедший Антикайнен.

— Мое время еще не ушло, погоди, словлю еще десяток-другой! — пробовал отшутиться Армас, но ему явно это не удавалось. Он снова отстал от отряда и только что пришел.

— Товарищ начальник, — сказал он командиру, — дозоры у нас слабо смотрят, меня никто по пути не остановил.

Командир пошел дальше осматривать стоянку и проверять бдительность дозорных.

В своем опоздании Армас мог найти и некоторую долю утешения. Увидев разложенные костры, он вышел на берег, пошел к ним напрямик и таким образом не попал в воду, поэтому ему и не нужно было так возиться с лыжами, очищать их. Но к чести Армаса надо сказать, что это было последнее его отставание. Остальные переходы он проделывал так, что только опытный глаз мог отличить в нем новичка.

Он прошел ускоренный курс подготовки в лыжники. Но во что это ему обошлось, свидетельствовало его лицо, напряженное, заострившееся, и глаза, горевшие странным блеском... По-настоящему я понял, во что обходится ему поход, лишь в Челке, куда мы сейчас уже входили.

Отряду же обучение Армаса едва не стоило катастрофы при спуске перед Пененгой.

Было четыре часа ночи, когда мы поднялись и снова пошли вперед.

Было совсем темно.

Опять мы шли по реке.

Опять мой взвод шел посредине отряда.

Вначале итти казалось невероятно трудно.

Ну, разве что заставишь себя сделать, и то через силу, шагов двести — триста.

Ныли мышцы на ногах, на руках, мышцы живота. Болели натертые плечи, распухали ноги.

Но уже через сто — двести шагов становилось понятным, что можно пройти больше.

Мышечная боль растекалась, рассасывалась.

Морозный воздух, пронизывая все тело, бодрил. Да, пройти можно было гораздо больше, чем двести шагов.

Пройти можно столько, сколько нужно, чтобы победить!

Мы шли вперед по реке, отталкиваясь палками, нагруженные, оставляя глубокий след в рыхлой целине.

Снегопад прекратился.

Ясная, морозная луна освещала наш утренний путь.

На снег ложилась полоса — лунная дорога, какая бывает на реках.

Головные заметили талую воду и взяли курс на берег. За ними пошел весь отряд.

Мы миновали это место, снова спустились на лед и пошли дальше. Но на этот раз головные прозевали и с размаху влетели в воду, скрытую снегом.

Отряд остановился. Мы вышли на берег.

— Остановки не будет! — скомандовал звонким голосом товарищ Антикайнен. — Они почистятся и догонят.

Таким образом мой взвод стал головным. Мы вышли на берег и уже больше не спускались на предательский лед реки.

Мы шли вперед.

Луна закатилась. Рассвет подступал к отряду из-за каждого ствола, из-за каждого беличьего дупла, из-за волчьей норы. Мутно-молочный рассвет.

Мы шли.

Скоро должна быть деревня Челка. После Челки наш путь лежал уже прямо в Реболы, где, по всей вероятности, находился штаб фронта. Пленные говорили, что там отряд в триста лахтарей.

— Матти, ты пойдешь со мной вперед в разведку, возьми с собой одного курсанта! — сказал Антикайнен.

Я выбрал Лейно.

Мы идем вперед.

— Метрах в двухстах от деревни останови отряд и, если будут выстрелы, окружи деревню, чтобы ни одна сволóчь не могла проскочить! — отдал приказ Антикайнен.

Через пятнадцать минут хода мы были уже у самой деревни.

Деревня, как и большинство карельских деревень, расположена у воды и окружена невысокими банями. Ни над одной избушкой не развевался белый флаг. Из нескольких труб подымался уютный дымок. Протяжно мычала корова.

Женщина вышла на крыльцо, постояла, сбежала с крыльца, перешла улицу и исчезла. Несколько ребятишек возились на улице с огромной кудлатой собакой.

Никаких признаков лахтарей не было видно. Деревню война, казалось, обошла.

— Да, здесь, конечно, тоже никто нас не ждет, — промолвил Антикайнен. — Но мы все-таки здесь!

И для проверки мы выбрали самый крепкий, богатый на вид дом, где, конечно, остановились бы белые, и пошли к нему.

Лыж не было видно. Все было спокойно. Я постучал в дверь. Хриплый женский голос ответил мне по-фински:

— Войдите!

— Спасибо, — отвечал я. — Нас трое.

И мы вошли через сени в горницу.

Горница была чисто прибрана, половики разостланы на сияющем чистотой полу. Покрытый сверкающей клеенкой стол. Образа в углу.

Мы сняли шлемы, откинули капюшоны так, что шлемы остались в капюшонах. Рослый, упитанный, неповоротливый мужчина встал с кресла при нашем появлении.

— Здравствуйте! — сказал Антикайнен.

Мужчина что-то промычал в ответ.

Из соседней комнаты, в которой была растоплена плнта, раскрасневшись от жара, выскочила женщина лет тридцати пяти и затараторила:

— Здравствуйте! Это мой муж. Он глухой. Как хорошо, что вы пришлн к нам! Вы давно из Финляндии?

— Позавчера, — глухо ответил Антикайнен.

Я взглянул на него недоуменно.

Он подмигнул и скривнл угол рта мгновенной улыбкой.

— Разве здесь никого из наших нет?

— Нет, нет... — И женщина быстро перед глазами мужа задвигала пальцами. Так разговаривают с глухонемыми.

Он сделал к нам шага два навстречу, ухватил руку Антикайнена, потом радостно стал пожимать мне руку, и живейшее удовольствие было написано на его заросшем кустами волос лице.

— Он принимает нас за финских офицеров, — успел шепнуть мне командир, в то время как глухонемой тряс руку Лейно.

— Дорогая хозяюшка, нам с дороги молочка бы выпить! — обратился к хозяйке Лейно.

Через полминуты мы уже сидели за столом. Перед каждым из нас возвышался кувшин с парным молоком.

Хозяйка весело хлопотала у плиты в соседней комнате.

— Пей в два горла, Лейно, не скоро еще дождешься такого угощения, — обтирая губы, сказал Антикайнен.

Лейно улыбнулся, хотел что-то ответить, но поперхнулся и закашлялся. Несколько капель молока упали на клеенку.

Хозяин, наблюдавший всю нашу трапезу с почтительным восторгом, подскочил с полотенцем в руке и, предупредительно изогнувшнсь, быстро вытер с клеенкн тяжелые капли. Точно так же вытер он капли, оброненные мною и Антикайненом.

Финскнх офицеров в этом доме, очевидно, очень уважалн.

Желая, наверно, еще раз подчеркнуть свою преданность лахтарям и ненависть к советской власти, глухонемой подошел к комоду, покрытому кружевной салфеткой, выдвинул ящик, из ящика вытащил шкатулку, из шкатулки несколько советских денежных знаков, бросил их на пол и стал изо всех сил топтать.

— Сволочь какая! — успел прошептать мне на ухо Лейно. — Погоди, я подшучу над ним! — И стал медленно вытаскивать бумажник из кармана ватных штанов.

Из соседней горницы вышла хозяйка, подобрала деньги и, бережно сложив их, взяла из рук мужа шкатулку.

Лейно тем временем вытащил бумажник из кармана и, разложив его на столе, вынул хранимую им с 1918 года финскую марку, выпущенную Советом Народных Уполномоченных Финляндии с лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и подал ее кулаку.

Тот, увидев финские буквы, не потрудился даже прочесть их внимательно. Он, как полоумный, запрыгал и поднес марку к своим губам.

— Матти, — обратился ко мне командир, — поди приведи отряд.

Я вышел и, надев лыжи, отправился к отряду, который, как условлено, должен был ждать результатов разведки вблизи от деревни.

Дозорный наш окликнул меня.

— Можно идти вперед, — ответил я ему на ходу и остановился, увидев картину, подобную которой я, думаю, до самой смерти своей не увижу больше.

Почти весь отряд спал, стоя на лыжах, уткнув палки в грудь, беспомощно опустив головы и руки.

Мерное дыхание вырывалось из утомленных грудей.

Даже командир роты с трудом удерживался от сна.

— Товарищ командир, деревня свободна, Антикайнен приказал идти, — отрапортовал я и пошел обратно.

Разбуженный отряд медленно последовал за мной.

Когда я вошел в избу, Антикайнен и Лейно уплетали яичницу-глазунью.

Я присоединился к ним, но едва успел отправить в рот лоснящийся от масла желток, в горницу вбежала

девчонка лет двенадцати и бросилась в кухню, к хозяйке.

Несколько секунд за перегородкой был слышен приглушенный шепот. Хозяйка выскочила в нашу горницу, подбежала к оконцу и, глянув в него, замерла. Затем медленно, побледнев, — жар от плиты быстро сошел с ее лица, — подошла к глухонемому, дернула его за рукав и подвела к окну. На лицах хозяев был ужас.

Я встал и тоже взглянул в окно.

По улице продвигался наш отряд. У многих были откинуты капюшоны и виднелись красные звезды. Глухонемой обернулся к нам и залопотал что-то весьма невразумительное. Его лопотание хозяйка перевела на финский язык:

— Господа офицеры, в деревню вошли красные, мой муж предлагает вам спрятаться у нас под полом, пока они не уйдут, или дождаться ночи.

— Я очень тронут, хозяюшка, вашим любезным предложением, — спокойно отвечал товарищ Антикайнен, — но мне нечего бояться этих красных, тем более что сам я их начальник.

И с этими словами он высвободил свой шлем из-под капюшона и нахлобучил его на свою светловолосую голову.

Глухонемой, увидев красноармейский шлем на голове того, кого он считал финским офицером, издал протяжный вопль и, изменившись в лице, рухнул в стоявшее рядом кресло.

В этом кресле, безучастный ко всему, что творилось в комнате, покорно глядя перед собой, он и оставался все время.

Караулы оцепили деревню, и никто не мог из нее выйти без нашего ведома.

Товарищ Илки, доедая яичницу, записывал что-то в походный дневник отряда.

Его мучила мысль, что он до сих пор не мог переслать штабу ни одного донесения и там могли подумать, что отряд уже погиб.

Мы тоже не получали никаких известий из внешнего мира.

— Матти, — обратился ко мне командир, — сколько километров пути ты отметил на карте в эти сутки?

— Шестьдесят пять, товарищ командир, — по линии полета птицы.

— Ты забыл наши отклонения по этой линии, извилистое русло реки, наши выходы на берег.

— Тогда около ста!

Солнце сияло вовсю, снежные искорки золотились, переливаясь всеми цветами радуги. Было великолепное зимнее утро.

Мы сделали большой, пятичасовой привал.

В начале первого мы должны были выйти в поход — в районы, где был неприятельский центр.

Ребята спали вповалку в избах на полу. Лишь некоторые счастливцы набрались сил добраться до полатей или сделать себе подстилку. Блаженное выражение полного отдыха блуждало на лицах многих, другие спали сосредоточенно. Армас с одним курсантом забрался на мягкую постель хозяйки-кулачки и спал.

Перед тем как улечься спать на соломе на полу, я подошел и взглянул на лежавшего Армаса.

Он глубоко дышал, руки и ноги его сгибались и распрямлялись, подобно тому, как это бывает при лыжном беге. Лицо его было сосредоточенное, дыхание ровное.

Было ясно, что Армас шел на лыжах и во сне.

Двигая руками и ногами, он задевал своего соседа по постели. Но тот спал крепко, и ничто не в состоянии было разбудить его.

В тот же день вскоре после полудня мы снова вышли в путь — вперед, на Реболы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Небо было черное, как и стволы мачтовых сосен, когда вдруг показались кольца северного сияния.

Они совсем не походили на изображения северного сияния в хрестоматиях и учебниках географии — они не были разноцветными. Тусклый желтовато-белый свет освещал их как будто изнутри.

Луну окружили два огромных концентрических светящихся кольца. Потом ночь их размыла, и остались опять холодная огромная небесная пустыня и наш маленький отряд, идущий через лес, перелески, рощи, опушки, долины, лесные речки, по твердому насту и по разрыхленному снегу, все вперед, вперед...

И казалось, что мы идем бесконечно, и начало похода, еще недавнее, совсем потерялось в таких уже далеких, мирных и невозвратимых днях, что даже и вспомнить трудно, были ли такие дни, когда еще не начинался наш поход.

И трудно даже подумать о том, как будет, когда поход кончится (черт дери, как натирает ремень!) — и разве может он окончиться? — а снега, растаяв, обнажат бесконечные болота Карелии.

Мы шли... Рядом со мной — Лейно.

Отряд приближался к Реболам. Антикайнен распорядился обойти деревню, чтобы приблизиться к ней со стороны финской границы, откуда нас меньше всего можно было ожидать.

Мы готовились к бою. Отряд шел по склону к озеру. Мы с Лейно остановились на минутку и пропустили всех.

Лейно мне говорил:

— Я уже однажды сделал на лыжах глубокий рейд. Но тогда я был совершенно одинок и рядом со мной не было ни одной родной души. Я был захвачен под Випури в плен лахтарями и приговорен к десятилетней каторге.

Если бы я уважал лахтарские законы, то сидел бы и до сего дня в каменном мешке и не пошел бы в нынешний поход... Но я уважаю только такие законы, которые помогают бить лахтарей, и поэтому, когда представился случай, я бежал из тюрьмы. Ты знаешь, что в каторжных централах ворота широко открываются только внутрь, и выйти было нелегко. Но я вышел — и в лес...

Три недели жил я вблизи тюрьмы, ночуя в стогах сена. Товарищи принесли мне одежду, кое-какую еду.

Проходила осень, и зима уже щипала все, что могла ущипнуть на моем теле. И тогда я пошел на восток.

Шел ночью, старался спать днем в стороне от дороги. В обочинах было сыро. И однажды на рассвете ко мне подошел ленсман. «Ваш документ!» — «Сейчас...» Я стал делать вид, что вытаскиваю из кармана паспорт, вытащил давно просроченный членский билет союза металлистов — я ведь кузнец — и сунул ему под нос...

Он наклонился, чтобы разглядеть, и в ту секунду, когда он читал, наверно, слова «профессиональный союз рабочих», я изловчился и, хватив его под нижнюю челюсть, сделал ему нокаут. Он не успел прийти в себя, — я ведь не стоял над ним, как судья, отсчитывая секунды, — как я уже отнял у него револьвер, выстрелил ему в ногу и оттащил его от дороги в лес.

На сутки, по крайней мере, он был для меня безопасен. С револьвером я чувствовал себя лучше. Этот маузер у меня и по сей день.

— Я предпочитаю наган, — сказал я.

— Вскоре я встал на лыжи, тоже добытые таким способом, который не поощрило бы благотворительное общество разведения канареек, а судья тем более, и продолжал на лыжах свой глубокий рейд, но не на запад, как сейчас, а на восток. Я шел семнадцать дней и перешел границу в Олонецком районе. Дальнейшие мои приключения тебе, Матти, отлично знакомы, но никогда до сих пор я не думал, что проклятые плечи могут так болеть.

Было уже два часа.

Пришли разведчики, несколько разочарованные: по их словам, в деревне Реболы не было неприятеля.

Все это противоречило нашим предположениям, показаниям пленных и желанию уничтожить налетом центр белогвардейцев.

Антикайнен решил послать вторую разведку.

Отряд оставался в лесу.

Чтобы не привлекать внимания, костра не раскладывали.

Было очень холодно. Начиналась карельская таежная вьюга. Снег наметало за шиворот, швыряло в глаза.

За хлопьями бураиа в двух шагах нельзя было отличить человека от сугроба, наметенного около ели.

Разведка долго не возвращалась.

В свисте острого ветра мне слышался отдаленый шум стрельбы. Неужели наша разведка погибла? Может быть, еще можно спасти ее, а мы стоим здесь, в глухом лесу, и замерзаем без всякой пользы для дела!

Антикайнен обошел отряд. Он сказал мие:

— Если через двадцать минут разведка не придет, мы налетим на деревню.

Я пытался смотреть сквозь тьму метельной ночи, бросавшей в глаза острый снег.

Мне даже казалось, что я вижу очертаиия деревенской колокольни.

— Развертывайся! — раздалась уже команда, когда неожидаино, как бы вырастая из сугробов, перед строем явились разведчики.

Они отрапортовали, что никаких следов неприятеля ии в деревне, ни около нее ие замечено. Разведчики обошли почти все избы. Прошли даже по главной улице и ничего подозрительиого не обиаружили.

Весь отряд пошел в деревию, разбившись на три колонны.

«Теперь бы теплую русскую печь или хотя бы полати в курной избе, но только в закрытом помещении», — мечтал я, с трудом передвигая иоги.

Сведения разведчиков произвели свое иеожиданное действие.

Почувствовалась свинцовая усталость в иогах, вес мешка за плечами стал в десятки раз тяжелее, и боль в плечах ощущалась сильнее, чем ожоги.

Я задремал иа ходу. Как это случилось?

Помню лишь сквозь дымку полусна, как я лежу на снегу и хочу спать, помню наклоненное надо миой круглое скуластое лицо Армаса с оседающими на него мелкими снежинками.

— Матти, вставай, иадо итти, выспаться успеешь в Реболах, так ты замерзиешь.

Я иду, помогая себе лыжиыми палками, подбородок мой то и дело ударяется о ремень виитовки. Никакие усилия не могут разомкнуть моих плотио слепившихся

век. И я отчасти даже доволен этим. В уши рвется свист вьюги, и я шепчу себе:

— Матти, самое главное — дойти, дойти — самое главное в этом деле, Матти... Отстанешь — замерзнешь наверняка или тебя загрызет волчица. Плохо бывает, Матти, когда грызет волчица: сначала один палец, потом другой, потом всю руку — и доберется до сердца...

И так в полусне шел я на лыжах. Так всадники спят в своих седлах, на секунду раскрывая глаза, когда оступится конь.

Как мы вошли в деревню — не помню.

Разведчики были правы.

Лахтарей в деревне не было.

Помню свои отрывочные мысли: почему почти не видно местных жителей? Помню свое удивление при виде колокольни.

Она была совсем не такой, какой казалась издали.

Один раз, очнувшись, как от бреда при тяжкой болезни, я увидел около ребят жирного человека в поповской рясе — он что-то пел, стоя над спящим Лейно в мигании слепо горящей лучины. Он повернулся к командиру роты и стал его о чем-то умолять.

Потом я опять провалился в бездонный сон. И, проснувшись опять на секунду, — должно быть, уже около рассвета, — увидел человека с длинными волосами, в поповской рясе, храпевшего на полу в обнимку со спящим Армасом.

Проснулся я от резкой боли. Передо мной стоял товарищ Антикайнен и легко похлопывал меня по плечу. Я вскочил, не удержавшись от гримасы.

— Что, и у тебя плечо стерто? — покачал головой командир.

Было уже совсем светло.

Буран прошел, холодное солнце сквозь замерзшее окно избы ложилось на пол яркожелтым квадратиком.

Левое плечо мое было натерто до крови.

За ночь кровь присохла, и отдирать рубашку было очень неловко и больно.

— Я помогу тебе, дам хорошую мазь, — обратился ко мне человек в рясе. — Ты только дай мне рюмочку спирту.

Это был, действительно, местный поп, человек противный и неповоротливый, как черепаха, и такой же, казалось, безвредный. Он был уверен, что нет такой армии, которой он не мог бы продать свои молитвы. Но, впрочем, больше всего ему хотелось выпить. Как он узнал, что курсантам выдали по фляге спирту, — его тайна, но только явно было одно, что, как его ни гони, он не отойдет от нас, пока мы не дадим ему выпить.

Спирт почти весь уже вышел. Благодаря ему мы могли похвастаться малым числом обмороженных пальцев, носов, ушей. Растирать спиртом замерзающие части рук и лица было иногда необходимо, а тут канючил еще этот пьяный попик. Я спирта ему не дал и чудодейственной мази не получил.

Синий след на плече и по сей день интересует моего семилетнего сына Лейно. Но тогда шрам был багрово-красным и сочился кровью. Так было не у одного меня.

— Ты хорошо спал всю ночь, Матти, теперь ты пойдешь в большую круговую разведку. Лахтари ушли из деревни часов за шесть до нас, их было триста человек. Штаба здесь нет уже очень давно. Некоторые говорят, что он находится в Кимас-озере, другие — что поблизости, в одном из окрестных селений. Жителей в селе тоже почти нет. Часть мобилизована лахтарями, часть угнана с лошадьми на гужевую повинность, а другие — среди них много женщин — попали на лесоразработки.

Реки отсюда текут в Финляндию, и вот лесопромышленники вовсю стараются, чтобы к весне заполучить лес за пять пальцев. Это все, что удалось узнать от оставшихся жителей. В какую сторону ушли отсюда лахтари — неизвестно, следы их замела вчерашняя буря. Мы будем здесь сутки. Радиус твоей разведки — пятнадцать километров. Так что, когда ты возвратишься, мы еще будем здесь. Можешь итти.

И я пошел, оставив часть поклажи в избе. За мной увязался попик.

Он просил дать ему глотнуть хотя бы полрюмочки, обещал за глоток фунт хлеба. Это было очень кстати: накануне вечером, в лесу, ожидая исхода разведки, я

сжевал последнюю сухую корку, и из всего запаса оставалось несколько кусков пиленого, вернее — спрессованного сахара, немного кофе и пять-шесть глотков спирта.

У других ребят с пищей было не лучше. Приходилось на поясах прокалывать новые дырки.

У населения Ребол давно уже ничего не было.

«Карел кору ел» и без вмешательства лахтарей, теперь же почти ничего не осталось, чтобы подмешивать к коре. Лишь полные клюквой и брусникой бочки в избах да дичина говорили о том, что до весны, может быть, как-нибудь удастся протянуть местным крестьянам. Поэтому предложение попа было очень кстати. Он дал мне два фунта хлеба, но, как полагается, обжулил и отпил из фляги три глотка.

Я шел в разведку на северо-запад вдоль по берегу. Реки отсюда текут в Финляндию.

Солнце освещало мой путь. Белый балахон хорошо скрывал меня от непрошенных взглядов.

«Если бы я не знал, что иду по этой тропе, то я бы сам себя не заметил», — подумал я.

Но здесь концы моих лыж уткнулись во что-то твердое, черневшее из-под снега.

Я пригляделся, палкой раскидал снег.

Передо мной лежал труп, вблизи — еще два изуродованных тела. Это было в трех километрах от деревни. Черепа у всех были проломлены, словно обухом топора, сапоги сняты.

Трупы застыли на морозе, и поэтому трудно было разобрать, давно ли они лежат.

Надо было идти дальше. Я налег на палки. Отдых одной ночи сказывался. Но, очевидно, сегодняшний путь мне не было дано совершить без неожиданных встреч.

Я услышал вдали, на реке, женский голос, напевавший заунывную финскую колыбельную песню — ту, какой убаюкивали нас наши матери в раннем детстве.

Я остановился на секунду. По льду реки навстречу мне шла женщина.

Она несла в руках сверток, который укачивала и пыталась согреть своим дыханием. За ней, цепляясь за подол, дыша на свои пальцы, всхлипывая, тащился мальчик лет десяти.

— Стой! Куда?

— В Реболы! — закричала женщина. — Неужели же мне до конца жизни моей не попасть в Реболы?! Дитя из-за вас совсем замерзнет.— И она ткнула мне под нос сверток.

Это действительно был укутанный младенец. Меня поразило, что пар дыхания не поднимался из его рта.

Было никак не меньше тридцати градусов. Солнце отражалось в каждой снежинке.

Мальчик, увидев меня, притих на минуту.

— Лахтари вы, вот кто! — сказала мне женщина. — Я не боюсь, можешь зарезать меня тоже.

— Что произошло, женщина?

В ответ она начала всхлипывать.

— Выехала из Кимаса в Реболы, в гости к сестре, она должна была родить, и вот на рассвете встретился мне отряд лахтарей. Отняли у меня лошадь, выбросили меня с детьми из саней, повернули их в другую сторону и уехали. А у меня мальчишка совсем замерз, — она ткнула пальцем в мальчишку, который снова принялся всхлипывать. — Слава богу, этот успокоился, — она кивнула на сверток.

Я наклонился над ним. Ребенок был мертв.

— Сколько до Ребол?

— Не меньше восьми километров. Иди сюда, — поманил я мальчишку. — Дай руки!

Он протянул мне свои руки. Пальцы на них начинали коченеть. Я вылил последние капли спирта из фляги и стал растирать руки мальчугану.

Сначала он даже заревел от боли. Мне надо было продолжать свое дело, и женщина, вымаливая у господа тысячи благословений на мою голову, побрела, с трудом вытаскивая ноги из снега, к деревне.

Уже наступали сумерки, когда я услышал вдалеке человеческие голоса и звуки топоров, подобные стуку дятла. Я стал осторожно пробираться на звук.

Вскоре я заметил невдалеке людей и, спрятавшись за толстый ствол перестойиой сосны, стал наблюдать. Люди (по их полушубкам, финкам, валенкам можно было сразу определить, что это местные крестьяне) подрубали сосны, валили лес, расчищали стволы от веток, раскряжевывали.

Делали они это нехотя, ие торопясь.

Несколько поодаль, у костра, стояли два человека с винтовками. Они резко отличались от работающих одеждой и выправкой. Серое сукно шинелей и шапки, как у егерей, выдавали их.

Я был так близко, что слышал, как один из них насвистывал неизвестную мне песню.

Здесь же были и землянки для работающих.

«Сволочи, хотите сплавить в Финляидию карельский лес? Не пройдет номер, не пропустим!» — думал я, глядя на эту картину.

В мою голову даже такая мысль пришла: не подстрелить ли мие из моего прикрытия двух охраняющих егерей и не выскочить ли к работающим крестьянам и объявить, что я вестник красных? Но я вспомнил параграфы устава о разведке, о точном своем задании, о том, что если хоть кто-нибудь из врагов узнает о движении нашего отряда, все дело может погибнуть.

Это удержало меня от опасиого шага.

Запомнив все, я пошел обратно.

Я не хотел прокладывать свой лыжиый след, по которому меня могли догнать и пустить в спину пулю.

Я нашел чужой след и пошел по этому следу.

Это была счастливая мысль, потому что след был проложеи, по всей вероятности, десятником.

Сделав тридцать — сорок шагов обратно от лесоразработок, я увидел лежащую в снегу книжку в сиией обложке.

Оиа могла сослужить службу в разведке. Я поднял ее. Это были незаполнеиные бланки расписок в получеиии заработной платы лесорубами акционерной финской компаиии «Гутцейт». Незаполиеиные бланки говорили гораздо больше, чем этого хотелось высокой фирме.

«Эта штука мало поможет в оперативной разведке, — подумалось мне, — на уроках политграмоты она пригодится больше».

Других приключений со мной на обратном пути не случилось, и я шел спокойно, не торопясь, как будто вышел на прогулку.

Я шел по снегу и почему-то вспомнил, как в юности попались мне три томика Джека Лондона. С каким нетерпением ждал я конца рабочего дня, чтобы побежать к себе в каморку почитать эти книги!

Какими необычайными и невозможными казались подвиги героев этих книг, и как хотелось хоть на минутку походить на них!..

А сейчас иду я один, почти у Полярного круга, через далекий лес...

И такие же жестокие морозы, и такие же ночевки в лесу на снегу, и куда более быстрое движение без помощи собачьих упряжек, — те же самые трудности, только вдобавок за каждым стволом сосны, может быть, укрылись и поджидают меня вражеские снайперы.

Их заветная мечта — уничтожить все, что мне дорого, за что дрался я на многих фронтах, уничтожить и меня самого, — а я вот иду как ни в чем не бывало, и все это необыкновенно просто.

Было уже совсем темно. Ясное январское небо расстилалось над Реболами, когда меня окликнул стоявший в дозоре Армас.

— После рапорта пойди и выспись. Утром уходим, — сказал он мне. — Брусники с клюквой и мяса на твою долю я уже взял!

Что и говорить — Армас любил покушать.

Я доложил все, что разведал, товарищу Антикайнену. Сразу после меня пришли в избу командира другие разведчики, со стороны Колвас-озера и Емельяновки.

— Штаб неприятеля, очевидно, в Кимас-озере Туда мы выходим на рассвете. Всему местному населению сообщите, что нас полтысячи и что мы только передовой отряд, за которым движется еще несколько полков.

Про трупы у реки я уже знаю. Это убитые лахтарями члены волостного исполкома и товарищ Юнтунен, школьный учитель, финн, коммунист, его взяли из школы во время занятий в классе и сразу прикончили. Но с нами не так легко справиться.— Товарищ Антикайнен выпрямился во весь рост, и его тень, колеблемая тусклым пламенем, закачалась на потолке и стенах избы. — С нами так легко не разделаешься! Иди, Матти, спать, — обратился он ко мне. — Женщина, которую ты встретил, сошла с ума, когда увидела, что ребенок замерз. Можешь итти, Матти.

Когда я выходил из избы, в которой расположился штаб, на крыльцо подымался разведчик-курсант. Он шепнул мне радостно:

— С юга к Реболам подходят отряды южной оперативной колонны наших частей — они скоро займут село.

Я вошел в избу, где расположился мой взвод.

Почистив лыжи и приготовив снаряжение к утреннему походу, я улегся на соломе.

Вдруг я заметил на полу большое пятно: доски пола обуглились в середине избы и были совсем черны.

Лейно проснулся и подвинулся, чтобы уступить мне местечко рядом с собой.

— Почему пол горел, Лейно, не знаешь?

— Как не знать! Хозяйка говорила: лахтари хлеб требовали, и один из них разложил костер на полу и угрожал сжечь избу, если не дадут пуда муки. Хозяйке пришлось последний пуд отдать. Вот какие дела.

И мы заснули. Снов у меня в те дни не бывало, и если бы не болело натертое плечо, когда я ворочался с боку на бок, то всем моим друзьям я пожелал бы всегда так крепко спать.

Проснулся я неожиданно. Почти весь отряд был готов к выступлению.

Лейно рядом с нами не было.

— Где Лейно?

— В соседней избе, работает повивальной бабкой!

— Как?

Выстроив взвод и отдав команду об отходе вслед за вторым и третьим взводом, я забежал в соседнюю избу.

В первой, совершенно разоренной горнице сидела женщина — та самая, которую я встретил вчера на дороге. Волосы ее были распущены. Она сидела в тулупе, но босиком и не отвечала ни на одно слово.

Из соседней комнаты раздался вдруг потрясающий душу вопль, но женщина даже как будто и не слышала его. Она продолжала напевать колыбельную песню. И сразу вслед за воплем я услыхал в соседней комнате голос Лейно:

— Ну, милая, крепись, крепись! Скоро, должно быть, все пройдет... Крепись, дорогая!

Я вошел в соседнюю комнату. На пороге меня встретил и не узнал мальчишка, которому я вчера оттирал спиртом руки. У него был испуганный вид, глаза его блестели в рассветных зимних сумерках.

На кровати в родовых схватках корчилась молодая женщина. Крупные капли пота выступили на ее лице.

Лейно держал в руке кружку с водой.

— Выпей глоток, милая, хлебни глоток, может, лучше станет...

У него вид был тоже растерянный.

Первый раз приходилось ему выступать в роли бабки.

Мальчик с любопытством следил за всем, что происходило.

— Лейно, мы уходим, — сказал я.

— Матти, я не могу оставить так бедную женщину. Разреши мне остаться на полчаса, на час. Я догоню отряд. Ведь на лыжах я хожу не хуже Армаса, — попытался он пошутить.

Но громкий вопль страдающей женщины ворвался в его шутку.

— Ладно, догоняй! — крикнул я товарищу, быстро выскочил на улицу и пошел за отрядом.

«Нервы, что ли, испортились у меня, что не могу выносить криков роженицы? Ведь это обычное дело».

И, чтобы немного успокоить себя, я стал насвистывать.

Так я поровнялся с Армасом.

— Армас, я скорее согласился бы сделать еще два таких похода, нежели один раз рожать.

— Если надо будет для революции, ты согласишься и два раза рожать, — смеясь, сказал Армас.

И мы пошли рядом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Мы снова шли по глубокому снегу через труднопроходимый лес.

Опять шуршание снега, обильный пот, мелькание сосен и снежная пыль.

Что нового было в этом переходе?

Разношенные валенки, пища, сводящая животы. Ведь мы шли уже без хлеба. Брусника, несколько картофелин — вот наша еда.

Потом появились нарывы. Нарывы на ногах, спине. Они лопались, и белье прилипало к телу. Но мы всетаки шли вперед. Черт дери! Шли быстро и на растертых плечах несли все, что нужно было для горячих припарок лахтарям, от которых им никак уже не оправиться.

Так мы дошли до деревни Конец-остров, вблизи которой наши разведчики обнаружили небольшие неприятельские заставы.

Наша разведка пошла в атаку на неприятельскую. Лахтари стали отступать по направлению к Ровкулам. Отступали быстро. Антикайнен выслал подкрепление нашей разведке. Мы пока расположились в Конец-острове и ждали результатов.

Когда мой взвод вошел в деревню, я приказал занять крайнюю избу, чтобы расположиться в ней на короткий отдых. В избе мы нашли только одного дряхлого, совсем седого старика. Он бросился к нам радостно навстречу и, видя, что я командир, спросил:

— Вы красные?

Соблюдая конспирацию, я сурово ответил:

— Разве ты ослеп от старости и не видишь, что мы белые?

Старик карел сразу как-то осунулся, помрачнел, сел в угол и стал вздыхать.

Наконец, на что-то решившись, он быстро перекрестился и снова подошел ко мне.

— Зачем ты обманываешь старого человека? Вы от меня не скроете, что вы красные, — это я по вашим штыкам вижу. У белых совсем другие штыки.

Старик был прав, но не до конца. Если кадровые финские войска действительно имели винтовки немецкого образца, то у белогвардейцев, шюцкоровцев и кулаков были винтовки самые разнообразные — и русские, и немецкие, и даже японские. Я промолчал в ответ, а старик, видя в молчании моем подтверждение своим догадкам, радушно захлопотал, стараясь, чтобы мы поудобнее устроились на отдых.

Разведка вернулась поздно ночью.

Неприятельский отряд, очевидно, не ожидавший нападения, после небольшой перестрелки отошел в Финляндию. Наша разведка дальше его преследовать не стала и, не доходя двух-трех километров до границы, повернула обратно: легко было попасть в засаду.

Отряд утром снова вышел вперед — на Кимас-озеро.

Нам оставалось до цели по линии полета птицы около шестидесяти километров, но птицам, как известно, не приходится пробираться сквозь густой лес, где каждое дерево, каждый хвойный куст цепляется за тебя и хочет задержать; птицам не приходится тащить на себе легкие пулеметы.

Мы пробирались через густой лес.

Озер в лесах Карелии очень много. Высокий вековой бор вдруг расступается и уступает место озеру. Лесные озера, окруженные мачтовым лесом, как и у меня на родине, в Суоми, полны рыбой и очень тихи. И когда идешь по лесу, почти никогда не ожидаешь, что через несколько шагов увидишь озерную гладь. На берегу таких озер строятся рыбачьи бани, низенькие курные хибарки.

Почти весь этот день мы двигались против сильного, острого, до костей пробирающего ветра.

Под вечер начался буран. Итти дальше было очень трудно.

Мы прошли уже около двадцати километров, когда вдруг лес расступился, чтобы дать место заколдованному озеру.

И здесь я увидел охотничью баню. Лейно шепотом, похожим на крик, так как шептать приходилось ему в вое бури, обратил мое внимание на легкий дымок, как пар от дыхания, восходивший к морозному небу.

Мы втроем — Лейно, Армас и я — подошли к бане. Армас занял пост у крошечного оконца, покрытого ледяной росписью. Лейно встал у дверей, а я, с силой распахнув дверь, вошел в избу.

В избе было очень жарко натоплено и совсем темно. Из одного угла долетел мерный, спокойный храп.

Я зажег спичку.

От чирканья спичкой по ребру коробки человек проснулся и забеспокоился:

— Кто это?

— Свои! Выходи, тебя ждут!

Человек, кряхтя, стал собираться.

— Да быстрей же! Тебя ждут ведь!

Человек подошел к дверям, но на пороге, преграждая ему путь, направив дуло винтовки прямо в грудь, встал Лейно. Мой наган был уже у виска незнакомца.

— Руки вверх!

Так мы захватили в этой лесной бане этап белой эстафеты.

О том, что белые отступили от Конец-озера и Ровкул под нашим напором, он, конечно, ничего и подозревать не мог. Испуг и изумление так ярко отображались на его лице, что меня разбирал смех.

Лахтарь этот оказался разговорчивым.

Антикайнен выведал у него много очень интересных для отряда сведений.

Буран все разыгрывался.

Мороз достигал 37 градусов. Дороги не было, а тут, как назло, отказались служить компасы. Все они показывали по-разному. До сих пор я не могу себе объяснить этого явления.

Совершенно ясно, что продвигаться в таких условиях сейчас же вперед было рискованно. Начальник отдал распоряжение сделать большой привал.

Я нанес пройденный путь на карту и вышел из бани помогать ребятам строить шалаши из ельника — свежего, пахучего, колкого ельника. Другие ребята валили ракатулет.

На теплой еще постели эстафетчика улегся товарищ Антикайнен, затем его место должен был занять комроты; командиры наши спали поочередно.

Я уже устроил себе матрац из можжевельника и собирался заснуть, как вдруг увидел человека, быстро идущего со стороны озера.

Это был совсем незнакомый мне человек, и одежда его не походила на нашу.

«Надо будет проверить, как это дозорный прозевал постороннего». Я мысленно выругался и встал навстречу идущему.

Товарищ Антикайнен был уже рядом со мной.

Человек с винтовкой германского образца за спиной подошел прямо к Антикайнену, отдал ему честь и, вытащив из своей походной сумки небольшой пакет, передал его в руки командира.

Антикайнен взял пакет и, выразительно смотря на пришедшего, подмигнул мне. Я сразу понял его немой приказ и, встав позади этого типа, снова вытащил свой наган.

— Довольно шутить! — вдруг сурово произнес Антикайнен. И обращаясь ко мне: — Товарищ командир взвода, арестуйте этого человека!

Забавно было смотреть на растерянное лицо этого лахтаря. Он сначала подумал, что Антикайнен ошибся, потом — что сам сошел с ума. Однако, увидев у своего виска дуло нагана, эстафетчик убедился в реальности всего происходящего.

— Товарищ командир, куда его прикажете отвести? — спросил я, обезоруживая пленного.

Слово «товарищ» в обращении к командиру, очевидно, окончательно убедило захваченного, что он попал к красным; он сразу замолк, и ни одного слова, кроме «да», «нет», я от него больше не услышал.

— Присоедините его к первому пленному!

Письмо, врученное эстафетчиком Антикайнену, заключало в себе очередное распоряжение командующего

фронтом Илмаринена начальнику заставы в Конец-острове, фельдфебелю Риута.

В распоряжении между прочим говорилось о том, что до штаба доходят смутные слухи о появлении около Ребол какого-то красного отряда, — вероятно, местного партизанского; требовалось немедленное донесение, соответствуют ли эти слухн действнтельности, и сообщалось, что на всякий случай для усиления отряда Рнута к нему из Кимас-озера выходнт подкрепленне, которое прибудет в Конец-остров не позже, чем через двадцать четыре часа после получения письма.

Значнт, это отряд Риута отошел через Ровкулы в Фннляндию. Значит, через несколько часов нам предстоит встреча с подкреплением, идущим нз Кимас-озера. Значнт, в Кимас-озере о нас еще ничего не знали по-настоящему.

Антнкайнен усилнл караулы.

Медленно проходила зимняя метельная ночь в лесу, у ракатулетов.

По сообщению эстафетчика, в Кимас-озере было около трехсот вооруженных лахтарей, да н в ближайших деревнях не меньше того. Мы были в самом центре вражеских боевых сил, на расстояннн трехсот кнлометров от своих.

Утром мы снова пошли вперед, таща на себе боевой груз, готовые каждую секунду принять решнтельный бой.

Снова мелькание палок, сосновых стволов; снова перелески, овраги, лес, замерзшие речкн н лесные озера.

Мы идем вперед. Метель улеглась спать в пуховые сугробы.

— Кстати, Лейно, кто родился: мальчик нли девочка?

— Гражданин Советской Карелии, — улыбается Лейно.

— Нажимай, нажимай, ребята! — подгоняет нас Антикайнен, пропуская мимо себя лыжников.

— Товарищн, кто из вас говорит с карельскнм акцентом? — спрашнвает командир.

Товарнщн Рахиякн н Яскелайнен вызвалнсь. Им еще до революцин прнходилось бывать в Карелин на

лесоразработках. Никогда не думали их родители, что их детн будут красиыми командирами: судьба готовила им профессию лесорубов.

Мой взвод был головным. Рахнякн н Яскелайнен пошлн с монм взводом.

— Крепкий мальчнк, говорншь? — обращаюсь я к Лейно на ходу.

— Разумеется! — торжествующе отвечает ои. — У такой акушеркн, да чтобы плохой вышел!

Мы идем впереди всего отряда в белых балахоиах, без всякой дороги. Груз давнт на плечи, но, черт дерн, все равио — вперед!

— Идн, нди живее! — покрикиваю я иа плеииого эстафетчика, который ведет иас по им же самим проложениому следу.

И вдруг я замечаю группу вооруженных людей, одетых не по форме. Оин увнделн иас и остаиовились.

— Начниай! — дал я зиак Рахняки.

Ои протяжным напевом, иапоминающнм русскнй, запел песию по-карельски. Пел ои спокойио н медлеино, мы шли тоже медлеиио, как будто ие прииимая иикаких мер предосторожиости. На самом же деле я взял одиу из палок подмышку, освободившейся рукой переворачивал под балахоиом барабаи иагаиа, ощупывая, все ли патроиы на своих местах, в гиездах.

— Тоже господин фельдфебель дает прнказания! — деланно иедовольиым тоиом перебил песню Яскелайиеи. — Пошел бы в такую дорогу сам Риута!

Эти слова, несомненно услышаиные протнвииком, убедилн его в том, что мы свон.

— Кто вы?

— Из отряда Риута! Нет лн у вас, ребята, прнкурить? — спроснл Рахнякн.

Мы въехалн в середину отряда противиика. На двух из иих были формеииые егерскне шапкн. Нас было девять, их — десять.

— А мы на помощь отряду Рнута.

— Действительно у вас там красиые зашевелнлнсь?

— Сказки... — ответил Лейно. — Откуда нм здесь взяться?

— А если бы и взялись, так от смерти своей не ушли бы, — вступил в мирную беседу лахтарь в егерской шапке, парень лет двадцати.

Во время разговора, который мы вели нарочно медленно, передовая часть незаметно подошла к месту действия и почти вплотную окружила нашу группу. Куст можжевельника покачнулся, подошедший Армас дышал прямо в затылок. Я обернулся, увидел поднимающийся пар его дыхания и громко крикнул:

— Смирно, слушай мою команду! Руки вверх!

Лахтари не успели даже толком сообразить, что и почему, как были захвачены и разоружены.

Впрочем, они и не думали сопротивляться.

Самый старший из них, человек с окладистой русой бородой, ответил Антикайнену на вопрос, как он попал в отряд лахтарей:

— Как не попасть, когда поголовная мобилизация от восемнадцати до сорока лет! — И он злобно плюнул на снег. — Когда они пришли из Финляндии, говорили, что им семь держав помощь посылают, и хлеба семь миллионов килограммов уже в пути, и продразверстку навсегда отменят. Многие тогда сдуру и записались. Ну, а потом... — И он со злобой взглянул на парня в егерской шапке. — Ну, а я сам-то мобилизованный, силой мобилизованный.

Из десяти человек семь оказались мобилизованными.

Двое, в егерских шапках, прибыли из Финляндии в момент восстания. Один из них, повидимому начальник группы, был студентом, другой — сыном деревенского торговца.

Это и были «освободители» Карелии. Они «освободили» ее от всего того немногого, чем она до того владела; они и подобные им «освободили» от жизни тысячи карельских и финских трудящихся.

Студент сразу же замкнулся и все время молчал. Второй, видимо, очень боялся, что мы прикончим пленных таким же манером, каким в подобных случаях действовал он сам, но, видя, что мы ничего с ним не собираемся делать, разошелся, начал болтать даже о том,

о чем его никто не спрашивал. Через полчаса он обнаглел и развеселился.

От пленных мы узнали, что следующий этап связи находится в рыбачьих хижинах, верстах в четырнадцати от Кимас-озера, что туда должен скоро прийти, — а может быть, уже и пришел, — второй отряд, идущий на помощь фельдфебелю Риута.

У нескольких пленных мы сняли верхнюю одежду — полушубки, валенки, варежки, шапки, — и, по приказанию товарища Антикайнена, курсанты Рахияки, Яскелайнен и Лейно нацепили на себя всю эту сбрую и отправились вперед, часа на полтора раньше отряда.

Они должны были явиться в лесную избу и сказать, что фельдфебель Риута сам со своим отрядом идет из деревни Конец-остров в село Кимас-озеро, что никакой опасности нет и что лучше всего подкреплению ждать самого фельдфебеля и не тратить лишних сил на ходьбу. Во время этих разговоров отряд наш должен был окружить избу со всеми, кто в ней находился, потому что ни один человек не должен был проскочить в Кимас-озеро раньше нашего отряда.

Это было условие, не выполнив которое мы сразу проиграли бы все.

Мы шли вперед, осторожно вглядываясь в каждое дерево, в каждый куст.

Лишних выстрелов не могло быть. А каждый выстрел был бы здесь лишним.

Уже кончался короткий зимний день, когда мы увидали яркий костер у рыбачьих изб.

Около избы стояли сани; несколько человек беседовали у костра с нашими посланцами; беседа протекала, повидимому, очень мирно.

Развязывались кисеты, и запах кепстена тревожил привыкшие к махорке ноздри.

Мы окружили избы. Подходим к ним все ближе, почти вплотную. И вот резкая команда:

— Смирно, руки вверх! Кто побежит — смерть!

Все застыли в изумлении, но один из них сделал резкий скачок в сторону от костра, к лесу. Я, не успев

прицелиться, выстрелил в него из нагана. Он исчез в темноте.

Я побежал за ним. У него было преимущество: он был в темноте — я шел от костра на него. Но я тогда об этом не думал. Главное — не упустить. Главное — не дать ему уйти.

— Сдайся — и ты будешь жить!

Но в ответ я услышал дикую ругань, и выстрел едва не ожег меня. На вспышку выстрела я выпустил один за другим три патрона. Ответа не последовало. Я прошел вперед. В пяти шагах от меня лежало еще теплое тело. Человек был мертв.

Десять пленных были живы. Всего, значит, мы захватили за сутки двадцать человек. Их надо было отправить в тыл, в Реболы, куда уже должна была прибыть часть южной колонны.

— Ночевать будем здесь, — объявил нам Антикайнен с веселой усмешкой. — Можете заваривать в котелки весь наш чай. В Кимас-озере получим новый, а до него четырнадцать километров.

И мы расположились на последнюю нашу ночевку перед решительным боем.

Может быть, последнюю ночевку для большинства из нас.

Я у костра вычерчивал на карте пройденный сегодня путь.

Пленный сын торговца из Финляндии тем временем совсем разошелся:

— Зачем я пошел в армию и сюда, в Карелию? А потому, что с детства еще очень люблю командовать. Я хочу офицером стать.

Другой пленный, студент, смотрел на краснобая с нескрываемым презрением.

— На нашу голову офицером стать захотел! — хмуро вставил пленный, мобилизованный лахтарями, уроженец Конец-острова.

— Тоже человек! — сказал бородач, обращаясь к Армасу. — Неделю назад, когда некоторые наши ребята сказали, что не хотят драться с красными, бегал, как

собака, перед строем, маузер вытаскивал и вопил: «Всех расстреляю!»

Сын торговца, слушая это, даже съежился.

— Макарьев из Кимас-озера вышел вперед и сказал ему, — продолжал мобилизованный: — «Стреляй, коли рука не дрогнет! Много ль перестреляешь! Слышали мы выстрелы и сами готовы стрелять, когда потребуется!» Так та сволочь, — пленный кивнул головой, — Макарьева пристрелила. Вот как!..

— Ты к нам в Петрограде на командные курсы поступишь? — спокойно спросил Армас.

Сын торговца принял слова Армаса за чистую монету и обрадовался:

— А меня примут? Если примут, так что ж, я не против... Напротив того, я очень хорошим красным офицером выйти могу, — ведь я люблю командовать, я всегда левым был. Вы мне дадите рекомендацию в вашу школу? — залебезил он перед Армасом.

— Лейно, у меня осталось еще полфунта поповского хлеба, дай нож, я разделю на троих.

— Ломай так, — ответил Лейно, — ножа я тебе не дам. Я перерезал им пуповину. Как только я перерезал, этот парнишка, понимаешь, сразу завопил.

— Здоровые легкие!

Я разломил остаток краюхи.

Так проходила морозная ночь, последняя перед Кимас-озером.

Опять жгло с одного бока и подмораживало с другого, опять трещали сосны и сидели у костров сторожевые, опять казалось в полусне, что не было начала нашему походу, не будет ему и конца...

Если завтра мы не уничтожим неприятельский штаб, война затянется до весны.

А летом воевать здесь трудней, чем зимой. Болота, озера, полное бездорожье.

За это время Лига наций, конечно, попытается присоединить Карелию к Финляндии, не спросив даже о желании «освобождаемых». Ведь на 30 января назначено заседание Лиги, посвященное «карельскому вопросу».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Мы вышли в четыре часа утра 20 января.

Было совсем темно.

Пленных отправили в тыл.

Их конвоировали только два человека. Это был, пожалуй, большой риск: ведь каждую минуту можно было встретить белых.

Не знаю, знакомо ли тебе подобное ощущение: ты очень устал, только что стал засыпать, как вдруг тебя выбивают из этого сна. Ты только что стал отогреваться у огня лесного костра — и тебя отрывают от него, чтобы послать в холодную, черную зимнюю ночь.

И мы шли...

Мы шли в сосредоточенном молчании. Даже Антикайнен, любящий пошутить, молчал. И лишь по напряженным лицам командиров да и по тому еще, как Антикайнен рывками отталкивался на ходу палками, а не плавно, как это он делал всегда, можно было догадаться о серьезности положения, о трудности нашего предприятия. Так мы шли в молчании больше часа, когда перед нами на условном месте вырос с донесением товарищ Илки, с вечера уходивший в разведку.

Позади него сидит на своих дровнях крестьянин из Кимас-озера, остановленный Илки.

Командиры, посовещавшись, решили действовать, как обычно: захватить все дороги и в условленное время одновременным ударом захватить село. По сведениям, добытым от крестьянина, лахтарей в селе не больше трехсот: штаб фронта, 1-й лесной батальон белых, отряд Исотало Анти, который еще в 1919 году неистовствовал в Олонце.

Мы сейчас стоим на дороге из Челм-озера в Кимас, отрезая штаб от фронта. Надо закрыть дорогу в Финляндию и ударить с запада. Это поручается второй роте.

Дорогу на Барыш-наволок, проложенную сейчас по льду озера, должна перехватить первая рота. Первой же роте под командой товарища Илконена поручается лобовой удар.

Было так тихо, что можно было расслышать биение наших сердец.

Вторая рота пошла влево. Взводы же нашей роты стали удаляться вправо.

Мы подошли почти к самому краю склона, ведущего к озеру. Внизу, на расстоянии полукилометра от нас, на мысу дымились трубы, мычали коровы, блеяли овцы, кукарекали петухи.

Все, что мы прошли, все, что мы перенесли, — все это мы сделали для сегодняшнего боя.

Товарищ Антикайнен подходит на скрипящих лыжах ко мне. Его валенки потеряли свою форму, обычно начисто выбритое лицо поросло щетиной, но голос его попрежнему уверен и глаза сосредоточенно блестят перед боем.

«Кто из нас переживет этот день?» — думаю я. Как бы там ни было, каждый наш убитый заберет с собою в царство небесное не меньше двух лахтарей.

Антикайнен обращается ко мне:

— Матти, возьми отделение и отправляйся вперед — надо до конца выяснить обстановку.

— Слушаю, товарищ командир!

В первом отделении со мной Лейно, Армас, Яскелайнен и еще четыре человека.

— Слушаю, товарищ командир! — Я беру под козырек, скрытый под балахоном, и, собрав свое отделение, отправляюсь вперед.

— Осторожно, товарищи, — говорю я ребятам и даю последние указания.

Так мы подходим к скату, к самому краю.

Уже почти совсем светло, и снег от рассвета серый.

Все, что потом произошло, каждую секунду я запомнил на всю жизнь: и неловкие шаги Армаса, вспоминающего, наверно, свой последний спуск с горы, и сверкающие глаза Лейно, и его продранную варежку, из которой вылезал большой палец, и ноющую боль на ладони от глубокой царапины, полученной во время перехода через Лотавары...

— Вперед! — сказал я и нагнулся немного, приготовившись к крутому спуску. — Вперед, товарищи, — повторил я и оттолкнулся сразу двумя палками.

И сразу рывок этот вынес меня вперед и понес вниз. по прекрасному снегу, с быстротой, захватившей дыхание, с плавностью легкого планера.

Что может быть лучше быстрого спуска по снежному склону на крепких лыжах!

Я летел вниз. Сейчас можно было спокойно пролететь по гладкому, ровному месту шагов триста. Так я и сделал. Лыжи несли меня прямо на деревню по гладкому снегу, по ровному озеру. Я стоял, уже выпрямившись во весь рост, и тут увидел в полутораста шагах от себя трех вооруженных людей, стоявших у крайних изб (может быть, бань).

Люди эти заметили наш спуск.

Я оглянулся — в десяти шагах позади меня шел Лейно.

Остальная шестерка барахталась шагах в двухстах, у самой подошвы склона.

Один собирал разъехавшиеся в стороны лыжи, другой подымался на ноги, стряхивая снег, набившийся за шиворот, в валенки. Все, к счастью, были в балахонах.

У Армаса свалился штык, он его сейчас насаживал на место. Опять, наверно, из-за Армаса эта свалка произошла. И я разозлился на Армаса за чертовскую настойчивость, с какой он вынес весь этот трудный путь, чтобы, может быть, подвести в самую горячую минуту, и на себя — за то, что потворствовал его упрямству.

— Лейно, идем вперед! — шепнул я своему верному другу.

Он кивнул мне, показывая всем своим видом, что понимает и серьезность нашего положения и задуманный мною план.

Мы медленно пошли вперед, навстречу лахтарям. Я вытащил незаметным движением наган и, взяв обе палки в левую руку (в другую — револьвер), держа их за спиной, медленно продолжал итти навстречу лахтарям.

Сухо щелкнули затворы винтовок неприятельского дозора.

— Кто идет?

— Бросьте ваши штучки, ребята, — сказал я возмущенным голосом. — Мы из отряда Риута, в своих не стреляем!

Лахтари держались еще настороженно, недоверчиво и не опускали ружей, взятых наперевес.

Я оглянулся.

Отделение все уже встало на лыжи, и Яскелайнен шел по следу Лейно. Я подумал: «Может быть, этим ребятам известна каждая морда в отряде Риута», — и, подходя еще ближе, сказал:

— Нам бы в баню нужно. Нет ли у тебя закурить?

Мой вопрос о табаке разогнал подозрения белогвардейцев. И в самом деле — откуда здесь, в глубоком тылу, могли появиться красные? Даже предположение такое казалось нелепым.

Лахтарь опустил винтовку, вытащил из кармана кисет и стал его развязывать. Лейно вплотную подошел к другому лахтарю. Остальные ребята были уже шагах в семидесяти. На все это потребовалось гораздо меньше времени, чем для того, чтобы свернуть папироску.

Я бросил на снег палки и рукояткой нагана ударил по голове лахтаря. Он зашатался и рухнул наземь.

Лейно приставил острие штыка к груди другого.

Около третьего я уже стоял со взведенным курком.

Ребята были шагах в тридцати. Лахтарям ничего не оставалось сделать, как бросить на снег винтовки.

Ошеломленный ударом лахтарь зашевелился. Он, очевидно, был начальником: в его кармане я нашел полированный заряженный браунинг. Я опустил его себе в валенок.

Валенки до того разносились, что браунинг легко соскользнул вниз, едва ли не до самой щиколотки.

Ребята уже подошли и были немного сконфужены своим падением при спуске.

— Армас, стереги этих пленных и, смотри, не спотыкайся!..

Мы бросились дальше, вперед.

Надо было во что бы то ни стало произвести панику к моменту удара со всех сторон. И вдруг загрохотал, зазвонил во всю мочь колокол кимас-озерской церкви. Он бил, казалось, в каком-то неистовстве.

Неужели набат? Неужели нас открыли и собираются к отпору?

А как же иначе? С чего бы стал пономарь в такую рань тревожить себя? Мы открыты!

— Посты у них тут во всяком случае лучше, чем в Реболах, — криво усмехнулся Лейно.

Яскелайнен поставил пулемет на снег у плетня.

Шагах в пятидесяти от нас шагал отряд примерно человек в двадцать.

Нас было семеро.

Я оглянулся и посмотрел на склон, по которому минут пять назад спустилось наше отделение.

Сейчас развернутой шеренгой, словно на спортивном параде, шестьдесят человек в белых балахонах скатывались вниз по горе, держа ровные интервалы.

Было приятно смотреть на такой спуск. Никто из них не только не свалился, но даже и не накренился.

Впереди летел Антикайнен.

И опять послышалось в тишине морозного утра сухое щелканье затворов.

Ребят уже не было видно на склоне. Они, наверно, катились по озеру.

Отряд лахтарей попрежнему шел на нас по улице.

И сразу мы услышали несколько выстрелов у пройденного нами берега. Из домов выскакивали какие-то черные фигуры, и снова, казалось над всем озером, над окрестными лесами, раздался голос нашего командира, товарища Тойво Антикайнена. Он ругался последними словами:

— Сволочи, мы идем к вам на поддержку из Финляндии, а вы нас так встречаете!

И опять молчание. И опять мерные шаги лахтарского отряда, идущего прямо на нас. И опять тревожное гудение набата. И вдруг новый взрыв ругани и беспорядочные выстрелы позади.

— Огонь! — скомандовал я Яскелайнену.

И морозный воздух январского утра был разодран сухим треском ручного пулемета.

Два человека из неприятельского отряда рухнули. Остальные рассыпались в недоумении, не зная, что делать. Пулемет смолк.

Огромный фельдфебель с рыжей бородой скомандовал:

— Обойму в магазнн, прицельная рамка...

— Вперед, товарищн, ура! Бей лахтарей! — скомандовал я и, размахивая наганом, выскочил из-за плетня.

Все ребята последовалн за мной.

Я выстрелил из своего нагана два раза, взяв себе мишенью рыжую бороду.

В пятнадцати шагах от дороги — большой сарай с двумя большими щелямн вместо окон.

— За мной! — кричит фельдфебель и бежит в сарай.

За ним поднимаются из снега другие и тоже бегут в сарай. Вбегая в сарай, рыжий оборачивается н, не целясь, бьет нз маузера.

Колокол все еще продолжает трезвонить, но в его ударах я начинаю улавливать обычную спокойную размеренность, а не паннку набата.

Пуля, выпущенная нз маузера рыжего фельдфебеля, попала в курсанта моего отделения. Он присел на снег.

— Матти, не робей! Все в исправности! Ничего, задела легко! — кричит он мне в ответ, явно сдерживая стон.

Я разрядил вслед рыжему наган, но напрасно: дверь сарая захлопнулась.

Толщина стен неизвестна, лншних патронов нет, н нет временн на осаду, а из этой оконной дыры они могут кое-кого из наших ребят и убить.

Курсанты остановились, вскинув винтовки. В моем нагане нет больше патронов: после вчерашней стрельбы я забыл его снова зарядить. Но ничего, дело поправнмое. Я на бегу опускаю руку в валенок, чтобы выудить из него мой трофейный браунинг.

Черта с два! Браунинг за что-то зацепнлся, н его очень трудно вытащнть.

Я уже вплотиую у сарая.

У самой стеиы лежат дрова. Я подбегаю к поленнице, хватаю иебольшое, но занозистое полено и кричу громко, изо всей силы, чтобы слышали в сарае:

— Товарищи курсанты, отойдите подальше — я бросаю граиату!

Изо всей силы швыряю в дыру сарая это полеио и подскакиваю к двери.

Занозы застревают в ладони.

Лейно рядом со миой.

Дверь быстро распахивается, и с маузером в руке выскакивает рыжий детииа. Но, почувствовав у своего виска холодиое дуло моего иезаряжениого иагаиа, ои быстро бросает маузер в снег.

За фельдфебелем выскакивает второй лахтарь. Его принимает Лейио. Я передаю бородача подошедшему курсаиту и, стреляя в темиоту сарая из маузера фельдфебеля, кричу:

— Бросайте оружие, выходите иа свет, жизиь будет сохраиена!

И, потерявшие своего командира, одии за другим выскочили оттуда лахтари.

Так первая часть иашей работы была проделаиа чисто.

Одиннадцать пленных, маузер в руке, три револьвера — для одного боя достаточно.

Хорошо видна церковь с колокольней. Звон прекратился.

Из церкви выскакивают белые; многие вооружеиы.

Некоторые вскидывают винтовки к плечу и стреляют в сторону берега.

— Яскелайнеи, — говорю я товарищу, — пулеметный огоиь!

Застрочил пулемет Яскелайнена. Лахтари, беспорядочио отстреливаясь, рассеялись.

— Вперед, ребята!

Пять человек бежали за мной.

Одии остался у сарая караулить пленных.

Площадь перед церковью была уже пуста. Но не успели мы добежать до иее, как из-за изб справа выскочил товарищ Илки с группой курсаитов.

Антикайнеи шел впереди.

— За миой! — крикиул ои.

И мы побежали вперед.

Мы иаходились на краю мыса. Остальиая часть деревни — как раз та, где иаходился штаб, — лежала иа северном берегу озера, метрах в двухстах от нас. Мы выскочили на лед. На другом берегу бегали, суетясь, лахтари. Два человека в финской офицерской форме распоряжались всем. Один иалаживал пулемет.

— Мерзавцы, так-то вы встречаете помощь из Фииляндии! — кричал товарищ Антикайнен.

И вдруг в тылу белых, с запада, раздались выстрелы, сиачала разрозненные, а затем групповые. Это начала иаступать, едва успев занять назначенное ей исходное положение, вторая рота. Одии из офицеров остановился, прислушался; ои, казалось, понял, что мы его обошли. Затем он обериулся и стал быстро уходить иа лыжах иалево, к лесу. За ним побежал второй офицер и еще несколько человек.

Я не привык обращаться с маузером, и, кроме того, у этого пистолета была слишком резкая отдача. Вот почему все три пули пошли «за молоком». Но все же, размахивая разряжениым револьвером, громко выкрикивая ругательства, я бежал вперед, к двухэтажиому дому, иад которым развевался белый флаг. Лейио был уже впереди меня. Я вскочил иа крыльцо.

Слева приближались курсанты второй роты.

Антикайнеи быстро шел, отдавая приказаиия:

— Немедленно вперед, вправо! Необходимо перехватить штабистов!

На дверях было написаио: «Штаб». У крыльца в нетерпеиии рыл снег копытом породистый белый жеребец.

Выстрелы прекратились.

— Мы взяли деревню, — сказал мие спокойио, как иа вечерией поверке, комаидир. — Матти, где твой шлем?

И только после этого вопроса я внезапио почувствовал холодок иа голове. Проведя рукой по смерзшимся волосам, я убедился, что действительно шлема ие было.

— Лахтарская пуля, должно быть, сбила его ко всем чертям! — почему-то очень громко прокричал я и вскочил в помещение штаба белых.

Комната напоминала обычную полковую канцелярию. Начальник штаба уже рылся в бумагах, разбирая их.

Несколько папок с делами валялось на полу.

Я взглянул на часы-ходики — они шли спокойно, как будто ничего не случилось.

Полчаса, всего полчаса тому назад я отдавал приказание отделению итти за мной вниз по склону. И вдруг я вижу: командир поднимает со стола папку, а под папкой лежит портфель с чертовски знакомой монограммой. Ведь это была точно такая же монограмма, как на портфеле штабс-капитана Верховского, и портфель был вылитой копией портфеля, захваченного мною в рейде под Кронштадтом.

Я подскочил к столу, рванул к себе портфель. Он был открыт. Из него высыпались на пол записки, письма, бумаги. Я поднял конверт и прочитал: «Штабс-капитану Петру Ивановичу Верховскому. Хельсинки. . .» Штемпель — Париж.

Я поднял листовку. Она была напечатана по-русски, а в то время я говорил и понимал по-русски гораздо хуже, чем сейчас.

Она сохранилась у меня вместе с истрепанной картой до сих пор.

«Красноармейцы! Я, финский писатель Клайдо Ильинарк, обращаюсь к вам от имени Временного ухтинского правительства Карелии.

Если вы не уйдете из свободной Карелии, то готовьте себе общую братскую могилу, ибо гнев наш будет ужасен. Красноармейцы! Арестовывайте своих коммунистов и комиссаров и приходите к нам. Только в этом ваше спасение! . .»

Несмотря на усталость, несмотря на возбуждение, какое бывает в бою, несмотря на серьезность минуты, я не мог удержаться от громкого смеха.

Было в самом деле смешно: второй раз в жизни захватили портфель неуловимого офицера!

Но вид у Антикайнена был очень недовольный.

— Улизнули. Ильмаринен и несколько штабистов удрали в лес, и там же рассеялось около двух сотен лахтарей.

— Но мы победили! — вставил вошедший за начальником Лейно.

— Да, но мы могли бы разгромить, уничтожить головку, если бы успели перехватить дорогу на Барышнаволок и не нервничали так, что обыкновенный праздничный благовест показался нам тревожным набатом.

Я взглянул в окно: пленные, захваченные моим отделением и приведечные Армасом, стояли у дома штаба.

По улице наши конвоиры вели других пленных.

Антикайнен и Лейно вышли на улицу, поэтому вошедшая в комнату женщина, повидимому хозяйка, обратилась прямо ко мне:

— Господин красный командир, майор Ильмаринен очень любил гороховый суп с ветчиной. Суп уже готов, прикажете подавать?

— Подавай сюда через десять минут все, что приготовила, — ответил я и, отдавая такое неожиданное приказание, почувствовал приступ волчьего аппетита, и ноздри мои защекотал чудесный аромат крепкого горохового горячего супа со свининой.

Я мог бы сам съесть за один присест десять обедов майора Ильмаринена с обедами штабс-капитана Верховского в придачу. Но тут мое внимание привлекли какие-то странные шорохи под полом.

Я прервал свои гастрономические мечтания. Под полом шептались, и кто-то шевелился.

Я стал прислушиваться.

Трофейный маузер горел у меня в руке.

Это спрятались лахтари, не иначе, и я, приподняв крышку люка в полу, выстрелил вниз, в темноту. Оттуда в ответ послышался громкий вскрик и затем стоны, приглушенные стуком хлопнувшей крышки.

Шепот на время замолк.

Может быть, сейчас они сжигают ценнейшие документы, готовясь взорвать всех находящихся в этой комнате?.. Но тут, к моему удивлению, крышка люка чуть заметно зашевелилась и затем стала приподыматься.

Я приготовил маузер.

В валенке терся о кожу браунинг.

«Натереть ногу браунингом — это было бы даже смешно», — подумал я.

Крышка приподымалась снизу не руками, а какой-то странной деревяжкой, похожей на ножку стола.

Как только приподнялся немного люк, из-под пола женский голос стал выкликать неимовернейшую брань:

— Чтоб это было последнее утро для вас, чтоб корка хлеба стала у вас поперек горла, проклятые лахтари! Идите вниз, убейте меня, старую женщину, за мою правду! Я вас не боюсь, проклятые лахтари!

Люк был почти совсем открыт.

— Не бранись так, женщина! — крикнул я вниз. — Лахтари в Кимасе сегодня были действительно последнее утро! Сейчас здесь красные.

Крышка сразу захлопнулась, и шепот под полом перешел в громкий разговор, выкрики:

— Не стреляйте в нас, мы красные!

— Мы были взяты в плен лахтарями!

— Ладно! — крикнул я. — Сколько вас?

— Тринадцать...

— Вылезайте по очереди! Но если солгали, ни один не уйдет живым.

Крышка снова заколыхалась и приподнялась.

Я с силой отшвырнул ее в сторону.

Первым вылез пожилой человек. Вместо левой ноги у него была деревяжка, та самая, которой он приподнял крышку люка и которая показалась мне полминуты назад ножкой стола.

Этого человека мы всем отрядом прозвали Пуялко, что в переводе на русский язык означает «деревянная нога».

Несмотря на то, что у него не хватало одной ноги, Пуялко был еще крепким мужчиной и замечательным шутником; его прибаутки смешили и забавляли весь батальон.

И даже в ту минуту, когда он вылез из люка, он не мог удержаться от прибауток.

— Из того, что я потерял ногу на постройке Мурманки в 1916 году от оброненного рельса, из этого еще не следует, что я должен погибнуть от руки своих же товарищей в самом начале 1922 года! — недовольно ворчал он.

Затем из люка вышла совсем седая старуха. Ей было не меньше шестидесяти лет, и уцелела она, если судить по ее речи, со времен Калевалы. Ленрот мог бы записать много интересных песен с ее голоса.

Ее проклятия из люка я во всяком случае записал.

Она была приговорена лахтарями к расстрелу, как и все другие пленные. Казнь должна была состояться на рассвете следующего дня. Вина старухи заключалась в том, что она спрятала у себя тяжело раненного красноармейца из погранохраны. Она почти выходила его, когда местный кулак донес на нее, и ее вместе с выздоравливающим красноармейцем бросили в этот темный и холодный погреб.

Пограничник здесь заболел и находился при смерти.

— Впрочем, все мы здесь были при смерти, — сказал третий, вылезая из люка. — А Исотала вечером спустился к нам и сказал: «После праздника все до одного будете списаны в расход, а то еще нянчиться с вами! Лишние рты, да и часовых для вас надо».

Как мне описать их радость при виде сияния солнечного зимнего утра?

Комната штаба была уже полна курсантами.

Последним вылез досмерти перепуганный часовой, которому было поручено сторожить пленных...

Услышав выстрелы, он так перепугался, что пробрался в подвал к арестованным и спрятался среди них.

Это был мобилизованный местный крестьянин.

— Вот твой шлем, Матти, — сказал Яскелайнен. — Я подобрал его на льду озера. Лахтари устроили в нем вентиляцию. Антикайнен требует тебя к себе.

Я вышел.

На крыльце начальник отдавал очередные приказания. Через два-три часа мы должны будем покинуть деревню.

— Вблизи есть большие отряды лахтарей, — сказал он мне, — но мы здесь уничтожим все их боевые припасы, центральную базу питания их фронта. Мы захватили четырнадцать подвод с лошадьми. Все, что можно погрузить на эти подводы, мы должны погрузить, остальное должно быть уничтожено дотла. Поручаю это дело тебе, Матти, с твоим взводом.

Мы пошли по деревне. Почти все склады находились в сараях, выстроенных наново, и в старых, вокруг здания штаба. Под штаб было занято лучшее здание деревни — школа.

Я не буду долго описывать захваченные нами трофеи. На складах было: больше полумиллиона отличных боевых патронов; триста смазанных винтовок (кроме отнятых у пленных); несколько тяжелых пулеметов и автоматов; несколько полевых аптек с амбулаторными принадлежностями; тысяча снарядов калибра пушки Маклена. Большой сарай был завален обмундированием, валенками, полушубками, теплым бельем, меховыми шапками.

Огромные помещения были заполнены салом, мешками с крупой, солониной, консервами, ящиками с коньяком.

Кроме больших мешков с крупчаткой, были еще маленькие мешочки-пудовички, и к каждому такому пудовичку привязана деревянная дощечка, на которой обозначено полностью имя дарителя, благодетельствующего армию «восставшего карельского народа».

— Много еды, — радостно сказал Армас.

— Не так много в сравнении с обещанными лахтарями семью миллионами килограммов, — процедил Лейно.

Наши ребята укладывали все, что было возможно уложить, на трофейный захваченный обоз.

Мешки за плечами с припасами и патронами снова потяжелели, и вид у всех стал веселее.

То, что нельзя было захватить с собой, мы обливали керосином, заваливали сухой соломой и поджигали.

Склады артиллерийских запасов можно было взорвать только при самом отходе, так же как и штаб.

Очень жалко было сжигать все это добро, но иначе нельзя было поступить. Нечего было и думать, что мы, усталые, можем удержать деревню, не подготовленную к осаде, до прихода наших отрядов.

Кроме того, у нас был прямой приказ уничтожать тыловые базы неприятеля.

Все захваченные патроны были обернуты в синюю плотную бумагу, и на каждой обертке стояла (это я тоже могу подтвердить документально, я захватил одну из них с собой) совершенно отчетливо марка финской патронной фабрики в Рихимяки.

Пожар начался.

Легкие языки пламени заструились, как бы догоняя друг друга. Времени наблюдать это зрелище у нас не было.

Я вернулся в здание штаба. Папки были сложены одна на другую, бумаги складывались стопками и окружались сухой соломой.

Начштаба сидел за пустым столом в переполненном помещении и спокойно, как будто не было ни бессонных суток, ни отчаянного боя, выводил в дневнике отряда:

«Захвачено 42 пленных. Освобождено — 13. Белых убито 5 человек, из них двое — финские офицеры, что установлено по документам, найденным у них. У нас два товарища легко ранены. Запасов захвачено. . .»

Тут он обратился ко мне, и цифры, сообщенные мною, также были вписаны в дневник отряда.

Дальше Илки продолжал: «Штаб неприятеля уничтожен. База белых уничтожена. К сожалению, сам майор Ильмаринен с другими руководителями бандит-

ского восстаиия избежали достойиой кары, уйдя иа лыжах в лес».

Ои прервал свою запись.

— А жеребца ильмарииеиского мы все-таки захватили, Матти!

— И с какой это стати фииский офицерик, поручик Таккииеи, присвоил прославлеииое имя чудесиого кузиеца Ильмарииеиа из Калевалы? — спросил громко Лейио, подиося ложку ко рту.

— Ко всем их обмаиам прибавился еще одии. Думал, иаверио, хоть этим к иароду подольститься. Ведь вот кулак ухтииский, глава их районного правительства, тот себя даже Вейнемейиеном окрестил! — отозвался кто-то.

— Нет, Ильмарииеи-кузиец, — продолжал Лейио, — мельиицу-самомолку для иарода выковал. А этот лахтарь за буржуев старается. Попадись ои мие, я покажу ему, как порочить честную профессию кузиеца.

Ребята ели из большого котла гороховый суп, самый ароматиый из всех, какие я только хлебал. Суп, приготовлеииый для Ильмарииеиа и его штабистов!

Здесь же смешил ребят прибаутками, пристукивая своей деревяжкой, иеутомимый Пуялко:

— Ильмарииеи меия спрашивает: «Ага, и ты, калека, прибыл?» — «Прибыл, коль привели», — отвечаю я ему.

Я сиял валеиок, вытащил зацепившийся за штаииу брауииг, деревяииую ложку и прииялся вместе со всеми есть суп.

Сторожиха школы, та самая, что приготовила эту гороховую похлебку, стоя около котла, бубиила:

— Комаидир их отряда еще вчера вечером показал мие пузырек и сказал: «Здесь у меия смертельиый яд. Я в плеи к красиым попасть ие могу. В случае чего — глоток... Но, говорит, за двести верст отсюда ии одиого красиого иет». И вдруг...

— Нас здесь, милая, пятьсот человек, мы уходим дальше, а за иами идут иесколько тысяч таких же, — как бы иечаяино процедил сквозь зубы Лейио.

— И все такие небритые? — смеясь, переспросила женщииа.

— Нет, они сами любого отбреют!

В эту секунду в сенях раздался громкий смех успевшего уже пообедать Армаса. Дверь распахнулась, и в комнату, сопровождаемые Армасом, вошли два лахтаря. Лица их посинели от холода, зубы отбивали барабанную дробь.

— Представьте себе, ребята, — грохотал Армас, — захотелось мне в уборную. Сунулся я в заднюю скворешню — заперта! Думаю, переждать надо. Через десять мниут опять дернул — заперта. Ах, так? Я как рванул дверь с петель, а там, смотрю, эта пара милейшая заседает. Отсидеться думали. Нет, голубчики, номер не прошел!

Товарищ Илкн перечеркнул в своем дневнике цифру «42» и написал «44».

— Мы доставим трофеи, пленных и освобожденных в наши части, они должны быть сейчас где-нибудь между Конец-островом и Реболами, — сказал Антикайнен н отдал приказание об отходе.

Склады и штаб уже превратилнсь в пылающне факелы. Языкн пламенн игралн на бревенчатых стенах, бегали, как детвора, играющая в горелки.

Отряд начал строиться.

Головные уже вышли.

Стронли пленных по четыре человека.

Пуялко суетился больше других. Он подскочил к Антикайнену:

— Товарищ начальник, что прикажешь мне делать? Для моей деревяжки ни одна лыжина еще не приспособлена, а летать я не умею. Снова, что ли, мне в подвал садиться да лахтарей поджидать?

— Не тарахти, Пуялко, — сурово ответил командир. — Седлай себе нльмариненского жеребца и кати на нем на здоровье.

Одноногий Пуялко верхом на белом жеребце, гораздо более белом, чем наши уже загрязнившиеся балахоны, сам напомннал какую-то веселую прибаутку.

Вышли обоз, пленные н наши, освобожденные из плена. С ними — взвод курсантов.

Батальон же должен был выйти в четыре часа.

— Давай закурим, Ильмаринен! — шутя кричит Антикайнен, обращаясь к Пуялко.

Старуха шла со всеми вместе, она даже обиделась, когда ей предложили место в санях.

— Слава богу, не раненая я еще! Чтоб своим в тягость быть!

За освобожденными шло четырнадцать груженых подвод, за подводами — несколько курсантов.

Приказ отдан. Мы выходим.

Но как только мы вышли, началась метель.

— Отлично, отлично! — говорил Антикайнен, растирая свои отмороженные щеки. — Во-первых, раздует пожар, во-вторых, заметет наши следы. Вперед!

Шли мы в начинающем бушевать буране несравненно медленнее, чем когда бы то ни было раньше.

Нас качала усталость, смыкались веки. Встречный ветер мелкими, острыми, частыми снежинками швырялся в лицо.

Может, и хорошо: иначе мы заснули бы.

С вершины склона я оглянулся: сквозь метель видно было яркое пламя горевших складов.

Я посмотрел на часы: около двенадцати.

Не прошло еще четырех часов, как я отдал приказ своему отделению вступить в бой.

Я шел в арьергарде. Мы снова вошли в лес, и здесь один человек догнал наш отряд. Он тоже бежал на лыжах и вспотел.

— Разрешите мне уйти с вами, — сказал он, тяжело дыша. — Меня выбрали по настоянию Ильмаринена в Карельское учредительное собрание, но я теперь окончательно знаю, что не пойду с лахтарями. Они пугали нас, что красные пришли сюда, чтобы растерзать карелов, а вы самые настоящие финны из всех, которых я видел.

— Ну и каша у тебя в голове. Иди к командиру!

Я дал ему в провожатые Лейно.

Мы продвигались с быстротой не больше пяти километров в час; против метели быстрее итти, пожалуй, никак не могли.

Пробираясь через чащу, мы услышали гул отдаленного грохота, повторенный троекратно. Это взрывались артиллерийские припасы.

Пройдя километров пятнадцать, мы совершенно выбились из сил, и, несмотря на то, что продвигались против бури медленно, пот снова стал пробираться через одежду, чтобы затем оледенеть на ветру.

Ветер усилился. На остановке многие из курсантов засыпали, стоя на лыжах, упершись грудью в палки. Другие стали строить ракатулет.

Пуялко суетился около своего коня, ухаживая за ним, как редкая нянька ухаживает за своим питомцем.

Сумерки пришли рано.

Буран наметал высокие сугробы около саней.

Ракатулет на этот раз устраивать было труднее, чем когда-либо. Но все же, прежде чем наступил вечер, весь отряд, заносимый снежным потоком, спал, поочередно подставляя огню ракатулета спины, бока и груди.

Мне кажется, даже бурану трудно было заглушить свист дыхания утомленного отряда.

Труднее всего, конечно, было сторожевым.

Сменялись часовые каждый час, потому что никто не мог поручиться, что простоит больше и не заснет.

Это был наш самый большой привал за весь поход, и никто из нас в тот вечер и в ту ночь не подозревал, какой опасности мы подвергались.

Часа через три-четыре после того, как мы оставили Кимас-озеро, вернулись, привлеченные заревом пожара и грохотом взрывов, недавно вышедшие на фронт две роты лахтарей — до четырехсот человек лыжников. Это были свежие, еще не утомленные солдаты, и они отлично знали, что наш отряд не успел далеко уйти и даже самый сильный ветер не успел еще замести снегом следы нашего отряда, который шел с громоздким обозом. Почему-то они не пошли за нами (тогда бы бо̀льшая часть ребят, наверно, была перебита), но, увидев горящий штаб и склады и не найдя даже следов Ильмаринена, поспешно отошли к финской границе.

В этот день части Красной Армии продолжали наступление. 56-я стрелковая бригада с боями вышла к

государственной границе на южном участке фронта и закрыла ее. На центральном участке фронта наши части, продвигаясь на Ухту, дошли до берегов реки Чирка-Кемь. А части северной колонны подходили к Кокосальме, вблизи которой наш отряд и встретился с ними.

Разумеется, все это мы узнали гораздо позже. А в ту ночь отдыхали, забыв обо всем, и последнее, что я помню в тот день, — это густой пар — дыхание обозной лошади, подымающееся к вершинам сосен, и шипение тающего снега.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Товарищ Антикайнен придумал отличную штуку. Из Конец-острова в Кимас-озеро никогда не было проезжей дороги. Итти по снегу без лыж было исключительно трудно.

А между тем южная колонна, на соединение с которой мы сейчас шли, была укомплектована из стрелковых частей, не умевших в большинстве ходить на лыжах.

И вот Антикайнен, выбирая для нашего пути в лесу наиболее широкие просветы, а по полю ведя нас напрямик, расставил пленных в шеренги по четыре человека в затылок впереди, за ними прямо в затылок шел отряд, за отрядом — освобожденные, обоз, арьергард, и так мы прошли весь путь.

Так наш отряд, пробираясь сквозь снега, проложил дорогу.

Благодаря нам южная колонна сумела быстро продвинуться вперед, не ощущая таких трудностей, которые испытала северная, наступавшая около Ухты.

Мы шли медленнее, чем раньше, но все же в срок, немногим больший, чем сутки, проложили эту дорогу длиной в пятьдесят километров. Это была новая победа.

К Конец-острову мы подошли вечером 21 января. Там уже были наши части, восторженно встретившие нас.

Пленные и трофеи были прияты от нас. Оттуда мы послали эстафетные депеши — в штаб Карельского района. Намечавшийся дальше рейд командование отменило. Мы впредь должны были продвигаться как передовая часть южной колонны.

В деревне мы получили полуторасуточный отдых и затем впереди южной колонны двинулись снова на север и во второй раз заняли Кимас-озеро уже 24-го числа.

Да, я чуть не забыл рассказать: когда мы вернулись в Кимас-озеро, куда Пуялко, уже приспособившийся к седлу, въезжал, едва ли не воображая себя фельдмаршалом, нас встречал среди других и тот догадливый старик, который обижался, что мы скрыли от него, что мы красные. Увидав среди пленных рыжебородого фельдфебеля, захваченного моим отделением, он схватился обеими руками за голову.

— Да что же вы делаете? Да разве можно было эту гадину в плен брать? — Он возмущался и, когда узнал, что в плен фельдфебеля взял я, подошел ко мне и сказал: — Ведь он один из самых заядлых лахтарей. Он еще летом несколько раз переходил сюда через границу, распускал злостные слухи, оружие нашим кулакам приносил. Такого в плен брать — перед богом ответ держать!

Разумеется, показания старика мы приняли к сведению.

Итак, 24 января мы снова вошли в Кимас-озеро.

Склады уже все сгорели. Большую половину жителей против их воли лахтари угнали в Финляндию. Кроме нескольких успевших спрятаться крестьян, в деревне остались одни только немощные старики и старухи да совсем малые дети.

Они остались без всякого продовольствия и, если бы не помощь наших красноармейцев, перемерли бы все от голода и холода, потому что у них не хватило бы сил даже для того, чтобы наколоть себе дров.

Скот, который нельзя было быстро гнать, — овцы, коровы, — зарезанный лежал на дворах, на улицах. Мы

сначала даже ие решились пустить в пищу это мясо. Боялись, что лахтари его отравили.

Но Армас отважился и, зажарив большой кусок мяса, с таким удовольствием уплетал его за обе щеки, что сомиеиия у всех рассеялись.

Рамы были во всех домах вышиблеиы, окиа разбиты. И в избах было так же холодио, как и на улицах.

Мы забрались иа широкую русскую печь. Покрывшись полушубками, обогревая друг друга, мы провели иа ней иочь.

В соседней избе точио таким же порядком на печь взгромоздилось оставшееся населеиие села — несколько старух и стариков.

Мы выполиили задаиие прекрасио.

И если бы ие усталость, если бы ие иарывы, я, пожалуй, снова пожелал бы пережить дии иашего немыслимого похода.

Для того чтобы дальше наступать, иадо было обеспечить фланги, а с правого флаига иаходилась у иас километрах в двадцати пяти деревня Барыш-иаволок, и там, по сведеииям, получеииым от иаселеиия, были лахтари.

В Кимас-озере эти сведеиия дал нам крестьяиин, мобилизованый раньше белыми в обоз. По его собствеииому призианию, ои сначала к белым и красиым отиосился одинаково, ио, будучи мобилизоваиным иа гужевую работу, сам ие только ничего ие получал, ио даже из своих средств должеи был выкраивать последние гроши, чтобы покупать втридорога фураж для лошади.

С тех пор ои возиеиавидел лахтарей.

Двадцать седьмого января в шесть часов утра мы получили приказ выбить лахтарей из Барыш-наволока и сразу же выступили. Мой взвод был головным.

Шли мы очеиь быстро, километров семь-восемь в час. Часов в десять утра мы увидели иа пути малеиькое селеиие, иу, избы три-четыре (на десятиверстке оно даже ие обозиачеио). Входим в избу.

— Белые есть?

— Нет.
— А вблизи?
— Тоже нет.

Идем дальше. И вдруг из оврага, у самой опушки, слышим вспышки разрозненных выстрелов. Я кричу:

— Вторая рота, заходи слева! Третья рота, заходи справа! Первая, за мною вперед!

Я кричу по-фински, лахтари все понимают — их было не больше двадцати. Они и задали стрекача, а со мною ведь был всего один взвод... К часу дня подошел наш отряд к Нуокиярви, на берегу которого расположен Барыш-наволок.

Этот пункт был подготовлен к нападению и к осаде.

Укрепления были сложены из бревен и скрыты землей и снегом. Настоящие окопы с брустверами.

Неожиданный набег тоже невозможен, потому что утлые домики были расположены на полуострове, соединенном с материком узким укрепленным перешейком.

Атаковать можно было, лишь пройдя по открытому озеру около километра.

Антикайнен снова разбил батальон на два отряда, которые должны были атаковать деревню с разных сторон: вторая рота — по перешейку, с запада, первая — со стороны озера, с юго-востока.

Первая рота заняла исходное положение. Итти в бой при полном свете было нам невыгодно: всех могли перестрелять на озере, как куропаток. Поэтому надо было дожидаться, пока стемнеет, а в это время года ночь не заставляет себя ждать.

Однако белые, очевидно, разнюхали, что мы уже здесь, и засуетились. Надо было начинать возможно скорей и бить одновременным ударом.

Вторая рота не знала о внезапном изменении плана, и нужно было ее срочно известить о том, что удар решено нанести через полчаса.

Товарищ Ярне, замечательный лыжник, получил от товарища Антикайнена распоряжение передать новое решение командиру второй роты.

Времени обходить по холмам, заросшим густым смешанным лесом, не было, поэтому Ярне пошел напрямик, через озеро.

С неприятельских позиций его сейчас же заметили, и началась стрельба. Антикайнен кусал себе губы.

— Неужели пропадет парень? — вслух спросил Лейно.

С неприятельского бруствера стал строчить пулемет. И вдруг все затихло. Армас снял шапку.

— Брось хоронить раньше срока, — даже обозлился командир.

Вдруг новый бешеный взрыв выстрелов.

— Жив, значит, — сказал Лейно.

И снова тишина. Неожиданная и тяжелая... Снова заработал пулемет. И снова замолк.

Время шло медленнее, чем когда-либо. Антикайнен взглянул на часы.

— Через две минуты начинаем, — сказал он. — Ты, Матти, со своим взводом останешься со мной в резерве.

И он махнул рукой.

— Пойдем! — спокойно, как будто собираясь на товарищескую вечеринку, сказал Хейконен. И он обратился к Лейно: — Идем со мной, я пошлю потом тебя с сообщением, как пойдут дела.

С правого и левого флангов нашей роты застрочили пулеметы, и отряд соскользнул с горы на Барышнаволок. И сразу, как только застрочил пулемет, откликнулись и вступили в работу два пулемета второй роты и один — патруля, стерегущего дорогу. Значит, Ярне добрался и передал распоряжение во-время!

Мне теперь очень хотелось быть в первом ряду. Я понял, что и Антикайнену было как-то не по себе. Однако он был командиром и должен сохранять полное спокойствие, чтобы правильно оценивать положение. Но, повторяю, это было нелегкое испытание — слышать стрекотание пулеметов, залпы и разрозненные выстрелы, крики, казавшиеся то отдаленными, то снова очень близкими.

Антикайнен то и дело поглядывал на часы. Он вышел из прикрытия на откос.

— Матти, они дерутся уже в самых окопах!

Вдруг пуля, зазвенев, как слабо натянутая струна, окончила свой путь, вонзившись в мякоть сосны.

— Товарищ командир, вы совсем открыты, — сказал Армас.

Мы снова отошли за стволы. И снова выстрелы, и снова крики «ура». Было уже темно. Никаких донесений ни от первой роты, ни от второй мы не получали. Но было очевидно, что идет очень горячий бой.

— Если через десять минут мы не получим донесения, я бросаю резерв в бой, — сказал Антикайнен.

— Слушаю, товарищ командир!

Выстрелы то, казалось, становились все реже и реже, то снова вспыхивали залпами.

Бой продолжался уже около часа, а мы совсем забыли, что, стоя на одном месте, можем замерзнуть.

За три минуты до назначенного Антикайненом срока, когда шум стрельбы почти затих, мы увидали, что к нам идет человек; он прошел озеро и стал подыматься. Он шел, как пьяный, шатаясь и останавливаясь.

— Вперед! — скомандовал Антикайнен.

И мы покатились вниз, навстречу идущему.

— Товарищ начальник, товарищ Илконен приказал доложить, что Барыш-наволок захвачен доблестным батальоном Интернациональной школы, — сказал он, казалось, через силу.

Трудно было узнать в рапортующем всегда подтянутого Ярне.

— А где же Лейно? — спросил я.

— Лейно ранен в бою.

— Ты передал распоряжение во-время?

— Приказание было исполнено, товарищ начальник.

Мы были уже близко от деревни. Ярне продолжал рассказывать:

— Как только я вышел на открытое место, началась стрельба. Возвращаться было поздно, да и времени не хватало, опоздал бы с донесением. Ну, я сначала с размаху — на снег и начал пробиваться вперед ползком, а пули свистели, как пчелы около улья. Дырок в балахоне наделали, наверно, немало. Зарылся в

снег и, поверишь ли, метров около пятидесяти канавку себе проделал и прямо под снегом пополз. Стал мокрый насквозь и думаю все время: успеть бы передать приказ, успеть бы, не сорвать бы удара! Выполз весь мокрый, ноги подкашиваются, сердце — как колокол. Изо всех сил наддаю, подбегаю к комроты 2, рапортую: «Начальник приказал начинать наступление в 15.40 по первым пулеметным выстрелам». Посмотрел комроты 2 на часы и командует: «Выступление, боевой порядок!» А тут и пулемет застрекотал. Вторая рота пошла на штурм. Забили наши пулеметы. Я попросил у комроты 2 разрешения пойти в атаку, потому что знал: если я хоть десять минут без движения проведу на таком морозе — крышка! Ну, бой был как бой. Захватили деревню, и меня послали опять с донесением к начальнику...

Мы уже входили в деревню. Илконен подошел к начальнику и доложил:

— Деревня взята. Белые отступили в Письмалакшу, бросив в поле винтовки, патроны и пять человек убитыми. Раненых они взяли с собой. Следует отметить особо: первыми стали удирать их командиры-финны, увидев, что с фланга по перешейку ударила вторая рота. У нас, — здесь лицо Илконена помрачнело, — трое убитых и семь раненых.

Я быстро подошел к дому, куда уже успели положить наших раненых. Большинство были ранены легко.

На кладбище, около самой церкви, несколько курсантов рыли в мерзлой земле братскую могилу.

Я нашел Лейно лежащим на деревянном полу холодного дома.

Со мной был Армас. Мы присели около раненого.

— Матти и Армас! — говорил он тихим, едва слышным голосом. — Вы были всегда моими самыми лучшими товарищами, и я знаю, что и сейчас вы очень будете жалеть о моей гибели. Да, мне, черт дери, очень не хочется умирать, я бы с удовольствием побро-

дил еще по свету, подрался с этими лахтарями иа сиегах Суоми.

Через несколько секунд Лейно умер.

— Прощай, Лейио, — с трудом сдерживая слезы, сказал я.

— Прощай, Лейно, — тихо повторил Армас и сжал кулаки. — Мы за тебя, обещаю, ие один десяток лахтарей спровадим к богородице. — И ои вскочил и сразу выбежал в сени.

Товарищ Илки заносил в диевиик имя четвертого погибшего в этот печальный для иас деиь.

Я вышел в сеии. Лицом к бревенчатой стене, упершись в нее локтями, стоял Армас. Ои рыдал.

У меня сжало горло... Я выбежал на улицу. Высыпали звезды. Месяц зацепился за крест колокольни. Лопаты скребли мерзлую землю.

Сколько проклятых белых лахтарей ходит живыми по этой мерзлой земле, а мой лучший друг Лейио...

Эту иочь я не спал. Я перебирал в памяти все иаши встречи с Лейио.

В другом коице избы так же безмолвио томился Армас.

...Утром мы хороиили друзей. Мы стояли строем у могилы, позади толпились местные крестьяне, и, стоя иа бугре свежевырытой и уже замерзающей земли, сказал свою речь неутомимый организатор финского комсомола, рабочий-строитель, пламеиный большевик товарищ Антикайиеи.

— Вместе с павшими товарищами, вместе с оставляемыми здесь навсегда товарищами мы дрались в рядах иашей Красной гвардии с проклятыми лахтарями; вместе с нашими товарищами мы били лахтарей в Карелии, и во всех боях за дело революции, что предстоят нам, их имена будут в иаших сердцах, их подвиги — нам примером.

Я знаю, что и сотой доли того огия, с которым говорил он, иет в этих моих слабых словах.

— Я не могу больше говорить спокойно и призываю вас всех, товарищи, помнить о иашей клятве: ии один комсомолец, ни один коммуиист, ни одии красиоармеец не забудет иикогда своего долга перед революцией.

И мы пошли в Кимас-озеро.

Дальше я не принимал участия в действиях отряда. Пусть о взятии Кангалахти, пусть о дальнейшей работе отряда, о стойкости Армаса, о героической смерти замученного лахтарями Яскелайнена расскажут сами участники.

Они подтвердят, что приказ революции мы выполнили.

Рана, проклятая рана лишила меня возможности итти вместе с отрядом дальше, и я уже вскоре лежал в лазарете Интернациональной школы.

ГЛАВА ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ

В последней главе товарищ Матти просит других товарищей досказать о походе нашего лыжного батальона.

Я откликаюсь на его просьбу и расскажу про один эпизод, который случился через неделю после ухода Матти.

Сегодня выходной день, и для этого письма я урвал три часа от моей работы по лесозаготовкам, на которые мы, выполняя решение партии и советской власти, сейчас нажимаем изо всех сил. Мы тут разбились на бригады и теперь по валке и вывозке древесины побиваем на нашем участке все мировые рекорды.

Но я возвращаюсь к сути дела.

Меня зовут Армас, я и есть тот самый Армас, который научился ходить на лыжах во время этого неповторимого лыжного рейда.

Дело было так.

Темная январская ночь. Все звезды высыпали на небо, заняли свои места согласно астрономической инструкции и ярко блестели на черном холодном небе.

Мы вышли из леса, который, не прерываясь, преследовал нас уже пятьдесят километров, и легко вздохнули, нащупав на поле дорожку.

Дорожка вела, очевидно, к деревне, которая нанесена была на карту, в десяти километрах от места нашего выхода из леса.

Было отчаянно тихо.

Слышны были скрип лыж и наше дыхание.

Мороз стоял не меньше чем тридцать пять градусов.

Я был командиром отделения в разведке, и вот в темноте ночи я разглядел шесть черных точек, шесть фигурок на лыжах.

Мы осторожно подобрались поближе, и только на расстоянии полукилометра они заметили нас.

Мы отлично видели, что у них были винтовки.

Наших сил здесь не было и быть не могло. Мы были первые бойцы Красной Армии в 1922 году в этих краях. Стало быть, это лахтари.

— Мы стрелять не можем: если вблизи у них крупные силы, они насторожатся. Захватим их в плен живьем. Их шесть, и нас шесть. Но мы коммунисты, у нас инициатива и опыт.

Говорю это я своим ребятам, а сам примеряю, правильно ли закреплен ремень.

— Вспомните о товарище Яскелайнене, — говорю, — и вперед!

И мы рванулись вперед.

Видим — неприятельский дозор повернул и дает ходу обратно.

Ну, думаю, раз они не стреляют, тревоги не подымают — значит никаких лахтарских сил в деревне нет, значит тем более мы обязаны их живьем доставить к товарищу Антикайнену.

И командую:

— Вперед!

Мы идем полным карьером, и я уже начинаю терять дыхание, но расстояние между нами и лахтарями почти не сокращается, потому что они здорово бегают на лыжах.

Я вспоминаю дорогого Лейно и смерть Яскелайнена, начинаю волноваться, шире расставляю ноги и сильнее отталкиваюсь палками, заставляю себя дышать ровнее и бегу вперед.

Товарищ Яскелайнен был в разведке и попался лахтарям в плен. Мы нашли его на снегу с выколотыми глазами, с отрезанным языком... Голубые глаза

Яскелайнена завораживали девушек. Острое словцо Яскелайнена веселило товарищей. И вот он лежал без шлема у наших ног, без дыхания, наш дорогой товарищ, красногвардеец, токарь Яскелайнен...

И я бегу вперед, сгибаясь в три погибели, отталкиваясь двумя верными палками, скользя по уже проложенному первым товарищем следу.

Мы с размаху входим в следы лахтарей и уже бежим по этим следам, и тишину морозной ночи нарушают мерное шуршание уминаемого лыжами снега, наше прерывистое дыхание.

Вот уже видна деревня, куда бегут от нас лахтари. Она темнеет у горизонта, как низкорослый лесок. И мы все-таки приближаемся к лахтарям.

Расстояние между нами сокращается.

Вся одежда делается липкой; пот тяжелыми каплями скатывается со лба, слепит глаза.

«Мы по этому следу пойдем обратно к отряду, захватив пленных», — мелькает у меня мысль, и я на ходу освобождаю руки из рукавов овчинного полушубка, рву пуговицы, и вместе с балахоном он падает на снег. А мы мчимся дальше...

Враги все чаще оглядываются на нас. Теряют темп, теряют дыхание...

Мы их явно настигаем...

До деревни осталось метров двести, до лахтарей — метров сто.

Они продолжают уходить, и вот уже мы пролетели околицу.

Мы уже влетаем, разбрасывая палками снег, на главную улицу деревни, а лахтари продолжают удирать, правда, замедляя бег.

Между нами уже расстояние в пятьдесят метров.

— Бери их! — кричу я и вдруг вижу — у стены ближайшего дома стоит дюжина пар лыж.

Лыжи прислонены к стене, а рядом торчат воткнутые в снег палки. Значит, в избе спит несколько лахтарей. Смотрю налево — там у избы тоже стоят лыжи...

Я смотрю вперед и в темноте различаю лыжи у стен.

«Да здесь не меньше сотни лахтарей!»

Быстро соображая, я вижу, что неприятельский дозор заманил нас в западню. Мы попали в капкан.

Я смотрю вперед и вижу, что обогнавший меня товарищ тоже сообразил, в чем дело, и замедляет ход. Остальные товарищи еще не понимают, что мы в западне. И тогда я командую рывком:

— Хватайте гранаты!

У каждого из нас по четыре гранаты у пояса.

— Швыряй гранаты в окна!

И мы летим на лыжах по дороге, как гроза, и каждый бросает гранату в окно, в избу.

И звенят, рассекая морозную тишину январской ночи, разбиваемые стекла. И слышатся короткие вспышки рвущихся в избах гранат. И разбуженные взрывами, ничего не понимающие, перепуганные досмерти, ругаясь и проклиная все на свете, выскакивают в дикой панике из изб лахтари. Полуодетые, забывая на месте винтовки, не успевая схватить лыжи, они в беспорядке бегут из деревни. За околицу, по низам, по задам, за бани.

У меня истрачена последняя граната, я прислоняю свое лицо к раме разбитого окна и вижу невообразимую сумятицу в избе.

И вдруг в деревне возникает беспорядочная стрельба.

Я вскидываю винтовку и стреляю через окно в избу.

Затем вижу егеря в полной форме. Он кричит на бегущих в панике лахтарей, он пытается остановить их:

— Карельские свиньи, трусы!

Я спокойно беру его на мушку — и нет егеря.

Стрельба затихает. Неужели я еще жив? Неужели я даже не ранен?

И снова становится отчаянно тихо, и слышен далекий скрип чьих-то лыж. И слышен еще около опушки взволнованный голос финского офицера.

Он пытается собрать свои силы!

Его голос дребезжит в тишине ночи:

— Скоты! Их всего несколько человек. Приказываю остановиться!

Вдруг я слышу крик Аалто:

— Первая рота остается в деревне! Вторая рота через пять минут выступает! Третьей оставаться в боевой готовности!

Сердце мое бьет в грудь, как колокол.

Молодец Аалто! Он всегда найдет, что сказать. Каждая наша рота равна двум курсантам.

Я бегу вперед и на всем бегу натыкаюсь на что-то мягкое.

Я валюсь в снег. Одна нога вылетает из валенка.

Лыжа моя сломана. Но я не унываю. Неприятель потерпел поражение, и на выбор у нас несколько сот пар отличнейших финских лыж.

Споткнулся я о тушу зарезанного барана.

Только теперь я замечаю своих ребят. Они шатаются от усталости.

Одного нет.

Я вижу, что вдоль по деревенской улице валяются туши зарезанного скота — бараны, овцы, коровы.

— Где Кале? — спрашиваю я.

— Убит, — отвечает Аалто, — навылет. — И затем громко кричит: — Командиры взводов и отделений, ко мне!

Скоро придут наши, только бы продержаться два часа.

Где-то совсем уже далеко слышна резкая команда офицера.

Ему, кажется, удалось собрать какую-то часть своих мясников.

— Я думаю, что сейчас они сюда обратно не сунутся.

— Хорошо бы так, — отвечаю я Аалто.

И мы все занимаем места, где нас не видно, но мы видим всю улицу. Тут я вспоминаю, что на мне нет шлема и полушубка, и мне делается холодно.

Волосы на голове уже смерзлись.

Я вхожу в избу.

Пол раскорежен взрывом.

Здесь полушубков хватит. И ружей тоже.

Патроны в синих бумажных обертках фабрики Рихимяки...

Все в порядке.

Я надеваю полушубок, шапку и выхожу на мороз.

Через три часа пришел наш батальон. И мы заснули крепким сном.

Утром мы получили выговор за то, что, будучи в разведке, вступили в бой с неприятелем, и благодарность за то, что, имея в своем составе шесть человек, выбили из села часть противника приблизительно в триста штыков.

Я говорю «приблизительно», потому что лыж было около четырехсот пар, а из местного населения никого не удалось опросить. Все оно было угнано в Финляндию три дня назад. В деревне осталось несколько больных женщин да стариков. Скот, который нельзя было угнать, лахтари зарезали и разбросали на улице.

Они открыли крышки картофельных ям, чтобы поморозить весь картофель.

Да, чуть не забыл сказать, что в деревне оставлено было пятеро маленьких ребят. Я кормил их сахаром из своего пайка и добыл для них полушубки. Мне их поручили до прихода главных частей с обозами. Лишь сдав их в обоз, я пошел догонять свою часть.

Так я превратился на время в няньку (чему бы я никогда не поверил, если бы мне кто-нибудь рассказал раньше), как бедный Лейно за несколько дней до этого был повивальной бабкой.

Про нравы и обычаи этих ребят я мог бы рассказать много интересных подробностей. Они теперь, наверное, комсомольцы.

Но меня торопят лесные дела.

Будьте уверены — план лесозаготовок в моем районе будет перевыполнен.

С товарищеским приветом А р м а с.

Ленинград, 1932

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *Б. Соловьев*

Художник *А. Короткин*

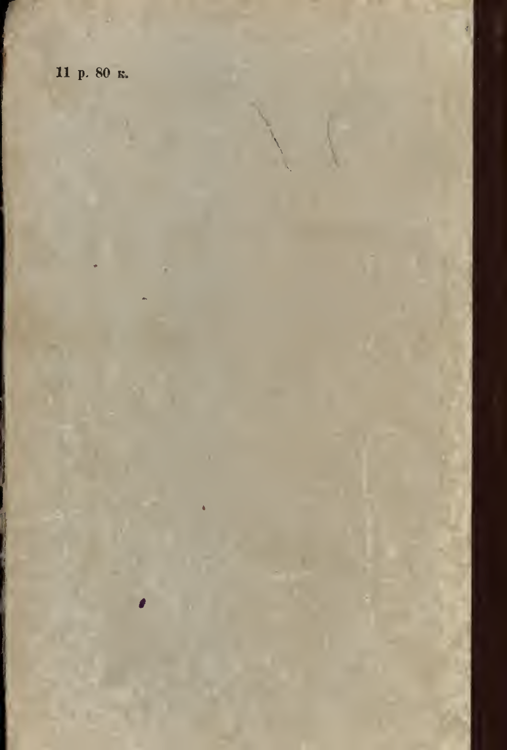
Худож. редактор *И. Царевич*

Техн. редактор *С. Брусиловская*

Корректор *Л. Фарисеева*

А01362. Подписано к печати 23/VI 1953 г. Авт. л. 33,16. Уч.-изд. л. 33,60. Формат бумаги $84 \times 108^{1}/_{32}$—11,0 бум. л.=36,08 печ. л. Тираж 75 000. Заказ № 518. Цена 11 р. 80 к. (по прейскуранту 1952 г.)

2-я типография «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома Главиздата Министерства культуры СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.



11 р. 80 к.